СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ шестой.

Экспериментальный романъ.—О Писемскомъ и Достоевскомъ.—Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ.—Палка о двухъ концахъ.—Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герои и толпа.—Научныя письма (къ вопросу о „герояхъ“ и „толпѣ“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Эл. Зауэръ.
1885.

Цѣна 2 руб.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Наглядная азбука. (Чтеніе и письмо по картинкамъ). *Ф. Павленкова*, Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. съ **800** рисунками и краткимъ наставленіемъ для учителя. 7-е изд. **Ц. 20 к.**

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ“, или *подробное* наставленіе, какъ учить по «Наглядной азбукѣ», 6-е изданіе. **Цѣна 15 к**

Родная азбука. *Ф. Павленкова.* Руководство къ обученію и самообученію грамотѣ по наглядно-звуковому способу, 3-е изданіе, 32 страницы малаго формата съ **200** рисунками въ текстѣ и наставленіемъ, какъ учить по этой азбукѣ. **Цѣна 4 к.**

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* Составлена по наглядно-звуковому способу. 6-е изд., 12 страницъ со **100 рисунками** въ текстѣ. **Цѣна 1 к.**

НАГЛЯДНО ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ:

1) къ «Родн. Слову» Ушинскаго (400 рис.). 3-е изд.
2) къ Азбукѣ Бунакова (460 рис.). 2-изд.
3) къ «Первой Учебной Книжкѣ» Паульсона (430 рис.).
4) къ «Рус. Азбукѣ» Водовозова (470 рис.).
5) **Общія Нагляд.-Звук. Прописи** (къ др. азбукамъ 553 р.).

Составилъ *Ф. Павленковъ.*

Цѣна каждой книжки 8 коп.

О способахъ обученія въ семьѣ и школѣ. Составилъ *Н. Блиновъ*, 3-е значительно допол. изданіе со многими рис. въ текстѣ. **Цѣна 40 к.**

Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ. Программа, конспекты, методическія указанія и домашнія работы въ предѣлахъ элементарнаго курса для подростковъ и взрослыхъ. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* **Цѣна 50 коп.**

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. *Ф. Гольцендорфа.* Переводъ съ нѣм. подъ ред. *Н. Анненскаго.* **Цѣна 75 к.**

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* **Цѣна 35 к.**

Земская служба. Бесѣды гласнаго крестьянина Акима Простоты. Состав *Н. Блиновъ* 180 стр. въ 8-ю долю. Книга эта состоитъ изъ 12 разсказовъ, которые, въ легкой повѣствовательной формѣ, знакомятъ со всѣми главнѣйшими основами нашего земскаго самоуправленія. Цѣна 50 к.

Сельская общественная служба. Бесѣды старосты-крестьянина Акима Простоты. Составилъ *Н. Блиновъ.* 210 стр. **Цѣна 50 к.**

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи, толкованіи и исполненіи договоровъ и съ приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Составилъ мир. судья *В. И. Фармаковскій.* Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1884 г. **Ц. 1 р. 25 к.**

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е пересмотрѣнное и дополненное изданіе, съ 10-ю раскрашенными географическими картами и 82 политипажами въ текстѣ. Спб. 1883 г. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. *Барона Корфа.* **Ц. 10 к.**

Какъ обучать грамотѣ ребятъ и взрослыхъ. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* **Ц. 10 к**

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его главнѣйшихъ трудовъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, написанный англійскими профессорами и учеными—*Гекели, Гейки, Дайеромъ* и *Романесомъ.* Съ портретомъ Дарвина, гравир. на стали. Перев. *Г. Лопатина.* **Цѣна 75 к.**

Общепонятная геометрія, *В. Потоцкаго.* Съ 143 черт. и 204 зад. **Цѣна 40 к.**

Частная медицинская діагностика. Руководство для практическихъ врачей. Составилъ профессоръ *Да-Коста.* Перевелъ съ нѣмецкаго, по рекомендаціи профессора *В. Манасеина*, докторъ *Д. Фридбергъ.* 704 стр. 43-мя рис. **Цѣна 3 р 50 к.** (на нѣмецкомъ языкѣ эта книга стоитъ **8 р.**)

Элементарная анатомія, физіологія и гигіена. *М. Герасимова.* Съ необходимыми свѣдѣніями относительно поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. 2-е значит. дополненное изданіе съ 65 рисун. **Цѣна 75 к.**

Психологія великихъ людей. Составилъ профессоръ *Г. Жоли.* Содержаніе: Подготовленіе генія расой. Вліяніе родовой наслѣдственности. Великій человѣкъ и современная ему среда. Геній и вдохновеніе. **Цѣна 1 р. 25 к**

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ шестой.

Экспериментальный романъ.—О Писемскомъ и Достоевскомъ.—Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ.—Палка о двухъ концахъ.—Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герои и толпа.—Научныя письма (къ вопросу о „герояхъ“ и „толпѣ“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Эл. Зауэръ.
1885.

2шк
П

2941
24.

Типография Товарищества «Общественная Польза» Большая Подъяческая № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Экспериментальный романъ 1

О Писемскомъ и Достоевскомъ 32

Жестокій талантъ. (Полное Собраніе сочиненій О. М. Достоевскаго. Томы II и III. Спб. 1882). 62

О Тургеневѣ. 154

О Глѣбѣ Успенскомъ 181

Палка о двухъ концахъ 211

Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ. 247

Герои и толпа 280

Научныя письма. 395

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ

«Парижскія Письма». Э. Золà («Вѣстникъ Европы»).—«Братья Земганно». Романъ Эдм. Гонкура («Слово»).—«Баритонъ». Романъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). Спб. 1879.

I.

Россія должна воздвигнуть памятникъ искусству. Именно Россія, а не Европа, хотя Россія и въ этомъ отношеніи бѣдна, а Европа и въ этомъ отношеніи богата. Ни въ какой европейской странѣ и, надо думать, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ искусство не играетъ такой важной и своеобразной роли, какъ въ нашемъ отечествѣ. Я разумѣю, конечно, царицу искусствъ—поэзію, вообще беллетристику, потому что остальныя отрасли искусства, хотя уже и декретированныя манифестами г. Стасова, еще не успѣли сыграть какую-нибудь общественную роль.

Недавно оксфордскій университетъ показалъ, что и Европѣ извѣстно это своеобразное значеніе искусства въ Россіи: университетъ торжественно облекъ званіемъ почетнаго доктора правъ нашего маститаго художника, И. С. Тургенева, за его труды по освобожденію крестьянъ въ Россіи. Такъ или почти такъ были формулированы поэтическія права И. С. Тургенева на званіе доктора правъ оксфордскаго университета. По незнанію Россіи, университетъ впалъ въ маленькую ошибку, ибо оказанный имъ русскому художнику почѣтъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ не

И. С. Тургеневу, а Д. В. Григоровичу, первыя произведенія котораго изъ крестьянской жизни, по своему общественному значенію, далеко затмѣваютъ «Записки охотника». Но это ошибка частная, второстепенная, фактическая. Въ принципѣ оксфордскій университетъ не ошибся, признавъ за русскимъ искусствомъ крупное общественное значеніе. Долгое время поэзія была на Руси чуть не единственнымъ и, во всякомъ случаѣ, лучшимъ и надежнѣйшимъ проводникомъ если не политической мысли, то гуманныхъ идей. Она и до сихъ поръ не совсѣмъ утратила эту привилегію, и кромѣ того породила спеціальную отрасль литературной дѣятельности, оказавшую неисчислимыя услуги русскому обществу. Эта отрасль—литературная критика, нигдѣ и ни въ какой литературѣ не имѣвшая такого значенія, какъ въ нашей. Читатель знаетъ, что вопросы о предѣлахъ компетенціи искусства, о принципахъ поэзіи, объясненіе значенія того или другаго беллетристическаго произведенія и т. п., еще недавно притягивали къ себѣ крупныя литературныя силы и волновали весь читающій людъ. Конечно, не одно искусство создало эту обширную и плодотворную отрасль литературы. Искусство было скорѣе поводомъ, чѣмъ причиною. Причины же были отчасти общія у своеобразнаго развитія литературной критики и у выдающагося, такъ сказать, выпяченнаго значенія искусства. Это были своего рода священныя мѣста, за которыми было признано право убѣжища: туда бѣжалъ бѣдный русскій писатель, когда ему приходила въ голову запретная мысль; тамъ онъ могъ дышать свободнѣе хотя бы въ атмосферѣ общихъ мѣстъ о гражданскихъ обязанностяхъ поэзіи; тамъ научился онъ писать между строкъ; тамъ заставилъ онъ полюбить себя. Правда, священныя мѣста не всегда оказывались достаточно защищенными, и писатель извлекался изъ нихъ вопреки праву убѣжища. Это случалось вѣдь иногда и съ настоящими храмами, за которыми въ древнія времена право убѣжища было признано закономъ: исторія знаетъ не мало примѣровъ, что, вопреки этому праву, кровь спасавшихся въ храмѣ обагряла его ступени. Но это было дѣломъ особой остервенѣлости, исключительно наглаго попиранія всего освященнаго закономъ и обы-

чаемъ, а при обыкновенномъ теченіи дѣлъ право убѣжища всетаки существовало.

Какъ бы то ни было, а искусство непосредственно и черезъ посредство литературной критики постоянно вливало въ общественное сознаніе массу гуманныхъ идей, иногда оставшихся на ступени расплывающагося, неопредѣленнаго гуманизма, а иногда принимавшихъ весьма опредѣленный политическій характеръ. Въ этомъ отношеніи у насъ просто чудеса происходили: понятіями о задачахъ и пріемахъ искусства опредѣлялись политическія партіи. Не мало, разумѣется, при этомъ было всякой путаницы. Такъ, напримѣръ, люди, теперь величающіе себя «консерваторами», поставляли себѣ въ обязанность ратовать противъ «тенденціи» въ искусствѣ. Къ ихъ политической программѣ крѣпко приросло требованіе такъ называемаго чистаго искусства, безстрастно и какъ бы экстатически возводящаго въ перлъ созданія явленія жизни. Но будущій историкъ тѣхъ временъ, глядя по своему темпераменту, или съ веселымъ смѣхомъ, или съ горькимъ негодованіемъ отмѣтитъ, что изъ этого именно лагеря вышли всѣ эти «Некуда», «Панурговы стада», «Марины изъ Алаго Рога» и разные другіе образцы тенденціознѣйшей беллетристики. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что произведенія эти сдѣлали не мало вреда (не потому, конечно, что въ нихъ была тенденція, а потому, что тенденція эта была пакостная). Но перевѣсъ ума, таланта и правды никогда не былъ на этой сторонѣ, а потому, несмотря на эти пятна на солнцѣ и несмотря на произведенную ими путаницу, оксфордскій университетъ былъ въ принципѣ вполнѣ правъ, чествуя И. С. Тургенева: русское искусство сослужило большую и хорошую службу своему отечеству. Кромѣ того, всякій, кто возьметъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, А. Григорьева, Н. Соловьева и еще кое-кого, будетъ имѣть въ рукахъ цѣлый арсеналъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о принципахъ, задачахъ и пріемахъ искусства. Но онъ безъ труда замѣтитъ, что эти какъ будто чрезвычайно интересующіе критиковъ вопросы въ сущности играютъ второстепенную и побочную роль въ ихъ писаніяхъ: сквозь споры о принципахъ искусства ясно видны очертанія, скажемъ, граж-

данскихъ, чтобы не сказать политическихъ идей и партій. Разумѣется, въ этомъ и была вся сила литературной критики: ловко цѣпляясь за выдающіяся мѣста поэтическаго произведенія, она давала мало-развитому и мало-знающему обществу важные уроки въ легкой, привлекательной формѣ комментарія.

Однако, и самый вопросъ о роли, пріемахъ и задачахъ искусства поневолѣ при этомъ разработывался и разработался, наконецъ, повидимому, до совершенной разжеванности. Въ самомъ дѣлѣ, трудно, кажется, даже придумать какую нибудь точку зрѣнія на эти предметы, которая еще не практиковалась бы въ нашей литературѣ. Всѣ—и умныя и глупыя—слова, какія только могутъ быть по этому поводу сказаны, казалось бы, уже исчерпаны.

Однако, нѣтъ. У насъ явился новый учитель. Иностранецъ, французъ, конечно, не знающій, что мы видали всякіе виды по части теоретической, отвлеченной стороны литературной критики, почти ежемѣсячно внушаетъ намъ на страницахъ «Вѣстника Европы» свои идеи. Онъ внушаетъ ихъ и французамъ и, говорятъ, производитъ у себя на родинѣ даже маленькія бури. Но, что всего удивительнѣе, даже мы, видавшіе всякіе виды, мы, которыхъ въ этой области, кажется, ничѣмъ удивить нельзя, ни умомъ, ни глупостью,—мы должны признать, что Эмиль Зола сказалъ, наконецъ, новое слово.

Да, такихъ словъ, какія прописаны въ послѣднемъ «Парижскомъ письмѣ» Эмиля Зола («Вѣстникъ Европы», сентябрь), такихъ словъ мы еще не слыхивали.

Какъ-то, по поводу выхода части «Парижскихъ писемъ» отдѣльнымъ изданіемъ, мы имѣли случай говорить объ Эмилѣ Зола, какъ о критикѣ. Съ тѣхъ поръ талантливый романистъ и плохой мыслитель по существу, разумѣется, измѣниться не успѣлъ. Это все тотъ же человѣкъ безъ образованія и безъ царя въ головѣ, ощупью ищущій теоретическаго оправданія для своихъ художественныхъ пріемовъ. Но, выступая на это поприще теоретическаго оправданія, онъ былъ еще довольно скроменъ. Началъ онъ съ неумѣреннаго, но все-таки довольно приличнаго восхваленія своихъ литературныхъ друзей — Флобера, Гонкуровъ, Доде, по-

томъ перешелъ къ задорной и придирчивой критикѣ старыхъ писателей въ родѣ Жоржъ-Занда и Виктора Гюго. При этомъ онъ сначала исподволь, довольно тихимъ голосомъ развивалъ какую-то путаницу, насчетъ «реальнаго» и «идеальнаго», а потомъ, постепенно возвышая голосъ до грознаго окрика диктатора, нетерпимѣйшаго главы школы, дошелъ, наконецъ, до послѣднихъ предѣловъ самохвальства и нелѣпости. Въ одномъ изъ послѣднихъ «Парижскихъ писемъ», онъ требовалъ, чтобы французская республика приняла не только къ свѣдѣнію, но даже какъ-то къ руководству его, Эмиля Зола, «научную формулу» романа, а въ самомъ послѣднемъ письмѣ, озаглавленномъ «Экспериментальный романъ», объявилъ, что онъ, Эмиль Зола, сдѣладъ для романа то-же самое, что̀ Клодъ Бернаръ сдѣлалъ для медицины. Excusez du peu!

Чтобы достойно оцѣнить комизмъ этой претензіи, надо вникнуть, почему тутъ именно Клодъ Бернаръ попался, а не Ньютонъ, не Галилей, не Дарвинъ, не Лавуазье.

По всѣмъ видимостямъ, Клодъ Бернаръ попался просто потому, что попался. Просто Эмилю Зола подвернулось подъ руку «Введеніе къ изученію опытной медицины». Понятно, самъ Зола разсказываетъ дѣло иначе. Клодъ Бернаръ, по его словамъ, для него важенъ потому, что «съ удивительною силою и ясностью установилъ экспериментальный методъ». Правда, можно было бы найти не мало другихъ сочиненій, философскихъ и научныхъ, посвященныхъ методологіи. Но, говоритъ Зола: «что̀ опредѣлило мой выборъ и остановило меня на «Введеніи»,—такъ это то, что именно медицина, въ глазахъ очень многихъ, остается еще на степени искусства, подобно роману». Исходя отсюда, Зола дѣлаетъ рядъ выписокъ изъ «Введенія», предлагая подставлять вездѣ вмѣсто̀ слова «медикъ» слово «романистъ». Не останавливается онъ и передъ подстановкой своего собственнаго имени, вмѣсто имени Клода Бернара.

Такъ, напримѣръ, онъ приводитъ слѣдующія слова Бернара: «Медицинѣ предназначено мало по малу выйти изъ эмпиризма, и она выйдетъ изъ него точно такъ же, какъ и всѣ другія науки, при помощи экспериментальнаго метода. Это глубокое убѣжденіе

поддерживаетъ и направляетъ мою научную жизнь. Я глухъ къ голосу медиковъ, требующихъ, чтобы имъ объяснили экспериментальнымъ путемъ корь и скарлатину, и думающихъ извлечь отсюда доказательство противъ употребленія экспериментальнаго метода въ медицинѣ. Эти обезкураживающія и отрицающія возраженія исходятъ вообще отъ систематическихъ или лѣнивыхъ умовъ, предпочитающихъ полагаться на свои системы или засыпать въ потемкахъ, вмѣсто того чтобы работать и стараться изъ нихъ выйти. Экспериментальное направленіе, принимаемое медициной, теперь опредѣлилось. Это вовсе не фактъ эфемернаго вліянія какой-нибудь личной системы; это результатъ научнаго развитія самой медицины. Таковы мои убѣжденія, которыя я стараюсь внушать молодымъ медикамъ, слушающимъ мой курсъ въ Collège de France. Прежде всего нужно вдохнуть научный духъ въ молодыхъ людей и посвятить ихъ въ понятія и тенденціи современныхъ наукъ».

Эти слова знаменитаго ученаго Золя съ серьезнѣйшимъ видомъ пародируетъ, даже не подозрѣвая, что пишетъ пародію, слѣдующимъ образомъ: «Только экспериментальный методъ можетъ вывести романъ изъ той лжи и ошибокъ, въ коихъ онъ теперь блуждаетъ. Вся моя литературная жизнь была направляема этимъ убѣжденіемъ. Я глухъ къ голосу критиковъ, требующихъ отъ меня формулированія законовъ наслѣдственности и вліянія среды на дѣйствующихъ лицъ; тѣ, кои дѣлаютъ мнѣ эти обезкураживающіе и отрицательные упреки, обращаютъ ихъ ко мнѣ только по лѣности ума, по увлеченію традиціей, по привязанности болѣе или менѣе искренней къ философскимъ и религіознымъ вѣрованіямъ. Экспериментальное направленіе, принимаемое романомъ, нынѣ уже опредѣлилось. Это вовсе не фактъ эфемернаго вліянія какой-нибудь личной системы; это результатъ научнаго развитія самаго изученія человѣка. Таковы мои убѣжденія, которыя я стараюсь внушать молодымъ писателямъ, читающимъ меня, такъ какъ я думаю, что имъ слѣдуетъ прежде всего вдохнуть научный духъ и познакомить ихъ съ понятіями и тенденціями новѣйшихъ наукъ».

Вотъ, значитъ, какъ смотритъ на себя французскій романистъ. Одно только немножко странно. Если Клодъ Бернаръ имѣетъ право быть глухимъ къ голосу медиковъ, требующихъ, чтобы имъ «объяснили экспериментальнымъ путемъ корь и скарлатину» (изъ цитаты мудрено понять, въ какомъ смыслѣ отвергаетъ эти требованія Бернаръ), то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, что только лѣнивые или «увлеченные традиціей» умы могутъ требовать формулированія законовъ наслѣдственности. И если Золя кажется, что его положеніе и положеніе Бернара одинаковы, такъ только потому, что ему неизвѣстно, что кое-что изъ законовъ наслѣдственности и вліянія среды уже формулировано. Ученый романистъ, полагающій, что его читатели должны именно изъ его произведеній знакомиться съ «понятіями и тенденціями новѣйшихъ наукъ», самъ нѣсколько слабъ насчетъ этихъ «новѣйшихъ наукъ». Да оно и понятно. Если бы онъ съ этими науками былъ знакомъ хоть мало-мальски, такъ, во-первыхъ, не благировалъ бы такъ насчетъ сходства медицины съ изящнымъ искусствомъ, не употреблялъ бы такихъ забавныхъ терминовъ, какъ «новѣйшія науки», а—главное—указалъ бы своимъ читателямъ какія-нибудь болѣе авторитетныя руководства, чѣмъ собственные его романы и письма.

Забавности Парижскаго письма, озаглавленнаго «Экспериментальный романъ», неисчислимы. Исчерпать ихъ нѣтъ возможности. Зарапортовавшійся романистъ строитъ такую классификацію наукъ: во-первыхъ,—физика и химія, во-вторыхъ,—физіологія и медицина, и, въ-третьихъ... въ-третьихъ — «экспериментальный романъ»! Этотъ экспериментальный романъ если еще не совершилъ, то совершитъ чудеса. Онъ будетъ «управлять жизнью, управлять обществомъ, рѣшитъ, наконецъ, всѣ задачи соціализма, въ особенности доставитъ твердыя основы правосудію, разрѣшая путемъ опыта криминальные вопросы»! Штандартъ будетъ скакать, тридцать тысячъ курьеровъ налетятъ на господъ Золя, Гонкуровъ, Флоберовъ, Доде и скажутъ: «пожалуйте управлять вселенной»! Все это будетъ навѣрное, только еще не очень скоро, потому что господа романисты-экспериментаторы, какъ снисхо-

дительно соглашается Золя, сдѣлали еще мало «опытовъ». Эти «опыты», можетъ быть, нѣсколько смутятъ читателей. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, господа романисты будутъ «разрѣшать путемъ опыта криминальные вопросы»? Совершать примѣрныя преступленія, что ли? Убивать, грабить, насиловать женщинъ и потомъ въ видѣ романовъ, сообщать результаты своихъ опытовъ криминалистамъ? Кажется, это единственный способъ примѣнить опытный методъ къ криминальнымъ вопросамъ. Да, такъ можно было бы думать на основаніи общепринятыхъ доселѣ мнѣній. До сихъ поръ, въ самомъ дѣлѣ, думали, что, вообще говоря, при изученіи явленій общественныхъ возможно только наблюденіе. Опытъ же можетъ примѣняться только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ; ибо опытъ предполагаетъ въ этой области возможность такъ грубо обращаться съ человѣкомъ, такъ насильственно ставить его въ разнообразнѣйшія условія, что на это можетъ рискнуть развѣ очень ужъ развязный администраторъ (да и у того руки все-таки коротки), а никакъ не наука. Такъ думали до сихъ поръ. Но Эмиль Золя открылъ секретъ. Онъ утверждаетъ, что если романистъ «заставляетъ дѣйствующихъ лицъ дѣйствовать въ частной исторіи, чтобы показать, что ихъ поступки будутъ таковы, какихъ требуетъ детерминизмъ изучаемыхъ явленій»—то это и будетъ опытъ. Онъ можетъ и на примѣръ сослаться. Вотъ, напримѣръ, личность барона Гюло въ «Cousine Bette» Бальзака. «Общій фактъ, наблюденный Бальзакомъ,—это вредъ, который страстный темпераментъ человѣка приноситъ ему самому, семейству и обществу. Разъ выбравъ сюжетъ, онъ отправился отъ наблюденныхъ фактовъ, потомъ произвелъ свой опытъ, подчиняя Гюло цѣлой серіи испытаній, заставляя его дѣйствовать въ различной средѣ, чтобы показать функціонированіе механизма его страсти. Итакъ, *очевидно*, что здѣсь не только наблюденіе, но и опытъ, потому что Бальзакъ не является строгимъ фотографомъ собранныхъ имъ фактовъ, потому что онъ прямо вмѣшивается, ставя своего героя въ условія, которыхъ самъ остается хозяиномъ. Экспериментальный романъ есть только протоколъ опыта, который романистъ повторяетъ передъ глазами публики.

Въ результатѣ вся операція состоитъ въ томъ, чтобы взять факты въ природѣ, затѣмъ изучить ихъ механизмъ, дѣйствуя на явленія посредствомъ измѣненія обстоятельствъ, не удаляясь никогда отъ законовъ природы. Въ концѣ-концовъ, является знаніе человѣка, научное знаніе, въ его индивидуальныхъ и соціальныхъ дѣйствіяхъ».

И все это бумага терпитъ! Очевидно, Золя не понимаетъ, что гарантія достовѣрности опыта заключается въ немъ самомъ, въ его очевидности и никоимъ образомъ не можетъ быть отыскана въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ романистъ своимъ личнымъ произволомъ поставитъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Вотъ если бы Бальзакъ досталъ гдѣ-нибудь напрокатъ живого барона Гюло и воочію показалъ бы, какъ онъ дѣйствуетъ при различныхъ условіяхъ,—тогда это былъ бы дѣйствительно опытъ. Стыдно, впрочемъ, и возиться съ такими элементарными пустяками, которые, однако, Эмиль Золя съ комичнѣйшею надменностью выдвигаетъ на всенародное позорище. Есть, конечно, извѣстная доля истины въ его разсужденіяхъ; но эта доля такъ мала, такъ мала, что изъ-за нея рѣшительно не стоитъ стульевъ ломать. Она сводится къ тому, что нынѣшнему романисту надо многое знать и многому учиться. Это совершенно справедливо, разумѣется, потому что современному роману такъ много дано, что естественно съ него много и спросятся. Справедливо также, что романистъ долженъ нетолько самъ учиться, а и учить, но, конечно, не физіологіи и уголовному праву, а чему-то такому, отъ чего именно Золя, кажется, открещивается.

Золя, трудясь надъ водруженіемъ знамени «экспериментальнаго романа», объявляетъ войну какимъ-то «романистамъ-идеалистамъ». Кто эти зловредные враги, понять довольно трудно. Они, видите ли, «умышленно остаются въ неизвѣстномъ, вслѣдствіе всевозможныхъ религіозныхъ и философскихъ предразсудковъ, подъ изумительнымъ предлогомъ, будто неизвѣстное благороднѣе и прекраснѣе извѣстнаго». Они «удаляются въ область неизвѣстнаго, изъ-за удовольствія тамъ быть»; имъ «нравятся самыя рискованныя гипотезы». Надо думать, что всѣ эти «ученыя» фразы

накинуты, главнымъ образомъ, на Виктора Гюго, котораго Эмилю Зола ужасно хочется свергнуть съ литературнаго престола, дабы самому возсѣсть на оный. Но этого, кажется, не будетъ. Гюго напыщенъ, Гюго ходуленъ, но онъ владѣетъ секретомъ потрясать сердца, а, каковы бы ни были познанія Зола въ «новѣйшихъ наукахъ»,—онъ этого стародавняго секрета не знаетъ. Онъ думаетъ, что художникъ не долженъ «ни одобрять, ни негодовать», а безстрастно производить «опыты». Пусть такъ. Не будемъ спорить. Но вѣрно то, что на литературныхъ престолахъ сидятъ только тѣ, кто умѣетъ возбуждать негодованіе или добрыя чувства въ читателѣ. А для этого надо много такта, много наблюдательности, наконецъ, много знаній вообще и знанія человѣческаго сердца въ особенности. А физіологія, конечно, тоже не помѣшаетъ. Такъ что Эмилю Зола, какъ и другимъ «экспериментаторамъ», не вредно будетъ ей поучиться. Но главное, имъ надо поучиться вліять на читателя и, сообразно этому, измѣнить свои взгляды на задачи искусства.

II.

Мы видѣли теорію. Посмотримъ на практику. Передъ нами лежатъ два поэтическія произведенія. Одно принадлежитъ перу одного изъ корифеевъ «экспериментальной» французской школы, Гонкура—«Братья Земганно». Другое написано слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ нашей соотечественницей, извѣстной подъ псевдонимомъ В. Крестовской—«Баритонъ». Этотъ старый романъ вышелъ теперь новымъ изданіемъ. Сопоставленіе этихъ двухъ романовъ напрашивается само собой, когда рѣчь идетъ о задачахъ искусства. Не потому, чтобы любопытно было сравнивать таланты авторовъ—отъ этого мы себя увольняемъ, а потому, что въ обоихъ романахъ самою ихъ фабулою косвеннымъ образомъ задѣвается именно вопросъ о задачахъ искусства.

Жили были два брата Земганно. Они были художники. Ихъ соединила самая тѣсная дружба. Говорятъ, что Гонкуръ изобра-

зилъ въ этой дружбѣ тѣ отношенія, которыя существовали между нимъ и его младшимъ братомъ, Жюлемъ, уже умершимъ, съ которымъ, какъ извѣстно, они работали на поприщѣ романа и анекдотической исторіи рука объ руку. Такимъ образомъ романъ получаетъ особенно задушевный и отчасти автобіографическій характеръ. Тѣмъ поучительнѣе выборъ отрасли искусства, которую Гонкуръ усвоилъ братьямъ Земганно: эти художники были... клоуны-акробаты! Уже этотъ выборъ чрезвычайно характеренъ для школы «экспериментаторовъ»: въ немъ отражается вся суть ихъ пониманія задачъ искусства. Что акробаты, клоуны, гимнасты—дѣйствительно художники въ глазахъ Гонкура, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: онъ ихъ такъ прямо и называетъ художниками, артистами, а ремесло ихъ—искусствомъ.

Гонкуръ добросовѣстно изучалъ это искусство, конечно, теоретически и путемъ наблюденія, а не «экспериментально». Мы знакомимся изъ романа съ множествомъ подробностей акробатической техники; узнаемъ, напримѣръ, что маленькаго Нелло начали обучать великому искусству съ пяти лѣтъ, и узнаемъ, какъ именно его учили, какъ онъ раздвигалъ ноги «плашкой», дѣлалъ «стойку съ ничка», исполнялъ «арабскій прыжокъ», «черезголовицу» и проч. Узнаемъ много еще другихъ любопытныхъ вещей, совокупность которыхъ показываетъ, что Гонкуръ занимался «Братьями Земганно» чрезвычайно серьезно. И притомъ — ни малѣйшаго протеста противъ безобразія всей этой процедуры акробатическаго воспитанія, противъ злой судьбы братьевъ Земганно, изломавшей ихъ тѣло и загнавшей ихъ душу въ пространство, отдѣляющее «плашку» отъ «черезголовицы». Напротивъ, авторъ не налюбуется на своихъ героевъ и съ полнѣйшимъ сочувствіемъ рисуетъ ихъ времяпровожденіе. Правда, братьевъ преслѣдуютъ нѣкоторыя несчастія: дѣла труппы, управляемой ихъ отцомъ, идутъ неважно, у нихъ умираетъ мать, а потомъ и отецъ. Но сколько за то прелести было въ ихъ существованіи! Шатаясь по всему лицу Франціи, «они всегда имѣли передъ собой просторъ, надъ ними было свѣтлое небо... слухъ ихъ постоянно услаждался застѣнчивыми звуками земли, музыкой дыханія лѣсныхъ сводовъ... взоръ ихъ

терялся въ безднахъ голубоватой дали; и ихъ радовало, когда яркій лучъ лѣтняго солнца выдавалъ зайца, притаившагося между полевыми кочками», и проч., и проч. Словомъ, отдай все за эту жизнь, такъ и то мало.

А кромѣ того, радости самодовлѣющаго искуства: сознаніе художественно выполненной «черезголовицы» и «стойки съ ничка». Это тоже чего-нибудь да стоитъ! Однако, въ этихъ именно радостяхъ искусства заключается узелъ драмы, сгубившей обоихъ братьевъ. Дѣло въ томъ, что старшій братъ, Джіанни, былъ очень честолюбивъ. Благородно честолюбивъ, конечно, какъ и подобаетъ истинному художнику: онъ хотѣлъ довести свое искусство до высшей степени совершенства, все равно какъ Эмиль Зола. Хотѣлъ изобрѣсти какой-нибудь необыкновенный «туръ», который не только обезсмертилъ бы его имя въ лѣтописяхъ искусства, но и самое искусство поднялъ бы въ высшую сферу.

«Руки Джіанни, даже когда онъ отдыхалъ, постоянно были заняты, и онъ безпрерывно пускалъ ихъ въ ходъ. Какъ бы невольно и безсознательно онѣ схватывали предметы, находившіеся вблизи, ставили ихъ ребромъ, горлышкомъ, если это была бутылка, какою-нибудь частью поверхности, на которой они не могли держаться, тщетно стараясь удержать ихъ въ такомъ положеніи хотя въ теченіи мгновенія; и безъ устали работали онѣ, какъ машина, стремясь нарушить законы тяжести, равновѣсія, измѣнить вѣчныя привычки вещей, падающихъ, если лишить ихъ опоры. Кромѣ того, онъ часто по цѣлымъ часамъ вертѣлъ и поворачивалъ во всѣ стороны какую-нибудь мебель, столъ или стулъ, относясь ко всему этому съ такой любознательностью, съ такой настойчивой пытливостью, что однажды младшій братъ сказалъ ему наконецъ:

— Послушай, Джіанни, чего ты хочешь отъ этой вещи?

— Я ищу!

— Чего-же ты ищешь?

— А вотъ...

И Джіанни прибавилъ:—Нѣтъ, чортъ возьми, я никогда не найду!

— Но чего же? Скажи, скажи! повторялъ Нелло, протягивая послѣдній слогъ и сообщая ему тотъ жалобный тонъ, который отличаетъ просьбы дѣтей, желающихъ что-нибудь узнать.

— Когда подростешь... Теперь не совсѣмъ будетъ понятно... Я, братишка, ищу и для тебя...».

Словомъ, Джіанни былъ экспериментаторъ и мечталъ о переворотѣ въ искусствѣ. Нелло былъ не таковъ. Лишенный художественной инициативы, но одаренный отъ природы большимъ талантомъ, который еще, вдобавокъ, былъ развитъ тщательнымъ воспитаніемъ, Нелло любилъ искусство, но во всемъ довѣрялся любимому брату. Когда онъ, наконецъ, узналъ, какая высокая цѣль одушевляетъ честолюбиваго Джіанни, онъ безусловно отдалъ себя въ его распоряженіе. Братья серьезно занимались искусствомъ. Кромѣ того, что Джіанни неустанно вертѣлъ стулья и ставилъ бутылки верхъ дномъ, оба брата предпринимали артистическія поѣздки. Такъ они съѣздили въ Англію, гдѣ, «участвуя въ представленіяхъ въ качествѣ трапецистовъ, усвоивали себѣ особенности, оригинальныя черты, гимнастическія выходки каждаго клоуна, въ обществѣ котораго они жили по недѣлѣ и по двѣ; они, однимъ словомъ, проникали въ самую суть искусства, улавливая всевозможныя проявленія его своеобразнаго генія у различныхъ индивидуумовъ».

И вотъ, наконецъ, мечта Джіанни, послѣ долгихъ мытарствъ, близка къ осуществленію: онъ придумалъ такой туръ, который затмитъ все доселѣ виданное и даже можетъ быть превратитъ экспериментальнымъ путемъ искусство въ науку. Но на этомъ-то желанномъ турѣ дѣло и оборвалось. Задача состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, что младшій братъ долженъ былъ сдѣлать вертикальный прыжокъ въ четырнадцать футовъ слишкомъ. Это былъ основной принципъ «тура». Но геніальный Джіанни еще усложнилъ задачу: прыжокъ совершался не въ открытомъ пространствѣ, а сквозь вертикально поставленную бездонную бочку; затѣмъ Нелло прыгалъ на плечи къ брату, ноги котораго помѣщались на узкомъ, полукругломъ желѣзномъ стержнѣ; предполагалось еще ввести въ туръ рядъ опасныхъ прыжковъ другъ черезъ друга. Кромѣ того, братья придумывали сценическую обстановку для своего гимнастическаго упражненія. «И Нелло, обыкновенно придававшій поэтическіе штрихи работѣ брата, изобрѣлъ роскошную гирлянду, сплетенную изъ фантастическихъ грезъ и музыкальныхъ звуковъ, которые казались разомъ и отголоскомъ

далекихъ урагановъ, и вздохами природы. Но, въ концѣ-концовъ, братья замѣтили, что *отважность* ихъ тура исчезаетъ въ прелести обстановки. Тогда, съ общаго согласія, они рѣшились быть на этотъ разъ только гимнастами, чтобы впослѣдствіи придать характеръ новизны вещи, когда она станетъ избитою, украсивъ ее цвѣтами поэтическаго вымысла».

Все бы это безъ сомнѣнія и совершилось ad majorem artis gloriam, искусство обогатилось бы новымъ высокимъ произведеніемъ, если бы въ исторію не вмѣшалась, по обыкновенію, женщина, нѣкая американка Томпкинсъ, наѣздница, состоявшая въ той же труппѣ, въ которой являли свои таланты братья Земганно. Это была чрезвычайно фантастическая дама и, главное, она была, подобно Тамарѣ, прекрасна какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла. Ей приглянулся красавецъ Нелло. Но Нелло былъ равнодушенъ къ ней. Мало того. Будучи геніальною натурою, но, не имѣя серьезной преданности высшимъ цѣлямъ искусства, какъ старшій братъ, Нелло позволялъ себѣ безпощадныя насмѣшки надъ Томпкинсъ, облекая ихъ однако въ тонкохудожественныя формы. Въ пику наѣздницѣ, Нелло «каждый вечеръ устраивалъ продолжительную, почти блестящую интермедію. Томпкинсъ была предметомъ восторговъ, выражавшихся смѣшными ломаными движеніями шеи, колѣнопреклоненій, оканчивающихся уродливымъ оцѣпенѣніемъ, любовныхъ желаній, сказывавшихся въ невозможномъ тремоло ногъ, въ приложеніи къ сердцу рукъ, нелѣпо скорченныхъ. Потомъ, въ экстазѣ обожанія, онъ начиналъ ее умолять, и всѣ мускулы его тѣла вызывали смѣхъ, и горечь пластической шутки брызгала изъ каждаго его нерва. На одной изъ своихъ вывороченныхъ ногъ онъ, точно на гитарѣ, исполнялъ передъ красавицей любовный романсъ, изображая чарующую прелесть его звуковъ мимическими движеніями... Молодой клоунъ своею спиной, своими ногами, своими плечами, своими руками и, такъ сказать, вдохновляемый геніемъ своей физической ловкости, со смѣхомъ противопоставлялъ пламени женщины самое обидное равнодушіе, самое насмѣшливое невниманіе, самое шутовское презрѣніе.

Этого не могла простить женщина, да еще такая, какъ Томпкинсъ. Она отомстила страшно: устроила такъ, что полотняная бездонная бочка, сквозь которую Нелло долженъ былъ прыгать въ знаменитомъ турѣ, замѣнена была деревянною. А вслѣдствіе этого Нелло упалъ и переломилъ себѣ обѣ ноги.

Злая судьба въ лицѣ Томпкинсъ оборвала художественную карьеру Нелло, обломавъ ему ноги. Она не пожалѣла этой палитры Рафаэля, этого рѣзца Микель-Анжело, этого пера Шекспира, этихъ ногъ геніальнаго акробата! И вотъ въ обоихъ братьяхъ начинается сложная борьба чувствъ. Они любятъ искусство, но любятъ и другъ друга. Если младшій лишенъ своего художественнаго инструмента и изнываетъ въ тоскѣ по невозможной уже для него артистической карьерѣ, то не долженъ ли и старшій, обладающій вполнѣ безукоризненными ногами, тоже отказаться отъ этой карьеры? Да, долженъ. Это рѣшилъ самъ старшій братъ. Однако, сразу привести это рѣшеніе въ исполненіе было выше силъ его. Великій художникъ не могъ сразу отказаться отъ художественнаго наслажденія создавать «туры», кувыркаться на трапеціи и исполнять «черезголовицу». Втайнѣ отъ несчастнаго калѣки брата онъ вставалъ по ночамъ и въ особомъ помѣщеніи страстно предавался служенію Аполлону и музамъ. Но однажды Нелло засталъ его на этихъ упражненіяхъ. Произошла потрясающая сцена, которою и оканчивается романъ.

«Нелло вошелъ такъ тихо, что гимнастъ не замѣтилъ этого. И, стоя на колѣняхъ, младшій братъ смотрѣлъ на старшаго, который леталъ въ воздухѣ съ бѣшеною ловкостью крѣпкаго тѣла, нетронутыхъ членовъ. Онъ смотрѣлъ на него и, видя его такимъ гибкимъ и такимъ ловкимъ, онъ говорилъ себѣ, что Джіанни никогда не откажется отъ работы въ циркѣ, и эта мысль вырвала вдругъ изъ его груди громкій рыдающій звукъ. Старшій, изумленный этимъ крикомъ, который поразилъ его среди вихря его упражненій, сѣлъ на трапецію, наклонилъ впередъ голову въ пространство, по направленію къ жалкому, мѣшкообразному существу, ползавшему въ тѣни, сильнымъ ударомъ сорвалъ трапецію, которую выбросилъ въ широкое верхнее окно, разлетѣвшееся въ дребезги, подбѣжалъ къ своему брату, поднялъ его, прижалъ къ своей груди. И оба, обнимая другъ друга, начали плакать, плакать долго, не произнося ни слова. Потомъ старшій братъ, окинувъ однимъ взглядомъ всѣ предметы, относившіеся къ его ремеслу, и простившись съ ними, въ по-

рывѣ высокаго самоотверженнаго чувства, воскликнулъ: «Дитя, поцѣлуй меня... Братья Земганно умерли... здѣсь только два плохихъ скрипача... Они теперь будутъ играть на своихъ скрипкахъ... сидя на стульяхъ».

Таковъ экспериментальный романъ. Что онъ дѣйствительно экспериментальный, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И не только потому, что Гонкуръ давно уже поставленъ Эмблемъ Зола въ переднемъ ряду «экспериментаторовъ», «реалистовъ» и какъ онъ еще ихъ тамъ титулуетъ. Нѣтъ, мы имѣемъ въ «Братьяхъ Земганно» всѣ признаки «экспериментальнаго» романа. Во-первыхъ, авторъ не зараженъ никакимъ «философскимъ предразсудкомъ» и не «удаляется въ область неизвѣстнаго изъ-за удовольствія тамъ быть». Во-вторыхъ, авторъ предъявляетъ читателю «протоколъ опыта». Изучивъ на самомъ себѣ и на своихъ отношеніяхъ къ брату Жюлю механизмъ дружбы и художническаго сотрудничества, онъ затѣмъ выбираетъ для своихъ дѣйствующихъ лицъ особую среду и особыя положенія, и показываетъ какъ они въ этой средѣ и въ этихъ положеніяхъ дѣйствуютъ.

Однако, не точно ли такъ поступаютъ и всѣ другіе романисты и поэты, не претендующіе на титулъ экспериментаторовъ и не получающіе его отъ глашатая новой формулы романа? Тургеневъ и Рафаилъ Зотовъ, Викторъ Гюго и Достоевскій, Зола и Гоголь,—развѣ не одинаково «ставятъ своихъ героевъ въ условія, которыхъ сами остаются хозяевами, и не изучаютъ предварительно «механизмъ фактовъ»? Безъ сомнѣнія, изучать они могутъ хорошо и дурно, тщательно и небрежно, придумывать «условія» могутъ подходящія и неподходящія. Это—особь статья, но собственно въ принципѣ всѣ они одинаково производятъ «опыты» въ томъ малоосмысленномъ значеніи, которое придаетъ этому слову Зола. Что же касается таинственной «области неизвѣстнаго и «философскихъ и религіозныхъ предразсудковъ», то ее понять довольно мудрено. Кажется, шекспировскіе вѣдьмы и выходцы съ того свѣта должны быть отнесены именно сюда. Если такъ, то не будемъ говорить о Шекспирѣ, подняться до котораго всѣмъ экспериментаторамъ вмѣстѣ будетъ, впрочемъ,

много потруднѣе, чѣмъ геніальному Нелло вспрыгнуть на высоту четырнадцати футовъ сквозь деревянную бочку, а вѣдь и онъ, бѣдный, обломалъ себѣ ноги. Не будемъ говорить о Викторѣ Гюго, кажется, главномъ изъ подсудимыхъ, привлеченныхъ къ суду экспериментаторами. Но вотъ хоть бы Гюставъ Флоберъ, котораго Зола провозгласилъ когда-то величайшимъ изъ современныхъ французскихъ писателей и самымъ видным изъ реалистовъ. Флоберъ написалъ «Искушеніе св. Антонія», въ которомъ фигурируютъ и дьяволъ, и символическія животныя, и всякая чертовщина. Но Зола не осудилъ за это Флобера, а напротивъ—превознесъ «Искушеніе» до небесъ. Правъ Зола въ этомъ частномъ случаѣ или нѣтъ—для насъ все равно. Но значитъ, и экспериментаторы не чужды фантастическихъ рамокъ, обусловленныхъ религіозными и философскими предразсудками. Въ «Братьяхъ Земганно» этого не замѣтно, но можно найти не мало *не* экспериментаторовъ, тоже обходящихся безъ чертовщины.

Спрашивается, въ чемъ же состоитъ типическая особенность «Братьевъ Земганно», какъ произведенія экспериментальной школы? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ своеобразномъ отношеніи къ задачамъ искусства. Отношеніе это достаточно характеризуется уже выборомъ художественной профессіи для братьевъ Земганно. Есть что-то наивно-кощунственное въ готовности Гонкура перенести свои отношенія къ брату на взаимныя отношенія двухъ клоуновъ. Тутъ не въ дружбѣ дѣло, которая, разумѣется, можетъ связывать и клоуновъ, и романистовъ, а въ томъ, что интересный фактъ многолѣтняго литературнаго сотрудничества братьевъ Гонкуровъ уподобленъ акробатическому сотрудничеству братьевъ Земганно. Гонкуръ, не колеблясь, говоритъ о художественномъ геніѣ братьевъ Земганно и о величіи искусства кувыркаться черезъ голову, даже не подозрѣвая, что этимъ сближеніемъ онъ не клоуновъ поднимаетъ до поэтовъ, а напротивъ—поэтовъ низводитъ до уровня клоуновъ. До сихъ поръ прозвище акробата, клоуна, могло быть только кровной обидой для литератора вообще, для художника-литератора въ особенности, потому что въ этомъ прозвищѣ сказывался упрекъ въ готовности работать един-

ственно для развлеченія праздной толпы, жаждущей пикантныхъ и головоломныхъ «штукъ», «туровъ». Клоунъ ломается передъ публикой, не только забывая свое достоинство, но всячески его терзая и нанося ему раны и безобразнымъ парикомъ, и блестками шутовскаго костюма, и нелѣпыми прыжками, и готовностью принять примѣрную пощечину или отшибить себѣ спину какъ бы неловкимъ паденіемъ на-земь. Все это клоунъ готовъ принять и перенести, лишь бы разсмѣшить публику и добиться намѣшливыхъ аплодисментовъ, въ которыхъ больше презрѣнія, чѣмъ одобренія. Акробатъ-гимнастъ стоитъ какъ бы ступенькой выше: онъ не хохота пщетъ и не хохотъ возбуждаетъ, а удивленіе, даже извѣстное сочувствіе, не тогда, разумѣется, когда передъ началомъ и послѣ окончанія «тура» дѣлаетъ безобразный традиціонный жестъ «ручкой», а когда рискуетъ жизнью единственно для того, чтобы доставить праздной толпѣ нѣсколько мгновеній жестокого удовольствія, состоящаго въ напряженномъ состояніи нервовъ. Но нѣтъ, кажется, надобности распространяться о томъ, что и онъ служитъ самымъ низменнымъ инстинктамъ зрителей. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если сказать художнику, что онъ клоунъ или акробатъ, значило до сихъ поръ нанести ему тяжкую обиду. Но вотъ одинъ изъ самыхъ видныхъ «экспериментаторовъ» переворачиваетъ все это наизнанку. И это гораздо характернѣе для школы, чѣмъ всѣ якобы ученыя разсужденія Эмиля Зола. Это — только неудачныя попытки ощупью искомого теоретическаго оправданія, даже простая бляга; а то само разумѣніе цѣлей и задачъ искусства, разумѣніе живьемъ, въ дѣйствіи.

Читатель замѣтилъ, можетъ быть, что изъ всего громаднаго арсенала «новѣйшихъ наукъ» Зола упоминаетъ только законы наслѣдственности и вліянія среды. Это объясняется очень просто. Когда-то, еще отнюдь не помышляя стать въ ряды «научныхъ» дѣятелей, Зола задумалъ серію романовъ подъ общимъ заглавіемъ «Ругонъ-Макары». Задача была въ томъ, чтобы изобразить исторію семейства, отпрыски котораго попадаютъ въ различныя условія, но сохраняютъ все-таки нѣчто родственное.

Точнѣе говоря, это была не задача—задачей она стала уже потомъ—а пустая рамка, но рамка, чрезвычайно удобная, въ которую ловкій романистъ можетъ вставить рядъ картинъ, имѣющихъ для читателя непрерывный и притомъ двойной интересъ новизны и стараго знакомства. Въ качествѣ рамки она уже не разъ и употреблялась романистами (напримѣръ, Евгеніемъ Сю), но, какъ и всякая рамка, она не предопредѣляла содержанія романа. Вставивъ въ нее нѣсколько талантливо написанныхъ картинъ, изъ временъ второй имперіи, тогда всѣхъ занимавшей своимъ безпримѣрнымъ паденіемъ, Зола имѣлъ успѣхъ. Успѣхъ, кромѣ извѣстнаго таланта автора, обусловливался еще тщательностью работы. Этимъ, надо отдать справедливость «экспериментаторамъ», всѣ они болѣе или менѣе отличаются, и можно удивляться, напримѣръ въ «Братьяхъ Земганно», массѣ труда и времени, которую Гонкуръ долженъ былъ затратить на изученіе акробатической техники. Но вотъ, по мѣрѣ того, какъ росъ успѣхъ Эмиля Зола, онъ и самъ все росъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, возмнилъ, что онъ призванъ сдѣлать совершенно противоестественное и не логичное превращеніе искусства въ науку. Какъ тотъ мольеровскій герой, который не зналъ, что онъ всю жизнь говоритъ прозой, Зола не зналъ, что онъ въ «Ругонъ-Макарахъ» примѣняетъ законы наслѣдственности и вліянія среды. А когда узналъ, то съ большою рѣшительностью и во всеуслышаніе объявилъ, что изо лба его фиговое дерево произрастаетъ. И, въ самомъ дѣлѣ, это было фиговое дерево; то есть нѣчто такое, чему законами природы отведено свое мѣсто, съ которымъ лобъ художника не имѣетъ ничего общаго. Зола былъ бы совершенно правъ, если бы объявилъ, что въ устройствѣ рамки для «Ругонъ-Макаровъ» намѣренъ держаться «новѣйшихъ наукъ», которыя, дескать, я и буду изучать. Оставаясь въ предѣлахъ законовъ наслѣдственности, отчего художнику не примѣнить къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ законъ, напримѣръ, атавизма, то есть, отчего ему не вложить въ правнука характерныхъ чертъ прадѣда, видоизмѣнивъ ихъ согласно условіямъ времени и мѣста? Дѣло очень законное

и, главное, очень простое, слишкомъ простое, чтобы по поводу его колебать небо и землю и толковать о переворотѣ въ искусствѣ. Но Зола не говоритъ, что онъ намѣренъ только усвоить истины «новѣйшихъ наукъ» и утилизировать ихъ въ романѣ по мѣрѣ силъ и умѣнья. Онъ утверждаетъ, что «экспериментаторы» создадутъ и создаютъ «научное знаніе» при посредствѣ «опыта». Это—чистый вздоръ, разумѣется, чистая бляга, не имѣющая никакого прямаго вліянія на дѣйствительный ходъ творчества «экспериментаторовъ». Рамка, сплетенная на основаніи законовъ наслѣдственности и вліянія среды, остается рамкой, а картина въ нее вставляется та, которую тотъ или другой экспериментаторъ можетъ написать при своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи и при своей наблюдательности и талантѣ. Но бляга можетъ имѣть большое и совсѣмъ нехорошее косвенное вліяніе.

Возьмемъ хоть бы тѣ же законы наслѣдственности и представимъ себѣ, что три художника, А, В и С, рѣшили ими воспользоваться въ романѣ. При этомъ первые двое, не имѣя между собой ничего общаго по своимъ нравственнымъ и политическимъ идеаламъ, сходятся въ томъ, что берутъ законы наслѣдственности только для опредѣленія рамки романа, послѣдній же хочетъ ихъ утилизировать въ качествѣ содержанія, въ качествѣ непосредственной задачи романа. *А* — наивный республиканецъ. Сообразно этому, онъ даетъ намъ образъ пламеннаго республиканца временъ первой революціи, въ которомъ впервые разбужена ненависть ко всякимъ привилегіямъ и монополіямъ. Это направленіе пламеннаго темперамента повторяется въ сынѣ перваго республиканца въ 1848 г. и во внукѣ въ настоящее время. Другіе члены семейства, обладая тѣмъ же темпераментомъ, бросаются, подъ вліяніемъ среды, въ военную дѣятельность временъ Наполеона I и въ пакости второй имперіи, и тамъ нравственно и даже физически растлѣваются. Все это осложняется, разумѣется, любовными интригами, драматическими коллизіями между родственниками, пожалуй даже хоть подборомъ родичей. *В*—бонапартистъ. Онъ совсѣмъ иначе понимаетъ дѣло, и поэтому, взявъ даже ту же самую серію родственниковъ въ нисходящей и боковыхъ линіяхъ, дастъ кар-

тину совершенно иного содержанія, хотя вставленную въ ту же самую рамку. Наконецъ, *С* — просто блягеръ. Онъ говоритъ: «не мое дѣло казнить и миловать, судить и рядить кого-нибудь съ точки зрѣнія нравственныхъ или политическихъ идеаловъ, Я—ученый, химикъ, анатомъ, «протоколистъ», я наблюдаю факты и дѣлаю опыты. Я просто покажу, что законы наслѣдственности распространяются и на психическую дѣятельность человѣка; и такимъ образомъ добуду «научное знаніе». Сообразно этому, онъ... Трудно, впрочемъ, сказать, что онъ сдѣлаетъ, сообразно этому ни съ чѣмъ несообразному рѣшенію, ибо міръ Божій великъ, фактовъ въ немъ безчисленное множество, «опытовъ» можно натворить то-же безчисленное множество, прослѣдить дѣйствіе наслѣдственности можно на каждомъ шагу, хотя бы даже въ такой формѣ: жилъ-былъ танцмейстеръ, большой любитель своего искусства, женился онъ на кухаркѣ, тоже любительницѣ; жили они счастливо и родили сына, который уже пяти лѣтъ подрыгивалъ ножками польку-мазурку; но, получивъ отъ отца хорошее наслѣдство, онъ не нуждался въ отцовской профессіи, а напротивъ—попалъ въ высшій свѣтъ, плѣнивъ своимъ наслѣдственнымъ талантомъ одну прелестную маркизу; однако, въ дочери, родившейся отъ этого брака съ маркизой, то есть, во внукѣ танцмейстера и кухарки, проснулись наклонности бабушки: она съ малыхъ лѣтъ все кашу варила. Если романистъ не дастъ ничего, кромѣ этого остова романа, а только размажетъ его тщательнѣйшимъ описаніемъ подробностей танцовальнаго и кулинарнаго искусствъ, такъ это будетъ романъ, можетъ быть, и экспериментальный, но ужъ, навѣрное, вполнѣ безсмысленный. Романистъ можетъ явить въ немъ необычайныя познанія по части хореграфической и гастрономической техники, онъ можетъ вполнѣ безукоризненно примѣнить законы наслѣдственности, но никто же не скажетъ, что онъ дастъ «научное знаніе о человѣкѣ». А такъ какъ именно въ этомъ, по словамъ романиста-блягера, состояла его цѣль, то всякій пойдетъ искать научнаго знанія тамъ, гдѣ его въ самомъ дѣлѣ можно найти, а романъ прочтетъ такъ себѣ, для развлеченія, для того же, для чего ходятъ смотрѣть акробатовъ и клоуновъ.

Безъ сомнѣнія, бляга не всесильна. Здоровые инстинкты, пробиваясь изъ-подъ нея, спасали до сихъ поръ самого Золá отъ роли клоуна, хотя въ его мелкихъ разсказахъ, входящихъ время отъ времени въ «Парижскія письма», можно найти вещи, очень близко подходящія къ роману: жилъ-былъ танцмейстеръ и женился на кухаркѣ. Есть у него, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ одинъ молодой человѣкъ наставилъ рога старику и сдѣлалъ его женѣ ребенка въ то самое время, когда старикъ объѣдался устрицами, въ надеждѣ, что эта пища возбудитъ его дѣтородную способность. Пожалуй, и для этого разсказа можно придумать рамку изъ цвѣтовъ «новѣйшихъ наукъ», можно, напримѣръ, поблягировать насчетъ законовъ дѣторожденія. Но на самомъ дѣлѣ, какихъ ни измышляй пружинъ, чтобъ мужу буйю ухитриться, а истина должна открыться. Истина же состоитъ въ томъ, что это просто пикантный разсказъ на стародавнюю тэму женскаго грѣхопаденія; разсказъ, эксплуатирующій самые низменные инстинкты читателей, которые въ сущности съ такимъ же интересомъ слѣдятъ за исторіей стараго рогоносца и его молодой жены, съ какимъ зрители слѣдятъ за кунстштюками гимнаста и балаганствомъ клоуна. Если тутъ и есть разница, то она отнюдь не въ пользу романиста; романистъ владѣетъ болѣе могучимъ орудіемъ, чѣмъ мускулы гимнаста, и, значитъ, съ него больше спрашивать можно. Въ сущности, подъ всѣми этими толками о наукѣ, «опытѣ» и тому подобныхъ прекрасныхъ вещахъ скрывается простая распущенность. Люди не имѣютъ строго опредѣленныхъ нравственныхъ и политическихъ идеаловъ и, вмѣсто того, чтобы потрудиться надъ выработкою ихъ, говорятъ: «намъ ничего этого и не нужно, мы ученые, мы создаемъ науку о человѣкѣ». А такъ какъ въ этомъ смыслѣ одинаково интересны, одинаково достойны изученія и клоунъ, и Наполеонъ III, и герой «Брюха Парижа», и старый рогоносецъ, объѣдающійся устрицами, то романисты распускаютъ себѣ вожжи или, еще точнѣе, играютъ роль тѣхъ малыхъ и элементарно развитыхъ животныхъ, которыя не сами ходятъ за добычей, а пассивно ловятъ все, что принесетъ къ нимъ волной. Попадется вторая имперія—прекрасно, но можетъ попасться и

пошлѣйшая исторія стараго рогоносца, объѣдающагося устрицами, и исторія братьевъ Земганно: все перемелется жерновами экспериментальнаго романа и изо всего мука выйдетъ. Такая распущенность въ выборѣ предметовъ художественнаго воспроизведенія, разумѣется, отнюдь не выкупается тщательностью, съ которою экспериментаторы изучаютъ разъ намѣченный предметъ. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были познанія въ этомъ родѣ и хотя бы, напримѣръ, Гонкуръ, для вящшаго изученія гимнастики, самъ кувыркался на трапеціи и надѣвалъ клоунскій парикъ—о «научномъ знаніи человѣка» тутъ серьезнаго разговора быть не можетъ.

Но если толки экспериментаторовъ о добываемомъ ими научномъ знаніи представляютъ просто блягу, пустословіе, то не обнаруживаютъ ли, по крайней мѣрѣ, наши романисты того болѣе скромнаго, но болѣе приличествующаго искусству знанія человѣческаго сердца, которое выражается сильнымъ вліяніемъ на читателя? C'est selon, какъ говорятъ французы. Вѣдь и клоунъ удачнымъ, то есть хохотъ вызывающимъ фарсомъ показываетъ, что онъ знаетъ человѣческое сердце или, по крайней мѣрѣ, сердце посѣтителей цирка. Если поэтому, напримѣръ, Зола, въ вышепомянутомъ разсказѣ объ устрицахъ, старомъ мужѣ и молодой женѣ, разсчитывалъ вызвать въ читателѣ улыбку да кое-какіе скабрезные помыслы, то онъ, вѣроятно, достигъ своей цѣли и тѣмъ самымъ показалъ, что знаетъ человѣческое сердце. Однако, это знаніе таково, что о немъ приличнѣе сказать: вотъ человѣкъ, который знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Въ этомъ смыслѣ какой-нибудь Бело съ своей «Огненной женщиной» долженъ быть поставленъ гораздо выше Зола. Не объ этомъ, разумѣется, знаніи рѣчь идетъ. Мы знаемъ, что, напримѣръ, Жоржъ Зандъ, каковы бы ни были въ другихъ отношеніяхъ ея талантъ и поэтическая манера, умѣла съ такой силою предъявлять, «объективировать» свое задушевное, что оно становилось вмѣстѣ съ тѣмъ задушевнымъ многаго множества читателей и читательницъ. Конечно, это зависѣло нетолько отъ глубокой вѣры автора въ это свое задушевное, а и отъ тонкаго знанія струнъ, которыя надо затрогивать въ душѣ

читателя, чтобы произвести впечатлѣніе. Такъ вотъ любопытно было бы знать, въ какой мѣрѣ обладаютъ «экспериментаторы» *этимъ* знаніемъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «Братья Земганно»—одно изъ самыхъ задушевныхъ произведеній экспериментальной школы вообще и Гонкура въ особенности. Но пусть же читатель, отрѣшившись отъ внѣшняго интереса фабулы романа, попробуетъ опредѣлить, какое впечатлѣніе онъ вынесъ изъ этой трогательной исторіи двухъ клоуновъ. Всѣ люди, всѣ человѣки, въ томъ числѣ и клоуны. И площадному гаеру не чужда возможность страшной, потрясающей драмы, и гимнастъ можетъ являть образцы высокаго. А тутъ Гонкуръ еще всѣми силами старается внушить намъ уваженіе къ героямъ, не только украшая ихъ достоинствами ума и сердца, но возводя еще ихъ въ санъ художниковъ. Что же выходитъ на дѣлѣ? Какого эффекта достигаетъ авторъ? Напримѣръ, этотъ геніальный Джіанни, который въ каждую свободную минуту вертитъ стулья и ставитъ бутылки вверхъ дномъ,—развѣ это, въ концѣ концовъ, не уморительнѣйшая фигура, способная возбудить только смѣхъ? Гонкуръ выбивается изъ силъ, чтобы возбудить сочувствіе къ Джіанни, сидящему въ позѣ мыслителя, изобрѣтателя, пожираемаго своею идеей, но никакъ не удается автору вселить въ читателя свое собственное отношеніе къ честолюбивому акробату, и даже когда этотъ человѣкъ предается одиночной и тайной «черезголовицѣ» и затѣмъ въ порывѣ самоотверженія, отказывается отъ любимаго искусства—насъ разбираетъ все-таки только смѣхъ и смѣхъ. А когда Нелло ломается передъ Томпкинсъ и, напримѣръ, «на одной изъ своихъ вывороченныхъ ногъ, точно на гитарѣ, исполняетъ передъ красавицей любовный романсъ», такъ это выходитъ не только не художественно, какъ думаетъ Гонкуръ, а просто на просто омерзительно.

А, между тѣмъ, Гонкуръ, безъ сомнѣнія,—человѣкъ талантливый. Почему же его не вывозитъ ни талантъ, ни тщательность работы? Потому, что онъ самъ—акробатъ, потому, что онъ относится къ своему дѣлу совершенно такъ-же, какъ относится до-

бросовѣстный гимнастъ, вродѣ Джіанни, къ своему. Онъ въ сущности совершенно правъ, когда воплощаетъ свою собственную и брата своего, Жюля, жизнь въ формѣ жизни братьевъ Земганно. Въ принципѣ, это—кощунство, поруганіе и оплеваніе поэзіи, но для «экспериментаторовъ» это—не кощунство, а наивная правда. Со стороны, однако, такое уподобленіе поэзіи и ремесла клоуновъ остается все-таки смѣшнымъ или возмутительнымъ.

Смѣшно или возмутительно не то, что герои романа—акробаты, что они мечтаютъ о славѣ, любятъ, самоотвергаются. Все это въ порядкѣ вещей. И даже въ «Братьяхъ Земганно» можно найти два-три эпизода, въ которыхъ акробаты, являясь героями драмы, не возбуждаютъ однако ни смѣха, ни негодованія. Но эти эпизоды не касаются главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Когда еще былъ живъ отецъ братьевъ Земганно, въ труппѣ участвовалъ великанъ и силачъ Рабастанъ, глупое животное, которое умѣло только ѣсть и играть мускулами. Когда труппа пріѣзжала въ какой-нибудь городъ или мѣстечко, она вызывала мѣстныхъ жителей помѣряться силой съ Рабастаномъ на пари. Рабастанъ всегда побѣждалъ и доставлялъ труппѣ не малый доходъ. Но вотъ, однажды, къ великому ужасу всей семьи акробатовъ, Рабастана повалилъ вызванный имъ на бой мельникъ. «Труппа еще не вышла изъ оцѣпенѣнія, потрясенная и приниженная, какъ вдругъ раздался канальски-лукавый голосъ клоуна, публично крикнувшаго ошеломленному Геркулесу, что онъ черезчуръ сильно обнималъ одну грязную женщину въ ночь, предшествовавшую единоборству... Страшный ударъ повалилъ клоуна на землю... Клоунъ сказалъ правду. Дѣйствительно, атлетъ, до сихъ поръ бывшій влюбленнымъ только въ ѣду, внезапно воспылалъ нѣжностью къ одной женщинѣ, которую таскалъ за собою и которой приносилъ въ жертву значительную часть своихъ силъ. Печальнѣе всего для артиста и труппы въ этомъ пораженіи было то, что онъ совершенно убилъ въ немъ сознаніе своего превосходства, что онъ потомъ былъ побѣжденъ еще два или три раза, и что съ этого времени онъ впалъ въ нѣмое отчаяніе и меланхолическую увѣренность, что его сила заколдована, и ничѣмъ нельзя было уговорить его совершить хотя одинъ изъ прежнихъ подвиговъ».

Другой эпизодъ. Отецъ братьевъ умеръ, дѣла шли плохо, и Джіанни рѣшилъ продать весь свой сценическій инвентарь, чтобы уѣхать и подняться вмѣстѣ съ Нелло со ступеньки бродячихъ балаганщиковъ на высшую. Покупатель нашелся, дѣло сдѣлано, Джіанни возвращается къ себѣ домой. «У входа въ балаганъ стояла Колотушка (примадонна) и поджидала его. Въ послѣднее время онъ уже нѣсколько разъ замѣчалъ, что она хочетъ ему что-то сказать; но, когда нужно было говорить, она глотала слова.—«Наконецъ, это вы, мосье Джіанни... Васъ долго не было сегодня... Я хотѣла...»—И она остановилась, и потомъ произнесла въ смущеніи: «Короче, вотъ въ чемъ дѣло... говорятъ, что дикія женщины теперь въ модѣ... что это приноситъ хорошій доходъ... И я уже справлялась, какъ это онѣ ѣдятъ мясо... Ничего особенно гадкаго, знаете, нѣтъ въ сырыхъ цыплятахъ... Къ тому же мнѣ нечего важничать... И для васъ я готова съѣсть ихъ сколько угодно... Даже сигары...» — Джіанни посмотрѣлъ на нее. Колотушка покраснѣла и сквозь черноту ея загорѣлаго лица блеснулъ лучъ нѣжнаго чувства, которое она питала къ молодому антрепренеру, глубоко затаивъ его на днѣ своей души. Бѣдная дѣвушка, побуждаемая этою любовью и не находя другого средства поддержать падающія дѣла фирмы, подавила въ себѣ горделивое чувство примадонны, такъ какъ пляска на канатѣ доставляла ей первенствующее положеніе въ труппѣ, и соглашалась, въ порывѣ этой высокой самоотверженности, занять самую низкую ступеньку на лѣстницѣ профессіи акробатовъ: пожирательницы живыхъ куръ».

Казалось бы, радости и горести, вообще душевная жизнь такого глупаго животнаго, какъ Рабастанъ, и такой распутной бабенки, какъ Колотушка, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что волнуетъ братьевъ Земганно: тамъ лучезарный ореолъ искусства, а здѣсь скотскія ласки и готовность жрать живыхъ куръ. На дѣлѣ, однако, выходитъ наоборотъ. Рабастанъ и Колотушка — акробаты низшаго разбора, такъ сказать, чернь искусства, работающая изъ-за куска хлѣба. Но вы навѣрное не засмѣетесь, читая приведенные эпизоды, а напротивъ—съ инте-

ресомъ и участіемъ будете слѣдить за отчаяніемъ Рабастана, лишеннаго возможности по-прежнему «работать» изъ-за того, что въ немъ наконецъ проснулось что-то человѣческое, хотя и облеченное въ скотскую форму, и за дѣйствительно трогательнымъ самоотверженіемъ Колотушки. Эти эпизоды не возбудятъ въ васъ смѣха, именно потому, что Рабастану и Колотушкѣ отведено настоящее мѣсто. Въ ихъ печальной судьбѣ вы видите суровый приговоръ ихъ жалкому и презрѣнному ремеслу, которое такъ уродуетъ человѣка, что даже лучшія его качества получаютъ какую-то обдерганную, общипанную форму; видите приговоръ и всему тому порядку, который создаетъ жранье живыхъ куръ изъ-за куска хлѣба.

Значитъ, смѣшно не то, что братья Земганно фигурируютъ въ качествѣ героевъ романа. Смѣшно то, что на нихъ брошенъ свѣтъ самодовлѣющаго искусства, въ себѣ самомъ несущаго свою цѣль и оправданіе. Колотушка жретъ живыхъ куръ. Это понятно, это даже возвышенно, ибо она практикуетъ свое «искусство» не ради него самого, не ради того, чтобы возбудить удивленіе праздной толпы, а, во-первыхъ, для того, чтобы жить, и, во-вторыхъ, для того, чтобы поправить дѣла любимаго человѣка. Цѣль не въ жраньѣ куръ: это жранье есть только средство для достиженія иныхъ цѣлей, изъ которыхъ одна, по крайней мѣрѣ, законна, а другая самоотверженна. Не Колотушкина вина въ томъ, что она можетъ достигать этихъ цѣлей только такимъ презрѣннымъ средствомъ, какъ ея «искусство»: она—ни въ чемъ неповинная sancta simplicitas. Другое дѣло—братья Земганно. Въ ихъ исторіи, съ тѣхъ поръ какъ они бросили отцовскій балаганъ, ни разу не упоминается вопросъ о пропитаніи. Онъ давалъ себя безъ сомнѣнія знать. Но Гонкуръ имѣлъ безтактность скрыть эту сторону дѣла, полагая вѣроятно тѣмъ самымъ возвысить братьевъ и ихъ искусство. Никакихъ иныхъ цѣлей братья Земганно тоже не преслѣдуютъ, что уже самою профессіей ихъ опредѣляется. Они исполняютъ черезголовицу для черезголовицы и арабскій прыжокъ для арабскаго прыжка. Ихъ искусство замыкается въ самомъ себѣ и не порождаетъ ничего высшаго. Въ этомъ нѣтъ

ничего удивительнаго. На то они и акробаты. Но, увѣнчавъ ихъ лаврами художества, Гонкуръ не только сдѣлалъ ихъ смѣшными, а показалъ, кромѣ того, что самъ онъ, пиша «Братьевъ Земганно», смотрѣлся въ зеркало. Его собственное искусство, поэзія, романъ для него тоже въ самомъ себѣ замыкается. Золя скажетъ, что это неправда, что изъ «Братьевъ Земганно» истекаетъ научное знаніе человѣка. Но, такъ какъ это—одно пустословіе, то можно съ увѣренностью сказать, что изъ «Братьевъ Земганно» ровно ничего не проистекаетъ. И вотъ почему романъ этотъ въ цѣломъ не будитъ въ читателѣ ничего, кромѣ смѣха, хотя авторъ думалъ возвести своихъ клоуновъ въ перлъ созданія.

III.

Мнѣ остается слишкомъ мало времени и мѣста, чтобы подробно говорить о романѣ Крестовскаго-псевдонима «Баритонъ». Къ счастію, цѣль предлагаемыхъ замѣтокъ и не требуетъ такой подробности: я не думаю разбирать «Баритона».

Это—произведеніе не блестящее. Отъ него исходитъ только такой ровный, мягкій, пріятный, не рѣжущій глазъ свѣтъ, какой даетъ рабочая лампа подъ абажуромъ. Главный недостатокъ романа состоитъ въ неумѣренной идеализаціи бурсы: семинаристы Крестовскаго-псевдонима почти всѣ такъ умны, такъ добродѣтельны, цѣломудренны, такъ жаждутъ просвѣщенія и такъ любятъ семинарію, мѣсто своего воспитанія, что если-бы мы даже не знали «Бурсы» Помяловскаго, пришлось бы усомниться въ вѣрности такого trop de fleurs. Главное достоинство романа состоитъ въ теплой тенденціи и въ пониманіи задачъ искусства, каковое пониманіе, какъ и въ «Братьяхъ Земганно», выражается не только практически, самимъ романомъ, а и теоретически затрогивается его фабулой. Крестовскій-псевдонимъ тоже немножко смотрѣлся въ зеркало, когда писалъ «Баритона».

Архіерейскій пѣвчій, обладающій изъ ряда вонъ выходящимъ голосомъ («баритономъ») и талантомъ, случаемъ наталкивается на

хорошую женщину, госпожу Майцову. Хорошая женщина пригрѣваетъ молодаго бурсака, нѣсколько дикаго, застѣнчиваго, неотшлифованнаго и будитъ дремлющіе въ немъ задатки хорошихъ мыслей и чувствъ. Стараніями ея дѣло налаживается такъ, что бурсакъ долженъ ѣхать въ Петербургъ для довершенія своего артистическаго образованія; но нѣкоторыя печальныя особенности «кутейнической» среды не даютъ осуществиться этому плану. «Баритонъ», только что разбуженный къ свѣту, радости и простору, умираетъ чуть не прямо отъ отчаянія, что эти райскія двери, на минуту передъ нимъ открытыя, вдругъ захлопываются.

Такова фабула романа. Читатель видитъ, что и здѣсь, какъ въ «Братьяхъ Земганно», герой романа—художникъ, мечтающій объ артистической карьерѣ. Но Гонкуръ даетъ намъ какихъ-то фантастическихъ царей искусства и не даетъ ни единаго слова осужденія ихъ средѣ, даже не пытается реабилитировать ее, до такой степени онъ увѣренъ въ ея великолѣпіи и правомѣрности ея положенія. (Эпизоды вродѣ исторіи Рабастана и Колотушки окраплены мимоходомъ и относятся только ко времени площаднаго поприща братьевъ Земганно, а съ тѣхъ поръ, какъ они продали свой балаганъ и стали давать представленія въ циркахъ, все было добро зѣло.) Крестовскій-псевдонимъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Правда, какъ уже замѣчено, товарищи и начальники «баритона» большею частью слишкомъ хороши, слишкомъ идеальны. Но этой неумѣренной идеализаціей авторъ, въ сущности, какъ бы говоритъ: посмотрите, вѣдь это—люди, превосходные люди; за что же вы гоните и оскорбляете ихъ, за что отгоняете ихъ отъ чаши жизни своими предразсудками и своимъ неумѣніемъ устроить сносный общественный порядокъ»? Ради этого укоризненнаго вопроса и производится вся неумѣренная идеализація: авторъ превозноситъ людей, а не среду, не положеніе, какъ это дѣлаетъ Гонкуръ. И послѣдняя лесть, конечно, гораздо горше первой. Горячія рѣчи госпожи Майцовой въ защиту права «кутейниковъ» на свѣтъ и просторъ и тяжелое раздумье на эту тэму Ивановскаго (такъ зовутъ баритона) многимъ могутъ показаться

теперь уже труизмами. Но вѣдь роману двадцать лѣтъ, и авторъ все-таки совершенно справедливо говоритъ въ коротенькомъ предисловіи: «Баритонъ» писанъ въ 1857 году. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось въ обществѣ и въ той средѣ, откуда взятъ романъ; но, какъ бы ни были велики внѣшнія перемѣны, за ними стоятъ еще цѣлые ряды укоренившихся понятій, обычаевъ, матеріальныхъ преградъ, которыя не такъ скоро допускаютъ минувшее сдѣлаться *только* воспоминаніемъ».

Ясно во всякомъ случаѣ, что авторъ написалъ романъ не для того, чтобы разсказать анекдотъ объ одномъ архіерейскомъ пѣвчемъ, не для того, чтобы доставить читателю мимолетное развлеченіе и просто приковать его вниманіе къ различнымъ туръ-дефорсамъ беллетристики. Авторъ нисколько не скрываетъ не только отъ себя, но и отъ читателей, что хочетъ произвести на нихъ давленіе въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ. Онъ, пожалуй, тоже дѣлаетъ «опытъ», но не для той нелѣпой и, собственно говоря, мнимой, никѣмъ не практикуемой цѣли, чтобы добыть путемъ романа научное знаніе. Авторъ производитъ опытъ надъ читателемъ: онъ хочетъ знать, можно ли этого читателя расшевелить изображеніемъ загубленной, забитой, приниженной жизни. Нашему автору опытъ удался; но онъ могъ бы и не удасться, и это все-таки ничего не говорило бы противъ такой постановки вопроса о цѣляхъ и задачахъ искусства. Неудача свидѣтельствовала бы только о слабости таланта, а не о невѣрности замысла, тогда какъ, при «экспериментальномъ» пониманіи задачи романа, талантъ Гонкура ничего не вывезъ.

Само собою разумѣется, что если самъ авторъ такъ понимаетъ свою художественную задачу, то это пониманіе должно отразиться и на личности героя романа, тоже художника. Гонкуръ вложилъ братьямъ Земганно свое пониманіе, Крестовскій-псевдонимъ долженъ вложить Ивановскому—свое. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. И «Баритонъ», подобно Джіанни, мечтаетъ о славѣ, и его манитъ подняться къ высшимъ ступенькамъ искусства. Но какая разница! Въ самыхъ пылкихъ своихъ мечтахъ Джіанни не выбивается изъ заколдованнаго круга трапецій и вверхъ дномъ

поставленныхъ бутылокъ, который созданъ для него усердіемъ Гонкура. Передъ «Баритономъ», напротивъ, Мкайцова распахнула на одно мгновеніе истинно райскія двери: тамъ, за этими дверями, юному семинаристу рисуется залитое ослѣпительнымъ блескомъ пространство, которое онъ хочетъ не только наполнить своимъ пѣніемъ и музыкой, но въ которомъ намѣчаются для него, пока еще смутными и неопредѣленными чертами, «счастье и свобода, широкій путь, разумный трудъ». Эта неопредѣленность мечты вполнѣ приличествуетъ юному, только что разбуженному бурсаку; но онъ уже знаетъ цѣну счастья и свободы, широкаго пути и разумнаго труда. Онъ лихорадочно набирается знаній, роется въ книгахъ, горько раздумывается надъ своимъ и своихъ братьевъ по духу положеніемъ, и временами прорывается уже у него бурный протестъ. Если бы его не подкосила злая судьба и онъ попалъ бы въ Петербургъ, ему пришлось бы вѣроятно пережить много разочарованій. Очень можетъ быть, что онъ забросилъ бы и свое пѣніе, и музыку, потому что для Ивановскаго, какъ и для Крестовскаго, искусство не есть самодовлѣющая цѣль, а только средство. Но сѣмена добра и правды остались бы и дали бы цвѣтъ и плодъ.

Таковъ «опытъ» Крестовскаго-псевдонима. *Этотъ* опытъ дорого стоитъ, и, значитъ, «не хвально намъ искать правды» у экспериментаторовъ, которые такъ смахиваютъ на шутовъ гороховыхъ.

Сентября
1879 г.

О ПИСЕМСКОМЪ И ДОСТОЕВСКОМЪ.

1881 годъ начался для русской литературы двумя потерями: 21-го января умеръ въ Москвѣ А. Ѳ. Писемскій, 27-го января умеръ въ Петербургѣ Ѳ. М. Достоевскій. Писемскій родился въ 1820 г., Достоевскій въ 1822 г. Первый романъ Писемскаго, «Боярщина» былъ оконченъ въ 1846 году (напечатанъ онъ гораздо позже, въ 1858); первый романъ Достоевскаго, «Бѣдные люди» появился тоже въ 1846.

Это были звѣзды, участники созвѣздія знаменитыхъ «сороковыхъ годовъ», которое такъ долго освѣщало нашу бѣдную жизнь, а теперь уже такъ сильно порѣдѣло. Но «звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ». Всегда грубоватая и какъ бы даже щеголявшая своей внѣшнею грубостью и внутреннею неряшливостью, муза Писемскаго подъ конецъ совсѣмъ замолкла. Въ послѣднихъ произведеніяхъ его не слышится уже дыханія какой-бы то ни было музы. Онъ очевидно задолго до смерти совершилъ все, что могъ совершить, и благодарный читатель помнитъ въ его лицѣ не живую силу, относительно которой были бы умѣстны надежды и опасенія, а—заслугу, заслугу законченную и взвѣшенную. Совсѣмъ другое дѣло—Достоевскій. Надъ нимъ едва-ли не сбылось пророчество Бѣлинскаго: «много въ продолженіи его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы». Положимъ, что «противопоставлять» талантъ Достоевскаго какому-нибудь другому никто не

думалъ, да и мудрено бы было это сдѣлать въ виду крайней своеобразности таланта Достоевскаго. Но вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что общій интересъ въ его художественной дѣятельности, за нѣкоторыми перерывами, возросталъ до самой его смерти, а этого далеко нельзя сказать о большинствѣ его блестящихъ сверстниковъ.

Я просто отмѣчаю фактъ, и не думаю мѣрять Достоевскаго съ кѣмъ бы то ни было, всего меньше съ Писемскимъ, хотя ихъ одновременная смерть невольно наталкиваетъ на сравненія и параллели. А фактъ на лицо, онъ не подлежитъ сомнѣнію, онъ засвидѣтельствованъ и похоронами Достоевскаго. Столь торжественныхъ проводовъ частнаго человѣка въ страну небытія Петербургъ, конечно, не видалъ. Какъ ни странно это звучитъ, но въ проводахъ было нѣчто даже какъ-бы ликующее. Провожатые вспоминали другія времена, другія подобныя печальныя торжества. Вспоминали разсказъ Панаева о похоронахъ Бѣлинскаго, котораго маленькая кучка людей чуть не тайкомъ донесла до мѣста вѣчнаго успокоенія; вспоминали и радовались, что вотъ мы можемъ теперь такъ полно и открыто выражать свое уваженіе къ любимымъ труженикамъ мысли. Вспоминали похороны Некрасова, не столь многолюдныя и торжественныя, а главное—гораздо болѣе однородныя, не соединившія столько разнообразныхъ общественныхъ элементовъ; вспоминали и радовались, что вотъ все общество, отъ верхняго края до нижняго, слилось въ одномъ чувствѣ уваженія къ покойному и скорби по немъ...

Радостная сторона этихъ сложныхъ ощущеній не могла, разумѣется, имѣть прямого отношенія къ Достоевскому. Но мнѣ кажется, что она уже слишкомъ оторвалась отъ своего повода. Поясню свою мысль мелкимъ, но любопытнымъ фактомъ. Москва, всегда склонная похвастаться своей сердечностью и попрекнуть Петербургъ черствостью и холодностью, на этотъ разъ устами, если не ошибаюсь, «Современныхъ Извѣстій», перевернула на изнанку свою древнюю формулу распредѣленія пороковъ и добродѣтелей между двумя столицами: почтенная газета не безъ пафоса укоряла согражданъ-москвичей за то, что они отдали Пи-

семскому послѣднюю дань чувства не такъ полно и всенародно, какъ петербуржцы—Достоевскому. Значитъ, почтенная газета думаетъ, что все дѣло тутъ въ пылкости чувствъ, когда-то украшавшей москвичей, а нынѣ переселившейся въ петербургскія болота; въ пылкости чувствъ, а не въ личностяхъ Доетоевскаго и Писемскаго и не въ томъ, что «звѣзда отъ звѣзды разнствуютъ во славѣ»...

Простите, читатель. Повторяю, я не думаю мѣрять двухъ покойниковъ, я отмѣчаю странную, но характерную мысль московской газеты. Это—странная мысль потому, что Достоевскій есть Достоевскій, а Писемскій есть Писемскій. Одинъ до конца дней своихъ доставлялъ многочисленнымъ читателямъ своеобразное мучительное наслажденіе игрою своей творческой силы; другой, можетъ быть, уже въ «Тысячѣ душъ», то есть лѣтъ двадцать тому назадъ, сказалъ свое послѣднее художественное слово. Въ чемъ же, спрашивается, вина москвичей, если они хоронили давнопрошедшее (не затрогивая другой квалификаціи) не такъ, какъ петербуржцы хоронили даже не прошедшее? Но мысль московской газеты не только странна, она характерна. Характерна именно эта отвлеченная, такъ сказать, безпредметная точка зрѣнія на овацiи и чествованія, независимо отъ чествуемой личности. Я видѣлъ настоящія, искреннія слезы и истинно скорбныя лица у гроба Достоевскаго. Но я ощущалъ кругомъ себя и радость, и слышалъ выраженія радости, что вотъ, молъ, сколько свободы и единенія. Конечно, одно другому не мѣшаетъ. Можно глубоко скорбѣть объ утратѣ дорогого человѣка и въ то же время радоваться, что наконецъ-то я могу открыто, всенародно заявить свои симпатіи. Это такъ. Но при томъ условіи, что свободное выраженіе симпатій есть у насъ рѣдкое и непривычное лакомство, а вовсе не хлѣбъ насущный, получаемый ежедневно,—въ распредѣленіи скорби и радости можетъ произойти путаница, въ которой истинное значеніе чествуемаго лица совсѣмъ утонетъ. Я глубоко убѣжденъ, что этого рода путаница сильно сгустилась надъ гробомъ Достоевскаго.

Говорятъ о единомъ чувствѣ скорби, въ которомъ слилось все

русское общество отъ верхняго края до нижняго. Такое единеніе, пожалуй, и было, а пожалуй, что его и не было,—какъ смотрѣть на дѣло. Вся наша интеллигенція потеряла высоко даровитаго художника, который, вдобавокъ, незамѣнимъ, ибо много надо условій, и притомъ тяжелыхъ, гнетущихъ условій, чтобы народился второй Достоевскій; поэтому вся интеллигенція, безъ различія направленій и положеній, должна чувствовать утрату. Но, переходя къ другимъ сторонамъ дѣла, я слышу, напримѣръ, рѣчь г. Кони, сказанную въ годовомъ собраніи юридическаго общества 2-го февраля. Какъ пишутъ въ газетныхъ отчетахъ объ этой рѣчи, г. Кони «очертилъ связь творчества Достоевскаго съ юриспруденціей». По вопросу о преступленіи, говорилъ г. Кони, покойникъ далъ анализъ преступленія въ его внутреннемъ содержаніи, далъ анализъ типовъ невмѣняемости и показалъ поучительный примѣръ теплаго къ нимъ отношенія; по вопросу о наказаніи онъ впервые познакомилъ насъ съ каторгой, очертилъ смертную казнь (въ «Идіотѣ») такими штрихами, которые «должны быть приняты къ свѣдѣнію юриспруденціей», и изобразилъ «внутреннее наказаніе», которому виновный подвергается помимо общества; наконецъ, онъ внимательно останавливался на многихъ процессуальныхъ вопросахъ. «Ѳ.М. Достоевскій, заключилъ ораторъ:—жилъ и трудился для тѣхъ именно цѣлей, къ служенію которымъ призванъ новый, реформированный судъ; его девизъ—правда и милость—начертанъ въ твореніяхъ покойнаго глубокими штрихами, и по нимъ слѣдуетъ учиться служить этимъ великимъ задачамъ».

Юридическому обществу дѣлаетъ величайшую честь, что оно, устами не одного г. Кони, а также и г. Пахмана, не убоялось признать научную цѣнность за поэтическими произведеніями. Тѣмъ не менѣе, я не могу согласиться, чтобъ связь творчества Достоевскаго съ юриспруденціей была исчерпана рѣчью г. Кони. Не буду распространяться о той, даже не особенно тонкой насмѣшкѣ, которою Достоевскій облилъ «новый, реформированный судъ» въ своемъ послѣднемъ произведеніи, въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Напомню только завѣтную, излюбленную мысль покойнаго о необходимости страданія, въ силу которой онъ строго

порицалъ судъ присяжныхъ за наклонность къ оправдательнымъ приговорамъ и требовалъ «строгихъ наказаній, острога и каторги». А юридическая идея, лежащая въ основаніи «Братьевъ Карамазовыхъ», та идея, что преступная мысль должна быть такъ же наказываема, какъ и преступное дѣяніе? Нѣтъ, если бы я обладалъ краснорѣчіемъ г. Кони, я сказалъ бы, можетъ быть, о Достоевскомъ: вотъ человѣкъ, въ увлекательной формѣ вливавшій въ юридическое сознаніе общества самыя извращенныя понятія. Конечно, я сказалъ бы не правду, а только половину правды; но и г. Кони тоже говоритъ половину правды, а не всю правду. И сомнѣваюсь, чтобы между нимъ, г. Кони, и многоразличными проповѣдниками «строгихъ наказаній, острога и каторги», было дѣйствительное «единеніе» у гроба Достоевскаго.

Въ этомъ смыслѣ и на разныхъ другихъ пунктахъ было вообще мало «единенія», да и не могло его быть много. Каждый своему богу молится, и нѣкоторые изъ этихъ боговъ такъ же далеки другъ отъ друга, какъ Ормуздъ и Ариманъ. Что же въ самомъ дѣлѣ общаго, напримѣръ, между кн. Мещерскимъ и Болеславомъ Маркевичемъ, пролившимъ по слезѣ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», и разными другими общественными элементами, представители которыхъ провожали покойника? Если дѣйствительно есть центральный пунктъ, на которомъ всѣ могли сойтись рука объ руку, такъ покажите же его, ничего не пряча и не извращая. Если же такового указать не можете, то опять-таки, ничего не пряча и не извращая, точно и опредѣленно скажите, какому богу вы молились и какое онъ имѣетъ отношеніе къ другимъ богамъ. Въ этомъ именно состояла задача людей печатнаго и устнаго слова, взявшихся разъяснить чувства многочисленныхъ и разнообразныхъ почитателей Достоевскаго. Но, за весьма малыми, едва замѣтными и, во всякомъ случаѣ, незамѣченными исключеніями, люди печатнаго и устнаго слова остались далеко ниже этой задачи. Ихъ, очевидно, смущала та тѣнь мудрости, которая гласитъ, что de mortuis nil nisi bene. Но вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, только тѣнь мудрости, а если мудрость, то какая то каплунья, кастрированная мудрость, немощная и противоестествен-

ная или, по крайней мѣрѣ, противообщественная. Личные счеты, конечно, кончаются смертью. Если лежачаго вообще не бьютъ, то лежащаго въ могилѣ и подавно: онъ не встанетъ, чтобы отдать ударъ за ударъ. Но оцѣнка общественнаго дѣятеля не есть поединокъ или дѣло личной чести. Тѣло Достоевскаго въ могилѣ, но его духъ, запечатлѣвшій собою цѣлый рядъ поэтическихъ созданій, живъ, и, можетъ быть, смерть писателя временно даже обостряетъ вліяніе его произведеній, придаетъ имъ усиленное значеніе. Надо очень низко цѣнить этотъ «духъ», чтобы примѣнять къ нему правило nil nisi bene. Какое-нибудь ничтожество, которое, свалившись въ могилу, исчезаетъ безъ слѣда и остатка— можетъ нуждаться въ охранѣ великодушія или условныхъ правилъ поединка. Но Достоевскій, одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей русской литературы за все время ея существованія, не нуждается въ пощадѣ или великодушіи, ибо онъ хотя и умеръ, но живъ, доколѣ живы его произведенія. Каплунья же мудрость, наваливая на него гору лести, хоронитъ подъ этой горой его истинное значеніе и, слѣдовательно, совершаетъ надъ нимъ второе погребеніе, ненужное, безцѣльное, оскорбительное и для памяти покойника, и для общественнаго сознанія.

Позвольте вернуться на одну минуту къ рѣчи г. Конп. Краснорѣчивый ораторъ сказалъ, между прочимъ, что Достоевскій «внимательно останавливался на многихъ процессуальныхъ вопросахъ, какъ-то: о доказательствахъ, о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, о задачахъ слѣдователя по дѣламъ уголовнымъ и т. п.». Я не спорю, можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ итоговъ дѣятельности покойнаго; можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ пристально занимался вопросомъ «о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда». Но, господа, надо же знать, наконецъ, мѣру! Вѣдь послѣ этого и чины полиціи и жандармы, не какъ люди, а именно какъ чины полиціи и жандармы, могутъ устроивать митинги и на нихъ торжественно заявлять: «вотъ нашъ учитель!» А намъ, зрителямъ и слушателямъ, останется при этомъ только ликовать, что вотъ, дескать, сколько

свободы и единенія... Художникъ, умѣвшій глаголомъ жечь сердца людей, пѣвецъ униженныхъ и оскорбленныхъ—что-то большое, иные говорятъ—даже великое, и вдругъ за это безъ малаго великое, точно ракъ клешней, хватаются какія-то маленькія, маленькія—мѣры пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія! Нѣтъ, какъ хотите, если это и вѣрно, то совсѣмъ не сюда относится. Замѣтьте, что, придавивъ покойника этой похвалой, г. Кони, какъ уже сказано выше, скрылъ любопытнѣйшую половину отношеній Достоевскаго къ преступленію и наказанію, ту именно половину, которою онъ не «правду и милость» проповѣдывалъ, а «строгія наказанія, острогъ и каторгу», притомъ не за преступленіе только, а и за преступную мысль. Если бы я обладалъ краснорѣчіемъ г. Кони и былъ призванъ разъяснять юридическому обществу связь творчества Достоевскаго съ юриспруденціей, я поступилъ бы какъ разъ наоборотъ: я оставилъ бы мѣры пресѣченія совсѣмъ втунѣ, но за то постарался бы выяснить процессъ, которымъ человѣкъ, самъ на своей шкурѣ испытавшій всѣ ужасы каторги, пришелъ къ заключенію объ отвлеченной необходимости и высшемъ духовномъ смыслѣ каторги. Смѣю думать, что это не нанесло бы ущерба очерку связи творчества Достоевскаго съ юриспруденціей, а кромѣ того, передъ слушателями стоялъ бы живой человѣкъ, а не духовный трупъ, погребенный подъ горою неумѣстныхъ похвалъ.

Я могъ бы привести еще не одинъ примѣръ такого вторичнаго погребенія, но читатель, пожалуй, уже давно хитро подмигиваетъ: дескать, la critique est aisée... Знаю и вовсе не думаю ограничиваться этой «критикой». Я именно намѣреваюсь разсказать, какъ я понимаю покойника и какъ и почему я шелъ за его гробомъ.

Сначала маленькое спеціальное замѣчаніе. Какъ разъ предъ смертью Достоевскаго русская литература была унижена и оскорблена, хотя и не въ такомъ смыслѣ, какъ его униженные и оскорбленные герои, но ужь навѣрное не меньше ихъ. «Обличенія» и ругательства, пущенныя г. Дьяковымъ-Незлобинымъ съ такою холопскою развязностью вслѣдъ удалявшемуся отъ дѣлъ г. Ци-

товичу; потомъ процессъ гг. Ѳедорова, Баталина, Буренина и Поликарпова подняли такую массу отвратительной грязи со дна русской литературы, что сознавать себя русскимъ литераторомъ было, право, стыдно. Положимъ, что грязь поднялась именно со дна литературы, отъ ея подонковъ; положимъ, что сами они изъ всѣхъ силъ стараются установить границу между собою и тѣми элементами литературы, которые искренно хотятъ сохранить общеніе съ добромъ и правдой. Но, какъ ни какъ, это—«собраты», а тамъ извольте еще разбирать. Есть двѣ вещи, безъ которыхъ литература можетъ только прозябать, а не жить, это—свобода и общественное уваженіе. Этому-то послѣднему грозила серьезная опасность; но многочисленная толпа, провожавшая Достоевскаго, могла принести нашему брату, писателю, много утѣшенія или удовлетворенія. Признаюсь, радостная сторона похоронъ даже совершенно исчерпывается для меня этимъ обстоятельствомъ. Честь, небывалая честь и почетъ воздавались труженику мысли и пера, притомъ такому, который до дна испилъ уготованную для этого сорта людей чашу: жестоко пострадалъ за дѣло мысли и практически позналъ, что̀ значитъ лихорадочная, почти поденная умственная работа. Это было ново и утѣшительно. Что же касается свободы и единенія, то, откровенно говоря, я не то что въ ихъ наличность не вѣрю, а просто нахожу разговоръ этотъ неумѣстнымъ. Онъ также не сюда относится, какъ и мѣры пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда (удружилъ же, въ самомъ дѣлѣ, г. Кони покойнику!)

Я очень хочу быть искреннимъ и очень чувствую, какъ трудно привести это хотѣніе въ исполненіе. Тутъ не въ Достоевскомъ дѣло, а въ нашемъ мудреномъ времени. Замѣтьте, пожалуйста, эту любопытнѣйшую и, можетъ быть, наиболѣе общую черту современности: нашему современнику необыкновенно трудно быть искреннимъ. Я не про «независящія обстоятельства» говорю, а про тотъ общій сумбуръ, путаницу, неопредѣленность, въ которой независящія обстоятельства сами составляютъ только частность, хотя и задающую тонъ многимъ другимъ частностямъ. Въ «Запискахъ современника» мы будемъ часто наталкиваться на эту

черту и когда-нибудь, набравши достаточно фактовъ, подведемъ итогъ. Теперь же скажу кратко: трудность въ томъ, что одни боятся быть понятыми, а другіе боятся быть непонятыми. Вотъ и я боюсь быть непонятымъ. И не я одинъ боюсь. Мнѣ многіе совѣтовали даже отложить бесѣду о Достоевскомъ до болѣе благопріятнаго времени, когда восторгъ и скорбь нѣсколько поулягутся. Я думаю, что то само по себѣ, а теперь само по себѣ.

Вы, конечно, помните прекрасныя страницы, написанныя Добролюбовымъ по поводу «Униженныхъ и оскорбленныхъ»; а не помните—такъ перечтите. Многое разъяснено въ этой статьѣ. Но она писана въ 1861 году, двадцать лѣтъ тому назадъ, и въ эти двадцать лѣтъ много воды утекло. Прежде всего Добролюбовъ слишкомъ низко цѣнилъ талантъ Достоевскаго и слишкомъ высоко—«здравость» его направленія. Онъ именно видѣлъ въ немъ «слабое, но здраво направленное художественное чутье». Для своего времени этотъ приговоръ былъ вѣренъ или почти вѣренъ. Но Достоевскій продолжалъ писать и писать. При этомъ общая манера его писанія осталась та же самая: та же безпричинная неровность изложенія, тѣ же нехудожественныя длинноты и урѣзки; та же невѣроподобность дѣйствующихъ лицъ, которыя всѣ, даже самыя глупыя, необыкновенно проницательны, всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, и притомъ языкомъ автора, и проч. Но Достоевскій писалъ въ этомъ родѣ такъ долго и упорно, что наконецъ заставилъ всѣхъ съ нимъ примириться. Всякій, принимаясь за новое произведеніе Достоевскаго, зналъ, что найдетъ тамъ много недодѣланнаго, передѣланнаго и невѣроподобнаго, и заранѣе принималъ это почти какъ должное. Но, оставаясь въ отношеніи, такъ сказать, благоустройства романа самымъ слабымъ изъ нашихъ крупныхъ художниковъ, Достоевскій со временъ Добролюбова значительно выросъ, какъ изобразитель внутренней, душевной драмы. «Преступленіе и наказаніе» — (высшій моментъ развитія творческой силы Достоевскаго), по сложности мотивовъ и тонкости ихъ разработки, неизмѣримо выше всего, что имѣлъ подъ руками Добролюбовъ. Да и въ послѣдующихъ, гораздо уже болѣе слабыхъ вещахъ, въ «Идіотѣ»

«Бѣсахъ», «Братьяхъ Карамазовыхъ», есть страницы такого огромнаго достоинства, что о «слабости художественнаго чутья» тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Даже одной «Кроткой» достаточно, чтобы видѣть, что художественное чутье этого человѣка было, напротивъ, очень сильно, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно неровно и условно: оно покидало его сплошь и рядомъ на десятки, на цѣлыя сотни страницъ, чтобы потомъ вдругъ блеснуть драгоцѣннымъ перломъ и опять исчезнуть.

Но Достоевскій никогда не былъ, что называется «чистымъ», художникомъ; меньше, чѣмъ кого-нибудь, можно его судить судомъ эстетическимъ: это значило бы оставить его совсѣмъ безъ оцѣнки. Мыслитель и публицистъ всегда рѣзко высовывались въ немъ изъ-за художника; а въ послѣдніе годы онъ и формально вступилъ на почву публицистики. И здѣсь опять приговоръ Добролюбова, почти вѣрный для своего времени, требуетъ теперь очень существенныхъ поправокъ и дополненій.

Вотъ что писалъ Добролюбовъ: «Въ произведеніяхъ г. Достоевскаго мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ: это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или, наконецъ, даже не въ правѣ быть человѣкомъ, настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. «Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ человѣку»— вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора помимо всякихъ условныхъ и парціальныхъ воззрѣній, даже помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то a priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. И между тѣмъ, вступая въ жизнь и оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ, что исканія человѣка сохранить свою личность, остаться самимъ собой, никогда не удаются, и кто изъ ищущихъ не успѣетъ рано умереть въ чахоткѣ или другой изнурительной болѣзни, тотъ въ результатѣ доходитъ только—или до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествія, или до простого, тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ человѣческой природы, до искренняго признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка... Кажется, тутъ бы и говорить не о чемъ: человѣкъ убѣ-

дился, что онъ глупъ или безобразенъ, или манеръ не имѣетъ, — ну, и ладно, и броситъ эту матерію... И какой интересъ—описывать то, какъ слѣпой не видитъ?... Но вотъ въ томъ-то и заслуга художника: онъ открываетъ, что слѣпой-то не совсѣмъ слѣпъ; онъ находитъ въ глупомъ-то человѣкѣ проблески самаго яснаго здраваго смысла; въ забитомъ, потерянномъ, обезличенномъ человѣкѣ онъ отысканваетъ и показываетъ намъ живыя, никогда не заглушимыя стремленія и потребности человѣческой природы, вынимаетъ въ самой глубинѣ души запрятанный протестъ личности противъ внѣшняго насильственнаго давленія, и представляетъ его на нашъ судъ и сочувствіе».

Въ этомъ-то «гуманическомъ», какъ говорилъ Добролюбовъ, направленіи художественнаго чутья онъ и видѣлъ его «здравость». На этомъ мотивѣ построена вся глубоко-прочувствованная статья нашего критика, долго составлявшая исходную точку и программу для сужденій о Достоевскомъ. Но «здраво» или не здраво было направлено творчество Достоевскаго, когда онъ писалъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», а достовѣрно то, что впослѣдствіи онъ совсѣмъ уклонился отъ этого пути. Пожалуй, отмѣченная Добролюбовымъ черта жила въ Достоевскомъ до конца дней: объ этомъ свидѣтельствуютъ фигурирующіе въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» штабсъ-капитанъ Снегиревъ и его сынъ Илюшечка. Но во-первыхъ, нѣкоторыя мучительно-превосходныя сцены, въ которыхъ являются эти униженные и оскорбленные, несмотря на все свое высокое достоинство, не новы, это повторенія. А главное, «гуманическая» черта съ теченіемъ времени осложнилась другими чертами, не только не имѣющими ничего общаго съ ней, а даже совершенно ей противоположными. Задатки такого осложненія можно найти и въ раннихъ произведеніяхъ Достоевскаго, но въ настоящую минуту разыскивать ихъ было бы слишкомъ большимъ, да и не нужнымъ трудомъ. Мы, можетъ быть, вернемся къ этой темѣ, когда явится полное собраніе сочиненій покойнаго, которое, конечно, не заставитъ себя долго ждать. Теперь съ насъ довольно того несомнѣннаго факта, что въ «Бѣдныхъ людяхъ» и въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ»

боль объ униженномъ человѣкѣ и тщательное искаиіе въ душѣ его проблесковъ человѣческаго достоинства и протеста — составляютъ во всякомъ случаѣ преобладающую струю.

Съ теченіемъ времени эта боль объ униженномъ стала осложняться чувствомъ совершенно противоположнымъ, какимъ-то жестокимъ чувствомъ почти радости, что человѣкъ униженъ; а тщательное изысканіе лежащаго на днѣ души чувства собственнаго достоинства и протеста замѣнилось проповѣдью смиренія и вольнаго или невольнаго (каторжнаго) страданія. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на эту перемѣну, какъ на поворотъ къ лучшему или къ худшему, но самый фактъ несомнѣненъ. Прежде Достоевскій съ особенною чуткостью ловилъ въ душѣ униженнаго и оскорбленнаго тотъ мотивъ, что и я, дескать, не хуже другихъ! И если этотъ мотивъ, благодаря запуганности и загнанности униженнаго, прорывался нескладно, комически-безобразно, то авторъ съ очевидною болью въ сердцѣ отмѣчалъ этотъ желанный, но неумѣлый взрывъ. Впослѣдствіи, напротивъ, онъ сталъ даже съ гораздо большею жадностью искать въ человѣческой душѣ сознанія грѣховности, сознанія своего ничтожества и мерзости и соотвѣтственной жажды искупленія грѣха страданіемъ. Сообразно этому, измѣнилось въ Достоевскомъ и многое другое. Позвольте, для наглядности, такое сравненіе. Въ первую половину своей дѣятельности Достоевскій производилъ, такъ сказать, душевныя раскопки, какъ ученые производятъ раскопки археологическія. Во второй половинѣ онъ сталъ настоящимъ кладоискателемъ. Онъ именно искалъ душевнаго клада, со всею, мистически затѣйливою, ненужною и даже вредною для дѣла, но традиціонно обязательною обстановкою этого занятія: онъ пробирался къ намѣченному мѣсту въ глухую полночь, напряженно ждалъ, когда зацвѣтетъ на одно мгновеніе чудесный папоротникъ, и съ трепетомъ бормоталъ таинственныя «слова», снимающія положенное на кладъ «заклятіе» и отгоняющія демоновъ, которые охраняютъ кладъ. Онъ уже не просто искалъ, какъ всѣ люди ищутъ, а почти священнодѣйствовалъ, подзадоривая, «взвинчивая» себя самымъ процессомъ священнодѣйствія и его фантастической обстановкой.

Разумѣется, эта перемѣна не вдругъ совершилась. Задатки ея, повторяю, можно найти и въ первой половинѣ дѣятельности Достоевскаго. Поворотъ происходилъ съ извѣстною постепенностью, выдвигая впередъ то, что было первоначально едва замѣтно, и отодвигая назадъ то, что прежде ярче всего было въ глаза. И вотъ какъ, мнѣ кажется, этотъ поворотъ въ общихъ чертахъ происходилъ.

Если есть униженные и оскорбленные, то, значитъ, есть и унижающіе и оскорбляющіе. А если есть боль за униженныхъ и оскорбленныхъ, то какъ слѣдуетъ относиться къ унижающимъ и оскорбляющимъ? На этотъ вопросъ разные люди отвѣчаютъ разно, то есть или прямо словами отвѣчаютъ, или своею дѣятельностью, даже, можетъ быть, не задавая себѣ точно формулированнаго вопроса. Можно, во имя возмездія, потребовать для унижающихъ кары, такого же униженія и оскорбленія, какое они сами раздаютъ направо и налѣво. Можно обратиться къ нимъ съ проповѣдью добра и правды, развернувъ передъ ними яркую картину причиняемаго ими страданія, пригрозивъ имъ муками ада или укорами совѣсти. Можно, наконецъ, подняться на-очень, повидимому, высокую точку любви и всепрощенія и сказать: эти люди творятъ неправду, но они не вѣдаютъ, что творятъ, отпусти имъ, Боже! Какъ ни разнородны эти три рѣшенія, но всѣ они имѣютъ одну общую черту: всѣ они рѣшаютъ вопросъ въ предѣлахъ одинокой (хотя и многократно повторяющейся) личности. Возможность новыхъ и новыхъ униженій и оскорбленій, униженій и оскорбленій безъ конца — ни мало ими не колеблется даже въ идеѣ, потому что вся операція подобна рубкѣ лѣса, а не уничтоженію корней, вся она состоитъ въ индивидуально-психологическомъ рѣшеніи задачи. Но можно перенести вопросъ и на общественную почву, которая нисколько не препятствуетъ удовлетворенію личныхъ позывовъ къ возмездію и совершенствованію другихъ и себя. Широкая общественная реформа можетъ (по крайней мѣрѣ, въ идеѣ) вырвать самые корни униженія и оскорбленія, а затѣмъ съ выжившими отпрысками поступайте, пожалуй, какъ хотите: если въ васъ непреоборимо говоритъ чувство возмездія—

карайте; если вы разсчитываете разбудить въ нихъ совѣсть — будите; если вы склонны къ всепрощающей любви — прощайте. Поступая такъ или иначе, вы удовлетворяете законнымъ требованіямъ своего темперамента и своихъ взглядовъ на личную нравственность. И это прекрасно, коль скоро работа эта происходитъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, коль скоро рядомъ съ ней идетъ движеніе общественной реформы. Но этого-то послѣдняго Достоевскій никогда не признавалъ и, кажется, даже просто органически не могъ понимать. Чтобы видѣть, до какого предѣла онъ въ этомъ отрицаніи или непониманіи, наконецъ, дошелъ, достаточно вспомнить августовскій номеръ «Дневника писателя» (единственный номеръ за 1880 годъ), въ которомъ онъ прямо говорилъ, что помѣщица Коробочка и ея крѣпостные могли бы устроить свои отношенія въ наивысшемъ нравственномъ видѣ, оставаясь помѣщицей и крѣпостными, если бы только проникались идеями христіанской морали. Точно такъ же онъ въ послѣднее время чрезвычайно горячо и язвительно возставалъ противъ новыхъ «учрежденій», доказывая ихъ тщету и, напротивъ, единоспасающее значеніе личнаго совершенствованія. (Были у него и другіе мотивы для агитаціи противъ новыхъ учрежденій, но это были мотивы побочные; о нихъ, можетъ быть, ниже.) Ему даже такое соображеніе не приходило въ голову, что если всякія учрежденія безсильны, такъ зачѣмъ же выходить изъ себя, ратуя противъ того или другого изъ нихъ: ну, пусть оно явится, это безсильное учрежденіе; если оно въ самомъ дѣлѣ безсильно, такъ тутъ и хлопотать не о чемъ. И все-таки Достоевскій хлопоталъ и выходилъ изъ себя: до такой степени ему была ненавистна идея общественной реформы. Онъ до такой степени вѣрилъ въ силу личной нравственной проповѣди (проще говоря, въ свою собственную силу вѣрилъ), что всякіе иные пути устраненія униженій и оскорбленій казались ему самымъ дерзкимъ возстаніемъ и противъ исторіи, и противъ народныхъ идеаловъ, и противъ Бога. Онъ это не разъ прямо говорилъ.

Все это развилось до высшей степени уже подъ конецъ; но, оглядываясь теперь на начало дѣятельности Достоевскаго, можно

замѣтить, что и въ этомъ началѣ, при всемъ сочувствіи къ униженнымъ и оскорбленнымъ, онъ точно не находитъ унижающихъ и оскорбляющихъ. Это, можетъ быть, свидѣтельствуетъ объ очень тонкомъ пониманіи, о «проникновеніи», какъ любилъ говорить покойникъ, въ самую суть жизни. Дѣйствительно, если общій порядокъ вещей родитъ и заставляетъ трепетать униженныхъ и оскорбленныхъ, такъ что же ужъ тутъ обрушиваться на какого-то глупаго большаго чиновника, который даже совсѣмъ нечаянно оскорбилъ глупаго малаго чиновника? Можетъ быть, Достоевскій такъ и понималъ дѣло, рисуя намъ цѣлую портретную галлерею обиженнаго мелкаго люда. Но общій порядокъ вещей былъ для него неприкосновененъ по глубочайшимъ, можетъ быть, интимнѣйшимъ требованіямъ его ума и сердца, и потому онъ съ своей жаждой личной нравственной проповѣди остался какъ ракъ на мели, если позволена будетъ въ настоящемъ случаѣ столь вульгарная поговорка. Куда ее было дѣвать, эту жажду морализировать, карать, поучать, будить совѣсть, прощать? Пока Достоевскій выбиралъ для своихъ повѣстей и романовъ темы изъ жизни мелкаго чиновника, лишь изрѣдка захватывая другія, болѣе или менѣе родственныя сферы, не могло особенно рѣзко обнаружиться противорѣчіе между уваженіемъ къ общему порядку вещей и признаніемъ его же главнымъ виновникомъ униженій и оскорбленій. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ талантъ Достоевскаго росъ и опредѣлялся, по мѣрѣ того какъ его творческая сила охватывала и такъ называемые интеллигентные слои общества и народъ, — противорѣчіе должно было, такъ или иначе, разрѣшиться. Надо было, наконецъ, либо рѣшительно обвинить общій порядокъ, либо найти иныхъ виновныхъ, личныхъ, съ которыми и поступить сообразно одному изъ трехъ вышеприведенныхъ рѣшеній. Достоевскій нашелъ виновныхъ... Однако, не вдругъ на нихъ обрушился съ внѣшнею карою, муками ада и ущемленной совѣсти, и всепрощающею любовью...

Будемъ говорить откровенно, читатель. Вы, безъ сомнѣнія, охотно признаетесь, что, читая романы и повѣсти Достоевскаго, да и «Дневникъ писателя», вы не разъ испытывали большую

скуку. Но вы, можетъ быть, не такъ легко признаетесь въ другомъ чувствѣ, которое, однако, почти навѣрное ощущали при этомъ чтеніи,—въ чувствѣ брезгливости. А оно, между тѣмъ, совершенно понятно. Читая, напримѣръ, «Братьевъ Карамазовыхъ». вы ясно слышите присутствіе злонамѣреннаго человѣка, который иногда глубоко прячетъ свою злонамѣренность, а иногда даже просто не можетъ скрыть ея рвущагося наружу обилія. Присутствіе злонамѣреннаго человѣка всегда непріятно, и всякій естественно стремится избавиться отъ него. Вообще говоря, это сдѣлать очень просто: стоитъ только уйти или, въ настоящемъ случаѣ, не читать. Но если какія-нибудь постороннія причины все-таки заставляютъ васъ не только что терпѣть присутствіе злонамѣреннаго человѣка, а даже искать общенія съ нимъ, то въ васъ невольно и неизбѣжно шевелится брезгливость. Таково именно отношеніе читателя къ Достоевскому. Не быть его читателемъ нельзя: можно пропускать десятки, сотни скучныхъ, растянутыхъ и натянутыхъ страницъ, но все-таки иные моменты романа даютъ столько и такого наслажденія (почти всегда мучительнаго), сколько и какого ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не найдешь. И, тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что, называя Достоевскаго злонамѣреннымъ писателемъ, я выражаю мысль многихъ и многихъ, хотя, можетъ быть, немногіе рѣшатся именно такъ ее формулировать. Достоевскій—вѣдь это нашъ апостолъ любви, и не той «ненавидящей любви», которая сама признаетъ, что кипитъ желчью и гнѣвомъ, а любви всепрощающей, смиренной. И вдругъ—злонамѣренность!

Вдругъ ли, не вдругъ ли, но оно такъ. И не торопитесь винить меня въ неприличіи такихъ сужденій о человѣкѣ, только что зарытомъ въ могилу. Дочитайте до конца, и вы увидите, что въ моихъ сужденіяхъ сказывается безъ сравненія больше уваженія къ покойнику, чѣмъ въ безпутныхъ похвалахъ многихъ и многихъ медоточивыхъ хвалителей и ликующихъ о единеніи и свободѣ...

Возьмите какія-нибудь старыя вещи Достаевскаго, изъ тѣхъ, которыя написаны послѣ «Униженныхъ и оскорбленныхъ». Возьмите, напримѣръ, «Скверный анекдотъ» или «Крокодила, или

необыкновенное событіе въ пассажѣ». «Скверный анекдотъ»—вещь въ своемъ родѣ мастерская, «Крокодилъ»—оборванная шутка, очевидно, имѣющая слишкомъ близкое отношеніе къ какимъ-то дѣламъ или дѣлишкамъ своего времени (начала шестидесятыхъ годовъ) и потому теперь совершенно непонятная. Въ «Скверномъ анекдотѣ» разсказывается, какъ одинъ большой чиновникъ, будучи на-веселѣ, попалъ на свадебную пирушку своего подчиненнаго. Попалъ онъ нечаянно, отчасти даже противъ воли, но затѣмъ вознамѣрился ободрить пирующихъ своимъ высокимъ посѣщеніемъ и своею гуманною ласкою. Ничего, однако, такого не вышло, а напротивъ—генералъ разстроилъ все веселье, самъ получилъ много оскорбленій, нализался пьянъ, и дѣло кончилось всеобщимъ стыдомъ. Въ «Крокодилѣ» описывается, какъ нѣкто, будучи проглоченъ крокодиломъ, котораго показывали въ пассажѣ, остался тамъ «въ нѣдрахъ» цѣлъ и невредимъ, и намѣревается оттуда «поучать человѣчество» и изобрѣсти новую собственную теорію новыхъ экономическихъ отношеній». Соль этого оборваннаго разсказа состоитъ, повидимому, въ томъ, что проглоченный крокодиломъ человѣкъ имѣетъ необыкновенно высокое о себѣ мнѣніе. Онъ очень радъ своему несчастію, разсчитывая, что въ пассажъ теперь повалитъ масса народу смотрѣть на крокодила и слушать его, проглоченнаго: «въ результатѣ я у всѣхъ на виду и хоть спрятанный, но первенствую». Какая тутъ аллегорія—могутъ разсказать только люди, близкіе къ литературнымъ кружкамъ того времени... Но дѣло не въ этомъ. Читая эти двѣ маленькія вещи очень различной художественной цѣнности, вы невольно поражаетесь проникающей ихъ какою-то странною, безпокойною и почти безпредметною злостью. Выскакиваетъ зачѣмъ-то сотрудникъ сатирическаго листка «Головешки», пьяный, наглый и безъ смысла оскорбляющій того генерала, который попалъ на свадьбу. Зачѣмъ-то «господинъ Лавровъ читаетъ публичную лекцію» въ пассажѣ и слышатся «свистки образованности и каррикатуры г. Степанова». Но вы ясно видите, что дѣло совсѣмъ не въ этихъ мелкихъ шпилькахъ, которыя авторъ, конечно, не съ добрымъ чувствомъ, но только мимоходомъ всаживаетъ въ своихъ

литературныхъ противниковъ, а въ какомъ-то гораздо болѣе общемъ и безпокойномъ, безпорядочномъ недовольствѣ. Это—недовольство самимъ собой, своей, тогда еще не упорядоченною внутреннею жизнью, въ которой билось, ища выхода и разрѣшенія, вышеупомянутое противорѣчіе: надо, неудержимо надо карать, будить совѣсть, прощать; но, во-первыхъ, еще неизвѣстно кого? въ комъ? а во-вторыхъ, надо по внутреннему влеченію къ проповѣди, но надо ли по ходу дѣла; если виноватъ не Сидоръ, не Иванъ, а неприкосновенный общій порядокъ?

Съ теченіемъ времени эти вопросы выяснились. И какъ только они выяснились, Достоевскій далъ широко задуманную и блестящую вещь—«Преступленіе и наказаніе», въ художественномъ отношеніи лучшее (послѣ «Записокъ изъ мертваго дома», разумѣется) изо всего, что онъ написалъ. Хотя здѣсь еще звучитъ временами старая теплая нотка (особенно въ фигурѣ чиновника Мармеладова), но все-таки первый, къ кому приложены и проповѣдь смиренія, и кара совѣсти, и кара каторги, есть—униженный и оскорбленный Раскольниковъ. Это на первый взглядъ странно, непонятно. Но припомните, что унижающихъ и оскорбляющихъ, собственно говоря, нѣтъ, а есть общій порядокъ, который, однако, неприкосновененъ, и есть моралистъ, который призванъ творить судъ надъ личностью и только надъ личностью: кромѣ самихъ униженныхъ, значитъ, судить некого. Къ тому же Раскольниковъ не простой униженный и оскорбленный. Онъ дерзнулъ на возстаніе, онъ кощунственно коснулся общаго порядка и теоретическою мыслью, и практическимъ дѣйствіемъ (довольно, впрочемъ, безсмысленнымъ). За это-то его и совѣсть мучитъ, за это онъ и на каторгу идетъ, и только тамъ, на каторгѣ, смирившись и увѣровавъ, получаетъ, наконецъ, душевный миръ. Живымъ укоромъ стоитъ передъ нимъ Соня Мармеладова, оплеванная, загаженная безвинно униженная до послѣдней возможной степени, но и за всѣмъ тѣмъ смиренная, не протестующая: если она противъ чего и протестуетъ, то только противъ сатанинской гордости и дерзости Раскольникова. Смиренная, она все еще себя смирить хочетъ; страдающая, она страданій ищетъ. Это—идеалъ. Постепенно въ

немъ укрѣпляясь, Достоевскій дошелъ, наконецъ, до убѣжденія, что это не только его личный идеалъ, и тѣмъ паче не только пріемникъ для его проповѣди, а во-первыхъ,—самимъ Богомъ указанная цѣль, и во-вторыхъ,—завѣтная мысль всего русскаго народа.

Съ «Преступленія и наказанія» Достоевскій становится спеціалистомъ-кладоискателемъ. Онъ ходитъ по самымъ дикимъ трущобамъ и все ищетъ смиренія, чувства грѣха, сознанія своего ничтожества. Если долго не находитъ, а тѣмъ болѣе если находитъ, напротивъ, рѣшительное нежеланіе страдать, отсутствіе смиренія или даже протестъ противъ страданія и смиренія вообще, то очень сердится (сейчасъ увидимъ, что́ изъ этого проистекаетъ). А когда найдетъ подходящую для его надобностей искру, то начинаетъ усиленно раздувать ее, доводитъ, наконецъ, до размѣровъ цѣлаго костра страданія и самоуничиженія, а самъ стоитъ, любуется, да раскаленные уголья съ священнымъ сладострастіемъ помѣшиваетъ: онъ знаетъ, что эти муки—во спасеніе...

Въ исключительномъ талантѣ Достоевскаго была одна черта, придававшая ему особенную силу, черта, которую я не умѣю иначе назвать, какъ жестокостью таланта. Припомните въ «Идіотѣ» Настасью Филипповну, эксцентрическій женскій типъ, за который покойникъ не одинъ разъ принимался (онъ и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» повторяется—Грушенька) и который, однако, такъ и не дался ему. Эта странная женщина съ лихорадочною горячностью хватается за мысль нѣкоего Фердыщенки, а мысль въ томъ состоитъ, что каждый изъ присутствующихъ (собралось довольно многочисленное общество) долженъ разсказать вслухъ о самомъ себѣ что-нибудь такое, что онъ считаетъ самымъ подлымъ изъ своихъ поступковъ. Почти все общество возстаетъ противъ этой дикой мысли, но Настасья Филипповна настаиваетъ. «Можетъ быть, ей именно нравилась циничность и жестокость идеи», замѣчаетъ авторъ, очень склонный идеализировать Настасью Филипповну. Это самое надо и о самомъ Достоевскомъ сказать. Въ его талантѣ была какая-то жестокая, мучительская складка, которая, разумѣется, ему самому дорого стоила, но которая тѣмъ не менѣе побуждала его съ наслажденіемъ растяги-

вать утончённѣйшія описанія мученій и страданій, растягивать до нехудожественной длинноты и часто совсѣмъ безъ нужды. Мнѣ незачѣмъ напоминать читателю отдѣльныя сцены, потому что все, что онъ самъ припомнитъ, будетъ навѣрное въ этомъ родѣ. Только ради ненужности многихъ подобныхъ мучительныхъ и мучительскихъ сценъ, я укажу на моментъ появленія Красоткина у постели умирающаго Илюшечки (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»). Красоткинъ лицо вводное, притомъ введенное подъ самый конецъ романа и не играющее въ немъ никакой существенной роли. Выкиньте Красоткина совсѣмъ—и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» рѣшительно ничто не измѣнится, хотя можно, пожалуй, механически приставить къ фабулѣ романа даже двухъ Красоткиныхъ. И вотъ авторъ съ любовью и величайшимъ тщаніемъ вырисовываетъ (именно вырисовываетъ, а не просто рисуетъ) поразительную сцену, какъ Красоткинъ мучитъ умирающаго мальчика напоминаніями о его жестокомъ поступкѣ съ собакой Жучкой. Положимъ, что Красоткинъ продѣлываетъ это отчасти даже съ доброю цѣлью, ради болѣе эффектнаго сообщенія Илюшечкѣ, что собака Жучка жива; онъ и не подозрѣваетъ, что добиваетъ умирающаго. Но Достоевскій-то это понимаетъ. Сцена совершенно невѣроподобна, но все-таки производитъ сильное впечатлѣніе, именно благодаря жестокой тщательности, съ которою ее отдѣлалъ авторъ. За что же онъ мучитъ Илюшечку, когда тотъ и безъ этого эпизода съ собакой все равно скоро умретъ?—За что?! странный вопросъ! скажетъ, можетъ быть, читатель: развѣ вамъ непремѣнно нужно, чтобы художникъ только картины блаженства и розоваго счастія рисовалъ?—Нѣтъ, мнѣ вовсе этого не нужно. Но, во-первыхъ, я ищу характеристики писателя, а Достоевскій былъ одинъ изъ тѣхъ художниковъ, передъ которыми навѣрное вполнѣ живутъ создаваемые ими образы, а потому очень характерно, что онъ этому живому Илюшечкѣ причиняетъ ненужное и, такъ сказать, совершенно сверхсмѣтное страданіе. Во-вторыхъ, вопросъ: за что?—вполнѣ умѣстенъ именно относительно Достоевскаго, потому что въ томъ-то и дѣло, что онъ и теоретически (въ своей публицистикѣ), и практически (надъ своими героями) тре-

бовалъ и раздавалъ страданія ни за что-ни про что, страданія ради страданій. Онъ ихъ и читателю доставлялъ въ безмѣрномъ количествѣ, въ безмѣрномъ, потому что сплошь и рядомъ его мучительныя картинки не будятъ никакой мысли, не отвѣчаютъ ни на какой запросъ читателя, не вызываются теченіемъ романа, не имѣютъ никакого нравственнаго смысла и, наконецъ, не соотвѣтствуютъ реальной жизненной правдѣ; словомъ, ничѣмъ не оправдываются и ничего не даютъ, кромѣ художественно-мучительнаго щекотанія нервовъ. Вы признаете законность, напримѣръ, того что въ «Идіотѣ», въ самомъ началѣ романа и чуть-ли не въ одной первой главѣ, князь-идіотъ три раза разсказываетъ сцену смертной казни. Три раза—это можетъ быть уже слишкомъ много, но все-таки вы встрѣчаете тутъ жизненную правду и нравственную подкладку. Но найдите нравственный смыслъ и правду въ безсознательномъ мучительствѣ Красоткина и во многомъ, во многомъ другомъ...

Такимъ образомъ, все влекло Достоевскаго къ апоѳеозу страданія: и уваженіе къ общему порядку, и жажда личной проповѣди, и спеціальная жестокость таланта. Понятно, поэтому, съ какою ненавистью долженъ былъ онъ относиться къ тѣмъ, кто самъ не хочетъ страдать и другихъ хочетъ избавить отъ страданій. Особенно важно послѣднее, то есть, что другихъ-то хочетъ избавить. Человѣкъ—животное, просто животное, ищущее наслажденій во что бы то ни стало, безъ мысли объ ихъ источникѣ, значеніи и послѣдствіяхъ —не занималъ Достоевскаго. Интересный въ общественномъ смыслѣ, этотъ типъ слишкомъ скуденъ личной психологіей, а въ ней только покойникъ и чувствовалъ себя какъ въ родной стихіи, въ ней только онъ и былъ охочъ и смѣлъ. За то тамъ сильнѣе приглядывался онъ къ такимъ людямъ, которые, не желая сами страдать, не желаютъ, чтобы и другіе страдали, или согласны принять крестъ, даже сами идутъ на него, но не ради самодовлѣющаго страданія, а ради именно того, чтобы другіе перестали страдать. Тѣмъ самымъ они переносятъ вопросъ объ униженіяхъ и оскорбленіяхъ на общественную почву, дерзостно покушаются на неприкосновенный общій поря-

докъ и потому становятся вдвойнѣ врагами Достоевскаго. Онъ съ ними и поступалъ какъ врагъ, неумолимый, жестокій, мстительный. Онъ ихъ билъ, унижалъ, мучилъ всѣми возможными орудіями пытки, какія только находились въ арсеналѣ его богатой своей болѣзненностью и раздражительностью фантазіи. Впрочемъ, всѣ эти разнообразныя казни и пытки можно подвести подъ три главные типа.

Въ «Идіотѣ» нѣкто Евгеній Павловичъ доказываетъ, что кто у насъ нападаетъ «на существующіе порядки вещей», тотъ нападаетъ «на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на русскіе порядки, а на самую Россію». Эпилептическій же князь (въ томъ же «Идіотѣ»), вообще представляющій личные взгляды автора, высказываетъ его излюбленную мысль, что «кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего отказался». Сообразно этому, обыкновеннѣйшій пріемъ наказанія дерзостныхъ враговъ общаго порядка и лично Достоевскаго состоитъ въ слѣдующемъ. Намѣтивъ подходящую жертву, Достоевскій отнимаетъ у нея Бога, и дѣлаетъ это такъ просто и механически, что точно крышку съ миски снимаетъ. Отниметъ Бога и смотритъ: какъ себя ведетъ въ этомъ положеніи жертва? Само собою разумѣется, что испытуемый немедленно начинаетъ совершать рядъ болѣе или менѣе гнусныхъ преступленій. Но это не бѣда: для преступленій есть искупляющее страданіе и, затѣмъ, всепрощающая любовь. Не для всѣхъ однако, и въ этомъ все дѣло. Если испытуемый, оставшись безъ Бога, начинаетъ корчиться въ судорогахъ ущемленной совѣсти, то Достоевскій поступаетъ съ нимъ сравнительно милостиво: проволочивъ жертву по цѣлому ряду гнусностей, онъ ее отправляетъ на каторгу или къ «монаху-совѣтодателю» и тамъ ее, самоуничиженную и смиренную, осѣняетъ крыломъ всепрощающей любви (Раскольниковъ, Дмитрій Карамазовъ, дерзостный мужикъ Власъ). Если жертва упорствуетъ и до конца чинитъ «бунтъ», какъ называется одна характерная глава въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», бунтъ противъ Бога, порядка вещей и обязательности страданія (изъ той же главы «Бунтъ» особенно ясно

видно, что бунтъ надо понимать именно въ этихъ трехъ направленіяхъ заразъ), то Достоевскій заставляетъ ее повѣситься, застрѣлиться, утопиться, опять-таки прогнавъ предварительно сквозь строй подлости и преступленій (Свидригайловъ, Ставрогинъ, Кириловъ, Смердяковъ). Наконецъ, если испытуемый, оставшись безъ Бога, даже и не упорствуетъ, а чувствуетъ себя совершенно спокойно, то Достоевскій даруетъ ему жизнь и свободу, но казнитъ его при этомъ самою въ своемъ родѣ лютою казнью: онъ его дѣлаетъ мѣднымъ лбомъ и мерзавцемъ ниже самаго низкаго, словомъ,—какую-то гадину. Таковы многія дѣйствующія лица «Бѣсовъ», таковъ Ракитинъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Въ изображеніи этихъ людей и ихъ судьбы злонамѣренность Достоевскаго чувствуется особенно сильно, и соотвѣтственныхъ страницъ истинно нельзя читать безъ брезгливости.

Остановимся на минуту, только для образца, на Ракитинѣ. Это человѣкъ умный, какъ его рекомендуетъ, по крайней мѣрѣ, Достоевскій, но до такой степени низкій и безсовѣстный, что способенъ дѣлать не только подлости, а и большія глупости. Въ судѣ надъ Дмитріемъ Карамазовымъ онъ фигурируетъ въ качествѣ свидѣтеля. Авторъ разсказываетъ: «Всю трагедію преступленія онъ изобразилъ какъ продуктъ застарѣлыхъ нравовъ крѣпостнаго права и погруженной въ безпорядокъ Россіи, страдающей безъ соотвѣтственныхъ учрежденій. Словомъ, ему дали кое-что высказать. Съ этого процесса господинъ Ракитинъ въ первый разъ заявилъ себя и сталъ замѣтенъ; прокуроръ зналъ, что свидѣтель готовитъ въ журналъ статью о настоящемъ преступленіи, и потомъ, уже въ рѣчи своей, цитовалъ нѣсколько мыслей изъ этой статьи, значитъ,—уже былъ съ нею знакомъ. Картина, изображенная свидѣтелемъ, вышла мрачною и роковою и сильно подкрѣпила «обвиненіе». Вообще же изложеніе Ракитина плѣнило публику независимостью мысли и необыкновеннымъ благородствомъ ея полета. Послышались даже два, три внезапно сорвавшіяся рукоплесканія, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось о крѣпостномъ правѣ и страдающей отъ безурядицы Россіи».

Послѣ всего вышеизложеннаго, вы понимаете, конечно, что та-

кое, хотя бы мимолетное, торжество Ракитина Достоевскій не могъ оставить безъ жестокаго возмездія—вѣдь онъ и негодяемъ-то Ракитина сдѣлалъ за эту самую «страдающую отъ безурядицы Россію». И дѣйствительно, возмездіе получается блистательное. Ловкій адвокатъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, произведенное показаніями Ракитина, искусными разспросами доводитъ до свѣдѣнія публики, что онъ, этотъ самый благородный врагъ крѣпостнаго права и безурядицы, 1) будучи атеистомъ, печатаетъ изъ подлости религіозныя статьи, 2) игралъ за двадцать пять рублей гнусную роль сводни. Удовлетворенный авторъ злобно замѣчаетъ: «т. Ракитинъ сошелъ со сцены нѣсколько подсаленный; впечатлѣніе отъ высшаго благородства его рѣчи было-таки испорчено». Но этого мало. Извѣстно, что у Достоевскаго всѣ дѣйствующія лица чрезвычайно проницательны и всѣ пророчествуютъ именно то, что автору нужно для дальнѣйшаго развитія событій. И вотъ какое пророчество изрекаетъ Иванъ Карамазовъ Ракитину. Пророчество это, какъ опять-таки часто бываетъ у Достоевскаго, излагаетъ самъ Ракитинъ въ разговорѣ съ Алешей: «Изволилъ (твой братъ) выразить мысль, что если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита въ весьма недалекомъ будущемъ и не рѣшусь постричься, то непремѣнно уѣду въ Петербургъ и примкну къ толстому журналу, непремѣнно къ отдѣленію критики, буду писать лѣтъ десятокъ и, въ концѣ концовъ, переведу журналъ на себя. Затѣмъ буду опять его издавать и непремѣнно въ либеральномъ и атеистическомъ направленіи, съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, съ маленькимъ даже лоскомъ соціализма, но держа ухо востро, то есть, въ сущности, дружа нашимъ и вашимъ и отводя глаза дуракамъ. Конецъ карьеры моей, по толкованію твоего братца, въ томъ, что оттѣнокъ соціализма не помѣшаетъ мнѣ откладывать на текущій счетъ подписныя денежки и пускать ихъ при случаѣ въ оборотъ, подъ руководствомъ какого-нибудь жидишки, до тѣхъ поръ, пока не выстрою капитальный домъ въ Петербургѣ съ тѣмъ, чтобы перевесть въ него и редакцію, а въ остальные этажи напустить жильцовъ». Всякій узнаетъ въ этомъ пророчествѣ внѣшнюю сторону исторіи одного недавно умершаго журналиста. Но каковы

бы ни были грѣхи этого покойника, а роль сводни Достоевскій навѣрное уже присочинилъ для вящаго и злонамѣреннаго эффекта. Такого рода выходки вы найдете въ каждомъ романѣ Достоевскаго (высшій пунктъ этого злобнаго полу-творчества составляетъ, можетъ быть, знаменитый беллетристъ Кармазиновъ въ «Бѣсахъ»). Онъ беретъ нѣсколько чертъ, по которымъ если не всѣ, то очень многіе могутъ узнать о комъ рѣчь идетъ, но присовокупляетъ уже отъ себя какія-нибудь экстренныя гнусности или пошлости. Въ этомъ направленіи онъ любилъ также эксплуатировать громкіе уголовные и политическіе процессы. Словомъ, онъ дѣлалъ то-же самое, что сдѣлалъ въ «Идіотѣ» Келлеръ, напечатавъ обличительную статью противъ князя, за что, разумѣется, Келлеръ и потерпѣлъ отъ Достоевскаго. Но Келлеръ есть всего только Келлеръ, а Достоевскій есть Достоевскій и потому брезгливое чувство читателя совершенно понятно...

Вы скажете, можетъ быть, что я сужу о Достоевскомъ, какъ человѣкъ партіи. Я не думаю, чтобы такой судъ былъ незаконенъ, но настаивать на этомъ не буду, потому что въ дѣйствительности пишу совсѣмъ не съ точки зрѣнія партіи. Что касается отношеній самого Достоевскаго къ различнымъ партіямъ, то я сейчасъ напомню одинъ любопытный фактъ, въ свое время незамѣченный, съ которымъ придется считаться всякому, кто будетъ писать о Достоевскомъ впослѣдствіи и кто вѣритъ искренности покойника. Но сперва о другомъ.

О Достоевскомъ часто говорятъ, какъ о народномъ писателѣ или, по крайней мѣрѣ, какъ о такомъ, который глубоко постигалъ самую суть русскаго народа, его душу. Это одна изъ самыхъ странныхъ, по своей неосновательности, репутацій. Изъ всѣхъ блестящихъ представителей сороковыхъ годовъ, она наименѣе приличествуетъ именно Достоевскому. Народомъ, какъ матеріаломъ для художественной обработки, онъ никогда не интересовался. Заинтересовался онъ имъ только подъ конецъ, но въ качествѣ публициста и мыслителя, а не художника. «Записки изъ мертваго дома» не въ счетъ. Это крупнѣйшее произведеніе покойника и одно изъ крупнѣйшихъ во всей русской литературѣ

стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Онъ, конечно, на много переживетъ все остальное имъ написанное, посвященное больному интеллигентному русскому человѣку. (Эта сравнительная недолговѣчность не отъ темы, разумѣется, зависитъ, а отъ исполненія,—Гамлетъ, Донъ-Кихотъ, Отелло, тоже больные интеллигентные люди, но они вѣчны.) Однако и въ «Запискахъ изъ мертваго дома» нельзя искать настоящихъ народныхъ типовъ уже по самой исключительности сферы наблюденій автора. Очень бы ужь это странно рекомендовало наши «общіе порядки», если бы въ самомъ дѣлѣ оказалось, что народъ, настоящій народъ надо у насъ только на каторгѣ изучать. Затѣмъ, что касается глубокаго пониманія народной души, то оно исчерпывается въ Достоевскомъ двумя идеями: 1) народъ вѣритъ въ Царя; эта идея не есть спеціальное открытіе Достоевскаго, она давно уже стала даже общимъ мѣстомъ; 2) народъ любитъ и хочетъ страдать; это идея, дѣйствительно, оригинальная, лично Достоевскому принадлежащая, но понятно, что она получена не путемъ наблюденія и изученія, а непосредственно вытекаетъ изъ духа самого Достоевскаго. Чувство грѣха и соотвѣтственная жажда искупленія, какъ тема, не есть исключительная собственность Достоевскаго, но въ постановкѣ вопроса и въ его разработкѣ она дѣйствительно оригинальна. Едва-ли, однако, къ выгодѣ для дѣла.

Однажды Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» указалъ на некрасовскаго «Власа», какъ на вещь сильную и глубоко проникающую въ народную душу. При этомъ онъ попытался и самъ создать своего собственнаго Власа. Сравните эти два образа. Грѣхи некрасовскаго Власа извѣстны: онъ «побоями въ гробъ жену свою вогналъ; промышляющихъ разбоями, конокрадовъ укрывалъ; у всего сосѣдства бѣднаго скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ не повѣритъ гроша мѣднаго, втрое съ нищаго сдеретъ; бралъ съ роднаго, бралъ съ убогаго». Заболѣлъ Власъ, страшно стало, муки адскія видятся. И разбуженная совѣсть наложила, наконецъ, на него крестъ. Все такое житейское, простое, прямо изъ народной жизни взятое. Къ такой простотѣ и жизненности Достоевскій былъ рѣшительно неспособенъ. Разыскивая кладъ грѣ-

ховности темною ночью, единственно при свѣтѣ мистическаго расцвѣта папоротника, онъ заставляетъ своего Власа совершить вычурнѣйшее, фантастически затѣйливое преступленіе: Власъ, причащаясь, не проглотилъ причастія, а выплюнулъ въ руку, потомъ положилъ его въ огородѣ на землю и выстрѣлилъ въ него изъ ружья! Мнѣ кажется, что достаточно сопоставить этихъ двухъ Власовъ, чтобы убѣдиться, до какой степени скудно и односторонне было въ Достоевскомъ пониманіе народной души. *Вся* эта душа резюмировалась для него въ чувствѣ грѣха и жажды страданія, чего, конечно, на дѣлѣ нѣтъ; *только* русской душѣ усвоилъ онъ эту жажду, что, конечно, тоже невѣрно. Затѣмъ грѣхъ онъ отрывалъ отъ его житейской, общественной почвы, отъ всѣхъ этихъ скупокъ хлѣба, дранья съ «роднаго и убогаго» и проч., и переносилъ въ сферу фантастическую. И никогда не понималъ онъ той глубокой черты не только русскаго, а и всякаго народнаго духа, въ силу которой присутствіе грѣха обязываетъ не только къ пассивному подвигу личнаго страданія, а и къ активному подвигу борьбы съ зломъ за то, что оно другихъ заставляетъ страдать *). Пусть другіе страдаютъ, пусть всѣ страдаютъ! не мѣшай! самъ смирись и страдай, — вотъ все, что ты можешь сдѣлать; такъ говорилъ Достоевскій, повинуясь требованію своего собственнаго духа. Но такъ какъ опираться на свой собственный духъ въ подобномъ дѣлѣ немножко стыдно, то Достоевскій искалъ внѣшнихъ санкцій и, разумѣется, нашелъ: Богъ и русскій народъ—вотъ кто требуетъ страданія! Но, конечно, это неправда: просто Достоевскій требуетъ, и потому объ изученіи, наблюденіи, пониманіи тутъ даже и рѣчи быть не можетъ. По этой же самой причинѣ наполовину правъ г. Кони, рекомендовавшій юристамъ учиться у Достоевскаго гуманному отношенію къ преступникамъ;

*) Превосходную иллюстрацію къ этой чертѣ читатель найдетъ въ одной главѣ поэмы Некрасова „Кому на Руси жить хорошо?“, именно въ разсказѣ „О двухъ великихъ грѣшникахъ“. Прибавьте разсказы „Про холопа примѣрнаго—Якова вѣрнаго“ и „Крестьянскій грѣхъ“, и вы увидите, что значитъ истинное пониманіе народной души въ вопросѣ грѣха и искупленія.

но правъ и я, утверждая, что покойный романистъ распространялъ самыя извращенныя юридическія понятія. Дѣло въ томъ, что тѣхъ преступниковъ, которые, лишившись Бога, корчатся въ судорогахъ ущемленной совѣсти и затѣмъ смиряются и самоуничтожаются, Достоевскій, дѣйствительно, «прощалъ» и относился къ нимъ тепло. Но это только послѣ отбытія наказанія и цѣлаго ряда страданій вообще. Страданіе же и униженіе считалъ благотворными даже для людей ни въ чемъ неповинныхъ, и потому громилъ прокуроровъ за слабость обвиненія, адвокатовъ за дерзость оправданія, присяжныхъ за то, что они оправдательными приговорами лишаютъ подсудимыхъ блаженства «строгихъ наказаній острога и каторги».

Вернемся къ народу. Пусть Достоевскій скудно и односторонне понималъ народную душу, но онъ горячо любилъ народъ, желалъ ему добра и видѣлъ въ немъ надежду Россіи. Это правда. И великая честь за это покойнику. Подобно многимъ людямъ сороковыхъ годовъ, Достоевскій понималъ, что идетъ какая-то еще неясная, но навѣрное грозная и грязная сила, одинаково враждебная и общимъ идеаламъ сороковыхъ годовъ, и мужику. Понималъ это и Писемскій и выражалъ (въ «Ваалѣ», «Просвѣщенномъ времени», «Мѣщанахъ») съ свойственною ему грубою, сухою и узкою опредѣлительностью. Понималъ и Достоевскій, но до конца дней своихъ не могъ установиться на рѣшеніи, откуда собственно гроза надвигается? Мыслилъ онъ, надо сказать, чрезвычайно тяжело и медленно, и не по слабости мысли, а потому, что она у него была обвѣшена разными отягощающими привѣсками, какъ каторжникъ кандалами. Если какой-нибудь поэтическій образъ не давался ему сразу, однимъ порывомъ вдохновенія и если приходилось, поэтому, звать на помощь чисто логическую силу, то онъ оказывался совершенно безпомощнымъ. Онъ возвращался къ искомому не разъ, не два, повторялъ его въ цѣломъ рядѣ романовъ, и все-таки ни до чего не доходилъ (въ такой неопредѣленности остался, напримѣръ, упомянутый выше безпокойный женскій типъ и многіе другіе). Тѣмъ затруднительнѣе было его положеніе въ области политики или публицистики. Мы видѣли, что

уже въ «Идіотѣ», то есть въ 1868 г., высказывается въ чрезвычайно смутномъ видѣ завѣтная мысль Достоевскаго, что кто оторвался отъ народной почвы, тотъ тѣмъ самымъ отъ Бога оторвался, и наоборотъ. Эта мысль и черезъ десять лѣтъ высказывалась съ такою же любовью, но и въ томъ же смутномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, Достоевскій всегда искалъ, вдумывался. Такъ было и относительно надвигающейся на русскій народъ грозы. Мнѣ остается слишкомъ мало времени и мѣста, чтобы прослѣдить всѣ запутанныя перипетіи исканій Достоевскаго. Кое-что объ этомъ мною было разъяснено въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1873 г., гдѣ шла рѣчь о «Бѣсахъ». Теперь укажу только на слѣдующій фактъ. По поводу январской книжки «Отечественныхъ Записокъ» 1873 г., Достоевскій заявилъ, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ ея онъ нашелъ «какъ бы новое откровеніе». Онъ писалъ это въ «Дневникѣ писателя», который велъ тогда еще въ «Гражданинѣ», а вслѣдъ затѣмъ предложилъ намъ своего «Подростка». Мнѣ, по многимъ причинамъ, пріятно напомнить это обстоятельство, между прочимъ, и въ виду многоразличной брани, которая, я предвижу, обрушится на меня за предлагаемую статью. Но совершенно отъ этихъ соображеній независимо, во всякомъ случаѣ интересно отмѣтить собственное признаніе покойника, откуда онъ получилъ «новое откровеніе». Статьи, на которыя онъ указывалъ, развивали ту мысль, что народу послѣ реформы, а отчасти даже въ связи съ ней, дѣйствительно грозитъ бѣда быть умственно, нравственно и экономически обобраннымъ. Эта мысль стала съ тѣхъ поръ любимою мыслью Достоевскаго во имя ея онъ и новыя «учрежденія» встрѣчалъ враждебно. Но общій строй его мысли и идеаловъ уже слишкомъ закоренѣлъ въ своей фантастичности и произвольности, чтобы «новыя откровенія» могли отлиться въ твердые, ясные результаты...

Въ концѣ-концовъ невольно рождается вопросъ: что искалѣчило Достоевскаго?—потому что въ этомъ-то нельзя же сомнѣваться, что онъ искалѣченъ.

— Нѣтъ, можно и должно, отвѣчаютъ нѣкоторые. Въ устахъ Достоевскаго апоѳеозъ каторги, какъ горнила очищенія, понятенъ,

онъ такъ вяжется со всѣмъ строемъ его мысли. Но находятся поклонники умершаго романиста, которые повторяютъ эту дикую, безчеловѣчную фразу въ приложеніи къ нему самому! Они утверждаютъ, что онъ обладалъ свѣтомъ истины и что получилъ онъ ее именно тамъ, на каторгѣ! Ихъ не смущаетъ даже то очевидное обстоятельство, что на каторгѣ онъ получилъ падучую болѣзнь, каковая во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о психическомъ здоровьи. Значитъ, свѣтъ не просто съ востока идетъ, а изъ Сибири, изъ каторги... Ну, что-жъ! благословимъ это благодѣтельное учрежденіе...

Вина Достоевскаго, какъ значится въ судебномъ дѣлѣ, состояла въ слѣдующемъ: «Достоевскій, по собственному сознанію, посѣщалъ собранія у Петрашевскаго три года; слушалъ сужденія, самъ принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры, и на одномъ собраніи, въ мартѣ 1849 года, прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копіи Момбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предложеніи завести литографію, у Спѣшнева слышалъ чтеніе «Солдатской Бесѣды». При слѣдствіи, сознаваясь въ участіи въ разговорахъ о возможности нѣкоторыхъ перемѣнъ и улучшеній, отозвался, что предполагалъ ожидать этого отъ правительства; письмо же Бѣлинскаго читалъ какъ литературный памятникъ, будучи увѣренъ, что оно никого не можетъ привести въ соблазнъ».

За столь тяжкія преступленія Достоевскій былъ приговоренъ къ смертной казни разстрѣляніемъ: казнь была замѣнена восемью годами каторжной работы въ крѣпостяхъ, затѣмъ срокъ каторги сокращенъ до четырехъ лѣтъ, съ поступленіемъ по окончаніи этого срока на службу солдатомъ. Справедливѣйшій и возвышеннѣйшій приговоръ, если вѣрить Достоевскому, что и невинному человѣку надлежитъ быть на каторгѣ. И если эту мысль поклонники художника повторяютъ въ приложеніи къ нему самому, то это свидѣтельствуетъ, повидимому, о необыкновенно сильномъ вліяніи покойника. Значитъ, успѣлъ же онъ убѣдить современ-

никовъ, что страданіе и въ частности именно каторжное страданіе, благотворно и довлѣетъ само себѣ. Значитъ, и въ неприкосновенности общаго порядка успѣлъ убѣдить, того порядка, который казнитъ и ссылаетъ за разговоры о строгости цензуры... Нѣтъ, это совсѣмъ не то значитъ. Если бы на сужденіяхъ слѣпыхъ хвалителей покойника можно было что нибудь основывать, то пришлось бы сказать, что вліяніе Достоевскаго было необыкновенно слабо; что страшныя картины послѣднихъ мгновеній приговореннаго къ смертной казни, поражающее реальной правдой описаніе ужасовъ каторги, словомъ все то, что Достоевскій далъ намъ съ настоящей художественной силой, пропало для насъ даромъ. Или уже у насъ такъ шкуры толсты, что ихъ не прошибешь никакими страшными картинами? Или мы изолгались до того, что осмѣливаемся публично называть бѣлое чернымъ?

Неужто, господа, вы думаете, что оказали бы почетъ Христу, заявивъ, что терновый вѣнецъ не исцарапалъ его лица и не запачкалъ его кровью? Нѣтъ, въ тысячу разъ больше уваженія къ покойнику выразили бы вы, если бы признали его искалѣченнымъ каторгой и болѣзнью, и если бы сказали на его могилѣ: не учителю или руководителю нашему мы кланяемся, мы «всему страданію человѣческому поклоняемся». Такъ говорилъ Раскольниковъ, припадая къ ногамъ забитой, искалѣченной порядкомъ вещей Сони...

Февраль
1881 г.

III.

ЖЕСТОКІЙ ТАЛАНТЪ.

(Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Томы II и III. Спб. 1882)

Человѣкъ—деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ. *Достоевскій* («Игрокъ»).

Тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность. *Достоевскій* («Дядюшкинъ сонъ»).

Я до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать.
Достоевскій («Записки изъ подполья»).

Странная вещь, эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять-десятыхъ сталъ съ нимъ друженъ изъ злобы.
Достоевскій («Крокодилъ»).

I.

Опять Достоевскій!

Да, опять Достоевскій, и, можетъ быть, это повторится еще не разъ. Не то чтобы Достоевскій представлялъ собою одинъ изъ тѣхъ центровъ русской умственной жизни, къ которымъ критика должна волей-неволей часто возвращаться, въ виду бьющаго въ нихъ общаго пульса. Есть люди, которые желали бы сдѣлать изъ него нѣчто подобное; но, несмотря на старательность этихъ людей, принимающихся за свое дѣло съ терпѣніемъ дятла, ничего какъ-то изъ ихъ усилій не выходитъ. Одинъ г. Орестъ Миллеръ чего стоитъ! Онъ именно подобенъ дятлу, когда въ своихъ статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ, имъ же нѣсть мѣры и числа, восхваляетъ Достоевскаго, воздаетъ хвалу Достоевскому, восторгает-

ся Достоевскимъ, благовѣститъ о Достоевскомъ и восклицаетъ: о, Достоевскій! Правда, этими склоненіями и ограничивается роль г. О. Миллера, какъ пропагандиста и комментатора, но, все-таки, подумайте, сколько тутъ вложено труда! А гдѣ результатъ? Болѣе стремительный Владиміръ Соловьевъ дѣйствуетъ наскокомъ. Мнѣ попалась какъ-то литографированная рѣчь или лекція г. Соловьева о знаменитомъ покойникѣ. Она была построена приблизительно такъ: въ мірѣ политическомъ данной страной управляетъ всегда, въ концѣ-концовъ, одинъ человѣкъ; то-же самое и въ мірѣ нравственномъ: здѣсь всегда есть одинъ духовный вождь своего народа; этимъ единымъ вождемъ былъ для Россіи Достоевскій; Достоевскій былъ пророкъ божій! Я ручаюсь за слова «пророкъ божій» и за конструкцію этихъ размышленій, если можно назвать размышленіями переправу по жердочкамъ и граціозные прыжки съ одной жердочки на другую безъ всякой мысли о томъ, чтобы какъ-нибудь укрѣпить ихъ и связать. Во всякомъ случаѣ, переправа выполнена, г. Соловьевъ на томъ берегу, и торжественно и побѣдоносно кричитъ: вотъ пророкъ божій! Гдѣ же результатъ? Я не только не вижу результата, а и г. Соловьева не вижу, ни его самого, ни провозглашеннаго имъ пророка. Какіе-то совсѣмъ другіе люди занимаютъ сцену, а «пророка божія» не поминаютъ въ своихъ молитвахъ даже тѣ, кто, такъ или иначе, хотѣлъ примазаться къ имени Достоевскаго на его свѣжей могилѣ. Погибе память его съ шумомъ. Шуму было много, это правда, но въ сущности шумомъ все и кончилось. Шумъ составился изъ двухъ теченій. Во-первыхъ, всегда есть плакальщики, люди особенно умиленно настроенные или настраивающіе себя, которые вмѣсто того, чтобы серьезно и трезво отнестись къ потерѣ, начинаютъ, по простонародному выраженію, вопить и причитать: такой-сякой, сухой-немазаный. Это бы еще ничего, конечно, потому что вѣдь можетъ быть покойникъ и въ самомъ дѣлѣ такой-сякой. Но надо все-таки же объ этомъ хоть съ приблизительною точностью дать себѣ отчетъ, а не разбрасывать сокровища своего умиленія, что называется, зря. А то придется по прошествіи нѣкотораго времени умиляться по новому поводу и притомъ такъ, что о

предъидущемъ не будетъ даже помину. Такъ именно и произошло со многими по случаю смерти Достоевскаго. Но кромѣ такихъ умиленныхъ, которыхъ собственно мамка въ дѣтствѣ ушибла, почему съ тѣхъ поръ отъ нихъ и отдаетъ умиленіемъ, а чѣмъ и какъ умиляться—это имъ безразлично; кромѣ, говорю, этихъ, есть еще разные болѣе или менѣе тонкіе политиканы. Такіе не зря умиляются, а примазываются къ умиленію и тоже въ грудь себя колотятъ и тоже ризы свои раздираютъ, но единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы «поймать моментъ». А прошелъ моментъ, прошла и нужда. Достоевскій въ послѣднее время передъ смертью изображалъ изъ себя какой-то оплотъ оффиціальной мощи православнаго русскаго государства въ связи (не совсѣмъ ясной и едва ли самому Достоевскому понятной) съ нѣкоторымъ мистическимъ народнымъ элементомъ. Ну, кто пожелалъ, тотъ въ этихъ направленіяхъ и примазался къ имени крупнаго художника, въ самый моментъ смерти загорѣвшемуся такимъ, казалось, яркимъ огнемъ. Прошло нѣсколько времени, и гдѣ же вы теперь найдете у гг. Аксакова, Каткова и иныхъ слѣды ихъ стенаній и разодранныхъ на могилѣ Достоевскаго ризъ? Гдѣ тѣ поученія, которыя они черпаютъ въ трудныхъ случаяхъ изъ твореній столь прославленнаго учителя? Я, впрочемъ, отнюдь ихъ въ этомъ не виню. Они виноваты только въ томъ, что раздули или старались раздуть значеніе талантливаго художника до размѣровъ духовнаго вождя своей страны («пророка божія»). Но если облыжно созданный вождь никуда не ведетъ ихъ, то это вполнѣ натурально.

Для наглядности, припомните, что происходило какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ. Умеръ генералъ Скобелевъ. Умеръ внезапно, будучи на верху почестей и популярности. Разумѣется, явились плакальщики (впереди всѣхъ, какъ водится, г. Гайдебуровъ въ должности церемоніймейстера) и политиканы (впереди всѣхъ г. Аксаковъ, расчищая мѣсто генералу Черняеву и графу Игнатьеву поближе къ траурному катафалку Скобелева). Пройдетъ нѣсколько времени, и если нашу родину постигнетъ скорбь войны, всѣ не разъ вспомнятъ «бѣлаго генерала», даже тѣ, кто по справедливости считалъ безтактными и дѣтскими его парижскіе ора-

торскіе опыты: дескать, вотъ бы тутъ Скобелева нужно! или: былъ бы Скобелевъ живъ, такъ было бы то-то и то-то! Конечно, будь бѣлый генералъ живъ, можетъ быть, ему и счастье измѣнило бы, и разное другое могло случиться, но вѣрно, что, въ случаѣ войны, его имя будетъ часто поминаться. Укажите же тѣ трудные случаи, въ которыхъ сами плакальщики и политиканы, не говоря о простыхъ смертныхъ, вспомнили какъ бы съ вѣрою и надеждою о Достоевскомъ: онъ бы выручилъ, онъ бы научилъ, показалъ свѣтъ! Ничего подобнаго не было, а со смерти Достоевскаго прошло только полтора года или, пожалуй, *уже* полтора года. Это время слишкомъ короткое, чтобы забыть духовнаго вождя и божія пророка, и слишкомъ продолжительное, чтобы не было случая со скорбнымъ вздохомъ вспомнить о помощи, которую пророкъ оказалъ бы, еслибы былъ живъ. А припомните-ка, какіе это были полтора года—волосы на головѣ дыбомъ встанутъ!

Но Богъ съ нимъ, съ этимъ вздоромъ о оли Достоевскаго, какъ духовнаго вождя русскаго народа и пророка. Этотъ вздоръ стоило отмѣтить, но не стоитъ заниматься подробнымъ его опроверженіемъ. Достоевскій просто крупный и оригинальный писатель, достойный тщательнаго изученія и представляющій огромный литературный интересъ. Только такъ изучать его мы и будемъ.

Тотчасъ послѣ смерти Достоевскаго, мы представили читателю бѣглую характеристику литературной физіономіи покойника, предполагая съ теченіемъ времени возвратиться къ болѣе подробному развитію нѣкоторыхъ частностей. Между прочимъ, было упомянуто, что къ тому страстному возвеличенію страданія, которымъ кончилъ Достоевскій, его влекли три причины: уваженіе къ существующему общему порядку, жажда личной проповѣди и *жестокость таланта*. Этой послѣдней чертой мы и предлагаемъ читателю теперь заняться. Второй и третій томы полнаго собранія сочиненій Достоевскаго представляютъ для этого прекрасный поводъ. Здѣсь собраны небольшія повѣсти и разсказы, изъ коихъ нѣкоторые большинство читателей едва ли даже помнятъ, но которые, однако, для харак-

теристики Достоевскаго представляютъ огромный интересъ. Во второй томъ вошли: «Бѣдные люди», «Двойникъ», «Господинъ Прохарчинъ», «Романъ въ девяти письмахъ», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Честный воръ», «Елка и свадьба», «Бѣлыя ночи», «Неточка Незванова», «Маленькій герой»; въ третій томъ: «Дядюшкинъ сонъ», «Село Степанчиково и его обитатели», «Скверный анекдотъ», «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», «Записки изъ подполья», «Крокодилъ или необыкновенное событіе въ пассажѣ», «Игрокъ». Все это вещи весьма различной художественной цѣнности и весьма различной извѣстности. Кто не знаетъ «Бѣдныхъ людей»? Ну, а, напримѣръ, разсказъ «Чужая жена и мужъ подъ кроватью» едва ли многіе читали. И по всей справедливости не читали: разсказъ плохъ. Но для нашей цѣли этотъ ничтожный разсказъ можетъ оказаться очень полезнымъ и важнымъ. Въ этихъ мелочахъ Достоевскій остается все-таки Достоевскимъ со всѣми особенными силами и слабостями своего таланта и своего мышленія. Въ нихъ, въ этихъ старыхъ мелочахъ можно найти задатки всѣхъ послѣдующихъ образовъ, картинъ, идей, художественныхъ и логическихъ пріемовъ Достоевскаго. И было бы въ высшей степени интересно совершить эту операцію вполнѣ, отъ начала до конца; то есть прослѣдить всю, такъ сказать, литературную эмбріологію Достоевскаго. Но этой задачи мы на себя не беремъ и посмотримъ только на тѣ черты повѣстей и разсказовъ, вошедшихъ во второй и третій томы, которыя оправдываютъ заглавіе предлагаемой статьи: жестокій талантъ.

Прежде всего надо замѣтить, что жестокость и мучительство всегда занимали Достоевскаго и именно со стороны ихъ привлекательности, со стороны какъ бы заключающагося въ мучительствѣ сладострастія. По этой части въ его мелкихъ повѣстяхъ и разсказахъ разсыпано множество иногда чрезвычайно тонкихъ замѣчаній. Примѣры ихъ приведены у насъ въ эпиграфѣ. Простая выписка ихъ могла бы наполнить цѣлыя страницы; особенно если заимствовать ихъ не изъ старыхъ только мелочей Достоевскаго, а и изъ его позднѣйшихъ вещей, когда въ его творческой фан-

тазіи мелькалъ образъ Ставрогина («Бѣсы»), который «увѣрялъ, что не знаетъ различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы жертвою жизнью для человѣчества, что онъ нашелъ въ обоихъ полюсахъ совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія». Впрочемъ, и ниже, вовсе не касаясь послѣднихъ и крупныхъ произведеній Достоевскаго, мы увидимъ великолѣпные образчики того пониманія и того интереса, которые онъ вкладывалъ въ свои изображенія мучительскихъ поступковъ, и жестокихъ чувствъ. Конечно, художникъ на то и художникъ, чтобы интересоваться и понимать: ему «звѣздная книга ясна», съ нимъ «говоритъ морская волна». И хотя въ звѣздной книгѣ едва ли что-нибудь написано о жестокости, мучительствѣ, злости, да и морская волна о нихъ не говоритъ; но разъ эти вещи существуютъ и играютъ важную роль въ человѣческой жизни, художникъ долженъ интересоваться ими и понимать ихъ. *Долженъ* — это впрочемъ немножко сильно сказано. Платонъ изгналъ изъ своей идеальной республики поэта, «особенно искуснаго въ подражаніи и способнаго принимать множество различныхъ формъ». Платонъ понималъ величіе такого художника и предлагалъ украсить его вѣнками и облить благовоніями, но, вопреки прославленной многосторонности античнаго духа, все-таки выпроваживалъ его изъ республики, на основаніи «несовмѣстности нѣсколькихъ занятій въ одномъ лицѣ». Мы, конечно, не потребуемъ такой узкости и спеціализаціи поэтическаго творчества. Напротивъ, чѣмъ шире художникъ, чѣмъ больше струнъ души человѣческой онъ затрогиваетъ, тѣмъ онъ намъ дороже. Но нельзя же требовать, чтобы поэтъ съ одинаковою силою и правдою изобразилъ ощущенія волка, пожирающаго овцу, и овцы, пожираемой волкомъ. Которое нибудь изъ этихъ двухъ положеній ему ближе, интереснѣе для него, что и должно отозваться на его работѣ.

Мнѣ попался очень удобный, по наглядности, примѣръ, и я думаю, что никто въ русской литературѣ не анализировалъ ощущеній волка, пожирающаго овцу съ такою тщательностью, глу-

биною, съ такою, можно сказать, любовью, какъ Достоевскій, если только можно въ самомъ дѣлѣ говорить о любовномъ отношеніи къ волчьимъ чувствамъ. И его очень мало занимали элементарные, грубые сорты волчьихъ чувствъ, простой голодъ, напримѣръ. Нѣтъ, онъ рылся въ самой глубокой глубинѣ волчьей души, разыскивая тамъ вещи тонкія, сложныя—не простое удовлетвореніе аппетита, а именно сладострастіе злобы и жестокости. Эта спеціальность Достоевскаего слишкомъ бросается въ глаза, чтобы ея не замѣтить. Не смотря, однако, на то, что Достоевскій далъ въ сферѣ этой своей спеціальности много крупныхъ и цѣнныхъ вещей, онъ какъ бы нѣсколько противорѣчитъ другой, обыкновенно усвоиваемой дѣятельности Достоевскаго чертѣ. Останавливаясь на нашей метафорѣ, иной скажетъ, пожалуй, что Достоевскій, напротивъ, съ особенною тщательностью занимался изслѣдованіемъ чувствъ овцы, пожираемой волкомъ: онъ вѣдь авторъ «Мертваго дома», онъ пѣвецъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», онъ такъ умѣлъ разыскивать лучшія, высшія чувства тамъ, гдѣ ихъ существованія никто даже не подозрѣвалъ. Все это справедливо и было еще болѣе справедливо много лѣтъ тому назадъ, когда оцѣнка Достоевскаго впервые отлилась въ ту форму, которая и донынѣ господствуетъ. Но принимая въ соображеніе всю литературную карьеру Достоевскаго, мы должны будемъ ниже придти къ заключенію, что онъ просто любилъ травить овцу волкомъ, причемъ въ первую половину дѣятельности его особенно интересовала овца, а во вторую—волкъ. Однако, тутъ не было какого нибудь очень крутаго поворота. Достоевскій не сжигалъ того, чему поклонялся, и не поклонялся тому, что сжигалъ. Въ немъ просто постепенно произошло нѣкоторое перемѣщеніе интересовъ и особенностей таланта: то, что было прежде на второмъ планѣ, выступило на первый, и наоборотъ. Добролюбовъ былъ въ свое время правъ, говоря объ относительной слабости таланта Достоевскаго, и о «гуманическомъ» направленіи его художественнаго чутья. Однако, и тогда уже были крупные задатки того большаго, но жестокаго таланта, который такъ пышно развернулся впослѣдствіи. Второй и

третій томы сочиненій Достоевскаго какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Это цѣлый тщательно содержимый звѣринецъ, цѣлый питомникъ волковъ разнообразныхъ породъ, владѣлецъ котораго даже почти не щеголяетъ своей богатой коллекціей, а тѣмъ паче не думаетъ объ извлеченіи изъ нея прямой выгоды; онъ такъ тонко знаетъ свое дѣло и такъ любитъ его, что изученіе волчьей натуры представляетъ для него нѣчто самодовлѣющее; онъ нарочно дразнитъ своихъ звѣрей, показываетъ имъ овцу, кусокъ кроваваго мяса, бьетъ ихъ хлыстомъ и каленымъ желѣзомъ, чтобы посмотрѣть на ту или другую подробность ихъ злобы и жестокости—самому посмотрѣть и, разумѣется, публикѣ показать.

II.

Начнемъ съ того отдѣленія звѣринца, которое называется «Записки изъ подполья».

Подпольный человѣкъ (будемъ для краткости такъ называть неизвѣстное лицо, отъ имени котораго ведутся «Записки изъ подполья») начинаетъ свои записки нѣкоторыми философскими размышленіями. При этомъ, среди безразличныхъ для насъ въ настоящую минуту, но не лишенныхъ блеска и оригинальности мыслей, онъ выматываетъ изъ себя передъ читателемъ душу, стараясь дорыться до самаго ея дна и показать это дно во всей его грязи и гадости. Разоблаченіе происходитъ жестокое и именно въ томъ направленіи, чтобы предъявить публикѣ «всѣ изгибы сладострастія» злобы. Это уже само по себѣ производитъ впечатлѣніе чего-то душнаго, смраднаго, затхлаго; истинно, точно въ подпольи сидишь, или точно какой-нибудь неряха прокаженный снимаетъ передъ тобой одну за другой грязныя тряпки съ своихъ гноящихся, вонючихъ язвинъ. Затѣмъ, разоблаченіе постепенно переходитъ изъ словеснаго въ фактическое, то-есть идетъ разсказъ о нѣкоторыхъ подвигахъ героя.

дѣтельствуетъ о цѣнѣ, которую давалъ Достоевскій этому сюжету. Герой могъ бы мучить Лизу съ благою цѣлью наведенія ея на путь истины; могъ бы мстить ей за какую-нибудь обиду, насмѣшку и т. п. Картина потрясенной души во всѣхъ этихъ случаяхъ была бы на лицо. Но Достоевскій отвергъ всѣ внѣшніе, посторонніе мотивы: герой мучитъ, потому что ему хочется, нравится мучить. Ни причины, ни цѣли тутъ нѣтъ, да вовсе ихъ, по мысли автора, и не надо, ибо есть жестокость безусловная, жестокость an und für sich, и она-то интересна.

По этой или по какой другой причинѣ, но довольно трудно сказать, какъ относится Достоевскій къ своему герою. Въ двухъ-трехъ заключительныхъ строкахъ онъ называетъ его отъ себя безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи именемъ «парадоксалиста». Что касается умственнаго багажа подпольнаго человѣка, то здѣсь можно найти очень различныя вещи; между прочимъ, и такія философскія размышленія (напримѣръ, о свободѣ воли), которыя не имѣютъ ровно никакого отношенія къ жестокости, а также такія, которыя очень родственны самому Достоевскому. Въ «Запискахъ изъ подполья», напримѣръ, впервые, еще въ неясной и вопросительной формѣ, является одна изъ излюбленнѣйшихъ мыслей послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Достоевскаго. Подпольный человѣкъ пишетъ: «И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, однимъ словомъ, только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ быть, человѣкъ любитъ не одно ,благоденствіе? Можетъ быть, онъ ровно настолько же любитъ страданіе? Можетъ быть, страданіе ему ровно настолько же и выгодно, какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любитъ страданіе, до страсти,—это фактъ». Если читатель припомнитъ, какъ впослѣдствіи Достоевскій страстно проповѣдывалъ страданіе, какъ онъ видѣлъ въ страданіи интимнѣйшее требованіе духа русскаго народа; какъ онъ возводилъ въ перлъ созданія острогъ и каторгу; если читатель припомнитъ все это, то можетъ быть удивится, встрѣтивъ ту же мысль въ запискахъ жестокаго звѣря. Но въ

томъ-то и вопросъ—звѣрь ли еще подпольный человѣкъ съ точки зрѣнія Достоевскаго. Мнѣнія подпольнаго человѣка о самомъ себѣ на первый взглядъ поражаютъ безпощадностью: всякую, повидимому, мерзость человѣкъ готовъ разсказать. Но, всматриваясь въ эту странную исповѣдь нѣсколько ближе, вы видите, что подпольный человѣкъ очень не прочь не только порисоваться своей безпощадностью къ самому себѣ, а и оправдаться до извѣстной степени. Прежде всего, онъ вовсе не считаетъ себя уродомъ, человѣкомъ исключительнымъ по существу. Онъ, правда, полагаетъ себя дѣйствительно исключительнымъ человѣкомъ, но только по смѣлости мысли и ясности сознанія. Онъ говоритъ, напримѣръ: «Что же собственно до меня касается, то вѣдь я только доводилъ въ моей жизни до крайности то, что вы не осмѣливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразуміе, и тѣмъ утѣшались, обманывая сами себя». Въ другомъ мѣстѣ, пространно толкуя о «наслажденіи въ зубной боли», подпольный человѣкъ утверждаетъ, что *всякій* «образованный человѣкъ девятнадцатаго столѣтія» на второй, на третій день зубной боли стонетъ уже собственно не отъ боли, а отъ злости. «Стоны его становятся какіе-то скверные, пакостно-злые и продолжаются по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ стонами; лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно себя и другихъ надрываетъ и раздражаетъ; знаетъ, что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прислушались къ нему съ омерзеніемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе, проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ, со злости, съ ехидства балуется. Дескать, «я васъ безпокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужь теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькій человѣкъ, шенапанъ. Ну, такъ пусть же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны? Ну, такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ

еще скверн҃ѣй руладу сдѣлаю»... Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, надо, видно, глубоко доразвиться и досознаться, чтобы понять всѣ изгибы этого сладострастія!»

Такимъ образомъ, разница между подпольнымъ человѣкомъ и большинствомъ образованныхъ людей девятнадцатаго столѣтія состоитъ только въ томъ, что онъ яснѣе сознаетъ истекающее изъ злобы наслажденіе, а пользуются-то этимъ наслажденіемъ всѣ. Такое обобщеніе значительно смягчаетъ самобичеваніе подпольнаго человѣка. На людяхъ и смерть красна. Не очень уже, значитъ, скверенъ подпольный человѣкъ, если всѣ таковы; онъ даже выше остальныхъ, потому что смѣлѣе и умнѣе ихъ. Пусть же кто-нибудь изъ «образованныхъ людей девятнадцатаго столѣтія» попробуетъ бросить въ него камнемъ.

Кромѣ этого смягчающаго или даже возвышающаго обстоятельства, подпольный человѣкъ рѣшился бы, можетъ быть, выставить еще одно. Читатель видѣлъ, что въ числѣ розовыхъ картинъ, которыми подпольный человѣкъ мучительски ущемлялъ душу Лизы, былъ абрисъ женщины, мучающей своего мужа изъ любви. А затѣмъ слѣдовало обобщеніе: «знаешь ли, что изъ любви нарочно человѣка можно мучить?» О себѣ же подпольный человѣкъ прямо говоритъ: «любить у меня значило тиранствовать и нравственно превосходствовать. Я всю жизнь не могъ даже себѣ представить иной любви и до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и состоитъ въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Я и въ мечтахъ своихъ подпольныхъ иначе и не представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ ненависти и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, а потомъ ужь и представить себѣ не могъ: что̀ дѣлать съ покореннымъ предметомъ?». Если разумѣть дѣло такъ, что вотъ, дескать,—уродъ, даже любви никогда не ощущавшій, то, конечно, нужно много смѣлости и искренности, чтобы сдѣлать такое заявленіе. Любовь, кажется,—чувство достаточно общедоступное и достаточно само себя вознаграждающее. Чтобы испытать его, не требуется какой-нибудь особенной умственной или нравственной высоты, и должно быть въ

самомъ дѣлѣ жалкій, скудный уродъ тотъ, на языкѣ котораго любовь и тиранство однозначущи или, по крайней мѣрѣ, всегда сопутствуютъ другъ другу. Это такъ. Ну, а если эта кажущаяся скудость мыслей и чувствъ—совсѣмъ не уродство, а только глубина «проникновенія» въ душу человѣческую? Что если душа, ну, положимъ, хоть не человѣка вообще, а только образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, такъ ужь устроена, что любовь и тиранство въ ней неизбѣжно цвѣтутъ рядомъ? Простому смертному не понять этого, да мало ли что! Простой смертный любуется на красоту красиваго лица, а ученый человѣкъ подойдетъ съ микроскопомъ, да и увидитъ въ этомъ красивомъ лицѣ цѣлую сѣть очень некрасивыхъ морщинъ, рытвинъ и пр. Также и тутъ. Тонкіе психологи, вродѣ подпольнаго человѣка и самого Достоевскаго, могутъ находить въ душѣ такія вещи и такія сочетанія вещей, которыя намъ, простымъ смертнымъ, совершенно не доступны. И если въ самомъ дѣлѣ любовь и тиранство растутъ, цвѣтутъ и даютъ плоды рядомъ, даже переходя другъ въ друга; если это нѣкоторымъ образомъ законъ природы, то опять-таки кто изъ образованныхъ людей девятнадцатаго столѣтія посмѣетъ бросить камнемъ въ подпольнаго человѣка? Камень неизбѣжно отскочитъ отъ него, какъ отъ стѣны горохъ, и поразитъ самого метальщика. И, значитъ, подпольный человѣкъ опять оправданъ и даже возвеличенъ. Вѣдь ужь не о себѣ лично, а въ видѣ общаго наблюденія, онъ говоритъ: «знаешь ли, что можно изъ любви нарочно мучить человѣка?»

Такое скептическое отношеніе къ лучшимъ или вообще благожелательнымъ чувствамъ едва ли ограничивается въ подпольномъ человѣкѣ одною любовью. Эпиграфомъ къ разсказу о встрѣчѣ съ Лизой (онъ имѣетъ отдѣльное заглавіе «По поводу мокраго снѣга») взяты стихи Некрасова: «Когда изъ мрака заблужденья, горячимъ словомъ убѣжденья, я душу падшую извлекъ» и т. д. Въ устахъ подпольнаго человѣка эти слова—чистѣйшая иронія, потому что хотя Лиза дѣйствительно «стыдомъ и ужасомъ полна», «разрѣшилася слезами, возмущена, потрясена», но этого результата подпольный человѣкъ вовсе не имѣлъ въ виду

и, какъ мы видѣли, занимался просто «игрой» въ волки и овцы. Но не даромъ же поставленъ такой эпиграфъ, и отъ скептическаго ехидства подпольнаго человѣка можно ожидать самыхъ обобщенныхъ киваній на Петра: дескать, если бы такой казусъ съ кѣмъ-нибудь изъ васъ, господа, произошелъ, такъ вы не преминули бы продекламировать стихи Некрасова и имѣть при этомъ чрезвычайно душеспасительный и даже геройскій видъ, ну, а я знаю, какъ эти дѣла дѣлаются, знаю, что если даже дѣйствительно вы о спасеніи падшей души думали, то все-таки тутъ примѣшивалось много желанія помучить человѣка, потерзать его; я знаю это и разсказываю про себя откровенно, а вы за высокія чувства прячетесь...

Справедливо это объясненіе или нѣтъ, но достовѣрно, что въ подпольномъ человѣкѣ каждое проявленіе жизни осложняется жестокостью и стремленіемъ къ мучительству. И не случайное это, конечно, совпаденіе, что самъ Достоевскій всегда и вездѣ тщательно разглядывалъ примѣсь жестокости и злобы къ разнымъ чувствамъ, на первый взглядъ не имѣющимъ съ ними ничего общаго. Въ мелкихъ повѣстяхъ, собранныхъ во второмъ и третьемъ томахъ сочиненій Достоевскаго, разсыпаны зародыши этихъ противоестественныхъ сочетаній, зародыши, получившіе впослѣдствіи дальнѣйшее развитіе.

Въ «Крокодилѣ» намѣчено сочетаніе дружбы со злобой («странная вещь эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять десятыхъ былъ съ нимъ друженъ изъ злобы»). Ниже мы встрѣтимся съ чрезвычайно своеобразнымъ выраженіемъ этого сочетанія въ «Вѣчномъ мужѣ».

Въ «Игрокѣ» есть нѣкая Полина — странный типъ властной до жестокости, взбалмошной, но обаятельной женщины, повторяющійся въ Настасьѣ Филипповнѣ,—въ «Идіотѣ» и въ Грушенькѣ—въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Этотъ женскій типъ очень занималъ Достоевскаго, но въ разработкѣ его онъ во всю жизнь ни на шагъ не подвинулся впередъ. Пожалуй, даже первый абрисъ—Полина яснѣе послѣдняго—Грушеньки. Но и Полина напоминаетъ собой какое-то облако, что-то туманное, не сложив-

шееся и не могущее сложиться въ вполнѣ опредѣленную форму, вытягивающееся то въ одну, то въ другую сторону. Между этой Полиной и героемъ «Игрокомъ», существуютъ чрезвычайно странныя отношенія. Она его любитъ, какъ оказывается, впрочемъ уже очень поздно, а между тѣмъ третируетъ какъ лакея, и даже хуже чѣмъ лакея. Въ каждой подробности ея отношеній къ «Игроку» сквозитъ «что-то презрительное и ненавистное». Игрокъ ее тоже любитъ, и она знаетъ объ этомъ и именно поэтому всячески издѣвается надъ нимъ, приказываетъ дѣлать разныя глупости, мучитъ намѣренною циничностью и пошлостью своихъ разговоровъ. Правда, что въ ней это, кажется, фатально. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи ея наружности встрѣчается одна очень курьезная и характерная черта: «слѣдокъ ноги у нея узенькій и длинный — *мучительный, именно мучительный*». Что же ужъ тутъ подѣлаешь, коли слѣдокъ ноги мучительный! Въ свою очередь, и герой хорошенько не знаетъ, дѣйствительно ли онъ любитъ Полину или, напротивъ, ненавидитъ. По одному случаю онъ записываетъ: «И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю ли я ее? И еще разъ не съумѣлъ на него отвѣтить, т. е. лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты, что я отдалъ бы пол-жизни, чтобы задушить ее! Клянусь, если бы возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я, мнѣ кажется, схватился бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что есть святого, если бы на Шлангенбергѣ, на модномъ пуантѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: «бросьтесь внизъ», то я бы тотчасъ же бросился, и даже съ наслажденіемъ».

Въ повѣсти «Село Степанчиково и его обитатели» есть вводное лицо, старичекъ Ежевикинъ, играющій роль шута, на видъ очень добродушный и всѣмъ желающій угодить, а въ сущности очень ядовитый — прототипъ цѣлаго ряда старыхъ шутовъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ Достоевскаго. Дочь Ежевикина, бѣдная гувернантка, находящаяся въ особенно трудномъ положеніи, полагаетъ, что отецъ представляетъ изъ себя шута *для*

ния. По ходу повѣсти, это предположеніе очень вѣроподобно, но самъ Достоевскій рѣшительно его отрицаетъ. Онъ говоритъ, что Ежевикинъ «корчилъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобы дать выходъ накопившейся *злости*»..

Впрочемъ, въ «Селѣ Степанчиковѣ» есть лица, гораздо болѣе интересныя, чѣмъ злобный старый шутъ Ежевикинъ.

III.

Владѣлецъ села Степанчикова, Егоръ Ильичъ Ростаневъ, отставной гусарскій полковникъ, есть настоящая овца, смирная и благодушная до глупости. Всякій охочій человѣкъ можетъ на немъ ѣздить, сколько душѣ угодно, оскорблять его, тиранить, и онъ же будетъ считать себя виноватымъ передъ своимъ тираномъ и просить у него прощенія. Таковы именно его отношенія къ матери, вдовѣ-генеральшѣ, несносиѣйшей по глупости и наглости женщинѣ, которая, живя на шеѣ у сына и терзая его на всякія манеры, все находитъ, что онъ эгоистъ и недостаточно къ ней внимателенъ. Но тиранство матери совершенно блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что́ терпитъ полковникъ Ростаневъ, да и всѣ обитатели села Степанчикова отъ нѣкоего Ѳомы Ѳомича Опискина. Это чрезвычайно любопытный экземпляръ волчьей породы. Объявился онъ сначала въ домѣ покойника-мужа генеральши, «въ качествѣ чтеца и мученика», попросту приживальщика, много терпѣвшаго отъ генеральскаго издѣвательства. Но на дамской половинѣ генеральскаго дома онъ разыгрывалъ совершенно другую роль. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе, которое онъ поддерживалъ душеспасительными бесѣдами, снотолкованіями, прорицаніями, хожденіемъ къ обѣдни и заутрени и проч. А когда генералъ умеръ и генеральша перебралась къ сыну, Ѳома Опискинъ сталъ рѣшительно первымъ человѣкомъ въ домѣ. Изъ прошлаго Ѳомы съ достовѣрностью извѣстно только, что онъ потерпѣлъ неудачу на литературномъ поприщѣ и потомъ множество обидъ отъ своего генерала. И онъ, значитъ,

былъ овцой, по всей вѣроятности, злобной, паршивой и вообще скверной, но во всякомъ случаѣ униженной и оскорбленной овцой по своему общественному положенію. А теперь вдругъ получилась возможность разыграться его волчьимъ инстинктамъ. «Теперь представьте же себѣ, говоритъ Достоевскій: — что̀ можетъ сдѣлаться изъ Ѳомы, во всю жизнь угнетеннаго и забитаго и даже, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ битаго, изъ Ѳомы, втайнѣ сластолюбиваго и самолюбиваго, изъ Ѳомы—огорченнаго литератора, изъ Ѳомы—шута изъ насущнаго хлѣба, изъ Ѳомы—въ душѣ деспота, несмотря на все предыдущее ничтожество и безсиліе, изъ Ѳомы—хвастуна, а при удачѣ нахала, изъ этого Ѳомы, вдругъ попавшаго въ честь и славу, возлелѣяннаго и захваленнаго, благодаря идіоткѣ покровительницѣ и обольщенному, на все согласному покровителю, въ домъ котораго онъ попалъ наконецъ послѣ долгихъ странствованій?»

Дѣйствительно, можно себѣ представить, какая оберъ-каналья должна была получиться при такихъ условіяхъ! А впрочемъ, если читателю покажется, что подобную каналью представить себѣ очень уже легко, то онъ ошибется. Легко-то, легко, но не ему, простому, хотя бы чрезвычайно проницательному читателю, не погружавшемуся надолго и по доброй волѣ во всѣ извилины мрачныхъ лабиринтовъ пакостной человѣческой души. Легко — знатоку и любителю, каковъ Достоевскій. Достоевскій, однако, пожелалъ почему-то на этотъ разъ предъявить своего звѣря въ нѣсколько комическомъ освѣщеніи—капризъ художника, который можетъ всегда вернуться опять и опять къ своему сюжету и перепробовать на немъ всевозможныя освѣщенія. Тѣмъ болѣе, что комическій колоритъ при этомъ только сдабриваетъ впечатлѣніе, заставляя васъ время отъ времени улыбнуться; но, спустивъ улыбку съ губъ, вы тотчасъ же понимаете, что передъ вами во всякомъ случаѣ злобный тиранъ и мучитель.

Вотъ образчикъ мучительства Ѳомы Опискина.

— Прежде кто вы были? говоритъ, напримѣръ, Ѳома, развалясь послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, причемъ слуга, стоя за кресломъ, долженъ былъ отмахивать отъ него, свѣжей липовой вѣткой, мухъ. — На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронилъ въ васъ искру того небе-

снаго огня, который горитъ теперь въ душѣ вашей. Заронилъ ли я въ васъ искру небеснаго огня или нѣтъ? Отвѣчайте: заронилъ я въ васъ искру или нѣтъ?

Ѳома Ѳомичъ, по правдѣ, и самъ не зналъ, зачѣмъ сдѣлалъ такой вопросъ. Но молчаніе и смущеніе дяди (полковника Ростанева) тотчасъ же его раззадорили. Онъ, прежде терпѣливый и забитый, теперь вспыхивалъ, какъ порохъ, при каждомъ малѣйшемъ противорѣчіи. Молчаніе дяди показалось ему обиднымъ, и онъ уже теперь настаивалъ на отвѣтѣ.

— Отвѣчайте же: горитъ въ васъ искра или нѣтъ?

Дядя мнется, жмется и не знаетъ что предпринять.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я жду, замѣчаетъ Ѳома обидчивымъ голосомъ.

— Mais répondez donc, Егорушка, подхватываетъ генеральша, пожимая плечами.

— Я спрашиваю: горитъ въ васъ эта искра или нѣтъ? снисходительно повторяетъ Ѳома, взявъ конфетку изъ бонбоньерки, которая всегда ставится передъ нимъ на столѣ. Это уже распоряженіе генеральши.

— Ей-богу не знаю, Ѳома, отвѣчаетъ, наконецъ, дядя, съ отчаяніемъ во взорахъ: — должно быть что-нибудь есть въ этомъ родѣ, и, право, ты ужь лучше не спрашивай, а то я совру что-нибудь...

— Хорошо! такъ по вашему я такъ ничтоженъ, что даже не стою отвѣта. Вы это хотѣли сказать? Ну, пусть будетъ такъ, пусть я буду ничто.

— Да нѣтъ же, Ѳома, Богъ съ тобой! Ну, когда я это хотѣлъ сказать?

— Нѣтъ, вы именно это хотѣли сказать.

— Да клянусь же, что нѣтъ!

— Хорошо! пусть буду я лгунъ! пусть я, по вашему обвиненію, нарочно изыскиваю предлога къ ссорѣ; пусть ко всѣмъ оскорбленіямъ присоединится и это — я все перенесу...

— Mais, mon fils! вскрикиваетъ испуганная генеральша.

— Ѳома Ѳомичъ! маменька! восклицаетъ дядя въ отчаяніи: — ей-богу же я не виноватъ! такъ развѣ, нечаянно, съ языка сорвалось! Ты не смотри на меня, Ѳома: я вѣдь глупъ, самъ чувствую, что глупъ.

И т. д. Конечно, Ѳома смѣшонъ, мелокъ и глупъ съ своими приставаніями; но чтобы быть жестокимъ тираномъ, вовсе не требуется величавой и трагической физіономіи. Вообще, мучителямъ дѣлаютъ слишкомъ много чести, представляя ихъ себѣ непремѣнно какими-то гигантами. Напротивъ, при кровопійственномъ комарномъ жалѣ, они обладаютъ большею частью и комариннымъ ростомъ. Примѣръ — Ѳома Опискинъ, жалкое дрянное ничтожество, которое, однако, можетъ отравить жизнь слишкомъ

*

деликатнымъ, или слабымъ людямъ своимъ мелочнымъ, но назойливымъ и наглымъ жужжаніемъ. Взвѣсьте муки, доставляемыя какимъ-нибудь сильнымъ острымъ страданіемъ, и сравните ихъ съ тѣми мелочами, что̀ хронически терпитъ человѣкъ, осужденный на сожительство съ Ѳомой Опискинымъ, и еще неизвѣстно, которая чашка вѣсовъ перетянетъ. Вы видите, что несчастная овца-полковникъ совершенно забитъ, запуганъ тою деревянною пилою, которою Ѳома неустанно пилитъ его изо дня въ день. Полковникъ готовъ дать своему мучителю какой угодно выкупъ, унизить себя, назвать дуракомъ, провалиться сквозь землю, вывернуться на-изнанку, лишь бы кончилось это словесное пиленіе. Но Ѳомѣ Опискину никакого выкупа не нужно, ему нужна только пища для злобы и мучительства, и это его алканіе ненасытно: пусть полковникъ еще и еще пожмется, повертится, потерзается, и, когда мучитель, наконецъ, устанетъ, онъ оставитъ свою жертву до слѣдующаго раза. Только усталость и можетъ положить конецъ подобному мучительству; усталость, а не сытость, ибо здѣсь сытости и быть не можетъ. На какія бы уступки жертва ни шла, каждый ея шагъ даетъ только новый поводъ для терзаній; все равно какъ каждое движеніе рыбы на удочкѣ неизбѣжно терзаетъ ея внутренности. Ѳома не добивается никакого опредѣленнаго результата, достиженіе котораго положило бы конецъ его операціи; для него самый процессъ мучительства важенъ, процессъ самодовлѣющій и, слѣдовательно, самъ по себѣ безостановочный.

Разъ полковникъ предложилъ Ѳомѣ пятнадцать тысячъ, чтобы онъ только убрался тихимъ манеромъ изъ дому. Ѳома разыгралъ трагическую сцену съ этими, какъ онъ выразился, «милліонами», расшвырялъ деньги по комнатѣ, надругался надъ полковникомъ всласть, заставилъ его просить у себя прощенія и, въ концѣ концовъ, не взялъ денегъ, но и изъ дому не ушелъ. Нѣкто Мизинчиковъ отзывается объ этомъ случаѣ такъ: «Отказался отъ пятнадцати тысячъ, чтобы взять потомъ тридцать. Впрочемъ, знаете что: я сомнѣваюсь, чтобы у Ѳомы былъ какой-нибудь расчетъ. Это человѣкъ непрактическій, это тоже въ своемъ родѣ

какой-то поэтъ. Пятнадцать тысячъ... гм! Видите-ли, онъ и взялъ бы деньги, да не устоялъ передъ соблазномъ погримасничать, порисоваться». Впослѣдствіи, когда по одному, совершенно особенному случаю, полковникъ, наконецъ, поступилъ съ своимъ мучителемъ физически и буквально вышвырнулъ его за дверь, Ѳома смирился. Онъ даже устроилъ счастіе полковника, конечно со всякими вывертами и ломаніями. Но, тѣмъ не менѣе, Мизинчиковъ правъ: Ѳома человѣкъ непрактическій — ему нужно ненужное.

Трудно, разумѣется, положить границу между нужнымъ и ненужнымъ. То, что вовсе не нужно, напримѣръ, русскому мужику, можетъ быть необходимо англійскому лорду, а по прошествіи нѣкотораго времени и русскій мужикъ потребуетъ вещей по теперешнему ненужныхъ. Вообще, кромѣ прямаго удовлетворенія самыхъ элементарныхъ потребностей въ воздухѣ, пищѣ, кровѣ, одеждѣ, все теперь нужное было когда-то совсѣмъ ненужно. Бываетъ и наоборотъ, что потребности упраздняются, нужное отходитъ въ область ненужнаго. Иногда это дѣло измѣнчивой моды, иногда— кореннаго измѣненія условій жизни. Но если такимъ образомъ между нужнымъ и ненужнымъ нельзя установить безусловную границу, то въ извѣстномъ обществѣ, стоящемъ на извѣстномъ уровнѣ, уловить границу условную вовсе уже не такъ трудно. Запутанность подробностей или пристрастіе изслѣдователя могутъ, конечно, затемнить дѣло и поставить подъ сомнѣніе даже такой, напримѣръ, вопросъ, какъ: нужна ли свобода русской печати или это ненужная роскошь? Но въ принципѣ тутъ все-таки никакой трудности нѣтъ. Тѣмъ болѣе, что въ крупныхъ, по крайней мѣрѣ, вещахъ, условная, историческая граница между нужнымъ и ненужнымъ отмѣчается, обыкновенно, или большими общественными непорядками, или присутствіемъ крупныхъ, выдающихся личностей, новаторовъ, которые ищутъ чего-то по общему мнѣнію ненужнаго, но долженствующаго стать, можетъ быть, завтра же нужнымъ. Не будемъ спорить о самой механикѣ процесса; не будемъ говорить о томъ, отдѣльныя ли выдающіяся личности создаютъ новую потребность или упраздняютъ старую, или наобо-

ротъ, они своею дѣятельностью только подводятъ итогъ разрозненнымъ и непродуманнымъ стремленіямъ массы. Для насъ этотъ вопросъ безразличный, который притомъ же отвлекъ бы насъ далеко въ сторону. Такъ-ли, сякъ-ли, но достовѣрно, что въ большихъ и малыхъ дѣлахъ, въ области отвлеченной теоріи и житейской практики, отъ времени до времени являются особенно требовательные люди, которые не довольствуются нужнымъ, которымъ нужное даже противно, а дорого и важно ненужное. Для нихъ томительна пріѣвшаяся сфера нужнаго, того, что̀ всѣмъ требуется и безъ чего никто уже не можетъ жить. Они требуютъ отъ жизни если не неизвѣданнаго и еще загадочнаго новаго по существу, то, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь приправы къ прѣсному нужному....

Вы ждете, конечно, разговора о тѣхъ представителяхъ человѣчества, которые ищутъ новыхъ истинъ, новыхъ формъ справедливости, и цѣною страшныхъ усилій, страданій, а иногда самой жизни своей переводятъ ихъ изъ области ненужнаго въ область нужнаго, обращаютъ во всеобщую потребность; о тѣхъ людяхъ, про которыхъ сказано, что никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ; о тѣхъ, кого соотечественники и современники далеко не всегда встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, а напротивъ, слишкомъ часто гонятъ, чтобы потомъ, черезъ много лѣтъ, потомки задали себѣ безустанно повторяющійся въ исторіи вопросъ: какъ это можно было гнать и распинать тѣхъ людей? и какъ можно было считать ненужнымъ то, чего они добивались?

Да, эти люди сюда относятся. Но не о нихъ пойдетъ у насъ разговоръ, потому что насъ ждетъ Ѳома Опискинъ, который тоже сюда относится. Не смущайтесь этимъ сопоставленіемъ «пальца отъ ноги», по выраженію Менения Агриппы, съ красой и гордостью людскаго рода. Оно только на первый взглядъ кажется оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Дѣло въ томъ, что двери ненужнаго очень широки и черезъ нихъ входятъ въ жизнь добро и зло. Римская чернь, временъ упадка Рима, орала: «хлѣба и зрѣлищъ!» Но не всегда же «зрѣлища» были

такъ же нужны, какъ хлѣбъ, а тѣмъ паче тѣ жестокія, кровавыя зрѣлища, которыми наслаждались выродившіеся римляне. Кто-то когда-то сдѣлалъ эти зрѣлища равными насущному хлѣбу. Кто сдѣлалъ — сильныя ли своимъ нравственнымъ вліяніемъ или оффиціальною мощью личности или же сама проголодавшаяся и развращенная чернь, это опять-таки для насъ въ настоящую минуту безразлично. Но достовѣрно, что особенное раздраженіе нервовъ, даваемое кровавыми зрѣлищами, прежде ненужное, стало потребностью, и что первые, кто ощутилъ эту потребность, вводили въ жизнь ненужное и были своего рода новаторами, требовательными натурами, не довольствующимися нужнымъ, хлѣбомъ. Такимъ образомъ, не совсѣмъ правъ король Лиръ, говоря: «дай человѣку то лишь, безъ чего не можетъ жить онъ — ты его сравняешь съ животнымъ». Это правда, но неполная правда, полправды. Другая же половина правды состоитъ въ томъ, что и ненужное, безъ чего жить очень и очень можно, обращаясь въ нужное, равняетъ иногда человѣка съ животнымъ. Все дѣло въ свойствахъ того ненужнаго, къ которому стремятся требовательныя натуры, и въ степени ихъ вліянія на своихъ соотечественниковъ и современниковъ. Ненужное можетъ быть возвышенно и даже превышать человѣческія силы и способности; но оно можетъ быть и низменно до скотства. И въ томъ и въ другомъ случаѣ его можетъ усиливаться ввести въ жизнь слабосильное ничтожество и дѣйствительно крупная сила. Понятно, какія различныя комбинаціи могутъ выходить изъ этихъ четырехъ данныхъ.

Возвращаясь къ Ѳомѣ Опискину, надо будетъ признать, что онъ слишкомъ мелокъ, чтобы положить печать своего образа и подобія на сколько-нибудь значительный кругъ людей. Но представьте себѣ, что онъ обладаетъ какою-нибудь внутреннею силою; представьте себѣ, напримѣръ, что онъ не неудачникъ-литераторъ, а обладаетъ, напротивъ того, большимъ и оригинальнымъ дарованіемъ, оставаясь въ то-же время Ѳомой Опискинымъ по натурѣ.

Впрочемъ, покончимъ сначала съ портретомъ Ѳомы, тогда дѣло будетъ виднѣе.

По теперешнимъ условіямъ нашей жизни, курицу къ обѣду зарѣзать или быка убить нужно, но мучить приэтомъ быка и курицу, растягивать ихъ агонію, отрубать имъ предварительно ноги, колесовать — не нужно. Это зрѣлище ужъ, конечно, не скраситъ вашего обѣда, а развѣ испортитъ его. Ѳомѣ, напротивъ, важно какъ-разъ именно это ненужное. Онъ нарочно протянетъ убійство курицы, чтобы опоздать съ обѣдомъ, все время злиться и съ удвоенною жестокостью слѣдить за судорожными вздрагиваніями жертвы. Это стремленіе къ ненужному доходитъ въ Ѳомѣ до совершенной глупости, которая была бы сама по себѣ смѣшна, если бы отъ нея не страдали люди. Былъ, напримѣръ, въ селѣ Степанчиковѣ дворовый мальчикъ Ѳалалей, очень красивый, очень наивный, глупый и всеобщій баловень, а этого послѣдняго было совершенно достаточно, чтобы Ѳалалей сталъ предметомъ завистливой злобы Ѳомы. Но главнымъ покровителемъ Ѳалалея была сама генеральша, которая наряжала его, какъ куклу, да и любила, какъ хорошенькую куклу. Этого препятствія Ѳома не могъ преодолѣть на проломъ, а потому избралъ окольный, но вѣрный путь. Онъ самъ пожелалъ быть благодѣтелемъ Ѳалалея и началъ свои благодѣянія съ обученія мальчугана «нравственности, хорошимъ манерамъ и французскому языку». «Какъ! говорилъ Ѳома:—онъ всегда вверху, при своей госпожѣ, вдругъ она, забывъ, что онъ не понимаетъ по-французски, скажетъ ему, напримѣръ: donné муа монъ мушуаръ — онъ долженъ и тутъ найтись, и тутъ услужить!» Но Ѳалалей оказался глупъ на всѣхъ діалектахъ, къ книжному же обученію, тѣмъ паче французскому, совсѣмъ неспособенъ. Отсюда источникъ его мученій. Допекалъ его Ѳома, допекала и дворня прозвищемъ «француза». Вдругъ Ѳома узнаетъ, что камердинеръ полковника, старикъ Гаврила, осмѣлился выразить сомнѣніе въ пользѣ французской грамоты. А Ѳома тому и радъ, радъ тою злобною радостью, которая хватается за всякій случай приложить къ дѣлу особливо ненужное, виртуозное надругательство:

въ наказаніе онъ засадилъ за французскій языкъ самого Гаврилу. А затѣмъ происходитъ такая, напримѣръ, сцена. Въ присутствіи цѣлаго общества онъ обращается къ старику камердинеру:

— Эй ты, ворона, пошелъ сюда! Да удостойте подвинуться поближе, Гаврила Игнатьичъ! Это, вотъ видите ли, Павелъ Семенычъ, Гаврила; за грубость и въ наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ. Ну, французъ мусью шематонъ — *терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусье шематонъ*, знаешь урокъ?

— Вытвердилъ, отвѣчалъ, повѣсивъ голову, Гаврила.

— А парлэ-ву франсе?

— Вуй, мусье, же-ле-парль-эн-пе...

Разумѣется, всеобщій хохотъ веселой компаніи; старикъ обижается; поднимается страшный скандалъ, за которымъ мы ужъ слѣдить не будемъ. Насъ еще несчастный Ѳалалей ждетъ. Обратите только вниманіе на эту злостную черту: Ѳома, издѣваясь надъ Гаврилой вообще, не упускаетъ случая всадить ему еще спеціальную шпильку мусью шематона, чего тотъ *терпѣть не можетъ*. Этого-то Ѳомѣ и нужно. Онъ тщательно изучаетъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, чтб кому не нравится, именно затѣмъ, чтобы, при случаѣ, отточить изъ собранныхъ матеріаловъ ядовитую шпильку.

Такъ какъ Ѳома обучаетъ Ѳалалея, кромѣ французскаго языка, еще нравственности и хорошимъ манерамъ, то однажды предъявляетъ его публикѣ подъ такимъ соусомъ:

— Поди сюда, поди сюда, нелѣпая душа; поди сюда, идіотъ, румянал ты рожа!

Ѳалалей подходитъ, плача, утирая обѣими руками глаза.

— Что ты сказалъ, когда сожралъ свой пирогъ? повтори при всѣхъ!

Ѳалалей не отвѣчаетъ и заливается горькими слезами.

— Такъ я скажу за тебя, коли такъ. Ты сказалъ, треснувъ себя по своему набитому и неприличному брюху: «Натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла!» Помилуйте, полковникъ, развѣ говорятъ такими фразами въ образованномъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ высшемъ? Сказалъ ты это или нѣтъ? говори!

— Сказалъ! подтверждаетъ Ѳалалей, всхлипывая.

— Ну, такъ скажи мнѣ теперь: развѣ Мартынъ ѣстъ мыло? Гдѣ именно

ты видѣлъ такого Мартына, который ѣстъ мыло? Говори же, дай мнѣ понятіе объ этомъ феноменальномъ Мартынѣ!

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, пристаетъ Ѳома:—кто именно этотъ Мартынъ? Я хочу его видѣть, хочу съ нимъ познакомиться. Ну, кто же онъ? Регистраторъ, астрономъ, пошехонецъ, поэтъ, капенармусъ, дворовый человѣкъ—кто-нибудь долженъ же быть. Отвѣчай!

— Дво-ро-вый че-ло-вѣкъ, отвѣчаетъ, наконецъ, Ѳалалей, продолжая плакать.

— Чей? чьихъ господъ?

Но Ѳалалей не умѣетъ сказать,—чьихъ господъ. Разумѣется, кончается тѣмъ, что Ѳома, въ сердцахъ, убѣгаетъ изъ комнаты и кричитъ, что его обидѣли; съ генеральшей начинаются припадки, а дядя клянетъ часъ своего рожденія, проситъ у всѣхъ прощенія, и всю остальную часть дня ходитъ на цыпочкахъ въ своихъ собственныхъ комнатахъ.

На другой же день послѣ исторіи съ мартыновымъ мыломъ, Ѳалалей, какъ ни въ чемъ не бывало, подавая утромъ Ѳомѣ чай, разсказалъ ему, что видѣлъ сонъ «про бѣлаго быка». Ѳома пришелъ въ ужасъ, распушилъ полковника, а Ѳалалея подвергъ, кромѣ того, наказанію—стоянію въ углу на колѣняхъ. Причину же такого гнѣва можно усмотрѣть изъ слѣдующаго реприманда: «Развѣ ты не можешь, говорилъ Ѳома Ѳалалею: — развѣ ты не можешь видѣть во снѣ что-нибудь изящное, нѣжное, облагороженное, какую-нибудь сцену изъ хорошаго общества, напримѣръ, хоть господъ, играющихъ въ карты, или дамъ, прогуливающихся въ прекрасномъ саду?» Ѳому бѣлый быкъ возмущалъ, какъ доказательство «грубости, невѣжества, мужичества вашего неотесаннаго Ѳалалея». Ѳалалей обѣщалъ исправиться, но, увы! и на слѣдующій и на третій день, и подрядъ цѣлую недѣлю видѣлъ во снѣ все того же бѣлаго быка, хотя даже молился на ночь, чтобы его не видать. Соврать же онъ по глупости и правдивости своей не догадывался. Все въ домѣ трепетало отъ ярости Ѳомы, Ѳалалей даже исхудалъ, и сердобольныя бабы уже спрыснули его съ уголька, какъ вдругъ исторія кончилась сама собой, изморомъ, потому что Ѳома былъ отвлеченъ другими дѣлами.

Довольно, кажется. Мы можемъ пренебречь другими подвигами Ѳомы, которыхъ еще много, и всѣ они въ томъ же родѣ.

Ѳома есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ экземпляровъ волчьей породы, въ этомъ не можетъ, конечно, быть никакого сомнѣнія— всѣ его дѣйствія и даже слова запечатлѣны самою свирѣпою жестокостью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по вѣрному опредѣленію Мизинчикова, непрактическій человѣкъ и, пожалуй, «въ своемъ родѣ какой-то поэтъ»—всѣ его вышеизложенные поступки поражаютъ своею ненужностью. Словами «ненужная жестокость» исчерпывается чуть не вся нравственная фізіономія Ѳомы, и если прибавить сюда безмѣрное самолюбіе при полномъ ничтожествѣ, такъ вотъ и весь Ѳома Опискинъ. Онъ никакой выгоды изъ своей жестокости не извлекаетъ, онъ предается мучительству по непосредственному требованію своей волчьей натуры, что называется, *такъ*. Онъ—чистый художникъ, поэтъ злости и тиранства, безъ малѣйшей утилитарной подкладки. И чѣмъ вычурнѣе, необыкновеннѣе осѣнившій его голову проектъ мучительства, тѣмъ для него пріятнѣе. Дайте Ѳомѣ Опискину внѣшнюю силу Ивана Грознаго или Нерона, и онъ имъ не уступитъ ни на одинъ волосъ, «удивитъ міръ злодѣйствомъ». Дайте же ему какую-нибудь внутреннюю силу, произойдутъ вещи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе любопытныя.

Представьте себѣ, какъ уже выше было сказано, что Ѳома Опискинъ не бездарность, потерпѣвшая фіаско на литературномъ поприщѣ, а напротивъ—большой талантъ. Прежде всего, большой талантъ, конечно, смягчитъ въ Ѳомѣ Опискинѣ каррикатурно-грубыя черты физіономіи. «Геній и злодѣйство несовмѣстны», говоритъ Пушкинъ устами своего Моцарта. Это неправда — очень совмѣстны. Но все-таки съ крупнымъ талантомъ несовмѣстны такія дурацкія формы, въ какія облекается тиранство Ѳомы: талантъ придастъ имъ извѣстное изящество, красоту, привлекательность, такъ что даже далеко не всякій догадается, что имѣетъ дѣло съ мучителемъ по призванію натуры. Затѣмъ, такъ какъ передъ нами литературный дѣятель, то мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ именно эту его дѣятельность, а до частной его жизни намъ, пожалуй, и никакого дѣла нѣтъ. О подлинномъ Ѳомѣ Опискинѣ, то есть о томъ, который показывается въ звѣ-

ринцѣ Достоевскаго, одни полагали, что онъ высокой и святой жизни человѣкъ; другіе были совершенно противнаго мнѣнія. Относительно *нашего* Ѳомы не можетъ быть даже и разговора на этотъ счетъ. Намъ только интересно знать, какъ отразится въ крупномъ литературномъ талантѣ ненужная жестокость, освободившись отъ глупости, грязи и ничтожества Ѳомы Опискина.

IV.

Жестокій талантъ, который при этомъ получится, выберетъ преимущественною темою для своихъ произведеній страданіе и будетъ заставлять страдать и своихъ дѣйствующихъ лицъ и своихъ читателей. Конечно, это можетъ сдѣлать и самый мягкій, даже приторный талантъ. Совершенно натурально, что на темѣ страданія построено многое множество литературныхъ произведеній, потому что литература есть только отраженіе жизни, а въ жизни страданія слишкомъ довольно. А разъ за обработку этой темы берется настоящій талантъ, то опять-таки натурально, что онъ вызоветъ у читателя слезы сочувствія или негодованія, вообще заставитъ его перестрадать извѣстное страдательное положеніе. Но отличительнымъ свойствомъ нашего жестокаго таланта будетъ ненужность причиняемаго имъ страданія, безпричинность его и безцѣльность. Нашъ жестокій талантъ будетъ именно вышеупомянутою требовательною натурою, которой нужное совсѣмъ ненужно, для которой нужное слишкомъ прѣсно. Формальнымъ образомъ, на архитектурѣ романа или повѣсти это отразится непомѣрными и совершенно не художественными длиннотами, вводными сценами, отступленіями, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ соблазнъ мучительно пощекотать нервы читателя или подвергнуть жестокому воздѣйствію кого-нибудь изъ персонажей. При этомъ, внутренняя сторона всѣхъ этихъ отступленій и вводныхъ картинъ не будетъ вызываться теченіемъ романа, не будетъ соотвѣтствовать жизненной правдѣ, не будетъ имѣть нравственнаго смысла, не будетъ шевелить въ читателѣ мысль. Все

это условія или требованія нужнаго, и все это жестокій талантъ презритъ и повергнетъ къ подножію ненужнаго страданія. Просто для того, чтобы помучить какого нибудь, имъ самимъ созданнаго, Сидорова или Петрова (а вмѣстѣ съ нимъ и читателя), онъ навалитъ на него невѣроятную гору несчастій, заставитъ совершить самыя вычурныя преступленія и терпѣть за нихъ соотвѣтственныя угрызенія совѣсти, проволочитъ сквозь тысячи бѣдъ и оскорбленій, самыхъ фантастическихъ, самыхъ невозможныхъ. Житейское, обыденное, нужное онъ оставитъ безъ вниманія или удѣлитъ ему таковое въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. За то каждый мельчайшій штрихъ, каждую микроскопическую подробность ненужнаго страданія разовьетъ съ тщательностью виртуоза. Понятное дѣло, что если бы такую работу представила жестокая бездарность, то, конечно, ничего, кромѣ насмѣшки, въ вознагражденіе не получила бы, потому что тутъ нарушены всѣ общепризнанныя и основательно общепризнанныя условія литературнаго творчества. Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ талантомъ, а талантъ имѣетъ привиллегію влагать душу живу во все, за что онъ принимается. Онъ такъ предъявитъ вамъ свое ненужное невозможное, невѣроподобное, уродливое, фантастическое, что вы не оторветесь, и не до насмѣшки вамъ будетъ, потому что вы, дѣйствительно, перестрадаете предъявленное вамъ страданіе. Онъ отуманитъ вамъ голову своими образами и картинами, заставитъ усиленно биться сердце, и развѣ въ тѣ lucida intervalae, когда во время самаго чтенія найдетъ на васъ трезвость, вы спросите себя: и за что онъ этого Сидорова или Петрова такъ мучитъ? за что и меня вмѣстѣ съ нимъ такъ мучительно щекочетъ? за что и зачѣмъ? Совсѣмъ вѣдь это не нужно. Ни въ какомъ смыслѣ не нужно? Это какой-то испанскій бой быковъ происходитъ. Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за перипетіями этого отвратительнаго зрѣлища, я, вмѣстѣ со всѣми зрителями, ощущаю приливъ и отливъ различныхъ чувствъ, я увлеченъ, я весь превратился въ зрѣніе и слухъ. Но развѣ нужно, чтобы быкъ распоролъ брюхо лошади, посадилъ на рога пикадора и получилъ ловкій смертельный ударъ отъ матадора?

Развѣ нужно? Въ томъ-то и дѣло, что нужно, если цѣлая масса людей любуется на эти мерзости; нужно въ смыслѣ ощущеній, ставшихъ потребностью, хотя никакихъ иныхъ оправданій они, разумѣется, за себя представить не могутъ. Вѣрнѣе будетъ, однако, сказать, что *было* нужно, потому что испанцы, кажется, начинаютъ отставать отъ этого, какъ говорится на нашемъ политическомъ жаргонѣ, самобытнаго развлеченія. Но, во всякомъ случаѣ, сравнительно еще очень недавно, всѣ путешественники по Испаніи описывали восторгъ и увлеченіе, съ которымъ публика, со включеніемъ прекраснаго слабаго, нѣжнаго пола, аплодировала быку, сажающему на рога пикадора, и матадору, вонзающему шпагу въ быка. Было, однако, и въ поэтической Испаніи время, когда бой быковъ былъ вещью ненужною, когда онъ просто даже совсѣмъ не значился въ числѣ самобытныхъ испанскихъ удовольствій. Эта потребность привилась не вдругъ, какъ не вдругъ теперь упраздняется. Можно поэтому думать, что раздумье, въ которое впадаютъ по временамъ читатели и почитатели жестокаго таланта, съ теченіемъ времени будетъ постепенно ослабѣвать и ослабѣвать, пока наконецъ возбужденіе, опредѣляемое ненужною жестокостью автора, станетъ потребностью, столь же сильною, какъ испанская потребность въ боѣ быковъ и римская потребность въ зрѣлищахъ. Конечно, для такого результата нужно совпаденіе довольно сложныхъ обстоятельствъ. Первымъ дѣломъ жестокій талантъ долженъ быть дѣйствительно большимъ и оригинальнымъ талантомъ, способнымъ «глаголомъ жечь сердца людей». Но и за всѣмъ тѣмъ онъ можетъ промелькнуть падучей звѣздой, если въ окружающей и читающей его средѣ не будетъ на лицо подходящихъ условій. Если, напримѣръ, общество будетъ имѣть передъ собою какую-нибудь широкую задачу или цѣлый рядъ задачъ, достаточныхъ для поглощенія его вниманія, то жестокій талантъ просуществуетъ безслѣдно, хотя его, разумѣется, будутъ читать. Можетъ быть, спустя долгое время, при совершенно иныхъ условіяхъ жизни, его вспомнятъ и упьются имъ до опьянѣнія, особливо, если явятся подходящіе продолжатели, подражатели, тол-

ковательи. Такъ не разъ случалось въ исторіи мысли и творчества. Какой-нибудь Шопенгауеръ, напримѣръ, умъ геніальный, въ свое время не произвелъ впечатлѣнія, какого заслуживалъ, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ воскресъ въ Гартманѣ, мыслителѣ очень ловкомъ, но развѣ достойномъ только развязать ремень у сапога Шопенгауера. Понятное дѣло, что если читающій людъ окажется на мели, то есть будетъ сидѣть безъ дѣла, безъ настоящаго, увлекающаго дѣла, и только заниматься дѣлами, да обдѣлывать дѣла, то жестокій талантъ примется съ распростертыми объятіями: отъ бездѣлья и то рукодѣлье. Тутъ надо, впрочемъ, оговориться. Дѣла у людей, собственно говоря, всегда довольно, слишкомъ довольно, и нѣтъ такого ни времени, ни племени, передъ которыми не стояли бы задачи, достаточно широкія, чтобы заниматься ими, а не упиваться боемъ быковъ. Для признанія такого простого положенія совсѣмъ не требуется быть узкимъ ригористомъ, и считать, что «печной горшокъ всего дороже» на свѣтѣ, ибо «въ немъ пищу мы себѣ варимъ». Нѣтъ, есть вещи, несравненно болѣе дорогія, чѣмъ печной горшокъ, но ужь навѣрное это не бой быковъ. И однако, не смотря на это постоянное присутствіе задачъ, достойныхъ всецѣлаго вниманія общества, и даже какъ разъ въ пору ихъ особенной настоятельности, жестокій талантъ можетъ стать героемъ своего времени, прибѣжищемъ для общественнаго вниманія, ищущаго куда бы ему притянуться. Это тогда можетъ случиться, когда общество поставлено къ лежащему передъ нимъ дѣлу въ такое-же отношеніе, въ какомъ лисица стоитъ къ винограду въ баснѣ Крылова. Если дѣло есть и для всѣхъ это ясно, потому что дѣло выросло изъ самыхъ нѣдръ исторіи, но постороннія обстоятельства не позволяютъ его дѣлать, то взбудораженная энергія, не находя себѣ правильнаго исхода, обращается къ разнымъ низменнымъ ненужностямъ наркотическаго свойства. Въ числѣ ихъ могутъ быть и тѣ ощущенія, которыя даются произведеніями жестокаго таланта. При такихъ условіяхъ читатель покорно, даже съ нѣкоторымъ восторгомъ, пойдетъ на тѣ ненужныя мученія, какимъ подвергаетъ его, вмѣстѣ съ своимъ Сидоровымъ или

Петровымъ, жестокій талантъ. Выдуманная, и не только выдуманная, а прямо-таки совсѣмъ ненужная мука станетъ потребностью, для удовлетворенія которой явится цѣлая фаланга подражателей и продолжателей нашего жестокаго таланта. Понятно, что и въ самой жизни, въ «живой жизни», говоря словами подпольнаго человѣка, эта потребность въ ненужныхъ мученіяхъ и эта привычка къ нимъ должны отразиться различными трудноопредѣлимыми, но ужъ, разумѣется, не хорошими послѣдствіями. Надо помнить, что мученія эти имѣютъ отраженный характеръ. Не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ читателя въ три кнута били. Нѣтъ, бьютъ на его глазахъ Сидорова или Петрова, бьютъ ни съ того, ни съ сего, человѣка ни въ чемъ неповиннаго, но бьютъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ художественно, что читателю становится любо смотрѣть на это отвратительное зрѣлище; просто любо, безъ малѣйшаго участія другихъ чувствъ и мысли.

Все это я говорю въ томъ предположеніи, что жестокій талантъ есть поэтъ, беллетристъ. И, кажется, все это само собой естественно вытекаетъ изъ основной характеристической черты нашего очищеннаго и преображеннаго Ѳомы Опискина—ненужной жестокости. Гораздо труднѣе вывести всѣ послѣдствія ненужной жестокости, если формой литературной дѣятельности ея носителя будетъ публицистика. Оно, пожалуй, на первый взглядъ даже и не трудно, особенно намъ, русскимъ, имѣющимъ въ букетѣ своей публицистики такую благоуханную розу, какъ Катковъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое классическое дѣтоубійство, столь назойливо проповѣдуемое на Страстномъ бульварѣ, въ Москвѣ, какъ не точный сколокъ съ водворенія французскаго языка Ѳомой Опискинымъ въ селѣ Степанчиковѣ: вуй, мусью, же ле парль эн-пе—и отъ этихъ магическихъ словъ нравы смягчаются. Очень похоже, это правда, но все-таки это только родственная черта, а не черта тождественности. Родственныхъ чертъ можно найти еще довольно много, потому что жестокость Каткова и его склонность къ насилію совершенно чрезвычайны. Но, въ качествѣ публициста, онъ преслѣдуетъ все-таки извѣстныя практическія задачи, добивается извѣстныхъ результатовъ. Мо-

тивы его дѣятельности, вѣроятно, очень разнообразны. Тутъ, надо думать, есть и дѣйствительное убѣжденіе, и упрямство, и самодурство, и растерянность публициста, много лѣтъ пользовавшагося небывалымъ у насъ вліяніемъ и видящаго въ концѣ-концовъ, что ничего путнаго онъ изъ своего вліянія не сдѣлалъ. Но, такъ или иначе, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, а Каткову нужно, напримѣръ, какъ Марату, сто тысячъ головъ — онъ ихъ и требуетъ; нужно, чтобы, кромѣ него, въ печати никто не смѣлъ слова пикнуть — онъ этого и добивается; нужно, чтобы всѣ читали Гомера и Виргилія въ подлинникѣ — онъ и пропагандируетъ. Ѳомѣ Опискину никакихъ такихъ результатовъ не надо. Онъ, вѣроятно, подалъ бы руку Каткову и почтилъ бы его дѣятельность своимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, но ему лично нуженъ только самый процессъ мучительства. Онъ, напримѣръ, былъ бы очень счастливъ, если-бы имѣлъ возможность пилить своей словесной пилой сто тысячъ человѣкъ изо дня въ день, но не до умерщвленія, а такъ, чтобы они неустанно корчились отъ душевной боли, а онъ бы ихъ все попиливалъ, да потыкивалъ, да поджаривалъ. Спрашивается: какъ же вмѣстить эту безпричинность и безрезультатность мучительства въ публицистику, имѣющую непремѣнно дѣло съ причинами и результатами? Очень трудно вмѣстить и придется, пожалуй, рѣшить дѣло такъ, что чистымъ публицистомъ нашъ жестокій талантъ совсѣмъ и быть не можетъ. Онъ можетъ по временамъ дѣлать экскурсіи въ эту область, но центръ тяжести его дѣятельности долженъ непремѣнно лежать въ художественной сферѣ, гдѣ у поэта, какъ говорится, своя рука владыка. Вызвалъ изъ мрака небытія Сидорова и тѣшься надъ нимъ сколько душѣ угодно: художникъ вѣдь не обязанъ предъявлять доводы и аргументы, почему, зачѣмъ, за что пьетъ Сидоровъ такую горькую чашу. Наконецъ, область искусства допускаетъ одинъ пріемъ, представляющій переходъ къ публицистикѣ. Стоитъ только автору вложить одному изъ дѣйствующихъ лицъ свои собственныя мысли. И можно, кажется, предвидѣть, что жестокій талантъ будетъ прибѣгать къ этому пріему довольно часто, растягивая притомъ монологи своего подставного *я* до совершенно

нехудожественной длинноты. Оборотъ для жестокаго таланта очень удобный. Темою для его разсужденій въ публицистической формѣ должно остаться все то же ненужное, безпричинное и безрезультатное страданіе. Но здѣсь она должна получить видъ уже не безнужно страдающихъ образовъ, а видъ практическаго требованія. Ну, а какъ-же такъ-таки прямо отъ своего имени требовать мученій для людей? Гораздо удобнѣе вложить это требованіе въ уста какого-нибудь «парадоксалиста», какого-нибудь эксцентрическаго человѣка. А впрочемъ, мы сейчасъ увидимъ, что жестокій талантъ можетъ въ концѣ-концовъ придумать форму для прямого требованія страданія отъ своего собственнаго лица, обставляя, разумѣется, дѣло разными каріатидами и другими яко-бы поддерживающими зданіе украшеніями.

Но читатель, пожалуй, усомнится въ самой возможности такихъ безнужно жестокихъ людей. Онъ слыхалъ, что люди мучатъ людей изъ мести, корысти и т. п. И когда страсть отуманитъ голову, жестокость, если не извинительна, то, по крайней мѣрѣ, понятна въ пылу одури. Но такъ мучить, ради одной игры фантазіи, ради одного художественнаго созерцанія мученій—бываетъ ли это? Къ сожалѣнію, несомнѣнно бываетъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія, знающая Ивана Грознаго, Нерона и другихъ жрецовъ чистѣйшаго и утонченнѣйшаго искусства мучительства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ историческій же фактъ удовольствія, которое иногда въ теченіи цѣлыхъ длинныхъ періодовъ доставляютъ людямъ звѣрскія зрѣлища. О томъ же свидѣтельствуютъ разныя житейскія мелочи, если вы захотите къ нимъ приглядѣться. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ психологическая наблюдательность такого крупнаго художника, какъ Достоевскій, который, не говоря о послѣдующихъ его произведеніяхъ, создалъ хотя бы только подпольнаго человѣка и Ѳому Опискина. Достоевскій удостовѣряетъ, что «человѣкъ—деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ»; что есть люди, находящіе въ мучительствѣ сильнѣйше и напряженнѣйшее наслажденіе—сладострастіе; что можно съ наслажденіемъ мучить не только ненавистнаго, а и любимаго человѣка. И какъ же намъ не повѣрить, наконецъ,

этому, ну, хоть не пророку божію—это ужъ г. Соловьевъ въ забвеніи чувствъ хватилъ—но во всякомъ случаѣ чрезвычайно тонкому наблюдателю? Тѣмъ болѣе что, независимо отъ представленныхъ имъ поэтическихъ образцовъ ненужной жестокости, Достоевскій самъ былъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ ея живыхъ образцовъ. Онъ былъ именно тотъ жестокій талантъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь...

Если бы картонные мечи умиленныхъ плакальщиковъ, хитроумныхъ политикановъ и такъ-себѣ пустопорожнихъ людей, уже давно полу-извлеченные изъ ноженъ, могли рубить и колоть, то, конечно, я былъ бы въ эту минуту поверженъ множествомъ ударовъ. Какъ! Достоевскій — звѣзда русской литературы и едва ли не правило вѣры и образъ кротости, уличается въ жестокости, да еще совершенно ненужной, сравнивается съ такимъ дряннымъ ничтожествомъ, какъ Ѳома Опискинъ! Только узкое пристрастіе лагеря, партіи можетъ довести до такой дерзости!

Въ такомъ родѣ что-нибудь скажутъ умиленные плакальщики, хитроумные политиканы и такъ-себѣ пустопорожніе люди, а не скажутъ, такъ подумаютъ, съ прибавкой, конечно, еще многихъ и разнообразныхъ нелестныхъ для меня вещей. До этихъ господъ мнѣ рѣшительно никакого дѣла нѣтъ. Но я боюсь, чтобы кто-нибудь и изъ благомыслящихъ читателей, сбитый съ толку елейной репутаціей Достоевскаго, не предъявилъ не то что этихъ возраженій, потому что какія же это возраженія?—а этихъ попрековъ. Это было бы огорчительно. Дѣло въ томъ, что лагерное, партійное отношеніе къ Достоевскому невозможно. Ни къ какой опредѣленный партіи онъ не принадлежалъ, а тѣмъ паче не оставилъ послѣ себя школы. Можно только сказать, что въ чисто литературномъ отношеніи нѣкоторые наши молодые беллетристы, къ сожалѣнію, соблазнились примѣромъ Достоевскаго и пытаются заниматься безнужнымъ мучительствомъ, предполагая, вѣроятно, что въ этомъ и только въ этомъ состоитъ психологическій анализъ. Затѣмъ, къ различнымъ намѣтившимся у насъ политическимъ партіямъ Достоевскій былъ однѣми сторонами ближе, другими дальше и просто не обладалъ тѣмъ, что̀ можно

назвать политическимъ темпераментомъ. Онъ былъ прежде всего художникъ, радующійся процессу творчества, и потомъ проповѣдникъ, имѣющій дѣло исключительно съ личностью и ея судьбами. Политическую же жизнь и ея формы онъ не то что понималъ правильно или неправильно,—это бы еще подлежало обсужденію, а просто не интересовался ими. Совсѣмъ онѣ были чужія ему, всѣми своими вкусами влекомому къ разбирательству интимнѣйшихъ личныхъ дѣлъ и дѣлишекъ. Оттого, когда подъ конецъ разныя случайныя обстоятельства толкнули его на путь публицистики, ему случалось проговариваться нелѣпостями, которыя казались бы колоссальными, если бы онѣ не были такъ комичны. То вдругъ брякнетъ, что крѣпостное право само по себѣ нисколько не мѣшаетъ идеально-нравственнымъ отношеніямъ между господами и крѣпостными. То изречетъ пророчества, что мы возьмемъ въ самомъ скоромъ времени Константинополь, а турки пойдутъ торговать халатами и мыломъ, какъ будто бы было съ татарами послѣ взятія Казани. Понятное дѣло, что политиканы, мечтающіе о возрожденіи крѣпостного права въ обновленной и юридически совершенно правильной формѣ, а также пустопорожніе люди, желающіе прибить свой щитъ къ вратамъ Цареграда, были рады этой косвенной поддержкѣ со стороны крупнаго литературнаго таланта. Понятно также, что люди, имѣющіе нѣчто противъ крѣпостнаго права, даже чрезвычайно и по новѣйшей модѣ разукрашеннаго, и полагающіе, что мы можемъ пока обойтись и безъ Константинополя, не могли съ радостнымъ чувствомъ слышать эти пустяки изъ устъ писателя, который пользовался обширною и заслуженною извѣстностью, хотя и совсѣмъ по другой части. Изволь еще тамъ, разбирай по какой части: *Достоевскій* говоритъ, и это уже очень и очень важно для многихъ. Отсюда радость однихъ и огорченіе другихъ. Но никогда ни одни, ни другіе не считали маломальски серьезно Достоевскаго политическимъ дѣятелемъ или опорою партіи. А потому, повторяю, партійное пристрастіе не имѣетъ по отношенію къ Достоевскому никакого raison d'être, особливо теперь, послѣ его смерти.

Вся политика и публицистика Достоевскаго представляетъ сплошное шатаніе и сумбуръ, въ которомъ есть однако одна самостоятельная, оригинальная черта: ненужная, безпричинная, безрезультатная жестокость. И если я сопоставляю Достоевскаго съ его же созданіемъ, Ѳомой Опискинымъ, то, конечно, очень хорошо понимаю, что первый уменъ и талантливъ, а второй глупъ и бездаренъ. О житейскихъ отношеніяхъ Достоевскаго намъ ничего не извѣстно, да пожалуй и не надобно знать, ибо мы хотимъ только видѣть, какъ житейская ненужная жестокость Ѳомы Опискина отражается въ *литературной* дѣятельности Достоевскаго.

Начнемъ съ конца, то есть съ публицистики, потому что тутъ дѣло стоитъ проще и яснѣе всего, хотя довольно и трудно едва ли даже возможно говорить о публицистикѣ Достоевскаго, не касаясь его беллетристики.

Катковъ негодуетъ на слабость приговоровъ суда присяжныхъ и требуютъ «строгихъ наказаній, острога и каторги». Достоевскій тоже негодовалъ на слабость приговоровъ суда присяжныхъ и требовалъ строгихъ наказаній, острога и каторги. Но разница вотъ въ чемъ. Негодованіе и требованіе Каткова стоятъ на чисто утилитарной почвѣ: онъ ратуетъ за расшатанную «дисциплину», требуетъ, чтобы вообще обитатели земли русской, недостаточно «подтянутые», были наконецъ подтянуты въ удовлетворительной степени. Достоевскій стоялъ въ своемъ требованіи внѣ всякихъ утилитарныхъ соображеній. Самый вопросъ: зачѣмъ строгія наказанія, острогъ и каторга? — не существовалъ для него, хотя ему поневолѣ приходилось въ публицистической своей дѣятельности вертѣться около этого вопроса. Однако, и тутъ онъ больше сворачивалъ на другой, собственно говоря необыкновенно странный вопросъ: кто хочетъ строгихъ наказаній и проч.? кто хочетъ страданія вообще? Понятно, что такая постановка чрезвычайно удобна для человѣка, не умѣющаго, не желающаго мотивировать свое требованіе, принужденнаго почему-нибудь скрывать свои истинные мотивы или наконецъ просто плохо сознающаго ихъ. (Послѣднее случается гораз-

до чаще, чѣмъ, можетъ быть, думаетъ читатель: сплошь и рядомъ человѣкъ всю жизнь не отдаетъ себѣ отчета въ истинныхъ мотивахъ своей дѣятельности.) Чрезвычайно удобно, вмѣсто всякой аргументаціи по самому существу дѣла, сослаться на какой-нибудь могущественный въ данномъ случаѣ авторитетъ: дескать, онъ, авторитетъ, хочетъ. Ну, а авторитету этому можно и собственное хотѣніе подсунуть. Достоевскій перепробовалъ, кажется, всѣ подобные авторитеты. Мы видѣли, что уже подпольный человѣкъ говоритъ о желаніи людей страдать, о томъ, что они «любятъ до страсти» страданіе. Затѣмъ, въ послѣдующихъ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, Достоевскій съ особенною любовью останавливался на тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда человѣкъ въ самомъ дѣлѣ ищетъ страданія, пожалуй, именно любитъ его, въ искупленіе когда-то совершеннаго имъ грѣха. Съ этою цѣлью онъ заставляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ совершать вычурныя, фантастическія преступленія или, по крайней мѣрѣ, питать того же сорта мысли, чтобы потомъ они могли страдать, страдать, страдать. Достойно вниманія, что человѣкъ иногда бываетъ готовъ идти на страданіе по совершенно инымъ мотивамъ, но Достоевскій не признавалъ ихъ законными, и если вводилъ въ свои произведенія, то непремѣнно въ язвительномъ тонѣ. Сейчасъ мы увидимъ, въ чемъ тутъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ самъ хочетъ и любитъ страдать, а это авторитетъ въ данномъ случаѣ достаточно высокій; ужъ если самъ хочетъ страдать, такъ не зачѣмъ и разсуждать о причинахъ и цѣляхъ страданія,—пусть себѣ страдаетъ. Но Достоевскій не удовольствовался этимъ авторитетомъ, основательно, можетъ быть, соображая, что не всякій повѣритъ такой любви человѣка къ страданію. Съ теченіемъ времени онъ прибавилъ авторитетъ самого Бога, а затѣмъ авторитетъ русскаго народа, и около этого послѣдняго столба собственно и вертѣлась вся его политика и публицистика, излагавшаяся отъ его собственнаго имени въ «Дневникѣ писателя» и отъ имени дѣйствующихъ лицъ романовъ: «Идіотъ», «Бѣсы», «Братья Карамазовы». При ближайшемъ разсмотрѣніи, открылось, видите ли, что не человѣкъ во-

обще любитъ и хочетъ страдать, а именно русскій человѣкъ. Французскій, нѣмецкій, турецкій и всякій другой иностранный человѣкъ остается по этому пункту даже какъ бы въ сильномъ подозрѣніи. Коренная же черта русскаго человѣка, особливо сохранившаяся въ народѣ, состоитъ въ неудержимомъ стремленіи къ страданію. Изъ этого центра идутъ въ разныя стороны радіусы въ видѣ весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ теоретическихъ и практическихъ выводовъ. Типическимъ образчикомъ едва ли не всѣхъ ихъ въ совокупности можетъ служить такое разсужденіе. Адвокаты, прокуроры, судьи и, подъ вліяніемъ ихъ присяжные засѣдатели (а если присяжные принадлежатъ къ такъ называемой интеллигенціи, то и совершенно самостоятельно), въ качествѣ людей, оторвавшихся отъ національной почвы, не понимаютъ потребности русскаго народа въ страданіи; они оправдываютъ преступника-мужика, тогда какъ онъ самъ хотѣлъ бы попасть на каторгу и даже преступленіе-то совершилъ именно, можетъ быть, затѣмъ, чтобы потомъ пострадать отъ угрызеній совѣсти или въ острогѣ, или на каторгѣ.

Странныя, дикія, невозможныя размышленія, но Достоевскій ихъ высказалъ цѣликомъ. И, конечно, одною жестокостью ихъ объяснить нельзя. Къ жестокости таланта, которою мы теперь заняты и которая, натурально, должна прорѣзываться главнымъ образомъ въ беллетристикѣ, въ настоящемъ случаѣ прибавлялись еще другіе элементы, упомянутые въ замѣткѣ по поводу смерти Достоевскаго: уваженіе къ существующему общему порядку и склонность къ личной проповѣди, вообще къ постановкѣ всѣхъ вопросовъ на личную почву. Этихъ элементовъ мы теперь касаться не будемъ и отмѣтимъ только слѣдующее обстоятельство.

«Человѣкъ—деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ», говоритъ Достоевскій устами «Игрока». «Человѣкъ до страсти любитъ страданіе», говоритъ тотъ же Достоевскій устами подпольнаго человѣка. Мучить или мучиться, или и мучить и мучиться вмѣстѣ—вотъ, значитъ, не только судьба человѣка, а и глубокое требованіе его природы. Какъ въ экономіи природы

существуютъ волки и овцы, такъ въ экономіи взаимныхъ людскихъ отношеній существуютъ и должны существовать мучители и мученики. Спрашивается, какъ же съ мучителями-то быть? какъ къ нимъ относиться? Вы скажете, можетъ быть, что поступать съ ними надо такъ же, какъ съ волками, то есть просто гнать и бить ихъ. Отнюдь нѣтъ. Волки человѣку неугодны и неудобны, оттого онъ ихъ и бьетъ, а тутъ самъ человѣкъ любитъ быть мучителемъ и самъ же любитъ страдать—двойное оправданіе для существованія мучителей. Поэтому общій порядокъ вещей, создающій мучителей и мучениковъ, представляетъ собою нѣчто священное и неприкосновенное, и Достоевскій на разнообразныя манеры преслѣдовалъ всѣхъ, кто словомъ, дѣломъ или помышленіемъ посягалъ на этотъ неприкосновенный общій порядокъ. Только въ своей рѣчи на пушкинскомъ торжествѣ Достоевскій согласился признать ихъ право на имя русскихъ людей..

. Но если общій порядокъ вещей неприкосновененъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, разумѣется, что столь же неприкосновенны отдѣльныя личности мучителей. Нѣтъ, тутъ надо разбирать. Есть формы мучительства грубыя, аляповатыя, какими, напримѣръ, пробавляется Ѳома Опискинъ. Такое мучительство заслуживаетъ всяческаго посмѣянія и всяческой кары. Оно и понятно: мало-мальски тонко развитый художникъ или даже просто человѣкъ, обладающій нѣкоторымъ художественнымъ чутьемъ, будетъ, конечно, непріятно оттолкнутъ подобнымъ безобразіемъ. Но есть и другія формы мучительства, болѣе изящныя болѣе интересныя, которыми при случаѣ можно даже пококетничать, открыто заявляя, что я, дескать, люблю помучить людей, но посмотрите-ка насколько я, въ самооплеваніи и самоуниженіи своемъ, все-таки выше простыхъ смертныхъ. О! такого интереснаго и красиваго мучителя можно взять подъ свое покровительство; можно назвать его не какимъ-нибудь браннымъ словомъ, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ, а мягкимъ и интереснымъ именемъ «парадоксалиста»; можно вложить ему свои собственныя мысли и, слѣдовательно, какъ бы даже отождествить его съ со-

бой... По крайней мѣрѣ, такъ любезно поступилъ Достоевскій съ подпольнымъ человѣкомъ.

V.

Пора, однако, намъ заглянуть въ другіе повѣсти и разсказы, вошедшіе во второй и третій томы сочиненій Достоевскаго. До сихъ поръ мы наглядно убѣдились только въ томъ, что Достоевскій чрезвычайно интересовался различными проявленіями жестокости и необыкновенно тонко понималъ то странное, дикое, но несомнѣнно сильное наслажденіе, которое нѣкоторые люди находятъ въ ненужномъ мучительствѣ. Собственно же образчиковъ жестокости его таланта еще не видали.

Вотъ повѣсть или «петербургская поэма», какъ она почему-то называется—«Двойникъ».

Жилъ-былъ титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ. Обыкновеннѣйшій былъ человѣкъ неопредѣленной масти, и если чѣмъ отличался отъ многихъ другихъ регистраторовъ, секретарей и совѣтниковъ, такъ развѣ только полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было мажорныхъ качествъ и необыкновеннымъ обиліемъ качествъ минорныхъ—трусости, мнительности, уступчивости и т. п. На первыхъ же страницахъ «петербургской поэмы» Голядкинъ, поднимаясь по лѣстницѣ къ доктору за медицинскимъ совѣтомъ, долженъ «переводить духъ и сдерживать біеніе сердца, имѣющаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ». Кромѣ этой запуганности, съ первыхъ же опять-таки страницъ повѣсти, обнаруживается значительный непорядокъ въ головѣ Голядкина, такъ что даже необыкновенное обиліе минорныхъ качествъ находится, повидимому, въ прямой зависимости отъ этого непорядка. Повѣсть оканчивается тѣмъ, что Голядкинъ окончательно свихивается и его увозятъ въ сумасшедшій домъ. Слабость воли полупомѣшаннаго человѣка прослѣжена съ замѣчательною тщательностью на мно-

жествѣ мелочей, которыя даже утомляютъ читателя своею скученностью. И утомленіе это нисколько не смягчается юмористическимъ тономъ, котораго авторъ держится въ разсказѣ о похожденіяхъ своего героя. Напротивъ, онъ подъ конецъ прибавляетъ къ утомленію еще нѣкоторое изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ достойнаго насмѣшки, что какой-то несчастный титулярный совѣтникъ сходитъ съ ума? Положимъ, онъ птица не важная, но, по человѣчеству, все-таки скорѣе пожалѣть можно «господина Голядкина», какъ неизмѣнно называетъ его авторъ. А еще лучше, пожалуй, было бы совсѣмъ оставить господина Голядкина въ покоѣ. Простой фотографъ, и тотъ, работая не по заказу, а по собственному выбору, снимая, напримѣръ, виды, выбираетъ мѣстности почему-нибудь характерныя, или очень красивыя, или въ другихъ отношеніяхъ замѣчательныя. А тутъ талантливый художникъ беретъ какую-то, ни мало не интересную букашку—Голядкина, сводитъ его съ ума, да еще при этомъ издѣвается надъ нимъ!

Но читатель, пожалуй, замѣтитъ, что авторъ совсѣмъ не сводитъ съ ума господина Голядкина; господинъ Голядкинъ самъ сходитъ съ ума подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, авторъ же только разсказываетъ, какимъ образомъ этотъ процессъ дошелъ до своего апогея.

Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ и даже совсѣмъ не такъ. Исторія застаетъ господина Голядкина уже въ разстроенномъ видѣ, благодаря которому онъ терпитъ весьма достаточное количество воображаемыхъ оскорбленій и огорченій и дѣйствительныхъ непріятностей. И тѣ, и другія совершенно естественны въ жизни человѣка, страдающаго психическою болѣзнію. Но Достоевскому показалось мало этихъ непріятностей и оскорбленій, вызываемыхъ обыкновеннымъ теченіемъ болѣзни. Онъ устроилъ для «господина Голядкина» слѣдующій, совершенно необыкновенный и невѣроятный сюрпризъ. Послѣ одной непріятности, особенно огорчившей Голядкина, онъ, возвращаясь ночью домой, встрѣтилъ своего двойника, который даже вмѣстѣ съ нимъ къ нему на квартиру

вошелъ и на его кровати расположился. Все это пока еще очень просто. Но на другой день, проснувшись, успокоившись, Голядкинъ отправился на службу, и тамъ, къ величайшему ужасу своему, встрѣтилъ уже настоящаго, реальнаго своего двойника, въ видѣ новичка-чиновника. Этого только-что поступившаго чиновника звали, какъ и нашего героя, Яковомъ Петровичемъ Голядкинымъ; какъ и герой, онъ былъ титулярный совѣтникъ, и, по внѣшности своей, какъ двѣ капли воды, походилъ на героя; вдобавокъ начальство посадило его за однимъ столомъ съ героемъ, какъ разъ противъ него! Отсюда новый обильный источникъ обидъ, огорченій, непріятностей для господина Голядкина, и безъ того несчастнаго, и безъ того Богомъ убитаго. Эти непріятности совсѣмъ не входятъ въ бюджетъ обыкновеннаго умственнаго разстройства. Онѣ введены авторомъ искусственно и, спрашивается, зачѣмъ? Правдѣ вещей онѣ не соотвѣтствуютъ, потому что обусловливаются такимъ страннымъ совпаденіемъ обстоятельствъ, которое хотя и удобно для водевиля съ переодѣваніемъ, но въ дѣйствительной жизни не вѣроятно. Художественными требованіями ихъ оправдать нельзя, потому что эти два титулярныхъ совѣтника, двѣ капли воды, два Якова Петровича Голядкина, сидящіе другъ противъ друга—грубая пошлость. Нравственнаго смысла въ страданіяхъ господина Голядкина тоже нѣтъ никакого. Зачѣмъ же понадобился второй господинъ Голядкинъ? Единственно за тѣмъ, чтобы построить для Голядкина второй этажъ мученій, вычурныхъ, фантастическихъ, невозможныхъ, и мучительно пощекотать ими нервы читателя. Единственно ради игры фантазіи. Единственно по жестокости таланта Достоевскаго. Какъ подпольный человѣкъ единственно для «игры» и по ненужной жестокости мучитъ Лизу; какъ Ѳома Опискинъ совершенно безкорыстно, только въ силу потребности видѣть мученія, терзаетъ все село Степанчиково, такъ и Достоевскій безъ всякой нужды надбавилъ господину Голядкину второго Голядкина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высыпалъ на него цѣлый рогъ изобилія безпричинныхъ и безрезультатныхъ страданій. Въ своемъ родѣ этотъ второй Голядкинъ такое же фантастическое и дикое орудіе

пытки для «господина» Голядкина перваго, какое французскіе вокабулы составляютъ для стараго Гаврилы и малаго Ѳалалея, Что будете дѣлать: «человѣкъ—деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ»! А съ другой стороны, человѣкъ «до страсти любитъ страданіе». Отчего же титулярному совѣтнику Голядкину не получить лишнюю, сверхсмѣтную порцію страданій?

Вы скажете, можетъ быть, что это невѣроятное объясненіе, потому что у кого же поднимется рука на такую жалкую козявку, какъ Голядкинъ? Но въ томъ-то и вопросъ, почему выдумываются фантастическія терзанія для козявки, и безъ того истерзанной дѣйствительнымъ теченіемъ жизни. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, не одинъ Голядкинъ подвергается ненужнымъ терзаніямъ. Подвергаются имъ и читатели или, по крайней мѣрѣ, есть разсчетъ на эти отраженныя терзанія читателей, долженствующихъ пережить муки господина Голядкина. А читатели,— это цѣлый легіонъ. Въ третьихъ, наконецъ, что-жъ такое, что козявка? Алексѣй Петровичъ («Игрокъ») замѣчаетъ: «удовольствіе всегда полезно, а дикая, безпредѣльная власть, *хоть надъ мухой*, вѣдь это тоже своего рода наслажденіе». Вотъ ради этого-то наслажденія, Достоевскій своимъ Голядкинымъ № 2 и попралъ истину, красоту и справедливость, ту знаменитую троицу—le vrai, le beau et le juste—съ которою носились тридцатые и сороковые годы—годы, между прочимъ, и Достоевскаго...

Пойдемъ дальше и употребимъ на этотъ разъ пріемъ сравнительный.

Обидно ли будетъ для памяти Достоевскаго сравненіе съ Шекспиромъ? Я думаю, нѣтъ. Оно было бы обидною насмѣшкою для какой-нибудь бездарности. Но талантъ такого роста, какъ Достоевскій, не допускаетъ возможности подобной насмѣшки. Онъ не Шекспиръ, конечно, и я не думаю мѣрять его съ Шекспиромъ. Я хочу только сравнить нѣкоторые художественные пріемы того и другаго при разработкѣ одной и той же темы.

Вы помните «Отелло». Психологическая драма, образная разработка личной страсти—ревности—не можетъ идти дальше. И если искать тайну этой необыкновенной глубины, то придется

увидѣть ее именно въ отстуствіи ненужнаго мучительства, не смотря на мучительность темы. Разъ данъ характеръ и положеніе Отелло—все остальное, всѣ мельчайшія подробности его страданій вытекаютъ сами собой. На двѣ стороны драмы желалъ бы я обратить особое ваше вниманіе. Во-первыхъ, фабула чрезвычайно проста: подъ вліяніемъ наговоровъ Яго, родится и ростетъ ревность, «чудовище съ зелеными глазами, съ насмѣшкой ядовитой надъ тѣмъ, что пищею ей служитъ». Дойдя до извѣстнаго предѣла, ревность завершается убійствомъ, и такъ какъ Дездемона оказывается невинною, то измученный, разбитый Отелло, своими руками разбившій свое счастіе, не хочетъ жить и закалывается. Вотъ и все. Затѣмъ Отелло почти глупъ, когда довѣряется Яго; Отелло грубъ, когда ругаетъ и даже бьетъ Дездемону; Отелло, наконецъ, безумный убійца, и никто ему не повѣритъ, что онъ все сдѣлалъ «изъ чести» и ничего «изъ злобы». И, не смотря на все это, вы нигдѣ, на всемъ протяженіи драмы, не замѣтите руки автора, желающей унизить, придавить героя, доставить ему какую-нибудь скорбь или униженіе сверхъ-естественной въ его положеніи смѣты.

Теперь посмотрите, что сдѣлалъ съ этой же темой Достоевскій На мотивъ «чудовище съ зелеными глазами» у него есть двѣ вещи: одна шуточная и очень плохая—«Чужая жена и мужъ подъ кроватью», другая—серьезно задуманная, въ своемъ родѣ превосходно выполненная и для таланта Достоевскаго въ высшей степени характерная—«Вѣчный мужъ» [1]).

Шутка рѣшительно не удавалась Достоевскому. Онъ былъ для нея именно слишкомъ жестокъ, или, если кому это выраженіе не нравится, въ его талантѣ преобладала трагическая нота. Шуточныя вещи онъ пробовалъ писать не разъ. Но или шутилъ надъ тѣмъ, что ни въ какомъ смыслѣ шутки не заслуживаетъ («Двойникъ»), или же шутка напоминала—да позволено мнѣ будетъ это сравненіе—кошачью игру: кошка совершенно незамѣтно раздра-

[1]) «Вѣчный мужъ» не вошелъ ни во второй, ни въ третій томы сочиненій Достоевскаго, но, если не ошибаюсь, вышелъ недавно отдѣльно новымъ изданіемъ.

жается процессомъ игры и переходитъ съ него на дѣйствительное, злобное царапанье и кусанье. Разница, однако, въ томъ, что Достоевскому не доставало граціи кошки: онъ сплошь и рядомъ вводилъ въ свои шутки грубѣйшіе и отнюдь не граціозные эффекты («Дядюшкинъ сонъ», «Крокодилъ» и др.). «Чужая жена и мужъ подъ кроватью»—«происшествіе необыкновенное»—принадлежитъ именно къ разряду этихъ грубыхъ и вовсе не граціозныхъ шутокъ.

Дѣйствіе открывается тѣмъ, что пожилой «господинъ въ енотахъ» останавливаетъ на улицѣ вечеромъ молодого «господина въ бекешѣ» разспросами о какой-то дамѣ, которая должна быть гдѣ-то по близости; такъ не видалъ ли ея молодой господинъ въ бекешѣ? Изъ дальнѣйшаго объясненія оказывается, что господинъ въ енотахъ ищетъ свою жену, подозрѣваемую имъ въ невѣрности. Но онъ конфузится сказать это откровенно и плететъ какую-то чепуху насчетъ «чужой жены». Онъ чрезвычайно взволнованъ и все говоритъ о своемъ «униженіи». Еще дальше, и оказывается, что молодой человѣкъ есть какъ разъ любовникъ этой самой «чужой жены», которая, однако, и его надуваетъ, что и обнаруживается. Обнаруживается съ такой ясностію, что для мужа не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Но онъ все еще хочетъ «ловить». Случай представляется на другой же день. И мужъ и жена были въ оперѣ. Мужъ сидѣлъ въ креслахъ, жена въ ложѣ съ знакомой семьей и какими-то молодыми людьми. Вдругъ на почтенную и обнаженную, то есть отчасти лишенную волосъ, голову ревниваго, раздраженнаго Ивана Андреича слетѣлъ такой безнравственный предметъ, какъ любовно раздушонная записка». Иванъ Андреичъ тотчасъ сообразилъ, что авторъ этой записочки его жена, а такъ какъ въ цидулкѣ было назначено свиданіе тотчасъ послѣ спектакля, то онъ и помчался по указанному адресу прямо изъ театра. Но уже на мѣстѣ, на самой лѣстницѣ, Ивана Андреича обогналъ какой-то франтъ и, какъ показалось оскорбленному мужу, вбѣжалъ въ ту самую дверь, которая была обозначена въ записочкѣ. Иванъ Андреичъ за нимъ. «Онъ хотѣлъ-было постоять передъ дверью, благоразумно пообдумать свой шагъ, поробѣть немного

и потомъ ужъ рѣшиться на что-нибудь очень рѣшительное». Но въ эту минуту загремѣла подъѣхавшая къ подъѣзду карета, на лѣстницѣ послышались чьи-то тяжелые шаги, Иванъ Андреичъ инстинктивно ворвался въ дверь, пробѣжалъ двѣ темныя комнаты и очутился въ спальнѣ молодой, прекрасной дамы, совершенно ему незнакомой. А тяжелые шаги, поднявшись по лѣстницѣ, все раздавались слѣдомъ за Иваномъ Андреичемъ. «Боже! это мой мужъ! воскликнула дама, всплеснувъ руками и поблѣднѣвъ бѣлѣе своего пеньюара». Испуганный Иванъ Андреичъ полѣзъ подъ кровать. Но тамъ его ждало новое приключеніе: тамъ ужъ сидѣлъ какой-то человѣкъ, разумѣется, встрѣтившій его недружелюбно. И вотъ между прекрасной незнакомкой и ея только-что прибывшимъ мужемъ начинается семейная бесѣда, а подъ кроватью идетъ усиленная возня, напряженный шопотъ, взаимныя пререканія. Оказывается, что Иванъ Андреичъ и его подкроватный сосѣдъ оба ошиблись дверью, что имъ обоимъ надлежало быть этажемъ выше, вслѣдствіе чего Иванъ Андреичъ догадывается, что подкроватный сосѣдъ есть любовникъ его жены: новыя мученія, новые толки объ «униженіи», новые вздохи—«за что я такъ наказанъ?» Долго бы еще возились подъ кроватью мужъ и любовникъ, но у прекрасной незнакомки, кромѣ дряхлаго мужа, была еще задорная собаченка Амишка. Заслышавъ возню подъ кроватью, Амишка бросилась туда съ лаемъ, Иванъ Андреичъ, изъ самосохраненія задушилъ ее, прекрасная незнакомка упала въ обморокъ, подкроватный сосѣдъ воспользовался минутой смятенія и убѣжалъ, а Иванъ Андреичъ, бывъ вытащенъ изъ-подъ кровати, очутился одинъ передъ разгнѣванной незнакомкой и ея не менѣе разгнѣваннымъ мужемъ. Цѣною разныхъ унизительныхъ объясненій, просьбъ, обѣщаній, Ивану Андреичу удалось кое-какъ успокоить гнѣвныхъ хозяевъ и получить свободу. Онъ бѣжитъ домой, а тамъ жена, давно пріѣхавшая изъ театра, встрѣчаетъ его градомъ упрековъ за отсутствіе и подозрительность. Смущенный Иванъ Андреичъ полѣзъ-было въ карманъ за платкомъ, «затѣмъ, что не доставало ни словъ, ни мысли, ни духа». И вдругъ вытаскиваетъ, вмѣсто платка, трупъ Амишки, который,

въ порывѣ отчаянія, затолкалъ себѣ въ чужой квартирѣ въ карманъ! Супруга накидывается на него по этому поводу съ новыми допросами и упреками...

Я нарочно разсказалъ подробно эту пустяковину, чтобы читатель могъ лучше оцѣнить всю ненужность этого обилія злоключеній Ивана Андренча. Въ два дня столько событій, столкновеній, встрѣчъ, и все унизительныхъ и мучительныхъ! Но Достоевскому все еще было мало. Онъ заканчиваетъ разсказъ слѣдующими словами: «Здѣсь мы оставимъ нашего героя до другаго раза, потому что здѣсь начинается совершенно особое и новое приключеніе. Когда-нибудь мы доскажемъ, господа, всѣ эти бѣдствія и гоненія судьбы. Но согласитесь сами, что ревность — страсть непростительная, мало того: даже несчастіе!».

Неужели для этого вывода стоило такъ бить глупаго Ивана Андренча, такъ таскать его за волосы и плевать на него? Неужели это не бой быковъ, предпринятый единственно изъ ненужной жестокости? Допустимъ, что Иванъ Андренчъ—быкъ очень смѣшной, но тѣмъ неумѣстнѣе весь этотъ арсеналъ направленныхъ противъ него бѣдъ, весь этотъ персоналъ раздражающихъ, колющихъ и убивающихъ его бандильеросовъ, пикадоровъ и матадоровъ. (Надо еще замѣтить, что мучительные для Ивана Андренча разговоры на улицѣ и подъ кроватью необыкновенно растянуты.) Вспомните опять-таки «Отелло» съ немногосложностью его фактическаго содержанія и строгою умѣренностью *количества* унижающихъ и оскорбляющихъ героя обстоятельствъ...

Но что же и сравнивать простую шутку, положимъ, и грубую, и неудачную, со звѣздою первой величины?

Повторяю, что я вовсе не думаю мѣрять Достоевскаго съ Шекспиромъ, а хочу отмѣтить пріемы ненужной жестокости Достоевскаго. Весьма любопытно, что эти пріемы господствуютъ и въ шуткѣ, которая была бы очень похожа на самый заурядный водевиль бездарнѣйшаго поставщика этого рода произведеній, если бы не эта растянутость мученій героя и не эта заключительная перспектива дальнѣйшихъ терзаній Ивана Андреича. Водевиль благодушенъ и кончается всегда всеобщимъ успокоеніемъ...

Обратимся къ «Вѣчному мужу».

Павелъ Павловичъ Трусоцкій, разбирая, послѣ смерти горячо любимой жены, ея переписку, открываетъ, что она много лѣтъ надувала его, развратничая съ разными любовниками, и что единственная его дочь Лиза—не его дочь. Жена Трусоцкаго была, по отзыву одного изъ ея любовниковъ, «типъ страстный, жестокій и чувственный». «Она любила мучить любовника», но съ мужемъ обращалась внѣшнимъ образомъ хорошо, заботилась о немъ, только подъ башмакомъ держала. Послѣ ея смерти, Трусоцкій, обогащенный свѣдѣніями насчетъ своего рогатаго положенія, поѣхалъ въ Петербургъ, забравъ съ собою Лизу. Поѣхалъ онъ хлопотать о перемѣщеніи въ другую губернію, но самъ свое дѣло затягивалъ, потому что интимною цѣлью его поѣздки въ Петербургъ было, по всѣмъ видимостямъ, посмотрѣть на двухъ проживающихъ тамъ любовниковъ жены — Багаутова и Вельчанинова. На нихъ посмотрѣть и себя имъ показать, ихъ помучить и самому, глядя на нихъ, помучиться. Надо замѣтить, что съ обоими ими Трусоцкій находился въ наилучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, а къ Вельчанинову питалъ даже не совсѣмъ обыкновенную любовь и уваженіе. Другой на его мѣстѣ, правда, очень трудномъ и скверномъ, подрался бы съ своими оскорбителями, выругался, вызвалъ на дуэль, отомстилъ какъ-нибудь, или же, посмотрѣвъ на дѣло болѣе философскимъ взглядомъ, могъ бы оставить свои мученія при себѣ, постараться всю эту исторію забыть и даже, можетъ быть, никогда съ тѣми господами не видаться; вообще, такъ или иначе, кровавымъ (какъ Отелло) или безкровнымъ путемъ, но поскорѣе кончить. Но созданія Достоевскаго такъ просто не поступаютъ, имъ конецъ-то, результатъ-то именно и не нуженъ, имъ нуженъ процессъ. Они должны придумать что-нибудь болѣе утонченное, жестокое, вычурное, чѣмъ простая месть. А какой процессъ имъ нуженъ,—это явствуетъ изъ двухъ основныхъ свойствъ человѣческой природы: 1) человѣкъ—деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ, 2) человѣкъ до страсти любитъ страданіе. И вотъ на этихъ двухъ клавишахъ Трусоцкій и разыгрываетъ свою пьесу: оскорбителей своихъ мучитъ и самъ му-

чится. Впрочемъ, онъ ничего въ этомъ смыслѣ не *придумываетъ*, онъ просто слѣдуетъ инстинктивнымъ требованіямъ своей (или вообще человѣческой?) души. Съ Багаутовымъ онъ поступаетъ такъ. Въ теченіи трехъ недѣль онъ каждый день заходитъ къ нему, но его тамъ не принимаютъ, потому что Багаутовъ боленъ. Наконецъ, приняли, но приняли уже къ покойному — Багаутовъ умеръ. Трусоцкій страшно озлобленъ. И когда другой любовникъ его жены, Вельчаниновъ, спрашиваетъ его, что̀ съ нимъ случилось, завязывается такой разговоръ:

«— Да вотъ-съ, все нашъ Степанъ Михайловичъ чудеситъ... Багаутовъ, изящнѣйшій петербургскій молодой человѣкъ-съ, высшаго общества-съ.

«— Не приняли васъ опять, что-ли?

«— Н-нѣтъ, именно въ этотъ-то разъ и приняли, въ первый разъ допустили-съ и черты созерцалъ... только у покойника!..

«— Что-о-о! Багаутовъ умеръ? ужасно удивился Вельчаниновъ, хотя, казалось, и нечему было ему-то такъ удивляться.

«— Онъ-съ. Неизмѣнный и шестилѣтній другъ. Еще вчера чуть не въ полдень померъ, а я и не зналъ! Я, можетъ, въ самую-то эту минуту и заходилъ тогда навѣдаться о здоровьи. Завтра выносъ и погребеніе, ужъ въ гробикѣ лежитъ-съ. Гробъ обитъ бархатомъ цвѣту масака, позументъ золотой... отъ нервной горячки померъ-съ... Допустили, допустили, созерцалъ черты! Объявилъ при входѣ, что истиннымъ другомъ считался, потому и допустили. Что-жъ онъ со мной изволилъ теперь сотворить, истинной-то и шестилѣтній другъ—я васъ спрашиваю? *Я, можетъ, единственно для него одного и въ Петербургѣ пожалъ*!

«— Да за что же вы на него-то сердитесь? засмѣялся Вельчаниновъ:—вѣдь онъ не нарочно же умеръ!

«— Да вѣдь и я сожалѣя говорю: другъ-то драгоцѣнный: вѣдь онъ вотъ что для меня значилъ-съ.

«И Павелъ Павловичъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, сдѣлалъ двумя пальцами рога надъ своимъ лысымъ лбомъ и тихо, продолжительно захихикалъ. Онъ просидѣлъ такъ, съ рогами и хихикая, цѣлыя полминуты, съ какимъ-то упоеніемъ самой ехидной наглости, смотря въ глаза Вельчанинову. Тотъ остолбенѣлъ, какъ бы при видѣ какого-то призрака. Но столбнякъ его продолжался лишь одно только самое маленькое мгновеніе; насмѣшливая и до наглости спокойная улыбка неторопливо появилась на его губахъ.

«— Это что же такое означало? спросилъ онъ небрежно, растягивая слова.

— Это означало рога-съ, отрѣзалъ Павелъ Павловичъ, отнимая, наконецъ, свои пальцы отъ лба.

«— То есть... ваши рога?

«— Мои собственные, благопріобрѣтенные! ужасно скверно скривился опять Павелъ Павловичъ.

. . . . . .

(Трусоцкій предлагаетъ выпить шампанскаго.)

«— На радость веселой встрѣчи-съ, послѣ девятилѣтней разлуки,—ненужно и неудачно подхихикивалъ Павелъ Павловичъ. Теперь вы, и одинъ уже только вы у меня остались истиннымъ другомъ-съ! Нѣтъ Степана Михайлыча Багаутова...

«— Вы мнѣ вотъ что скажите: если вы такъ прямо обвиняете Степана Михайлыча, то вѣдь вамъ же, кажется, радость, что обидчикъ вашъ умеръ; чего-жъ вы злитесь?

«— Какая же радость-съ? Почему же радость?

«— Я по вашимъ чувствамъ сужу.

«— Хе, хе, на этотъ счетъ, вы въ моихъ чувствахъ ошибаетесь-съ, по изрѣченію одного мудреца, «*хорошъ врагъ мертвый, но еще лучше живой*», хи-хи.

. . . . . .

«— Слишкомъ понимаю, для чего вамъ нуженъ былъ живой Багаутовъ и, готовъ уважить вашу досаду, но...

«— А для чего нуженъ былъ мнѣ Багаутовъ, по вашему мнѣнію?

«— Это ваше дѣло.

«— Бьюсь объ закладъ, что вы дуэль подразумѣвали-съ...

«— На какой же чортъ послѣ этого надо было вамъ живого Багаутова?

«— Да хоть бы *только поглядѣть на дружка-съ*... Вотъ бы взяли съ нимъ бутылочку да и выпили вмѣстѣ».

Въ концѣ-концовъ, для вящшаго мучительнаго самоуслажденія, Трусоцкій ѣдетъ на похороны Багаутова и провожаетъ его трупъ до могилы. Какъ видите, человѣкъ до страсти любитъ страданіе. Но замѣтьте, сколько шипящей злобы въ добровольческомъ страданіи Трусоцкаго; сколько тутъ искренняго озлобленія на Багаутова, своею смертью поставившаго точку къ мучительному процессу мучительства! Дѣло въ томъ, что человѣкъ не только любитъ страданіе, а любитъ и другихъ заставлять страдать, любитъ быть мучителемъ. Поэтому, за оставшихся жить Лизу и Вельчанинова, Трусоцкій принимается съ удвоенною энергіей. Лизу онъ мучитъ сравнительно просто—«щиплетъ». Но и для нея имѣется гастрономія потоньше: Трусоцкій грозитъ при ней повѣситься и объясняетъ, что повѣсится «отъ нея»: ругаетъ ее позорнымъ именемъ; приводитъ къ себѣ на ночь, при ней, публичную женщину.

Что касается Вельчанинова, то о характерѣ отношеній къ нему Трусоцкаго можете отчасти судить по вышеприведенному разговору о Багаутовѣ. Павелъ Павловичъ все время терзаетъ Вельчанинова разными намеками и прямымъ разсказомъ объ томъ, какъ онъ узналъ о своемъ рогатомъ положеніи; то щекочетъ его ревность воспоминаніями о другихъ любовникахъ жены, то будитъ его совѣсть соображеніями объ ихъ старинной дружбѣ, то держитъ въ напряженномъ состояніи, намекая, что ему извѣстны отношенія Вельчанинова къ женѣ, то отпускаетъ эти возжи, притворяясь ничего не знающимъ. Вельчаниновъ, человѣкъ желчный и раздражительный, поддается на всѣ эти удочки и волнуется, смущается, злится. Съ особенною же стремительностью лѣзетъ онъ на слѣдующую удочку. Трусоцкій, ничего не говоря прямо и даже прикидываясь ничего не знающимъ, намекаетъ, что Лиза—дочь Вельчанинова. Тотъ, въ страшномъ волненіи, хватается за эту мысль, беретъ на себя заботы о Лизѣ; но когда потомъ бѣдная дѣвочка умерла, Павелъ Павловичъ прямо, и уже безъ всякихъ подвоховъ, объясняетъ, что отецъ Лизы совсѣмъ не онъ, Вельчаниновъ, а хорошо имъ обоимъ извѣстный «артиллеріи прапорщикъ»...

Въ извѣстномъ лагерѣ, охотно причисляющемъ Достоевскаго къ «своимъ», часто раздаются сѣтованія на такъ называемую отрицательную литературу, что она, дескать, рисуетъ все только мрачныя картины и тѣмъ обнаруживаетъ свое неуваженіе къ родинѣ, въ которой вѣдь и свѣтло-розоваго, и небесно-голубого очень много. Не будемъ останавливаться на этой пѣснѣ, которая еще со временъ Гоголя поется глупцами и лицемѣрами. Но, спрашивается, что же сказать о писателѣ, берущемъ чисто индивидуальнаго человѣка, безъ вниманія къ какимъ бы то ни было общественнымъ изъянамъ, и въ немъ, въ душѣ человѣческой вообще водружающемъ такія два знамени, какъ: 1) человѣкъ любитъ быть мучителемъ, 2) человѣкъ до страсти любитъ страданіе? Не подкопъ ли это подъ все, что только есть на свѣтѣ свѣтло-розоваго и небесно-голубаго? Не подкопъ ли это подъ всѣ лучшія воспоминанія и подъ всѣ надежды на лучшее буду-

щее? Пусть объ этомъ хорошенько подумаютъ лицемѣры и глупцы, а мы пока посмотримъ на исторію Трусоцкаго, какъ на частный случай, по тѣмъ или другимъ причинамъ заинтересовавшій художника.

Если отрѣшиться отъ мысли объ общихъ законахъ человѣческой природы, съ двухъ противоположныхъ сторонъ требующихъ для человѣка мученій; если посмотрѣть на поведеніе Трусоцкаго напротивъ, какъ на исключительный случай, даже какъ на уродство, то нельзя не признать «Вѣчнаго мужа» произведеніемъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Неистовая, но сама себя питающая злоба, не вырывающаяся наружу ни громкимъ крикомъ, ни рѣшительнымъ дѣйствіемъ, а только шипящая, ползающая, подкрадывающаяся, разработана превосходно. Это безспорно одна изъ лучшихъ вещей Достоевскаго. Однако, только до того момента, до котораго мы довели свой пересказъ. Казалось бы, и Достоевскому можно было кончить на этомъ моментѣ, то есть на смерти Лизы и «артиллеріи прапорщикѣ». Типъ Трусоцкаго ясенъ, въ утонченности злобной мести идти дальше некуда. Если бы мы имѣли дѣло съ человѣкомъ вродѣ Отелло, то есть съ человѣкомъ, желающимъ, такъ или иначе, свалить бремя съ своей души и чѣмъ-нибудь кончить, то этотъ искомый имъ конецъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ драмы. Трусоцкому никакого конца не нужно, онъ хотѣлъ бы цѣлую вѣчность поджаривать на медленномъ огнѣ и Багаутова, и Лизу, и Вельчанинова. Но вѣдь если идти въ этомъ направленіи за Трусоцкимъ, такъ и повѣсти не пришлось бы никогда кончить. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безъ конца тянуть визиты Трусоцкаго къ Вельчанинову и эти поджаривающіе, ядовитые разговоры. Смерть Лизы, въ связи съ «артиллеріи прапорщикомъ», просто даже въ техническомъ отношеніи выводитъ автора изъ затрудненія.

Но, какъ и всегда, Достоевскому мало тѣхъ мучительныхъ сценъ, которыя опредѣляются естественнымъ ходомъ вещей и условіями техники искусства. А кромѣ того, для него слишкомъ еще просты чувства Павла Павловича Трусоцкаго. До сихъ поръ мы видѣли только, что когда-то Вельчаниновъ былъ предметомъ

любви и уваженія для Трусоцкаго. Когда-то вѣдь и Багаутовъ былъ его пріятелемъ, а теперь онъ только потому жалѣетъ о смерти бывшаго пріятеля, что эта смерть вырвала у него изъ рукъ жертву его своеобразной мести. Можно бы было думать, что таковы же его отношенія и къ Вельчанинову. Разсказывая Вельчанинову о смерти Багаутова, Трусоцкій со страстнымъ порывомъ говоритъ, что вѣдь теперь только онъ, Вельчаниновъ, остался для него одинъ на свѣтѣ. Потомъ въ другомъ подобномъ же разсказѣ, онъ, въ еще болѣе страстномъ порывѣ, цѣлуетъ руки у Вельчанинова. Все это, конечно, варіаціи на ту же тему самопитающейся злобы, которая даже любитъ предметъ своей ненависти, какъ точку исхода неустанно текущей мести. Это противоестественное сочетаніе, этотъ, если позволено будетъ такъ выразиться, гермафродитизмъ чувства, Достоевскій пожелалъ довести до высшей возможной точки напряженія.

Павелъ Павловичъ задумалъ опять жениться. Случилось это очень скоро послѣ смерти Лизы и всего три мѣсяца послѣ смерти его жены—Достоевскій вообще всегда очень торопилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ и любилъ толкотню событій, загоняя ихъ въ невѣроятномъ количествѣ въ самые короткіе сроки. Задумалъ Павелъ Павловичъ жениться на пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, еще посѣщающей гимназію. Свадьба, впрочемъ, предполагалась черезъ девять мѣсяцевъ, чтобы вышелъ годовой срокъ траура, да и невѣста чтобы подросла. Въ одинъ прекрасный день Трусоцкій неожиданно сообщаетъ объ этомъ своемъ рѣшеніи Вельчанинову и, кромѣ того, проситъ его ѣхать немедленно, сейчасъ же вмѣстѣ съ нимъ въ семейство невѣсты. Вельчаниновъ, разумѣется, пораженъ этой просьбой, отказывается съ отвращеніемъ, но Трусоцкій настаиваетъ, умоляетъ, съ величайшимъ жаромъ объясняется въ любви, и Вельчаниновъ наконецъ уступаетъ. Не будемъ слѣдить за тѣмъ, что произошло у Захлебининыхъ (фамилія невѣсты). Скажемъ кратко, что невѣста терпѣть не могла Павла Павловича и что Вельчаниновъ совершенно нечаянно поспособствовалъ окончательному разрушенію мечты «вѣчнаго мужа» о новомъ семейномъ очагѣ. Возникаетъ вопросъ: зачѣмъ Тру-

соцкій возилъ съ собой Вельчанинова къ невѣстѣ? Самъ Павелъ Павловичъ сначала объясняетъ, что возилъ просто какъ друга, но потомъ открываетъ, что хотѣлъ «испытать» невѣсту нѣкоторыми блестящими качествами Вельчанинова. Вельчаниновъ же приходитъ въ концѣ-концовъ къ тому заключенію, что Трусоцкій возилъ его ради хвастовства и вызова: дескать, ты былъ любовникомъ моей жены, такъ вотъ же тебѣ, смотри, я опять буду счастливъ, и ничего ты тутъ ужъ не испортишь! Вельчаниновъ, однако, испортилъ, хотя и совсѣмъ нечаянно. Понятно, что злобныя чувства къ нему Павла Павловича должны усилиться. Къ удивленію, однако, Павелъ Павловичъ въ ту же ночь, когда они вернулись отъ Захлебнинныхъ, обнаруживаетъ необыкновенную нѣжность къ Вельчанинову. Тотъ заболѣлъ, и Павелъ Павловичъ ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ братомъ, такъ что даже растрогалъ Вельчанинова. Но, успокоивъ боль Вельчанинова разными припарками, за которыми бѣгалъ самъ на кухню, Павелъ Павловичъ въ ту же самую ночь бросился на спящаго Вельчанинова съ бритвой... Вельчаниновъ спасся только случаемъ — во-время проснулся.

Вельчаниновъ на другой день размышляетъ: «Неужели, неужели правда была все то, что этотъ... сумасшедшій натолковалъ мнѣ вчера о своей любви ко мнѣ, когда задрожалъ у него подбородокъ и онъ стукалъ въ грудь кулаками? Совершенная правда!.. Онъ слишкомъ достаточно былъ глупъ и благороденъ для того, чтобъ влюбиться въ любовника своей жены, въ которой онъ въ двадцать лѣтъ *ничего* не примѣтилъ! Онъ уважалъ меня девять лѣтъ, чтилъ память мою и мои «изрѣченія» запомнилъ — Господи, а я-то не вѣдалъ ни о чемъ! Не могъ онъ лгать вчера! Не любилъ ли онъ меня вчера, когда изъяснился въ любви и сказалъ: «поквитаемся»? Да, *со злобы* любилъ, эта любовь самая сильная»...

Въ заключеніе Павелъ Павловичъ доставилъ Вельчанинову письмо, изъ котораго явствовало, что Лиза дѣйствительно его, Вельчанинова, дочь, а вовсе не артиллеріи прапорщика...

Кажется, теперь-то ужъ конецъ, самый окончательный конецъ?

Отнюдь нѣтъ. Чрезъ два года Вельчаниновъ сталкивается на желѣзной дорогѣ съ Павломъ Павловичемъ, который опять женатъ, ужасно боится, чтобы Вельчаниновъ къ нему не зашелъ въ гости и не испортилъ его семейнаго счастія, а между тѣмъ состоитъ подъ башмакомъ у жены и не замѣчаетъ, что уланскій офицерикъ, съ которымъ они разъѣзжаютъ втроемъ, есть любовникъ его жены...

VI.

Если бы мы разрѣшили себѣ пользоваться для предлагаемой статьи *всѣми* сочиненіями Достоевскаго, то задача наша количественно была бы, конечно, труднѣе. Потребовалось бы гораздо больше времени и мѣста, чтобы пересмотрѣть и предъявить читателю хотя бы только крупнѣйшіе изъ образцовъ ненужной жестокости въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Достоевскаго. Эти позднѣйшія произведенія, начиная съ «Преступленія и наказанія», и особенно самыя послѣднія — «Бѣсы», «Братья Карамазовы» — переполнены ненужною жестокостью черезъ край. Но именно поэтому критическая задача была бы много легче въ качественномъ отношеніи. Въ тѣхъ старыхъ произведеніяхъ Достоевскаго, съ которыми мы имѣемъ дѣло, по крайней мѣрѣ во многихъ изъ нихъ, еще сильно пробивается струя «гуманическаго» направленія, какъ назвалъ его Добролюбовъ въ извѣстной статьѣ «Забитые люди». Теперь мы должны съ этой струей считаться, тогда какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Достоевскаго она постепенно убываетъ и подъ конецъ совершенно изсякаетъ въ пустынѣ слащавыхъ и худосочныхъ сентенцій о любви къ ближнему. Понятное дѣло, что подобныя сентенціи стоятъ очень дешево—ихъ и Ѳома Опискинъ въ большомъ количествѣ произносилъ—и выдѣлить ихъ изъ живой массы художественныхъ образовъ и картинъ не представило бы никакого труда. Теперь же намъ предстоитъ операція нѣсколько болѣе сложная.

Кромѣ того, мы должны еще взглянуть на внѣшнюю сторону литературной карьеры Достоевскаго. Говоря о жестокомъ талантѣ,

который могъ бы выработаться изъ Ѳомы Опискина, если бы онъ не былъ такъ глупъ и грубъ, мы видѣли, что степень его успѣха и вліянія зависитъ, во-первыхъ, отъ размѣра дарованія, а во-вторыхъ,—отъ условій среды, а именно главнымъ образомъ отъ того, есть у этой среды настоящее насущное дѣло или нѣтъ. Эти два пункта намъ и нужно теперь обсудить по отношенію къ Достоевскому.

Въ концѣ концовъ, мы должны обратиться къ статьѣ Добролюбова. Въ этой статьѣ съ величайшею тщательностью разработано «гуманическое» направленіе Достоевскаго, а кромѣ того—она надолго опредѣлила тонъ и характеръ ходячихъ сужденій о пѣвцѣ «униженныхъ и оскорбленныхъ» и, слѣдовательно, можетъ служить какъ бы показателемъ степени вліянія Достоевскаго на современниковъ.

«Въ произведеніяхъ г. Достоевскаго мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ: это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или, наконецъ, даже не вправѣ быть человѣкомъ, настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. «Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ человѣку»—вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора помимо всякихъ условныхъ и партіальныхъ воззрѣній, повидимому, даже помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то a priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры». Такова основная мысль статьи Добролюбова, поскольку он занимается собственно Достоевскимъ, а не «забитыми людьми». Надо еще только прибавить оцѣнку художественнаго дарованія Достоевскаго. Въ этомъ отношеніи Добролюбовъ цѣнилъ его чрезвычайно низко: онъ прямо объявилъ его «ниже эстетической критики», находилъ у него «бѣдность и неопредѣленность образовъ», «необходимость повторять самого себя», «неумѣнье обработать каждый характеръ даже настолько, чтобы хоть сообщить ему соотвѣтственный способъ внѣшняго выраженія» и т. д., и т. д. Читатель видитъ, что эта оцѣнка діаметрально противоположна нашей. Мы, напротивъ, признаемъ за Достоевскимъ огромное художе-

ственное дарованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не только не видимъ въ немъ «боли» за оскорбленнаго и униженнаго человѣка, а напротивъ—видимъ какое-то инстинктивное стремленіе причинить боль этому униженному и оскорбленному. Если бы эти оцѣнки исходили изъ двухъ противоположныхъ литературныхъ лагерей, то легко, конечно, было бы свалить дѣло на пристрастіе, недобросовѣстность. Вотъ, напримѣръ, я помню въ «Русскомъ Вѣстникѣ» чрезвычайно занимательную статью г. Страхова, въ которой доказывалось съ свойственною этому критику обстоятельностью, что г. Стахѣевъ есть настоящій и большой художникъ, а Некрасовъ и Щедринъ—такъ себѣ, пустопорожнее мѣсто. Ну, а еслибы мнѣ пришлось проводить такую странную параллель, то... то я бы никогда не сталъ ее проводить—до такой степени для меня безапелляціонно ясно, гдѣ именно находится пустопорожнее мѣсто. И весьма вѣроятно, что кто нибудь изъ насъ, то есть либо г. Страховъ, либо я, руководствуемся недобросовѣстнымъ пристрастіемъ. Но въ настоящемъ случаѣ ничего подобнаго сказать нельзя, и спрашивается: откуда же эта рѣзкая разница въ сужденіяхъ о писателѣ, несомнѣнно яркомъ?

Дѣло объясняется очень просто. На первый взглядъ даже слишкомъ просто. Статья Добролюбова написана въ 1861 году, а у насъ теперь 1882 на исходѣ. Изъ этого на первый взглядъ еще ровно ничего достойнаго вниманія не проистекаетъ, потому что не обязательно же для насъ каждыя двадцать лѣтъ выворачивать на изнанку свои мнѣнія о крупныхъ представителяхъ русской литературы Напротивъ, оцѣнка, сдѣланная рукою такого мастера, какъ Добролюбовъ, должна бы, кажется, пережить не двадцать, а хоть двѣсти лѣтъ. Это такъ, конечно. Но дѣло то въ томъ, что никакого выворачиванія мнѣній на изнанку тутъ нѣтъ, а есть вотъ что. «Униженные и оскорбленные» — послѣднее изъ произведеній Достоевскаго, бывшихъ въ рукахъ у Добролюбова. Нетолько «Бѣсы» или «Братья Карамазовы», а и напримѣръ, «Записки изъ-подполья», «Вѣчный мужъ» были ему неизвѣстны. Мы же, хотя и не касаемся теперь самыхъ крупныхъ изъ произведеній Достоевскаго, но все-таки знаемъ ихъ.

Знаемъ—слѣдовательно, что со времени «Униженныхъ и оскорбленныхъ» талантъ Достоевскаго выросъ необычайно. Онъ, правда, до конца дней своихъ не отдѣлался вполнѣ отъ указанныхъ Добролюбовымъ недостатковъ; нѣкоторые изъ нихъ съ теченіемъ времени даже еще болѣе опредѣлились, какъ напримѣръ, архитектурное безсиліе, неспособность обойтись безъ длинныхъ отступленій, нарушающихъ гармонію цѣлаго. Несмотря на это, талантъ Достоевскаго, если можно такъ выразиться, отточился, получилъ блескъ и остроту, какихъ и въ поминѣ нѣтъ въ «Бѣдныхъ людяхъ» или «Униженныхъ и оскорбленныхъ». Отточился и—ожесточился. Или, можетъ быть, наоборотъ: ожесточился и отточился. Во всякомъ случаѣ, съ нашей точки зрѣнія процессъ былъ двойственный, развитіе таланта шло рядомъ съ его ожесточеніемъ. Дѣло могло происходить такъ, что, сознавъ свою спеціальную силу художественнаго мучительства, Достоевскій увлекся «игрой», какъ увлекся ею подпольный человѣкъ въ эпизодѣ съ Лизой, и чѣмъ дальше, тѣмъ искуснѣе сталъ ущемлять сердца своихъ героевъ и читателей. А можетъ быть и такъ, что жестокій по натурѣ или по условіямъ своего воспитанія талантъ, перепробовавъ себя на разные манеры, попалъ наконецъ — случайно или руководимый инстинктомъ — въ свою настоящую сферу, гдѣ и развернулся со всѣмъ блескомъ, на какой только былъ способенъ. Предлагаю слѣдующій опытъ. Возьмите первую повѣсть Достоевскаго — «Бѣдные люди», которая такъ восторженно была встрѣчена Бѣлинскимъ и къ которой, впрочемъ, уже Добролюбовъ отнесся несравненно сдержаннѣе, и сравните съ послѣднимъ романомъ—«Братья Карамазовы», далеко не лучшимъ изъ произведеній втораго періода. «Бѣдные люди» проникнуты «гуманическимъ» направленіемъ; но, читая ихъ теперь, послѣ всего того, что мы получили отъ Достоевскаго, послѣ всего, что мы вообще за послѣдніе годы пережили, — вы не найдете въ нихъ ни одной высоко-художественной страницы, а мѣстами такъ даже получите такое приблизительно впечатлѣніе, будто васъ насильно манной кашей кормятъ: кушанье, очень любимое дѣтьми, но рѣдко нравящееся взрослымъ. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»,

напротивъ, не смотря на инквизиторскій характеръ основной тенденціи, не смотря на ненужную жестокость множества подробностей и вводныхъ сценъ, картинъ и образовъ, не смотря даже на томительную скуку почти всего, что относится къ старцу Зосимѣ и младенцу Алешѣ,—вы найдете отдѣльныя мѣста необыкновенной яркости и силы. И напрасно я такъ говорю: *не смотря* на инквизиторскій характеръ, *не смотря* на ненужную жестокость. Скорѣе, напротивъ, *благодаря* жестокости, потому что именно въ сферѣ мучительства художественное дарованіе Достоевскаго и достигло своей наивысшей силы. Только онъ портилъ дѣло излишествомъ, пересаливалъ, слишкомъ ужъ терзалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ и своихъ читателей.

Такимъ образомъ, съ памяти Добролюбова должна быть совершенно снята ошибка слишкомъ низкой оцѣнки таланта Достоевскаго. Для своего времени эта оцѣнка была очень вѣрна, и если мы теперь видимъ нѣкоторую ея ошибочность или даже, собственно говоря, неполноту, такъ только потому, что мы знаемъ «Вѣчнаго мужа», «Преступленіе и наказаніе» и проч., которыхъ Добролюбовъ не зналъ. Знаемъ мы и еще кое-что, чего Добролюбовъ не зналъ и не могъ знать—въ двадцать лѣтъ много воды утекло, и пусть бы въ это время только вода текла!..

Кажется, все это очень просто. Но есть сторона вопроса болѣе сложная и болѣе любопытная. Сказано было, что и въ раннихъ произведеніяхъ Достоевскаго были уже крупные задатки жестокаго таланта, и мы видѣли ихъ образчики. Мы видѣли также, что «человѣкъ—деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ» и что «человѣкъ до страсти любитъ страданіе». Какъ же это Добролюбовъ не только не замѣтилъ этого, а еще утверждалъ, будто «человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и относиться къ другому, какъ человѣкъ къ человѣку?» Мы въ прошлый разъ на каждомъ шагу встрѣчали у героевъ Достоевскаго волчьи инстинкты: злость и мучительство, злость простую, злость квалифицированную, въ сочетаніи съ любовью, съ дружбой. У Добролюбова же во всей статьѣ есть только два замѣчанія объ этомъ предметѣ. Во-первыхъ, его поразила обработка характера князя

Валковского (въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ»). «Всматриваясь въ изображеніе этого характера, говоритъ Добролюбовъ вы найдете съ любовью обрисованное сплошное безобразіе, собраніе злодѣйскихъ и циническихъ чертъ, но вы не найдете тутъ человѣческаго лица. Того примиряющаго, разрѣшающаго начала, которое такъ могуче дѣйствуетъ въ искусствѣ, ставя передъ вами полнаго человѣка и заставляя проглядывать его человѣческую природу сквозь всѣ наплывныя мерзости,—этого начала нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ изображеніи личности князя. Оттого-то вы не можете ни почувствовать сожалѣнія къ этой личности, ни возненавидѣть ее тою высшею ненавистью, которая направляется уже не противъ личности собственно, но противъ типа, противъ извѣстнаго разряда явленій. И вѣдь хоть бы неудачно, хоть бы какъ-нибудь попробовалъ авторъ заглянуть въ душу своего главнаго героя... Нѣтъ, ничего, ни попытки, ни намека... Какъ и что сдѣлало князя такимъ, какъ онъ есть? Что его занимаетъ и волнуетъ серьезно? Чего онъ боится и чему, наконецъ, вѣритъ? А если ничему не вѣритъ, если душа у него совсѣмъ вынута, то какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ произошелъ этотъ процессъ?» Затѣмъ, говоря о томъ, что фигурирующіе въ повѣстяхъ Достоевскаго оскорбленные и униженные люди являются въ двухъ типахъ—кроткомъ и ожесточенномъ, Добролюбовъ замѣчаетъ о послѣднемъ: «Видя, что ихъ право, ихъ законныя требованія, то, что имъ свято, съ чѣмъ они въ міръ вошли,—попирается и не признается, они хотятъ разорвать со всѣмъ окружающимъ, сдѣлаться чуждыми всему, быть достаточными самимъ для себя и ни отъ кого въ мірѣ не попросить и не принять услуги, ни братскаго чувства, ни добраго взгляда. Само собою понятно, что имъ не удается выдержать характеръ и оттого они вѣчно недовольны собой, проклинаютъ себя и другихъ, задумываютъ самоубійство и т. п.»

Вотъ и все. Какъ будто Достоевскій совсѣмъ не тонкій знатокъ и аналитикъ злобы, мучительства, какимъ мы его знаемъ! О собственныхъ же мучительскихъ опытахъ Достоевскаго надъ своими героями и читателями у Добролюбова нѣтъ буквально ни

одного слова. И едва ли есть возможность объяснить эти пробѣлы незнакомствомъ критика съ позднѣйшими, характернѣйшими образчиками творчества Достоевскаго. Добролюбовъ во всякомъ случаѣ зналъ «Село Степанчиково» и «Двойника». И вотъ что́, между прочимъ, мимоходомъ говоритъ онъ о герояхъ этихъ двухъ повѣстей: у Достоевскаго «есть типъ человѣка, отъ болѣзненнаго развитія самолюбія и подозрительности доходящаго до чрезвычайныхъ уродствъ и даже до помѣшательства, и онъ даетъ намъ г. Голядкина, Ѳому Ѳомича». Такимъ образомъ Ѳома Ѳомичъ, терроризующій обитателей села Степанчикова, и Голядкинъ, безнужно истерзанный самимъ Достоевскимъ, оказываются стоящими подъ одной рубрикой. Спора нѣтъ, что оба они могутъ подъ эту рубрику умѣститься, потому что у обоихъ дѣйствительно до болѣзненности развиты самолюбіе и подозрительность. Но не гораздо ли важнѣе этого сходства то различіе, что одинъ—мучитель, а другой—мученикъ? Какъ же это критикъ отмѣтилъ такую ужъ слишкомъ общую, расплывающуюся черту сходства и просмотрѣлъ такую спеціальную, рѣзкую, яркую разницу?

Въ высшей степени любопытно объясненіе, придуманное Добролюбовымъ для «идеи» «Двойника». Голядкинъ, видите ли, мучается и сходитъ съ ума «вслѣдствіе неудачнаго разлада бѣдныхъ остатковъ его человѣчности съ оффиціальными требованіями его положенія». Его оскорбляютъ, и онъ къ этому уже привыкъ, самъ себя готовъ считать за букашку, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ еще копошатся какіе-то обрывки мыслей о «правахъ» и о человѣческомъ достоинствѣ. «И затѣмъ его мысли совершенно разстраиваются: онъ уже не знаетъ, что же онъ—вправѣ или не вправѣ... Онъ чувствуетъ только одно, что тутъ что-то не такъ, не ладно. Хочетъ онъ объясниться со всѣми врагами и недругами,—все не удается, характера не хватаетъ. И приходитъ онъ къ idée fixe, къ пункту своего помѣшательства: что жить въ свѣтѣ можно только интригами, что хорошо на свѣтѣ только тому, кто хитритъ, подличаетъ, другихъ обижаетъ. И вотъ у него является рѣшимость тоже хитрить, тоже подкопы вести, интриговать. Но гдѣ ужъ ему пускаться на такія штуки?

Не такъ онъ жилъ прежде, не такъ приготовленъ, характеръ у него не такой... И господинъ Голядкинъ, вообще наклонный къ меланхоліи и мечтательности, начинаетъ себя раздражать мрачными предположеніями и мечтами, возбуждать себя къ несвойственной его характеру дѣятельности. Онъ раздвоется, самого себя онъ видитъ вдвойнѣ... Онъ группируетъ все подленькое и житейски-ловкое, все гаденькое и успѣшное, что ему приходитъ въ фантазію; но отчасти практическая робость, отчасти остатки гдѣ-то въ далекихъ складкахъ скрытаго нравственнаго чувства препятствуютъ ему принять всѣ придуманныя имъ пронырства и гадости на себя, и его фантазія создаетъ ему «двойника». Вотъ основа его помѣшательства. Не знаю, вѣрно ли я понимаю основную идею «Двойника»; никто, сколько я знаю, въ разъясненія ея не хотѣлъ забираться далѣе того, что «герой романа—сумасшедшій». Но мнѣ кажется, что если ужъ для каждаго сумасшествія должна быть своя причина, а для сумасшествія, разсказаннаго талантливымъ писателемъ на 170 страницахъ, тѣмъ болѣе, то всего естественнѣе предлагаемое мною объясненіе, которое само собой сложилось у меня въ головѣ при *перелистываніи* этой повѣсти (*всю ее сплошь я, признаюсь, одолѣть не могъ*)».

Все это чрезвычайно тонко и умно; но если бы Добролюбовъ имѣлъ терпѣніе не перелистывать, а читать «Двойника», то, конечно, отказался бы отъ своего объясненія. Дѣло въ томъ, что Голядкинъ № 2, «двойникъ», не есть только плодъ разстроеннаго воображенія Голядкина № 1. Если бы это было такъ, то объясненіе Добролюбова было бы не только умно, а и вѣрно или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно, мы имѣли бы дѣло просто съ особымъ и чрезвычайно интереснымъ видомъ умопомѣшательства. Но Голядкинъ № 2 есть не только галлюцинація, а и реальное дѣйствующее лицо повѣсти. Правда, галлюцинація и реальное лицо въ теченіи повѣсти сплетаются и расплетаются, такъ что мѣстами даже разобрать нельзя, кто передъ вами: живой человѣкъ съ плотью и кровью или же только созданіе фантазіи больнаго человѣка. Однако въ повѣсти есть прямыя указанія на дѣйствительное существованіе Голядкина № 2. Такъ напримѣръ, одинъ

изъ сослуживцевъ героя, разговаривая съ нимъ, удивляется поразительному сходству двухъ титулярныхъ совѣтниковъ Якововъ Петровичей Голядкиныхъ, сидящихъ другъ противъ друга за однимъ столомъ.

Нельзя, конечно, не удивляться такой странной игрѣ природы и позволительно даже сомнѣваться, чтобы это природа играла. Положимъ, что она бываетъ иногда очень игрива, и, играючи, выпускаетъ изъ своихъ нѣдръ разныя диковинки, но только въ предѣлахъ своей компетенціи, въ предѣлахъ естества. Табель о рангахъ не ея дѣло и титулярныхъ совѣтниковъ не она создаетъ. Исторію тоже нельзя обвинять во всѣхъ злоключеніяхъ «господина Голядкина». Исторія создала табель о рангахъ и весь тотъ общій порядокъ, горячій протестъ противъ котораго представляетъ вся статья Добролюбова. Поэтому вините исторію, поскольку злоключенія Голядкина въ самомъ дѣлѣ происходятъ отъ «неудачнаго разлада бѣдныхъ остатковъ его человѣчности съ оффиціальными требованіями его положенія». Пусть изъ этого разлада проистекаетъ главная струя психическаго разстройства Голядкина со включеніемъ фантастическаго представленія двойника, какъ это изображено у Добролюбова. Но въ живомъ, реальномъ двойникѣ Голядкина, появленіе котораго безмѣрно увеличило мученія несчастнаго титулярнаго совѣтника, не виноваты ни природа, ни исторія, а виноватъ исключительно авторъ. Допустимъ, что все остальное въ повѣсти «Двойникъ» жизненно и правдиво, что такъ именно идутъ дѣла на грѣшной землѣ. Оно, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ такъ, въ общемъ, конечно, а не въ многочисленныхъ подробностяхъ, полныхъ виртуозной игры на нервахъ читателя. Пусть же исторія Голядкина есть исторія типическая, характерная для большаго круга явленій русской ли жизни въ частности, или духовной жизни человѣка вообще. Но согласитесь съ тѣмъ, что въ двухъ титулярныхъ совѣтникахъ; которыхъ обоихъ зовутъ одними и тѣми же именами, отчествами и фамиліями, которые, какъ двѣ капли воды, другъ на друга похожи, которыхъ, наконецъ, канцелярскій фатумъ усадилъ другъ противъ друга за однимъ столомъ,—согласитесь, что во всемъ

этомъ нѣтъ уже ровно ничего типическаго. А между тѣмъ обстоятельство это играетъ чрезвычайно важную роль въ повѣсти. И отвѣтственность за причитающуюся долю мученій «господина» Голядкина нельзя валить на жизнь, едва ли когда нибудь создавшую такую комбинацію. Отвѣчать долженъ авторъ, жестокая фантазія котораго сдѣлала изъ до невозможности исключительнаго случая источникъ мученій для человѣка, безъ того несчастнаго. И спрашивается, зачѣмъ же второй Голядкинъ понадобился? Я думаю, что этотъ вопросъ совершенно законенъ, а это уже плохой знакъ для художественнаго произведенія. Самая возможность его показываетъ, что тутъ есть какой-то изъянъ по части жизненной правды. Художникъ можетъ и долженъ имѣть свои цѣли, можетъ и долженъ ихъ преслѣдовать путемъ искусства, но вмѣстѣ съ тѣмъ его отношенія къ читателю должны допускать только одинъ вопросъ относительно той или другой подробности произведенія, именно вопросъ—почему? Напримѣръ: почему господинъ Голядкинъ сошелъ съ ума? Потому-то и потому-то, читайте повѣсть «Двойникъ»—и получите полные отвѣты. Но если въ умѣ читателя возникнетъ вопросъ: зачѣмъ? напримѣръ, зачѣмъ явился Гадядкинъ № 2?—такъ это значитъ, что для появленія этого лица нѣтъ никакихъ удовлетворительныхъ резоновъ въ томъ уголкѣ жизни, которую повѣсть «Двойникъ» изображаетъ. Оно введено авторомъ насильственно, вопреки жизненной правдѣ. Но это еще не бѣда была бы, а только подбѣды, потому что нельзя же требовать отъ художественнаго произведенія совершенства. Многое пишется наскоро, второпяхъ, а извѣстно, что Достоевскій именно всегда такъ писалъ, гдѣ же тутъ каждое лыко въ строку ставить! Наконецъ, область искусства допускаетъ, даже въ величайшихъ своихъ созданіяхъ, множество условностей и, слѣдовательно, искусственности. Если, напримѣръ, имѣть въ виду только требованія жизненной правды во всей ихъ полнотѣ и неумолимости, то видимая зрителями тѣнь отца Гамлета окажется совершенной безсмыслицей. Попробуйте устранить всѣ подобныя условности, и во всѣхъ отрасляхъ искусства камня на камнѣ не останется. Очень забавны тѣ новаторы «реалисты» и «натура-

листы» разныхъ мастей, которые требуютъ, чтобы художникъ— поэтъ, беллетристъ, музыкантъ, живописецъ — копировалъ природу; чтобы, напримѣръ, беллетристъ съ точностью разсказалъ сколько разъ въ день его герой высморкался; чтобы оперный оркестръ гнусящими звуками изображалъ гнусный характеръ поющаго на сценѣ злодѣя и т. п. Какъ будто это возможно! У насъ, напримѣръ, одно время музыкальные новаторы, во имя жизненной правды, гнали собственно пѣніе и возводили на пьедесталъ речитативъ. Оно, конечно, въ жизни такъ не бываетъ, чтобы умирающій человѣкъ пѣлъ сладкозвучнымъ голосомъ, или чтобы какіе-нибудь три заговорщика въ самую важную для ихъ дѣла минуту занимались пѣніемъ, и притомъ непремѣнно одинъ басомъ, другой баритономъ, третій теноромъ. Этого не бываетъ, но вѣдь и речитативомъ тоже никто не говоритъ въ жизни...

Итакъ, нѣкоторая искусственность или насильственность со стороны автора, въ ущербъ жизненной правдѣ, можетъ быть допущена Но если уже она есть, если въ умѣ читателя возникъ вопросъ—зачѣмъ? то необходимо пріискать отвѣтъ и затѣмъ судить произведеніе, а можетъ быть и автора, съ точки зрѣнія этого отвѣта. Зачѣмъ тѣнь отца Гамлета, будучи галлюцинаціей наслѣдника датскаго престола, разгуливаетъ по сценѣ, разговариваетъ, какъ живое, реальное лицо? Затѣмъ, чтобы эта галлюцинація датскаго принца стала какъ бы коллективной галлюцинаціей зрителей (коллективныя галлюцинаціи — достовѣрный психическій фактъ), проникнутыхъ сочувствіемъ къ несчастному положенію принца. Зачѣмъ двойникъ, галлюцинація господина Голядкина, находитъ себѣ точную копію въ жизни, въ лицѣ настоящаго, живаго Якова Петровича Голядкина № 2?—не знаю, и читатель тоже не знаетъ... Однако, благодаря Достоевскому, благодаря его «проникновенію» въ разныя мрачныя глубины человѣческаго духа, мы съ читателемъ можемъ догадываться Голядкинъ № 2 насильственно введенъ въ повѣсть затѣмъ же зачѣмъ Ѳома Опискинъ вводитъ французскій языкъ въ село Степанчиково, зачѣмъ онъ зоветъ Гаврилу «мусью шематономъ», за-

чѣмъ подпольный человѣкъ рисуетъ Лизѣ мучительно раздражающія «картинки», зачѣмъ Трусоцкій сверлитъ Вельчанинова — для «игры», для жестокой игры на нервахъ. Если Достоевскій не разъяснилъ намъ окончательно эту мрачную сторону человѣческой души, вполнѣ достойную и научнаго изслѣдованія, и художественнаго изображенія, то, все-таки, очень много сдѣлалъ для нашего въ этомъ отношеніи просвѣщенія. Онъ далъ намъ такіе живые образчики этого дикаго чувства, такіе яркіе портреты носителей его, что, по крайней мѣрѣ, въ самомъ фактѣ спеціальной мучительской наклонности не можетъ уже быть никакого сомнѣнія. Достовѣрно, что есть люди, мучающіе другихъ людей не изъ корысти, не ради мести, не потому, чтобы тѣ люди имъ какъ нибудь поперегъ дороги стояли, а для удовлетворенія своей мучительской наклонности. Эта наклонность проявляется и въ искусствѣ, въ жестокихъ талантахъ, каковъ самъ Достоевскій.

Возвращаясь къ статьѣ Добролюбова, надо будетъ все-таки сказать, что однимъ недосмотромъ нельзя объяснить ея неполноту, или ошибочность. Положимъ, что онъ просмотрѣлъ истинную роль Голядкина № 2 въ повѣсти «Двойникъ». Но такой проницательный критикъ могъ бы и при этомъ условіи, касающемся собственно частности, хотя и очень характерной, уловить тотъ общій духъ мучительства, которымъ дышетъ творчество Достоевскаго. А между тѣмъ онъ ея не только не уловилъ, а еще усвоилъ Достоевскому «гуманическое» направленіе. Мало того, не замѣтилъ или, по крайней мѣрѣ, не отмѣтилъ разницы между мучителемъ Опискинымъ и мученикомъ Голядкинымъ. И того мало, Добролюбовъ такъ скомбинировалъ картины, сцены, характеристики, образы Достоевскаго, что изъ всего этого вышло какое-то не совсѣмъ опредѣленное, но во всякомъ случаѣ отрицательное отношеніе къ тому общему порядку вещей на Руси (тогдашней), который создаетъ униженныхъ и оскорбленныхъ, принижаетъ личность до тупой покорности или какого-то не то жалкаго писка, не то безумнаго бреда, исправляющаго должность протеста. Въ этомъ собственно состоитъ весь смыслъ статьи Добролюбова. А между тѣмъ уже въ «Идіотѣ» (1868 г.) Достоевскій, устами одного

изъ дѣйствующихъ лицъ, рѣзко и опредѣленно выразилъ одну изъ своихъ завѣтныхъ мыслей, впослѣдствіи много разъ имъ развитую, а именно: кто у насъ нападаетъ «на существующіе порядки вещей», тотъ нападаетъ «на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на русскіе порядки, а на самую Россію».

Повидимому, одно изъ двухъ: или Добролюбовъ грубо ошибался, или Достоевскій съ теченіемъ времени рѣзко измѣнился. Въ сущности, однако, не было ни того, ни другого: ни *грубой* ошибки съ одной стороны, ни *рѣзкой* перемѣны съ другой.

VII.

Въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» Достоевскій разсказываетъ:

«Я прочелъ имъ (семейству Ихменевыхъ) мой романъ въ одинъ присѣстъ. Мы начали сейчасъ послѣ чаю, а просидѣли до двухъ часовъ по полуночи. Старикъ сначала нахмурился. Онъ ожидалъ чего-то невообразимо высокаго, такого, чего бы онъ пожалуй и самъ не могъ понять, но только непремѣнно высокаго; а вмѣсто того вдругъ такія будни и все такое извѣстное, вотъ точь въ точь, какъ то самое, что обыкновенно кругомъ совершается. И добро бы большой или интересный человѣкъ былъ герой, или изъ историческаго что-нибудь, въ родѣ Рославлева или Юрія Милославскаго; а то выставленъ какой-то маленькій, забитый и даже глуповатый чиновникъ, у котораго и пуговицы на вицъ-мундирѣ обсыпались, и все это такимъ простымъ слогомъ описано, ни дать, ни взять какъ мы сами говоримъ... Страшно! Старушка вопросительно взглядывала на Николая Сергѣича и даже немножко надулась, точно чѣмъ-то обидѣлась. «Ну, стоитъ, право, такой вздоръ печатать и слушать, да еще и деньги за это даютъ», было написано на ея лицѣ. Наташа была вся вниманіе, съ жадкостью слушала, не сводила съ меня глазъ, всматриваясь въ мои губы, какъ я произношу каждое слово, и сама шевелила своими хорошенькими губками. И что-жъ? Прежде чѣмъ я дочелъ до половины, у всѣхъ моихъ слушателей текли изъ глазъ слезы. Анна Андреевна искренно плакала, отъ всей души сожалѣя моего героя и пренаивно желая хоть чѣмъ-нибудь помочь ему въ его несчастіяхъ, что понялъ я изъ ея восклицаній. Старикъ уже отбросилъ всѣ мечты о высокомъ: «Съ перваго шага видно, что далеко кулику до Петрова дня; такъ себѣ, просто разсказецъ; за то сердце за-

хватываетъ, говорилъ онъ:—за то становится понятно и памятно, что кругомъ происходитъ; за то познается, что самый забитый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ мой!» Наташа слушала, плакала и подъ столомъ, украдкой, крѣпко пожимала мою руку. Кончилось чтеніе. Она встала; щечки ея горѣли, слезинка стояла въ глазахъ; вдругъ она схватила мою руку, поцѣловала ее и выбѣжала вонъ изъ комнаты».

Извѣстно, что въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», въ той части похожденій Ивана Петровича, которая касается его литературныхъ занятій, Достоевскимъ введено нѣсколько автобіографическихъ чертъ: говорится о критикѣ Б. (Бѣлинскомъ), восторженно встрѣтившемъ первый романъ Ивана Петровича, разсказывается примѣрно содержаніе «Бѣдныхъ людей», сообщается манера писанія Ивана Петровича, весьма сходная съ манерой самого Достоевскаго, и проч. И можно думать, что Достоевскій и самъ переживалъ нѣчто въ родѣ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя достались Ивану Петровичу въ только что приведенномъ разсказѣ о чтеніи перваго романа въ кругу близкихъ и чуткихъ людей. Конечно, тутъ дѣло не въ подробностяхъ, созданныхъ авторской фантазіей въ видахъ завязки и развязки романа, не въ своеобразныхъ, напримѣръ, отношеніяхъ Ивана Петровича къ семейству Ихменевыхъ вообще и къ Наташѣ въ особенности. Но мы знаемъ, что Достоевскому была лично знакома та гордая радость, которую долженъ былъ испытывать Иванъ Петровичъ при видѣ слезъ Ихменевыхъ и горячаго поцѣлуя Наташи. Если въ его жизни и не было совершенно аналогичнаго эпизода, что въ сущности и не важно, то эпизодъ этотъ образно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы схематически изображаетъ пріемъ, оказанный читающимъ русскимъ людомъ первому роману Достоевскаго. Въ статьѣ Бѣлинскаго можно найти отраженіе Наташинаго страстнаго поцѣлуя и слезъ сочувствія Ихменевыхъ. Словомъ, Иванъ Петровичъ, Достоевскій тожъ, на первомъ же шагу на поприщѣ литературы получилъ такое трогательное, осязательное и подмывающее одобреніе, какое вообще рѣдко достается писателю. Иванъ Петровичъ, Достоевскій тожъ, во-очію убѣдился въ мощи своего слова, позналъ на опытѣ, что можетъ «глаголомъ жечь сердца людей». Моментъ, въ высшей степени важный въ исторіи всякой не чисто

стихійной, а способной къ самосознанію силы. Въ этотъ моментъ Достоевскій находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится женщина, впервые убѣдившаяся въ обаятельной силѣ своей красоты; въ какомъ находится школярѣ, въ первый разъ успѣшно сразившійся съ товарищемъ и понявшій, что онъ уже не «новичекъ», который долженъ терпѣть всякія издѣвательства, а что у него самого кулаки есть; въ какомъ находится трибунъ послѣ первой рѣчи, которая произвела сильное впечатлѣніе; полководецъ, впервые увидавшій, что стройныя массы солдатъ не только формально повинуются ему, двигаясь направо и налѣво, а встрѣчаютъ его съ искреннимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ. И т. д., и т. д. Я прибавилъ бы, пожалуй, сравненіе съ тигренкомъ, впервые послѣ материнскаго молока лизнувшимъ крови, но это сравненіе идетъ къ дѣлу только въ отрицательномъ смыслѣ. Изъ тигренка долженъ вырости кровожадный тигръ по непреложнымъ законамъ естества, и потому можно любоваться его мощной граціей, можно описывать его, можно убить, но судить его нельзя— суда такого нѣтъ; у тигровъ промежъ себя можетъ быть и есть подходящій судъ, но намъ до него дѣла нѣтъ; по нашему, тигръ просто подлежитъ смертной казни, безъ суда и слѣдствія. Иначе стоитъ дѣло относительно другихъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Дѣвушка, сознавшая силу производимаго ею обаянія, можетъ направить ее къ той или другой, непостыдной или постыдной цѣли, сообразно которой и подлежитъ оцѣнкѣ. Изъ разныхъ комбинацій, какія тутъ возможны, для насъ особенно интересна та, когда цѣлью становится самое средство, орудіе, самая, такъ сказать, игра мускуловъ красоты. Простите это несообразное выраженіе, но, разъ оно сорвалось съ языка, позвольте ужъ заодно говорить и о мускулахъ мысли, о мускулахъ творчества и т. п. Все это орудія и напряженіе ихъ должно бы представлять только средства для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Но бываетъ такъ, что, по условіямъ чисто личнаго свойства или же по условіямъ обстановки, обладатель силы ставитъ себѣ цѣлью самую игру мускуловъ. Въ такихъ случаяхъ изъ женщины выходитъ кокетка, безпредметно заигрывающая со всякимъ мимоходящимъ и обра-

щающая свою силу въ источникъ мученій; изъ трибуна и полководца—честолюбцы, способные, ради своихъ прекрасныхъ глазъ, натворить множество бѣдъ и уложить въ могилу тысячи людей. Великое дѣло—первыя пробы силы или власти. Можно сказать даже, что вы не знаете человѣка, пока онъ не попробовалъ власти, да до тѣхъ поръ и самъ онъ едва ли себя знаетъ. Мало ли людей, искренно клянущихся посвятить себя, добравшись до власти, на благо родины или человѣчества, а потомъ упивающихся властью для нея самой: дескать, могу расшибить, могу и помиловать. Нѣтъ никакого резона утверждать, что въ моментъ своихъ горячихъ клятвъ такой человѣкъ былъ непремѣнно канальей, что онъ лгалъ, чтобы разсчистить себѣ путь къ тому наслажденію, которое дается властью надъ такъ называемыми ближними. Можетъ быть, и лгалъ, и былъ канальей, но очень можетъ быть, что онъ просто не зналъ самого себя, не предвидѣлъ обаятельности того наслажденія, которое дастся ему «дикою, безпредѣльною властью, хоть надъ мухой». Конечно, это ужъ не первый сортъ человѣка, но онъ могъ все-таки быть вполнѣ искренень въ началѣ своей карьеры.

И вотъ передъ нами писатель, впервые убѣдившійся въ своей силѣ. Онъ и прежде сознавалъ ее въ себѣ, потому что иначе не принялся бы за работу, но сознавалъ смутно, и не разъ горькія сомнѣнія чередовались въ его душѣ съ гордыми надеждами. Теперь конецъ всѣмъ этимъ колебаніямъ: присутствіе силы засвидѣтельствовано произведеннымъ ею впечатлѣніемъ. Писатель убѣдился, что онъ властный человѣкъ и можетъ двигать сердца своихъ читателей или слушателей. Но какъ и куда двигать? Передъ нимъ, какъ передъ сказочнымъ богатыремъ, разстилаются три дороги, съ тою, однако, разницей, что ни на одной изъ нихъ онъ ни коня не потеряетъ, ни самъ не погибнетъ. Какія тутъ потери, какая гибель! Нѣтъ, молодая, сознавшая себя сила, играючи, преодолѣетъ всѣ препятствія, перелетитъ черезъ всѣ барьеры, и тамъ, гдѣ-то въ туманной, невѣдомой дали, водрузитъ знамя побѣды! Хорошее время, веселое время...

А дороги-то все-таки предстоятъ разныя, и надо выбирать.

Одна изъ нихъ намѣчена простодушными восторгами старика Ихменева: «Знаешь, Ваня, это хоть не служба, а все-таки карьера. Прочтутъ и высокія лица. Вотъ, ты говорилъ, Гоголь вспоможеніе ежегодное получаетъ и за-границу посланъ. А что если бы и ты? а? Или еще рано? Надо еще что-нибудь сочинить? Такъ сочиняй, братъ, сочиняй поскорѣе! Не засыпай на лаврахъ. Чего глядѣть-то! ...Или вотъ, напримѣръ, табакерку дадутъ... Что-жъ? На милость вѣдь нѣтъ образца. Поощрить захотятъ. А кто знаетъ, можетъ и ко Двору попадешь; или нѣтъ? или еще рано ко Двору-то?... Камергеромъ, конечно, не сдѣлаютъ за то, что романъ написалъ: объ этомъ и думать нечего; а все-таки можно въ люди пройти, ну, сдѣлаться какимъ-нибудь тамъ аташе. За-границу могутъ послать, въ Италію, для поправленія здоровья, или тамъ для усовершенствованія въ наукахъ что ли; деньгами помогутъ».

Конечно, если бы нашъ богатырь захотѣлъ идти по этой дорогѣ, то разныя табакерки, вспоможенія, камергерскіе ключи посыпались бы на него, какъ изъ рога изобилія. Но онъ по этому пути не пойдетъ. Не тѣ времена ужъ, когда для писателя табакерки были желанны и возможны. За то тѣмъ желаннѣе и возможнѣе иной путь, тотъ самый, за одинъ шагъ по которому Наташа страстно припала къ рукѣ Ивана Петровича и облила ее слезами умиленія и сочувствія. Одобреніе, полученное Иваномъ Петровичемъ, кромѣ трогательной осязательности формы, имѣло и вполнѣ опредѣленное содержаніе. Оно давалось за «простоту» разсказа, въ связи съ его «гуманическимъ» направленіемъ: «Познается, что самый забитый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ мой». Опять и опять также просто и душевно описывать радости и горести забитаго человѣка; опять и опять будить въ душѣ читателя струны сочувствія къ униженному и оскорбленному; пробрать силою своего творчества не только благодушныхъ стариковъ Ихменевыхъ, не только страстную и благородную Наташу, а и тѣхъ, кто забиваетъ забитыхъ; пробить ихъ толстыя кожи и добраться до

самаго ихъ сердца—вотъ путь, по которому пойдетъ Иванъ Петровичъ.

Заманчивый путь, но и трудный путь. Не потому только трудный, что есть на свѣтѣ внѣшнія препятствія и воздѣйствія или, такъ называемыя, «независящія обстоятельства», категорически побуждающія молчать, когда хочется говорить, и ѣхать, когда хочется сидѣть дома. Это само собою разумѣется. Но избранный Иваномъ Петровичемъ путь переполненъ иными опасностями, изъ которыхъ главная состоитъ въ близости и соблазнительности третьей дороги — дороги кокетства въ обширномъ смыслѣ слова, игры мускуловъ творчества и ненужнаго мучительства. Одна въ самомъ дѣлѣ очень близка и соблазнительна, эта третья дорога.

Хорошо плачетъ Наташа! Хорошо видѣть плачущею эту ясную дѣвушку при сознаніи, что вѣдь это я, Иванъ Петровичъ, вызвалъ эти слезы, и вызвалъ не обидой или оскорбленіемъ, а тѣмъ, что тронулъ ея сердце болью за болящаго, страданіемъ за страждущаго. А если припомнить, что въ ясной дѣвушкѣ отражаются и критикъ Б., и все, что есть мыслящаго и чуткаго въ читающей Россіи, такъ и подавно хорошо. Очень соблазнительно, для пущаго эффекта, усилить тонъ, надбавить униженному еще немножко униженія и оскорбленному еще немножко оскорбленія: тогда вѣдь и ясная дѣвушка, и все, что въ ней для Ивана Петровича олицетворяется, будутъ еще больше тронуты. Очень это естественное соображеніе, а между тѣмъ—отсюда идетъ наклонная плоскость въ сторону отсутствія «простоты», за которую получено одобреніе, и присутствія ненужнаго мучительства, одобренія отнюдь незаслуживающаго. Съ теченіемъ времени Иванъ Петровичъ со второй дороги можетъ совсѣмъ перебраться на третью; первоначальная цѣль—возбужденіе сочувствія къ забитому человѣку можетъ постепенно отойти совсѣмъ на задній планъ и уступить свое мѣсто тому, что было сначала только средствомъ—игрѣ мускулами творчества. Можетъ, словомъ, произойти точное воспроизведеніе двухъ первыхъ моментовъ гегелевской формулы діалектическаго развитія: положеніе перейдетъ въ свое отрицаніе, сочувствіе въ

мучительство. Разные люди при разныхъ обстоятельствахъ разно покатятся по этой наклонной плоскости. Какъ это вышло у Ивана Петровича—намъ неизвѣстно, да и не интересно нисколько. Что же касается самого Достоевскаго, то онъ покатился столь быстро, что уже Бѣлинскій, при всей своей восторженности отъ «Бѣдныхъ людей», долженъ былъ назвать послѣдующія произведенія Достоевскаго «нервической чепухой» («даже сильнѣе», прибавляетъ г. Пыпинъ въ извѣстной книгѣ о Бѣлинскомъ). «Нервическая чепуха», это вѣдь именно и значитъ отсутствіе простоты и присутствіе ненужнаго мучительства. Конечно, не такъ просто, не такъ вдругъ совершилась эта метаморфоза, и первоначально оба теченія довольно долго боролись другъ съ другомъ. Одолѣвало то или другое, смотря по обстоятельствамъ...

Спрашивается, какія же это обстоятельства, какія условія сдерживаютъ или успливаютъ раскатъ по вышеозначенной наклонной плоскости? Прежде всего задерживающія или, напротивъ того, успливающія условія могутъ заключаться въ прирожденныхъ личныхъ свойствахъ писателя: «таланты отъ Бога». Жестокость таланта, какъ и всякая другая жестокость, можетъ быть результатомъ несчастнаго сочетанія стихійныхъ силъ. Если, напримѣръ, у Полины, жестоко терзающей «игрока», «слѣдокъ ноги узенькій и длинный, мучительный, именно мучительный», то, значитъ, ей такъ на роду написано быть мучительницей. Въ писателѣ, однако, прирожденная жестокость таланта можетъ сдерживаться другими, отчасти прирожденными же, стихійными, а отчасти разумными элементами. Въ художникѣ на первомъ планѣ стоитъ здѣсь чувство мѣры, которое у тонко-развитыхъ въ художественномъ отношеніи натуръ играетъ, примѣрно, такую же всеконтролирующую роль, какъ такъ называемый тактъ у свѣтскихъ людей. Свѣтскій человѣкъ, будучи напримѣръ, большимъ негодяемъ, въ силу присущаго ему такта, не обнаружитъ своего негодяйства. Тотъ же тактъ не позволитъ свѣтскому человѣку сдѣлать какую-нибудь неприличную публичную сцену, хотя бы у него въ душѣ цѣлый адъ кипѣлъ. Такъ и въ художникѣ,—чувство мѣры подавляетъ и контролируетъ его личныя поползновенія. У Досто-

евскаго это чувство было чрезвычайно слабо. Талантъ—чрезвычайно неровный: онъ то потухалъ до совершенной безцвѣтности и томительной скуки, то разгорался сильнымъ и яркимъ огнемъ, но никогда не зналъ мѣры. За исключеніемъ «Мертваго дома» и двухъ-трехъ мелкихъ разсказовъ («Бѣлыя ночи», «Маленькій герой», «Кроткая»), вполнѣ законченныхъ въ смыслѣ гармоніи и пропорціональности, все остальное, написанное Достоевскимъ, не поражаетъ насъ своею нескладностью, растянутостью, безмѣрностью, (если можно такъ выразиться) только потому, что мы ужъ очень привыкли къ его манерѣ писанія. Мы представили въ прошлый разъ образчики этой безмѣрности въ видѣ рога изобилія несчастій и обидъ, обрушивающихся на героевъ,—въ видѣ толкотни событій, которыхъ у него въ одинъ день совершается столько, сколько другому хватило бы на цѣлый годъ,—въ видѣ ненужныхъ надстроекъ, вставокъ и отступленій. Если въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ чувство мѣры оказывается безсильнымъ для обузданія жестокости таланта, то оно было столь же безсильно и тогда, когда Достоевскій изображалъ благожелательныя чувства. «Бѣдные люди», напримѣръ, трудно читать безъ нѣкоторой тошноты отъ чрезмѣрнаго обилія всякихъ «маточекъ» и «голубчиковъ моихъ». А въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» Иванъ Петровичъ столь чрезмѣрно пылаетъ самоотверженіемъ, что не только безропотно уступаетъ свою Наташу первому встрѣчному шалопаю, а еще играетъ роль сводни; словомъ, столь безмѣрно благороденъ, что даже гнусенъ.

И такъ, чувство мѣры, будучи въ Достоевскомъ крайне слабо, не могло его сдержать въ движеніи по наклонной плоскости.

Есть еще одно обстоятельство, которое даже при страшной прирожденной и потому трудно устранимой жестокости таланта, могло бы спасти Достоевскаго отъ ненужнаго мучительства, а его читателей и дѣйствующихъ лицъ отъ ненужныхъ мученій. Не помню, кто изъ героевъ Эжена Сю, будучи отъ природы въ буквальномъ смыслѣ слова кровожаднымъ человѣкомъ, но, попавъ подъ вліяніе нѣкотораго добродѣтельнаго и умнаго руководителя, становится совершенно несчастнымъ человѣкомъ. Стихійныя силы

натуры влекутъ его къ кровопролитію, а вліяніе добродѣтельнаго и умнаго руководителя не допускаетъ до кровопролитія. Наконецъ, дѣло разрѣшается очень просто: добродѣтельный и умный руководитель помѣстилъ кровожаднаго героя на бойню мясникомъ. Тутъ герой могъ удовлетворять своимъ жестокимъ наклонностямъ, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ общеполезное дѣло. Это, конечно, не болѣе какъ грубоватая иллюстрація къ теоріи Фурье, по которой страсти и наклонности, вложенные въ человѣка природой, какъ бы онѣ ни были, повидимому, безобразны, нуждаются только въ извѣстномъ приспособленіи, чтобы сослужить обществу полезную службу. Намъ здѣсь нѣтъ дѣла ни до остроумной теоріи Фурье, ни до грубой иллюстраціи Сю. Но она, эта иллюстрація, можетъ быть, именно вслѣдствіе своей грубости, если не разрѣшаетъ нашего вопроса, то наглядно рисуетъ возможность его разрѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, пусть злоба, жестокость, мучительство исчезнутъ съ лица земли и пусть на ихъ могилахъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтаетъ любовь. Чего лучше! Но Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. И доколѣ нѣтъ «на землѣ мира и въ человѣцѣхъ благоволенія», самый любвеобильный человѣкъ допуститъ, что возможна и даже обязательна «необузданная, дикая съ лютой подлостью вражда». А всякая вражда требуетъ иногда людей жестокихъ (не мучителей, конечно, которые ни для какого дѣла ненужны). Вотъ и пусть бы Достоевскій взялъ на себя въ этой враждѣ роль, соотвѣтственную его наклонностямъ и способностямъ, которыя нашли бы себѣ такимъ образомъ опредѣленную точку приложенія. Все равно какъ нашли себѣ таковую кровожадныя наклонности героя Сю. Но у героя этого былъ добродѣтельный и умный руководитель, столь добродѣтельный, умный и притомъ могущественный, что въ дѣйствительной жизни такого пожалуй не встрѣтишь. Да и сомнительно, чтобы Достоевскій, самъ человѣкъ властный, надолго подчинился какому-нибудь личному руководительству. Руководителемъ для него могло бы стать только что-нибудь безплотное, идеальное, передъ чѣмъ самому гордому и властному человѣку не стыдно склониться и вмѣстѣ съ тѣмъ такое, что бы оно не въ облакахъ

гдѣ-нибудь носилось, а стояло всегда тутъ, близко, постоянно охватывая собою человѣка. Люди смирные и слабые могутъ довольствоваться тою нравственною дисциплиною, которая дается личнымъ руководительствомъ или велѣніями заоблачныхъ началъ. Люди же сильные, властные, сами умѣющіе такъ или иначе управлять сердцами людей, не надѣнутъ на себя ярма личнаго руководительства. Знакома имъ (не всѣмъ, конечно,) и «съ небомъ гордая вражда». Но властные люди могутъ—и это не только теоретическое соображеніе, а и многократный историческій фактъ—склоняться передъ идеальнымъ началомъ, въ созданіи котораго они сами принимали участіе, въ которое они вложили частицу самихъ себя, своей мысли, чувства, воли; а такимъ началомъ можетъ быть только опредѣленный общественный идеалъ. Будь такой идеалъ у Достоевскаго, онъ не допустилъ бы его заниматься ненужнымъ мучительствомъ и безпредметною игрою мускуловъ творчества, а направилъ бы его жестокія наклонности въ какую нибудь опредѣленную сторону. Но у Достоевскаго такого идеала не было...

Говорю не въ качествѣ человѣка партіи. Весьма вѣроятно, что общественный идеалъ Достоевскаго, если бы онъ у него былъ, оказался бы чѣмъ-нибудь въ родѣ утопіи г. Каткова—безотрадной, безбрежной пустыней, гдѣ только изрѣдка, среди всеобщаго безмолвія раздаются крики: «караулъ!» «держи!» «ура!» Съ моей скромной личной точки зрѣнія, равно какъ и съ точки зрѣнія того великаго Бога, которому я молюсь, тутъ нѣтъ ровно ничего хорошаго и есть очень много скверная. Но, не говоря уже о томъ, что Достоевскій могъ быть и счастливѣе въ выборѣ своемъ, даже въ этомъ случаѣ, онъ былъ бы избавленъ отъ безпредметной «игры» на нервахъ читателей. Но, повторяю, никакого сколько-нибудь опредѣленнаго общественнаго идеала у Достоевскаго не было. Почему не было? — это вопросъ особый, и для разрѣшенія довольно трудный. Мы и не будемъ имъ заниматься, въ виду отсутствія нужныхъ біографическихъ данныхъ. Намъ важенъ только самый фактъ. Если же кто въ этомъ фактѣ усомнится или попробуетъ сложить какой-нибудь общественный иде-

алъ изъ тѣхъ обломковъ личной морали славянофильской доктрины, которыми пробавлялся Достоевскій въ особенности въ послѣднее время, то такому скептику я предложу вложить персты свои въ язвы гвоздиныя.

Разсуждая о нѣкоторой теоріи общественныхъ отношеній (по всѣмъ видимостямъ соціалистической), подпольный человѣкъ, между прочимъ, пишетъ:

«Тогда-то—это все вы говорите—наступятъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ ужъ готовыя и тоже вычисленныя съ математическою точностью, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы, собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Коганъ. Конечно, намъ нельзя гарантировать (это уже я теперь говорю), что тогда не будетъ, напримѣръ, ужасно скучно (потому что что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ), за то все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки втыкаются *), но это бы все ничего. Скверно то (это опять-таки я говорю), что, чего добраго, пожалуй и золотымъ булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То-есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужъ за то неблагодаренъ такъ, что поискать другаго, такъ не найти. Вѣдь я, напримѣръ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія, возникнетъ какой-нибудь джентльменъ съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретоградной и насмѣшливой физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: «а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного раза ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логарифмы отправились къ чорту и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить!» Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непремѣнно послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, объ которой бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда *положительно должно* (это ужъ моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествія: вотъ это-то все и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой

*) Передъ тѣмъ шла рѣчь о наслажденіи, которая Клеопатра испытывала, втыкая золотыя булавки своимъ невольницамъ въ груди.

всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непремѣнно вообразили они, что человѣку надо непремѣнно благоразумно выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо только *самостоятельнаго* хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела».

И т. д., и еще нѣсколько страницъ такого же затѣйливаго изложенія той же незатѣйливой мысли. Лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ, какъ ее изложилъ подпольный человѣкъ (1864 г.), эта мысль, будучи въ качествѣ критики тогдашнихъ соціалистическихъ теорій, столь же незатѣйловою, была, однако, до извѣстной степени умѣстна и даже справедлива. Только одного не приняли въ соображеніе представители либеральной европейской буржуазіи, сдѣлавшіе изъ развиваемой подпольнымъ человѣкомъ мысли своего любимаго конька; а именно того, что эта мысль можетъ быть направлена рѣшительно противъ всякаго общественнаго идеала, въ томъ числѣ и противъ либерально-буржуазнаго. А о другихъ прочихъ и говорить нечего. Намъ здѣсь не приходится, разумѣется, разсуждать о томъ, какъ и въ какой мѣрѣ возможно примиреніе личной самостоятельности съ какимъ-либо общественнымъ порядкомъ. Но дѣло въ томъ, что возраженіе подпольнаго человѣка можетъ быть предъявлено, собственно говоря, только такимъ субъектомъ, у котораго у самого нѣтъ никакого общественнаго идеала. Если ссылаться на свойства человѣческой природы, то надо помнить, что коли человѣкъ создалъ себѣ какой-нибудь идеалъ, самый хотя бы мечтательный и нелѣпый, такъ ужъ его такими пустяками изъ сѣдла не выбьешь, ибо тамъ, въ этомъ мечтательномъ идеалѣ, все это уже предусмотрѣно и разрѣшено. Взять хоть бы ту же утопію безконечной равнины, на которой раздаются только крики: «караулъ!» «держи!» «ура!» Кажется, что можетъ быть мечтательнѣе и нелѣпѣе? А попробуйте-ка запугать г. Каткова «джентльменомъ съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей», который вдругъ «упретъ руки въ боки» и предложитъ все это благополучіе «отправить къ чорту». Ни мало не запугаете, потому что

для такого джентльмена въ утопіи есть мѣсто и даже не мѣсто, а мѣста—весьма и не весьма удаленныя. Въ другого рода утопіяхъ джентльменъ съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей тоже предусмотрѣнъ. Предполагается именно, что осуществленіе утопіи внесетъ въ жизнь столько свѣта и счастія, что еслибы джентльменъ и объявился и даже увлекъ за собой кое-кого, то количество этихъ увлеченныхъ будетъ примѣрно три съ половиной человѣка, которые будутъ играть роль такихъ же рѣдкостныхъ уродовъ, какъ теперь двухголовые соловьи, очень маленькіе карлики и очень большіе великаны. Пусть это мечта, но такова ужъ человѣческая природа, что смущаться и другихъ смущать джентльменомъ съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей могутъ только люди, никакого собственнаго идеала не имѣющіе. Таковъ подпольный человѣкъ, который въ шаблонномъ либерально-буржуазномъ возраженіи сдѣлалъ только ту странную поправку, что, дескать, не заботьтесь очень о благополучіи-то—человѣкъ страдать любитъ. Точно этого добра мало въ жизни! Но подпольный человѣкъ не просто подпольный человѣкъ, а до извѣстной степени самъ Достоевскій. По крайней мѣрѣ, въ ту часть «Записокъ изъ подполья», откуда заимствовано нами разсужденіе насчетъ джентльмена съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей, Достоевскій несомнѣнно вложилъ много своего личнаго, собственнаго...

Это не доказательство! перебьетъ меня читатель. Конечно, не доказательство, а только соображеніе, основанное на сходствѣ нѣкоторыхъ теоретическихъ идей Достоевскаго и подпольнаго человѣка и ихъ практическихъ пріемовъ мучительства. Доказательство же могло бы уже просто въ томъ состоять, что Достоевскій никогда своего общественнаго идеала намъ не показывалъ. Но этого мало. Припомните странную мысль Достоевскаго—странную, но отнюдь не одиноко стоящую въ его описаніяхъ, что Коробочка и ея крѣпостные, оставаясь въ томъ же соціальномъ положеніи, могли бы явить міру высокій образецъ взаимныхъ нравственныхъ отношеній, если бы были проникнуты истинно христіанскимъ духомъ. Никто не сомнѣвается въ возвы-

шенности христіанской морали, но въ этой выходкѣ сквозитъ такое страшное презрѣніе ко всякому общественному идеалу или такая почти непостижимая скудость мысли и чувства въ этомъ направленіи, что поневолѣ вспомнишь джентльмена съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей. На этотъ разъ фантастическій джентльменъ долженъ бы былъ, «уперевъ руки въ боки», сказать: а давайте-ка, господа, столкнемъ къ чорту все, что выработано и выстрадано человѣчествомъ по части общественныхъ идеаловъ: не все ли, собственно говоря, равно—крѣпостное право, теперешній, завтрашній порядокъ? все это чепуха, ибо во всякомъ положеніи можно быть высоко нравственнымъ человѣкомъ...

Слабость художественнаго чувства мѣры, которое могло бы контролировать проявленія жестокаго таланта, отсутствіе общественнаго идеала, который могъ бы ихъ регулировать,—вотъ, значитъ, условія, способствовавшія или сопутствовавшія движенію Достоевскаго по наклонной плоскости отъ «простоты» къ вычурности, отъ «гуманическаго» направленія къ безпричинному и безцѣльному мучительству. Чѣмъ дальше, тѣмъ ярче объявлялась въ немъ потребность играть на нервахъ читателя разными страшными чудищами и духъ захватывающими диковинками. И, не смотря на всю его по этой части изобрѣтательность, ея все-таки не хватало для удовлетворенія его ненасытной потребности: онъ долженъ былъ повторяться. Такъ, напримѣръ, въ «Вѣчномъ мужѣ» Трусоцкій изъ ненависти къ Вельчанинову любовно цѣлуетъ у него руки; искренно, съ любовью ухаживаетъ за нимъ, за больнымъ, а два-три часа спустя хочетъ его зарѣзать бритвой. Казалось бы, въ самомъ богатомъ собраніи «монстровъ и раритетовъ» одного такого чудища было бы достаточно. У Достоевскаго же, не говоря о безчисленныхъ варіаціяхъ на тему любви-ненависти вообще, этотъ самый эпизодъ въ частности почти буквально повторяется въ «Идіотѣ»: Рогожинъ братается съ княземъ Мышкинымъ, мѣняется съ нимъ крестами, и въ тотъ же день бросается на него съ ножомъ. Изображеній простой, обыденной типической жизни, которыя такъ тронули сердца Ихменевыхъ, нѣтъ и въ помині. Напротивъ, все вычурно, необыкновенно, слу-

чайно, чудно. Достоевскій и самъ, наконецъ, обратилъ на это вниманіе. По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ «Братьямъ Карамазовымъ» есть, между прочимъ, слѣдующія строки: «Не только чудакъ не всегда частность и обособленіе, а напротивъ—бываетъ такъ, что онъ-то пожалуй и носитъ въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи, всѣ, какимъ-нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались». Это—попытка оправдаться въ выборѣ чудныхъ, особенныхъ, рѣдкостныхъ людей, положеній, чувствъ. Сказаны эти слова по адресу Алексѣя Карамазова, который, можетъ быть, и оказался бы такимъ «сердцевиннымъ» чудакомъ. Но бѣда въ томъ, что Алексѣй Карамазовъ своей сердцевинности въ романѣ не обнаруживаетъ и самъ тонетъ въ цѣломъ океанѣ разныхъ необыкновенныхъ людей и положеній, которыхъ и самъ авторъ не рѣшается выдавать за сердцевинные. Тутъ старикъ Карамазовъ, развратный до того, что находитъ наслажденіе въ любовномъ сношеніи съ грязной идіоткой Лизаветой Смердящей. Тутъ Дмитрій Карамазовъ съ цѣлымъ рядомъ необыкновенныхъ похожденій. Тутъ мятущаяся, фантастическая Грушенька, эпилептики, отцеубійцы, юродивые, святые, словомъ—цѣлая кунтскамера. «Чудакъ» Алеша оказывается самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ въ этой коллекціи чудищъ. А читатель знаетъ, что «Братья Карамазовы» отнюдь не составляютъ въ этомъ смыслѣ исключенія. «Преступленіе и наказаніе», «Идіотъ», «Бѣсы» переполнены всякаго рода рѣдкостями, исключительными явленіями, чудищами. И если сердца читателей все-таки трогаются и даже въ своемъ родѣ, можетъ быть, сильнѣе трогаются, чѣмъ въ свое время сердца Ихменевыхъ, то во всякомъ случаѣ на совершенно другой манеръ: сочувствіе къ забитымъ, униженнымъ, оскорбленнымъ замѣняется совсѣмъ другимъ отношеніемъ къ нимъ. Взять хоть бы тѣхъ же рогоносцевъ Ивана Андреича и Трусоцкаго. Это—истинно несчастные люди, которыхъ жестокая судьба унижаетъ и оскорбляетъ жестокими руками Достоевскаго свыше всякой мѣры и безо всякой съ ихъ стороны вины: ничѣмъ они не виноваты ни передъ женами своими, ни передъ ихъ любовниками. Напротивъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Тру-

соцкій, былъ весь внимательность и любовь. И, тѣмъ не менѣе, никакого сочувствія къ этимъ субъектамъ въ читателѣ родиться не можетъ: одинъ смѣшонъ и глупъ, какъ пробка, другой низокъ и отвратительно золъ. Тутъ ужъ никакъ нельзя повторить слова старика Ихменева: познаётся, что самый забитый человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ мой. Весь психическій процессъ, происходящій въ душѣ читателя, сводится къ какому-то неопредѣленному трепетанію нервовъ, совершенно безучастному и къ оскорбленной и къ оскорбляющей сторонѣ, но настолько все-таки, благодаря таланту автора, сильному, чтобы читатель втянулся и нѣкоторое время жилъ этимъ безпредметнымъ мучительнымъ трепетаніемъ.

VIII.

Ничего этого Добролюбовъ не засталъ. Если же и въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Достоевскаго задатки мучительскихъ наклонностей были уже на лицо, то, во-первыхъ, это были все-таки только задатки, нѣчто, относительно говоря, слабое, невыяснившееся. А во-вторыхъ, духъ времени, когда довелось работать Добролюбову...

Впрочемъ, позвольте сначала маленькое отступленіе.

Въ «Запискахъ изъ подполья» есть одна фраза, которая въ устахъ подпольнаго человѣка играетъ роль просто фразы, общаго мѣста, но въ которую можетъ быть однако вложено чрезвычайно важное и обширное содержаніе. Подпольный человѣкъ говоритъ именно, что онъ оторвался отъ «живой жизни» и прилѣпился къ жизни «книжной». Что это такое значитъ? Возьмемъ не мрачнаго «парадоксалиста», кокетничающаго своею мерзостью, а настоящаго «книжнаго» и притомъ хорошаго человѣка. Представьте себѣ прекраснаго юношу, одолѣваемаго жаждою научныхъ знаній и мечтающаго приложить эти добытыя усиленнымъ трудомъ знанія къ практической жизни, на благо родины. Представьте себѣ далѣе, что эта святая для него родина предоставляетъ ему мир-

но и безмятежно пріобрѣтать знанія, а затѣмъ настежь отворяетъ передъ нимъ двери практической жизни: иди и работай. И родина въ барышахъ—у нея лишній работникъ, имѣющій прекрасную цѣль и владѣющій средствами для приближенія къ ней; и личная судьба юноши устраивается превосходно, «струны натянуты, звени на весь міръ», какъ говоритъ тургеневскій Шубинъ въ «Наканунѣ». Къ сожалѣнію, это случай очень простой въ теоріи, но довольно рѣдкій на практикѣ. Бываетъ такъ, что родина, ослѣпленная разными тяжелыми обстоятельствами и мутной водой, въ которой ловкіе люди ловятъ рыбу, встрѣчаетъ юношу, самое можетъ быть дорогое свое дѣтище, съ недовѣріемъ. Допустимъ, что она не мѣшаетъ ему пріобрѣтать знанія, какія ему угодно и сколько ему угодно (а бываетъ вѣдь такъ, что и этого не бываетъ). Но предоставляя нашему прекрасному юношѣ учиться, ослѣпленная родина оставляетъ ему только ничтожную щелку для прохода въ «живую жизнь» и приложенія знаній. Юноша объ этомъ уже на школьной скамьѣ слышитъ, а затѣмъ и воочію, самолично убѣждается, что его золотыя мечты, розовыя надежды, голубые идеалы, всѣ эти яркіе, блистающіе цвѣты жизни должны «не расцвѣсть и отцвѣсть въ утрѣ пасмурныхъ дней». Если это натура кипучая, которой практическая дѣятельность въ «живой жизни» нужна, какъ рыбѣ вода, то его ждутъ многія и разнообразныя приключенія во всякомъ случаѣ невеселаго свойства, до которыхъ однако намъ здѣсь дѣла нѣтъ. Если же это натура, могущая довольствоваться теоретическими сферами, то изъ него легко можетъ выйдти виртуозъ въ той отрасли знанія, которою онъ занимается. Для этого нужно только, чтобы взамѣнъ отрубленной обстоятельствами цѣли, блага родины, на первый планъ выступило средство — знаніе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ занимался, напримѣръ, философіей и съ наивностью, свойственною юношамъ, особливо хорошимъ, мечталъ благодѣтельствовать родину тѣми этическими и соціологическими выводами, которые онъ добудетъ упорнымъ занятіемъ философіей. Оказывается, что его родинѣ не нужны его этика и соціологія; у нея есть свой отвердѣлый кодексъ морали, свои отвердѣлыя понятія

объ общественныхъ отношеніяхъ, и она ревниво отстраняетъ все, что можетъ эту отвердѣлость потревожить. Юноша, побившись нѣкоторое время, какъ рыба объ ледъ, прощается съ своими практическими идеалами и удаляется въ область логическихъ, онтологическихъ, діалектическихъ и метафизическихъ тонкостей. Здѣсь онъ можетъ свободно строить хотя бы вавилонскую башню, никому не нужную, ни для кого не опасную, никого не радующую. — Юноша занимается исторіей. Онъ думаетъ вывести собственные оригинальные или провѣрить чужіе историческіе законы съ тѣмъ, чтобы приложить ихъ къ судьбамъ родины и доказать съ математическою точностью и ясностью, что въ настоящую минуту для родины нужно то-то и то-то. Нѣтъ, ослѣпленная, родина не хочетъ даже и слышать объ этихъ «то-то и то-то», она налагаетъ печать молчанія на уста юнаго историка, и онъ зарывается въ архивы, отечественные, а можетъ быть и иностранные, чтобы добывать тамъ мелкіе факты и фактики, упиваться этимъ познаніемъ историческаго сора и навсегда оторваться отъ «живой жизни»... И т. д. Біологъ утонетъ въ безбрежномъ морѣ видовъ какихъ-нибудь насѣкомыхъ; статистикъ кинется въ омутъ познанія всякаго рода чиселъ. Все это будутъ виртуозы, оторванные отъ «живой жизни», или, лучше сказать, отброшенные ею Одни пустятся въ эту виртуозность, въ эту игру мускулами мысли послѣ нѣкоторой борьбы и съ болью, съ душевнымъ надрывомъ; другіе втянутся въ нее незамѣтно, постепенно, можетъ быть съ нѣкоторымъ весельемъ и чрезвычайно высокимъ мнѣніемъ о себѣ и своей дѣятельности.

Да не подумаетъ читатель, что я съ насмѣшкою, презрѣніемъ или другимъ какимъ-нибудь видомъ отрицанія отношусь ко всѣмъ упомянутымъ почтеннымъ спеціальностямъ. Напротивъ. Безспорно, что всякій виртуозъ плодитъ много такихъ ненужностей, которыя во вѣки вѣковъ останутся ненужностями. Но если кто-нибудь хочетъ познавать всякаго рода числа или считать «пески морей, лучи планетъ», такъ пусть его. Мнѣ только жаль тѣхъ прекрасныхъ юношей, которые совсѣмъ не того хотѣли, вступая въ жизнь, и принялись за всякаго рода числа и погреблись въ архивахъ

только потому, что живая жизнь ихъ отъ себя оттолкнула. Простительное сожалѣніе, я надѣюсь. А вѣдь это еще все лучшіе случаи оторванности отъ жизни. Бываетъ много хуже. Бываетъ такъ, какъ, можетъ быть, было съ подпольнымъ человѣкомъ. Кто его знаетъ! Можетъ быть, сознавъ свои выдающіяся способности вообще и спеціальную силу «донимать» людей «картинками», онъ думалъ великія дѣла обломать, мечталъ горами ворочать и «донять» дорогую родину такими «картинками», чтобы она содрогнулась и отъ всей своей скверны очистилась. Но ослѣпленная родина не пожелала его услугъ, живая жизнь оттолкнула его; можетъ быть, крайне грубо, больно, оскорбительно и безповоротно оттолкнула. И вотъ то, что было лишь средствомъ для достиженія высокой цѣли—донимающія картинки—стало самою цѣлью подпольнаго человѣка. Сила-то вѣдь осталась, она только потеряла первоначально предположенную точку приложенія и разбрасывается поэтому зря, безъ смысла. Увидѣлъ подпольный человѣкъ несчастную Лизу и давай ее донимать картинками, то-есть мучить безъ причины, безъ цѣли, безъ нужды...

Что касается средствъ, которыя «живая жизнь» пускаетъ въ ходъ, чтобы оторвать отъ себя работниковъ, то, я полагаю, распространяться о нихъ нечего. Читатель знаетъ, что средствъ этихъ много и что они разнообразны. Достоевскій испыталъ на себѣ самыя страшныя изъ нихъ. За невиннѣйшее участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго, онъ испыталъ всѣ ужасы и весь позоръ каторги и солдатской лямки. Его били, сѣкли... его, испытавшаго уже наслажденіе высшей власти, какая только можетъ быть на землѣ—власти надъ сердцами людей...

Теперь можно, кажется, обратиться и къ «духу времени».

Духъ времени въ значительной степени характеризуется количествомъ отверженныхъ и неотверженныхъ живою жизнью работниковъ. Не однѣ вершины, не только сильные, большіе, властные, а и слабые, малые, смирные хотятъ участвовать въ живой жизни, справедливо разсуждая, что тутъ всѣмъ найдется вдоволь работы; и они, а—значитъ—все общество можетъ оказаться отверженнымъ живою жизнью или припущеннымъ къ ней.

Понятное дѣло, что духъ времени будетъ въ первомъ случаѣ совсѣмъ не тотъ, что во второмъ—иные интересы будутъ у людей, иначе будутъ они на вещи смотрѣть. Во времена Добролюбова, у насъ на этотъ счетъ въ нѣкоторомъ родѣ весна была: ледъ таялъ, цвѣты расцвѣтали, весеннія птицы весеннія пѣсни пѣли. Говоря безъ метафоръ, общество, послѣ томительно-долгаго бездѣйствія, получило, наконецъ, нѣкоторую возможность принять участіе въ живой жизни. Добролюбовъ былъ слишкомъ уменъ и требователенъ, чтобы приходить въ телячій восторгъ (какъ приходили тогда многіе) отъ этого, во всякомъ случаѣ, перваго, неувѣреннаго, колеблющагося шага. Но и на немъ сказался духъ времени. Такъ, напримѣръ, хоть въ той же статьѣ о забитыхъ людяхъ, не смотря на ея общій грустный и протестующій тонъ, пробивается оптимистическая струйка, совершенно, конечно, оправдываемая тогдашними обстоятельствами. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, могъ тогда предвидѣть, что мракъ и хаосъ наступятъ такъ быстро, послѣ того какъ «солнце встало» и «горячимъ свѣтомъ по листамъ затрепетало»! Тотъ же оптимизмъ побуждалъ часто Добролюбова, какъ и другихъ, считать побѣжденнымъ то, что въ сущности было вовсе не побѣждено, а только съежилось и пригнуло голову. Между прочимъ, именно, какъ къ побѣжденнымъ, Добролюбовъ относился къ формуламъ виртуозности: наука для науки, искусство для искусства. Оно и понятно. Живая жизнь, настоящее дѣло, настолько стали общедоступными, а въ недалекомъ будущемъ развертывались такія широкія перспективы, что, казалось, кому же придетъ охота промѣнять настоящую жизнь на ея отраженіе, цѣль на средство: наука и искусство, конечно, сами пойдутъ на службу къ живой жизни. Такъ оно и было въ общемъ тонѣ, но вовсе не такъ въ подробностяхъ. Надѣляя при случаѣ, мимоходомъ, пресловутое искусство для искусства какимъ-нибудь презрительнымъ толчкомъ, Добролюбовъ относился ко всѣмъ разбираемымъ имъ крупнымъ явленіямъ литературы такъ, какъ будто и сомнѣнія не могло быть въ томъ, что это продукты сознательнаго служенія живой жизни. Ему и въ голову не приходило, что то или другое крупное литературное явленіе родилось *такъ*, спроста, какъ роза

цвѣтетъ, какъ соловей поетъ. По этой части происходили даже не лишенные пикантности анекдоты. Такъ напримѣръ, въ статьѣ «Когда же настанетъ настоящій день?».—Добролюбовъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ отвѣтъ на вопросъ, почему Инсаровъ болгаринъ, а не русскій, и почему русскій не могъ увлечь Елену. При этомъ предполагалось, что Тургеневъ намѣренно выбралъ такого героя, именно въ такихъ-то и такихъ-то видахъ. А по прошествіи нѣкотораго времени, Тургеневъ откровенно разъяснилъ, что никакихъ такихъ видовъ у него не было, а что онъ просто воспроизвелъ дѣйствительное происшествіе, героемъ котораго былъ именно болгаринъ. Точно также и относительно Достоевскаго. Добролюбовъ и представить себѣ не могъ, чтобы можно было мучить, напримѣръ, «господина Голядкина» *такъ*, ни съ того, ни съ сего, ради «игры». Не то чтобы у него для этого не хватало проницательности или критическаго таланта. Нѣтъ, самая возможность такого дикаго явленія была далека отъ его мысли. И вотъ онъ придумываетъ для злоключеній Голядкина жизненное объясненіе, тонкое и умное, которое, однако, никуда не годится. Само собою разумѣется, что это ни мало не отнимаетъ цѣны у статьи Добролюбова, потому что и посвящена-то она, собственно говоря, не столько Достоевскому, сколько забитымъ людямъ, а забитые люди будутъ, конечно, поважнѣе Достоевскаго...

И въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Добролюбовъ былъ настоящимъ выразителемъ духа времени. Все читающее общество было какъ-то безсознательно увѣрено въ невозможности литературы *такъ*. Оно допускало, разумѣется, исключенія для разной мелочи и шелухи, но крупный талантъ представлялся въ ту весеннюю пору непремѣнно работникомъ живой жизни, и читатель именно въ этомъ направленіи искалъ объясненія произведеніямъ Тургенева, Островскаго, Гончарова, Достоевскаго.

Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ Достоевскій съ своими мучительскими наклонностями и неокрѣпшимъ еще талантомъ не могъ играть видной роли. Независимо отъ относительной слабости дарованія, аудиторія-то была просто неподходящая. То-

гдашній читатель, все равно умный или глупый, эстетически развитый или неразвитый, былъ подобенъ той пчелѣ, о которой въ нѣмецкой баснѣ разсказывается, будто она высасываетъ изъ цвѣтовъ только сладость, а ядъ оставляетъ. Слишкомъ онъ былъ занятъ живою жизнью, чтобы находить наслажденіе въ безпредметномъ трепетаніи нервовъ, и просто не замѣчалъ мучительской стороны огромнаго дарованія Достоевскаго, пропускалъ ее мимо ушей.

Совсѣмъ другое дѣло въ послѣдній періодъ дѣятельности Достоевскаго, особенно подъ самый конецъ его жизни. Все сложилось для того, чтобы поднять его популярность до необыкновенной высоты. Правда, онъ пустился въ публицистику и, какъ публицистъ, былъ просто путаница, которую всѣ такъ и признали бы путаницей, если бы не политиканство однихъ и не холопское умиленіе другихъ. Но за то беллетристическій талантъ его отточился до блеска и остроты ножа. Да и читатель былъ уже не тотъ. Не то, чтобы самъ читатель измѣнился, а его обстановка—онъ былъ оторванъ отъ живой жизни. Тамъ, въ живой жизни происходили событія огромной важности, небывалыхъ размѣровъ и почти сказочнаго характера. Но читатель былъ тутъ не причемъ. Онъ былъ зритель, и только и могъ что трепетать нервами...

Ну, вотъ что, читатель. Мы съ вами такъ истрепетались нервами за это тяжелое, страшное время, что о немъ надо либо на чистоту, по душѣ говорить, либо совсѣмъ не говорить. А чтобы по душѣ говорить, надо *весны* подождать, чтобы опять ледъ таялъ, цвѣты расцвѣтали, весеннія птицы весеннія пѣсни пѣли...

Октябрь
1882 г.

IV.

О ТУРГЕНЕВѢ.

Литературной критики нѣтъ!.. Нѣтъ литературной критики!.. Со временъ Бѣлинскаго русская беллетристика осталась безъ критическаго руководительства... Критика умерла съ Добролюбовымъ... Послѣдній выдающійся русскій критикъ былъ Писаревъ...

Вотъ сѣтованія, постоянно встрѣчающіяся въ разныхъ «литературныхъ обозрѣніяхъ» и «критическихъ очеркахъ». Обратите пожалуйста вниманіе на то, что именно авторы критическихъ обозрѣній, люди, такъ сказать, спеціально приставленные къ этому самому дѣлу, жалуются на отсутствіе критики, относя моментъ ея исчезновенія болѣе или менѣе далеко, смотря по образу мыслей обозрѣвателя: одинъ не хочетъ знать Добролюбова и останавливается на Бѣлинскомъ, другой стоитъ за Добролюбова, третій вспоминаетъ о Писаревѣ; попадаются и такіе чудаки, которые считаютъ послѣднимъ критикомъ Аполлона Григорьева. Во всякомъ случаѣ сами себя эти разные обозрѣватели и авторы критическихъ очерковъ въ счетъ не ставятъ. И, разумѣется, очень умно и добросовѣстно поступаютъ, потому что какіе же они въ самомъ дѣлѣ критики? Если бы они ими дѣйствительно были, такъ незачѣмъ бы имъ было жаловаться на тѣ или другіе недостатки современной критики, а тѣмъ паче на отсутствіе ея, а просто взять да и явить міру образцы истинной критики. Бѣлинскій—беру имя, не подлежащее нынѣ никакимъ сомнѣніямъ—

былъ вѣдь въ свое время одинъ и не тратилъ, однако, много времени на печали о томъ, что онъ одинъ, а прямо и просто дѣлалъ свое дѣло. Ну, и нынѣ былъ бы одинъ, напримѣръ, г. Чуйко—беру перваго попавшагося изъ толпы обозрѣвателей, потому что вѣдь всѣ они приблизительно одинаковаго роста.

Если, однако, даже сами критики говорятъ, что критики нѣтъ, такъ, значитъ, ея дѣйствительно нѣтъ. Почему нѣтъ? Этого я не знаю. Можетъ быть, просто потому, что такая ужъ неурожайная полоса настала, неурожай на людей, способныхъ всесторонне оцѣнить и выяснить беллетристическое произведеніе. Мудренаго ничего нѣтъ. Неурожаи всякіе бываютъ. Возьмите хоть того же Бѣлинскаго и сообразите, что онъ у насъ былъ одинъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ. А можетъ быть критическіе таланты и родятся въ изобиліи, да теченіе судьбы отвлекаетъ ихъ къ другимъ дѣламъ. Можетъ быть, наконецъ, критики нѣтъ потому, что нѣтъ на нее спроса со стороны самой беллетристики. Передъ Бѣлинскимъ были — легко сказать! — Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ; передъ Добролюбовымъ — Тургеневъ, Островскій, Достоевскій. А надъ чѣмъ развернуть свои, можетъ быть, необычайно мощныя крылья г. Чуйкѣ или кому другому изъ обозрѣвателей и авторовъ критическихъ очерковъ? Согласитесь, что гг. Авсѣенки, да Маркевичи, Боборыкины, да Лѣтневы едва ли способны дать критической мысли достаточное возбужденіе. Говорить о нихъ, конечно, можно, пожалуй, даже должно. Но ножу критическаго анализа тутъ не надъ чѣмъ отточиться, и очень простительно, если лѣнивый зѣвокъ перебиваетъ работу несчастнаго обозрѣвателя, и рука его еле-водитъ перомъ по бумагѣ, или если онъ отвлекается отъ прямого своего дѣла въ разныя стороны. Жестокіе люди эти господа обозрѣватели; но надо тоже и ихъ судить по человѣчеству...

Это я, впрочемъ, можетъ быть изъ эгоизма, милостивые государи; прошу васъ судить обозрѣвателей по человѣчеству. Дѣло въ томъ, что я самъ хочу записаться въ этотъ цехъ и, прося у васъ гостепріимства, натурально хочу заручиться и вашей снисходительностью. Я никогда не помышлялъ о роли критика, и

если случалось иногда писать о томъ или другомъ явленіи въ области беллетристики, такъ только мимоходомъ и въ виду разныхъ сторонніхъ соображеній. Теперь я желалъ бы заняться этимъ дѣломъ нѣсколько пристальнѣе, не выходя, однако, изъ скромной роли обозрѣвателя. Я не буду вамъ надоѣдать жалобами на отсутствіе литературной критики или на тѣ или другія ея оплошности и недостатки, но не обѣщаю и критики въ широкомъ значеніи этого слова. Я буду просто обращать ваше вниманіе на любопытныя явленія въ области литературнаго творчества и, по мѣрѣ силъ и способностей, комментировать ихъ. Вотъ и все.

Къ сожалѣнію, мнѣ приходится начинать свою лѣтопись отмѣткой скорбнаго факта: Тургеневъ умеръ...

Смерть эта никого не поразила, потому что давно уже стали появляться въ газетахъ извѣстія о тяжкихъ страданіяхъ маститаго художника. Но, никого не поразивъ, вѣсть о смерти Тургенева всѣхъ огорчила, и едва ли найдется хоть одинъ образованный, «интеллигентный» русскій человѣкъ, который, при полученіи скорбной вѣсти, не помянулъ бы покойника добромъ за полученныя отъ него художественныя наслажденія и толчки работѣ мысли. Тургеневъ умеръ не внезапно—извѣстія о его смерти ждали чуть не со дня на день. Онъ умеръ въ такомъ возрастѣ, въ которомъ европейскіе писатели и вообще дѣятели еще ухитряются быть молодыми духомъ и тѣломъ, но до котораго рѣдко доживаютъ крупные русскіе люди, почему-то гораздо скорѣе изнашивающіеся. Тургеневъ далъ русской литературѣ все, что могъ дать, и какова бы ни была художественная красота его послѣднихъ произведеній, но никто уже не ждалъ отъ него чего-нибудь приблизительно равнаго по значенію его старымъ вещамъ. Такимъ образомъ, все, кажется, сложилось такъ, чтобы по возможности смягчить утрату, придать ей сглаженные, не рѣжущіе и не колющіе контуры. И все-таки больно... Слишкомъ многимъ обязано русское общество этому человѣку, чтобы съ простою объективностью отнестесь къ его смерти, какія бы смягчающія обстоятельства ни предъявляли въ свое оправданіе судь-

бами законы естества. Но этого мало. Заслуга Тургенева не только въ прошломъ. Онъ былъ нуженъ и въ настоящемъ, въ нашемъ скудномъ настоящемъ.

Тяжело и мрачно было на русской землѣ въ ту пору, когда Тургеневъ начиналъ свою литературную дѣятельность. Это были незабвенные сороковые годы. Мы, только по преданію знающіе это время, имѣемъ, однако, печальную возможность судить о немъ съ полною, такъ сказать, наглядностью. Какъ иногда вся жизнь умирающаго сосредоточивается въ его глазахъ, такъ все, что только заслуживаетъ названія человѣческой жизни, сосредоточивалось тогда въ количественно-ничтожной горсти людей мысли. И въ числѣ ихъ былъ Тургеневъ. Въ разныя стороны разбрелась потомъ эта горсточка, и нѣкоторые изъ ея представителей, доживъ до того времени, когда опять стало тяжело на русской землѣ, играли и играютъ далеко уже не ту роль, какая выпала той горсточкѣ. Кто усталъ, кто озлобился и даже разсвирѣпѣлъ, кто ударился въ мистицизмъ и юродство, кто просто не понялъ истиннаго смысла событій чрезвычайной исторической важности, совершившихся на Руси съ сороковыхъ годовъ. И Тургеневу случалось впадать въ ошибки, порождать недоразумѣнія и самому дѣлаться ихъ жертвою, какъ онъ самъ съ горечью печатно разсказывалъ, вспоминая литературно-политическій эпизодъ съ «Отцами и дѣтьми». Но это были именно недоразумѣнія, и Тургеневъ самъ говоритъ о томъ удивленіи и отвращеніи, съ которымъ онъ, по пріѣздѣ, послѣ «Отцовъ и дѣтей», изъ-за границы, встрѣчалъ любезности разныхъ мракобѣсовъ. Недоразумѣнія продолжались личными слабостями покойника, которыя могутъ быть тому или другому болѣе или менѣе досадны и непріятны, но не должны и просто даже не могутъ заслонить собою его громадныя заслуги. Тургеневъ никогда не былъ Савломъ. Его никогда не было въ рядахъ разношерстной литературной когорты гонителей истины и гасителей свѣта, этой когорты шутовъ, позванивающихъ бубенчиками дурацкаго колпака, и юродивыхъ, самодовольно, на показъ бренчащихъ веригами. Онъ всегда оставался вѣренъ нѣсколько неопредѣленнымъ, но свѣт-

лымъ идеаламъ свободы и просвѣщенія, съ которыми выступилъ на литературное поприще. Мимоходомъ сказать, этой неопредѣленности и вмѣстѣ свѣтозарности идеаловъ Тургенева вполнѣ соотвѣтствовали нѣкоторыя особенности его несравненнаго таланта. Это былъ талантъ (независимо, конечно, отъ другихъ его свойствъ), такъ сказать, музыкальный, а музыка, какъ извѣстно, вызываетъ неопредѣленныя, но хорошія, пріятныя, свѣтлыя волненія. Понятно, что эта музыкальность таланта Тургенева должна была особенно проявляться въ мелкихъ вещахъ, гдѣ она не заслонялась для читателя возбужденіями умственнаго и нравственнаго характера. Любопытно, что въ передачѣ музыкальныхъ ощущеній Тургеневъ рѣшительно не имѣетъ соперниковъ: состязаніе «пѣвцовъ» въ «Запискахъ охотника», игра Лемма въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», игра волшебной скрипки въ «Пѣснѣ торжествующей любви» — въ своемъ родѣ шедѣвры. Дѣло тутъ не въ слогѣ, не въ «стилѣ», по крайней мѣрѣ, не въ немъ одномъ, а въ спеціальной чертѣ самаго характера творчества, а эта спеціальная черта находилась, въ свою очередь, въ тѣсной связи со всѣмъ душевнымъ обликомъ художника, неопредѣленнымъ, но свѣтлымъ.

Не принимая активнаго участія въ борьбѣ съ свинцовымъ мракомъ, стремящимся облечь нашу родину, не занимая даже никакого опредѣленнаго мѣста въ литературѣ, въ этомъ отношеніи, Тургеневъ служилъ идеаламъ свободы и просвѣщенія самымъ, такъ сказать, фактомъ своего существованія, наличностью своего первостепеннаго таланта и своей не русской только, а европейской славы. Ни для кого не было тайной, куда направлены симпатіи этой красы и гордости русской литературы, и изъ змѣиныхъ и жабьихъ норъ не разъ раздавались за это зловѣщія шипѣнія по его адресу. Ни для кого также не было тайной, что покойникъ былъ «западникъ» (онъ самъ себя такъ называлъ), но это не мѣшало ему быть гордостью русской литературы. И вотъ почему Тургеневъ былъ дорогъ, хотя бы даже ничего болѣе не писалъ. Вотъ почему нужно было желать ему еще долго, долго жить. А вмѣсто того онъ, по странному русскому выраженію, самъ приказалъ намъ долго жить...

Будемъ жить...

Вы не ждете отъ меня, конечно, какой-нибудь оцѣнки или переоцѣнки Тургенева, или даже просто какого-нибудь итога въ этомъ смыслѣ. Но вы позволите мнѣ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Въ числѣ проектовъ памятника Пушкину былъ одинъ, если не ошибаюсь, Антокольскаго, такого рода: Пушкинъ сидитъ въ задумчивой позѣ на скалѣ, а къ нему снизу вереницей поднимаются созданные имъ образы. Онѣгинъ, Татьяна, Мазепа и т. д. Мысль, нѣсколько вычурная и для скульптуры не совсѣмъ подходящая. Но когда не статую лѣпишь, а просто думаешь объ умершемъ писателѣ вродѣ Тургенева, жизнь котораго такъ бѣдна внѣшними событіями и вся наполнена созданіемъ художественныхъ образовъ, то поневолѣ рисуется именно такая картина: почившій художникъ и его созданія—больше ничего кругомъ нѣтъ; художникъ дѣлаетъ смотръ своимъ твореніямъ. Можетъ быть, нѣчто подобное этому смотру происходило и въ дѣйствительности, когда умирающій, зная, что смерть ужъ тутъ возлѣ кровати, въ минуты отдыха отъ болей, исповѣдывался самъ себѣ, самъ себѣ давалъ отчетъ въ своей дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, передъ нами-то, при воспоминаніи о Тургеневѣ, естественно поднимается вереница всѣхъ этихъ Хорей и Калинычей, Чертопхановыхъ, Недопюскиныхъ, «бурмистровъ», «пѣвцовъ», Лаврецкихъ, Рудиныхъ, Инсаровыхъ, Базаровыхъ и т. д. И мы столь же естественно ищемъ въ нихъ отраженія духа, ихъ создавшаго.

Оставимъ совсѣмъ въ сторонѣ «Записки охотника», эти маленькія, тонко выписанныя акварельныя картинки, имѣющія свое спеціальное значеніе. Надо, однако, замѣтить, что это спеціальное значеніе протеста противъ крѣпостнаго права было впослѣдствіи преувеличено. Многія изъ этихъ акварельныхъ картинокъ—и отнюдь не слабѣйшія: «Пѣвцы», «Чертопхановъ и Недопюскинъ», «Лебедянь», «Свиданіе» и проч. вовсе не имѣютъ такого спеціальнаго характера. Какъ бы то ни было, но отъ «Записокъ охотника» въ общемъ,—а ихъ и надо цѣнить въ общемъ, какъ цѣльную картинную галлерею,—дѣйствительно вѣетъ протестомъ не то, чтобы

именно противъ крѣпостнаго права, а противъ всей болотности тогдашняго склада помѣщичьей жизни; протестомъ, смягченнымъ кровными связями автора съ этимъ бытомъ и акварельною манерою писанія. (Въ этомъ послѣднемъ отношеніи любопытно сравнить «Записки охотника» съ грубыми красками и топорной работой, но зато и большею выпуклостью «Антона горемыки» г. Григоровича.) Обратите пожалуйста вниманіе на пріемы, которыми выразилась эта отзывчивость Тургенева къ болямъ тогдашняго времени: въ «Запискахъ охотника» нѣтъ ни одного «новаго человѣка» — ни бурно, хотя и безпредметно протестующаго Рудина, ни засосаннаго болотомъ, но надрывающагося отъ внутренней боли «Лишняго человѣка», ни одного, словомъ, изъ представителей новаго, по тогдашнему, наслоенія чувствъ и мыслей. Я потому обращаю на это ваше вниманіе, что впослѣдствіи за Тургеневымъ утвердилась репутація какого-то спеціалиста по части «уловленія момента», и именно не просто чуткаго художника, а изобразителя «новыхъ людей».

Едва ли существуетъ ходячее мнѣніе о томъ или другомъ крупномъ писателѣ, которое было бы такъ распространено и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ невѣрно. Тургеневъ былъ и больше этого, и меньше, какъ посмотрѣть на дѣло. Онъ былъ не только русскій, а и европейскій, всемірный писатель, какимъ никогда не будетъ, напримѣръ, Гоголь. Со всѣмъ своимъ громаднымъ талантомъ Гоголь никогда не будетъ такъ близокъ и родствененъ, такъ понятенъ Европѣ, потому что его типы чисто русскіе, тогда какъ тургеневскіе типы—общечеловѣческіе, пожалуй, абстрактно психологическіе. Конечно, люди вездѣ люди, однѣ и тѣ же страсти ихъ волнуютъ, одни и тѣ же радости и скорби ихъ посѣщаютъ. Но когда Гоголь рисовалъ свои образы, онъ ихъ, такъ сказать, вырывалъ съ корнемъ изъ русской жизни и такъ ихъ и предъявлялъ читателю. Тургеневъ давалъ своимъ образамъ только обстановку русскую и потому для француза, нѣмца, англичанина представлялъ двойной интересъ: тонко разработанный, знакомый, общечеловѣческій типъ на фонѣ чужой, своеобразной обстановки. Обстановку эту Тургеневъ постоянно обновлялъ, дѣйствительно,

часто заимствуя ее изъ текущей русской дѣйствительности, изъ «момента» новыхъ наслоеній. Отсюда, конечно, и идетъ странная репутація «ловца момента» и соотвѣтственныя ожиданія и требованія, которыя никому, кромѣ Тургенева, не предъявлялись, ни даже, напримѣръ, Достоевскому въ ту послѣднюю пору, когда нѣкоторые en toutes lettres называли его «пророкомъ божіимъ» и провозвѣстникомъ «новаго слова». Весьма естественно, если русское общество, волнуемое разными, трудно утишимыми тревогами, ждетъ, чтобы умный и талантливый человѣкъ и притомъ старинный любимецъ какъ-нибудь откликнулся на эти тревоги, подалъ свой авторитетный голосъ. Поклонники Достоевскаго и находили такое удовлетвореніе хотя бы въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», въ которыхъ однако «новыхъ людей» нѣтъ, а именно они-то и требовались всегда отъ Тургенева. Не знаю, что̀ именно нашли поклонники Достоевскаго въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», но знаю, что художникъ можетъ откликнуться на тревоги минуты (которая, увы! можетъ иногда растянуться въ цѣлые годы), пальцемъ не касаясь «новыхъ людей». Порукой въ томъ самъ Тургеневъ въ «Запискахъ охотника», не говоря о множествѣ другихъ примѣровъ. Одно дѣло скорбѣть скорбями родины, тревожиться ея тревогами, пронизывать, пропитывать этими общими скорбями и тревогами свое творчество; и совсѣмъ другое дѣло изображать «новыхъ людей», то есть типичныхъ представителей новыхъ наслоеній. Первое достижимо безъ втораго, второе возможно безъ перваго. Конечно, возможно и сочетаніе этихъ двухъ оттѣнковъ творчества, но создавать изъ «новыхъ людей» спеціальность для художника и притомъ требовать, чтобы онъ въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ изображалъ все «новыхъ» и опять «новыхъ»—это, деликатно выражаясь, не умно. И, повторяю, Тургеневъ, вопреки распространенному мнѣнію, никогда не удовлетворялъ этому требованію, хоть, можетъ быть, въ глубинѣ души и хотѣлъ бы ему удовлетворить.

Чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить, напримѣръ, «Лишняго человѣка» и героя «Нови» — Нежданова. Если вы не будете смѣшивать рамку съ самою картиною, ко-

стюмъ съ характеромъ лица, въ него одѣтаго, обстановку, въ которой дѣйствуетъ извѣстный типъ, съ самымъ этимъ типомъ (а такое смѣшеніе послѣднее дѣло), то безъ труда увидите, что «Лишній человѣкъ» и Неждановъ—одно и то же лицо, одинъ и тотъ же и, притомъ, общечеловѣческій, абстрактно психологическій типъ. Самое свое задушевное они выражаютъ даже почти одними и тѣми же словами. А между тѣмъ, появленіе «Лишняго человѣка» отдѣляется отъ появленія Нежданова тремя десятками лѣтъ и являются они въ совершенно различныхъ обстановкахъ. Эта разница въ обстановкѣ и даетъ поводъ думать или, по крайней мѣрѣ, говорить, что какъ «Лишній человѣкъ» былъ новымъ человѣкомъ для своего времени, такъ и Неждановъ—новый человѣкъ для своего. Между тѣмъ, это одинъ и тотъ же типъ слабаго, раздвоеннаго «гамлетика, самоѣда», какъ его назвалъ самъ Тургеневъ; типъ общечеловѣческій, блестяще развитой въ европейской литературѣ. Вставьте «Лишняго человѣка» въ обстановку русской революціи—и получится Неждановъ; придайте ему глубины и высоты и вдвиньте въ обстановку средневѣковаго искренняго ученаго—получится Фаустъ; сохраняя ту глубину и высоту, поставьте передъ нимъ практическую задачу кровной мести — выйдетъ Гамлетъ. Вы не припишите мнѣ, конечно, нелѣпой мысли, что эти всѣ «вставьте», «поставьте» очень легко выполнить. Напротивъ, очень трудно. Надо быть чрезвычайно большимъ художникомъ, чтобы съ такимъ блескомъ, какъ это сдѣлалъ Тургеневъ, написать нѣсколько новыхъ варіацій на тему, эксплуатированную гигантами творчества.

Тургеневъ былъ совершенно изъ ряду вонъ выходящій мастеръ въ дѣлѣ индивидуализаціи образовъ. Мало того, что его фигуры стоятъ передъ нами какъ живыя, со всѣми мельчайшими особенностями своихъ личныхъ физіономій. Это мы получаемъ отъ каждаго крупнаго художника. Но Тургеневъ устраивалъ иногда настоящія состязанія между своими дѣйствующими лицами, ставя ихъ въ одно и то-же положеніе по отношенію къ какому-нибудь частному предмету, какъ бы загоняя ихъ въ одно и то же положеніе и все-таки сохраняя ихъ индивидуальность до мельчайшей

черты. Такъ поступилъ онъ, напримѣръ, въ «Первой любви», точно очертивъ около княжны кругъ изъ пяти или шести мужчинъ, изъ которыхъ каждый любитъ по своему и къ каждому изъ которыхъ и княжна имѣетъ особенный оттѣнокъ отношеній. Такой же tour de force устроилъ онъ въ «Наканунѣ», размѣстивъ вокругъ Елены Берсенева, Шубина, Инсарова и Курнатовскаго. Художникъ меньшаго дарованія и даже, пожалуй, ие меньшаго, а не тургеневскаго, съ его тонкостью и кружевной отдѣлкой письма, едва ли вышелъ бы побѣдителемъ изъ этой трудности, да, можетъ быть, и не рѣшился бы на нее покуситься. Если поэтъ, гусаръ, докторъ и польскій графъ изъ окружающихъ княжну въ «Первой любви» нѣсколько отзываются ходячими шаблонами поэта, гусара и т. д., то Берсеневъ, Шубинъ, Инсаровъ, Курнатовскій уже несомнѣнно портреты рѣдкаго мастерства: портреты, то есть нѣчто вполнѣ индивидуализированное.

Тѣмъ не менѣе, если оставить въ сторонѣ многочисленныя второстепенныя дѣйствующія лица разсказовъ, повѣстей и романовъ Тургенева и сосредоточиться на ихъ «герояхъ», центральныхъ фигурахъ, то увидите, что собственно только два типа особенно занимали Тургенева и постоянно имъ разработывались. Въ его отношеніяхъ къ этимъ типамъ, въ разницѣ этихъ отношеній сказываются всѣ особенности художественной натуры Тургенева и весь его душевный обликъ.

Въ извѣстной статьѣ «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» Тургеневъ, очевидно, гораздо болѣе симпатизируетъ пламенному, хотя и смѣшному ламанчскому герою, чѣмъ сумрачному датскому принцу. Однако, обобщать эту симпатію и антипатію можно только съ большою осторожностью. Было бы, напримѣръ, большою ошибкою сказать, что вообще дѣятельный, рѣшительный, смѣло берущій на себя отвѣтственность типъ (каковъ Донъ-Кихотъ) дороже и ближе Тургеневу, чѣмъ типъ колеблющійся, рефлектирующій, несмѣющій сдѣлать то, что, по совѣсти, обязанъ сдѣлать (каковъ Гамлетъ). Совсѣмъ не эти стороны того или другого были важны для Тургенева, не ихъ онъ имѣлъ въ виду, когда проводилъ свою параллель между Гамлетомъ и Донъ-Кихотомъ. Страданія

Гамлета и его хромоногая рефлексія были, напротивъ, очень близки и дороги Тургеневу; но мрачность скептицизма и холодъ эгоизма убійцы Офеліи, Полонія и Лаэрта отталкивали добродушнаго поэта, вскормленнаго неопредѣленными, но свѣтлыми идеалами. Въ Донъ-Кихотѣ же его прельщала отнюдь не цѣльная твердость характера и готовность дѣйствовать на свой страхъ, а поэтическій порывъ, стремленіе куда-то къ свѣту и беззавѣтная любовь къ людямъ. Если же (что было бы, конечно, крайне односторонне) разумѣть подъ Донъ-Кихотомъ дѣятельную, рѣшительную натуру, а подъ Гамлетомъ—созерцательную, колеблющуюся, то отношеніе Тургенева къ обоимъ этимъ типамъ будетъ какъ разъ обратное тому, которое мы видимъ въ его параллели.

Тургеневъ былъ меньше всего родственъ рѣшительнымъ, берущимъ на себя отвѣтственность натурамъ, но онѣ занимали его, онъ рисовалъ ихъ, поневолѣ отражая въ рисункѣ свою имъ чуждость. Конечно, онъ былъ слишкомъ уменъ и чуткъ къ художественной правдѣ, чтобы дѣлать изъ этихъ антипатичныхъ ему фигуръ сплошныхъ злодѣевъ, изверговъ рода человѣческаго или дураковъ, точно такъ же, какъ и любимцевъ своихъ онъ не обращалъ въ рыцарей безъ пятна и порока. Напротивъ, онъ ставилъ иногда ихъ въ унизительнѣйшія положенія, а чужимъ непріятнымъ людямъ предоставлялъ даже истинный героизмъ. Но интимныя отношенія автора къ своимъ созданіямъ все-таки чувствуются, и не просто чувствуются, а могутъ быть указаны и анализированы.

Когда капризно-поэтическій, ребячески милый Шубинъ дѣлаетъ статуэтку стоящаго на заднихъ ногахъ и готоваго бодаться барана, удивительно вмѣстѣ съ тѣмъ похожаго на Инсарова, то въ этомъ выразилось, конечно, въ преувеличенномъ, карикатурномъ видѣ, собственное отношеніе Тургенева къ герою «Наканунѣ». Несмотря на свою силу, даваемую опредѣленностью жизненной задачи и вѣрою въ нее, Инсаровъ узокъ, сухъ, жостокъ, даже тупъ, и сама Елена находитъ въ немъ много общаго съ чиновникомъ Курнатовскимъ. Замѣтьте, что, въ качествѣ дѣятельнаго участника освобожденія болгаръ, Инсаровъ вовсе не необходимо

долженъ быть такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Тургенева. Онъ могъ бы быть и пламеннымъ, экспансивнымъ энтузіастомъ, съ глубокимъ поэтическимъ чутьемъ, съ широкими политическими планами, краснорѣчивымъ ораторомъ, какъ колоколъ будящимъ своихъ порабощенныхъ единоплеменниковъ и т. п. Но Тургеневъ пожелалъ лишить болгарскаго агитатора всѣхъ яркихъ красокъ, не далъ ему ни одного цвѣтка жизни изъ своего богатаго поэтическаго букета. Нельзя, разумѣется, приставать къ художнику съ запросами, почему онъ сдѣлалъ своего героя такимъ, а не этакимъ. Но если мы видимъ, что у нашего художника рѣшительные люди, смѣющіе брать на себя отвѣтственность, *всегда* таковы, то это указываетъ на извѣстную складку въ самомъ художникѣ. А среди духовныхъ дѣтищъ Тургенева Инсаровъ далеко не одинокъ въ своей прозаической сухости непреклоннаго, не гнущагося человѣка. Таковъ и Базаровъ. Антипатія Тургенева къ этому своему созданію слишкомъ очевидна, чтобы стоило ее доказывать теперь, когда острый полемическій моментъ оцѣнки «Отцовъ и дѣтей» прошелъ. Но оставимъ совсѣмъ въ сторонѣ всякія догадки о личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ покойнаго. Посмотримъ на Базарова просто, какъ онъ есть самъ. Это, во-первыхъ, человѣкъ, идущій на проломъ, безъ малѣйшихъ сомнѣній и колебаній, смѣло, даже дерзко берущій на себя отвѣтственность за презрѣніе ко многому, по мнѣнію окружающихъ, святому и неприкосновенному, и за все свое «отрицаніе»; онъ не боится ни смерти, ни жизни, ни дуэли, которая теоретически въ его глазахъ смѣшна, ни приступа къ неприступной Одинцовой. Это—одна сторона фигуры Базарова. Другая состоитъ въ томъ, что онъ опять-таки жестокъ, сухъ, черствъ, узокъ, хотя и уменъ. Узокъ онъ до того, что, напримѣръ, для него не существуетъ *наука*, а есть только *науки*, то есть спеціальности; сухъ до того, что лишенъ самомалѣйшей искры поэтическаго чувства. Словомъ, опять ни одной яркой краски, ни одного жизненнаго цвѣтка въ этой сильной, но скудной пустынной натурѣ. Не про него эти жизненные цвѣтки. Онъ не только не тяготится ихъ отсутствіемъ, а можетъ быть даже когда-нибудь въ прошедшемъ насильственно вырывалъ ихъ

изъ своей души, чтобы не развлекаться по сторонамъ, чтобы свободно и рѣшительно идти своей дорогой. А ужъ тѣмъ паче презираетъ онъ тѣ цвѣтки, которые ему случайно, по дорогѣ, въ другихъ попадаются; онъ ихъ топчетъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой. Базаровъ въ этомъ отношеніи вольный или невольный аскетъ. Вольный,—если онъ намѣренно, систематически стеръ съ себя всякія яркія краски; невольный—если уже онъ такой уродился...

Вы позволите мнѣ не распространяться о томъ, что именно на этомъ пунктѣ выросли тѣ недоразумѣнія по поводу «Отцовъ и дѣтей», о которыхъ потомъ съ такою горечью вспоминалъ Тургеневъ и которыхъ онъ своими разъясненіями ни мало не разъяснилъ. Онъ говорилъ, напримѣръ, что онъ почти раздѣляетъ убѣжденія Базарова, за исключеніемъ его взглядовъ на искусство. Но, чтобы не далеко ходить, ссылаюсь для образчика на вышеупомянутое мнѣніе Базарова, что *наука* это вздоръ, а есть только *науки*. Ужъ, конечно широкому, синтетическому уму Тургенева этотъ взглядъ не могъ быть симпатиченъ. Но, повторяю, я не хочу объ этомъ распространяться. Я предлагаю вамъ стать на совсѣмъ другую точку зрѣнія. Дѣло въ томъ, что совершенно независимо отъ обстановки, заимствованной изъ момента борьбы поколѣній, Базаровъ есть психологическій типъ, родственный и Инсарову, и нѣкоторымъ другимъ персонажамъ Тургенева въ томъ смыслѣ, что все это люди не колеблющіеся, идущіе напроломъ, берущіе на себя отвѣтственность. Рисуя этотъ сортъ людей, Тургеневъ направлялъ ихъ дѣятельность къ очень разнообразнымъ цѣлямъ: то заставлялъ освобождать угнетенныхъ соплеменниковъ отъ иноземнаго ига, какъ Инсарова въ «Наканунѣ»; то предоставлялъ имъ сферу теоретическаго отрицанія, какъ Базарову въ «Отцахъ и дѣтяхъ»; то пускалъ въ волны русской революціи, какъ Маркелова, Остродумова и прочую «безъимянную Русь» въ «Нови»; то замыкалъ въ сферу любовной фабулы, какъ Лучинова въ «Трехъ портретахъ», и Лучкова въ «Бреттерѣ»; то надѣвалъ на нихъ мундиръ чиновника, какъ на Курнатовскаго въ «Наканунѣ» и еще кое на какихъ, менѣе достопримѣчательныхъ. Какъ общественному дѣя-

телю или просто какъ человѣку извѣстнаго образа мыслей эти различныя жизненныя цѣли, эти разнообразныя направленія дѣятельности рѣшительныхъ героевъ могли быть симпатичны или антипатичны Тургеневу. Но ему чуждъ и не любъ былъ самый типъ, сама душевная механика этихъ людей, какія бы цѣли они ни преслѣдовали. Замѣчательный въ самомъ дѣлѣ фактъ. Казалось бы, для художника, какъ художника, должно быть очень соблазнительно расцвѣтить возможно ярко человѣка, не колеблющагося, твердаго умомъ, чувствомъ и волей. Хотя бы уже потому соблазнительно, что этотъ пріемъ предоставляетъ писателю рядъ совершенно особыхъ художественныхъ эффектовъ. Кто говоритъ! на этомъ пути легко уклониться отъ реальной правды жизни и впасть въ фальшивую идеализацію, что обыкновеннно и случается съ мелкими художниками; но Тургеневъ былъ художественная звѣзда первой величины; а между тѣмъ во всей богатой коллекціи его образовъ вы не найдете ни одного, который, при стойкости и рѣшительности, обладалъ бы извѣстною долей другихъ, цвѣтныхъ достоинствъ. Все это сѣро, сухо, не колоритно, какъ Инсаровъ и Базаровъ, подчасъ просто даже глупо, какъ «безымянная Русь», подчасъ грубо и злобно, какъ Лучковъ, или, самое большое, красиво злобно, какъ Лучиновъ.

Вы, можетъ быть, удивитесь, что грубаго бреттера Лучкова и безсердечнаго нагледа Лучинова я ставлю рядомъ съ Инсаровымъ, Базаровымъ, Остродумовымъ, Маркеловымъ, Курнатовскимъ. Но минута размышленія—и вы согласитесь, что это одинъ и тотъ же абстрактно-психологическій типъ, вдвинутый въ различныя обстановки. Лучковъ убиваетъ неповиннаго пріятеля, а Лучиновъ—еще болѣе невиннаго и притомъ совершенно жалкаго человѣка, не моргнувши глазомъ. Цѣли, для которыхъ приносятся эти кровавыя жертвы, будучи чисто личнаго характера, и принципы, во имя которыхъ происходятъ жертвоприношенія, мелки, дрянны, низменны. Затѣмъ, между Лучковымъ и Лучиновымъ нѣтъ, повидимому, ничего общаго, хотъ они оба дуэлисты: одинъ тупъ и грубъ, какъ бревно, другой—блестящій «кавалеръ». Но характерная черта психологическаго типа состоитъ

не въ этихъ случайныхъ подробностяхъ, опредѣляемыхъ условіями рожденія, воспитанія, вліяній среды, и не въ цѣляхъ дѣятельности, столь же измѣнчивыхъ, а въ готовности перешагнуть черезъ какое бы то ни было препятствіе; въ такой вѣрѣ въ свою правоту, которая не допускаетъ даже и тѣни сомнѣній и колебаній. Замѣните теперь эти дрянныя цѣли чистыми и низменные принципы возвышенными,—и вы можете получить нѣчто въ родѣ Инсарова. Что человѣкъ при этомъ остается тотъ же въ своей душевной механикѣ, хотя измѣняется въ направленіи своей дѣятельности, это видно, напримѣръ, изъ извѣстной сцены ратоборства Инсарова съ пьянымъ нѣмцемъ. Этотъ пьяный нѣмецъ, вѣдь не турокъ, котораго надо выгнать изъ Болгаріи, и цѣли, и принципы дѣятельности Инсарова тутъ не причемъ. Однако, искаженное лицо Инсарова и холодная рѣшительность, съ которою онъ ввергаетъ нѣмца въ воду, свидѣтельствуютъ, что онъ смѣло взялъ бы на себя отвѣтственность за увѣчье и даже смерть этого пьянаго нѣмца. По мнѣнію столь компетентнаго цѣнителя, какъ героиня «Наканунѣ», Елена, въ Курнатовскомъ и Инсаровѣ есть нѣчто общее. А вы помните, какъ взволновала Елену холодная рѣшительность, съ которою Курнатовскій настаивалъ на необходимости «раздавить» какую-то группу людей, со включеніемъ и невинныхъ ея членовъ (если не ошибаюсь, разговоръ шелъ о взяточникахъ). Базаровъ, обреченный на проживаніе въ теоретическихъ сферахъ, производитъ тамъ операцію, совершенно параллельную: онъ всегда готовъ, безъ колебаній и сомнѣній, «раздавить» установившуюся идею, предразсудокъ, поэтическій порывъ, не щадя при этомъ людей. О «безымянной Руси» и говорить нечего.

Тургеневу случалось вводить въ портреты этого сорта людей очень некрасивыя черты; но, повторяю, онъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ большой художникъ, чтобы дѣлать изъ нихъ всегда и непремѣнно сплошныхъ глупцовъ или негодяевъ, какъ это дѣлаютъ мелкотравчатые живописатели съ своими духовными пасынками. Но это были все-таки пасынки Тургенева, и онъ каралъ ихъ, какъ только можетъ карать умный и талантливый художникъ: въ большей или меньшей степени надѣлялъ сухостью,

черствостью ума и чувства, лишалъ поэтическаго ореола. Васъ отнюдь не должна смущать въ этомъ отношеніи яко-бы поэтическая фигура Инеарова: на него лишь падаетъ отблескъ грандіозной задачи освобожденія Болгаріи; самъ же по себѣ онъ такъ же тусклъ, какъ тѣ свинцовыя пули, которыми онъ хотѣлъ бы осыпать турокъ.

Вообще, скудость, сухость, обдѣленность дарами природы точно представлялись Тургеневу необходимыми спутниками или даже условіями непреклонной личной силы. И это станетъ еще явственнѣе, если мы обратимъ вниманіе на его разработку противоположнаго типа—мягкаго, колеблющагося, сомнѣвающагося, несмѣющаго, не управляющаго событіями, а управляемаго ими. Тургеневъ очень много занимался этимъ типомъ и создалъ цѣлую коллекцію его варіантовъ. Въ первую пору своей литературной дѣятельности, онъ изображалъ этихъ слабыхъ, раздвоенныхъ людей внѣ всякой дѣятельности, только мучительно копающимися въ своей душѣ (Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Лишній человѣкъ). Въ первый разъ показалъ онъ ихъ въ дѣйствіи въ «Рудинѣ», едва ли не лучшемъ своемъ и, во всякомъ случаѣ, необыкновенно прекрасномъ произведеніи. Въ Рудинѣ есть много непривлекательныхъ мелкихъ чертъ (охотно живетъ на чужой счетъ, беретъ деньги взаймы безъ отдачи), но всѣ онѣ тонутъ въ общей слабости—безхарактерности, которая ставитъ Рудина въ цѣлый рядъ неловкихъ и даже позорныхъ положеній. Слово и дѣло для него совсѣмъ разныя вещи, онъ не способенъ на какой бы то ни было твердый, рѣшительный, опредѣленный шагъ и совершенно посрамляется нетолько Натальей, а и людьми гораздо меньшаго калибра. И, несмотря на все это, Рудинъ истинно блестящій образъ. Одно время, съ легкой руки нѣкоторыхъ критиковъ, у насъ принято было презрительно относиться къ «болтовнѣ» Рудина: дескать, дѣла не дѣлаетъ, а только болтаетъ. Разсуждающіе такимъ образомъ упускаютъ изъ виду, что въ тѣ печальныя времена, когда жилъ Рудинъ, не было особеннаго богатства въ выборѣ «дѣла» для человѣка его образа мыслей. Забываютъ они также, что *слово* само по себѣ можетъ быть *дѣломъ*, и какъ

ни велико разстояніе между словомъ и дѣломъ для самаго Рудина, но по отношенію къ другимъ его мощное слово могло быть и дѣйствительно было дѣломъ. Не даромъ, наслушавшись его краснорѣчія, Наталья ощутила въ себѣ силы, оказавшіяся не по плечу самому Рудину; недаромъ, передъ юнымъ Басистовымъ разверзались отъ этого краснорѣчія какіе-то неопредѣленные, но свѣтлые и широкіе горизонты. Конечно, если бы этотъ роскошный даръ природы попалъ въ другія руки, напримѣръ, Инсарову или Базарову, такъ они не такія дѣла обдѣлали бы. Но нашъ художникъ позаботился, какъ гласитъ немѣцкое изрѣченіе, чтобы деревья не доросли до неба. Сильнымъ людямъ онъ не далъ талантовъ и блеску, а слабому далъ таланты и поэтическій ореолъ. Смерть Рудина, усугубляя эффектность его фигуры, искупаетъ и разныя его слабости. И не только смерть, а уже скорбный разсказъ старому пріятелю о томъ, по какимъ онъ дорогамъ мыкался и какія бываютъ дороги грязныя. Много мягкости душевной и теплоты внесъ сюда нашъ знаменитый романистъ, и именно по такимъ страницамъ надо цѣнить глубокую гуманность его натуры.

Замѣчательно, однако, что эта душевная теплота проявлялась во всей своей полнотѣ только при обрисовкѣ слабыхъ характеровъ не влекущихъ, а влекомыхъ, не управляющихъ, а управляемыхъ. Такихъ Тургеневъ умѣлъ обливать мягкимъ, ласкающимъ свѣтомъ, даже не прибѣгая къ роскоши даровъ природы. Вотъ, напримѣръ, герой «Вешнихъ водъ», Санинъ. Это самый обыкновенный молодой человѣкъ, только молодостью и блистающій. На немъ нѣтъ, правда, ни мрачныхъ тѣней, ни свинцовой тусклости, но не числятся за нимъ и какія-нибудь положительныя личныя достоинства: ни глубокихъ думъ, ни особенныхъ дарованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просто тряпка по характеру. Слабые люди никогда не кончаютъ, все ждутъ, чтобы кончилось, замѣчаетъ Тургеневъ, разсказывая романическую исторію Санина.—Но Санинъ ничего и не начинаетъ, и не продолжаетъ, у него все какъ-то помимо него начинается и продожается. Тряпичность его переходитъ даже въ гнусность, въ которой, какъ ему самому кажется, его

уличаетъ даже собака Тарталья, и онъ съ тоской вспоминаетъ о той позорной роли, которую, оставивъ Джемму, игралъ при госпожѣ Полозовой. Но и событія въ концѣ-концовъ такъ располагаются, и такимъ рыцаремъ ведетъ себя по временамъ Санинъ, и такъ много свѣту и тепла пустилъ во всю эту обыкновенную исторію мастеръ художникъ, что Санинъ вамъ отнюдь не противенъ, а просто вамъ его жалко.

Я слишкомъ долго не кончилъ бы, если бы вамъ захотѣлось перебрать всѣ созданные Тургеневымъ образы слабыхъ людей, и потому вы позволите мнѣ остановиться только на одномъ еще, на Неждановѣ. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда назвалъ бы этого юношу своимъ младшимъ братомъ, примѣряющимъ костюмъ революціонера; Шубинъ назвалъ бы его «грызуномъ, гамлетикомъ, самоѣдомъ»; Паклинъ называетъ его «россійскимъ Гамлетомъ». Гамлетикъ-Нежданов не только раздвоенъ, а растроёнъ между любовью къ Маріаннѣ, стремленіемъ въ художественныя сферы и избранною имъ революціонною дѣятельностью. Совокупить какъ- нибудь все это въ одно цѣлое онъ не можетъ, и все это у него не настоящее, потому что ничему не умѣетъ онъ отдаться вполнѣ, безъ мучительно скептическаго копанія въ своей душѣ. Ему естественно кончить самоубійствомъ, потому что порядочному человѣку надо или сбросить это бремя или перестать жить. Только совершенная дрянь можетъ безъ конца носиться съ этой душевной сумятицей и, пожалуй, даже кокетничать ею, что обыкновенно и дѣлаютъ «гамлетизированные поросята», изъ которыхъ, по законамъ естества, съ теченіемъ времени выростаютъ свиньи. Но Гамлетикъ-Нежданов—больше чѣмъ порядочный человѣкъ. Онъ чистъ въ порывахъ своей натуры и искрененъ въ своемъ скептицизмѣ. Притомъ же, за исключеніемъ Маріанны, Нежданов выше всѣхъ видимыхъ окружающихъ. Говорю «видимыхъ» потому, что есть и невидимые, и въ этомъ состоитъ особенный интересъ всей концепціи «Нови». Тургеневу, по какимъ-то особымъ внутреннимъ требованіямъ его творчества, *нужно* было поставить въ центрѣ романа именно Нежданова съ его надломленностью и расположить всѣхъ

остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ тѣни, такъ чтобы на него падало какъ можно больше свѣта. Достигается это двумя способами. Около Нежданова группируется кучка людей, сильныхъ волею и цѣльныхъ вѣрою, но за то необыкновенно скудныхъ въ умственномъ отношеніи, узкихъ, тусклыхъ, просто даже глупыхъ. На этомъ сѣромъ фонѣ Нежданов выдѣляется яркимъ, красивымъ пятномъ. Затѣмъ вдали помѣщается Соломинъ, рекомендуемый чѣмъ-то покрупнѣе всѣхъ этихъ Маркеловыхъ, Остродумовыхъ, Машуриныхъ, но на столько вдали, что онъ оказывается какъ бы въ туманѣ и никоимъ образомъ не можетъ заслонить собою Нежданова. Еще дальше, уже внѣ рамокъ картины, помѣщается какой-то Василій Николаевичъ, вожакъ, заправляющій всей «безымянной Русью». Онъ даже не показывается въ романѣ,—объ немъ только говорятъ. Можетъ быть, онъ и очень большая величина, можетъ быть, даже соединяетъ личную непреклонность и небоязнь отвѣтственности съ выдающимися дарованіями и поэтическимъ блескомъ; но, ревнивый къ своему любимцу Нежданову, художникъ не допускаетъ ихъ до состязанія въ симпатіяхъ и заинтересованности читателя. Онъ не хочетъ рисковать поэтическимъ ореоломъ Нежданова. На немъ, на этой колеблящейся, несмѣющей, не умѣющей опредѣлиться фигурѣ хочетъ онъ сосредоточить участіе и интересъ читателя.

Есть, однако, одно лицо, передъ которымъ Тургеневъ охотно пригибаетъ Нежданова. Это—Маріанна. Мужчина, пасующій передъ женщиной, оказывающійся ниже ея,— одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ Тургенева. Онъ его эксплуатировалъ въ «Асѣ», въ «Рудинѣ», въ «Дымѣ», въ «Вешнихъ водахъ», въ «Затишьи», въ «Концѣ Чертопханова». И если, напримѣръ, въ упомянутомъ художественномъ tour de force въ «Первой любви», буйная княжна Зинаида совершенно преклоняется передъ однимъ изъ пяти или шести мужчинъ, претендующихъ на ея благосклонность (передъ отцомъ лица, отъ имени котораго ведется разсказъ), преклоняется до униженія, до поцѣлуя рубца отъ удара его хлыста, то остальная-то коллекція вся у ея ногъ. Да и этотъ одинъ, стоящій выше ея, почти не показывается читателю. Остается со-

вершенно неизвѣстнымъ, какими чарами околдовалъ онъ буйную княжну. Художникъ какъ бы признаетъ свое безсиліе изобразить такое рѣдкостное явленіе. Въ «Нови» Соломинъ, выражая одну изъ самыхъ задушевныхъ мыслей автора, говоритъ, что «*всѣ* русскія женщины дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ». *Всѣ* это, конечно, ужъ черезъ край сильно сказано, но почти справедливо относительно женскихъ типовъ, созданныхъ Тургеневымъ. Онъ ихъ рисовалъ съ необыкновенною любовью и, такъ сказать, рыцарскою деликатностью. Даже такая грубо чувственная и хищная натура, какъ m-me Полозова, въ «Вешнихъ водахъ», оказывается во-первыхъ, сильною, а во-вторыхъ,—во многихъ отношеніяхъ симпатичною. Даже такая послѣдняя дрянь, какъ m-me Лаврецкая, въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», сдобривается красотой, умомъ, талантами и не получаетъ отъ автора ни одного грубаго, хотя и вполнѣ заслуженнаго ею пинка. Объ остальныхъ или, по крайней мѣрѣ, о большинствѣ остальныхъ и говорить нечего: это чистѣйшія, идеальныя созданія. Пропустите только у себя въ памяти героиню «Фауста», Асю, Машу въ «Затишьи», Лизу въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», Наталью въ «Рудинѣ», Елену въ «Наканунѣ», Джемму въ «Вешнихъ водахъ», Таню въ «Дымѣ», Одинцову и Катю въ «Отцахъ и дѣтяхъ», Маріанну въ «Нови»...

Если, однако, репутація Тургенева, какъ ловца моментовъ русскаго общественнаго развитія, несправедлива вообще, то еще менѣе справедлива она относительно русскихъ женщинъ. Я уже не говорю о томъ, что итальянка Джемма могла бы быть замѣнена русскою или собою замѣнить русскую безъ малѣйшей перемѣны во внутренней, душевной жизни. Но относительно женщинъ, Тургеневъ не прибѣгалъ даже къ заимствованіямъ «новыхъ» обстановокъ изъ текущей русской дѣйствительности (исключеніе составляютъ Кукшина въ «Отцахъ и дѣтяхъ», Маріанна и Машурина въ «Нови»). Припомните, сколько различныхъ «моментовъ» пережила русская женщина съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда Тургенева сразу ярко загорѣлась на горизонтѣ русской литературы. Въ сороковыхъ годахъ, подъ вліяніемъ Жоржъ Зандъ, у насъ были такъ-называемыя „эмансипированныя“ жен-

щины. Явленіе это было, правда, не особенно распространенное и въ общемъ довольно безобразное, какъ оно и естественно при милліонахъ не-эмансипированныхъ крестьянъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ оно могло быть чистымъ, искреннимъ и вполнѣ заслуживающимъ поэтическаго воспроизведенія. И если мужчины могли задумываться о гнусности крѣпостного права и горѣть отъ стыда за него, то почему не могли того же дѣлать женщины, особливо если всѣ русскія женщины выше и дѣльнѣе насъ, мужчинъ? Но объ этомъ мы ровно ничего не узнаемъ отъ Тургенева. Можетъ быть, однако, это вовсе не «моментъ», то есть недостаточно широкое общественное явленіе, чтобы стоило крупному художнику его отмѣчать? Очень можетъ быть. Но, вотъ, въ шестидесятыхъ годахъ въ средѣ русскихъ женщинъ происходитъ довольно, кажется, широкое и довольно опредѣленное движеніе, беллетристически изображенное много разъ, но все болѣе или менѣе слабыми, неумѣлыми руками, или даже прямо грязными. Казалось бы, Тургеневу, съ его широкими симпатіями, съ его чуткостью ко всему, что шевелится въ женскомъ сердцѣ, представлялась тутъ богатѣйшая жатва. А между тѣмъ на все это женское движеніе онъ откликнулся однимъ образомъ, да и этотъ образъ — Евдокія Кукшина. Не будемъ говорить—хороша или дурна Кукшина, можетъ ли она быть признана олицетвореніемъ общаго явленія, или это частное уродство, но, во всякомъ случаѣ, одна ласточка весны не дѣлаетъ. Единственность этой ласточки свидѣтельствуетъ, что Тургенева занимало тогда совсѣмъ не спеціальное движеніе русскихъ женщинъ, не «женскій трудъ», или «женскій вопросъ», или высшее образованіе женщинъ. Онъ понималъ, конечно, все это и, такъ или иначе, принималъ близко къ сердцу, но именно *близко* къ сердцу, а не настолько, чтобы, переваривъ въ своемъ сердцѣ и умѣ, переработать творческимъ процессомъ и предъявить въ видѣ поэтическихъ образовъ. Его другое занимало — мотивъ психологическій и общечеловѣческій, если хотите, общеженскій. Его занималъ тогда, какъ и прежде, и потомъ, моментъ возникновенія сердечнаго романа дѣвушки;

моментъ, имъ до высшей степени облагороженный совершенно особеннымъ, чисто тургеневскимъ способомъ.

Тургенева часто называютъ «истиннымъ реалистомъ», основателемъ и главою реальной школы въ беллетристикѣ и т. п

Всѣ эти реализмы, идеализмы и прочіе измы ужасно захватаны, и сплошь и рядомъ люди, о нихъ препирающіеся, разумѣютъ подъ ними совсѣмъ разныя вещи. Я не думаю, чтобы поэзія Тургенева исчерпывалась словомъ *реализмъ*. Если разумѣть подъ реализмомъ стремленіе изображать правду жизни, какъ она есть, такъ, конечно, Тургеневъ былъ реалистъ. Но дѣло въ томъ, что жизнь пестра, низкое въ ней чередуется съ возвышеннымъ, грязное съ чистымъ. Художникъ можетъ, оставаясь вполнѣ вѣренъ правдѣ жизни, выбирать для художественной эксплуатаціи однѣ низкія и грязныя ея полосы, но точно также и однѣ возвышенныя и чистыя. Въ послѣднемъ случаѣ его назовутъ, пожалуй, идеалистомъ, и, пожалуй, будутъ правы. Что касается женщинъ, Тургеневъ былъ именно такимъ идеалистомъ: онъ выбиралъ свои темы изъ идеальныхъ полосъ реальной жизни. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что есть женщины, способныя своею пустотою, мелочностью, злобностью создать настоящій адъ для своихъ близкихъ; что есть женщины и въ разныхъ другихъ смыслахъ вполнѣ дрянныя; но ихъ нѣтъ въ галлереѣ женскихъ типовъ Тургенева. Онъ этихъ сторонъ реальной правды жизни не трогалъ или почти не трогалъ. Дѣвушка полюбила—вотъ любимѣйшая и постоянная тема Тургенева. Споконъ-вѣка эксплуатируется эта тема безчисленнымъ множествомъ поэтовъ, романистовъ, драматурговъ. Но Тургеневъ съ своей разработкой ея стоитъ совершенно особо. Любовь не только не кладетъ на его героиню какой-нибудь узкой, эгоистической печати, какъ это часто случается въ романахъ и въ жизни, но какъ бы расширяетъ ея душу, открываетъ ей новыя, далекія и свѣтлыя перспективы. Любимый человѣкъ для нея не просто будущій мужъ или любовникъ, съ которымъ ее ждетъ упоеніе личнаго счастія,—нѣтъ, за нимъ стоитъ что-то большое и свѣтлое (она хорошенько не знаетъ что), призывающее къ дѣятельности, къ жертвѣ; ей такъ сладко мечтать объ этой

жертвѣ, хотя бы пожертвовать пришлось даже жизнью, такъ хотѣлось бы на весь міръ прозвенѣть какими-то новыми, до сихъ поръ нетронутыми еще, но невыразимо звучными струнами души; прозвенѣть, а тамъ, пожалуй, пусть струны и оборвутся отъ полноты напряженія. И отъого-то такъ безвыходно горько разочарованіе, напримѣръ, Маши въ «Затишьи» или Натальи въ «Рудинѣ». Въ разработку этихъ переливовъ приподнятаго строя женской души, расширенной и очеловѣченной любовью, Тургеневъ клалъ все свое рѣдкое мастерство. Онъ самъ былъ, можно сказать, влюбленъ въ эти свои чудныя созданія.

Замѣчательно, однако, что необходимымъ условіемъ этой влюбленности была именно неопредѣленная свѣтозарность или свѣтозарная неопредѣленность идеаловъ женщины. Женщина особенно близка и дорога Тургеневу, когда, преображенная чудомъ любви, она находится въ состояніи страстнаго тяготѣнія къ чему-то великому и свѣтлому, но неопредѣленному, далекому, туманному. Какъ только этотъ туманъ разсѣевается, какъ только женщина выбираетъ опредѣленный путь,—такъ она или перестаетъ совсѣмъ интересовать нашего художника, или даже становится для него непріятною. Вотъ почему онъ «уловилъ моментъ» движенія среди русскихъ женщинъ только однимъ образомъ Евдокіи Кукшиной. Можетъ быть, рисуя эту безобразницу, онъ и не погрѣшилъ противъ правды жизни; можетъ быть, такія безобразницы и бывали, но во всякомъ случаѣ здѣсь Тургеневъ, даже просто какъ художникъ, далеко не тотъ, что въ изображеніи женщинъ, нетронутыхъ опредѣленнымъ общественнымъ движеніемъ. Тамъ онъ выбиралъ исключительно свѣтлыя и возвышенныя полосы реальной правды жизни; здѣсь, напротивъ,—исключительно темныя и низменныя. То же самое видите вы и въ «Нови» (мимоходомъ сказать, одномъ изъ самыхъ слабыхъ произведеній Тургенева), гдѣ онъ, послѣ долгаго перерыва, опять далъ героямъ обстановку «новую», заимствованную изъ текущей русской дѣйствительности, изъ «момента», въ которомъ, какъ извѣстно, женщины играли очень видную роль. На этотъ разъ Тургеневъ далъ два женскихъ типа, Маріанну и Машурину. Но Маріанна, это—бли-

стающій яркими красками благоуханный цвѣтокъ, раскрывшійся подъ вліяніемъ весенняго тепла и свѣта. Это та же, по тургеневски полюбившая дѣвушка, со всѣми обычными, смутно-возвышенными, неопредѣленно свѣтлыми атрибутами. Правда, она пытается сдѣлать совершенно опредѣленный шагъ по опредѣленному пути «опрощенія», но, благодушно комически освѣтивъ этотъ шагъ, Тургеневъ бережно сводитъ Маріанну съ опредѣленнаго пути и удаляетъ ее куда-то въ туманъ вмѣстѣ съ блѣднымъ Соломинымъ. Совсѣмъ иное дѣло Машурина. Эта ужъ закоснѣла въ своей опредѣленности, ее не волнуютъ никакія сомнѣнія и колебанія, ничто не можетъ своротить съ намѣченнаго пути; она готова принять на себя отвѣтственность за самыя рѣшительныя дѣйствія. Но за то же она и лишена всякаго поэтическаго ореола. Не смотря на всѣ свои добродѣтели, которыя авторъ подчеркиваетъ даже съ излишнею торопливостью, Машурина тускла, узка, даже просто глупа и, вдобавокъ, безобразна...

Думали ли вы когда нибудь о томъ, что во всей портретной галлереѣ рыцарски деликатнаго относительно женщинъ Тургенева только и есть двѣ безобразныя женщины: Кукшина да Машурина? Мелочь — это, конечно, но очень характерная...

Вы скажете, пожалуй, что я трогаю больныя мѣста, которыхъ по отношенію къ такому покойнику, какъ Тургеневъ, не слѣдуетъ трогать; тѣ больныя мѣста, которыя при его жизни возбуждали болѣе или менѣе острую полемику и вызывали упреки художнику въ дурныхъ намѣреніяхъ. Нѣтъ, милостивые государи, я могъ бы говорить объ ошибкахъ и слабостяхъ Тургенева, но прежде всего не допускаю мысли о его злонамѣренности. Я, напротивъ, предлагаю вамъ стать на такую точку зрѣнія, которая объясняетъ всю литературную дѣятельность покойнаго самымъ характеромъ его творчества и всѣмъ его душевнымъ складомъ. Этому складу была *художественно* враждебна и чужда всякая рѣзкая опредѣленность въ образѣ мыслей, всякая безповоротная рѣшительность въ образѣ дѣйствія. Я подчеркиваю: *художественно* враждебна. Это не значитъ, что тотъ образъ мыслей или дѣйствій были ему враждебны, какъ мыслителю или дѣятелю; это могло быть, могло

и не быть. Но въ оригинальномъ процессѣ его творчества, тайны котораго не разгаданы пока ни психологіей, ни физіологіей, рѣзкая опредѣленность и неуклонная личная сила ассоціировались всегда и непремѣнно съ безцвѣтностью, съ большею или меньшею скудостью природы. Онъ *не могъ* творить иначе, и его такъ же мало можно судить за это, какъ больного дальтонизмомъ за то, что онъ не умѣетъ различать красный и зеленый цвѣта. Отъ него можно было только требовать, чтобы, сознавъ особенный характеръ своего творчества, онъ не брался за задачи, при выполненіи которыхъ упомянутая ассоціація можетъ привести къ тяжелымъ и непріятнымъ общественнымъ послѣдствіямъ. Все равно, какъ отъ больного дальтонизмомъ можно требовать, чтобы онъ не служилъ на желѣзной дорогѣ, гдѣ смѣшеніе зеленаго и краснаго сигналовъ ведетъ къ погибели многихъ жизней...

Столь же фатально слабость, мягкость, расплывчивость, колебательность, неопредѣленность были художественно симпатичны Тургеневу. Здѣсь, впрочемъ, игралъ важную роль и другой, житейскій мотивъ. Всѣ, лично знавшіе Тургенева, похоронили вмѣстѣ съ нимъ не только одно изъ лучшихъ украшеній русской литературы, а и чрезвычайно добраго человѣка. Это личное качество отражалось и въ его литературной дѣятельности. Онъ не мучилъ своихъ мучениковъ-гамлетиковъ и другихъ слабыхъ, надломленныхъ людей сверхъ той мѣры, которая опредѣлялась требованіями правды изображенія и желаніемъ привлечь къ нимъ участіе читателя. Надо также замѣтить, что хотя онъ и поэтизировалъ слабость и неопредѣленность, но никогда не воздвигалъ на пьедесталъ, не заставлялъ читателя предъ нимъ преклоняться. Напротивъ, устами Шубина онъ сказалъ, что «чуткой душѣ», Еленѣ, естественно было уйти на чужую сторону съ тусклымъ и непоэтическимъ болгариномъ, потому что, дескать, что же она могла найти въ нашихъ «гамлетикахъ, самоѣдахъ, грызунахъ!» И если онъ заставляетъ насъ восхищаться неопредѣленностью, то только тогда, когда она, какъ въ его полюбившихъ дѣвушкахъ, выражается въ страстномъ порывѣ къ дѣятельности. Внѣ этого

онъ только художественно-властно требуетъ у читателя снисхожденія и жалости къ своимъ дѣтищамъ — слабымъ, колеблющимся людямъ. Но и то при условіи ихъ чистоты. Его любимцы, тѣ, къ поэтизированію которыхъ его неудержимо влекъ оригинальный характеръ творчества, борются сами съ собой, мучатся, изнемогаютъ, падаютъ въ этой борьбѣ, сомнѣваются, колеблются, но никогда не борются съ тѣми свѣтлыми идеалами, которые самъ Тургеневъ пронесъ неприкосновенными отъ юности до могилы. Напротивъ, они, даже истерзавшись сомнѣніями, иногда и умираютъ за эти идеалы или изъ-за нихъ, какъ умеръ Рудинъ, какъ умеръ, пожалуй, и Неждановъ...

Позвольте мнѣ кончить слѣдующимъ замѣчаніемъ. Все это довольно длинное посланіе я написалъ, ни разу не заглянувъ въ сочиненія Тургенева, которыхъ, какъ я уже упоминалъ, у меня нѣтъ подъ руками. Я могъ бесѣдовать съ читателемъ о многочисленныхъ герояхъ и героиняхъ Тургенева, какъ о хорошихъ общихъ знакомыхъ, очень близкихъ людяхъ, которыхъ мы видѣли на прошлой недѣлѣ или вчера и опять увидимъ завтра или на будущей недѣлѣ. И если бы нужно было свидѣтельство изобразительной силы Тургенева, такъ оно состоитъ просто въ томъ, что каждый образованный русскій человѣкъ, на минуту сосредоточившись, можетъ вызвать всю вереницу его героевъ и героинь, и они пройдутъ, какъ живые, какъ въ томъ проектѣ памятника Пушкину...

Въ эту минуту, впрочемъ, мнѣ нѣсколько иначе, не такъ, какъ въ началѣ письма, представляется этотъ фантастическій смотръ, дѣлаемый поэтомъ своимъ созданіямъ. Не онъ имъ дѣлаетъ смотръ, а они пришли поклониться его праху. Вотъ группа полюбившихъ дѣвушекъ съ рыданіями цѣлуетъ мертвыя руки, изобразившія ихъ такими возвышенными чертами. Къ нимъ пристроилась и Машурина. Она не цѣлуетъ рукъ, но она пришла сюда: покойникъ призналъ за ней и честность, и готовность жертвовать собой, а что до поэтическаго ореола, а тѣмъ болѣе красоты, такъ вѣдь она меньше всего объ этомъ думаетъ. Гамлетикъ Неждановъ, безвольный Санинъ и другіе съ стыдливой

грустью смотрятъ на трупъ того, кто призвалъ на ихъ несчастныя головы столько участія и жалости. Шубинъ, косясь на суроваго и тусклаго Инсарова, съ нервно подергивающимися отъ приступа слезъ губами, дрожащими руками готовитъ матеріалъ для маски, которую онъ сейчасъ будетъ снимать съ покойника. Въ сторонѣ стоитъ Базаровъ, съ презрительно жосткой миной поглядывающій на всѣхъ. Для него безразлично, какого о немъ мнѣнія былъ покойникъ, любилъ онъ его или нѣтъ; онъ сдѣлалъ свое дѣло, стараясь до послѣдней возможности поддержать жизнь въ этомъ тѣлѣ. И сановные люди «Дыма» и «Нови» пришли: имъ поясняли, что нельзя не придти, что того требуетъ приличіе, что хоронятъ общепризнанную русскую, даже европейскую славу. Ихъ шокируетъ, что тутъ же вертится какой-то Паклинъ, что какой-то Остродумовъ наслѣдилъ на полу тяжелыми, грязными сапогами, что какой-то Веретьевъ съ очевидными признаками перепоя протискался къ самому гробу, но нельзя... И Рудинъ говоритъ немножко туманную, но пламенную рѣчь, отъ музыки которой въ юныхъ сердцахъ Натальи и Басистова загорается огонь любви къ правдѣ и свѣту...

Сентябрь
1881 г.

О ГЛѢБѢ УСПЕНСКОМЪ.

Г. И. Успенскій надумалъ наконецъ издать собраніе своихъ сочиненій. Въ ту минуту, какъ я принимаюсь за это письмо, вышло уже два тома и предстоитъ еще пять. Безъ сомнѣнія, это давно пора было сдѣлать, и настоящее изданіе доставитъ истинное удовольствіе, какъ многочисленнымъ читателямъ и почитателямъ г. Успенскаго, такъ и критикѣ, которой иначе приходилось бы рыться въ старыхъ журналахъ, чтобы составить себѣ сколько-нибудь цѣльное представленіе объ этомъ необыкновенно симпатичномъ писателѣ...

Я надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ назвать такъ г. Успенскаго и вообще говорить объ немъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», не стѣсняясь тѣмъ, что онъ нашъ сотрудникъ. Я уже отстаивалъ свое право въ этомъ отношеніи, говоря о г. В. В., и теперь прибавлю только слѣдующее соображеніе. Если плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, то и подавно плохъ журналъ, не надѣющійся собрать у себя все живое, искреннее и талантливое, что только есть въ наличной литературѣ. Ну, и когда вамъ удастся привести въ исполненіе эту законную мечту каждаго журналиста, что же будетъ дѣлать ваша критика? заниматься исключительно мертвечиной, лицемѣрною ложью и бездарностью? Ахъ, этого добра такъ много, что возня съ нимъ всегда обезпечена, и нѣтъ надобности искусственно направлять на него свое вниманіе. И такъ надоѣло это добро своею многочастностью и многообразностью, что надо же когда-нибудь и отдохнуть на чемъ нибудь свѣтломъ. А если бы какіе-нибудь злобные и глупые

люди и сказали что-нибудь по поводу моего искренно сочувственнаго, но отнюдь не панегирическаго тона по отношенію къ своему сотруднику, такъ было бы позорно бояться не угодить злобѣ и глупости. Глупость на то и глупость, чтобы не понимать; злоба на то и злоба, чтобы рычать или визжать, жужжать, смотря по характеру голоса носителя злобы.

Глупость и злоба не могли, разумѣется, обойти и г. Успенскаго. Изъ разныхъ литературныхъ подворотенъ раздаются по временамъ противъ него выходки, поражающія именно своею озлобленностью и безсмысліемъ, но всѣ онѣ какъ-то разносятся въ пространствѣ, не оставляя послѣ себя ни пятна, ни какого другого слѣда на репутаціи объекта этихъ выходокъ. Начались эти выходки сравнительно недавно, и я вижу въ этомъ очень характерный симптомъ. Не знаю, обращали ли вы вниманіе на слѣдующій любопытный фактъ, очень часто повторяющійся въ исторіи литературы. Появляется талантливый писатель; талантъ его несомнѣненъ сразу; собраты по литературѣ встрѣчаютъ его, повидимому, очень любезно; кто по-просту, а кто покровительственно и снисходительно говоритъ: «нашъ молодой талантливый», «нашъ подающій надежды» и т. д., и т. д. Писатель поднимается, его талантъ и вся его нравственная физіономія крѣпнетъ, крѣпнутъ и его внутреннія, духовныя связи съ читателями, по крайней мѣрѣ, съ извѣстной группой читателей. Но даже люди, совершенно противнаго образа мыслей, склоняясь передъ очевидностью факта, начинаютъ признавать за нимъ тѣ или другія достоинства. «Собраты» начинаютъ призадумываться. Одни съ искреннемъ удовольствіемъ слѣдятъ за этимъ ростомъ популярности, честно заработанной; другіе, тѣ, кому отпущенъ большой запасъ глупости и злобы, волнуются совсѣмъ недобрыми чувствами. Передъ самымъ ихъ носомъ, заслоняя ихъ собой, выростаетъ уже не нашъ «молодой, талантливый», «нашъ обѣщающій», а нѣчто, сильно выдающееся, оригинальное, далеко превышающее средній уровень литературы. Ничтожество не понимаетъ законности завоеваннаго этимъ писателемъ сочувствія; ничтожество злится. И вотъ, когда писатель приближается наконецъ къ тому, чтобы стать не мимо-

летнымъ, хотя и пріятнымъ явленіемъ, а фактомъ исторіи литературы, глупость и злоба выходятъ изъ себя, стараясь стянуть его съ высоты, на которую онъ поднялся. Но еще одинъ шагъ вверхъ, на высоту,— и злоба и глупость, изнемогши въ неравной и смѣшной борьбѣ, умолкаютъ: онѣ *не смѣютъ* больше, онѣ умолкаютъ предъ «гласомъ народа—гласомъ божіимъ», и развѣ какіе нибудь ужъ совсѣмъ упорные чудаки повторяютъ собою того англичанина, который такъ и не призналъ Наполеона I-го императоромъ.

Г. Успенскій еще далеко не сдѣлалъ того шага, послѣ котораго глупость и злоба не смѣютъ, но онъ находится именно въ томъ положеніи, когда злоба и глупость, какъ мухи осенью, передъ концомъ, особенно кусливы. Въ добрый часъ! Это хорошій признакъ. Но это моментъ въ высшей степени критическій въ жизни писателя. Въ этомъ положеніи такъ легко лѣниво почить на лаврахъ и небрежно бросать читателю что попало, или, напротивъ того, нервно сжаться въ боязни отвѣтственности. *Для читателя*, впрочемъ, результаты обоихъ этихъ противоположныхъ настроеній автора могутъ быть одинаково невыгодны и даже совершенно тождественны въ своей невыгодности. Это можно видѣть на примѣрѣ г. Успенскаго, уже и теперь слишкомъ склоннаго къ боязливому невѣрію въ свои силы.

Въ предисловіяхъ къ обоимъ вышедшимъ теперь томамъ, г. Успенскій разсказываетъ исторію своихъ писаній. Она очень поучительна и многое объясняетъ какъ въ этихъ двухъ томахъ, такъ, если я не ошибаюсь, и во всей послѣдующей литературной дѣятельности этого писателя.

«Нравы Растеряевой улицы», занимающіе значительную часть перваго тома, начали печататься въ «Современникѣ» 1866 года. Но «Современникъ» былъ какъ разъ въ этомъ году закрытъ, и продолженіе «Нравовъ», приготовленное для этого журнала, авторъ перенесъ въ «Лучъ», сборникъ, изданный редакціей «Русскаго Слова». Дальше пусть разсказываетъ самъ авторъ: «При этомъ все, что имѣло «связь» съ очерками, напечатанными въ «Современникѣ», надо было уничтожить, обрѣзать, выкинуть, для

того, чтобы «продолженіе» имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной; вотъ почему дѣйствующія лица были переименованы въ другихъ, имъ «сдѣлана» другая обстановка, и самое названіе измѣнено. Затѣмъ дальнѣйшее продолженіе той же серіи разсказовъ печаталось въ журналѣ «Женскій Вѣстникъ», такъ какъ тогда (1866 г.) почти совершенно не было другихъ литературныхъ журналовъ. Судите поэтому, что́ должна была претерпѣть «Растеряева улица» съ своими пьяницами, «сапожниками и мастеровщиной», появляясь въ журналѣ, посвященномъ *женскому* развитію, *женскому вопросу!* При всемъ моемъ глубокомъ желаніи, чтобы пьяницы мои вели себя въ дамскомъ обществѣ поприличнѣе, всѣ они до невозможности пахли водкой и сокрушали меня. Но что же было дѣлать? Я ихъ умылъ и пріодѣлъ, и они стали только хуже, а правды въ нихъ меньше. Наконецъ, очень много матеріала, приготовленнаго для «Растеряевой улицы», было разбросано въ видѣ очерковъ и сценокъ по всевозможнымъ газетамъ и листкамъ».

Примѣрно то же самое читаемъ и въ предисловіи ко второму тому, относительно другого, широко задуманнаго, но разбитаго на клочки произведенія—«Разоренія». Но это только внѣшняя сторона дѣла: «обстоятельства чисто личнаго характера» и неприглядныя случайности судьбы. Ими не ограничивается исторія писаній г. Успенскаго. Многіе «очерки и сценки» изъ числа тѣхъ дребезговъ, на которые разбились «Нравы Растеряевой улицы», не вошли въ настоящее изданіе. Авторъ ихъ отвергъ, презрѣлъ, и вотъ на какомъ основаніи: «Все это было продуктомъ тогдшней литературной безпріютности. Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели,—ничего тогда на лицо не было. Все удручало васъ и дѣлало одинокимъ. А между тѣмъ общество, вступившее въ совершенно новый періодъ жизни, требовало отъ литературы—и имѣло на это право—многосложной и внимательной работы... Такимъ образомъ, какъ отсутствіе «школы», такъ и глубокое внутреннее сознаніе, что «теперь» обновляющаяся жизнь требуетъ большихъ дарованій и задаетъ имъ огромныя задачи, дѣлали то, что незначительная спо-

собность написать «разсказецъ» или «очеркъ» ослаблялась внутреннимъ сознаніемъ ненужности этого дѣла. «Все это не то!» думалось тогда, и, вслѣдствіе этого, матеріалъ обработывался плохо кой-какъ, появляясь въ видѣ «отрывковъ» безъ начала и конца».

Г. Успенскій сдѣлалъ все, что могъ для приведенія въ болѣе или менѣе правильный порядокъ тѣхъ очерковъ, которыхъ онъ не отвергъ совсѣмъ, но ихъ отрывочность и безпорядочность остаются все-таки на лицо. И, не смотря на то, всякій, кто прочтетъ эти картинки «нравовъ провинціальной разночинной толпы», безспорно получитъ и много чисто художественнаго наслажденія, и много толчковъ для мысли, для «просіянія своего ума», какъ выражается Михаилъ Ивановичъ въ «Разореньи». Тѣмъ не менѣе, авторъ и теперь скорбитъ о неудовлетворительности своихъ очерковъ, и тогда скорбѣлъ, когда печаталъ ихъ впервые: «все это не то!» Самодовольное созерцаніе собственныхъ достоинствъ и непріятно для зрителя, и вредно для самаго созерцателя. Возмнивъ, такой созерцатель можетъ съ величайшимъ апломбомъ швырять съ обитаемыхъ имъ облаковъ всякую небрежно задуманную, кое-какъ сдѣланную вещь въ полной увѣренности, что это настоящій перлъ. Но, какъ уже давно извѣстно, крайности сходятся, и мы сейчасъ видѣли, что Успенскій, съ своей неувѣренностью въ себѣ, съ своей нервной щекотливостью по отношенію къ своимъ писаніямъ, именно вслѣдствіе этого «обработывалъ кой-какъ» и давалъ «отрывки безъ начала и безъ конца». Внѣшніе результаты этихъ двухъ противоположныхъ настроеній писателя до такой степени сходны (разумѣется, при условіи равенства дарованія), что публика, третьи лица, такъ часто не умѣющія отличить «голоднаго отъ пьянаго», готовы смѣшивать и тѣ душевные процессы, которые приводятъ къ этимъ результатамъ. Не смотря на глубокую искренность, сквозящую въ каждомъ самомъ маленькомъ разсказѣ Успенскаго, еще недавно нашелся критикъ, наговорившій по его адресу задорно-смѣшныхъ словъ на тему о «самоослѣпленіи», «высокомѣріи» и т. п. Правда, эти задорно-смѣшныя или смѣшно-задорныя слова мотивировались не отрывочностью, незаконченностью и недодѣланностью писаній

Успенскаго, но отъ этого они не становятся ни проницательнѣе, ни справедливѣе. Притомъ же, я думаю, что они все-таки находятся въ связи съ этою отрывочностью и недодѣланностью, ибо, можетъ быть, даже такіе непроницательные критики уразумѣли бы дѣло, если бы Успенскій отдѣлался отъ манеры писанія, усвоенной имъ подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ неблагопріятныхъ условій.

До сихъ поръ онъ отъ нея не отдѣлался, и я боюсь, что никогда не отдѣлается, хотя и очень желалъ бы ошибиться. Такъ или иначе, но надо же себѣ объяснить, почему это такъ выходитъ, почему человѣкъ такого большаго таланта и такой искренней вдумчивости не овладѣлъ законченностью формы. Казалось бы, законченность эта совсѣмъ ужъ пустое дѣло при наличности художественнаго дарованія. Посмотрите кругомъ—и вы увидите, что люди, въ которыхъ есть только микроскопическія крупицы таланта, а иной разъ и тѣхъ нѣтъ, десятки разъ прекрасно справляются сначала съ первой главой первой части, потомъ пишутъ вторую главу и т. д., и наконецъ твердою рукою подписываютъ: «конецъ такой-то и послѣдней части». Должно быть, это шутка не хитрая. Не думаю, чтобы нашелся человѣкъ, отрицающій талантъ Успенскаго; но возьмемъ самаго въ этомъ отношеніи строгаго и придирчиваго судью, какого вы только себѣ представить можете. Все-таки же онъ не уровняетъ его съ авторами безчисленныхъ. вполнѣ законченныхъ романовъ и повѣстей, сотнями появляющихся въ литературѣ и тѣмъ же числомъ немедленно погружающихся въ море забвенія. И однако эти авторы могутъ написать законченное произведеніе, а Успенскій не можетъ. Любопытно вѣдь это.

Успенскій началъ писать очень рано, въ томъ почти юношескомъ возрастѣ, когда внѣшнія вліянія особенно сильно дѣйствуютъ на неокрѣпшую еще манеру писанія и надого, а иной разъ и навсегда, кладутъ на нее свою печать. Если бы тѣ печальныя обстоятельства, о которыхъ разсказываетъ нашъ авторъ въ предисловіяхъ, постигли его позже, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его выхода на литературное поприще, мы, по всей вѣроятности,

имѣли бы не такого Успенскаго, не до такой степени отрывочнаго и незаконченнаго. Я вовсе не думаю все сваливать на внѣшнія условія. Я говорю только, что они сыграли тутъ важную роль и до извѣстной степени просто *принудили* Успенскаго выработать пріемъ разбиванія нѣкотораго художественнаго цѣлаго въ дребезги. Сначала ему было вѣроятно очень трудно совершать эти операціи, но затѣмъ онѣ вошли въ привычку, которая укрѣплялась и другими «обстоятельствами, чисто личнаго характера». Время появленія Успенскаго въ литературѣ было вообще необыкновенно тяжелое. Съ него начался тотъ скорбный листъ русской литературы, который и до сихъ поръ не завершился ни окончательною смертью, ни окончательнымъ выздоровленіемъ. Правда, и до этого времени литературѣ случалось выносить многія и многія тяжести, не помѣшавшія однако образованію такъ называемой «плеяды», группы блестящихъ талантовъ сороковыхъ годовъ, давшихъ длинный рядъ цѣльныхъ художественныхъ произведеній. Но какъ бы ни были мрачны тѣ времена въ цѣломъ, а позднѣе наступили времена, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе тяжкія. Литературные труженики сороковыхъ годовъ никакъ уже не страдали тѣмъ «одиночествомъ», на которое жалуется г. Успенскій. Это была цѣлая группа, тѣсно сплоченная общностью интересовъ, однаковостью возраста, развитія, общественнаго положенія и т. д. Каждый изъ нихъ опирался на всѣхъ остальныхъ и въ живомъ общеніи съ ними находилъ поддержку въ трудныя минуты сомнѣній, колебаній, душевной немощи. Если на людяхъ и смерть красна, такъ жизнь, хотя бы и очень тяжелая, и подавно. Притомъ же тѣ блестящіе беллетристы, за немногими исключеніями, вовсе не были литературными тружениками, работниками въ настоящемъ смыслѣ слова. Тогда могъ серьезно приниматься къ свѣдѣнію и вѣроятно къ исполненію фантастическій по нынѣшнему времени совѣтъ Гоголя переписывать «сочиненіе» семь-восемь разъ съ значительными промежутками. Литературная профессія, строго говоря, почти не существовала; занимавшіеся литературой «господа», за нѣкоторыми исключеніями, имѣли до-

статочно досуга, чтобы, набросавъ свое произведеніе, поѣздить по Европѣ, послушать лекціи въ германскихъ университетахъ, искупаться въ волнахъ Гвадалквивира, а потомъ, съ новымъ запасомъ силъ и обновленными горизонтами, вернуться къ произведенію для окончательной его отдѣлки или предварительной передѣлки. Литература, какъ профессія, со всѣми розами и шипами профессіи, явилась позже, когда всколыхнувшаяся послѣ крымской войны Россія выдвинула изъ себя новыя, уже чисто литературныя силы. Вторгнулись эти новыя силы съ большимъ шумомъ, съ свѣтлыми надеждами, широкими замыслами и большою самоувѣренностью. Но не долго тянулся этотъ праздникъ, и къ тому времени, когда юноша Успенскій окончилъ свои «Нравы Растеряевой улицы», отъ праздника оставалось уже развѣ только похмѣлье, а тамъ и великій постъ приспѣлъ. Тяжесть, особенная, спеціальная тяжесть положенія состояла въ томъ, что были выдвинуты новыя силы, а точки приложенія для нихъ были убраны прочь; былъ накрытъ столъ, блестѣвшій бѣлизною скатерти и сверканіемъ новой посуды, былъ возбужденъ аппетитъ, а обѣдъ-то вдругъ куда-то совсѣмъ въ другое мѣсто унесли. Я знаю, что не о единомъ хлѣбѣ живетъ человѣкъ и не о хлѣбѣ говорю. Однако и хлѣбъ дѣло не послѣднее, если его надо зарабатывать и нѣтъ возможности не то что семь разъ переписать повѣсть, а даже иной разъ просто перечитать написанное, или же нѣтъ возможности пристроить задуманную вещь и приходится дѣлать тѣ вивисекціи, которыя производилъ надъ своими литературными чадами Успенскій. Притомъ же хлѣбъ въ самомъ прямомъ и жесткомъ смыслѣ этого страшнаго слова въ этомъ случаѣ тѣснымъ образомъ связывался съ духовнымъ хлѣбомъ, съ идеей. Хлѣбъ, заработанный литературнымъ служеніемъ обществу, былъ именно новой и заманчивой идеей. И не въ томъ только было дѣло, что тотъ или другой даровитый юноша голодалъ на литературномъ поприщѣ. Нѣтъ, въ немъ была разбужена духовная жажда и, казалось, все обѣщало удовлетворенія этой жажды, а чаша-то, полная чаша, уже приставленная къ губамъ и дразнящая своею близостью, вдругъ и прошла мимо.

Такое мучительное ощущеніе едва ли было знакомо писателямъ сороковыхъ годовъ, которые были для этого слишкомъ равномѣрно и безпросвѣтно отягощены. Напримѣръ, разсказываемый Успенскимъ трагикомическій (я не могу назвать его просто комическимъ, объ этомъ скажу еще подробнѣе) эпизодъ съ «Женскимъ Вѣстникомъ» никакимъ образомъ не могъ имѣть мѣста въ сороковыхъ годахъ, потому что и самый «Женскій Вѣстникъ» былъ тогда немыслимъ. Спеціальный органъ «женскаго движенія» или «женскаго вопроса», какимъ былъ по задачѣ этотъ журналъ, самъ былъ продуктомъ и вмѣстѣ выраженіемъ пробужденія новыхъ силъ и розовыхъ надеждъ. Онъ не удовлетворялъ, правда, своему назначенію и былъ вообще плохъ; но это уже другое дѣло. Можетъ быть, и плохъ-то онъ былъ потому, что явился, когда розовымъ мечтаніямъ «женскаго движенія» пришелъ конецъ. Но капризною волею судьбы, этотъ журналъ обращается вмѣстѣ съ тѣмъ въ единственное пристанище для начинающаго талантливаго юноши, который однако для входа въ это пристанище долженъ «умыть и пріодѣть» своихъ немытыхъ героевъ. Изъ всего этого выходитъ цѣлая сѣть недоразумѣній, неудобствъ, основной элементъ которой можетъ быть выраженъ въ трехъ-четырехъ словахъ: потребность разбужена, а средства для удовлетворенія ея сокращены или совсѣмъ удалены. На попытки приспособленія къ такому непереносному положенію вещей и ушла значительная часть дѣятельности Успенскаго въ ту молодую пору, когда его талантъ еще складывался, еще не отлился въ прочныя, неподатливыя формы.

Повторяю, я не хочу объяснять всю исторію развитія какого-нибудь писателя одними внѣшними условіями. Думаю, что необходимость разбивать широко задуманную вещь въ дребезги и потомъ искусственно придавать имъ внѣшній видъ законченности— должна была самымъ рѣшительнымъ образомъ повліять на манеру писанія; но отнюдь не думаю, чтобы дѣло вполнѣ объяснялось такъ чисто механически. Тѣмъ болѣе, что сами эти вивисекціи не были простой механической операціей: самъ авторъ указываетъ на сопровождавшіе ее психическіе моменты—гнету-

щее чувство нравственнаго одиночества и неувѣренность въ своихъ силахъ. О, если бы это была простая механика, такъ мнѣ не зачѣмъ было бы писать настоящее письмо, потому что тогда и Успенскій не былъ бы Успенскимъ. Спросъ на законченныя формы беллетристики, то есть на романъ, повѣсть, драму, такъ великъ (и это вполнѣ естественно), что могъ бы пожалуй, съ теченіемъ времени, сыграть такую же принудительную роль. А разъ это не только механика, нельзя и въ объясненіи ея довольствоваться механикой. Нужно не только отмѣтить внѣшнюю манеру письма, но и заглянуть въ душу писателя, насколько это возможно и прилично въ разговорѣ о живомъ человѣкѣ, то есть насколько матеріалы для такого разговора даются самими произведеніями писателя, а не какими-нибудь біографическими данными.

Если вы скажете, что для подобнаго разговора было бы лучше дождаться послѣдующихъ томовъ сочиненій Успенскаго, то вы будете, конечно, правы. Но я надѣюсь, что вы позволите мнѣ и еще разъ къ нему вернуться впослѣдствіи, а теперь мнѣ хотѣлось бы выяснить такія стороны физіономіи его, какъ писателя, которыя могутъ быть извлечены и изъ двухъ первыхъ томовъ.

Читая любую страницу въ этихъ двухъ томахъ, вы прежде всего замѣтите ея содержательность. Тутъ много недодѣланнаго, недоговореннаго, оборваннаго, но нѣтъ ничего лишняго; ни, напримѣръ, длинныхъ описаній природы или домашней обстановки, которыми беллетристы такъ часто разбавляютъ свои произведенія, какъ слишкомъ расчетливыя или бѣдныя хозяйки разбавляютъ чай кипяткомъ; ни непомѣрнаго размазыванія психологическихъ тонкостей, которыми иногда страдаютъ даже очень талантливые художники; ни множества вводныхъ и для хода разсказа совершенно излишнихъ лицъ, которыя толкутся на страницахъ иныхъ беллетристовъ совершенно неизвѣстно для чего. Разсказъ Успенскаго всегда сжатъ и даже черезчуръ сжатъ, мысли автора, когда онъ говоритъ отъ себя, опять-таки изложены скорѣе слишкомъ кратко, чѣмъ слишкомъ пространно. Это, если позволено будетъ

кулинарное сравненіе, очень крѣпкій бульонъ, который можетъ приходиться по вкусу однимъ и не нравиться другимъ, но уже навѣрное не разбавленъ водой. Чтобы оцѣнить эту особенность Успенскаго, представьте себѣ, что на одну изъ темъ его разсказовъ взялись писать такіе, напримѣръ, беллетристы разнаго роста, какъ Достоевскій, Боборыкинъ и Эртель. Возьмите для этого мысленнаго опыта маленькій разсказъ «Про одну старуху». Это всего нѣсколько страницъ. Но Эртель растянулъ бы ихъ на два печатныхъ листа, потому что разъ пять вышелъ бы изъ конуры старухи на улицу для изображенія восходящаго и заходящаго солнца, голубого неба и неба, покрытаго свинцовыми тучами, начинающаго, продолжающагося и прекращающагося дождя и т. п. Г. Боборыкину потребовалось бы еще болѣе мѣста, потому что онъ съ точностью вымѣрялъ бы высоту, длину конуры, сгонялъ бы раза три старуху въ мелочную лавочку, причемъ читатель былъ бы поставленъ въ извѣстность и относительно размѣровъ лавочки, и относительно сорта купленнаго старухой фунта хлѣба; обратилъ бы вниманіе на брюнетку или блондинку, которая во всѣхъ смыслахъ проходитъ мимо старухи и т. д. Наконецъ, Достоевскій истерзалъ бы читателя количествомъ страницъ, посвященныхъ изображенію мученій старухи въ части, въ больницѣ, при встрѣчѣ съ измѣнницей Дурдилкой, да и ввелъ бы, кромѣ того, множество побочныхъ эпизодовъ. А у Успенскаго, повторяю весь разсказъ занялъ нѣсколько страницъ. Я только констатирую фактъ, предоставляя пока сужденіе о немъ на полную волю читателя. Лично я держусь того мнѣнія, что художественная воздержность, состоящая въ сжатости, краткости, уклоненіи отъ всего сколько-нибудь посторонняго, представляетъ сама-по себѣ большое достоинство, но у Успенскаго заходитъ иногда слишкомъ далеко.

И, однако, вотъ самъ Успенскій нашелъ у себя кое-что лишнее. Просматривая вышедшіе два тома, я не находилъ въ нихъ то отдѣльной фразы или яркаго слова, которое хорошо помню, а то и цѣлой картинки. Такихъ пропусковъ не много, но они интересны. Пропущены главнымъ образомъ разныя «смѣшныя» вещи. Признаюсь, нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ было жалко, потому что

онѣ не просто «смѣшны», а въ разныхъ смыслахъ очень удачны. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что самъ авторъ пожелалъ для отдѣльнаго изданія еще болѣе сжаться въ своемъ художественномъ аскетизмѣ. Я не буду пытаться реставрировать эти пропуски, но мы и безъ нихъ можемъ выяснить себѣ характеръ «смѣшного» въ г. Успенскомъ.

Я попрошу васъ перевернуть нѣсколько страницъ назадъ и перечитать вышеприведенный разсказъ о томъ, какъ «Нравы Растеряевой улицы» урѣзывались и прикрашивались для «Женскаго Вѣстника». Читая эти строки, вы, вѣроятно, улыбнетесь и, во всякомъ случаѣ, усмотрите улыбку на лицѣ самого автора. Между тѣмъ, въ существѣ вещей вамъ предъявлена серьезнѣйшая, глубокая драма. Въ самомъ дѣлѣ, всякому свое дорого и не трудно себѣ представить какія скорбныя чувства одолѣвали молодого писателя, когда онъ, подъ напоромъ разныхъ надвигавшихся на него житейскихъ случайностей, придѣлывалъ голову и хвостъ къ своему обрывку и умывалъ своихъ неумытыхъ героевъ. Онъ и теперь съ понятною горечью вспоминаетъ, что отъ этой операціи герои «стали только хуже, а правды въ нихъ меньше». Нашему брату, писателю, это драматическое положеніе автора, конечно, ближе и понятнѣе, чѣмъ читателю; но и онъ, надо думать, безъ особеннаго напряженія фантазіи, можетъ себѣ представить, чего стоитъ отцу калѣчить свое дѣтище въ видахъ жертвоприношенія какому-то нелѣпому идолу житейскихъ случайностей. И если о себѣ самомъ, о своей собственной скорби писатель разсказываетъ съ улыбкой, такъ улыбка эта получитъ совсѣмъ особенное значеніе: она должна быть чѣмъ-то опредѣляющимъ, характернымъ вообще для внутреннихъ отношеній писателя.

Дѣйствительно. Возьмемъ для образчика разказъ «Нужда пѣсенки поетъ» и остановимся на немъ немного подольше.

Къ автору является неизвѣстный человѣкъ и предъявляетъ бумагу, въ которой изложено слѣдующее: «Господинъ Ивановъ пиро-и-гидро-техникъ, на короткое время прибывшій въ г. N., честь имѣетъ доложить высокопочтеннѣйшей публикѣ, что, имѣя искусство въ египетской, арабской, эѳіопской, индѣйской, халдейской

и другихъ магіяхъ и состоящей изъ новыхъ фантастическихъ опытовъ и призраковъ тайной и натуральной увеселительной магіи, что, давая оныя представленія въ высокоблагородныхъ домахъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, съ аппаратами и безъ аппаратовъ, попури изъ міра чудесъ, кабалистика и чревоувѣщаніе по весьма сходнымъ цѣнамъ; также индійское эскамотированіе, гирлянда розъ, невозможность въ дѣйствіи, обезглавленіе головы, носа и другихъ частей тѣла и проч., и проч. и проч.». Внизу прибавлено: «льстя себя надеждою»... и красовалась подпись: «Пиро-и-гидро-техникъ Капитонъ Ивановъ».

Смѣшно, не правда ли? Смѣшны всѣ эти «чревоувѣщанія по сходнымъ цѣнамъ» и «обезглавленія головы, носа и другихъ частей тѣла»? Но подождите, дальше будетъ еще смѣшнѣе. Господинъ Ивановъ, пиро-и-гидро-техникъ, разсказываетъ автору разные эпизоды изъ своей жизни. Передавать ихъ всѣ было бы слишкомъ долго, но одинъ изъ нихъ я сообщу. Пришло дѣло такъ, что Капитону Иванову надо идти въ солдаты, нанять за себя «вольника» не на что,—одинъ было попался, да надулъ. Капитону Иванову, столь искусному въ индійскомъ эскамотированіи и обезглавленіи носа, ужъ и лобъ забрили. А дальше произошло вотъ что:

„Ревемъ мы съ бабой, какъ ребята малые: чисто-на́-чисто пропадать приходится... И что-жъ, вы думаете, вышло? На другой день къ вечеру, наканунѣ, значитъ, быть походу, стало мнѣ легче! Вѣдь вотъ чудо-то какое! Легче, легче и совсѣмъ повеселѣли! „Маша, говорю, семъ я къ господину откупщику схожу, фокусовъ сыграть, и можетъ быть, между прочимъ, Господь мнѣ поможетъ?“ Дѣло было на масляницѣ, надѣваю я, для забавы, турецкое челмо и этакой балахонъ: туркой наряжаюсь. Смотритъ на меня супруга и говоритъ: „Семъ, говоритъ, Иванычъ, я и себѣ челмо надѣну? Можетъ быть, говоритъ, господинъ откупщикъ сжалятся надъ нами, когда увидятъ, что мужъ и жена однимъ мастерствомъ живутъ; можетъ, онъ и не захочетъ, говоритъ, насъ разлучить?“—„Матушка моя, говорю, ты въ такомъ теперича положеніи (она въ то время въ этакомъ положеніи была-съ), ты, говорю, въ такомъ положеніи, для чего тебѣ натруждать себя?“—„Ну, говоритъ, за-одно! Либо, говоритъ, жизнь, либо смерть!“ Надѣваетъ она на себя челмо турецкое, шаль (платокъ этакой ковровый-съ), шаль эту черезъ плечо, по-цыгански. Пошли!.. Идемъ, идемъ, да какъ заплачемъ оба, въ челмахъ-то этихъ! Идутъ люди, глядятъ на насъ и говорятъ; „Съ чего это два турка плачутъ?“ Приходимъ

къ откупщику. „Какъ объ васъ доложить?“—„Ивановъ, говорю, съ супругою“.—„Принять“. Входимъ мы въ залу, гости... Страсть гостей! Откупщика, Родивонъ Игнатьича, я зналъ, и онъ меня тоже зналъ. „А, говоритъ, ну дѣлай!“ Начинаю я дѣлать фокусы, сердце такъ и стучитъ: завтра въ солдаты! Дѣлаю фокусы, господа смѣются, довольны. „А это кто же съ тобой?“ Родивонъ-то Игнатьичъ говоритъ.—„А это-съ, говорю, жена моя, супруга“.—„Что же, говоритъ, и она по этой части?“ Я молчу. „Можете вы, душенька?“ (у жены спрашиваетъ).—„Могу-съ“, говоритъ... (Вижу бѣлая вся!)—„Такъ пройдитесь, говоритъ, „По улицѣ мостовой“. Маша сейчасъ голову книзу, руки надъ головой согнула и поплыла... Да вѣдь какъ-съ! Откуда что взялось!.. Барышня по фортопьянамъ ударила, а она-то плыветъ, извивается... Ахъ! замерло у меня сердце! Тутъ зачали господа трепать въ ладоши. „Приотлично, кричатъ, превосходно! еще! еще!“ А она и еще того лучше... Не удержался я, такъ у меня слезы-то полились, полились, капъ, капъ... Родивонъ Игнатьичъ кричитъ: „Это что? на масляницѣ-то? у меня въ домѣ?“ Я въ ноги! Маша, гдѣ плясала, тутъ на колѣни и повалилась. «Что, что? Какъ, какъ?“ Разсказали ему: „одна надежда на вашу милость!... Завтра на войну... жена... дѣти“.—Не робѣй, говоритъ. Вотъ тебѣ... И выноситъ 200 серебромъ! Поминай на молитвѣ“. Чуть я въ то время съ ума не сошелъ... Бѣжимъ мы по улицѣ, ровно угорѣлые. Люди идутъ: (вотъ, говорятъ, турки набѣжали. Эко у насъ, ребята, турокъ развелось тьма-тьмущая. Это, говорятъ, плѣнные (А это мы съ супругой весь городъ обѣгали). Бѣжимъ, земли не слышимъ... Исторія-было случилась на дорогѣ, въ другой разъ въ полицію бы потащилъ, а тутъ только шибче побѣгъ“.

На вопросъ автора: въ чемъ состояла «исторія», пиро-и-гидротехникъ разсказалъ:

«Такъ-съ, свинство, необразованность... Бѣжимъ это мы съ женой, какъ я вамъ докладывалъ. Попадаются двое пьяныхъ, прямо противъ насъ уставились. Одинъ подходитъ ко мнѣ: «въ какомъ вы, говоритъ, правѣ турецкія челмы носить?» Я ему шуткой въ отвѣтъ: А потому, говорю, какъ мы турецкаго нарѣчія».—«А въ какой вы, говоритъ, землѣ находитесь, въ православной или какой?»—«Мы, говорю, здѣсь пленные».—«А когда, говоритъ, вы наши пленные, то...» Да съ этимъ словами ка-а-акъ! вотъ въ эту самую кость! (Гость показалъ на собственный високъ). Мы съ женой во всю мочь! Ну, вотъ-съ и все!»

Дальнѣйшій разсказъ пиро-и-гидро-техника не менѣе интересенъ, но пусть читатель обратится за нимъ къ подлиннику, а съ меня достаточно и приведеннаго. Потому достаточно, что и

въ этомъ отрывкѣ съ полною ясностью выражается наиболѣе характерный для Успенскаго пріемъ художественнаго творчества. Мнѣ не хочется употреблять избитое, истрепанное, многосмысленное и потому самому мало говорящее выраженіе «смѣхъ сквозь слезы». Но если эта избитая формула означаетъ способность и склонность съ улыбкою разсказать страшную драму и притомъ такъ, что глубина драмы отъ этого не только не утрачиваетъ своей силы, а напротивъ—оттѣняется, то я не знаю во всей русской литературѣ никого, кто бы умѣлъ такъ смѣяться сквозь слезы, какъ Успенскій. Нечего и говорить, что это не безпредметное зубоскальство, довольствующееся смѣшными положеніями или даже смѣшными словами:—ни одного просто смѣшнаго положенія вы у Успенскаго не найдете. Но это и не рѣзкіе удары сатирическаго бича, и не капризныя, кокетливо истерическія арабески изъ грусти и веселья, слезъ и смѣха, какія бываютъ у чисто художественныхъ натуръ типа Гейне. Это совсѣмъ особенное, оригинальное, лично Успенскому принадлежащее, сочетаніе комическаго и трагическаго.

Очеркъ «Нужда пѣсенки поетъ», выбранный мною для образчика, принадлежитъ и по объему, и по замыслу автора къ наименѣе значительнымъ въ первомъ томѣ. Но по всѣмъ видимостямъ онъ имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе, то есть не представляетъ собою искусственнаго осколка, отторгнутаго разными случайностями отъ большого цѣлаго. Поэтому на немъ особенно удобно наблюдать характеръ художественнаго пріема автора. Вы видите рядъ комическихъ подробностей: пиро-и-гидротехника съ «чревоувѣщаніями», «обезглавленіями головы и прочихъ частей тѣла», «индійскими эскамотированіями» и проч.; потомъ еще другія подобныя смѣшныя мелочи, которыя я, краткости ради, въ своемъ пересказѣ пропустилъ; потомъ «турецкое челмо» и проч. Но, по мѣрѣ того какъ эти комическія черты скопляются въ достаточномъ количествѣ, вы чувствуете, что вступаете въ кругъ вещей, совсѣмъ не смѣшныхъ и не мелкихъ. Вамъ становится жутко, вы ощущаете въ себѣ какой-то сложный и все болѣе усложняющійся процессъ, достигающій своей предѣльной

точки въ тотъ моментъ, когда Маша пускается въ плясъ. Въ салонѣ господина откупщика, передъ толпой полудикихъ гостей, беременная женщина, наряженная въ «турецкое челмо» и въ «шаль по-цыгански», пляскою «по улицѣ мостовой» принимаетъ участіе въ «индійскомъ эскамотированіи» для спасенія мужа отъ солдатчины... Необыкновенная сложность этого маленькаго событія особенно замѣчательна тѣмъ, что въ немъ трагическое положеніе соткано изъ комическихъ подробностей. Турецкое челмо очень смѣшно, возгласъ «приотлично!»—которымъ ободряли Машу откупщикъ и его гости, тоже смѣшонъ, но вѣдь вы не смѣялись, когда Маша плясала. Художникъ самъ продѣлалъ надъ вами нѣчто въ родѣ «опыта тайной натуральной магіи»: смѣшилъ, смѣшилъ и подъ конецъ изъ самыхъ этихъ смѣшковъ выстроилъ нѣчто такое, отчего вы чуть не заплакали.

Скажутъ, можетъ быть, что этотъ эффектъ могъ бы быть достигнутъ и другимъ путемъ; зачѣмъ собственно эти комическіе аксессуары трагическаго положенія? Но дѣло въ томъ, что вопросъ «зачѣмъ?» бываетъ часто относительно художественнаго творчества лишенъ всякаго смысла. Другой, большой художникъ, съ инымъ складомъ творчества, съумѣлъ бы иначе поставить дѣло, довольствуясь, можетъ быть, однимъ трагическимъ элементомъ. Но у Успенскаго — и въ этомъ состоитъ характернѣйшая его, какъ художника, черта—всѣ эти «челмы» и «невозможности въ дѣйствіи» не только не излишни, а напротивъ—необходимы именно потому, что оттѣняютъ драматизмъ положенія. Не только изъ нихъ таинственнымъ, «магическимъ» путемъ сложилась драма, но, благодаря имъ, вы съ особенною ясностью видите пошлость и дикость той среды, которую призванъ развлекать пиро-и-гидро-техникъ Капитонъ Ивановъ. Чтобъ понять ее, Капитонъ Ивановъ неизбѣжно долженъ былъ и самъ явиться въ шутовскомъ видѣ, и Маша должна была сдѣлать именно то, что она сдѣлала, и именно такъ, а не иначе. Передъ рѣшеніемъ явиться въ салонѣ откупщика, пиро-и-гидро-техникъ исчерпалъ всѣ обыкновенные рессурсы: просьбы самыя трогательныя, хлопоты самыя энергическія. Ничего не вышло. Не вышло бы ничего и тогда,

если бы Маша проявила возвышеннѣйшій героизмъ безъ «челмы» и не въ составѣ «индійскаго эскамотированія». Авторъ ни однимъ словомъ не осудилъ откупщика и все его общество, онъ даже предоставилъ откупщику совершить благодѣяніе, но при небольшомъ сосредоточеніи вы можете поистинѣ въ ужасъ придти отъ броненосности и толстокожести жителей города N...

Для полной оцѣнки эпизода въ салонѣ откупщика, мнѣ бы хотѣлось припомнить что-нибудь параллельное у другихъ беллетристовъ. Но не могу ничего вспомнить, кромѣ эпизода изъ одной юношеской или даже мальчишеской повѣсти (безъ названія) Лермонтова. Тамъ красавица Ольга,—пріемышъ нѣкотораго звѣрообразнаго помѣщика, по требованію его и пьяныхъ гостей, пляшетъ «русскую». Ольга-красавица, пляшетъ съ изумительной граціей; одѣта она не въ челмо какое-нибудь и цыганскую шаль, а въ нарочито сшитый шелковый сарафанъ; дѣло происходитъ во времена Пугачевщины, отдаленный грохотъ которой доносится и до Ольги; сама она исполнена неясныхъ, но возвышенныхъ чувствъ. Словомъ, ни одной комической черты въ разсказъ не введено; кругомъ все мрачно и страшно или возвышенно и прекрасно. И, въ концѣ-концовъ, никакого участія къ красавицѣ Ольгѣ и никакого раздумья о звѣрообразности тогдашней помѣщичьей среды не получается. Получается только то непріятное ощущеніе, которое всякая фальшь всегда вызываетъ въ маломальски чуткомъ человѣкѣ. Вы понимаете, что я не Успенскаго съ Лермонтовымъ сравниваю, да и не великая еще это была бы честь понимать мѣру вещей лучше, чѣмъ ее понималъ 15 — 16-лѣтній мальчикъ, хотя бы онъ и назывался Лермонтовымъ. Но даже мальчишескія произведенія такихъ колоссальныхъ талантовъ поучительны. Не говорю я также, что комическій элементъ обязательно нуженъ для полноты трагическаго впечатлѣнія (хоть это, можетъ быть, до извѣстной степени справедливо). Я только пробую съ разныхъ сторонъ освѣтить художественные пріемы Успенскаго и проникнуть по возможности въ тайну того необыкновенно пріятнаго чувства, которое ощущаетъ читатель въ общеніи съ этимъ писателемъ. Я совершенно увѣренъ, что если бы

Успенскій вздумалъ обставить свой эпизодъ съ Машей на тотъ манеръ, какъ обставленъ эпизодъ съ Ольгой у Лермонтова, то вышла бы вещь безобразная, фальшивая, «сочиненная» въ зазорномъ смыслѣ этого слова. Но онъ этого никогда не сдѣлаетъ и сдѣлать органически не можетъ, потому что всегда отдается влеченіямъ своего оригинально-сложнаго таланта; другими словами, потому, что онъ всегда искренен. Это инструментъ, рѣшительно неспособный издавать фальшивыя ноты. Онъ можетъ написать вещь оборванную, неуклюжую, наконецъ, просто слабую, но не можетъ солгать. Сплошной напыщенный трагизмъ для него такъ же недоступенъ, какъ и противоположный полюсъ—безпредметное зубоскальство. Оттого ли онъ искренен и правдивъ, что талантъ его ужъ такъ стихійно счастливо скомбинированъ, что позволяетъ ему видѣть вещи единовременно съ двухъ сторонъ—трагической и комической, или, напротивъ того, онъ въ искренности своей почерпаетъ смѣлость такъ всесторонне относиться къ вещамъ; разсуждать объ этомъ было бы все равно, что разсуждать о томъ, курица ли снесла первое яйцо или, напротивъ, изъ яйца выросла первая курица. Это результатъ длиннаго и сложнаго процесса, результатъ, во всякомъ случаѣ, въ высокой степени цѣнный. Онъ былъ бы, однако, еще драгоцѣннѣе, если бы не парализировался нѣкоторыми другими особенностями Успенскаго, о которыхъ сейчасъ скажу. А теперь позвольте покончить съ пирс-и-гидро-техникомъ.

Доведя скопленіе комическихъ подробностей до того момента, когда изъ нихъ сама собой сложилась высокая драма, авторъ спускаетъ читателя съ этой трагической высоты по той же лѣстницѣ, по которой ввелъ его туда. Супруги Ивановы вполнѣ счастливы тѣмъ, что ломались не даромъ. Оно и понятно. Дѣло не только въ томъ, что бѣда миновала. Пиро-и-гидро-техникъ долженъ питать, кромѣ того, острое, нѣжное чувство къ героической Машѣ, а сама она должна чувствовать нѣкоторую вполнѣ законную гордость. Счастье такъ велико, такъ полно и сложно, что супруга ужъ не гонятся за тычкомъ. Какая-то пьяная скотина оборвала шуточную бесѣду о турецкихъ плѣнныхъ ударомъ «вотъ въ эту

самую кость»; супруги ничего, только прытче домой побѣжали. И читатель, послѣ того напряженія скорбнаго чувства, которое онъ сейчасъ только испыталъ, готовъ раздѣлить это благодушное презрѣніе супруговъ Ивановыхъ, онъ тоже не гонится за тычкомъ и не чувствуетъ ни гнѣва, ни негодованія на пьяную скотину, хотя она занимаетъ свое очень опредѣленное мѣсто среди «жестокихъ нравовъ нашего города». Не только общепринятый кодексъ приличій, но и непосредственное нравственное чувство подсказываетъ, что лежачаго не бьютъ и плѣнныхъ не обижаютъ. А пьяная скотина говоритъ: «коли вы наши плѣнные», то вотъ вамъ «въ эту самую кость»! Мерзость великая, но въ данную минуту она въ такое степени тонетъ въ счастливомъ возбужденіи супруговъ Ивановыхъ, что сами они ея почти не замѣчаютъ, а вы опять готовы улыбнуться, отнюдь, однако, не забывая, какъ не забываетъ Капитонъ Ивановъ, что это—«свинство, необразованность».

Такова еще одна особенность Успенскаго. Онъ разсказываетъ подчасъ возмутительныя, ужасающія вещи, но почти никогда не возбуждаетъ въ читателѣ гнѣва или негодованія. Грустное раздумье—вотъ наиболѣе обыкновенный осадокъ, остающійся на душѣ читателя сочиненій Успенскаго. Достигается этотъ результатъ разными путями, но онъ почти всегда на лицо. И грусть эта опять-таки не безпредметная, а напротивъ—съ совершенно опредѣленнымъ характеромъ. Иной читатель, можетъ быть, не совсѣмъ ясно сознаетъ, отчего это ему показали настоящій фейерверкъ комическихъ чертъ и черточекъ, а ему къ концу фейерверка стало грустно; разсказали ему ужасный случай возмутительнаго насилія, а онъ не гнѣвается, а опять-таки груститъ. Но, нѣсколько вдумавшись, читатель пойметъ, въ чемъ дѣло. Груститъ онъ о томъ что, какъ говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ Успенскаго (въ «Наблюденіяхъ лѣнтяя»), «вынули, вынули изъ васъ душу». Исторія человѣка съ вынутой душой, человѣка обезличеннаго, «не имѣющаго своихъ словъ» и не смѣющаго ихъ имѣть, человѣка, до такой степени умственно и нравственно опустошеннаго, что онъ нетолько трепещетъ передъ зломъ и угрозой, а принимаетъ ихъ за истинный, самый подлинный и непререкаемый смыслъ жизни—

такова любимая тема Успенскаго. Я слишкомъ многое хотѣлъ бы сказать по этому поводу, чтобы теперь же, на основаніи двухъ только лежащихъ передо мною томовъ, пытаться обнять задачу во всемъ ея объемѣ, и потому буду кратокъ. Задача, дѣйствительно, огромная не только сама по себѣ, но и по тому сложному отношенію, въ которое становится къ ней Успенскій. Нечего и говорить, что это не плаксивое нытье, отъ котораго онъ застрахованъ своимъ юморомъ; въ обширной коллекціи опустошенныхъ, этотъ юморъ естественно находитъ богатую пищу. Но этого мало. Исторія опустошенныхъ людей была бы не полна, если бы намъ не были показаны въ ихъ средѣ, хотя бы чрезвычайно рѣдкія и краткія, но тѣмъ болѣе важныя минуты «просіянія своего ума», минуты наполненія пустыхъ сосудовъ, минуты сознанія своихъ правъ на жизнь и пониманія безправія, ничтожества того, что выѣло изъ нихъ душу. Успенскій даетъ намъ эти поправки, предъявляя, напримѣръ, «Парамона юродиваго»—разсказъ, не только до краевъ переполненный задушевностью (обыкновенное качество Успенскаго), но и чрезвычайной художественной силы и законченности. Характерна еще въ этомъ отношеніи смерть Вани въ «Наблюденіяхъ Михаила Иваныча». Но не продолжительны эти минуты умиленія, восторга, рѣшимости, вообще подъема чувствъ, вызваннаго въ средѣ опустошенныхъ людей смертью Вани, появленіемъ Парамона юродиваго, крымской войной, новымъ судомъ и другими необыкновенными происшествіями. Вслѣдъ затѣмъ они опять погружаются въ свою тину, тѣмъ самымъ натурально оставляя на душѣ читателя осадокъ грустнаго раздумья. Однако кое-кто изъ всколыхнутыхъ изъ ряду вонъ выходящимъ событіемъ остается же на высотѣ, до которой его подняла необычная волна. И вотъ, передъ нами фигуры хроническихъ, такъ сказать, протестантовъ: отецъ въ «Наблюденіяхъ лѣтняя», Михаилъ Ивановичъ въ «Разореньи». Они очень волнуются, сердятся, ругаются, но ихъ чувства лишь въ слабой степени передаются читателю. Неудивительно, конечно, что онъ не можетъ раздѣлять маленькихъ надеждъ Михаила Иваныча, потому что онъ, читатель, тутъ же ставится въ возможность взглянуть на дѣло шире и усмотрѣть неосновательность

надеждъ. Но достойно вниманія, что гнѣвъ и негодованіе протестантовъ точно также не отражаются полностью въ читателѣ, а преобразуются въ немъ въ то же грустное раздумье. Дѣло въ томъ, что маленькіе обидчики, тираны и насильники, непосредственно сидящіе надъ опустошенными людьми, сами оказываются опустошенными. Напримѣръ, пьяная скотина, ударившая «вотъ въ эту самую кость» пиро-и-гидро-техника, есть, можетъ быть, никто иной какъ силачъ Ѳедотовъ (въ «Наблюденіяхъ лѣнтяя»), который, будучи въ сущности добрѣйшимъ человѣкомъ, отъ страшной внутренней пустоты занимается по ночамъ выворачиваніемъ фонарныхъ столбовъ, вымазываніемъ дегтемъ воротъ и прочими уличными безчинствами, лишенными всякаго смысла. Богоборцевъ (онъ же Толоконниковъ) въ «Нравахъ Растеряевой улицы», Андрей Семенычъ въ «Тише воды, ниже травы»—настоящіе тираны и мучители; но и у нихъ, наряду съ тѣми опустошенными, которые ихъ трепещутъ, какія-то общія и большія обстоятельства «вынѣли душу». Недаромъ именно съ этими словами отецъ «лѣнтяя» обращается къ самоувѣренному, ни мало, повидимому, не приниженному чиновнику и къ благополучному купцу. У Толоконникова и Андрея Семеныча тиранство есть даже не простой случайный спутникъ, а результатъ опустошенности. Это несчастнѣйшіе люди, опять же не имѣющіе «своихъ словъ» и набивающіе свою жизнь ни съ чѣмъ несообразными пустяками. Прибавьте къ этому нѣсколько мастерскихъ комическихъ штриховъ, и вы поймете, почему въ васъ нѣтъ гнѣва и негодованія и почему вы находитесь во власти грустнаго раздумья, по поводу тѣхъ общихъ и большихъ обстоятельствъ, которыя устроили все это такъ обидно для человѣческаго достоинства, для жизни...

Я боюсь, что нынѣшнее поколѣніе читателей, хорошо знакомое съ позднѣйшими произведеніями Успенскаго, очень мало знаетъ тѣ старые его очерки и разсказы, которые вошли въ два первые тома. Позвольте мнѣ поэтому рекапитулировать мои бѣглыя замѣчанія въ примѣненіи къ одному какому-нибудь изъ его произведеній.

Возьмемъ «Тише воды, ниже травы». Сюда вошли, какъ разсказываетъ авторъ, матеріалы, которые должны были составить вторую часть «Разоренья»; «Разоренье» въ свою очередь есть продолженіе «Нравовъ Растеряевой улицы». Мы можемъ здѣсь видѣть слѣды той вивисекціи, которую долженъ былъ совершать нашъ авторъ надъ своими произведеніями. Вырвавъ клокъ изъ «Нравовъ» и сдѣлавъ изъ него самостоятельное «Разоренье», авторъ и изъ этого «Разоренья» вырвалъ еще клокъ — «Тише воды, ниже травы». Этотъ клокъ авторъ называетъ «Дневникомъ», очевидно затрудняясь подвести его подъ общепринятыя формы очерка, разсказа, повѣсти, романа. Это дѣйствительно ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое, но и не дневникъ, это просто клокъ, вырванный изъ живого цѣлаго. Спѣшность и безпорядочность, съ которыми производилась убійственная или, пожалуй, самоубійственная операція, такъ велики, что даже теперь, въ отдѣльномъ, вновь просмотрѣнномъ изданіи, одно изъ дѣйствующихъ лицъ безразлично величается то Андреемъ Семенычемъ, то Семенъ Андреичемъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что работа была легка. Напротивъ. Этотъ самый Андрей Семенычъ или Семенъ Андреичъ, уѣздный учитель и пустопорожній маленькій тиранъ, есть, очевидно, повтореніе Богоборцева и Толоконникова, дѣйствующихъ въ двухъ разныхъ частяхъ «Нравовъ Растеряевой улицы» (что Богоборцевъ и Толоконниковъ одно и то-же лицо—это говоритъ самъ авторъ). Такимъ образомъ выходитъ вотъ что. Художникъ создалъ типъ пустопорожняго маленькаго тирана и намѣтилъ ему опредѣленное мѣсто въ очень большомъ и сложномъ, законченномъ произведеніи. Sa majesté le Hasard, со всею своею мощью, но и со всѣмъ своимъ безсмысліемъ, такъ подогналъ обстоятельства, что художнику пришлось разбить это обширное произведеніе въ дребезги и въ дребезгахъ *три* раза возстановить созданный типъ, каждый разъ въ новой обстановкѣ, съ новыми отношеніями къ людямъ и съ сохраненіемъ только основной черты типа—маленькаго пустопорожняго тиранства. Если бы рѣчь шла не объ Успенскомъ, то можно бы было подумать, что онъ повторяется. Но до этого положенія ему далеко и теперь,

послѣ двухъ десятковъ лѣтъ литературной дѣятельности. А о той порѣ, когда онъ писалъ «Тише воды, ниже травы» и говорить нечего. Онъ стоялъ тогда почти только-что на порогѣ своей литературной карьеры и не только не повторялся, а напротивъ того—съ величайшею нерасчетливостью расшвыривалъ свои богатства. Образчикомъ этого швырянія можетъ служить именно «Тише воды, ниже травы». Въ этомъ «Дневникѣ» напихано столько разнообразнѣйшихъ фигуръ и положеній, столько типовъ высокаго интереса, столько духъ захватывающихъ драмъ, что въ цѣломъ Дневникъ отдаетъ даже чѣмъ-то въ родѣ слишкомъ уже питательнаго блюда, не скрашеннаго никакими приправами. Дюжинный, но набившій руку беллетристъ чуть не изъ каждой страницы Дневника могъ бы смастерить разсказъ или повѣсть. Можно только удивляться, сколько этому человѣку отъ Бога отпущено и какъ онъ безбожно съ этимъ богатствомъ распоряжается, или какъ безбожно съ нимъ самимъ распоряжается судьба. Разсказать содержаніе «Тише воды, ниже травы» рѣшительно нельзя: до такой степени люди и событія толкаются въ этомъ Дневникѣ. Я упомяну только объ одномъ эпизодѣ. Отставной солдатъ, безногій, возвращается на родину. Онъ видалъ на своемъ вѣку виды и, будучи чрезвычайно благодушенъ, съ нѣкоторымъ спокойствіемъ заранѣе предвидитъ, что жена его, много лѣтъ тому назадъ имъ оставленная, пожалуй что уже и не жена ему теперь. Дѣйствительно, баба безъ него совсѣмъ изъ-распутничилась и ко времени прихода мужа живетъ съ здоровеннымъ отпускнымъ солдатомъ Ермолаемъ. Кромѣ того, у нея есть дочь, неизвѣстно отъ кого прижитая; дѣвочка эта полоумная, въ чемъ въ значительной степени виновата мать, колотившая ее въ припадкахъ раскаянія и отвращенія къ своей распутной жизни. Съ возвращеніемъ мужа возникаетъ группа чрезвычайно сложныхъ отношеній. Полоумная дочь неизвѣстнаго отца, пьяная и больная жена, благодушный безногій мужъ и грубый любовникъ, не только не уступающій своего мѣста, но еще по какому-то удивительному праву требующій съ мужа постоянныхъ выпивокъ. Въ этихъ настояніяхъ любовникъ получаетъ поддержку

со стороны жены, которая хотя и чуствуетъ стыдъ и раскаяніе, но ужъ до того погрязла, что на все рукой махнула. Вотъ какъ объ этомъ, между прочимъ, разсказываетъ солдатъ:

«Да что же, въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ тоже требуется свой покой, право, ей-богу! «Ты, Ермолай, хошь бы подумалъ, говорю, вѣдь и ты, чай, будешь на судѣ-то?» «Посылай!» (то-есть за водкой). Только и словъ... И жена: «Пошли, Филиппушка, намъ, пропащимъ!» Ужъ я посылалъ, посылалъ...»

Дѣло кончается тѣмъ, что жена, укравъ у мужа послѣдніе гроши, отправилась съ любовникомъ въ кабакъ, мужъ за ними, потомъ драка, потомъ жена задушилась, полоумная дочка попала сначала въ часть, а оттуда, въ качествѣ «блаженной» въ какую-то «обитель». Но не на эту внѣшнюю сторону драмы обращаю я ваше вниманіе, а на ту глубокую, внутреннюю, которая вся выразилась въ изумительныхъ словахъ: «пошли, Филиппушка, намъ, пропащимъ!» Забудьте пожалуйста хотя на минуту ходячіе приговоры и затвердѣлыя мнѣнія; забудьте, что Достоевскій есть «властитель думъ», каковое властительство практикуется у него проникновеніемъ въ глубокіе изгибы психологическихъ тонкостей; забудьте также, что Успенскій есть юмористъ, многія «смѣшныя» слова котораго играютъ роль ходячей разговорной монеты. И когда вы отрѣшитесь отъ этихъ предразсудковъ, то есть предъ разсужденіемъ на вѣру принятыхъ положеній, то признаете, что у Достоевскаго, спеціалиста по части сложности и тонкости драматическихъ положеній, не много найдется драмъ столь глубокихъ, какъ это «пошли, Филиппушка, намъ пропащимъ». О, конечно, разница между этими писателями огромная, и я вовсе не думаю сравнивать то, что несоизмѣримо и сравненію не подлежитъ. Я только къ слову. Разница, между прочимъ, и въ томъ, что Достоевскій играетъ на вашихъ нервахъ, какъ на скрипкѣ, терзая ихъ безпощаднымъ мучительствомъ. А послѣ Успенскаго, котораго и въ этомъ случаѣ не оставляетъ его юморъ, вы ощущаете все то же грустное раздумье о силѣ общихъ и большихъ обстоятельствъ, опустошающихъ людское нутро...

Если юморъ не покидаетъ писателя даже у трупа несчастной

пропойцы съ исцарапанной совѣстью и подбитымъ глазомъ, то это, повидимому, обнаруживаетъ большую смѣлость писателя. На самомъ дѣлѣ, однако, въ настоящемъ случаѣ нѣтъ никакой смѣлости, а есть только стихійное влеченіе своеобразнаго таланта. Недостатокъ смѣлости и самоувѣренности есть, напротивъ, одно изъ отличительныхъ свойствъ Успенскаго, которымъ (въ связи съ указанными выше причинами) объясняется и его обрывочность и та полупублицистическая манера, которую онъ усвоилъ въ новѣйшее время. Насчетъ обрывочности и незаконченности дѣло, я думаю, вполнѣ ясно. Успенскій самъ разсказываетъ, какъ онъ, въ сознаніи слабости своихъ силъ, обработывалъ матеріалы «кой-какъ». Теперь перейдемъ къ его публицистикѣ.

Съ какой стати высоко даровитый беллетристъ занимается публицистикой? Дѣло здѣсь не въ формальныхъ подраздѣленіяхъ литературы, не въ департаментахъ какихъ-нибудь или министерствахъ, съ присвоенными каждому изъ нихъ особыми мундирами, а въ экономіи и естественномъ литературныхъ распредѣленіи силъ. Публицистикой можемъ заниматься и мы, лишенные творческой способности. Конечно, было бы очень хорошо, если бы каждый публицистъ обладалъ и поэтической силой, которая была бы подспорнымъ средствомъ высокой важности, а каждый художникъ, я думаю, даже долженъ быть публицистомъ въ душѣ. Вообще, чѣмъ богаче и разностороннѣе внутренняя природа писателя и его средства воздѣйствія на общество, тѣмъ, разумѣется, лучше. Пусть писатель будетъ одинаково богатъ и творческою силою, и силою логическаго анализа, пусть онъ даже предъявляетъ плоды той и другой силы на бумагѣ. Мильтонъ написалъ «Потерянный рай», но онъ же написалъ и «Защиту англійскаго народа»; въ нашей литературѣ авторъ романа «Кто виноватъ?» былъ публицистомъ, и т. д. Подобныхъ примѣровъ можно привести довольно много. Но когда читателю предлагается смѣшеніе публицистики съ беллетристикой въ тѣхъ пропорціяхъ, какія усвоилъ себѣ въ послѣднее время Успенскій, то читатель, можно навѣрное сказать, находится въ относительномъ проигрышѣ. Назначеніе логическаго анализа—разрѣзать, расчленять живыя явле-

нія; назначеніе поэтическаго творчества, напротивъ—возсоздавать ихъ именно въ ихъ живой цѣльности. Оба эти процесса могутъ имѣть мѣсто въ головѣ одного и того же богато одареннаго писателя, но въ исполненіи, на бумагѣ, въ одномъ и томъ же произведеніи, имъ очень трудно ужиться рядомъ, не нанося другъ другу ущерба. Послѣднія произведенія Успенскаго имѣютъ безспорно большую цѣну, что уже видно изъ того обилія разговоровъ, которые вызываетъ почти каждая его статья. Но нельзя все-таки не пожалѣть, что онъ не даетъ простора своей огромной художественной способности.

Я вовсе не думаю читать наставленія, да наставленіями ничего и не подѣлаешь. Когда писатель намѣренно употребляетъ тотъ или другой невыгодный для него самого и для читателя пріемъ, то, конечно, можно попытаться убѣдить его. Но въ данномъ случаѣ никакой намѣренности нѣтъ, разумѣется; просто такъ выходитъ, такъ пишется, полоса такая нашла. Но еслибы можно было добраться до подкладки этой полосы, подкладки, можетъ быть, неясной самому писателю, то мы имѣли бы, по крайней мѣрѣ, разъясненное явленіе, а это вовсе не мало. И мнѣ кажется, что подкладки этой надо искать въ неувѣренности въ своихъ силахъ и боязни отвѣтственности.

Но надо сперва уговориться въ значеніи словъ. Говоря о несмѣлости, неувѣренности, я не разумѣю трусости мысли или невѣрія въ тѣ или другіе принципы, въ то или другое, исповѣдываемое писателемъ, пониманіе добраго и злаго, полезнаго и вреднаго и т. д. Можно обладать чрезвычайно смѣлою мыслью и очень крѣпкою вѣрою и въ то же время быть вполнѣ неувѣреннымъ въ себѣ, въ своихъ силахъ и бояться отвѣтственности даже именно въ виду огромности перспективъ, выдвигаемыхъ смѣлою мыслью. Словомъ, смѣлость мысли и смѣлость характера—это двѣ совсѣмъ разныя вещи, иногда счастливо совпадающія въ одномъ лицѣ, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ не совпадающія, что ведетъ къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Еслибы я не боялся уклоняться въ стороны, я могъ бы привести много исторіей засвидѣтельствованныхъ примѣровъ того, какъ про-

играло правое дѣло изъ-за такого расположенія умовъ и характеровъ.

Теперь позвольте мнѣ задать одинъ вопросъ, который вамъ покажется на первый взглядъ, можетъ быть, страннымъ. Какъ вы думаете, не требуютъ ли различныя формы поэтическаго творчества различныхъ степеней самоувѣренности въ художникѣ? Мнѣ кажется, вопросъ это не праздный, и отвѣчать на него можно. Ясно, что драматургъ, лирикъ, романистъ (при предположительномъ равенствѣ таланта и всѣхъ прочихъ условій) находятся въ этомъ отношеніи совсѣмъ въ различныхъ положеніяхъ. Драматургъ повидимому, долженъ быть наиболѣе увѣренъ въ своихъ силахъ, потому что онъ не имѣетъ никакихъ побочныхъ средствъ для усиленія впечатлѣнія, производимаго его образами и картинами, для разъясненія и комментированія ихъ. Въ одной старинной нѣмецкой эпиграммѣ, разница между Шекспиромъ и Вольтеромъ опредѣляется такъ:

Voltaire und Schakspeare?—Der Eine!
Ist, was der Andere scheint.
Meister Arouet sagt: ich wenie!
Und Schakspeare weint.

То есть: разница между Шекспиромъ и Вольтеромъ та, что одинъ есть то, чѣмъ другой только кажется; Вольтеръ говоритъ: я плачу! а Шекспиръ плачетъ. Дѣло идетъ о Вольтерѣ, какъ драматургѣ, конечно, не стоящемъ и четверти Шекспира, но здѣсь хорошо выражено безпомощное положеніе драматурга, невозможность для него опереться на помощь описанія. Лирикъ и романистъ могутъ сказать: она была прекрасна, добродѣтельна, умна и плакала. Драматургъ долженъ прямо живьемъ предъявить прекрасную, добродѣтельную, умную и плачущую, не называя ея добродѣтельною, умною и т. д. На это, повидимому, нужно больше силъ и больше увѣренности въ своихъ силахъ. Оно бы такъ и было въ дѣйствительности, если бы драматурги писали исключительно для чтенія, но такъ какъ они пишутъ главнымъ образомъ для сцены ,то отвѣтственность, принимаемая ими насебя, рас-

предѣляется между ними, актерами, пожалуй, даже декораторами, режиссерами и проч.

Я не диссертацію по эстетикѣ пишу, и потому вы позволите мнѣ не развивать далѣе мою мысль въ примѣненіи къ разнымъ формамъ беллетристики. Вы понимаете какъ вяжется эта мысль съ занимающимъ меня вопросомъ: Успенскій потому прибѣгаетъ къ публицистикѣ, что не вѣритъ въ силу своей изобразительной способности, ему нужна поддержка комментаріевъ, дополненій, разъясненій. Разумѣется, есть тому и другія причины, изъ которыхъ привычка къ безпорядочности отмѣчена выше. Но боязнь отвѣтственности все-таки играетъ тутъ огромную роль, въ особенности въ связи съ самыми коренными свойствами таланта Успенскаго.

Въ этихъ своихъ коренныхъ свойствахъ онъ и теперь тотъ же, какимъ мы его видѣли въ очеркѣ «Нужда пѣсенки поетъ»: его и теперь безсознательная сила таланта тянетъ къ такой комбинаціи комическихъ подробностей, изъ которой вышла бы глубокая драма. Онъ и нынѣ занятъ тою же исторіей опустошенныхъ русскихъ людей, и, конечно, этой темы хватитъ на его вѣкъ, при его широкомъ отношеніи къ дѣлу, то есть при его вдумчивой внимательности не только къ разнымъ фазисамъ и формамъ опустошенія, но и къ тому, что этому опустошенію предшествуетъ, и къ моментамъ «просіянія ума», и къ хроническому протесту. Дѣло въ томъ, однако, что всѣ эти сложныя явленія занимаютъ его теперь уже не въ средѣ «провинціальной разночинной толпы», а въ самомъ фундаментѣ русской жизни, въ народѣ. И вотъ эта-то фундаментальность среды, подлежащей художественной обработкѣ, эта огромность задачи и пугаетъ его, и, вмѣсто цѣльнаго художественнаго воспроизведенія, заставляетъ прибѣгать къ окольному пути публицистическихъ толкованій и комментаріевъ. Замѣтьте, что эта опасливость находится въ самой тѣсной связи съ оригинальнымъ характеромъ таланта Успенскаго. Если бы онъ не обладалъ такимъ неистощимымъ запасомъ юмора, такъ онъ можетъ быть былъ бы въ настоящемъ случаѣ самоувѣреннѣе. Но онъ не можетъ творить иначе, такъ

создавая драму изъ комическихъ деталей. Таково стихійное влеченіе его таланта, и въ этомъ его сила и та именно центральная точка, въ которой сходятся всѣ его симпатичныя стороны. Надѣлъ онъ на Машу «турецкое челмо» и вообще обрядилъ совсѣмъ «по смѣшному», а вышла героиня драмы, серьезности которой челмо ни мало не повредило. Но поступая такъ болѣе или менѣе спокойно съ пиро-и-гидро-техниками и вообще съ разночинной толпой, Успенскій боязливо останавливается передъ предметами, которые представляются ему (и несомнѣнно должны представляться) особенно большими и значительными. Такими почти неприкосновенными по своей значительности предметами представляются Успенскому, какъ можно судить по нѣкоторымъ отрывкамъ, не только народъ, но и нѣкоторыя острыя знаменательныя явленія въ жизни такъ называемаго общества. Онъ боится на нихъ посягнуть: что, какъ челмо какое-нибудь надѣнешь да потомъ ничѣмъ и не загладишь этого юмористическаго посягательства? И вотъ онъ подходитъ къ предмету не прямымъ, наиболѣе ему свойственнымъ путемъ, а окольной дорогой публицистики. Потому — страшно! Кто говоритъ! конечно, страшно, но кому много дано, съ того много и спросится. А Успенскому такъ много дано, что хоть бы онъ на самого себя челмо надѣлъ, такъ изъ подъ челма все-таки будутъ смотрѣть на читателя все тѣ же серьезные, вдумчивые, глубоко человѣчные глаза...

Я кончилъ, говорятъ адвокаты.—Я не адвокатъ Успенскаго и потому говорю: я не кончилъ. Чувствую, что многое въ этомъ письмѣ можетъ показаться бездоказательнымъ и апріорнымъ, въ особенности потому, что я былъ скупъ на иллюстраціи изъ сочиненій Успенскаго. Надѣюсь поправить дѣло впослѣдствіи, когда появятся всѣ сочиненія. Но, не будучи адвокатомъ, я все-таки хочу выразить полное свое согласіе съ однимъ изъ прокуроровъ,— съ тѣмъ именно непроницательнымъ критикомъ, который наговорилъ задорно смѣшныхъ словъ о «высокомѣріи» и «самоослѣпленіи» Успенскаго. Непроницательный критикъ сказалъ,

однако, одну несомнѣнную истину: «надо указать мѣсто Успенскому». Да, надо. Это мѣсто въ переднемъ углу, гдѣ сидятъ почетнѣйшіе и желаннѣйшіе гости. Читающая публика давно ужъ его тамъ помѣстила. Только вотъ онъ самъ упирается, да еще мы, критики, маленько запаздываемъ...

Декабрь
1883 г.

ПАЛКА О ДВУХЪ КОНЦАХЪ.

Захеръ-Мазохъ. «Завѣщаніе Каина». — Галицкіе разсказы. Переводъ съ нѣмецкаго *С. А. Котельниковой.* М. 1877. — *Захеръ-Мазохъ.* «Идеалы нашего времени». Романъ въ 4-хъ частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. *С. А. Котельниковой.* М. 1877.

«Не одинъ только чисто-литературный интересъ представляютъ намъ произведенія Захеръ-Мазоха: если французская и нѣмецкая критика восхваляютъ его ради новизны, ради того невѣдомаго для нихъ и широко раскрывшагося новаго міросозерцанія, ради той мощной реальности, которою дышатъ всѣ выводимые авторомъ типы, наконецъ, ради того энергичнаго изложенія и блестящаго юмора, которымъ пропитана каждая страница его труда, то все это вдвойнѣ дорого для насъ, ибо невѣдомый западу и интересующій его новый кругозоръ — *нашъ*, славянскій кругозоръ; выводимые Захеръ-Мазохомъ типы — *наши*, хотя и съ мѣстною окраской, но все же родные намъ, русскіе типы; сцена дѣйствія во всѣхъ лучшихъ разсказахъ автора — русская Галиція; хотя дѣйствующія здѣсь лица и австрійцы по своему государственному положенію, но по вѣрѣ и языку, по своему нравственному и интеллектуальному складу — всѣ они русскіе, весьма мало отличающіеся отъ русскихъ нашей Малороссіи. Хотя всѣ произведенія автора написаны имъ на нѣмецкомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе онъ всецѣло можетъ назваться національнымъ писателемъ Галицкой Руси, какъ Гоголь или Тургеневъ, которыхъ взялъ онъ себѣ за образцы — національные писатели Великороссіи, или какъ Шевченко — народный малороссійскій поэтъ. Отсюда понятна та особая, кровная связь, которая, по мимо общеевропейскаго литературнаго значенія Захеръ-Мазоха, дѣлаетъ его особенно близкимъ и интереснымъ для русской публики».

Такъ говорится въ предисловіи къ русскому переводу «Завѣщанія Каина». Кажется, это—не простая издательская реклама

*

и не исключительно личное мнѣніе автора предисловія: высокая оцѣнка таланта Захеръ-Мазоха и мнѣніе о «кровной» его связи съ нами, русскими читателями, чуть не цѣликомъ заимствованы у французскихъ и нѣмецкихъ критиковъ, какъ видно изъ «Голоса критики», приложеннаго къ «Идеаламъ нашего времени». (Мимоходомъ сказать, если и вообще переводъ Захеръ-Мазоха не блещетъ достоинствами, то эти отрывки изъ французскихъ и нѣмецкихъ рецензій переведены просто безбожно.) Передъ нами, значитъ, во всякомъ случаѣ — чрезвычайно любопытное литературное явленіе. Благодаря многочисленнымъ переводамъ, мы довольно хорошо знакомы съ главными европейскими литературными теченіями, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ видныхъ ихъ представителяхъ. Но вотъ намъ указываютъ на европейскаго писателя, намъ совершенно незнакомаго, оригинальность котораго состоитъ, между прочимъ, именно въ его славянскомъ или даже прямо русскомъ «кругозорѣ» и который, вдобавокъ, высоко талантливъ. Французскіе критики часто поминаютъ рядомъ Тургенева и Захеръ-Мазоха, какъ двухъ яркихъ и равносильныхъ представителей русской національности, духа русскаго народа и проч...

Теперь, когда оба главныя произведенія Захеръ-Мазоха переведены, русскій читатель можетъ составить себѣ вполнѣ удовлетворительное понятіе объ этомъ любопытномъ литературномъ явленіи. И съ перваго же раза онъ наткнется на слѣдующій фактъ. «Завѣщаніе Каина» представляетъ рядъ разсказовъ, связанныхъ одною общею идеею. Мѣсто дѣйствія этихъ разсказовъ—Галиція. Авторъ постоянно говоритъ о «нашей народности», «нашей пѣснѣ» и т. п., вездѣ разумѣя Галицкую Русь, которая притомъ вяжется для него съ Русью Русскою. Онъ и родомъ — галичанинъ, и говоритъ иногда: «мы, русскіе». А въ «Идеалахъ нашего времени» столь же часто повторяются выраженія: «мы, нѣмцы», «наше общество», «наши писатели» и т. д., причемъ разумѣется Германія, новая, объединенная Германія Бисмарка и Круппа. Захеръ-Мазохъ относится къ ней сатирически, и страстный тонъ его сатиры не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло дѣйствительно со «своимъ», близко къ сердцу лежащимъ. Спра-

шивается, къ какой же, въ концѣ концовъ, націи причисляетъ себя Захеръ-Мазохъ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ *свой*—въ Германіи, или въ Галицкой Руси? Какъ слѣдуетъ отвѣчать на этотъ вопросъ — мы увидимъ ниже. Ясно, однако, что отвѣтъ не такъ простъ, какъ думаетъ авторъ предисловія къ «Завѣщанію Каина». Мало того: смыслъ самого вопроса становится подозрительнымъ.

Но сперва—нѣсколько словъ о художественной сторонѣ произведеній Захеръ-Мазоха. «Мощная реальность типовъ» изобрѣтена переводчикомъ. У Захеръ-Мазоха ея нѣтъ. Есть художники мелкаго письма, старательно выслѣживающіе мельчайшія подробности какого-нибудь психологическаго процесса или какого-нибудь образа, картины, подбирающіе свой матеріалъ, какъ въ мозаичной работѣ, изъ мелкихъ, болѣе или менѣе вѣрно подражающихъ краскамъ природы камешковъ. Захеръ-Мазохъ не принадлежитъ къ ихъ числу. Онъ склоненъ къ широкимъ размахамъ кисти; тщательная разработка подробностей, въ видахъ вѣрно или невѣрно понятой художественной правды, попадается у него очень рѣдко. Но его нельзя причислить и къ тѣмъ художникамъ крупнаго письма, которые, жертвуя подробностями и фотографическою правдой, нѣсколькими штрихами создаютъ глубоко потрясающіе образы. Если подойти къ этимъ образамъ съ аршиномъ, вѣсовою гирей и другими измѣрительными инструментами (какъ это недавно сдѣлалъ Зола съ Жоржъ Зандъ и Викторомъ Гюго), то можно найти много мелкихъ неточностей неправильностей; но дѣло въ томъ, что подобные образы производятъ такое впечатлѣніе, какое почти никогда не удастся производить даже самымъ талантливымъ художникамъ мелкаго письма. Возможно, конечно, и соединеніе тщательной детальной разработки съ яркостью и потрясающимъ впечатлѣніемъ цѣлаго. Впрочемъ, это для насъ здѣсь—постороннее дѣло, потому что съ высоко талантливыми представителями крупнаго письма Захеръ-Мазохъ имѣетъ общаго только размахъ, но отнюдь не силу удара. Его изображенія не говорятъ сами за себя: они нуждаются въ обстоятельной рекомендаціи со стороны автора, доходящей иногда чуть не до плоскости знаменитой подписи: «се левъ, а

не собака». Не обладая большой творческой силой, Захеръ-Мазохъ прибѣгаетъ къ обыкновеннымъ ея суррогатамъ, какіе пускаются въ ходъ второстепенными и третьестепенными талантами: или пересаливаетъ, или влагаетъ въ уста своихъ героевъ длинные, длинные монологи сатирическаго, описательнаго, нравоучительнаго, философскаго и т. д. характера, не говоря о подобныхъ же тирадахъ, которыя онъ вставляетъ время отъ времени уже прямо отъ собственнаго лица.—Онъ большею частью умно, хотя иногда слишкомъ эксцентрично, придумываетъ положенія для своихъ дѣйствующихъ лицъ; но, приводя свой планъ въ исполненіе, вдругъ заставитъ, напримѣръ, юношу, объясняющагося въ любви, проговорить цѣлую диссертацію о предметѣ, можетъ быть, и очень важномъ, но въ данномъ случаѣ напоминающемъ «чиновника, совсѣмъ посторонняго вѣдомства». И въ предисловіи къ «Идеаламъ нашего времени», и диссертаціями, вложенными въ уста героевъ, Захеръ-Мазохъ требуетъ правды отъ романа и громитъ ходульную идеализацію. Но когда самъ онъ принимается рисовать положительные типы, то передъ читателемъ встаютъ люди, добродѣтельные до глупости и, притомъ, столь обширнаго ума, сколько только его имѣется въ распоряженіи самого автора.

Этотъ недостатокъ творческой силы, оставаясь, разумѣется, недостаткомъ, не играетъ однако большой роли въ произведеніяхъ Захеръ-Мазоха. Онъ — романистъ-философъ, романистъ-публицистъ. Онъ говоритъ, что нельзя «воспретить поэзіи строгое и серьезное изученіе соціальныхъ вопросовъ», и прямо объявляетъ себя однимъ изъ представителей этого рода поэзіи. А одинъ изъ его любимыхъ героевъ (въ «Идеалахъ нашего времени») говоритъ:

„Вальтеръ превосходно выразился, замѣтивъ, что задача писателя—срывать съ глазъ публики повязку заблужденій. Но наши писатели задались иною задачей: они нарочно завязываютъ публикѣ глаза еще плотнѣе, и потому я называю ихъ идеализмъ безнравственнымъ. Кто въ мірѣ, полномъ несчастій, пороковъ и глупостей, не заботясь объ участи своихъ братьевъ, воспѣваетъ луну или разсказываетъ чувствительныя нравоучительныя сказочки, того нельзя назвать нравственнымъ писателемъ“.

При такомъ пониманіи задачи романиста, Захеръ-Мазохъ не можетъ не только подлежать чисто эстетической критикѣ, но даже желать ея. Было бы, конечно, очень хорошо, если бы онъ оказался художественнымъ дарованіемъ первой величины, но на нѣтъ и суда нѣтъ. Судить, значитъ, надо не столько художника, сколько философа и публициста, склоннаго облекать свои идеи въ художественную форму. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что недостатокъ творческой силы иногда шутитъ дурныя шутки и съ внѣ-поэтическими цѣлями Захеръ-Мазоха. Намъ, вѣроятно, не разъ придется указывать мимоходомъ на художественные промахи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣчать ихъ вредное вліяніе на выполненіе нравственныхъ или философскихъ задачъ автора.

«Завѣщаніе Каина» задумано по очень широкой программѣ. Его основная идея выражается въ прологѣ, который почему-то не переведенъ, а только разсказанъ въ предисловіи. Мы его въ такомъ видѣ и приведемъ.

«Съ ружьемъ на плечѣ, разсказываетъ авторъ:—бродилъ онъ въ сопровожденіи стараго егеря по густой чащѣ дѣвственнаго лѣса, какъ вдругъ спутникъ его остановился, указывая на высоко парившаго надъ ними орла; егерь прицѣлился, и убитая птица упала къ ногамъ охотниковъ. — «Каинъ! Каинъ!»—послышался вдругъ чей-то мощный голосъ, и изъ-за раздвинувшихся кустовъ выступила странная фигура старца съ длинной сѣдой бородой и съ такими же длинными, развѣвающимися на вѣтрѣ сѣдыми волосами; ветхій костюмъ и тыквенная фляжка на боку изобличали въ незнакомцѣ человѣка, чуждаго людской средѣ, бѣжавшаго отъ всѣхъ удобствъ и наслажденій жизни.—«Какая была вамъ польза въ убійствѣ невинной твари, дѣти Каина?»—началъ старецъ, и между нимъ и авторомъ завязалась оживленная бесѣда. Старецъ оказался *странникомъ*, т. е. принадлежащимъ къ *странническої* сектѣ, довольно распространенной среди православнаго населенія Галиціи. Основные принципы странниковъ таковы: міръ есть царство сатаны, почему странники бѣгутъ отъ него, бѣгутъ отъ человѣчества и отъ всего, что только составляетъ интересъ и рычагъ его жизни и дѣятельности, ибо надъ всѣмъ этимъ тяготѣетъ проклятіе; любовь, стремленіе къ богатству и власти, все что радуетъ и двигаетъ человѣка въ его общественной и индивидуальной жизни, все это—завѣтъ Каина потомству, все это вещи, отъ которыхъ—все зло, все несчастіе и вся гибель человѣчества; одна смерть можетъ вырвать изъ рукъ человѣка проклятое наслѣдіе, отравляющее его; одна смерть можетъ вполнѣ возстановить въ человѣкѣ тотъ міръ, которымъ нѣкогда пользовался

онъ въ лонѣ природы, только одна смерть опять возвратитъ его въ это лоно; отсюда смерть есть желанный предѣлъ, къ которому съ упованіемъ стремится странникъ, а въ ожиданіи ея онъ долженъ вести такой образъ жизни, который болѣе приближалъ бы живаго человѣка къ мертвецу: отсюда самоотреченіе, страданіе и терпѣніе».

Такова прелюдія. Затѣмъ идетъ самая драма, рядъ разсказовъ, въ которыхъ долженъ послѣдовательно развернуться весь ужасъ составныхъ частей проклятаго наслѣдія Каина: «любви, стремленія къ богатству и власти, всего, что радуетъ и двигаетъ человѣка въ его общественной и индивидуальной дѣятельности». До сихъ поръ мы имѣемъ, однако, дѣло только съ любовью. Правда, авторъ предисловія упоминаетъ о второй серіи «Завѣщанія Каина», о разсказахъ: «Правосудіе крестьянъ», «Гайдамакъ», «Газара-Раба», въ которыхъ рисуется «та неустанная, вѣчная борьба, какая всюду ведется между неимущими и богатыми классами человѣчества; проклятіе, тяготѣвшее надъ любовью, переносится здѣсь на корыстолюбивые и алчные инстинкты человѣческой природы; на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ сцены самой ожесточенной рѣзни и кровавой мести». Но, во-первыхъ, эти разсказы, къ большому сожалѣнію, не переведены, а во-вторыхъ, и въ нихъ мы «встрѣчаемъ опять ту надменную, но торжествующую Далилу, этого вампира съ золотыми кудрями, высасывающаго кровь изъ сердца мужчины, поверженнаго въ прахъ передъ нею и обезоруженнаго волшебными чарами ея поцѣлуевъ».

Читатель согласится, конечно,—каково бы то ни было нравственное и философское значеніе идеи «Завѣщанія Каина»,—что планъ задуманъ широко и удачно, даже если бы онъ ограничивался только однимъ параграфомъ каинова завѣщанія—истрепанною безчисленнымъ множествомъ романистовъ, драматурговъ и лирическихъ поэтовъ любовью. «Въ Отечественныхъ Запискахъ» было недавно замѣчено, что истасканность этой темы грозитъ очень неблагопріятными для литературы послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, въ старые годы графиня Ростопчина распѣвала: «Въ горахъ я встрѣтила черкеса и предалась любви съ тѣхъ поръ». «Черкесъ»—это все-таки—идея, въ которую входитъ пред-

ставленіе чего-то мужественнаго, вольнолюбиваго, цѣльнаго, гордаго. А нынѣ г-жа Га—рини объявляетъ, съ благословенія г. Тургенева, что она около Турина встрѣтила «бѣлыя ноги» красиваго итальянца и предалась любви съ тѣхъ поръ. Здѣсь уже нѣтъ ничего, кромѣ бѣлыхъ ногъ и другихъ частей тѣла мужчины. Дальше въ лѣсъ—больше дровъ. Для поддержанія интереса къ истасканной темѣ придется все больше и больше обнажать бѣлыя ноги, а потомъ перейти къ изображенію противоестественныхъ пороковъ, какъ оно уже и практикуется во французской литературѣ. Мать дочери велитъ на эту книгу плюнуть, но дочь, разумѣется, ее прочтетъ, а мать — и подавно. Пріемъ Захеръ-Мазоха можетъ спасти тему отъ такого нравственнаго и художественнаго паденія, потому что переноситъ интересъ съ пикантныхъ подробностей любовныхъ исторьетокъ на развитіе и воплощеніе нѣкоторой общей мысли. Если испорченный современнымъ романомъ читатель и отсюда извлечетъ только извѣстное эротическое возбужденіе и сантиментальное участіе къ судьбамъ Альфонса и Луизы, Надины и Фіоріо, то и иного сорта читатель можетъ получить нѣкоторую умственную пищу.

Первый разсказъ называется «Коломейскій Донъ-Жуанъ». Случайность задерживаетъ автора на нѣкоторое время въ жидовской корчмѣ. Та же самая случайность заводитъ въ корчму коломейскаго Донъ-Жуана—сосѣдняго помѣщика. Что се левъ, а не собака, Донъ-Жуанъ, а не обыкновенный смертный,—это, благодаря мало художественной торопливости автора, обнаруживается при самомъ его появленіи въ корчмѣ. Жена корчмаря, какъ увидѣла его, такъ и растаяла:

„Она нагнулась надъ прилавкомъ и, вертя жестяную мѣрку въ своихъ прозрачныхъ рукахъ, вперила свои глаза въ пріѣзжаго. Пылкая, жаждущая душа засвѣтилась въ ея большихъ страстныхъ глазахъ, черныхъ, какъ ночь; то былъ вампиръ, выползшій изъ могилы истлѣвшаго трупа и впившійся въ прекрасное лицо незнакомца“.

А когда еврей-корчмарь прогналъ ее прочь, «она какъ будто еще больше сгорбилась и съ полузакрытыми глазами, *шатаясь, какъ во снѣ*, отошла отъ прилавка». До такой степени

неотразимъ коломейскій Донъ-Жуанъ! До такой степени онъ— Донъ-Жуанъ: пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ, какъ не удавалось побѣждать и байроновскому Донъ-Жуану! Но, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень разговорчивъ, то немедленно принимается бесѣдовать съ авторомъ и, разумѣется, о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Онъ — человѣкъ семейный и когда-то безумно любилъ свою жену, она его тоже любила, они были счастливы. Но все это счастіе разлетѣлось, какъ дымъ, послѣ перваго ребенка. Коломейскій Донъ-Жуанъ имѣетъ кое-какое литературное образованіе, хотя обнаруживаетъ такъ мало вкуса, что цитируетъ пошлѣйшее стихотвореніе Карамзина: «измѣнилъ, иной прельстился, виноватъ передъ тобой; но не надолго влюбился, измѣнилъ уже и той» и т. д. (это же стихотвореніе Захеръ-Мазохъ выбралъ эпиграфомъ своему разсказу); онъ склоненъ къ философствованію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ— человѣкъ слишкомъ «веселый», чтобы умѣть выразить отвлеченный итогъ множества отдѣльныхъ конкретныхъ непріятностей, причиненныхъ ему первымъ ребенкомъ, первымъ «залогомъ любви». Онъ очень хорошо знаетъ этотъ итогъ, еще того лучше чувствуетъ, но не можетъ его выразить словами. Онъ можетъ разсказать только нѣкоторые отдѣльные случаи того, какъ «залогъ любви» становился между нимъ и безумно любимой женой. По своей грубоватой и чувственной натурѣ, онъ напираетъ преимущественно на тѣ случаи, когда залогъ любви нарушаетъ его право «хорошей постели». А «что называете вы, напримѣръ, «хорошей постелью? спрашиваетъ онъ:—не правда ли—хорошій матрацъ, мягкія подушки, теплое одѣяло и красивая жена?» Вотъ этотъ-то послѣдній элементъ хорошей постели и отвлекается постепенно ребенкомъ, который то ѣсть хочетъ, то пугается, то такъ, то ни съ того, ни съ сего кричитъ. Такъ или иначе, но будущій коломейскій Донъ-Жуанъ начинаетъ сильно ревновать жену къ ребенку. Хотя, надо замѣтить, «когда у насъ гости, разсказываетъ онъ съ горечью:—тогда ребенокъ можетъ и покричать; тогда она вбѣжитъ къ нему на минуту и спокойно потомъ разливаетъ чай, смѣется и болтаетъ—вѣдь, что не дѣлается для

гостей?» Бѣдный кандидатъ въ Донъ-Жуаны, поносившись съ своимъ горемъ, начинаетъ искать утѣшенія на сторонѣ, а утѣшеніе ему нужно очень скромное, очень дешевое; онъ его находитъ поэтому очень скоро, сначала въ полудикой крестьянкѣ, потомъ—въ сосѣдкѣ помѣщицѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь къ женѣ не совсѣмъ изсякаетъ. Въ женѣ, между тѣмъ, амурныя похожденія мужа порождаютъ какую-то странную смѣсь «любви и ненависти», какую-то «неистовую нѣжность». Она начинаетъ кокетничать съ другими, отчасти, кажется, по прямому внутреннему влеченію, а отчасти—чтобы насолить мужу, но увлекается этой игрой до того, что, наконецъ, мужъ застаетъ ее въ объятіяхъ одного своего пріятеля. Съ этихъ поръ Донъ-Жуанъ «сталъ смотрѣть на женщинъ какъ на особую породу дичи, охота за которой труднѣе, но за то и благодарнѣе». Съ этихъ поръ онъ сталъ грозой мужей всей коломейской округи. Но среди всего веселья, которое даетъ такое препровожденіе времени, ему приходятъ, однако, въ голову мрачныя мысли; онъ ихъ гонитъ, разумѣется, и можетъ гнать, благодаря силѣ, здоровью, темпераменту; но веселый разсказъ его, все-таки, звучитъ чѣмъ-то натянутымъ и внутреннею болью.

Коломейскій Донъ-Жуанъ разсказываетъ преимущественно факты. Только разъ пытается онъ сдѣлать болѣе или менѣе опредѣленный отвлеченный выводъ, который гласитъ такъ:

„Дѣти связываютъ насъ на-вѣки и неразлучно гонятъ насъ въ самый шквалъ, какъ окаянныхъ въ дантовомъ аду. Вообще, не случалось ли вамъ поразмыслить: какую ловушку намъ ставитъ природа въ любви? Не допускаете ли вы... ахъ! что бишь я хотѣлъ сказать?—да, съ самаго начала мужчина и женщина созданы собственно для обоюдной вражды. Надѣюсь, вы поняли меня? Природа поставила себѣ задачей продолжать человѣческій родъ, а по свойственному намъ тщеславію и легковѣрію, мы воображаемъ себѣ, что она только заботится о нашемъ счастіи. Какъ бы не такъ! Едва появится на свѣтъ Божій ребенокъ, какъ конецъ счастію, конецъ и любви. Мужъ и жена начинаютъ смотрѣть другъ на друга, какъ люди, сдѣлавшіе между собой плохую сдѣлку; оба обмануты, а между тѣмъ ни тотъ, ни другой не обманывалъ. Но они все еще думаютъ, что рѣчь идетъ объ одномъ ихъ счастіи—они враждуютъ между собой, вмѣсто того чтобы винить природу, присоеди-

нившую другое чувство къ ихъ непостоянной любви, чувство непроходящее—любовь къ дѣтямъ".

Мысли эти не столько принадлежатъ самому коломейскому Донъ-Жуану, сколько навѣяны ему другомъ, Львомъ Бодошканомъ, который «слишкомъ много читалъ и думалъ, оттого и захворалъ». Донъ-Жуанъ постоянно носитъ на груди рукопись Льва Бодошкана и охотно читаетъ автору отрывки изъ нея. «Что называется жизнью?... размышляетъ ученый Бодошканъ:—страданіе, сомнѣніе, страхъ и отчаяніе. Откуда пришелъ ты? кто ты? куда идешь?—И не имѣть ни малѣйшей власти надъ природой, не слышать отвѣта на эти жалкіе, отчаянные вопросы! Вся людская премудрость, въ концѣ концовъ—самоубійство. Но природа создала намъ муку, которая хуже жизни. Эта мука—любовь. Люди называютъ ее радостью, наслажденіемъ» и т. д. Продолжать не стоитъ, потому что и мысли Льва Бодошкана не столько принадлежатъ ему, сколько заимствованы имъ у Артура Шопенгауера.

Да и вообще все «Завѣщаніе Капна» есть ничто иное какъ попытка художественнаго комментарія, иллюстраціи къ мрачной философіи Шопенгауера,—попытка, заслуживающая вниманія въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, пессимизмъ Шопенгауера нынѣ въ лицѣ Гартмана возродился и добился успѣха, какого отнюдь не имѣлъ при своемъ оригинальномъ творцѣ. Во вторыхъ, философія Шопенгауера сплетается у Захеръ-Мазоха съ нѣкоторыми чисто народными воззрѣніями, и это-то сплетеніе составляетъ едва ли не самую любопытную сторону его сочиненій. Въ немъ, между прочимъ, слѣдуетъ искать отвѣта на вопросъ о томъ, гдѣ Захеръ-Мазохъ *свой*—въ Галицкой Руси, или въ Германіи? Извѣстная родственность философіи Шопенгауера съ нѣкоторыми воззрѣніями русскаго (можетъ быть, слѣдуетъ сказать галицко-русскаго) народа стоитъ для Захеръ-Мазоха внѣ всякаго сомнѣнія.

„Какая замѣчательная пѣсня! перебиваетъ себя въ одномъ мѣстѣ коломейскій Донъ-Жуанъ, прислушиваясь къ пѣснѣ ночнаго сторожа.—И въ ней этотъ вѣчный напѣвъ... Вотъ у нѣмцевъ есть Фаустъ; вѣрно, и у англичанъ есть своя книга. У насъ же каждый мужикъ это знаетъ безъ книги. Онъ какъ будто по предчувствію понимаетъ, въ чемъ заключается жизнь. Отчего

народъ нашъ имѣетъ наклонность къ меланхоліи?—Отъ равнины. Она разливается, какъ необозримое море, и волнуется, когда въ ней бушуетъ ничѣмъ не сдерживаемый вѣтеръ. Небо окунается въ нее, какъ и въ море; она молчалива, какъ вѣчность, и неизвѣстна, какъ природа. Со всѣхъ сторонъ окружаетъ она человѣка. Ему хотѣлось бы побѣсѣдовать съ нею и получить отвѣтъ на то, что его тревожитъ. Пѣснь его похожа на болѣзненный стонъ, который вырывается изъ груди, и, ничѣмъ не утѣшенный, замираетъ какъ вздохъ. Тогда человѣку становится жутко».

Въ разсказѣ «Фринко Балабанъ» авторъ уже отъ собственнаго лица говоритъ:

«Мнѣ стало любопытно послушать старика, такъ какъ наши крестьяне, никогда не заглядывающіе въ книгу, не владѣющіе перомъ,—врожденные политики и философы. Въ нихъ та же восточная мудрость, что въ бѣдныхъ рыбакахъ, пастухахъ и нищихъ «Тысячи и одной ночи», къ которымъ захаживалъ знаменитый Гарунъ-аль-Рашидъ. Я ожидалъ услышать нѣчто такое, чего не приходится слышать ежедневно и чего не найдешь ни въ Гегелѣ, ни въ Молешотѣ».

Но что̀ найдешь, пожалуй, у Шопенгауера—можетъ сказать читатель, что̀ думаетъ заинтересовавшій Захеръ-Мазоха старикъ. И, дѣйствительно, старикъ-крестьянинъ Колавко разсуждаетъ о суетѣ суетъ, о мукахъ и ничтожествѣ бытія совершенно такъ же, какъ ученый Левъ Бодошканъ, какъ отставной солдатъ Фринко-Балабанъ, какъ веселый коломейскій Донъ-Жуанъ, какъ многія другія дѣйствующія лица Захеръ-Мазоха, наконецъ, какъ самъ Захеръ-Мазохъ. Всѣ они какъ бы развиваютъ и собственною своею судьбою подтверждаютъ различныя части пессимистскаго ученія Шопенгауера вообще и его теоріи любви въ частности. Только этимъ и замѣчательны разсказы «Фринко-Балабанъ» и «Лунная ночь», въ художественномъ отношеніи очень натянутые и вообще плохіе. Мы ихъ совсѣмъ обойдемъ, отмѣтивъ только упомянутое совпаденіе шопенгауеровскихъ идей съ идеями народными.

Не сто̀ило бы останавливаться и на «Любви Платона», если бы не крайняя эксцентричность постройки этого разсказа. Жилъ былъ, изволите ли видѣть, юный философъ, графъ Гендрикъ Тарновскій, который боялся любви и женщинъ. «Я смотрю на женщину, какъ на что-то непріязненное, пишетъ онъ своей матери.—

Существо ея вполнѣ чувственное». Задача женщины, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы притянуть къ себѣ мужчину, произвести новыя существа «и затѣмъ обречь меня на смерть». Настоящая любовь, такая, которой юный философъ хотѣлъ бы отдаться, состоитъ въ «духовной преданности другой личности»; но такую любовь невозможно встрѣтить въ женщинѣ или по отношенію къ ней, потому что тутъ примѣшивается чувственность, сбивающая человѣка съ настоящаго пути. Тутъ возможенъ только рядъ очарованій и разочарованій, а въ резузьтатѣ — утомленіе и отвращеніе отъ жизни. Настоящая любовь возможна только между двумя мужчинами. Прочитавъ «Пиршество» Платона, Тарновскій пришелъ отъ него въ восторгъ. Въ особенности, ему понравились банальный афоризмъ насчетъ преимущества духовной красоты надъ тѣлесною и глубокая мысль о происхожденіи половыхъ различій. По мнѣнію одного изъ участниковъ «Пиршества», Аристофана, какъ извѣстно, мужчина и женщина составляли нѣкогда одно цѣлое, но богъ боговъ раздѣлилъ ихъ и съ тѣхъ поръ они ищутъ каждый свою половину. «И я—такая же жалкая половина!» восклицаетъ Тарновскій. Но это нисколько не колеблетъ его страха къ любви и къ женщинамъ. Онъ готовъ любоваться красотою послѣднихъ, но избѣгаетъ сближенія съ ними. До какой степени онъ, по мысли автора, добродѣтеленъ и благороденъ и до какой степени онъ, въ сущности, глупъ, видно изъ слѣдующаго эпизода. Товарищи завели его въ пріютъ веселыхъ дамъ. Онъ не понимаетъ гдѣ онъ. Одна веселая дама увлекаетъ его въ свою комнату.

«Ахъ, какой очаровательный и поэтичный будуаръ, замѣтилъ я (это самъ юный мизогинъ пишетъ матери):—настоящее обиталище фей; здѣсь нельзя не придти въ прекрасное настроеніе и не поддаться чистѣйшимъ ощущеніямъ!»—Малютка съ улыбкой взглянула на меня.—«Сядемте въ бесѣдку», сказала она.—«Если вы позволяите», отвѣчаялъ я.—«О! я все позволю вамъ», вскричала она, и опять та же улыбка показалась на ея устахъ.—«Любите ли вы розаны?» спросила она, немного погодя.—«Я брежу розами», отвѣтилъ я:—«но еще болѣе розовыми бутонами, которые такъ дѣвственны и такъ нѣжны».

Бесѣда эта, между прочимъ, даетъ вамъ нѣкоторое понятіе о

«мощной реальности типовъ» Захеръ-Мазоха. Какъ бы то ни было, но такого олуха, какъ графъ Гендрикъ Тарновскій, провести, разумѣется, не трудно. И вотъ находится женщина (наша соотечественица, княгиня Барагрева), которая переодѣвается мужчиной и въ такомъ видѣ проводитъ время съ нашимъ женоненавистникомъ, выслушивая его кисло-сладкіе разговоры, густо усыпанные сантиментально-философскимъ миндалемъ и изюмомъ. Но когда, наконецъ, обманъ открывается, Тарновскій приходитъ въ ярость и сразу обрываетъ знакомство, доставившее ему столько наслажденій духовной любви, сопровождавшейся, впрочемъ, и нѣкоторыми вещественными знаками вродѣ цѣлованія рукъ и объятій. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, Тарновскій снова встрѣчаетъ Барагреву, женится на ней, но черезъ годъ разводится (у нея оказался любовникъ) и поселяется въ деревнѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Шустеромъ, который одинаково съ нимъ смотритъ на женщинъ и на любовь. Онъ выражается объ этихъ вещахъ такъ:

«Мужу лучше безъ жены, говоритъ самъ апостолъ Павелъ; ты страдаешь только пока обладаешь ею, но какъ скоро потеряешь ее, ты сейчасъ же почувствуешь облегченіе. Что касается до меня, то я предпочитаю добровольное иночество браку и даже вашимъ связямъ съ разведенными и неразведенными женщинами. Не говоря уже о тѣхъ страданіяхъ, которымъ подвергаешься, имѣя жену, я считаю безсовѣстнымъ оставлять послѣ себя дѣтей, которыя будутъ страдать не менѣе меня и, какъ и я, сдѣлаются добычею смерти».

Такое истинно нелѣпое произведеніе, какъ «Любовь Платона» (обладай авторъ нѣсколько бо́льшимъ талантомъ, онъ бы могъ, разумѣется, сдѣлать хоть что-нибудь даже изъ этакой эксцентричной тэмы), нужно было Захеръ-Мазоху въ качествѣ лишней иллюстраціи къ шопенгауеровскому тезису горя отъ любви. А этотъ тезисъ составляетъ лишь частный случай общаго положенія о горѣ отъ существованія—положенія, усердно развиваемаго Захеръ-Мазохомъ.

II.

Не въ первый и, вѣроятно, не въ послѣдній разъ возвѣщается міру, что жизнь есть тяжелое бремя, что ея минутныя и обманчивыя радости не выкупаютъ продолжительныхъ и дѣйствительныхъ страданій существованія. Не въ первый разъ это мрачное недовѣріе къ жизни пріобрѣтаетъ многочисленныхъ сторонниковъ. Шопенгауеръ самъ отмѣтилъ сходство своего ученія со взглядами буддистовъ и аскетовъ всѣхъ временъ. Мы имѣемъ цѣлую коллекцію этихъ мрачныхъ воззрѣній, очень разнообразно формулированныхъ, въ различной степени разработанныхъ, очень разнообразно осуществляемыхъ практически. Тутъ есть и тонкое кружево индійской метафизики, и грубая, но плотная ткань русскихъ «вредныхъ» сектъ, и плетево, якобы, «индуктивно - естественно-научнаго» метода Гартмана, и истерзанныя покаянныя одежды средневѣковья, и бѣлыя хламиды ессеевъ и проч., и проч. Обширность этой коллекціи представляетъ множество данныхъ для сравненія и выводовъ. Сравненіе тутъ важно не столько для непосредственной критической оцѣнки пессимизма, какъ доктрины (хотя и въ этомъ отношеніи оно можетъ дать цѣнныя указанія), сколько для выясненія источниковъ пессимизма, причины его возникновенія и распространенія. Само собою разумѣется, что причины эти должны быть очень общи и очень важны. Личность проповѣдника, какими бы выдающимися качествами она ни обладала, значитъ здѣсь меньше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ ученіи. Допустимъ, что жизнь есть, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто мрачное, тяжкое, беспросвѣтное. Убѣдиться въ этомъ, во всякомъ случаѣ, не легко. Разочарованіе можетъ послѣдовать только за очарованіемъ. Жизнь, какъ признаютъ всѣ пессимисты-теоретики и практики-аскеты, представляетъ столько соблазновъ, что для признанія міра безъисходною юдолью плача и скрежета зубовнаго мало пламенныхъ рѣчей проповѣдника, мало и холодныхъ доводовъ разума: надо почувствовать бремя жизни, надо изнемочь подъ нимъ. Если, какъ гласитъ преданіе, греческій философъ Гегезій публичнымъ прославленіемъ смерти, какъ избави-

тельницы отъ мукъ существованія, вызвалъ настоящую манію самоубійства, такъ ужъ, конечно, его краснорѣчіе играло тутъ только второстепенную, подчиненную роль. Элементы для маніи были уже всѣ на лицо въ самой жизни учениковъ Гегезія, да и самъ онъ былъ только выразителемъ извѣстнаго общественнаго настроенія. Не рѣчи проповѣдниковъ и не отвлеченныя разсужденія о горѣ отъ существованія побуждаютъ индійскаго аскета въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ стоять вверхъ ногами, зарывшись головой въ муравьиную кучу; жизнь его, значитъ, дѣйствительно настолько горька, что горечь ея перевѣшиваетъ боль отъ приливовъ крови и укусовъ муравьевъ. Проповѣди, воззванія и доводы отъ разума могутъ, конечно, раздувать огонь костровъ, на которыхъ горѣли наши фанатики-самосожигатели; но они безсильны зажечь его, безсильны и потушить; потушить и зажечь его можетъ только сама жизнь, изъ которой бѣгутъ фанатики. Вообще, никогда и нигдѣ люди не принимали ученія, несоотвѣтствующаго условіямъ ихъ жизни.

Приглядываясь къ исторіи пессимистскихъ доктринъ, моментовъ учащеннаго самоубійства, аскетическихъ взглядовъ, мы безъ труда увидимъ, что всѣ эти явленія имѣютъ двоякое происхожденіе.

Одинъ нѣмецкій писатель (Dühring, «Der Werth des Lebens») очень остроумно и наглядно поясняетъ одно изъ теченій, завершающихся полнымъ разочарованіемъ въ жизни, примѣромъ объѣвшагося человѣка. Умѣренное насыщеніе, т. е. нормальное удовлетвореніе потребности питанія, ведетъ къ пріятному ощущенію равновѣсія и покоя. Напротивъ, пресыщеніе сопровождается тяжелымъ чувствомъ, и объѣвшемуся человѣку въ особенности непріятно вспоминать ѣду, видѣть обѣдающихъ, кушанья, напитки: все это вызываетъ въ немъ отвращеніе. Пресыщеніе же, такъ сказать, хроническое, т. е. постоянное злоупотребленіе органовъ питанія, вызываетъ усиленное требованіе все новыхъ и болѣе сильныхъ возбужденій, оканчивающееся притупленіемъ нервовъ и крайнимъ затрудненіемъ всей функціи питанія. Такому человѣку естественно разочароваться въ жизни, такъ какъ

богъ, которому онъ молился, отступился отъ него. Обладая, при разстроенномъ желудкѣ и развинченныхъ нервахъ, нѣкоторымъ образованіемъ и діалектикой, онъ можетъ обратиться въ философа-пессимиста, болѣе или менѣе логически оправдывающаго свой мрачный взглядъ на жизнь. Можетъ онъ и самоубійствомъ кончить. Таково именно происхожденіе значительной доли пессимистскихъ взглядовъ въ высшихъ, болѣе состоятельныхъ и образованныхъ классахъ общества. Далеко переступая, въ погонѣ за разнаго рода наслажденіями, предѣлы нормальныхъ потребностей человѣка, эти люди не въ состояніи уравнять ростъ ощущеній съ ростомъ раздраженій и часто изнываютъ отъ тоски среди такой обстановки, въ которой, кажется, чего хочешь, того просишь. Затѣмъ является мыслитель, составляющій плоть отъ плоти и кость отъ костей пресыщеннаго общества, и облекаетъ это мрачное настроеніе въ философскія формулы. Онъ объявляетъ, что жизнь есть цѣпь страданій, что лучшее, что̀ можно съ нея взять, это — покой, отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, сокращеніе желаній, такъ какъ они все равно не дадутъ ничего, кромѣ горя, а еще лучше оборвать жизнь, умереть, не быть. Онъ не говоритъ, въ сущности, ничего новаго, невѣдомаго слушающему его люду; онъ только подводитъ философскій итогъ множеству отдѣльныхъ, разбросанныхъ жизненныхъ фактовъ. Нѣтъ никакой надобности, чтобы самъ мыслитель былъ пресыщенъ на-подобіе своихъ согражданъ, чтобы онъ утопалъ въ наслажденіяхъ. Напротивъ, онъ можетъ быть бѣденъ, какъ Іовъ, и вести самую умѣренную жизнь, не прельщаясь ни одною изъ цѣлей, которыя волнуютъ окружающихъ его. Онъ долженъ только быть съ ними въ общеніи, наблюдать ихъ бѣшеную и напрасную погоню за все далѣе убѣгающимъ счастіемъ, видѣть ихъ скучающія лица, трупы самоубійцъ, слышать періодическую смѣну ихъ рѣчей въ мажорномъ и минорномъ тонѣ. Есть, однако, одна сторона во всей этой печальной исторіи, которая захватываетъ непосредственно лично его. Обыкновенно, онъ—мыслитель и ничего больше, притомъ мыслитель, ищущій въ себѣ самомъ, въ своемъ «духѣ» отвѣтовъ на загадки жизни. Такъ было, по

крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, да такъ оно и должно быть. Но «духъ» мыслителя, подобно духу самаго обыкновеннаго смертнаго, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что не было бы въ него предварительно вложено, въ видѣ сознательнаго или безсознательнаго опыта. А такъ какъ сфера опыта человѣка, который— мыслитель и ничего больше, крайне узка, а его жажда знанія очень велика и требуетъ все новой и новой пищи, каковой взять неоткуда, то возникаетъ внутреннее противорѣчіе, разрѣшающееся пессимизмомъ. Достойно, въ самомъ дѣлѣ, вниманія, что всѣ выдающіеся нѣмецкіе философы болѣе или менѣе отдали дань пессимизму, окончательно восторжествовавшему въ ученіяхъ Шопенгауера и Гартмана. Захеръ-Мазохъ не знаетъ этого параграфа «завѣщанія Каина», хотя не разъ восторгается «Фаустомъ» Гёте, который представляетъ превосходный примѣръ жизни, разбитой жаждой знанія, несоотвѣтствующей ни силамъ человѣка вообще, ни жизненному опыту ея носителя въ частности. Съ какой, впрочемъ, стороны «Фаустъ» интересуетъ Захеръ-Мазоха,—это понять довольно трудно, такъ какъ онъ, не обинуясь, дѣлаетъ такія, напримѣръ, сопоставленія: «когда, говоритъ, читаешь «Фауста» или «Дворянское гнѣздо», то» и т. д...

Есть, однако, и другой источникъ недовѣрія и презрѣнія къ жизни, источникъ совершенно противоположный —невольное воздержаніе всякаго рода. Что жизнь не мила голодному человѣку— это очень естественно и не требуетъ ни объясненій, ни доказательствъ: замедленіе процесса обмѣна веществъ въ организмѣ понижаетъ энергію всѣхъ отправленій и, слѣдовательно, въ корень подрываетъ возможность жизнерадостнаго взгляда на міръ. Понятны эффекты голоданія хроническаго. Вообще, всякаго рода лишенія, дойдя до извѣстнаго предѣла, низводятъ энергію жизненныхъ отправленій до такого minimum'а, дорожить которымъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не стоитъ. Представляется просто выгоднымъ—искусственно подавить этотъ малый остатокъ жизне-дѣятельности, дабы, дойдя до полной нечувствительности къ внѣшнему міру, избѣжать страданій. Таково происхожденіе пессимизма въ низшихъ классахъ общества, среди которыхъ всякое экстренное

крупное бѣдствіе—война, голодовка, эпидемія, усиленіе гнета—вызываетъ цѣлыя толпы людей, готовыхъ идти въ дѣлѣ отреченія отъ жизни до послѣднихъ предѣловъ. И здѣсь, въ свою очередь, являются люди, способные охватить это настроеніе общею формулою, дать ему знамя. Но это—не философы, не спеціалисты мысли, гордо черпающіе рѣшеніе занимающихъ ихъ вопросовъ изъ своего разума. Удаляясь въ пустыни, зарываясь въ пещеры, терпя голодъ и жажду, воздерживаясь отъ половаго акта, словомъ, до послѣдней степени сокращая свои сношенія со всѣмъ, дѣйствующимъ на внѣшнія чувства, подвижники приходятъ въ состояніе экстаза. Они видятъ видѣнія, слышатъ голоса, сообщающіе имъ тайны прошедшаго и грядущаго, они пророчествуютъ, и пророчествамъ ихъ внимаютъ тѣмъ охотнѣе, что справедливо видятъ въ нихъ только концентрацію своихъ собственныхъ горькихъ чувствъ и думъ. Притомъ же, экстатическое состояніе сопровождается высокою степенью нечувствительности къ страданію. Экстатика можно рѣзать, колоть, жечь, не вызывая или почти не вызывая въ немъ ощущенія боли. Окружающимъ это, естественно, представляется, во-первыхъ, чудомъ, а во-вторыхъ—вполнѣ желаннымъ состояніемъ, потому что они, изстрадавшіеся, ищутъ именно выхода изъ цѣпи страданій. Все это вмѣстѣ высоко поднимаетъ значеніе экстаза; является надобность вывести его изъ-подъ власти случайности, пріискиваются средства для искусственнаго его достиженія—«радѣнія», посты, наркотическія вещества и проч.

Какъ ни много существенныхъ чертъ упущено нами въ этомъ болѣе чѣмъ бѣгломъ очеркѣ происхожденія мрачныхъ взглядовъ на жизнь, но ясно, во всякомъ случаѣ, что именно этими двумя путями, а не какими нибудь другими, внѣдряется пессимизмъ. Ясно далѣе, что мы имѣемъ здѣсь палку о двухъ концахъ, которая бьетъ «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Поэтому, Захеръ-Мазохъ, во всякомъ случаѣ, до извѣстной степени правъ, заставляя крестьянина Коланко и отставнаго солдата Балабана высказывать тѣ же шопенгауеровскія мысли, которыми проникнуты ученый Бодошканъ, коломейскій помѣщикъ, философствующій графъ Тарновскій и, нако-

нецъ, самъ Захеръ-Мазохъ. Если имѣть въ виду только окончательный результатъ, къ которому приходятъ объѣвшіеся и голодные, отправляясь отъ противоположныхъ точекъ, то мы найдемъ, дѣйствительно, значительное сходство между обоими концами палки. Пѣсня полуднаго фанатика: «нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть; смерть одна спасти насъ можетъ, смерть», развѣ это—не шопенгауеровскій мотивъ? и развѣ не то же самое говорилъ одолѣваемый сплиномъ англійскій лордъ, утверждая, что въ его роскошномъ саду нѣтъ ни одного дерева, которое не внушало бы ему страстнаго желанія повѣситься? Но, во первыхъ, Захеръ-Мазохъ безконечно далекъ отъ мысли, что это, дѣйствительно—два конца одной и той же палки. Каинъ, по его мнѣнію, завѣщалъ свое проклятое наслѣдство всѣмъ людямъ безъ исключенія и совершенно независимо отъ какого бы ни было различія въ ихъ положеніи. Вѣруя и исповѣдуя, что пессимизмъ есть истина и Шопенгауеръ—пророкъ ея, Захеръ-Мазохъ, какъ это часто бываетъ съ вѣрующими людьми, даже не задаетъ себѣ вопроса объ общественно-историческихъ корняхъ истины: это—единая, безотносительная истина, въ чемъ можно убѣдиться, прослѣдивъ личную судьбу каждаго, наугадъ выхваченнаго изъ толпы. Его герои приходятъ къ пессимизму, къ убѣжденію, что все скверно въ этомъ сквернѣйшемъ изъ міровъ, не потому, что одни изъ нихъ хронически объѣдались, а другіе хронически голодали, а потому, что пессимизмъ есть истина, соотвѣтствующая міровому порядку. Страдать должны всѣ вообще и каждый въ особенности; такъ было, такъ и будетъ, потому что таковъ міровой законъ; не въ тѣхъ или другихъ историческихъ случайностяхъ лежитъ причина зла, а въ самой жизни. Вы можете устраивать и пытаться устраивать эту жизнь какъ вамъ угодно, но, въ концѣ-концовъ, на верхъ, все-таки, всплыветъ единая, безотносительная истина анти-Панглосса: все скверно въ этомъ сквернѣйшемъ изъ міровъ. Значитъ, какъ въ безконечности теряется всякое различіе между правымъ и лѣвымъ, переднимъ и заднимъ, такъ и въ омутѣ жизни теряютъ всякое значеніе особенности обоихъ концовъ палки, бьющей по барину и по мужику: не барина и не мужика она бьетъ, а человѣка, существо, по са-

мой природѣ своей, несчастное, отъ вѣка и до вѣка обреченное на горе и страданіе. Можетъ быть, въ непереведенныхъ разсказахъ Захеръ-Мазоха—«Гайдамаки», «Судъ (кажется, «месть») крестьянъ»—побѣдоносные концы палки получаютъ свое логическое оправданіе съ пессимистской точки зрѣнія и включаются въ «завѣщаніе Каина», въ качествѣ самостоятельнаго параграфа, но въ томъ, что мы до сихъ поръ имѣемъ, объ ней даже и помину нѣтъ. Но мы знаемъ, какъ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые другіе пессимисты. Они могли бы сказать, что, прослѣдивъ общественно-историческіе корни пессимизма, мы указали только пути его торжества, но что пути эти фатальны, неизбѣжны, а потому и вопросъ о нихъ есть вопросъ второстепенный: это значитъ только, что въ числѣ золъ, на которыя обреченъ человѣкъ самою природою, есть палка о двухъ концахъ. Мы приводимъ, отъ лица пессимистовъ, это замѣчаніе только для полноты бесѣды, а въ сущности намъ въ настоящей статьѣ заниматься имъ не приходится. Защищать жизнь отъ ея искреннихъ и неискреннихъ враговъ мы здѣсь не намѣрены. Скажемъ только одно. Природа, какъ цѣлое, дѣйствительно, не особенно милостива къ своимъ созданіямъ, и Шопенгауеръ правъ, говоря, что страданія пожираемаго животнаго далеко превышаютъ наслажденіе пожирающаго, а между тѣмъ пожираніе это—законъ природы. Но собственно въ дѣлѣ о побѣдоносной палкѣ велѣнія природы несравненно мягче, благопріятнѣе. Англійскій лордъ, одолѣваемый сплиномъ; коломейскій Донъ-Жуанъ, усталый въ погонѣ за женскимъ сердцемъ; обжора, которому тошно смотрѣть на бѣлый свѣтъ, и проч.—всѣ эти объѣвшіеся люди разбиты въ погонѣ за наслажденіями: они ихъ получаютъ безъ труда и, притомъ, въ такомъ количествѣ, которое рѣшительно не соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ человѣческимъ силамъ. Полудикому фанатику, воспѣвающему смерть, какъ спасительницу, галицкимъ крестьянамъ Коланкѣ и Балабану и проч. выпало, напротивъ, на долю слишкомъ много труда и слишкомъ мало наслажденій. Говорятъ: таковъ законъ природы. Но природа издала законъ совершенно другого рода. Трудъ есть напряженіе извѣстной системы органовъ съ цѣлью произвести то или другое

измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ. Всякое наслажденіе, кромѣ наслажденія отдыха, есть точно также напряженіе извѣстной органической системы, только завершающееся не во внѣшнемъ мірѣ, а въ сознаніи наслаждающагося. И, по природѣ вещей, рѣшительно ничто не мѣшаетъ совпаденію этихъ двухъ теченій. Мы знаемъ, напротивъ, даже и теперь такіе виды и степени труда, которые сопровождаются высокимъ наслажденіемъ. Сами по себѣ, трудъ и наслажденіе составляютъ только двѣ стороны одного и того же процесса. Разлучаютъ ихъ не коренныя требованія природы, а вторичныя условія.

Это, впрочемъ, мимоходомъ. Вернемся къ Захеръ-Мазоху.

Какъ ни велико сходство жизненныхъ итоговъ объѣвшихся и голодныхъ, но это все-таки—не полное совпаденіе. Разница въ формулированіи итоговъ—дѣло, разумѣется, пустое: необразованный человѣкъ выразитъ свою мысль грубо и не разовьетъ ея, человѣкъ образованный пуститъ въ ходъ тончайшую діалектику или яркія поэтическія картины, но результатъ—тотъ же. Главная разница—въ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ къ печальному нулю, стоящему въ итогѣ. Голодные пессимисты страшно логичны. Если они признаютъ, напримѣръ, любовь зломъ, источникомъ страданій,—они отказываются отъ нея, а если замѣчаютъ, что воля ослабѣваетъ,—они прямо и просто скопятъ себя. Коломейскій Донъ-Жуанъ поступаетъ иначе. Онъ кокетничаетъ горемъ отъ любви и съ нѣкоторымъ своеобразнымъ удовольствіемъ ворочаетъ пессимистскій ножъ въ своихъ ранахъ. Онъ лично вовсе не намѣренъ измѣнять свой образъ жизни, отказываться или даже мало-мальски стѣсняться въ дѣлѣ любви, хотя она и представляется ему въ видѣ какого-то чудовища. Онъ только развиваетъ первому встрѣчному въ корчмѣ свои идеи, а бѣжать отъ чудовища у него просто нравственныхъ силъ нѣтъ. Онъ фокусничаетъ. Графъ Гендрикъ Тарновскій придумываетъ еще болѣе замысловатый фокусъ—влюбляется въ мужчину. Ошибка Захеръ-Мазоха состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ Тарновскаго идеально чистаго юношу. Весь жизненный опытъ этого двадцатилѣтняго мизогина состоитъ въ томъ, что онъ видѣлъ, какъ не-

счастна была его мать. Это немножко маловато для обращенія на противоестественный путь любви къ мужчинѣ, которое было бы, однако, совершенно понятно въ объѣвшемся старикѣ. Старый развратникъ (можетъ быть, и молодой годами), которому, дѣйствительно, надоѣла жизнь вообще и любовь въ особенности, но у котораго не хватаетъ силы покончить ни съ той, ни съ другой, можетъ прибѣгнуть, какъ къ послѣднему рессурсу, послѣднему раздражающему отупѣлые нервы средству — къ такой пакости. Если у Захеръ-Мазоха вся эта исторія вышла не пакостна, а глупо-смѣшна, такъ единственно потому, что онъ далъ идеально-чистому юношѣ совсѣмъ неподходящую роль. И такъ во всемъ и всегда. Объѣвшійся можетъ очень обстоятельно, съ большою эрудиціей и діалектикой и, притомъ, вполнѣ искренно громить всѣ параграфы завѣщанія Каина и, въ то же время, цѣпляться за каждый изъ нихъ скрюченными отъ истощенія, изможденными пальцами. Голодный же пессимистъ, если его пальцы инстинктивно, помимо его воли, тянутся къ какому-нибудь клочку каинова наслѣдства, просто отрубаетъ ихъ. На одномъ только практическомъ пунктѣ могутъ сойтись объѣвшіеся и голодные—на самоубійствѣ. Здѣсь объѣвшіеся даже, повидимому, много рѣшительнѣе, чѣмъ голодные, потому что сравнительно чаще лишаютъ себя жизни. Но это зависитъ отъ другихъ различій между ними.

Въ упомянутомъ сочиненіи, Дюрингъ сводитъ происхожденіе пессимизма въ общемъ къ тѣмъ же двумъ источникамъ, хотя нѣсколько иначе развиваетъ вопросъ. Между прочимъ, онъ справедливо говоритъ, что то небытіе, та нирвана, къ которой такъ рвутся объѣвшіеся пессимисты, не есть собственно ни бытіе, ни небытіе, ни жизнь, ни смерть, а нѣчто совершенно двусмысленное, особенно если его поставить рядомъ съ твердыми, опредѣленными чертами загробной жизни, какъ она представляется уму пессимистовъ голодныхъ. Нетрудно объяснить причины такой разницы. Въ погонѣ за наслажденіемъ объѣвшійся изнемогаетъ, готовъ проклинать жизнь, которая, дѣйствительно—едва выносимое бремя для него, но, въ силу основнаго психо-физическаго

закона Фехнера (ощущеніе ростетъ медленнѣе раздраженія, именно—какъ логариѳмъ его), не можетъ остановиться и разными способами все еще пытается щекотать свои нервы. Онъ и по ту сторону гроба вытягиваетъ эту мучительно дорогую для него нить и боится совершеннаго уничтоженія свой личности, но, въ то же время, онъ—болѣе или менѣе вольнодумный философъ, съ презрѣніемъ смотрящій на понятія простыхъ людей о загробной жизни. Онъ лавируетъ между тѣмъ и другимъ, и создаетъ какую-то туманную, двусмысленную сферу ни жизни, ни смерти, ни бытія, ни небытія. Голодный пессимистъ находится въ совершенно иномъ положеніи, потому что и болѣзнь его совсѣмъ другая. Источникъ его мрачнаго взгляда на жизнь—чрезмѣрный трудъ при ничтожномъ количествѣ наслажденій, страшное напряженіе творчества при отсутствіи пользованія плодами его. На его долю досталась только та сторона единаго по природѣ вещей процесса труда - наслажденія, которая завершается во внѣшнемъ мірѣ. Какъ бы ни была велика проистекающая отсюда исковерканность человѣческой природы, взросшій на этой почвѣ труда пессимизмъ сохраняетъ въ себѣ нѣкоторое зерно животворнаго начала. Въ девяносто девяти случаяхъ на сто, голодные пессимисты увѣрены, что рано, или поздно, на землѣ или на небѣ наступитъ конецъ мукамъ и воцарятся правда и добро. Они, какъ наши бѣгуны, настоящаго града не имутъ, но грядущаго взыскуютъ. Многое въ этомъ случаѣ должно быть поставлено на счетъ степени умственнаго развитія голоднаго пессимиста, но многое также составляетъ продуктъ чисто нравственныхъ его требованій. Достойно вниманія, что объѣвшіеся пессимисты страдаютъ, мыслятъ, живутъ въ одиночку, каждый въ берлогѣ своей. Только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ изъ нихъ слагаются кружки и общины, непремѣнно, надо замѣтить, принимающія фанатически-піэтистическую, мракобѣсную окраску, взятую напрокатъ у голодныхъ пессимистовъ, но совершенно извращенную. Намъ извѣстенъ только одинъ случай оригинальный, своеобразной группировки объѣвшихся пессимистовъ, именно—клубъ самоубійцъ, существовавшій въ первой

четверти нынѣшняго столѣтія, члены котораго, по уставу, ежегодно накладывали на себя руки поочередно, по одному въ годъ. Наоборотъ: голодные пессимисты въ большинствѣ случаевъ группируются въ общины, толки, «корабли», живутъ и даже умираютъ, какъ самосожигатели, сообща. Это, конечно, такъ и быть должно, потому что подавляющее большинство жизненныхъ процессовъ объѣвшихся завершается въ нихъ самихъ, въ одинокой личности, тогда какъ значительнѣйшая доля жизненной энергіи голодныхъ направлена, въ видѣ творчества, труда, на внѣшній міръ, на созданіе предметовъ общей пользы и необходимости. Подвергая себя ужаснѣйшимъ мученіямъ, «убивая плоть» самыми варварскими способами, голодные пессимисты почти всегда увѣрены, что они дѣлаютъ не личное свое, а общее дѣло водворенія или приближенія взыскуемаго ими «грядущаго града», въ которомъ всѣмъ мѣсто будетъ. Такимъ же характеромъ искупленія отличаются и ихъ сравнительно рѣдкія, но за то, такъ сказать, общественныя и, притомъ, болѣе или менѣе мучительныя самоубійства. Простое: взялъ да зарѣзался— почти не практикуется. Для объѣвшихся, напротивъ, это—единственный исходъ, когда весь запасъ возможныхъ фокусовъ истощился или когда какой нибудь крупный, рѣзкій переворотъ въ жизни моментально обрываетъ источники новыхъ возбужденій.

Впрочемъ, область пессимистскаго фокусничества можетъ быть, при нѣкоторомъ искусствѣ и доброй волѣ, чрезвычайно расширена, причемъ отличіе отъ требованій голодныхъ пессимистовъ станетъ, разумѣется, обозначаться все рѣзче и яснѣе.

Представимъ себѣ невозможное: голоднаго пессимиста, читающаго «Философію Безсознательнаго» Гартмана. Читатель этотъ— человѣкъ съ изболѣвшимъ сердцемъ, мало образованный, но крайне серьезно, строго относящійся къ себѣ и ко всему, что доступно его понятію. Онъ не безъ интереса читаетъ первыя главы книги Гартмана, многаго не понимаетъ, многое пропускаетъ, многаго не одобряетъ—потому слишкомъ вольнодумно. Но вотъ онъ приходитъ къ XII главѣ: «Неразумность хотѣнія и муки существованія». Онъ сильно заинтересованъ. «Первая

стадія иллюзіи, читаетъ онъ: счастіе предполагается достижимымъ на настоящей ступени міроваго развитія, т. е. теперь же доступнымъ для всякаго». Затѣмъ идетъ пессимистская оцѣнка здоровья, молодости, свободы, дружбы, любви, богатства, славы и проч. Всѣ эти вещи оказываются обманчивыми, эфемернымп, отовсюду торчатъ змѣиныя жала, слабо прикрытыя розами и золотомъ. Читатель не удовлетворенъ, но интересъ его все ростетъ, онъ видитъ что-то какъ будто родственное себѣ; многое сказано чуть не прямо тѣми самыми словами, которыя онъ и прежде, въ своемъ кругу слыхалъ. «Вторая стадія иллюзіи: счастіе предполагается достижимымъ въ вѣчной, посмертной жизни». Этимъ параграфомъ нашъ читатель совершенно недоволенъ, даже возмущенъ имъ... «Третья стадія иллюзіи: счастіе предполагается лежащимъ въ будущемъ естественнаго міроваго процесса». Читатель хмурится все сильнѣе и сильнѣе, но нѣсколько успокоивается, увидя заглавіе XIII главы: «Цѣль міроваго процесса и значеніе сознанія (переходъ къ практической философіи)». А, онъ не даромъ прочиталъ толстую книгу: вотъ, наконецъ—«переходъ къ практической философіи», то, что̀ ему особенно нужно! Онъ, вольно или невольно привыкшій къ труду, сростившій съ нимъ свое нравственное существо, онъ дѣйствующій, дѣлающій, всего ближе къ сердцу принимаетъ вопросъ: что же ему дѣлать, какъ ему вести себя въ этой юдоли плача и скрежета зубовнаго, горя и страданій?—«Всѣ стремятся къ счастію, читаетъ онъ: — въ этомъ именно и состоитъ ищущая удовлетворенія воля». Но мы видѣли, что это стремленіе—просто глупость, что надежда на его осуществленіе—иллюзія, что конецъ его—горе разочарованія. Такимъ образомъ, возникаетъ непримиримое противорѣчіе между волей, жаждущей удовлетворенія и счастія, и разумомъ. Противорѣчіе все ростетъ и оканчивается побѣдой сознанія: всякое хотѣніе оказывается вздоромъ; только отреченіе ведетъ къ лучшему изъ возможныхъ состоянію — отсутствію страданія. — Очень одобряетъ это знакомое вступленіе нашъ читатель и, тяжко и сочувственно вздохнувъ, идетъ дальше. Тамъ опять нѣчто знакомое, интересное, за душу хватающее:

маленькое разсужденіе о томъ, цѣлесообразно-ли самоубійство вообще и въ особенности добровольная смерть отъ голода, при которой неразумная воля, въ конецъ побѣжденная сознаніемъ, проволакивается за его тріумфальной колесницей по всему долгому процессу мучительной агоніи? «Нѣтъ, говоритъ Гартманъ:— медленно или внезапно вымрутъ люди—бѣдный міръ отъ этого не перестанетъ существовать. Мало того: великое метафизическое начало Безсознательнаго воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для созданія новаго человѣка или другаго подобнаго типа, и рогъ изобилія страданія наполнится вновь. Всѣ попытки индивидуальнаго отреченія отъ воли основаны на узкомъ и безнравственномъ себялюбіи: надо не себя только освободить, а способствовать освобожденію всего бѣлаго свѣта».—Есть тутъ вещи неясныя и непріятныя для нашего воображаемаго читателя, но конецъ онъ встрѣчаетъ, какъ манну небесную голодный еврей въ пустынѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ дѣлаетъ ссылку на посланіе къ римлянамъ. Да, это — именно то, что ему нужно: не себя только спасти — велика штука повѣситься! — а весь божій міръ; правда, онъ до сихъ поръ подъ міромъ больше людей разумѣлъ; но если господинъ Эдуардъ фон-Гартманъ научитъ какъ спасти «всякую тварь», такъ чего лучше? Но не продолжительны, однако, надежды читателя — не даромъ господинъ Эдуардъ фон-Гартманъ убѣждалъ его никогда не надѣяться! Конецъ страданіямъ,—гласитъ толстая книга—можетъ наступить только въ моментъ окончанія мірового процесса. Поэтому каждый долженъ отдаться теченію міроваго процесса, сдѣлать цѣли Безсознательнаго цѣлями своего сознанія. Такимъ путемъ «инстинктъ снова водворится въ своихъ правахъ, и обращеніе воли къ жизни провозгласится единою предварительною истиною *); потому что, только вполнѣ отдавшись жизни и

*) Сомнѣваясь въ удовлетворительности своего перевода этой фразы, напечатанной у Гартмана крупнымъ шрифтомъ, приводимъ ее въ подлинникѣ: «...wird auf diesem Standpuncte der Instinct... wider in seine Rechte eingesetzt und die Bejahung des Willens zum Leben als das vorläufig allein Richtige proclamirt».

ея страданіямъ, а не путемъ жалкаго личнаго отреченія и самоустраненія, можно совершить нѣчто для міроваго процесса». «Мыслящій читатель пойметъ, прибавляетъ Гартманъ:—что построенная такимъ образомъ практическая философія заключаетъ въ себѣ полное примиреніе съ жизнью».—Можетъ быть, все это очень хорошо, но, увы! нашъ читатель не имѣетъ права титуловаться «мыслящимъ». Поэтому, онъ съ негодованіемъ швыряетъ объ полъ толстую книгу, которая обѣщала ему такъ много и дала такъ мало, которая такъ старалась поссорить его съ жизнью, полною страданій, только для того, чтобы потомъ стараться примирить его съ тою же жизнью, полною тѣхъ же страданій. А это, опять-таки, нужно только для того, чтобы не задерживать міроваго процесса съ его концомъ—опустѣлымъ, охладѣлымъ міромъ... «Дрянной, возмутительный фокусъ! возмутительная насмѣшка надъ страданіемъ!» думаетъ нашъ грубоватый читатель. И хорошо еще, что онъ не дочиталъ конца книги, гдѣ излагается въ общихъ чертахъ проектъ превращенія воли и существованія во всемъ мірѣ единовременнымъ рѣшеніемъ людскаго сознанія, людскаго или же сознанія другихъ, высшихъ существъ, которыя замѣнятъ къ тому времени людей на землѣ; потому что эта еще не очень скоро будетъ. Хорошо, также, что онъ не прочиталъ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій Гартмана и, между прочимъ, его любезно сообщенной человѣчеству автобіографіи. Онъ узналъ бы тогда, что господинъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ, такъ краснорѣчиво описывающій муки бытія, такъ рѣшительно разбивающій надежды на любовь, дружбу, семейное счастіе и проч., нанимаетъ въ Берлинѣ очень миленькій домъ, гдѣ проводитъ время, свободное отъ философскихъ занятій, въ кругу горячо любимой и горячо любящей супруги, прелестныхъ-малютокъ дѣтей и добрыхъ друзей, которые часто «приходятъ повеселиться къ пессимисту». Хорошо, что всего этого не узналъ нашъ голодный пессимистъ, потому что, при его необразованности и склонности къ фанатизму, можно бы было ждать большихъ непріятностей для господина Эдуарда фон-Гартмана и подобныхъ ему объѣвшихся пессимистовъ... Это вполнѣ нату-

рально, впрочемъ: пока палка не сломана, концы ея сблизить нельзя.

Захеръ-Мазохъ до такой степени далекъ отъ пониманія того, что произошло бы въ дѣйствительности при встрѣчѣ объѣвшихся и голодныхъ пессимистовъ, что заставляетъ ихъ дружественно бесѣдовать между собой и, притомъ, такъ, что не знаешь гдѣ кончается рѣчь одного и гдѣ начинается рѣчь другого. Образчикомъ можетъ служить бесѣда самаго автора съ солдатомъ Балабаномъ и столѣтнимъ старикомъ-крестьяниномъ Коланко въ разсказѣ «Фринко Балабанъ». Не въ томъ бѣда, что всѣ собесѣдники говорятъ одно и то же, развивая на разные лады мысль древняго объѣвшагося пассимиста насчетъ суеты суетъ и всяческой суеты. Мы видѣли, что до извѣстной степени такое совпаденіе мыслей и даже чуть не словъ—совершенно въ порядкѣ вещей. Но отношеніе къ предмету у голодныхъ и объѣвшихся непремѣнно различное, чего Захеръ-Мазохъ не досмотрѣлъ или, по малой мѣрѣ, не съумѣлъ выразить. Нельзя допустить, чтобы галицкіе голодные пессимисты, галицкіе «странники» рѣзко отличались отъ другихъ людей того же рода. Пусть Австрія—имъ мать (какъ это даетъ понять Балабанъ въ разсказѣ о своихъ солдатскихъ похожденіяхъ), а голодъ—даже не тетка, а такъ, какая-то седьмая вода на киселѣ; но голодные люди всѣхъ странъ и временъ все-таки какъ-то удивительно другъ на друга похожи. Въ непереведенной второй серіи разсказовъ, входящихъ въ составъ «Завѣщанія Каина», должно быть не мало картинъ изъ собственно народнаго галицкаго быта. Но изъ того, что имѣется у насъ въ рукахъ теперь, можно выудить, кажется, только одну характерную въ этомъ отношеніи черту. Коломейскій Донъ-Жуанъ, чтобы показать, какъ счастливъ былъ онъ первое время съ женой, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Однажды казачекъ роняетъ дюжину тарелокъ: онъ положилъ гору тарелокъ и несъ ее, придерживая подбородкомъ, какъ вдругъ все летитъ на полъ. Жена хватаетъ кнутъ съ гвоздя: «Ну, если госпожа меня постегаетъ, говоритъ онъ — такъ я всякій день буду ронять по дюжинѣ тарелокъ!»—понимаете ли вы?—и оба смѣются». Это одна идиллія, а вотъ другая.

Героиня повѣсти «Сказка о счастіи» (о которой сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ), прелестнѣйшая, умнѣйшая, образованнѣйшая, добрѣйшая, словомъ, идеальнѣйшая Марцелла пишетъ мужу: «Я не могла побѣдить своего гнѣва и начала хлестать своимъ кнутикомъ этого негодяя (работника Вальтера), и хлестала его до тѣхъ поръ, пока кровь не выступила на его лицѣ; теперь онъ своимъ видомъ похожъ на тигра, но зато совершенно присмирѣлъ». Преступленіе же Вальтера состояло въ томъ, что онъ накормилъ своего ястреба воробьями, находившимися подъ покровительстомъ барыни. Можетъ быть, слѣдуетъ видѣть нѣчто національно галицко-руское или государственно-австрійское въ обычаѣ галицкихъ изящныхъ дамъ (читающихъ, между прочимъ «Фауста» и «Дворянское гнѣздо»)—собственноручно расправляться «кнутиками» (маленькіе они такіе, дамскіе). Но что касается казачка и Вальтера, такъ они могли сыграть свою роль во всякой даже совершенно чужестранной идилліи, въ свое время, разумѣется. Теперь можетъ быть, и галицко-русскія изящныя дамы не дерутся.

И такъ, и галицкіе «странники», и Балабанъ, и Коланко, едва ли рѣзко отличаются отъ голодныхъ пессимистовъ всѣхъ вѣковъ. и странъ. А между тѣмъ Захеръ-Мазохъ влагаетъ имъ въ уста совершенно несоотвѣтственныя рѣчи. Извольте, напримѣръ, понять, что нижеслѣдующая рѣчь ведетъ не bel-esprit какой-нибудь, а галицкій мужикъ:

Видите ли, баринъ, я такъ думаю про себя: ты, братъ, довольно поскучалъ въ свою столѣтнюю жизнь, но будетъ же этому конецъ, а тутъ вдругъ о вѣчной жизни вспомнишь. Положимъ, господа, что оно все такъ и есть, какъ говорится о будущемъ блаженствѣ. Хорошо. Сперва могло бы показаться, что и тамъ не скучно, что и тамъ нѣтъ недостатка въ забавныхъ разговорахъ. Вотъ напримѣръ, св. Севастьянъ разскажетъ мнѣ, какъ турки пускали въ него свои стрѣлы, какъ пригвоздили его, подобно совѣ, и какъ онъ все-таки пошелъ навстрѣчу къ государю-язычнику и сказалъ ему: «въ тебѣ собачья кровь»! Разскажетъ онъ, какъ послѣ того его окончательно убили. Затѣмъ епископъ Поликарпъ повѣдаетъ мнѣ, какіе дѣльные отвѣты давалъ онъ какому-то фельдмаршалу-язычнику и какъ за то его изжарили на кострѣ. Но, наконецъ, св. Севастьянъ тысячу разъ будетъ разсказывать о стрѣлахъ и св. Винцентъ объ острыхъ стеклянныхъ осколкахъ; но вѣдь это что-жо? А вдобавокъ—не спать, вовсе не знать благодатнаго сна! Вѣдь когда спишь,

то въ волю позѣваешь, а кто знаетъ, могутъ ли даже зѣвать блаженныя души?»

Не беремся судить объ остроуміи этихъ игривостей, но что онѣ вполнѣ неумѣстны—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Для голоднаго пессимиста затронутый вопросъ слишкомъ серьезенъ и задушевенъ, чтобы онъ могъ трактовать его *съ такимъ* юморомъ. Оцѣнка настоящаго и будущаго съ точки зрѣнія скуки приличествуетъ только объѣвшемуся пессимисту.

Такъ-же неумѣстны и размышленія Балабана, котораго Захеръ-Мазохъ хотѣлъ одѣлить всѣми возможными и невозможными достоинствами и обвалялъ въ мелко истолченной добродѣтели, какъ котлету въ сухаряхъ. Вообще надо замѣтить, что лучшій изъ мелкихъ переведенныхъ разсказовъ Захеръ-Мазоха — «Коломейскій Донъ-Жуанъ». Это—дѣйствительно типичная фигура, но за-то это — единственный герой, котораго авторъ откровенно изображаетъ объѣвшимся. Всѣ остальные или совсѣмъ ничтожны, или на ходуляхъ стоятъ, или говорятъ совсѣмъ не тѣ рѣчи, которыя по ходу дѣла могутъ и должны говорить. Зависитъ это отчасти отъ необширныхъ размѣровъ таланта Захеръ-Мазоха, а отчасти оттого, что онъ самъ фокусничаетъ, а не серьезно и строго относится къ своему дѣлу. Получивъ «просіяніе своего ума» отъ Шопенгауера, онъ безъ разбора тычетъ всѣмъ и каждому ученіе нѣмецкаго пессимиста, даже не пытаясь прослѣдить, какимъ путемъ могло оно привиться тому, другому, пятому, десятому лицу. Но верхъ его фокусничества, это—послѣдній разсказъ — «Марцелла или сказка о счастьи», изъ котораго можно пожалуй вывести заключеніе, что авторъ, въ дѣйствительности— вовсе не такой ужъ отчаянный пессимистъ, какимъ желалъ бы казаться.

Извѣстно, какъ смотритъ на любовь Шопенгауеръ: природа сводитъ мужчину и женщину подъ предлогомъ будто бы ихъ личнаго счастія, а въ сущности единственно для того, чтобы продолжить родъ человѣческій; когда дѣло сдѣлано,—повязка падаетъ съ глазъ, и лучезарное счастіе, такъ обольстительно ма-

нившее, оказывается ничѣмъ не лучше пламени свѣчи, на которое летитъ и обжигаетъ себѣ крылья ночная бабочка. До сихъ поръ въ повѣстяхъ Захеръ-Мазоха мы и видѣли разные случаи горя отъ любви. Авторъ предисловія къ русскому переводу «Завѣщанія Каина» разсказываетъ, что повѣсти эти своей тенденціей произвели неблагопріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ; автора обвинили, какъ это и въ другихъ странахъ бываетъ, въ разныхъ злокозненныхъ «измахъ». «Какъ бы въ отвѣтъ на эти обвиненія, пишетъ авторъ предисловія:— Захеръ-Мазохъ написалъ свою «Марцеллу», названную имъ «сказкой о счастіи»; здѣсь любовь и семейный очагъ находятъ себѣ полное уваженіе, а душевная гармонія любящихъ сердецъ и вся обстановка окрашены такими цвѣтами, которые никакъ не могли сойти съ палитры художника-матеріалиста». Въ отвѣтъ-ли, не въ отвѣтъ-ли на упреки написалъ Захеръ-Мазохъ «Марцеллу», во всякомъ случаѣ, онъ напустилъ въ нее столько «цвѣтовъ», столько цвѣтовъ, что не одинъ Калхасъ сказалъ бы: «слишкомъ много цвѣтовъ!» Не слѣдуетъ думать, что заглавіе «сказка о счастіи» намекаетъ на какія-нибудь тайныя намѣренія автора перенести счастіе въ область сказки и тѣмъ рѣшительнѣе протестовать противъ возможности его въ дѣйствительности, какъ этого можно бы было ожидать отъ послѣдовательнаго пессимиста. Нѣтъ, въ повѣсти фигурируетъ настоящая сказка о счастіи, разсказанная сначала въ видѣ аллегорическаго вступленія, а потомъ чуть-чуть припутанная къ фабулѣ. Мораль этой незамысловатой сказки состоитъ въ томъ, что счастія надо искать на родинѣ и въ любви. Въ повѣсти, по обыкновенію нашего автора, дѣйствующія лица излагаютъ, не переводя духа, цѣлыя диссертаціи объ условіяхъ любви, и необыкновенно только то, что идутъ разсужденія объ условіяхъ *счастливой* любви. Все это мало любопытно, скучно и, наконецъ, къ дѣлу не идетъ. А дѣло-то въ томъ, что графъ Александръ Комаровъ обладаетъ необыкновенными и многоразличными достоинствами. Онъ—«со всѣхъ точекъ зрѣнія человѣкъ, подобнаго которому найти не легко»: богатъ, красивъ, образованъ, уменъ, силенъ, здоровъ, добродѣтеленъ, ода-

ренъ всепокоряющей силой воли. За то же и пара ему досталась: «она была такъ хороша, что мнѣ не случалось и никогда не случится увидѣть такую женщину. Всѣ прелести дѣвицы и женщины, все очарованіе естественности, простодушія и силы соединялись въ ней съ пикантнымъ благородствомъ, граціозной эластичностью и умственной возвышенностью; такъ что все вмѣстѣ взятое вѣяло такою обольстительностью, что я совершенно пришелъ втупикъ—трудно бы найти равное ей существо». Вдобавокъ, она такъ хорошо дерется «кнутикомъ» и такъ понимаетъ Тургенева, что мужъ отзывается о ней въ тонѣ, достойномъ коломейскаго Донъ-Жуана: «днемъ — самая красивая и умная изъ Сивиллъ, а ночью — Венера». Вы ждете, что пессимистъ-авторъ такъ густо нарумянилъ и набѣлилъ графа Комарова и Марцеллу съ тою злостною, но естественною въ авторѣ «Завѣщанія Каина» цѣлью, чтобы показать, что вотъ-молъ—на что ужъ, кажется, ангелы, а и то въ концѣ-концовъ передрались и разбѣжались въ разныя стороны. Ничуть не бывало. Графъ Комаровъ и Марцелла, не смотря на дѣтей, не смотря на всѣ обманы природы, не смотря на Шопенгауера и завѣщаніе Каина, до такой степени счастливы, что описаніе ихъ счастья можетъ произвести тошноту въ читателѣ съ мало-мальски развитымъ эстетическимъ чутьемъ. Причемъ же тутъ завѣщаніе Каина? И не есть ли это—повтореніе фокуса Гартмана, который на протяженіи толстой книги ссоритъ читателя съ жизнью, чтобы мирить его съ тою же жизнью на одной изъ послѣднихъ страницъ?

III.

Въ чемъ же состоитъ славянскій или даже «русскій» кругозоръ, открывшійся Европѣ чрезъ посредство произведеній Захеръ-Мазоха? Прежде всего, тутъ есть нѣкоторыя недоразумѣнія, отчасти серьезныя, отчасти забавныя. Одинъ изъ французскихъ рецензентовъ, мнѣнія которыхъ приложены къ «Идеаламъ нашего времени», говоритъ:

«На славянскомъ востокѣ мы замѣчаемъ возникновеніе реалистической школы. Тутъ реализмъ является съ совершенно своеобразнымъ, новымъ взглядомъ и неразлученъ съ тѣмъ пессимизмомъ, который лежитъ въ основѣ нравственной философіи этихъ пастушескихъ народовъ, именно—съ покорностью судьбѣ и слѣпымъ подчиненіемъ закону. Самымъ замѣчательнымъ и значительнымъ представителемъ этой школы является Захеръ-Мазохъ, малороссіянинъ изъ Галиціи... Онъ—доктринеръ и ярый послѣдователь Шопенгауера, чего онъ и не скрываетъ. И дѣйствительно, онъ имѣетъ право ссылаться на него. Смѣло можно назвать Захеръ-Мазоха, послѣ Шопенгауера, величайшимъ изъ славянскихъ философовъ. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ нихъ не съумѣлъ, подобно ему, возвести пессимизмъ на степень нравственнаго закона и основать метафизику на природномъ побужденіи».

Французскіе критики отличаются часто такимъ невѣжествомъ, а русскіе переводчики столь же часто такою безграмотностью, что мы не беремся рѣшить, кто въ данномъ случаѣ обратилъ Шопенгауера въ славянина и на чьей вообще душѣ лежитъ грѣхъ приведенной сплошной нелѣпости. По всей вѣроятности, надо раздѣлить грѣхъ пополамъ: французъ сболтнулъ, русскій повторилъ и немножко еще перевралъ. Но и болѣе, вообще говоря, свѣдущіе нѣмецкіе критики называютъ Захеръ-Мазоха «народнымъ, славянскимъ и современнымъ намъ Шопенгауеромъ» и т. п. И самъ Захеръ-Мазохъ считаетъ себя національнымъ «русскимъ» писателемъ, хотя и пишетъ по-нѣмецки и ищетъ, какъ мы упоминали, «нашихъ» и «нашего» въ Германіи. Останавливаясь на внѣшней сторонѣ дѣла, можно замѣтить, что Захеръ-Мазохъ раздѣляетъ судьбу многихъ австрійскихъ славянъ: славянинъ родомъ, онъ впутывается въ государственный организмъ Австріи, а черезъ нее, черезъ борьбу ея съ Пруссіей изъза преобладанія въ Германіи, въ нѣмецкія дѣла вообще, такъ что онъ и тамъ, и тутъ — «свой». (Кстати: авторъ предисловія къ «Завѣщанію Каина» утверждаетъ, что, послѣ Садовой, «основавъ оппозиціонную «Пруссіи» газету, Захеръ-Мазохъ открыто заявилъ себя представителемъ галиційской русской партіи, которая торжественно отдала себя подъ его покровительство». Отнюдь не хвастаясь знакомствомъ съ взаимными отношеніями галицкихъ партій, мы беремъ на себя, все-таки, смѣлость сказать, что это — пустяки.) Но дѣло не въ этомъ, а въ «славянскомъ

кругозорѣ» Захеръ-Мазоха. Славянскій кругозоръ, имѣющій въ діаметрѣ нѣмца Шопенгауера, это — нѣчто очень странное. Да и какой же національности можетъ быть поставленъ въ счетъ кругозоръ, возникающій, при извѣстныхъ условіяхъ, во всѣ времена и во всякой странѣ? Индусы и евреи, малороссы и греки, великоруссы и нѣмцы, римляне и болгаре — всѣ попробовали этого меда и именно въ тѣхъ двухъ направленіяхъ, которыя мы пытались обозначить. Вся разница въ томъ, что въ такой-то странѣ и въ такое-то время одно изъ этихъ направленій выразилось ярче, чѣмъ другое, а въ другой странѣ и въ другое время—наоборотъ. Если писатель избираетъ театромъ дѣйствія для своихъ произведеній свою родину, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что онъ — національный писатель, тѣмъ паче когда онъ, какъ Захеръ-Мазохъ, пишетъ на чужомъ языкѣ. Вотъ если-бы онъ уловилъ ту мѣстную пропорцію голодныхъ и объѣвшихся пессимистовъ, какая имѣется на его родинѣ, если бы онъ прослѣдилъ эту пропорцію до самыхъ ея корней въ мѣстной жизни — тогда былъ бы другой разговоръ. Тогда онъ былъ бы писатель національный по колориту и, въ то-же время, общечеловѣческій, какъ пѣвецъ объѣвшихся или голодныхъ, смотря по тому, чье горе и чье отношеніе къ жизни ближе принялъ бы къ сердцу. Теперь же, въ виду произведеній Захеръ-Мазоха, даже и не приходится говорить о національномъ и общечеловѣческомъ элементахъ въ поэзіи: нѣтъ поводовъ для такого разговора. Онъ — просто неразборчивый и мало-талантливый художественный комментаторъ Шопенгауера. Для пессимистской теоріи онъ сдѣлалъ, какъ мы видѣли, очень немного; для своей родины—еще меньше, потому что, если, напримѣръ, олухи, вродѣ графа Гендрика Тарновскаго, или изящныя дамы, въ родѣ Марцеллы, вообще возможны, то они одинаково могутъ рождаться и въ Галиціи, и въ Китаѣ.

Для своей второй родины, Германіи, онъ сдѣлалъ больше. Это не значитъ однако, чтобы онъ сдѣлалъ много.

«Идеалы нашего времени» посвящены Германіи,—новой, побѣдоносной Германіи. Для послѣдовательнаго пессимиста трудно

найти болѣе благодарную тему. Это водвореніе грубаго милитаризма и самохвальства; эта пятимильярдная контрибуція, съигравшая чуть не роль троянскаго деревяннаго коня; эта страшная горячка спекуляціи, породившая въ два года чуть не тысячу акціонерныхъ компаній, наполовину дутыхъ; эти банкротства, крахи и биржевые скандалы—какая тема выгоднѣе для романиста-пессимиста? Осмѣявъ старую Германію, русокудрую дѣву, съ голубыми очами, воздѣтыми горѣ, съ вѣнкомъ изъ незабудокъ на головѣ, съ кружкой пива въ одной и Вертеромъ въ другой рукѣ; разбивъ старыя иллюзіи сантиментальной любви, самодовлѣющей учености, мѣщанскаго счастія и проч., романистъ-пессимистъ могъ бы перейти къ новымъ иллюзіямъ власти, богатства, славы. Но Захеръ-Мазохъ оказался художникомъ, недоросшимъ до своей темы, и довольно дешевымъ моралистомъ. И самъ онъ, и его излюбленные, благороднѣйшіе до глупости герои громятъ иногда «наше время» за такіе пустяки, о которыхъ, во-первыхъ и говорить, не стоитъ и которые, во-вторыхъ, вовсе не составляютъ исключительнаго достоянія нашего времени. Мужчина надѣваетъ дѣвушкѣ коньки. Авторъ морализируетъ по этому случаю такъ: «Лицемѣріе, столь же слѣпое, какъ и самъ богъ Амуръ, такъ вкралось въ нашу общественную жизнь и изгнало изъ нея столько невинныхъ удовольствій, что теперь люди принуждены закрывать глаза на гораздо худшія вещи. Что можетъ, напримѣръ, болѣе возбудить фантазію, пробудить чувственность и прогнѣвить моралиста, какъ не близость красивой дамы, которая ставитъ ножку на колѣни къ лежащему (?) возлѣ нея мужчинѣ?» Нѣкто Плантъ, оказывающійся впослѣдствіи отъявленнымъ мерзавцемъ (около этого мерзавца группируются, впрочемъ, лучшія и, дѣйствительно, хорошія мѣста романа), занялъ у своего благороднѣйшаго пріятеля Андора фракъ, чтобы сходить на экзаменъ, да и заложилъ его. Событіе довольно обыкновенное въ студенческомъ быту и нашего, и стараго времени. Но авторъ освѣщаетъ его слѣдующимъ полупатетическимъ, полусаркастическимъ замѣчаніемъ: «Такова была его благодарность за всѣ благодѣянія, которыми до сихъ поръ осыпало его старомод-

ное семейство, а такъ какъ оно по-прежнему продолжало принимать его привѣтливо, то не имѣлъ ли онъ права осмѣивать всѣхъ его членовъ?» Такая стрѣльба изъ пушекъ по воробьямъ раздается чуть не на каждой страницѣ, что утомляетъ читателя и сглаживаетъ впечатлѣніе болѣе сильныхъ мѣстъ романа. Они есть. Захеръ-Мазохъ не церемонится со своей побѣдоносной второй родиной, и намъ, готовящимся нынѣ побѣдить Турцію, не мѣшаетъ познакомиться съ «Идеалами нашего времени». Тѣмъ болѣе, что Захеръ-Мазохъ дѣлаетъ намъ въ одномъ мѣстѣ любезность, утверждая, что насъ—въ противоположность нѣмцамъ—военные успѣхи не склоняютъ къ заносчивости, къ презиранію другихъ націй, вообще не портятъ...

Читатель, разумѣется, избавитъ насъ отъ пересказа «Идеаловъ нашего времени», и мы покончимъ двумя-тремя замѣчаніями.

«Идеалы нашего времени»—скорѣе обличительный романъ, чѣмъ философскій. Даже любимая пессимистская идея Захеръ-Мазоха хотя и тянется кое-гдѣ, но очень слабо, неполно, небрежно. «Идеаламъ нашего времени» противопоставляются идеалы такъ называемаго добраго стараго времени и, между прочимъ, старая нѣмецкая любовь и старое нѣмецкое семейное счастіе. Оборотъ — немножко странный для пессимиста, такъ настойчиво твердящаго, что любовь есть бичъ, оставленный человѣчеству Каиномъ, и что семейное счастіе есть иллюзія, быстро разлетающаяся. Далѣе, Захеръ-Мазохъ и не замѣчаетъ, что всѣ обличаемые имъ идеалы нашего времени—погоня за славой, за наживой, за наслажденіями—ведутъ къ разочарованіямъ и нравственнымъ банкротствамъ, которыя, въ свою очередь, какъ это можно доказать логически и исторически, завершаются пессимизмомъ и самоубійствами. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія пессимиста, Германія просто вкусила плодовъ древа познанія добра и зла.

Августъ
1877 г.

ДАМСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЯХЪ.

Тѣни Лассаля не даютъ покоя дамы. Сначала русская дама, г-жа С., а потомъ та самая Елена Дённигесъ, изъ-за которой Лассаль безсмысленно и безславно погибъ, повѣдали міру исторію своихъ интимныхъ отношеній къ покойнику. Эти дамы не пожалѣли красокъ для изображенія своихъ портретовъ: онѣ такъ плѣнительны, такъ обаятельно хороши и умны, ихъ сердце, умъ и физика представляютъ такую неисчерпаемую Голконду, что гдѣ же великому человѣку устоять! Дюжинный человѣкъ можетъ пройти мимо подобныхъ алмазныхъ розсыпей равнодушно, можетъ даже не замѣтить, какую царственную роскошь попираетъ онъ ногами. Но первый человѣкъ—а Лассаль былъ, конечно первый человѣкъ въ своемъ родѣ и въ свое время—долженъ оцѣнить Голконду съ перваго же взгляда и жадно припасть къ несмѣтнымъ сокровищамъ, волею судьбы сосредоточеннымъ въ одномъ образѣ дамы! И вотъ эти сокровища выбалтываютъ, къ вящшему своему прославленію, все, что происходило между ними и первымъ человѣкомъ, и даже то, чего очевидно не происходило. А вслѣдъ за ними и критики всѣхъ мастей и величинъ лѣзутъ въ душу покойника съ руками и ногами (потому что есть и такіе критики, которые ногами пишутъ) и располагаются тамъ, какъ у себя дома. А дома у нихъ, ай—ай! какъ неприглядно...

Достойное наказаніе для человѣка вродѣ Лассаля, который въ самомъ дѣлѣ тратилъ на женщинъ слишкомъ большую долю своихъ силъ. Но надо же и пожалѣть покойника. Хоть и мертвый человѣкъ, а все-таки такъ безпощадно стучать въ крышку его гроба комьями грязи не подобаетъ. Пусть Лассаль склонилъ голову передъ г-жей С. и Еленой Дённигесъ-Раковица, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы прекрасныя дамы имѣли право писать свои мемуары съ той развязностью, съ какой ведутъ себя лошади побѣдителей въ храмахъ побѣжденной страны. Лошади мѣсто въ конюшнѣ. Тамъ она можетъ правомѣрно исполнять всѣ свои естественныя отправленія, никого не удивляя и только радуя сердца сельскихъ хозяевъ.

Любопытно, что мемуары г-жи С. еще возбудили у насъ нѣкоторыя, весьма небольшія сомнѣнія, а мемуарамъ Елены Дённигесъ, безъ сравненія менѣе вѣроподобнымъ, всѣ повѣрили. Въ этомъ сошлись и г. В. К., изложившій мемуары на страницахъ «Вѣстника Европы» и относящійся къ Лассалю весьма сочувственно, и критикъ «Новаго Времени», который серьезно увѣренъ, что, обругавъ Лассаля Хлестаковымъ и еще какъ-то, онъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ большое мужество. Ни этотъ сочувствующій человѣкъ, ни этотъ необыкновенно смѣлый человѣкъ не посмѣли усомниться въ показаніяхъ такой дамы, какъ Елена Дённигесъ: какъ она сказала, такъ все и было. И даже въ голову имъ не пришелъ вопросъ: да правда ли, дескать, все это? А между тѣмъ вопросъ это очень естественный, потому что, во-первыхъ, въ печати вообще много врутъ, во-вторыхъ, въ автобіографіяхъ врутъ еще больше, въ-третьяхъ, въ такихъ автобіографіяхъ, какъ мемуары Елены Дённигесъ, врутъ и еще того больше. Эта дама хочетъ погрѣться въ лучахъ славы человѣка, который есть уже мертвое тѣло, а дѣло извѣстное, что мертвымъ тѣломъ можно и заборъ подпереть; эта дама хочетъ разсказать, какъ голова Лассаля лежала у ея прелестныхъ ножекъ и какъ у нея прелестны не только ножки, а и ручки, и глазки, и головка, и сердечко. Вѣроятно ли, чтобы при такихъ условіяхъ эта дама не приплела къ были хоть капельку небылицы? Кажется, не надо

быть первостепеннымъ знатокомъ человѣческаго сердца, чтобы отвѣтить: рѣшительно невѣроятно! Но критики и комментаторы не только не прибѣгли къ какимъ-нибудь критическимъ пріемамъ для отдѣленія были отъ небылицы, а отнеслись къ дѣлу такъ, какъ будто передъ ними лежитъ результатъ старательнаго и всесторонняго изслѣдованія, не допускающаго и тѣни сомнѣнія.

Надо отдать справедливость нашей соотечественницѣ. Она много добросовѣстнѣе, чѣмъ г-жа Дённигесъ-Раковица, передаетъ свой романъ и много благороднѣе относится къ памяти любившаго ее человѣка. Подъ ея перомъ Лассаль, за вычетомъ нѣкоторыхъ подробностей, въ общихъ чертахъ является все-таки не очень противорѣчащимъ тому Лассалю, котораго мы знаемъ по публичной дѣятельности. Вы видите просто настойчиваго, самолюбиваго, самоувѣреннаго, страстнаго человѣка, какимъ Лассаль былъ во всемъ. Естественно, что качества эти въ интимныхъ, семейныхъ или любовныхъ отношеніяхъ могутъ создавать двусмысленныя или некрасивыя положенія, которыя, хотя и подчеркиваются г-жею С., но далеко не съ такою грубостью, какъ это дѣлаетъ Елена Раковица. Притомъ же г-жа С., по крайней мѣрѣ, приложила къ своимъ мемуарамъ «исповѣдь» Лассаля, несомнѣнно подлинную и потому въ біографическомъ смыслѣ очень цѣнную, а Елена довела естественную въ подобныхъ мемуарахъ лживость до виртуозности.

Послѣдній романъ Лассаля въ общихъ чертахъ давно извѣстенъ. Страстно влюбившись въ дочь баварскаго чиновника Дёнигеса, Елену, Лассаль ухлопалъ на борьбу съ ея родителями пропасть ума, энергіи и чувства. Сама Елена играла при этомъ крайне двусмысленную роль, склоняясь то на сторону Лассаля и даже навязываясь ему, то на сторону родителей и своего стариннаго обожателя, ничтожнаго валаха или молдаванина Янко Раковица. Въ концѣ концовъ, Лассаль совершенно убѣдился въ дрянности Елены; но разочарованіе не обошлось ему даромъ: измученный и оскорбленный возмутительными подробностями всей этой исторіи, онъ послалъ прямой вызовъ Дённигесу и косвенный Янко, и ничтожный валахъ вписалъ въ исторію свое имя

въ качествѣ убійцы Лассаля. Недавно героиня этого романа пожелала напомнить о себѣ міру и издала брошюру «Meine Beziehungen zu Ferdinand Lassale» (съ приложеніемъ *своего* портрета!). Въ № 3 «Вѣстника Европы» г. В. К. взялъ на себя трудъ привести въ нѣкоторую систематическую связь показанія героини съ тѣми свѣдѣніями о послѣдней любви и смерти Лассаля, которыя уже и раньше имѣлись.

Что за женщина была причиной смерти Лассаля—видно изъ слѣдующаго. Друзья Лассаля, которыхъ онъ просилъ принять участіе въ переговорахъ съ самой Еленой и ея отцомъ, предупреждали его, что Елена «хуже и безстыднѣе, чѣмъ можно себѣ вообразить». Но онъ все еще вѣрилъ въ ея искренность, прямоту и любовь. Онъ желалъ видѣться съ нею наединѣ, полагая, что только при этомъ условіи она дастъ вполнѣ свободный отвѣтъ. Елена отказалась. Вотъ какъ сообщили объ этомъ Лассалю его друзья, Гэнле и Рюстовъ:

«Она показалась намъ душевно вполнѣ свободной и нисколько не смущенной, и скорѣе обнаружила холодную насмѣшку и условную веселость, чѣмъ хотя бы какой-нибудь слѣдъ происходившей прежде или еще продолжающейся душевной борьбы. Полковникъ Рюстовъ спокойно и рѣшительно объяснилъ ей, почему Лассаль настаиваетъ на двухчасовомъ (по бо́льшей мѣрѣ) разговорѣ съ нею наединѣ или при свидѣтелѣ, присутствіе котораго требуется приличіемъ, но который не стѣснялъ бы ихъ свободы. Она отклонила это требованіе, возразивъ на нѣкоторыя отдѣльныя представленія:

«— Къ чему это? Я знаю, чего онъ хочетъ. Мнѣ надоѣла вся эта исторія.

«Когда напомнили о данныхъ ею клятвахъ, она возразила съ насмѣшкой:

— Клятва?! Я не даю клятвъ!

«На замѣчаніе, что эти отвѣты рѣзко противорѣчатъ совершенно исключительнымъ ея поступкамъ, напримѣръ тому, что происходило въ пансіонѣ Леове*), она отвѣчала съ легкостью:

«— Да, это правда, но это случилось лишь въ первую минуту.

«Рюстовъ, наконецъ, поставилъ ей на видъ, что, судя по одному изъ ея заявленій, она какъ будто боится возврата къ прежнему настроенію послѣ личной бесѣды съ Лассалемъ. Но она отрицала это опасеніе и отозвалась,

*) Исторія эта состояла въ томъ, что Елена бѣжала изъ родительскаго дома въ пансіонъ Леове къ Лассалю, который, однако, имѣя свой собственный планъ, возвратилъ дѣвушку матери.

что личная бесѣда «совершенно безполезна». И когда Гэнле замѣтилъ, что нѣтъ надобности длить бесѣду два часа, что Лассаль самъ прервете ее гораздо раньше, если Елена отвѣтитъ и ему точно такъ же, она сказала, смѣясь:

«— Лассаль любитъ говорить много и долго, ему и двухъ часовъ, пожалуй, будетъ мало!

«На слова полковника Рюстова, что, по ея собственному сознанію, она глубоко неправа передъ Лассалемъ, что она поэтому обязана дать ему удовлетвореніе, Елена возразила съ улыбкой:

«— Удовлетвореніе его тщеславію?

«— Нѣтъ, я говорю о его нравственномъ чувствѣ, поправилъ ее Рюстовъ».

Наконецъ, и самъ Лассаль объявилъ, что отказывается отъ дальнѣйшихъ попытокъ, «вслѣдствіе безусловной безнравственности» Елены.

Въ своихъ мемуарахъ, однако, Елена желаетъ представить дѣло совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи. Она хочетъ увѣрить читателя, что «надежда принадлежать Лассалю никогда не покидала ея, что если бы она хоть минуту осталась съ Гэнле одна, безъ непріятнаго ей Рюстова и безъ отца, который стоялъ прямо противъ нея и не спускалъ съ нея испытующаго взгляда, дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ. Рѣзко отвѣчая Рюстову, котораго отецъ выдавалъ ей за человѣка безпристрастнаго, понимающаго невозможность брака между нею и Лассалемъ, она будто бы дала понять свое тяжелое положеніе Гэнле и вполнѣ расположила его въ свою пользу». На дѣлѣ, однако, Гэнле такъ мало ожидалъ отъ нея, что махнулъ рукой и уѣхалъ, не считая нужнымъ дожидаться ея письменнаго отвѣта.

Въ виду этихъ обстоятельствъ становится особенно интереснымъ разсказъ Елены о томъ, какъ она приняла извѣстіе о роковой дуэли. Елена признается, что «была довольна вѣстью о дуэли. Гибель Янко казалась ей несомнѣнною; Лассаль убьетъ его непремѣнно, и тогда въ домѣ поднимется гвалтъ, подъ шумъ котораго она опять уйдетъ къ Лассалю! Въ ночь передъ дуэлью, пока Янко писалъ письма роднымъ, она занялась приготовленіями къ задуманному бѣгству, жгла сохранившіяся письма, по-

ложила въ дорожный мѣшокъ немного бѣлья и украшеній и утромъ надѣла два платья, одно на другое, чтобы быть совершенно готовой и снаряженной въ путь. Приготовившись бѣжать, она простилась съ Янко «не безъ нѣкотораго состраданія»! Когда Янко вернулся съ дуэли побѣдоносный, между ними произошелъ слѣдующій, по словамъ Елены, разговоръ:

«—Рада ли ты, что я живъ?

«—Да, конечно...

«—А что ты сдѣлаешь, если я скажу тебѣ, что Лассаль раненъ?

«Она захохотала.

«—Я бы этому не повѣрила!

«—И однако это такъ, я ранилъ его, вовсе не желая, и, надѣюсь, ранилъ легко.

«— Ты? Ты его ранилъ? Ну, разумѣется, рана должна быть очень легкая, сказала Елена съ усмѣшкой. — Поди, оставь меня одну, прибавила она съ неудовольствіемъ.

«На третій день послѣ дуэли, Янко вошелъ къ ней утромъ, блѣдный, и пригласилъ ее въ садъ.

«—Я имѣю сказать тебѣ нѣчто прискорбное, только не здѣсь.

«Въ саду онъ молча подвелъ ее къ скамейкѣ.

«—Что такое? спросила она.

«—Лассаль умеръ!

«Она оттолкнула Янко, проговоривъ: уйди! уйди! теперь я и тебя ненавижу».

«Но эта «ненависть» прошла очень скоро, прибавляетъ г. В. К.: полгода спустя Елена уже была женою этого самаго Янко, отъ руки котораго палъ ея «царственный орелъ», и которому она въ тотъ критическій день такъ сильно желала тяжелой или смертельной раны».

Если читатель повѣрить показаніямъ Гэнле и Рюстова, Елена выйдетъ не хороша; а если онъ повѣритъ ея собственному разсказу, она выйдетъ еще хуже. Во всякомъ же случаѣ эта дама— столь легкомысленно двуличная и столь наивно безстыдная, что принимать ея «Beziehungen» въ качествѣ достовѣрнаго историческаго матеріала невозможно. Ея мемуары требуютъ самаго тщательнаго критическаго процѣживанія, которое, однако, въ настоящемъ случаѣ крайне затруднительно, потому что дѣло идетъ объ отношеніяхъ любовныхъ, то-есть больше чѣмъ на половину

недоступныхъ провѣркѣ показаніями постороннихъ свидѣтелей. Впрочемъ, простой здравый смыслъ помогаетъ, если не совсѣмъ расплести кружево были и небылицы въ разсказѣ Елены, то, по крайней мѣрѣ, съ увѣренностью рѣшить, что небылицы тутъ очень много. Увѣренность эта дается не только личными свойствами автора, какъ они обнаруживаются собственною ея исповѣдью, то есть разсказомъ тщательно напомаженнымъ и завитымъ, а и совершенною невѣроятностью нѣкоторыхъ отдѣльныхъ эпизодовъ. Напримѣръ, Елена разсказываетъ, что Лассаль воспылалъ къ ней страстью, даже не видавшись съ нею, по наслышкѣ, а когда увидѣлъ, то съ перваго же раза сталъ ей говорить «ты». Мало того: въ этотъ же первый разъ, выходя вмѣстѣ съ нею изъ дома, гдѣ они случайно встрѣтились, Лассаль «взялъ ее на руки, какъ ребенка, и понесъ съ лѣстницы; спустившись, онъ опять поставилъ ее на ноги; предложилъ ей свою руку и, помолчавъ минуту, сказалъ: «теперь намъ надо поговорить и о дѣлѣ; когда мы увидимся опять и когда мнѣ пріѣхать къ твоей бабушкѣ, чтобы на чистоту объясниться съ нею»? Надо замѣтить, что эта ни съ чѣмъ несообразная сцена происходила въ домѣ берлинскаго адвоката Гирземенцеля и въ присутствіи родственниковъ Елены: «молодой, но *очень чопорной* дамы и пожилого господина». Г. В. К. пропускаетъ эту сцену безъ всякаго протеста, а критикъ «Новаго Времени», будучи чрезвычайно смѣлъ, горячо протестуетъ противъ поведенія Лассаля. Мнѣ кажется, однако, что изъ разсказа Елены слѣдуетъ совсѣмъ другой выводъ, а именно тотъ, что г-жа Раковица очень плохая сочинительница. Нѣмцы средняго круга не на другой планетѣ живутъ. Настолько-то мы знаемъ ихъ бытъ и условія жизни, чтобы признать приведенную дикую сцену рѣшительно невозможною. Крестьянскій парень можетъ, при первомъ же свиданіи съ приглянувшеюся ему женщиной, облапить ее или ласково вытянуть по спинѣ. Этимъ онъ не нарушитъ этикета, и присутствующіе или сочувственно улыбнутся, или даже не замѣтятъ. Но чтобы Лассаль или кто другой могъ въ домѣ берлинскаго адвоката, въ присутствіи «очень чопорной» родственницы и пожилого родственника, «тыкать» и но-

сить по лѣстницѣ на рукахъ дочь нѣмецкаго чиновника, которую онъ въ первый разъ видитъ,—это, какъ хотите, очень плохое сочиненіе! Тутъ совсѣмъ не въ Лассалѣ дѣло, а во всей обстановкѣ того общественнаго круга, въ которомъ Лассаль и Елена были «свои»: адвокаты, чиновники, профессора, въ числѣ которыхъ Гнейстъ, Бёкъ, Дитерици. Что же касается самого Лассаля, то опять-таки нельзя не припомнить сравнительной правдивости и благородства мемуаровъ нашей соотечественницы, г-жи С. Тамъ Лассаль, тоже въ своемъ ослѣпленіи страстью, дѣлаетъ подчасъ неловкія вещи, но это все-таки, по крайней мѣрѣ, безукоризненный джентльменъ, а не смѣсь дикаго бурша, гороховаго шута и сантиментальнаго болвана, какимъ его изображаетъ г-жа Раковица.

Многіе думаютъ, что грубая неделикатность, съ которою въ мемуарахъ, подобныхъ брошюрѣ Елены Раковица, раскрываются передъ толпой подробности интимнѣйшихъ отношеній, съ избыткомъ выкупается ихъ историческою цѣнностью. Какъ ни какъ, говорятъ, а мы узнаемъ факты изъ жизни замѣчательнаго человѣка и, каковы бы ни были эти факты, къ славѣ или къ позору замѣчательнаго человѣка они относятся, они во всякомъ случаѣ уясняютъ его фигуру. Это большая ошибка. Подобные мемуары не только ничего не уясняютъ, а напротивъ—даже очень многое затмѣваютъ. Не всякій человѣкъ способенъ написать правдивыя воспоминанія, особенно если онъ игралъ какую-нибудь выдающуюся роль въ воспоминаемыхъ событіяхъ. Всѣ понимаютъ, что первый встрѣчный не можетъ написать литературный портретъ, положимъ, хоть того же Лассаля на основаніи книжныхъ или рукописныхъ матеріаловъ; всѣ понимаютъ, что для этого мало наличности книгъ и рукописей, а нужно присутствіе еще чего-то въ мозгу и сердцѣ того, кто эти матеріалы возьмется обрабатывать. А когда дѣло идетъ о мемуарахъ, то безмолвно признается совершенно достаточнымъ фактъ близости даннаго лица къ замѣчательному человѣку или крупному событію. Но самъ по себѣ фактъ близости ровно ничего не значитъ. Есть люди дальнозоркіе, есть и близорукіе, есть страдающіе дальтонизмомъ, а есть и

и совсѣмъ слѣпые. Иному близкое разстояніе отъ предмета не только не помогаетъ, а мѣшаетъ видѣть. Лакей великаго человѣка очень близокъ къ своему барину: онъ видитъ его каждый день, утромъ, днемъ, вечеромъ, ночью; видитъ какъ онъ одѣвается, умывается, работаетъ, принимаетъ просителей и гостей, видитъ его отношенія къ женѣ, дѣтямъ, друзьямъ и врагамъ. Извѣстно, однако, что великіе люди для ихъ лакеевъ не существуютъ. Извѣстно также, что это не отъ того зависитъ, что великіе люди не велики, а оттого, что лакеи суть лакеи. Елена Дённигесъ именно изъ лакеевъ. Правда, она вовсе не желаетъ умалить величія Лассаля — еще бы онъ не былъ великимъ человѣкомъ, когда положилъ свою душу за нее, Елену Дённигесъ-Раковица, эту алмазную розсыпь въ дамскомъ туалетѣ! Въ наивности своей она, можетъ быть, даже думаетъ, что возвеличиваетъ его тѣми словами и поступками, которые ему приписываетъ. Но отношеніе ея все-таки лакейское, и великій человѣкъ никакъ изъ-подъ ея пера не выходитъ. Близость къ Лассалю ни мало ея не выручаетъ. Совсѣмъ даже напротивъ. Помимо лжи, очевидно разсыпанной щедрою рукой въ «Meine Beziehungen», Елена лжетъ даже тамъ, гдѣ, можетъ быть, говоритъ правду. Это совсѣмъ не парадоксъ, какъ читатель, надѣюсь, убѣдится изъ слѣдующаго примѣра.

«Клянусь, твой выборъ не дуренъ, сказалъ Лассаль, довольный и потирая свои руки.—Жена Фердинанда Лассаля должна быть первою изъ всѣхъ. Поговоримъ объ этомъ обстоятельно. Имѣешь ли ты понятіе о моихъ планахъ и цѣляхъ? Нѣтъ? Взгляни на меня, прибавилъ онъ, выпрямляясь: — похожъ ли я на человѣка, способнаго довольствоваться второю ролью въ государствѣ? Неужели я стану отдавать сонъ моихъ ночей, мозгъ моихъ костей и силу моихъ легкихъ, чтобы вынимать для другихъ каштаны изъ огня? Похожъ ли я на политическаго мученика? Нѣтъ! Я готовъ дѣйствовать и бороться, но я хочу также насладиться добытымъ призомъ и возложить на тебя—скажу пока—побѣдный вѣнецъ. Поди сюда и стань подлѣ меня передъ зеркаломъ. Посмотри: не гордая ли, не царственная ли чета передъ тобою?.. «Фердинандъ, избранникъ народа» — вотъ какъ они должны назвать меня, если удастся наше дѣло и мы торжественно въѣдемъ въ Берлинъ».

Любопытно, что г-жѣ С. Лассаль подобныхъ глупостей не говорилъ, хотя и развивалъ ей свои виды на будущее. Мало того, въ обширной и педантически добросовѣстной «исповѣди», написанной имъ спеціально для г-жи С., читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Правда—я не скрою этого отъ васъ—весьма возможно, что, если извѣстныя событія совершатся, жизнь ваша, если вы будете моей женой, получитъ цѣлый потокъ движенія, шума и блеска. Но, не правда ли, Софи, не слѣдуетъ жадно спекулировать, ради личнаго счастья, великими вопросами, которые составляютъ цѣль усилій всего человѣческаго рода? И такъ, на это не слѣдуютъ отнюдь разсчитывать». Такое ужъ видно, значитъ, счастье прелестной вдовѣ Янко Раковица, что человѣкъ, обращающійся съ другими женщинами благопристойно, ее хватаетъ «въ обнимку» при первомъ свиданіи, и говорящій съ другими умно и честно—ей болтаетъ глупости! Однако, какъ говорилъ Суворовъ, «разъ счастье, два раза счастье, помилуй Богъ! надо же когда-нибудь и немножко умѣнья!» Такъ и съ прелестной Еленой: разъ счастье, два раза счастье, надо же, наконецъ, когда-нибудь немножко умѣнья, и, конечно, умѣнья передать въ смѣшномъ и глупомъ видѣ то, что она видѣла очень близко, слишкомъ близко для ея способности видѣть. Весьма возможно, что нѣчто подобное приведенной тирадѣ Лассаль говорилъ Еленѣ: честолюбіе и самоувѣренность Лассаля были извѣстны и безъ мемуаровъ г-жи Раковица, а въ экстазѣ любви мало ли что говорится любимой женщинѣ. Такое подчасъ говорится, чего не только другимъ людямъ, а и себѣ самому не рѣшишься сказать. И вотъ почему всегда есть нѣчто подло-предательское въ выбалтываніи, хотя бы даже фотографически вѣрномъ, подобныхъ интимныхъ разговоровъ. Только художникъ, истинный, большой художникъ, въ состояніи передать ту полноту жизни, изъ которой выливается такая смѣсь шутки и задушевности, искренности и сознательнаго преувеличенія, фантазіи и разумѣнія. Страстная любовь, такъ сказать, взбалтываетъ душу и поднимаетъ съ самаго ея дна ей самой невѣдомый осадокъ жизни и мысли; съ страстно любимымъ чело-

вѣкомъ человѣкъ больше одинъ, больше наединѣ, чѣмъ когда онъ въ самомъ дѣлѣ одинъ. Тайна сія велика есть, и, однако, она хорошо знакома всѣмъ, «горячо любившимъ, еще остатокъ жизни сохранившимъ». Многое бываетъ при этомъ смѣшно и глупо, если это многое вырвать изъ всего и передать хотя бы и вѣрно, но не полно, безъ всей своеобразной душевной обстановки. На такое полное, художественное изображеніе лакей великаго человѣка, конечно, неспособенъ. Неспособна и Елена Дённигесъ-Раковица. И лакей, и она не только много врутъ въ прямомъ смыслѣ слова, но врутъ даже тогда, когда говорятъ правду. Поэтому, мемуары г-жи Раковица ничего не уясняютъ, а затмѣваютъ многое. Враги Лассаля или его идеи естественно схватятся за нихъ, какъ за бранное оружіе, а необыкновенно смѣлые люди, безъ опредѣленнаго назначенія, возьмутъ да и обзовутъ, для обнаруженія своей необыкновенной смѣлости, Лассаля Хлестаковымъ. Это-то ужъ, впрочемъ, черезъ-чуръ глупо. Хлестаковъ типиченъ именно тѣмъ, что вретъ о своемъ прошедшемъ и настоящемъ положеніи—въ этомъ весь смыслъ Хлестакова. Лассаль, если даже судить о немъ исключительно по мемуарамъ Елены, ничего подобнаго не дѣлалъ: онъ не говорилъ, что за нимъ тридцать тысячъ курьеровъ пріѣзжали, а мечталъ о будущемъ, для котораго предполагалъ сильно и упорно работать. Это, кажется, двѣ вещи довольно разныя, даже если вѣрить, что г-жа Раковица—не плохая сочинительница, а правдивѣйшая, добросовѣстнѣйшая и всепонимающая свидѣтельница.

Лассаль былъ честолюбивъ и женолюбивъ. Это несомнѣнно. Но за это онъ и при жизни много терпѣлъ, и за гробомъ съ избыткомъ наказуется прелестными ручками, которыя, не смотря на свою прелесть и миніатюрные размѣры, бьютъ больно, даже не подозрѣвая, что бьютъ, и полагая, что вѣнчаютъ лаврами и розами. Казнь совершена, тѣнь опозорена, прелестные палачи, исполнивъ свою обязанность, потираютъ раздушенныя ручки, зѣваки, вдоволь натѣшившись, расходятся по домамъ. Казненная тѣнь остается одна на площади. Подойдемъ къ ней поближе не

для того, чтобы бросить ей лишнее слово укора, нанести, по мѣрѣ силъ, еще одинъ ударъ, но и не для того, чтобы оправдывать недостойное оправданія, а просто, чтобы объяснить себѣ явленіе.

Первый въ своемъ родѣ, въ своей серіи человѣкъ превосходно характеризованъ словами Ломеллино о Фіеско (у Шиллера): онъ «молитъ повелительно», онъ «торговецъ сердцами толпы». Фіеско и самъ понимаетъ, что онъ въ Генуѣ «одинъ». Онъ и въ самомъ дѣлѣ одинъ можетъ свергнуть иго Доріевъ. Есть въ Генуѣ пламенныя сердца, въ родѣ Бургоньино, есть люди великаго духа, въ родѣ Веррины, но это все не то. Веррина, по своему справедливо признающій себя «единственнымъ великимъ человѣкомъ», единственъ только въ томъ смыслѣ, что онъ одинъ рѣшается убить горячо имъ любимаго Фіеско, послѣ того какъ тотъ замѣнилъ собою Доріевъ. Что же касается перваго мѣста въ дѣлѣ вліянія, то Веррина безъ всякаго спора и раздумья уступаетъ его Фіеско. Иначе и быть не можетъ. Дорія нанесъ Верринѣ величайшее оскорбленіе, изнасиловавъ его дочь, но это возмутительное насиліе возбудило жажду мести и негодованіе лишь въ маленькомъ кружкѣ друзей Веррины. А когда подосланный убійца оцарапалъ Фіеско руку, то произошла сцена, о которой разсказываетъ Ломеллино: «Все собраніе въ недвижныхъ группахъ, полныхъ ужаса, внимало ему, едва переводя дыханіе. Онъ говорилъ недолго, но когда простеръ окровавленную руку, народъ сталъ драться за падающія капли, какъ за святыню».

Въ этомъ именно заключается характеристическая разница между людьми дюжины и первыми людьми. Люди дюжины могутъ обладать многими чрезвычайно почтенными, даже великими качествами ума и сердца, а первые люди, напротивъ того, отличаться многими и многими слабостями, и все-таки первые люди управляютъ умами и сердцами, а сердца и умы людей дюжины управляются. Дюжинный человѣкъ можетъ очень хорошо понимать всѣ недостатки перваго, даже очень умно и тонко развинчивать его на его составныя части, вѣшать, мѣрять и опредѣлять цѣну этихъ людей, очень ясно видѣть чего тутъ не хватаетъ и чего слишкомъ много, и въ то же время или прямо

быть подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ перваго, или, по крайней мѣрѣ, оказаться совершенно безсильнымъ для парализованія этого вліянія. Выдающіеся изъ дюжинныхъ людей теоретически иногда отлично понимаютъ, что̀ въ данную минуту нужно и возможно, но въ ихъ духовномъ механизмѣ не хватаетъ соотвѣтственной практической пружины, того секрета дерзать и владѣть, который составляетъ силу первыхъ людей. Въ чемъ этотъ секретъ собственно состоитъ — дѣло, конечно, темное, которое разберетъ ли, нѣтъ ли будущая психологія, но наличность его есть фактъ, всякому читателю, безъ сомнѣнія, извѣстный. Каждый даже изъ своего личнаго опыта, семейнаго, школьнаго, кружковаго, житейскаго, не говоря уже объ обширномъ полѣ историческаго наблюденія, знаетъ, что есть такія избранныя личности, которыя «молятъ повелительно» и «торгуютъ сердцами толпы». Цѣнить ихъ надо прежде всего относительно. Дюжина бываетъ и малая, и большая; иной первый человѣкъ дивитъ только свой муравейникъ, а иной ворочаетъ судьбами міра, одинъ проявляетъ свою таинственную силу въ практической жизни, другой—въ области теоретической мысли, третій—въ художественныхъ образахъ. Эти разнообразныя условія могутъ давать очень различныя и сложныя комбинаціи, но въ большинствѣ случаевъ все-таки не представляется затрудненій отличить избраннаго отъ званныхъ, перваго отъ дюжины.

Отношенія первыхъ людей къ людямъ дюжины и обратно бываютъ чрезвычайно разнообразны. Наиболѣе умные и честные просто признаютъ стихійный фактъ первенства и устроиваются примѣнительно къ этому признанію. Такъ поступилъ Веррина относительно Фіеско. Образчикъ такого правильнаго отношенія можетъ представить одно, на первый взглядъ нѣсколько загадочное, но очень любопытное, находящееся въ перепискѣ Бѣлинскаго сравненіе его, Бѣлинскаго, съ Лермонтовымъ. А именно, разсказывая о своемъ свиданіи съ Лермонтовымъ на гауптвахтѣ, гдѣ тотъ сидѣлъ за дуэль съ Барантомъ, Бѣлинскій, между прочимъ пишетъ: «Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превос-

сходствѣ! Каждое его слово—онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ, меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества». Это сравненіе вѣрно только на половину. Бѣлинскій никогда не былъ первымъ въ своемъ родѣ человѣкомъ, но онъ былъ уменъ и честенъ, и потому безбоязненно и непостыдно призналъ фактъ своего сравнительно малаго роста и большаго, изъ ряда вонъ выходящаго роста Лермонтова. Онъ даже отчасти угадалъ, по крайней мѣрѣ отрицательную сторону этой разницы въ ростѣ. Онъ понялъ, что «понятія» играютъ тутъ второстепенную роль. Въ самомъ дѣлѣ, «понятія» первыхъ въ своемъ родѣ людей часто далеко превосходятъ понятія окружающихъ и даже всѣхъ современниковъ, но не въ нихъ заключается ихъ главная обаятельная сила. Однако, и не въ той «цѣлостности и полнотѣ натуры», которую Бѣлинскій приписываетъ Лермонтову. Лермонтовъ, какъ мы увидимъ сегодня же, вовсе не былъ такой цѣлостной, всегда себѣ равной и вѣрной натурой, но онъ въ высокой степени обладалъ практическимъ психологическимъ тактомъ, умѣньемъ оригинально, самостоятельно, повелительно трогать тѣ именно струны людскихъ сердецъ, которыя хотѣлъ затронуть. Въ этомъ вся суть дѣла. Розенкранцу и Гильденштерну не играть на душѣ Гамлета, какъ бы они ни были умны, а Гамлетъ сыграетъ на ихъ душахъ все, что захочетъ, какъ на флейтѣ. Даже когда дѣятельность перваго въ своемъ родѣ человѣка сосредоточивается исключительно въ области теоретической мысли, въ области «понятій», такъ и то однихъ понятій мало; нужно умѣнье такъ распредѣлять, комбинировать и предъявлять ихъ, чтобы они охватывали умы, какъ неводомъ рыбу. А это и есть практическій психологическій тактъ.

Какъ бы то ни было, но если Бѣлинскій только на половину вѣрно сравнилъ себя съ Лермонтовымъ, онъ все-таки умно и честно приступилъ къ сравненію. На это далеко не всѣ даже умные люди способны. Даже умные люди могутъ «обижаться» нравственными преимуществами ближняго. Преобладаніе первыхъ

въ своемъ родѣ людей принимаетъ подчасъ дѣйствительно обидныя формы, вслѣдствіе чего около нихъ, рядомъ съ любовью, преданностью, восторженнымъ поклоненіемъ, очень естественно, а иногда даже до извѣстной степени правомѣрно кишитъ ненависть, зависть, злоба. Первому человѣку, по какому-то безмолвному соглашенію, уступаютъ дорогу, ему разрѣшается многое, чего но позволятъ никому другому, къ нему обращены надежды и ожиданія. Иначе говоря, онъ самъ садится въ передній уголъ иногда дерзко-спокойно, иногда съ «повелительной мольбой», иногда съ непріятною надменностью отстраняя тѣхъ, кто стоитъ на дорогѣ. Это обидно. Дюжинный человѣкъ, если онъ уменъ и талантливъ, а тѣмъ паче если онъ глупъ и бездаренъ, легко можетъ поддаться соображенію, что вѣдь, молъ, этотъ человѣкъ ничѣмъ не лучше меня, а только есть въ немъ какая-то таинственная душевная черточка, на которую люди лѣзутъ, какъ мухи на сахаръ; изъ-за этой ничтожной, невѣдомой черточки онъ и самъ портится, становится самолюбивъ, честолюбивъ, властолюбивъ, нетерпимъ, да и все стадо барановъ гонитъ куда ему вздумается, можетъ быть, прямо на погибель. Подобныя соображенія выливаются иногда въ чрезвычайно курьезныя отношенія, примѣрно такія же, какія должны существовать между какимъ-нибудь тигромъ и укротителемъ звѣрей: тигръ глубоко ненавидитъ укротителя и долженъ понимать, что онъ несравненно его сильнѣе, но одинъ взглядъ этого маленькаго, слабенькаго человѣка— и тигръ, злобно рыча и скаля зубы, все-таки поджимаетъ хвостъ. Тигръ, разумѣется, Богъ съ нимъ, но за человѣка въ такомъ положеніи обидно, даже просто теоретически со стороны обидно, какъ обидно всякое господство человѣка надъ человѣкомъ. Однако, изъ этого все-таки не проистекаетъ ни одного резона для отрицанія самаго факта первенства. Напротивъ, его надо прежде всего признать во всемъ его объемѣ и затѣмъ изучать его, потому что только при этомъ условіи возможна какая бы то ни была борьба.

Ставши на эту точку зрѣнія, мы можемъ уже гораздо мягче посмотрѣть на нѣкоторыя непривлекательныя нравственныя черты

очень часто свойственныя первымъ людямъ: честолюбіе, властолюбіе, самомнѣніе. Насчетъ этихъ качествъ прописная мораль совершенно права, когда они принимаютъ извѣстныя формы и размѣры, но совершенно не права, когда помышляетъ съ корнемъ вырвать ихъ изъ человѣческой природы. Не права не только потому, что затѣваетъ предпріятія ей, мертвой и мертвящей, непосильное, а и потому, что, въ случаѣ удачи предпріятія, оно оказалось бы неразумнымъ. Честолюбіе, напримѣръ, есть такая комбинація уваженія къ собственной личности и любви къ людямъ, безъ которой, при равныхъ прочихъ условіяхъ, міръ оказался бы мелокъ, какъ мелкая тарелка, и тусклъ, какъ нечищенный мѣдный тазъ. Если человѣкъ ищетъ почестей, славы, хочетъ, чтобы его имя гремѣло, чтобы ему платили дань удивленія и поклоненія, такъ вѣдь это значитъ, что онъ дорожитъ мнѣніемъ людей, любитъ ихъ. И почетъ, и слава составляютъ въ этомъ случаѣ его законную награду, при томъ, разумѣется, необходимомъ условіи, что достигшій ихъ дѣйствительно *достигалъ*, то есть работалъ, боролся, тратилъ силы, рисковалъ здоровьемъ и жизнью. Въ этомъ трудѣ, борьбѣ, затратѣ силъ сказывается второй составной элементъ честолюбія,—уваженіе къ собственой личности, потому что если человѣкъ требуетъ себѣ почестей только на томъ, напримѣръ, основаніи, что онъ сынъ своего отца или внукъ своего дѣда и, значитъ, самъ имѣетъ право сложа руки почивать на наслѣдственныхъ лаврахъ, то онъ тѣмъ самымъ вычеркиваетъ свою собственную личность изъ счета. Онъ уважаетъ уже не свою личность, а свой родъ, и не человѣческую личность вообще, а какой-нибудь отвлеченный принципъ. Само собою разумѣется, что лучшая, высшая форма честолюбія, та, въ которой правильно сочетаются любовь къ себѣ и любовь къ людямъ, можетъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи рѣзко измѣниться. Ея первоначальный источникъ можетъ совершенно атрофироваться и останется только голая, безмысленная погоня за почетомъ ради почета. Тогда человѣкъ начинаетъ исповѣдывать паскудный, унизительный принципъ: «люби не люби, да почаще взглядывай». Тогда онъ превращается въ подобіе какого-

нибудь Нерона, требующаго себѣ божескихъ почестей и отвѣчающаго на нихъ скотскими дѣйствіями. Тогда честолюбіе перестаетъ быть стимуломъ дѣятельности и двигателемъ исторіи. Бываетъ, конечно, что честолюбцы, какъ говоритъ Брутъ, разсмышляя о Юліѣ Цезарѣ, идутъ по лѣстницѣ:

Входя, лицо они къ ней обращаютъ,
Взойдя же, къ ней становятся спиной,
Взоръ тотчасъ устремляютъ къ облакамъ
И презираютъ жалкія ступени,
По коимъ до вершины добрались.

Къ такому человѣку мы вправѣ относиться совершенно такъ же, какъ онъ относится къ другимъ: если для него люди—средство, такъ и онъ можетъ оказаться для людей средствомъ, которое, отслуживъ свою службу, смѣняется другимъ. Но пока первый человѣкъ не жалѣетъ, по выраженію Лассаля, приписываемому ему г-жей Раковица, сна своихъ ночей, мозга своихъ костей и силы своихъ легкихъ, честолюбіе остается могучимъ стимуломъ. При этомъ условіи, его плодотворность или злотворность измѣряется не имъ самимъ, какъ стимуломъ, а тѣми цѣлями, ради которыхъ мозгъ костей расходуется. И зло, и добро можетъ нести съ собой такой честолюбецъ, но не потому зло и не потому добро, что онъ честолюбецъ, а потому, что дѣятельность его направлена въ ту или другую сторону.

Приблизительно тоже самое должно сказать о властолюбіи, что само собою понятно. Интереснѣе самоувѣренность, самомнѣніе.

Любопытно, что качество это часто осложняется у первыхъ въ своемъ родѣ людей своеобразнымъ фатализмомъ, странною, но непоколебимою вѣрою не только въ свои силы, а и въ свою «звѣзду». У мало развитыхъ первыхъ людей, какимъ былъ, напримѣръ, Наполеонъ I, черта эта достигаетъ фантастическихъ размѣровъ, но въ большей или меньшей степени она присуща и другимъ. Удивительнаго здѣсь ничего нѣтъ. Постоянныя удачи первыхъ въ своемъ родѣ людей обусловливаются не только ихъ умомъ и способностями вообще и не только ихъ упорнымъ трудолюбіемъ, а еще и въ особенности ихъ умѣніемъ «торговать серд-

цами толпы», ихъ практическимъ психологическимъ тактомъ, отчасти врожденнымъ, отчасти воспитаннымъ плаваніемъ по житейскому морю. Дѣло это въ значительной степени безсознательное. Можетъ быть, у человѣка, обладающаго такимъ тактомъ, и есть нѣсколько опредѣленныхъ, формулированныхъ правилъ обращенія съ людьми, но руководствоваться ими во всей ихъ желѣзной непреклонности онъ постоянно, конечно, не можетъ. Тѣ безконечно разнообразныя отношенія, въ которыя ему приходится становиться, требуютъ не строго формулированныхъ правилъ, по крайней мѣрѣ, не только ихъ, а главнымъ образомъ быстрой находчивости, гибкости, даваемой безсознательной психической работой. Одаренный этою гибкостью, человѣкъ еще, можетъ быть, за минуту до совершенія извѣстнаго поступка или произнесенія извѣстнаго слова самъ не знаетъ, какъ онъ поступитъ и что̀ скажетъ. Но онъ по опыту знаетъ, что въ трудную минуту его психологическій тактъ его выручитъ, натолкнетъ его на ту именно мысль, на то именно слово или на то именно дѣйствіе, которое въ данную минуту произведетъ самый подходящій эффектъ. Это, конечно, процессъ, столь же естественный, какъ и всякій другой психическій актъ. Но онъ такъ быстръ и теменъ, что прослѣдить его сознательною мыслью трудно, а это натурально болѣе или менѣе приближаетъ людей къ фантастической вѣрѣ въ свою «звѣзду». Не развитая критическимъ упражненіемъ мысль приметъ эту находчивость психологическаго такта за голосъ неземныхъ, таинственныхъ, силъ, голосъ самаго божества, и человѣкъ выростетъ въ собственныхъ глазахъ до размѣровъ излюбленнаго «сына судьбы». И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ вполнѣ сознательно, по заранѣе обдуманному плану, съ разными изворотами, требуемыми стеченіемъ обстоятельствъ, онъ будетъ все-таки думать, что имъ руководитъ какая-то таинственная звѣзда. Отбросивъ фантастическую и мистическую сторону этого представленія, мы должны признать, что онъ и въ самомъ дѣлѣ излюбленный сынъ судьбы, потому что при его зачатіи, рожденіи или воспитаніи элементарныя силы природы сложились такъ, что одарили его величайшимъ изъ даровъ—да-

ромъ ловца людей. Человѣкъ критически мыслящій, какимъ былъ Лассаль, такъ и посмотритъ на это. Въ своей «Исповѣди» онъ прямо и просто говоритъ, что «имѣетъ даръ увлекать за собою людей». Если прибавить къ этому громадную эрудицію Лассаля, его необыкновенную логическую способность, его энергію въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, то его самомнѣніе и самоувѣренность станутъ совершенно понятны.

Правда, въ его рѣчахъ и сочиненіяхъ часто пробиваются непріятно рѣжущія ухо ноты не то что хвастливости, а,—какъ бы сказать,—слишкомъ нескромнаго публичнаго заявленія своихъ достоинствъ. Но, во-первыхъ, эти заявленія ни въ какомъ случаѣ не ниже дѣйствительности: добросовѣстно опровергнуть ихъ не можетъ ни даже самый злой и убѣжденный врагъ Лассаля. Во-вторыхъ, въ его устахъ подобныя заявленія имѣли еще одно спеціальное значеніе и назначеніе.

Практическій дѣятель, одаренный тѣмъ психологическимъ тактомъ, который даетъ ему возможность «молить повелительно» и «торговать сердцами толпы», оказался бы очень несчастнымъ человѣкомъ, если бы дорога передъ нимъ лежала скатертью. Ему нужна борьба, нужны, значитъ, препятствія и враги. Въ своей «Исповѣди» Лассаль почти съ любовью и во всякомъ случаѣ съ своего рода сладострастіемъ говоритъ о врагахъ. Онъ пишетъ: «У насъ въ Пруссіи, очень мало кто ко мнѣ равнодушенъ. Почти все общество дѣлится въ отношеніи меня на двѣ партіи. Одна, къ которой принадлежитъ вся аристократія и бо́льшая часть буржуазіи, —часто даже лица съ легкимъ оттѣнкомъ либерализма,—боится и ненавидитъ меня. Другая партія, къ которой принадлежитъ остальная часть буржуазіи и народъ, уважаетъ, любитъ и нерѣдко даже обожаетъ меня. Для людей этой послѣдней партіи я—человѣкъ великой геніальности и характера почти нечеловѣческаго, отъ котораго они ждутъ великихъ дѣяній. Другіе, враги, также ждутъ отъ меня большихъ дѣлъ. Но именно потому, что они боятся меня болѣе чѣмъ кого-либо другого, они такъ непомѣрно ненавидятъ меня, что я не могу дать вамъ вѣрнаго понятія объ этой всепожирающей ненависти. Они постоянно стараются преслѣдовать меня

Правда, что и враги мои въ глубинѣ души уважаютъ меня такъ же, какъ и друзья, часто даже больше, потому что они лучше друзей угадываютъ меня. Именно, уважая меня втайнѣ, они тѣмъ не менѣе стараются оклеветать меня, потому что клевета— единственное орудіе этихъ гнилыхъ партій, чувствующихъ постепенно приближающуюся смерть. Я всегда шелъ съ поднятымъ челомъ, съ презрѣніемъ на устахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, всегда побѣдителемъ, всегда нанося удары лжи, смущая клевету, торжествуя надъ ненавистью. Но этимъ самымъ я собралъ еще болѣе ненависти вокругъ себя, тѣмъ болѣе пылкой, что она оставалась всегда безсильной противъ меня, и потому, что я всегда являлся болѣе чистымъ и блистательнымъ послѣ всѣхъ нападокъ, направленныхъ противъ меня». Съ такимъ же, если еще не съ большимъ увлеченіемъ Лассаль разсказываетъ объ одномъ частномъ эпизодѣ своей жизни, объ извѣстной многолѣтней борьбѣ по дѣлу графини Гацфельдъ.

У такого человѣка враговъ всегда достаточно, но онъ никогда не упуститъ случая если не создать новаго врага, то обратить врага, болѣе или менѣе холоднаго, смирнаго въ квалифицированнаго, озлобленнаго. Для этого онъ пуститъ въ ходъ и презрительную насмѣшку, и надменное заявленіе своего превосходства. Во всеуслышаніе поддразнивая враговъ подобными выходками, онъ знаетъ, что правда и сила на его сторонѣ, что врагъ или промолчитъ, скрежеща зубами, или дастъ ему поводъ для новаго торжества. Эта страсть, вульгарно выражаясь, поддразнивать враговъ и затѣмъ любоваться ихъ безсильной злобой, достигаетъ иногда у первыхъ въ своемъ родѣ людей до степени почти ребячества. Лассаль въ этомъ отношеніи былъ еще сравнительно очень умѣренъ. Притомъ же многое здѣсь объясняется цѣлями и формами агитаціи. Обращаясь въ своихъ рѣчахъ и въ извѣстной части своихъ сочиненій къ рабочимъ и къ такъ называемой большой публикѣ, Лассаль, въ интересахъ самаго дѣла, имѣлъ всѣ соблазны рѣзко подчеркивать въ глазахъ этой массы свое научное значеніе, а равно и то обстоятельство, что лучшіе умы признаютъ за нимъ это значеніе, отрицаетъ же его лишь мелюзга, притворяющаяся ученою.

Обратимся къ наиболѣе щекотливому пункту, къ любовнымъ похожденіямъ Лассаля. На это дѣло Лассаль тратился дѣйствительно чрезмѣрно, изъ-за него же погибъ отъ пули двуногаго животнаго и изъ-за прекрасныхъ глазъ пустѣйшей бабенки. Болѣе безславнаго и безсмысленнаго конца для Лассаля и нарочно нельзя бы было придумать. Многое здѣсь должно быть поставлено на счетъ прямо физически страстному темпераменту Лассаля. Это просто несчастіе, настоящее, стихійное, въ которомъ человѣкъ не виноватъ и которое равно доступно Jovi и bovi, первому и послѣднему человѣку. Но, независимо отъ этого предательскаго физическаго подарка судьбы, Лассаль, въ качествѣ перваго человѣка, былъ обставленъ совершенно исключительными условіями и соблазнами. Красота, умъ, нравственная сила, громкая извѣстность, все соединилось, чтобы сдѣлать его, какъ онъ и самъ признавалъ, «баловнемъ» женщинъ. Хорошо разсуждать какому-нибудь духовно и физически корявому моралисту, когда его цѣломудріе такъ прочно гарантировано его корявостью, но, вовсе не оправдывая Лассаля, надо же все-таки войти въ его положеніе.

Безъ сомнѣнія, однако, онъ не былъ пассивной жертвой женскихъ исканій, онъ самъ шелъ къ нимъ на встрѣчу, самъ искалъ и добивался. И если мы выдѣлимъ отсюда ни мало не интересную и не характерную физическую страстность темперамента, то получимъ въ остаткѣ одну изъ самыхъ любопытныхъ чертъ «торговцевъ сердцами толпы», тѣхъ, что «молятъ повелительно». Припомните опять Фіеско, припомните, какую искусную игру ведетъ онъ съ графиней Юліей, сестрой младшею Доріи. Правда, онъ затѣваетъ эту исторію изъ чисто политическихъ видовъ и кончаетъ тѣмъ, что жестоко надругается надъ побѣжденной имъ гордой красавицей. Но вы видите въ то-же время, что процессъ игры увлекаетъ его самаго, что ему любо, рядомъ съ политической агитаціей, пробовать силу своей повелительной мольбы надъ красавицей, и что самъ онъ вовсе не далекъ отъ возможности искренно, съ увлеченіемъ обжечься на этомъ огнѣ. Любовная исторія развивается параллельно съ политической агитаціей, и трудно сказать, въ которую изъ этихъ двухъ сторонъ Фіеско направляетъ

болѣе ума, ловкости, энергіи. Въ Лассалѣ мы видимъ нѣчто подобное, съ тою разницей, что онъ, кажется, никогда не возился съ женщинами изъ-за политическихъ видовъ. Въ этомъ отношеніи была бы особенно поучительна его послѣдняя и самая нелѣпая любовь—къ Еленѣ. Здѣсь темпераментъ его былъ, кажется, не при чемъ, какъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ одного письма его къ графинѣ Гацфельдъ: «Вы совѣтуете мнѣ подумать о томъ, что еще недавно я былъ смертельно влюбленъ въ другую. Но я отвѣчу на это, что, во-первыхъ, понятія «быть смертельно влюбленнымъ» для меня вообще не существуетъ; а во-вторыхъ, что и теперь еще въ чувственномъ отношеніи М. для меня привлекательнѣе Елены, и это можетъ служить вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я повинуюсь не одному только чувственному влеченію». Къ сожалѣнію, мемуары Елены до такой степени недостовѣрны, что извлечь изъ нихъ какіе-нибудь матеріалы для правдивой характеристики увлеченія Лассаля мудрено. Г. В. К., вслѣдъ за самимъ Лассалемъ, впрочемъ, склоненъ объяснять дѣло жаждою тихаго личнаго счастія и сердечной пищи среди бурь общественнаго волненія и обилія пищи умственной. Этотъ мотивъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ имѣть мѣсто, имъ объясняется многое и въ переходахъ отъ одного увлеченія къ другому: Лассаль могъ страстно искать личнаго счастія и, не найдя его здѣсь,—обратиться туда, не найдя тамъ,—броситься въ третье мѣсто. Но собственно безуміе его послѣдней страсти требуетъ еще какихъ-то спеціальныхъ поясненій.

Дѣло въ томъ, что всякая сила рвется наружу, ищетъ проявиться, ищетъ работы, и чѣмъ сила больше, тѣмъ она рвется энергичнѣе и разностороннѣе. Такъ и специфическая сила первыхъ въ своемъ родѣ людей, сила практическаго психологическаго такта. Обладающіе этою силою люди не только могутъ, а и хотятъ управлять сердцами и умами. Разумѣется, на первомъ планѣ стоитъ для нихъ вліяніе на массы. Но представьте себѣ, что вліянію этому, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно удовлетворило бы данное лицо, являются непреодолимыя препятствія. Куда дѣть эту силу сознательнаго психологическаго анализа и безсознательной наход-

чивости, всю эту тонкую работу ума, чувства и характера?—На женщину! Не то я хочу сказать, чтобы такъ должно было быть, но такъ бываетъ. Безъ сомнѣнія, управленіе сердцемъ женщины никогда не можетъ стать суррогатомъ вліянія на массы, но все же оно требуетъ подчасъ большой затраты душевныхъ силъ и можетъ до нѣкоторой степени играть роль отвлекающаго начала.

Въ какомъ положеніи находился Лассаль во время своего увлеченія Еленой—видно изъ слѣдующаго письма къ графинѣ Гацфельдъ: «Вы очень ошибочно судите обо мнѣ, полагая, что я не могу довольствоваться нѣкоторое время наукой, дружбой и красивой природой, что мнѣ необходима политика. Я ничего не желаю такъ сильно, какъ вполнѣ развязаться съ политикой, чтобы уйти въ науку, дружбу и природу. Я исполненъ политикой и сытъ ею по горло. Правда, я воспылалъ бы къ ней большею страстью, чѣмъ когда-нибудь прежде, если бы наступили серьезныя событія, еслибы я получилъ власть или имѣлъ въ виду средство пріобрѣсти ее, такое средство, которое мнѣ пригодно, потому что безъ власти ничего не сдѣлаешь. А для ребяческой игры я слишкомъ старъ и слишкомъ великъ. Оттого я въ высшей степени неохотно принялъ предсѣдательство въ общемъ германскомъ союзѣ рабочихъ. Я уступилъ только вашимъ настояніямъ. И теперь это положеніе гнететъ меня. Боюсь, сильно боюсь, что событія будутъ развиваться медленно, очень медленно, а моя страстная душа не терпитъ этихъ дѣтскихъ болѣзней, этихъ хроническихъ процессовъ. Я понимаю политику, какъ дѣятельность настоящей минуты. Все другое можно дѣлать, оставаясь и въ научной области. Попытаюсь оказать въ Гамбургѣ нѣкоторое вліяніе на событія. Но насколько это будетъ успѣшно—я не могу обѣщать и самъ не ожидаю многаго. О, какъ хотѣлось бы мнѣ устраниться! Сейчасъ получилъ письмо отъ Елены, письмо въ высшей степени серьезное. Дѣло принимаетъ рѣшительный оборотъ... И такъ, впередъ черезъ Рубиконъ! Онъ ведетъ къ счастью».

Съ нашей скромной, русской точки зрѣнія можно бы было, конечно, сказать, что Лассаль, что называется, «зарвался», если признавалъ свою дѣятельность, въ моментъ предсѣдательства въ

общемъ германскомъ союзѣ рабочихъ, неудовлетворяющею. Но это ужъ его личное дѣло. Слишкомъ былъ, значитъ, требовательный человѣкъ покойникъ, да и на счетъ быстроты развитія событій онъ вѣдь угадалъ. Какъ бы то ни было, но онъ, борецъ по природѣ и всѣмъ инстинктамъ, «торговецъ сердцами толпы», хотѣлъ «устраниться» и «вполнѣ развязаться съ политикой». Только благодаря этому обстоятельству, его любовь къ Еленѣ и могла принять характеръ такой безумной, ослѣпляющей страсти. Надо же ему было найти приложеніе для освободившейся душевной силы. «Наука», «дружба», «красивая природа»—прекрасныя вещи, но пользованіе ими можетъ совершаться вполнѣ мирно, спокойно, не требуя затраты специфической силы первыхъ въ своемъ родѣ людей: ни науку, ни друзей, ни красивую природу не приходится «повелительно молить»; ни наука, ни дружба, ни красивая природа не могутъ служить объектомъ приложенія острой, жгучей страсти съ ея своеобразными волненіями и порывами. Все это могла дать въ положеніи Лассаля только любовь къ женщинѣ. Что же касается выбора предмета страсти, то это опять—психологическая тайна, никому невѣдомая. Со стороны глядя, обидно, что Лассаль ухлопалъ себя на Елену Дённигесъ. Но не онъ первый и не онъ послѣдній. Такой монументальный человѣкъ, какъ Фаустъ, увлекся наивной простушкой Маргаритой. Создатель «Фауста», олимпіецъ Гёте (тоже первый въ своемъ родѣ человѣкъ), до семидесяти пяти лѣтъ сохранившій способность волноваться любовью, имѣлъ въ своей коллекціи любимыхъ женщинъ экземпляры очень плохого достоинства. Любопытно, что изъ душевныхъ качествъ Елены Дённигесъ Лассаль, повидимому, наиболѣе цѣнилъ то обстоятельство, что ея воля тонула въ его волѣ.

Извѣстно, что для производства какого-нибудь опыта или наблюденія, надо выбрать такой моментъ или такъ расположить условія изучаемаго явленія, чтобы оно было на лицо, по возможности, въ чистомъ видѣ, безъ осложненій посторонними обстоятельствами. Исторія послѣдней любви Лассаля хотя и намекаетъ на объясненіе странныхъ отношеній, возникающихъ иногда между людьми крупнаго роста и женщинами, но слишкомъ запутана, ибо

осложнена его несчастнымъ темпераментомъ и бурною политическою дѣятельностью. Дѣло было бы гораздо яснѣе, если бы онъ, сохраняя всѣ остальныя свои качества, обладалъ болѣе холоднымъ темпераментомъ и хотя временно былъ совершенно и безнадежно отторгнутъ отъ политической дѣятельности. Наша недавняя исторія выставила человѣка очень крупнаго роста, въ значительной степени подходящаго къ этимъ условіямъ. Я говорю о Лермонтовѣ.

Недавно вышло новое, четвертое изданіе сочиненій Лермонтова. Ничего тутъ новаго нѣтъ, и читатель, можетъ быть, даже подивится желанію говорить въ настоящую минуту о Лермонтовѣ. Но, право, когда долго перебираешь новенькіе двугривенные и пятиалтынные, которые всѣ такъ аккуратны и такъ похожи другъ на друга, и тяжелые, мрачные пятаки, послѣ которыхъ руки такъ непріятно мѣдью пахнутъ, пріятно остановиться на старомъ, неуклюжемъ, огромномъ цѣлковомъ. Само собою разумѣется, что я не имѣю ни малѣйшей претензіи сказать что-нибудь новое о поэтѣ, о которомъ писано и переписано. Мнѣ хочется только посмотрѣть на него, какъ на человѣка, и притомъ только въ предѣлахъ затронутыхъ выше вопросовъ.

Къ предыдущему изданію сочиненій Лермонтова была приложена обширная статья. Въ нынѣшнемъ, въ виду увеличенія объема изданія, статья эта замѣнена коротенькимъ біографическимъ очеркомъ. При этомъ издатель сообщаетъ, что «въ скоромъ времени должна появиться въ печати обстоятельная біографія Лермонтова, составленная П. А. Висковатымъ». Обстоятельная біографія поэта —дѣло, безъ сомнѣнія, очень желательное, но собственно для характеристики личности Лермонтова мы имѣемъ и теперь уже достаточно матеріаловъ, какъ въ его сочиненіяхъ, такъ и въ различныхъ воспоминаніяхъ.

Лермонтовъ, какъ и Лассаль, убитъ на дуэли, въ концѣ концовъ, тоже изъ-за женщины. Что касается интимной, сердечной жизни, то главный матеріалъ для біографіи Лермонтова, какъ и Лассаля, заключается въ мемуарахъ дамы, въ извѣстныхъ запискахъ г-жи Хвостовой. Но нашъ поэтъ много счастливѣе своего

нѣмецкаго товарища по роду смерти. Невольный убійца Лермонтова, Н. С. Мартыновъ, на просьбу издателя записокъ г-жи Хвостовой сообщить нѣкоторыя біографическія данныя о поэтѣ, отвѣтилъ слѣдующими благородными словами: «Не смотря на все мое желаніе сдѣлать что-либо для васъ пріятное, самое простое чувство приличія не дозволяетъ мнѣ исполнить просьбу вашу. Именно потому, какъ вы выразились въ письмѣ вашемъ, что злой рокъ судилъ мнѣ быть орудіемъ Провидѣнія въ смерти Лермонтова, я уже не считаю себя вправѣ вымолвить хотя бы единое слово въ его осужденіе, набросить малѣйшую тѣнь на его память; принять же всю нравственную отвѣтственность этого несчастнаго событія на себя одного,—я не въ силахъ». Невольный убійца Лермонтова отлично понимаетъ то, что оказывается недоступнымъ Еленѣ Дѣннигесъ и многимъ читателямъ ея мемуаровъ. Онъ понимаетъ, что его воспоминанія о Лермонтовѣ, хотя бы они даже содержали фактическую правду, все-таки рискуютъ не быть ни достаточно деликатными, ни даже достаточно правдивыми по тону, который, какъ извѣстно, fait la musique. Не менѣе счастливъ Лермонтовъ и въ другомъ отношеніи: записки г-жи Хвостовой не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ мемуарами г-жи Раковица. Правда, разница эта въ значительной степени опредѣляется самымъ содержаніемъ воспоминаній: тамъ Лассаль былъ оскорбленъ женщиной, а здѣсь женщина оскорбляется Лермонтовымъ. Но, пожалуй, тѣмъ большей еще фальши можно бы было ожидать отъ записокъ г-жи Хвостовой. На дѣлѣ, однако, мы тутъ видимъ настоящую, несомнѣнную правду не только въ общихъ чертахъ, а и почти во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ. Передъ нами возстаетъ реальный образъ поэта, крайне непривлекательный, но облитый чарующею прелестью воспоминаній женщины, беззавѣтно любившей и все простившей.

Записки г-жи Хвостовой, конечно, извѣстны читателю, и я хочу только напомнить ему ту необыкновенную, даже не для такого почти мальчишки, какимъ тогда былъ Лермонтовъ, ловкость, съ которою онъ довелъ автора «записокъ» до страстной къ нему любви и затѣмъ грубо, нагло оттолкнулъ ее. Все было

пущено въ ходъ: и безпредѣльная преданность, и жаркая ласка, и обманъ, даже предательство, шутовство, ревность, слезы, смѣхъ. Отношенія пережили нѣсколько фазисовъ, и вотъ какъ вспоминаетъ г-жа Хвостова объ одномъ изъ нихъ: «Лермонтовъ поработилъ меня совершенно своею взыскательностью, своими капризами, онъ не *молилъ*, но *требовалъ* (курсивъ г-жи Хвостовой) любви, онъ не преклонялся передъ моей волей, какъ Л—хинъ, но налагалъ на меня свои тяжелыя оковы, говорилъ, что не понимаетъ ревности, но безпрестанно терзалъ меня сомнѣніемъ и насмѣшками».

Прежде всего является вопросъ: какъ могъ этотъ, тогда совершенно незначительный, невидный юноша увлечь свѣтскую дѣвушку, красавицу, окруженную толпой поклонниковъ, обращавшую на себя на балахъ вниманіе высокихъ особъ и, слѣдовательно, достаточно избалованную? Затѣмъ: какая нужда была Лермонтову продѣлывать всю эту исторію, если онъ, въ концѣ-концовъ, отвергъ влюбленную женщину? Какъ ни безобразно было въ этомъ дѣлѣ поведеніе Лермонтова, но, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, надо сказать, что то была работа великаго духа, безжалостною рукою судьбы и русской исторіи искалѣченнаго. Стало уже, кажется, общимъ мѣстомъ, что Лермонтовъ, будучи геніальнымъ человѣкомъ, загубленъ характеромъ свѣтскаго общества, въ которомъ вращался. Это совершенно справедливо; но надо прибавить, что вращайся онъ и не въ свѣтскомъ обществѣ, его судьба была бы примѣрно все-таки такая же. Не къ одному свѣтскому обществу того времени примѣнима извѣстная эпиграмма насчетъ Брута въ Римѣ, Перикла въ Аѳинахъ и гусарскаго офицера въ Россіи. Для дѣятельности, въ которую такой человѣкъ, какъ Лермонтовъ, съ его силами и претензіями, могъ бы уйти весь, въ тогдашней Россіи едва ли бы нашелся просторъ. Человѣкъ, весьма мало развитый, но съ громадными природными силами и съ не меньшимъ самолюбіемъ, Лермонтовъ кругомъ себя ничего не уважалъ и не могъ уважать. Правда, въ его произведеніяхъ прорываются иногда фальшивыя ноты, рѣзко противорѣчащія этому общему настроенію; но на-

личность ихъ зависитъ отъ того, что та «съ небомъ гордая вражда», которая восхищала Бѣлинскаго, съ небомъ и преданіемъ, была въ Лермонтовѣ дѣломъ почти исключительно натуры и инстинкта, а не «понятій» и какихъ-нибудь опредѣленныхъ идеаловъ. Далѣе, въ числѣ его силъ, самою, быть можетъ, выдающеюся была специфическая сила первыхъ въ своемъ родѣ людей. Она сказалась не только въ томъ, что онъ двадцати пяти лѣтъ сталъ однимъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ и тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ свою способность волновать умы и сердца нѣсколькихъ поколѣній, но и во всей его недолгой жизни, насколько мы ее знаемъ. Всѣ воспоминанія о Лермонтовѣ рисуютъ его именно человѣкомъ, по собственной волѣ создающимъ любовь и ненависть. Кого онъ хотѣлъ заставить полюбить себя, тотъ любилъ его; кого хотѣлъ обидѣть, тотъ былъ обиженъ на смерть. Въ его произведеніяхъ разсыпано множество замѣчаній по житейской, практической философіи, иногда ребячески напыщенныхъ, но иногда поражающихъ знаніемъ жизни и людей, тѣмъ болѣе поражающихъ, что вѣдь этотъ человѣкъ имѣлъ возможность наблюдать жизнь всего безъ году недѣлю. Объясняется это тѣмъ, что это собственно не знаніе, а угадываніе, результатъ сильной безсознательной внутренней работы, того практическаго психологическаго такта, который дается иногда людямъ даромъ, при рожденіи. Въ человѣкѣ, такъ легко угадывающемъ людей и такъ умѣющемъ затрогивать въ нихъ тѣ именно струны, которыя ему хочется затронуть, желаніе первенствовать очень естественно. Но гдѣ и въ чемъ могъ Лермонтовъ искать приложенія для своей силы перваго въ своемъ родѣ человѣка? Въ литературѣ? пожалуй, онъ тамъ и первенствовалъ, но именно его родъ литературной дѣятельности, поэзія, не давалъ наслажденія очевидной, непосредственной «торговли сердцами». Въ офицерскихъ шалостяхъ? Онъ и тамъ, пожалуй, первенствовалъ, не брезгая ничѣмъ. Какъ образчикъ, напомню разсказъ Панаева: «Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у г. Краевскаго моего пріятеля М. А. Я—ва. Я—въ сидѣлъ

противъ Лермонтова. Они не были знакомы другъ съ другомъ. Лермонтовъ нѣсколько минутъ не спускалъ съ него глазъ. Я—въ почувствовалъ сильное нервное раздраженіе и вышелъ въ другую комнату, не будучи въ состояніи вынести этого взгляда. Онъ и до сихъ поръ не забылъ его». Такимъ дешевымъ способомъ проявлять свою силу, такъ школьнически оказывать давленіе на людей, умному человѣку, разумѣется, должно очень скоро надоѣсть. Что же оставалось? Куда дѣвать силу и страсть управлять сердцами? Пусть отвѣтитъ на это самъ Лермонтовъ.

Какъ ни велика была сила психологическаго чутья въ Лермонтовѣ, онъ все-таки жилъ слишкомъ мало. И вотъ почему онъ такъ часто и охотно воспроизводилъ въ своихъ писаніяхъ самого себя, иногда распредѣляя свои качества между нѣсколькими дѣйствующими лицами своихъ повѣстей, поэмъ, драмъ. Въ его юношеской драмѣ «Странный человѣкъ» герой, молодой Арбенинъ, долженъ изображать его самого, Лермонтова. Однако, и поведеніе гуляки Бѣлинскаго тоже напоминаетъ Лермонтовскія черты. Напримѣръ, предательство Бѣлинскаго, выслушивающаго признанія Арбенина въ любви къ Наташѣ и затѣмъ перебивающаго ему дорогу, есть довольно точный сколокъ или, вѣрнѣе, предвосхищеніе поведенія самого Лермонтова въ исторіи съ г-жей Хвостовой. Этотъ Бѣлинскій выражаетъ, между прочимъ, какъ бы программу жизни молодого человѣка вообще, предполагая, что онъ можетъ думать только о томъ, «какъ заставить женщину любить или признаться въ томъ, что она притворялась». Запомнивъ эту странную программу, пойдемъ дальше.

Въ юношеской же, очень напыщенной, очень вообще ребяческой, но любопытной для исторіи развитія Лермонтова «Повѣсти» (безъ заглавія), фигурируетъ нищій, уродъ, горбачъ, одаренный демоническою натурой и способностью вліять на массы. Дѣло происходитъ въ прошломъ столѣтіи, за нѣсколько мѣсяцевъ до пугачевскаго бунта. Оскорбленный всѣми неправдами, породившими пугачевщину, нищій, носящій поэтическое имя Вадима, дышетъ местью и разрушеніемъ. Наконецъ, онъ добивается своего. Юный авторъ размышляетъ: «Надо имѣть слишкомъ вели-

кую или слишкомъ ничтожную душу, чтобы такъ играть и жизнью, и смертью. *Однимъ* словомъ, Вадимъ убилъ семейство! И что же онъ такое? вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, незамѣтный въ пьяной окровавленной толпѣ! Не самъ ли онъ создалъ свое могущество! Какая слава, если бы онъ избралъ другое поприще, если бы то, что сдѣлалъ для своей личной мести, если бы это терпѣніе, это кроткое терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ... Какая слава, если бы онъ, напримѣръ, родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида... А теперь? Имѣя въ виду только одну цѣль — смерть трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ только виновенъ, теперь онъ со всѣмъ своимъ геніемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности». Въ этомъ, хотя и юношескомъ размышленіи заключается, собственно говоря, весь Лермонтовъ, со всею недодѣланностью „понятій", свободолюбивыми инстинктами и жаждою первенства и извѣстности, которую онъ не зналъ гдѣ утолить.

Печоринъ, которому, какъ извѣстно, Лермонтовъ вкладываетъ въ голову и сердце много своихъ чувствъ и мыслей, разсуждаетъ: „А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется на встрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; *честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ;* ибо честолюбіе есть ничто иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною

страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости"?

Въ „Маскарадѣ" Арбенинъ говоритъ Нинѣ:

...У другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ и славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь.
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился;
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился;
Богатъ и безъ гроша,—былъ скукою томимъ.
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонялся.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни, это—ты,
Созданье слабое, но ангелъ красоты.

Герой неконченной повѣсти, Лугинъ, пишетъ: „Мнѣ часто случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти; но такъ какъ я точно знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь этому счастью... Такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мной, и благодарилъ за него только себя, то самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви. Къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости".

Этихъ выписокъ съ насъ довольно. Въ нихъ много фальши, рисовки, оригинальничанья, но много и правды. Онѣ показываютъ, между прочимъ, что Лермонтовъ и самъ если не вполнѣ ясно понималъ, то во всякомъ случаѣ угадывалъ, почему любовныя похожденія занимаютъ такъ много мѣста въ его жизни (эпизодъ съ г-жей Хвостовой далеко не единственный въ своемъ родѣ) и что именно въ этихъ похожденіяхъ для него такъ привлекательно. Чувственность здѣсь была не причемъ или почти не причемъ. Занимательна была не она, а тонкая психологическая игра, утоленіе жажды «торговать сердцами», жажды, осно-

ванной на присутствіи соотвѣтственной силы. При иныхъ условіяхъ эта сила, конечно, получила бы иное направленіе, а при тогдашнихъ, признавая все безобразіе многихъ поступковъ Лермонтова, нельзя все-таки очень винить его за обиліе и страстность любовныхъ похожденій. И, во всякомъ случаѣ, если винить его лично, такъ въ то же время и пожалѣть надо. Когда чуть не единственной практической задачей жизни, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, становится такая чудовищная программа, какъ «заставлять женщину любить или признаваться въ томъ, что она притворялась»,—тогда не можетъ уже быть рѣчи о «цѣлостной натурѣ», всегда себѣ равной и вѣрной; тогда получается «Lermontoff toujours calculateur et énigmatique», каковъ былъ Лермонтовъ по опредѣленію г-жи Хвостовой и каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. А эти вѣчныя энигмы и калькюли не могутъ обходиться даромъ, какъ признавалъ, устами Лугина, и самъ Лермонтовъ. Онъ былъ мучитель, но онъ же былъ и мученикъ. Игра увлекала и его, но такъ какъ это была игра заданная, надуманная, выбранная за неимѣніемъ другой, болѣе удовлетворяющей, то увлеченіе никогда не было достаточно полно и душа болѣзненно раздваивалась.

Съ перваго взгляда, вторая половина программы «Страннаго человѣка» можетъ показаться необъяснимо нелѣпой. Еще понятно, что человѣкъ мечтаетъ о томъ, чтобы заставить женщину любить себя, но почему онъ рядомъ съ этой мечтой ставитъ, какъ нѣчто равноцѣнное, мысль «заставить женщину признаться, что она притворялась»? Что тутъ занимательнаго или дорогого? На это отвѣчаетъ «Маскарадъ». Вся драма построена, собственно говоря, на томъ, чтобы вырвать у Нины признаніе, что она притворялась и притворяется, а не любитъ. Если вы припомните, то сладострастіе (иначе нельзя назвать), съ которымъ Арбенинъ разыгрываетъ роль судебнаго слѣдователя, то искусство и знаніе женскаго сердца, съ которымъ онъ ведетъ свое слѣдствіе, самъ мучась имъ и въ то-же время находя отраду въ сознаніи, что онъ не обманутъ, потому что онъ все понимаетъ, все угадываетъ и такъ или иначе владѣетъ сердцемъ человѣка, даже обманувшаго

его, вы поймете и вторую половину дикой программы «Страннаго человѣка»: то душа работы проситъ, страстной, энергической и хотя бы мучительной работы надъ сердцами людей...

«Юнкерская поэзія», «юнкеръ»—кощунствовали у насъ не такъ давно, говоря о Лермонтовѣ. «Юнкерская поэзія» — это чистый вздоръ и притомъ близорукій, а потому вредный вздоръ. «Юнкеръ»—въ этомъ есть нѣчто отъ правды, но далеко не вся правда. Во всякомъ же случаѣ, если правда, то да покараетъ исторія условія, сдѣлавшія Лермонтова юнкеромъ...

ГЕРОИ И ТОЛПА.

I.

Въ сентябрѣ 1771 г. въ Москвѣ, раздираемой чумою, стоялъ у Варва̀рскихъ воротъ фабричный рабочій и разсказывалъ всѣмъ желающимъ слушать—какой онъ чудный сонъ видѣлъ. Видѣлъ онъ Богородицу, и жаловалась Богородица, что образу ея у Варва̀рскихъ воротъ уже тридцать лѣтъ никто молебновъ не пѣлъ и свѣчей не ставилъ; за это Христосъ хотѣлъ послать на Москву каменный дождь, но она, Богородица, умолила, чтобы наказаніе ограничилось трехмѣсячнымъ моромъ. «Порадѣйте, православные, Бородицѣ на всемірную свѣчу!» кричалъ рабочій. И валомъ повалилъ измученный народъ на этотъ крикъ, неся деньги, ставя свѣчи, молясь и плача: мужчины, женщины, дѣти, больные, здоровые цѣлый день толпились у воротъ; попы разставили рядъ налоевъ и служили молебны... По мысли архіерея Амвросія, предполагалось перенести икону въ другое мѣсто, чтобы толпа не загораживала проѣзда, а деньги, которыхъ быстро накопился цѣлый сундукъ, употребить на благотворительную цѣль. Но начальство порѣшило перенести деньги въ сохранное мѣсто. Однако, когда у Варва̀рскихъ воротъ явилась съ этою цѣлью команда съ подъячими, народъ разогналъ ее съ крикомъ: «Богородицу гра-

бятъ!» и затѣмъ, вооружившись чѣмъ попало, двинулся при звукахъ набата искать Амвросія. Искали въ Чудовѣ монастырѣ, искали въ Донскомъ, наконецъ, нашли и вытащили изъ церкви, позволивъ, однако, архіерею приложиться сначала къ иконѣ. Это былъ добрый знакъ. Дальше, когда Амвросій кротко и спокойно отвѣчалъ на сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ вопросы о разныхъ санитарныхъ и полицейскихъ мѣрахъ, въ томъ числѣ и насчетъ Варвàрскихъ воровъ, толпа стала видимо стихать. Но вдругъ нѣкто Василій Андреевъ, дворовый человѣкъ Раевскаго, выбѣжавъ изъ кабака, кинулся на архіерея съ коломъ въ рукахъ. «Чего вы его слушаете? Развѣ не знаете, что онъ—колдунъ, глаза вамъ отводитъ?!» закричалъ Андреевъ и ударилъ Амвросія коломъ въ високъ. Въ ту же минуту доброе настроеніе толпы исчезло, десятки ударовъ посыпались на архіерея, и онъ былъ убитъ...

Въ 1253 г., капитулъ Nôtre-Dame de Paris наложилъ новые платежи на своихъ крестьянъ. Крестьяне одной деревни отказались платить, за что всѣ мужчины были привезены въ Парижъ и ввергнуты въ темницу. Узнавъ объ этомъ, королева Бланка Кастильская просила канониковъ Nôtre-Dame de Paris изслѣдовать дѣло, а въ ожиданіи выпустить арестованныхъ, причемъ обязывалась сама заплатить за нихъ. Церковники, ревнуя о своей власти, не только не исполнили просьбы королевы, а еще забрали женщинъ и дѣтей мятежной деревни и заключили ихъ въ ту-же темную, смрадную тюрьму. Бланка явилась у дверей тюрьмы въ сопровожденіи небольшой свиты и приказала выбить двери. Свита колебалась—права и привиллегіи служителей церкви были въ ея глазахъ слишкомъ священны. Тогда Бланка выхватила алебарду у одного изъ сопровождавшихъ ее и собственноручно рубнула дверь. Увлеченная этимъ примѣромъ, свита тотчасъ же разнесла дверь...

Изъ множества историческихъ эпизодовъ, которые могутъ служить для иллюстраціи предлагаемаго очерка и которые отчасти будутъ употреблены съ этою цѣлью ниже, я съ совершенно опредѣленною цѣлью выбралъ въ первую голову возмутительное убійство Амвросія. Этотъ или другой, но подобный эпизодъ сразу

ставитъ передъ читателемъ въ видѣ живыхъ образовъ и предметъ очерка, и его цѣль, и его терминологію. *Героемъ* мы будемъ называть человѣка, увлекающаго своимъ примѣромъ массу на хорошее или дурное, благороднѣйшее или подлѣйшее, разумное или безсмысленное дѣло. *Толпой* будемъ называть массу, способную увлекаться примѣромъ, опять-таки высоко-благороднымъ или низкимъ, или нравственно-безразличнымъ. Не въ похвалу, значитъ, и не въ порицаніе выбраны термины «герой» и «толпа». Если пьянаго звѣря Василія Андреева мы называемъ героемъ, на ряду съ благороднымъ образомъ Бланки Кастильской, то, конечно, читатель не найдетъ у насъ такъ называемаго культа героевъ, но не найдетъ онъ и отрицательнаго отношенія къ героямъ въ смыслѣ великихъ людей. Безъ сомнѣнія, великіе люди не съ неба сваливаются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ. Ихъ создаетъ та же среда, которая выдвигаетъ и толпу, только концентрируя и воплощая въ нихъ разрозненно бродящія въ толпѣ силы, чувства, инстинкты, мысли, желанія. Безъ сомнѣнія, можно идти логическимъ путемъ даже гораздо дальше и въ такой же мѣрѣ умалить роль великихъ людей, въ какой Карлейль ее превозвысилъ. Но, становясь на эту точку зрѣнія, въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ вѣрную, легко пропустить сквозь пальцы цѣлую обширную область явленій, крайне важныхъ и въ теоретическомъ, и въ практическомъ смыслѣ. Именно всю область отношеній между великимъ человѣкомъ и тѣми, кто слѣдуетъ по его стопамъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на эти отношенія, но они—фактъ. Они возникаютъ, существуютъ, прекращаются или разрѣшаются извѣстными результатами, и значитъ, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ другими фактами подлежатъ изученію. Пусть, съ какой-нибудь очень возвышенной и вполнѣ оправдываемой логикою точки зрѣнія, великій человѣкъ есть даже просто нуль или, самое большое, безсознательное орудіе осуществленія высшихъ и общихъ историческихъ законовъ; пусть его дѣятельность должна изучаться съ точки зрѣнія этихъ общихъ законовъ; но, кромѣ нихъ, существуютъ же какіе-нибудь частные законы отношеній между великимъ человѣкомъ и дви-

жущейся за нимъ массою. Конечно, самые факты этого рода, въ ихъ голой, эмпирической наготѣ, записываются въ исторію во множествѣ, но отъ голой записи еще далеко не только до пониманія явленія, но даже до пониманія его важности. Этого-то пониманія мы напрасно бы стали искать у историковъ культуры или цивилизаціи нынѣшняго времени, у политиковъ, соціологовъ и вообще людей ex professo занимающихся изслѣдованіями человѣческихъ дѣлъ и отношеній. Это, можно сказать—непочатой вопросъ. Его-то мы и рекомендуемъ вниманію читателя. При этомъ спеціально о великихъ людяхъ намъ трактовать не придется. Да если бы мы и вздумали такъ спеціализировать свою задачу, то при самомъ первоначальномъ приступѣ къ дѣлу натолкнулись бы на логическое и фактическое затрудненіе. Что такое собственно великій человѣкъ? Полубогъ съ одной точки зрѣнія, онъ можетъ оказаться мизинцемъ лѣвой ноги съ другой. Это и само собою понятно, ибо требованія, которыя могутъ быть предъявлены великому человѣку мною, вами, пятымъ, десятымъ, чрезвычайно разнообразны. Это и въ исторіи случалось, что великій человѣкъ для однихъ—былъ полнымъ ничтожествомъ въ глазахъ другихъ. Безъ сомнѣнія, всякій мыслящій человѣкъ можетъ и долженъ выработать себѣ точку зрѣнія для оцѣнки великихъ людей въ смыслѣ большаго или меньшаго количества блага, внесеннаго ими въ сокровищницу человѣчества. Но, имѣя собственное свое мѣрило величія, вполнѣ пригодное для тѣхъ или другихъ цѣлей, мы не можемъ имъ руководиться при изученіи поставленнаго нами вопроса. Положимъ, что съ точки зрѣнія изслѣдователя какой-нибудь, напримѣръ, Будда — не великій человѣкъ, какъ о немъ полагаютъ буддисты, а совсѣмъ заурядная фигура. Если изслѣдователь, руководствуясь этимъ своимъ мѣриломъ величія, вычеркнетъ роль Будды изъ программы своей работы, то, понятное дѣло, самъ себя лишитъ драгоцѣннаго матеріала, даваемаго обаяніемъ, которое Будда производилъ на современниковъ. Изслѣдователь долженъ въ этомъ случаѣ стать на точку зрѣнія буддистовъ. Онъ можетъ, конечно, отвергать и опровергать эту точку зрѣнія въ виду различныхъ, весьма даже важныхъ цѣлей и

соображеній. Но въ данномъ случаѣ всѣ эти цѣли и соображенія, какъ бы они ни были сами по себѣ цѣнны, представляютъ нѣчто постороннее. Задача состоитъ въ изученіи механики отношеній между толпою и тѣмъ человѣкомъ, котораго *она* признаетъ великимъ, а не въ изысканіи мѣрила величія. Поэтому завѣдомый злодѣй глупецъ, ничтожество, полоумный для насъ такъ же важны, въ предѣлахъ поставленной задачи, какъ и всемірный геній или ангелъ во-плоти, если за ними шла толпа, если она имъ искренно, а не по внѣшнимъ побужденіямъ повиновалась, если она имъ подражала и молилась.

Этого мало. Бываетъ величіе, озаряющее далекіе историческіе горизонты. Бываетъ такъ, что великій человѣкъ, своею безсмертною стороною, своею мыслью живетъ вѣка, и вѣка вліяютъ на толпу, увлекая ее за собой. Но бываетъ и такъ, что великій человѣкъ мелькнетъ какъ падучая звѣзда, лишь на одно мгновеніе станетъ идоломъ и идеаломъ толпы, и потомъ, когда пройдетъ минутное возбужденіе, самъ утонетъ въ рядахъ темной массы. Безвѣстный ротный командиръ бросается въ минуту возбужденія на непріятельскую батарею и увлекаетъ своимъ примѣромъ оробѣвшихъ солдатъ, а затѣмъ опять становится человѣкомъ, которому цѣна—грошъ. Вы затруднитесь назвать его великимъ человѣкомъ, хотя, можетъ быть, согласитесь признать извѣстную долю величія въ его выходкѣ. Но, во всякомъ случаѣ, какая разница, въ интересахъ нашей задачи, между этимъ ротнымъ командиромъ, которому разъ въ жизни удалось воодушевить и увлечь за собой солдатъ, и счастливымъ, «великимъ» полководцемъ, появленіе котораго предъ фронтомъ всякій разъ вызываетъ въ солдатахъ энтузіазмъ и готовность идти на смерть? Разницы никакой или весьма малая. Мы можемъ, конечно, отмѣтить въ послѣднемъ случаѣ нѣкоторое осложненіе психическими моментами, которыхъ нѣтъ въ первомъ. Тутъ мы видимъ привычку солдатской души реагировать извѣстнымъ образомъ при появленіи вождя, а тамъ дѣло происходитъ мгновенно, безъ ожиданія и даже, можетъ быть, противъ всякаго ожиданія. Но существенной роли эта разница не играетъ, и, конечно, мы сдѣлаемъ большую ошибку, если,

изслѣдуя механику массоваго увлеченія подъ вліяніемъ одинокой воли, упустимъ изъ виду анализъ такихъ фактовъ, какой представляетъ исторія безвѣстнаго ротнаго командира. Затѣмъ, въ смыслѣ душевной механики увлеченія подъ давленіемъ одинокой личности, между мгновеннымъ движеніемъ свиты Бланки Кастильской и такимъ же мгновеннымъ движеніемъ солдатъ—нѣтъ уже ровно никакой разницы. И тамъ, и тутъ толпа разомъ, мгновенно переступаетъ какой-то таинственный и страшный порогъ, какъ только вожакъ дѣлаетъ первый шагъ, а до тѣхъ поръ жмется, колеблется, отступаетъ.

Оба факта, очевидно, одинаковаго происхожденія и оба одинаково заслуживаютъ нашего вниманія. Да не то что Бланка Кастильская, Василій Андреевъ или ротный командиръ, а еслибы, для уясненія занимающихъ насъ психическихъ процессовъ и тѣхъ общественныхъ или иныхъ условій, которыя обставляютъ эти процессы, еслибы для этого оказались въ какомъ-нибудь смыслѣ пригодными отношенія между передовымъ бараномъ и бросающимся за нимъ бараньимъ стадомъ, такъ и ихъ изслѣдователь не можетъ исключить изъ своей работы.

Итакъ, вотъ въ какомъ, вполнѣ условномъ смыслѣ будемъ мы разумѣть героя. Это не первый любовникъ романа и не человѣкъ, совершающій великій подвигъ. Нашъ герой можетъ, пожалуй, быть и тѣмъ, и другимъ, но не въ этомъ заключается та его черта, которою мы теперь интересуемся. Нашъ герой просто первый «ломаетъ ледъ», какъ говорятъ французы, дѣлаетъ тотъ рѣшительный шагъ, котораго трепетно ждетъ толпа, чтобы съ стремительною силою броситься въ ту или другую сторону. И не самъ по себѣ для насъ герой важенъ, а лишь ради вызываемаго имъ массоваго движенія. Самъ по себѣ онъ можетъ быть, какъ уже сказано, и полоумнымъ, и негодяемъ, и глупцомъ, ни мало не интереснымъ, Для меня очень важно, во избѣжаніе разныхъ возможныхъ недоразумѣній, чтобы читатель утвердился на этомъ значеніи слова «герой» и чтобы онъ не ожидалъ отъ героевъ какіе ниже встрѣтятся, непремѣнно чего-нибудь «героическаго» въ томъ двусмысленномъ значеніи, которое обыкновенно соединяется

съ этимъ словомъ. Съ этою именно цѣлью я началъ очеркъ убійствомъ Амвросія. Съ этою же цѣлью я хочу напомнить читателю одну высоко-художественную сцену изъ «Войны и мира»— сцену убійства Верещагина. Я не знаю ни историческаго, ни художественнаго описанія момента возбужденія толпы подъ вліяніемъ примѣра, которое могло бы сравняться съ этими двумя страницами по выпуклости и тонкости работы.

— «Ребята! сказалъ Растопчинъ металлическимъ-звонкимъ голосомъ:—этотъ человѣкъ, Верещагинъ, тотъ самый мерзавецъ, отъ котораго погибла Москва.

Молодой человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной позѣ, сложивъ кисти рукъ вмѣстѣ передъ животомъ и немного согнувшись. Исхудалое, съ безпокойнымъ выраженіемъ, изуродованное бритой головой молодое лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа, онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что сказать ему или хоть встрѣтить его взглядъ. Но Растопчинъ не смотрѣлъ на него.

На длинной шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напружилась и посинѣла жила за ухомъ и вдругъ покраснѣло лицо.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ на толпу и, какъ бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое онъ прочиталъ на лицахъ людей, онъ печально улыбнулся и, опять, опустивъ голову, поправился ногами на ступенькѣ.

— Онъ измѣнилъ своему царю и отечеству, онъ передался Бонапарту, онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ осрамилъ имя русскаго и отъ него погибаетъ Москва, говорилъ Растопчинъ ровнымъ, рѣзкимъ голосомъ; но вдругъ быстро взглянулъ внизъ на Верещагина, продолжавшаго стоять въ той-же покорной позѣ. Какъ будто взглядъ этотъ взорвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ почти, обращаясь къ народу:—своимъ судомъ расправляйтесь съ нимъ! отдаю его вамъ!

Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ другъ на друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зараженной духотѣ, не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, непонятнаго и страшнаго становилось невыносимо. Люди, стоявшіе въ первыхъ рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что происходило передъ ними, всѣ съ испуганно широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спинахъ напоръ заднихъ.

— Бей его!.. Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамитъ имени русскаго! закричалъ Растопчинъ.

— Руби! Я приказываю!

Услыхавъ не слова, но гнѣвные звуки голоса Растопчина, толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Графъ! проговорилъ среди опять наступившей минутной тишины, робкій и вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина.—Графъ, одинъ Богъ надъ нами... сказалъ Верещагинъ, поднявъ голову, и опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ, и краска быстро выступила и сбѣжала съ его лица. Онъ не договорилъ того, что хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю... прокричалъ Растопчинъ, вдругъ поблѣднѣвъ такъ же, какъ и Верещагинъ.

— Сабли вонъ! крикнулъ офицеръ драгунамъ, самъ вынимая саблю.

Другая еще сильнѣйшая волна взмыла по народу и, добѣжавъ до переднихъ рядовъ, волна эта сдвинула переднихъ и, шатая, поднесла къ самымъ ступенямъ крыльца.

Высокій малый съ окаменѣлымъ выраженіемъ лица и съ остановившеюся поднятою рукою стоялъ рядомъ съ Верещагинымъ.

— Руби, прошепталъ почти офицеръ драгунамъ, и одинъ изъ солдатъ вдругъ съ исказившимся злобой лицомъ ударилъ Верещагина тупымъ палашомъ по головѣ.

— А! коротко и удивленно вскрикнулъ Верещагинъ, испуганно оглядывался и какъ будто не понимая, зачѣмъ это было съ нимъ сдѣлано.

Такой же стонъ удивленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ.

— О, Господи! послышалось чье-то печальное восклицаніе. Но вслѣдъ за восклицаніемъ удивленія, вырвавшимся у Верещагина, онъ жалобно вскрикнулъ отъ боли, и этотъ крикъ погубилъ его. Та натянутая до высшей степени преграда человѣческаго чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно. Претупленіе было начато, необходимо было довершить его. Жалобный стонъ упрека былъ заглушенъ грознымъ и гнѣвнымъ ревомъ толпы. Какъ послѣдній девятый валъ, разбивающій корабли, взмыла изъ заднихъ рядовъ эта послѣдняя неудержимая волна, донесла до переднихъ, сбила ихъ и поглотила все. Ударившій драгунъ хотѣлъ повторить свой ударъ. Верещагинъ съ крикомъ ужаса, заслонясь руками, бросился къ народу.

Высокій малый, на котораго онъ наткнулся, вцѣпился руками въ тонкую шею Верещагина и съ дикимъ крикомъ, съ нимъ вмѣстѣ, упалъ подъ ноги навалившагося ревущаго народа. Одни били и рвали Верещагина, другіе высокаго малаго. И крики задавленныхъ и тѣхъ, которые старались спасти высокаго малаго, только возбуждали ярость толпы.

. . . . . .

— Топоромъ-то бей, что ли!.. Задавили!.. Измѣнщикъ, Христа продалъ... живъ... живущъ... по дѣломъ вору мука. Запоромъ-то!.. Али живъ!..

Только когда уже перестала биться жертва и вскрики ея замѣнились равномѣрнымъ протяжнымъ хрипѣніемъ, толпа стала торопливо перемѣщаться около лежащаго окровавленнаго трупа. Каждый подходилъ, взглядывалъ на то, что было сдѣлано, и съ ужасомъ, упрекомъ и удивленіемъ тѣснился назадъ».

Длинная выписка, но читатель, конечно, не посѣтуетъ на меня за то художественное наслажденіе, которое она ему доставила.

Кто герой этого омерзительнаго происшествія? Въ романическомъ смыслѣ имъ можетъ быть Верещагинъ, можетъ быть и Растопчинъ, можетъ быть и любой изъ бившихъ или битыхъ. Это—дѣло концепціи романа. Въ смыслѣ людей, совершающихъ геропческіе поступки, здѣсь нѣтъ героевъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ элементарное нравственное чувство. Въ нашемъ условномъ смыслѣ нельзя назвать героемъ Растопчина, потому что онъ самолично никакого вліянія на толпу не оказалъ: драгуны его послушались, хоть и не сразу; народъ же, который не обязанъ былъ повиноваться, ни мало не тронулся его криками и подзадориваніями. Въ такомъ же положеніи находится и драгунскій офицеръ. Истинный герой происшествія есть тотъ солдатъ, который вдругъ, «съ исказившимся отъ злобы лицомъ» первый ударилъ Верещагина. Это былъ, можетъ быть (и даже вѣроятно), самый тупой человѣкъ изо-всей команды. Но во всякомъ случаѣ его ударъ сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать ни патріотическіе возгласы Растопчина (а дѣло, замѣтьте, было наканунѣ вступленія французовъ въ Москву, когда, слѣдовательно, патріотическіе возгласы имѣли за себя особенно много шансовъ), ни начальственный видъ графа, ни его прямыя приказанія.

Ударъ тупого палаша тупого драгуна, и только этотъ ударъ преодолѣлъ, очевидно, упорное нежеланіе толпы убить человѣка, вины котораго она не понимала. Въ свою превосходную картину графъ Толстой вставилъ замѣчанія или объясненія, по малой мѣрѣ, рискованныя. Фактъ не только воспроизведенъ съ рѣдкою художественною силою, но и вѣрно истолкованъ словами: «Та натянутая въ высшей степени преграда человѣческаго чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно». Но при этомъ графъ Толстой прямо замѣчаетъ, что «жалобный крикъ погубилъ Верещагина», и даетъ сверхъ того намекъ на настроеніе толпы—мотивомъ: «преступленіе было начато, необходимо было довершить его». Но крикъ Верещагина былъ до такой степени неизбѣжною, неотвратимою подробностью драмы, что сказать: «крикъ погубилъ»

значитъ ровно ничего не сказать. Что же касается необходимости окончить разъ начатое преступленіе, то этотъ мотивъ былъ бы несомнѣненъ, если бы толпа начала преступленіе. Но этого-то и не было: преступленіе начато чуждою толпѣ силою, за грѣхи которой толпа не можетъ считать себя отвѣтственною. Въ человѣкѣ, начавшемъ преступленіе, естественно инстинктивное стремленіе поскорѣй покончить съ жертвою. Но посторонній зритель, особливо если онъ предварительно выразилъ свое несочувствіе убійству, можетъ и на убійцу броситься, и стараться спасти жертву.

Верещагина погубило неудержимое стремленіе извѣстнымъ образомъ настроенной толпы подражать герою. А героемъ былъ въ этомъ случаѣ тотъ драгунъ, у котораго хватило смѣлости или трусости нанести первый ударъ. Если читателю не нравится такое употребленіе слова «герой», то я прошу извиненія, но иного подходящаго слова я не нашелъ. Это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ увлекать толпу и истинно великимъ людямъ. Сами по себѣ, мотивы, двинувшіе героя на геройство, для насъ безразличны. Пусть это будетъ тупое повиновеніе (какъ, вѣроятно, было у нашего драгуна) или страстная жажда добра и правды, глубокая личная ненависть или горячее чувство любви—для насъ важенъ герой только въ его отношеніи къ толпѣ, только какъ двигатель. Безъ сомнѣнія, не мало найдется въ исторіи случаевъ, въ которыхъ личные мотивы героевъ бросаютъ свѣтъ на весь эпизодъ, и тогда мы, разумѣется, не можемъ отказываться отъ изученія этихъ мотивовъ. Но наша задача все-таки исчерпывается взаимными отношеніями двухъ факторовъ: героя и толпы. Мы постараемся уяснить себѣ эти отношенія и опредѣлить условія ихъ возникновенія, будутъ ли эти условія заключаться въ характерѣ даннаго историческаго момента, даннаго общественнаго строя, личныхъ свойствъ героя, психическаго настроенія массы, или какихъ иныхъ элементовъ. Повторяю: это, можно сказать—непочатой вопросъ. Поставить и разрѣшить его во всемъ объемѣ наука даже не пыталась. Это зависитъ прежде всего отъ крайней раздробленности знанія, въ силу которой каждый ученый съ благороднымъ упорствомъ ра-

ботаетъ подъ смоковницей своей спеціальности, но не хочетъ или не можетъ принять въ соображеніе то, что творится подъ сосѣдней смоковницей. Юристъ, историкъ, экономистъ, совершенно незнакомый съ результатами, общимъ духомъ и пріемами наукъ физическихъ, есть до такой степени распространенное явленіе, что мы съ нимъ совсѣмъ свыклись и не находимъ тутъ ничего страннаго. Есть, однако, область знанія, болѣе или менѣе близкое знакомство съ которою самые снисходительные люди должны, кажется, признать обязательнымъ для историка, экономиста или юриста. Это—область душевныхъ явленій. Положимъ, что психологія и до настоящаго дня не имѣетъ еще вполнѣ установившагося научнаго облика, не представляетъ собою законченной цѣпи взаимно поддерживающихся и общепризнанныхъ истинъ. Но какъ ни много въ этой области спорнаго, гипотетическаго и условнаго, душевныя явленія настолько-то извѣстны все-таки, чтобы можно было по достоинству оцѣнить психологическіе моменты различныхъ политическихъ, юридическихъ, экономическихъ теорій.

Какія бы понятія тотъ или другой экономистъ ни имѣлъ о человѣческой душѣ для своего личнаго обихода, но въ сферѣ своей науки онъ разсуждаетъ такъ, что единственный духовный двигатель человѣка есть стремленіе покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже. Для иного юриста мотивы дѣятельности человѣка исчерпываются стремленіемъ совершать преступленія и терпѣть за нихъ наказанія, и т. п. Такъ какъ душа человѣческая на самомъ дѣлѣ безконечно сложнѣе, то понятно, что явленія, незамѣтныя съ этихъ условныхъ, спеціальныхъ точекъ зрѣнія, ускользаютъ отъ анализа, хотя въ жизни заявляютъ о себѣ, можетъ быть, очень часто и очень сильно. Таковы именно массовыя движенія. Потрудитесь припомнить весь циклъ существующихъ такъ называемыхъ соціальныхъ наукъ—и вы увидите, что ни на одну изъ нихъ нельзя возложить обязанности изученія массовыхъ движеній, какъ таковыхъ, т. е. въ ихъ существенныхъ и самостоятельныхъ чертахъ. Правда, уголовное право знаетъ, напримѣръ, соучастіе въ пре-

ступленіи, бунтъ, возстаніе; политическая экономія знаетъ стачку, эмиграціонное движеніе; международное право знаетъ войну, сраженіе. Но уголовное право вѣдаетъ предметъ съ точки зрѣнія виновности и наказуемости, политическая экономія—съ точки зрѣнія хозяйственныхъ послѣдствій, международное право—съ точки зрѣнія извѣстнаго, постоянно колеблющагося, такъ сказать, кодекса приличій. При этомъ массовое движеніе, какъ общественное явленіе, въ своихъ интимныхъ, самостоятельныхъ чертахъ, какъ явленіе, имѣющее свои законы, по которымъ оно возникаетъ, продолжается и прекращается, остается совершенно даже незатронутымъ. Повидимому, исторія должна вѣдать занимающіе насъ вопросы. Но исторія до сихъ поръ не знаетъ что̀ такое она сама и въ чемъ состоитъ ея задача: въ безпристрастномъ ли записываніи всего совершившагося и совершающагося, въ картинномъ ли воспроизведеніи образовъ и сценъ минувшаго для удовлетворенія безразличной любознательности, въ извлеченіи ли практическихъ уроковъ изъ историческаго опыта, въ открытіи ли общихъ или частныхъ законовъ, подчиняющихъ историческія явленія извѣстной правильности и порядку? Во всякомъ случаѣ, для уразумѣнія природы массовыхъ движеній исторія представляетъ до сихъ поръ только гигантскій складъ матеріаловъ. Прибавьте къ этому тотъ аристократизмъ исторіи, о которомъ и противъ котораго говорятъ такъ много и такъ давно, и который однако все еще достаточно живъ, чтобы третировать массовыя движенія болѣе или менѣе свысока и мимоходомъ.

Но въ исторіи человѣческой мысли нерѣдко бываетъ, что практика предвосхищаетъ у науки извѣстныя группы истинъ и пользуется ими, сама ихъ не понимая, для той или другой практической цѣли. Наука, напримѣръ, только теперь узнаетъ природу искусственной каталепсіи или гипнотизма, а между тѣмъ она была уже знакома древнимъ египетскимъ жрецамъ, не говоря о цѣломъ рядѣ послѣдующихъ шарлатановъ и фокусниковъ. Знакома она имъ была, конечно, только эмпирически, какъ фактъ, причемъ о причинахъ факта они не задумывались или же искали ихъ въ какой-нибудь мистической обла-

сти. Такихъ примѣровъ исторія мысли знаетъ множество. И какъ практическое примѣненіе рычага на неизмѣримое, можно сказать, время предшествовало научному его изслѣдованію, такъ и механику массовыхъ движеній эмпирически знали и практически пользовались ею уже наши очень отдаленные предки. Военные люди, можетъ быть, первые обратили вниманіе на неудержимую склонность толпы слѣдовать рѣзкому примѣру, въ чемъ бы онъ ни состоялъ. Есть много военно-историческихъ анекдотовъ о паническомъ страхѣ или безумной коллективной храбрости подъ вліяніемъ энергическаго примѣра. Можетъ быть, у военныхъ писателей, съ которыми я не имѣлъ времени познакомиться, факты этого рода даже извѣстнымъ образомъ обработаны, систематизированы; въ особенности у старыхъ военныхъ писателей, которые по необходимости больше, чѣмъ нынѣшніе, должны были принимать въ соображеніе живую силу человѣка, его душу, помимо усовершенствованныхъ смертоносныхъ орудій. Но и всякаго другого рода практики, имѣющіе дѣло съ толпой—агитаторы, ораторы, проповѣдники, педагоги—испоконъ вѣку, отчасти инстинктивно, отчасти сознательно, владѣли секретомъ вліять на толпу и пользовались имъ, хотя онъ былъ секретомъ для нихъ самихъ. Но все это была только практика, искусство, ловкость, личное умѣніе и тактъ, а не наука.

II.

Великъ и величественъ храмъ науки, но въ немъ слишкомъ много самостоятельныхъ придѣловъ, въ каждомъ изъ которыхъ происходитъ свое особое, спеціальное священнодѣйствіе, безъ вниманія къ тому, что дѣлается въ другомъ. Широкій, обобщающій характеръ шаговъ науки за послѣднюю четверть вѣка много урѣзалъ самостоятельность отдѣльныхъ придѣловъ, но мы все-таки еще очень далеки отъ идеала истиннаго сотрудничества различныхъ областей знанія. Еслибы нужны были доказательства, то

можетъ быть наилучшимъ доказательствомъ этого рода оказалась бы судьба вопроса, насъ теперь занимающаго.

Житейскій опытъ свидѣтельствуетъ, что бываютъ такія обстоятельства, когда какая-то непреодолимая сила гонитъ людей къ подражанію. Всякій знаетъ, напримѣръ, какъ иногда трудно бываетъ удержаться отъ зѣвоты при видѣ зѣвающаго, отъ улыбки при видѣ смѣющагося, отъ слезъ при видѣ плачущаго. Всякому случалось испытывать странное и почти неудержимое стремленіе повторять жесты человѣка, находящагося въ какомъ-нибудь чрезвычайномъ положеніи, напримѣръ, акробата, идущаго по канату. Всякій знаетъ, наконецъ, хотя бы изъ своего школьнаго опыта, что одинокій человѣкъ и человѣкъ въ толпѣ—это два совсѣмъ разныя существа. До такой степени разныя, что, зная человѣка, какъ свои пять пальцевъ, вы, на основаніи этого только знанія, никакимъ образомъ не можете предсказать образъ дѣйствія того же человѣка, когда онъ окажется подъ вліяніемъ рѣзкаго, энергическаго примѣра. Вотъ что разсказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о бунтѣ военныхъ поселянъ 1831 года:

«Въ то время, когда была борьба за Соколова, я увидѣлъ унтеръ-офицера, съ нѣсколькими нашивками на рукавѣ, лежавшаго ничкомъ на крыльцѣ и горько плачущаго; на вопросъ мой: «о чемъ онъ плачетъ?» онъ, показывая на Соколова, сказалъ: «что дѣлается! убиваютъ не командира, а отца!» Я началъ ему говорить, что вмѣсто того, чтобы плакать въ сторонѣ, онъ пошелъ бы лучше туда и старался уговорить поселянъ, чтобъ его оставили и отдали мнѣ. Онъ побѣжалъ туда, но не прошло двухъ минутъ, какъ, пробившись съ нѣсколькими поселянами на помощь Соколову, я увидѣлъ того же унтеръ-офицера, съ коломъ въ рукѣ, бьющаго его.—«Что ты дѣлаешь! Не самъ ли ты мнѣ говорилъ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ?»—На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «Уже видно, что теперь пора такая, ваше высокоблагородіе, видите, что весь міръ бьетъ, что-жъ я буду стоять такъ!» (Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. Спб. 1870, стр. 82.)

Какъ ни поразителенъ на первый взглядъ этотъ фактъ, но всякій, я думаю, найдетъ въ запасѣ своихъ воспоминаній нѣчто подобное. Конечно, не непремѣнно по кровавой обстановкѣ и результату, а только въ смыслѣ столь же рѣзкой разницы между однимъ человѣкомъ и человѣкомъ въ толпѣ, въ смыслѣ всеподавляющаго значенія примѣра. Недавніе еврейскіе погромы были, конечно, полны подобныхъ эпизодовъ. Да, наконецъ, въ обыденной жизни, можно сказать, шагу ступить нельзя, не натолкнувшись на тотъ или другой фактъ безсознательнаго подражанія. Не говорю о дѣтяхъ, склонность которыхъ къ «обезьяничанью» вошла въ поговорку; не говорю о модѣ, во всеуравнивающемъ распространеніи которой замѣшиваются посторонніе элементы, въ родѣ тщеславнаго желанія быть не хуже другихъ и т. п. Но обратите вниманіе хотя бы на такой, неизмѣнно повторяющійся фактъ: люди, имѣющіе сношенія, напримѣръ, съ человѣкомъ, оригинально и талантливо разсказывающимъ, безсознательно усвоиваютъ себѣ не только его манеру говорить, но даже его обычные жесты. Этого же рода не мгновеннымъ, а медленнымъ, постепеннымъ, хроническимъ давленіемъ примѣра объясняется одна, къ сожалѣнію, очень обыкновенная житейская драма: дорогой и близкій вашему сердцу человѣкъ подпадаетъ, невидимо для васъ, подъ чье-нибудь подлое вліяніе, и, въ концѣ концовъ, вы съ ужасомъ открываете, что подлость проѣла его до мозга костей. Конечно, тутъ могли дѣйствовать подговоры, убѣжденія, поученія, но большею частію эти вліянія въ подобныхъ случаяхъ совершенно ничтожны, а главная роль принадлежитъ непосредственно постоянному давленію примѣра подлости. Бываютъ, конечно, и обратные случаи, и благоразумные родители знаютъ, что лучшее воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобы дѣти видѣли передъ собой всегда хорошій примѣръ.

Если этого рода факты до такой степени распространены, то понятно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя отрасли науки не могли не обратить вниманія на кое-какіе спеціальные случаи.

Въ числѣ аргументовъ противъ смертной казни, находимъ у Миттермайера («Смертная казнь по результатамъ научныхъ из-

слѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ») такое указаніе: «Опыты показываютъ, что нерѣдко казни имѣютъ пагубное вліяніе на зрителей и побуждаютъ ихъ самихъ къ совершенію убійствъ». Сюда слѣдуетъ, повидимому, отнести также слѣдующіе, приводимые Миттермайеромъ факты: «Однажды въ Англіи былъ казненъ поддѣлыватель ассигнацій, и тѣло его было отдано родственникамъ, которые, какъ впослѣдствіи открыла полиція, стали прятать фальшивые билеты въ ротъ трупа... Когда въ Бостонѣ, послѣ долгаго отсутствія казней, снова казнили одного поджигателя, то съ этого времени поджоги увеличились и въ Бостонѣ, и въ его окрестностяхъ; изслѣдованіе же показало, что всѣ послѣдующіе поджигатели присутствовали при совершеніи разсказанной нами казни... Въ Бристолѣ священникъ Робертсъ увѣряетъ, что изъ 167 человѣкъ, которыхъ онъ напутствовалъ передъ казнью, 161 объявили, что присутствовали при совершеніи казней».

Русскій криминалистъ говоритъ, между прочимъ: «Человѣкъ есть существо, склонное къ подражанію. Совершеніе смертныхъ казней вызываетъ въ немъ эту способность, пріучаетъ его наглядньмъ примѣромъ къ пролитію крови; естественный ужасъ, врожденное отношеніе къ пролитію крови мало-по-малу покидаетъ сердце гражданъ, и мѣсто ихъ заступаетъ безчувственность и равнодушіе къ человѣку и человѣческой жизни, жестокосердіе и тупость при видѣ жестокихъ сценъ. Въ эпоху французской революціи гильотина сдѣлалась обыкновеннымъ домашнимъ украшеніемъ. Вольней разсказываетъ, что, въ третій годъ французской республики, онъ видѣлъ, во время путешествія по Франціи, дѣтей, забавляющихся, въ подражаніе тогдашнимъ судамъ, сажаніемъ на колъ котовъ и гильотинированіемъ птицъ. То же самое явленіе повторилось въ Нидерландахъ послѣ введенія гильотины... Такимъ образомъ школа казней есть школа варварства и ожесточенія нравовъ.—Вмѣстѣ съ убійствомъ тѣлесной жизни преступника, убивается нравственная жизнь народа, говоритъ Шлаттеръ. Но вліяніе смертныхъ казней не выражается только въ общемъ ожесточеніи нравовъ народа, но является ближайшею и непосредственною причиною, вызывающею новыя тяжкія убійства;

пролитіе крови въ видѣ смертной казни развиваетъ манію убійства. Въ подтвержденіе этого, психіатрами собрано безчисленное множество самыхъ достовѣрныхъ фактовъ. Одинъ мужчина, будучи свидѣтелемъ, какъ толпа спѣшитъ на казнь убійцы, чувствуетъ желаніе сдѣлаться въ свою очередь героемъ подобной сцены, для чего и совершаетъ убійство... На другой день послѣ казни Маниновъ, одна дѣвка вонзила въ другую ножъ, говоря, что она хочетъ крови изъ ея сердца, хотя бы ее постигла участь Маниновъ. Въ 1863 году, въ Чатамѣ повѣшенъ былъ убійца Бургонъ (по убѣжденію многихъ, одержимый сумасшествіемъ). Спустя нѣсколько недѣль, въ томъ же городѣ совершено было убійство невиннаго дитяти: преступникъ повторялъ, что онъ хочетъ быть повѣшеннымъ. Еще яснѣе выразилось деморализующее вліяніе смертной казни въ Ливерпулѣ. Въ 1863 году, два человѣка были казнены за убійство. Въ слѣдующіе ассизы 11 человѣкъ были обвинены въ подобномъ же преступленіи и изъ нихъ четверо были казнены. Казнь привлекла 100,000 зрителей. Послѣ нея, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совершено одно за другимъ въ три раза болѣе убійствъ. Въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, незадолго до казни и непосредственно послѣ казни Миллера, процессъ котораго пріобрѣлъ европейскую извѣстность, совершено было нѣсколько убійствъ и покушеній на это преступленіе. Нѣкоторые убійцы прямо упомнали имя Миллера». (Кастяковскій «Изслѣдованіе о смертной казни», Кіевъ, 1867.)

Уголовныя лѣтописи знаютъ много подобныхъ фактовъ. Но криминалисты, занятые болѣе наказаніемъ, чѣмъ источниками и причинами преступленія, пользуются ими развѣ только въ качествѣ аргументовъ при разрѣшеніи того или другаго практическаго вопроса. Самое явленіе не изучается, а только отмѣчается, и то безъ соотвѣтствующей его значенію силы. Оно, можно сказать, пропадаетъ для науки, ибо, не разработанное спеціалистами, оно остается почти неизвѣстнымъ другимъ спеціалистамъ, наталкивающимся на тотъ же вопросъ подражанія и примѣра въ другихъ областяхъ и формахъ.

Есть, однако, явленіе, отчасти подвѣдомственное наукѣ уго-

ловнаго права, отчасти же далеко выступающее за его рамки, которое, можетъ быть, именно благодаря своей пограничности между двумя или болѣе областями знанія, а можетъ быть благодаря своему рѣзкому и мрачному характеру, нѣсколько болѣе изучено съ интересующей насъ стороны. Разумѣю самоубійство. Здѣсь значеніе примѣра и подражанія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это было извѣстно уже древнимъ. Такъ, у Плутарха сохранился разсказъ о странной эпидеміи самоубійства милетскихъ дѣвушекъ: несчастныя налагали на себя руки одна за другой, безъ всякой видимой причины. Подражаніе въ дѣлѣ самоубійства доходитъ иногда до того, что актъ повторяется именно при той самой обстановкѣ, въ томъ же мѣстѣ, тѣмъ же орудіемъ, какъ первое самоубійство. Солдатъ, повѣсившійся въ 1772 году на воротахъ инвалиднаго дома въ Парижѣ, вызвалъ пятнадцать подражателей, и всѣ они повѣсились на томъ же самомъ мѣстѣ, даже на одномъ и томъ же крючкѣ. При Наполеонѣ I, одинъ солдатъ застрѣлился въ караулкѣ, и съ тѣхъ поръ эта караулка стала любимымъ мѣстомъ самоубійцъ, пока ея наконецъ не сожгли. Гетевскій Вертеръ вызвалъ, какъ извѣстно, эпидемію самоубійствъ, и госпожа Сталь, можетъ быть, не безъ основанія замѣтила, что ни одна самая красивая женщина не обрекла на самоубійство столько людей, какъ Вертеръ. Самъ Гете испугался и, между прочимъ, напечаталъ на обложкѣ одного изъ изданій «Страданій Вертера», слѣдующій эпиграфъ: «Sieh, dir winkt sein Geist aus seiner Höhle: sei ein Mann und *folge mir nicht nach*». Одинъ страдавшій сплиномъ англичанинъ бросился въ кратеръ Везувія, и этотъ эксцентрическій способъ раздѣлки съ жизнью вызвалъ не мало подражателей между соотечественниками скучающаго лорда.

Но не будемъ продолжать перечисленіе примѣровъ, которыми можно наполнить цѣлыя страницы. Психіатры давно признали заразительность самоубійства. Уже Эскироль (Des maladies mentales. P. 1838) писалъ: «Друзья человѣчества должны требовать, чтобы газетамъ было запрещено печатать извѣстія о мотивахъ и подробностяхъ всѣхъ самоубійствъ. Эти учащенные разсказы сближаютъ людей съ идеей смерти и внушаютъ равнодушіе къ смерти

добровольной. Каждодневные примѣры заразительны, и тотъ или другой читатель газетъ, можетъ быть, не наложилъ бы на себя руки, еслибы не ознакомился съ исторіей самоубійства друга или знакомаго». Само собою разумѣется, что я привожу эти слова знаменитаго психіатра не ради заключающейся въ нихъ экскурсіи въ сферу публицистики, а только для того, чтобы показать, какъ давно и ясно понималось значеніе примѣра въ *частной* области науки. Другой французскій психіатръ пишетъ: «Давно признано, что самоубійство легко обращается въ эпидемію и что склонность къ этому акту можетъ передаваться отъ одного индивида къ другому путемъ нравственной заразы, существованіе которой такъ же несомнѣнно, какъ несомнѣнна заразительность нѣкоторыхъ болѣзней... Является какое-то таинственное влеченіе, подобное всемогущему инстинкту, побуждающему насъ, почти помимо нашего сознанія, повторять акты, которыхъ мы были свидѣтелями и которые сильно подѣйствовали на наши чувства или воображеніе. Это обыденное наблюденіе, его каждый можетъ сдѣлать надъ самимъ собой. Исторія Панургова стада есть нестарѣющая аллегорія» (Lisle «Du suicide». P. 1856. См. также Brièrre de Boismont. «Du suicide et de la folie suicide» P. 1865, особенно стр. 232 и слѣд.).

Забѣгая нѣсколько впередъ, въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія, отмѣтимъ любопытные моменты прекращенія нѣкоторыхъ эпидемій самоубійства. По словамъ Плутарха, ни слезы родителей, ни утѣшенія друзей не могли удержать милетскихъ дѣвушекъ отъ самоубійствъ, которыя, однако, тотчасъ же прекратились, какъ только изданъ былъ приказъ выставлять самоубійцъ голыми на всеобщее позорище. Въ 1772 году, самоубійства въ парижскомъ инвалидномъ домѣ прекратились, когда сняли крючекъ, обладавшій таинственной притягательной силой, и продѣлали окно противъ стѣны, въ которую онъ былъ вбитъ. Въ 1802 году Наполеонъ, тогда первый консулъ, остановилъ эпидемію самоубійствъ между солдатами дневнымъ приказомъ по арміи такого содержанія: «Солдатъ долженъ умѣть побѣждать горе и меланхолію; кто терпѣливо переноситъ душевныя муки, тотъ обнаруживаетъ такую же храбрость, какъ и тѣ, кто непоколебимо сто-

нтъ подъ выстрѣлами непріятельской батареи. Предаваться горести безъ сопротивленія значитъ удаляться съ поля битвы, не одержавъ побѣды».

Жизнь — очень дорогая штука для человѣка, и разъ онъ рѣшаетъ съ ней покончить, мотивы должны быть, повидимому, очень сильны. Казалось бы, въ сравненіи съ тѣмъ ядомъ, которымъ должна быть переполнена чаша жизни самоубійцы, что̀ можетъ значить загробный позоръ обнаженнаго дѣвственнаго тѣла, или напыщенныя фразы о воинской храбости, или, тѣмъ паче, присутствіе и отсутствіе какого-то желѣзнаго крючка, повѣситься на которомъ ни менѣе ни болѣе удобно, чѣмъ на всякомъ другомъ крючкѣ? А между тѣмъ эти пустяки, оказывается, имѣютъ рѣшающее значеніе. Мы увидимъ впослѣдствіи, въ чемъ тутъ, по всей вѣроятности, заключается секретъ. Но во всякомъ случаѣ это рѣшающее значеніе пустяковъ показываетъ, какая огромная доля вліянія принадлежитъ въ приведенныхъ эпизодахъ именно подражанію, а не тѣмъ общимъ причинамъ крайняго недовольства жизнью, которыя тяготѣли надъ милетскими дѣвушками и наполеоновскими солдатами. Безъ сомнѣнія, такія общія причины должны были существовать: если люди вѣшаются, такъ значитъ не красна ихъ жизнь. Но недовольство было все-таки не настолько сильно, чтобы перевѣсить соблазнъ отсутствующаго или присутствующаго крючка на воротахъ инвалиднаго дома. Онъ, именно онъ, этотъ крючокъ таинственно манилъ къ себѣ обремененныхъ и скорбныхъ, и разъ крючекъ былъ убранъ, бремя и скорбь перестали быть непереносными. Общія же условія жизни наполеоновскихъ солдатъ и милетскихъ дѣвушекъ ни на волосъ не измѣнились. Читатель можетъ, правда, замѣтить, что и сила подражанія поблѣднѣла передъ этими самыми пустяками. На это я могу только возразить, что перевѣсъ пустяковъ надъ страшными душевными муками представляется мнѣ необъяснимымъ, тогда какъ перерывъ эпидемическаго потока такими же пустяками можетъ получить свое объясненіе, которое читатель найдетъ ниже.

И такъ относительно смертной казни и самоубійства, значе-

ніе подражанія установлено давно и несомнѣнно. Но до сихъ поръ мы имѣемъ не объясненіе, а только описаніе явленія, то самое въ сущности описаніе, которое дано было слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ фразою Раблэ: «comme vous scavez, estre du mouton le naturel tousiours suyvre le premier, quelque part qu'il aille». Мы видимъ только, что существуетъ какая-то особая сила, толкающая людей къ подраженію; сила, очень на первый взглядъ капризная, ибо охваченный ею человѣкъ подражаетъ иногда палачу, то есть совершаетъ убійство, а иногда казненному преступнику (послѣднее, кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, особенно часто случается съ политическими преступниками); далѣе, вліяніе этой таинственной силы обрывается иногда совершенно внезапно, наталкиваясь на самыя ничтожныя препятствія. Вотъ и все. Самая механика отношеній между героемъ и толпой, между «le premier» и тѣми, кто за нимъ слѣдуетъ, остается вполнѣ неизвѣстною. Мы ничего все-таки не знаемъ ни о самомъ процессѣ душевной заразы, ни объ условіяхъ, благопріятствующихъ или препятствующихъ его росту. Мы имѣемъ что-то несомнѣнное и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственное, одно изъ тѣхъ явленій, къ которымъ, до поры до времени, большинство относится какъ къ курьезамъ: штука любопытная, но все-таки «штука», не имѣющая серьезнаго значенія. Такому отношенію способствуетъ самая распространенность явленія. Никто не бывалъ пророкомъ въ своей землѣ, то есть тамъ, гдѣ его видятъ каждый день и въ самыхъ обыденныхъ положеніяхъ. Такъ и сила подраженія, именно потому, что проявляется чуть не на каждомъ шагу, въ безчисленномъ множествѣ обыденныхъ мелочей, не обращаетъ на себя вниманія, а ея рѣзкія, исключительныя выраженія получаютъ характеръ курьезовъ, какихъ-то сплетеній любопытныхъ случайностей. Ученые люди, конечно, относятся къ дѣлу иначе. Они, по крайней мѣрѣ, копятъ факты, для практическихъ ли надобностей или въ видахъ ученой любознательности, а иногда пытаются и объяснить ихъ.

Фактовъ, относящихся къ нашему предмету, накоплено столько и въ такихъ разнородныхъ областяхъ знанія, что я затрудняюсь—

въ какомъ направленіи продолжать изложеніе. Съ той точки, на которой мы остановились, мы можемъ двинуться и въ зоологію, и въ психіатрію, и въ исторію культуры, и въ психологію, и въ физіологію. А въ общемъ результатѣ найдемъ «разсыпанную храмину»—отдѣльныя группы яркихъ, характерныхъ фактовъ, иногда освѣщенныя частнымъ обобщеніемъ, иногда совсѣмъ не освѣщенныя, но во всякомъ случаѣ эти частныя обобщенія не подведены къ одному знаменателю. Эта-то разбросанность и затрудняетъ порядокъ изложенія. Попробуемъ такъ.

Миттермайеръ и г. Кистяковскій, подыскивая аргументы и свидѣтельства пагубнаго вліянія смертной казни на зрителей, могли бы привести еще слѣдующіе интересные случаи. Мальбраншъ разсказываетъ, что одна беременная женщина, присутствовавшая при смертной казни колесованіемъ и чрезвычайно пораженная этимъ кровавымъ зрѣлищемъ, родила больнаго ребенка, члены тѣла котораго были переломаны какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прошло колесо по тѣлу казненнаго. Подобный же случай сообщаетъ Лафатеръ, съ тою разницею, что преступнику отрубили сначала руку, а потомъ обезглавили: присутствовавшая беременная женщина не выдержала зрѣлища до конца и, въ величайшемъ смущеніи, убѣжала тотчасъ послѣ того, какъ топоръ палача опустился на руку преступника; черезъ нѣсколько дней она родила безрукаго ребенка.

Еслибы вышеупомянутые криминалисты натолкнулись въ своихъ поискахъ на эти факты, то, легко можетъ быть, не удостоили бы ихъ никакого вниманія. Можетъ быть, эти или подобные случаи имъ были даже извѣстны, но они презрѣли ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ сѣдую старину, полную чудесъ и сверхъестественныхъ вліяній, рожденіе уродливаго ребенка могло бы составить криминальный вопросъ, ибо оно могло бы оказаться и преступленіемъ или хоть плодомъ преступленія, и наказаніемъ разгнѣваннаго Бога. Въ наше просвѣщенное время, спеціалисту-криминалисту, памятующему, что всякій сверчекъ долженъ знать свой шестокъ, рѣшительно нечего дѣлать съ рожденіемъ безрукаго ребенка—это событіе совершилось не въ его участкѣ. Дру-

гое дѣло, когда видъ смертной казни вызываетъ на преступленіе, которое, въ свою очередь, влечетъ за собой наказаніе—въ этихъ предѣлахъ криминалистъ у себя дома. На самомъ же дѣлѣ, однако, онъ и здѣсь не у себя дома, и именно потому, что слишкомъ хорошо помнитъ пословицу о сверчкѣ и шесткѣ. Удостоивъ своимъ вниманіемъ случаи Мальбранша, Лафатера или другіе подобные, наши криминалисты получили бы новую и твердую опору для своей идеи о пагубномъ вліяніи самаго вида смертной казни. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто неопредѣленныхъ разговоровъ о деморализующемъ вліяніи (которымъ вѣдь не безъ успѣха противопоставляются столь же неопредѣленные разговоры о морализующемъ вліяніи), вмѣсто слабыхъ намековъ на таинственное влеченіе къ подражанію палачу или преступнику, они могли бы сказать: вотъ до чего доходитъ напряженность силы подражанія — духовный факторъ, впечатлѣніе вида мучительной смертной казни, проникаетъ неизвѣстными путями въ утробу матери, и коверкаетъ тамъ младенца, какъ бы заставляя его подражать казненному. Это явленіе, очевидно, одного порядка съ данными Миттермайера и г. Кистяковскаго, но на немъ сила подражанія обнаруживается принудительнѣе, ибо переходитъ даже въ грубо физическій процессъ. Для криминалистовъ это былъ бы ясный намекъ, что, сдѣлавъ нѣсколько экскурсій въ сосѣднія, а можетъ быть на видъ и очень отдаленныя области знанія, они найдутъ тамъ дѣйствительно драгоцѣнныя указанія и неопровержимыя подтвержденія своей мысли.

Съ другой стороны, Мартэнъ (Histoire des monstres depuis l'antiquité jusqu'à nos jours. P. 1880), у котораго я заимствую разсказы Мальбранша и Лафатера, относится къ нимъ очень скептически. Опираясь на очень высокіе, хотя уже очень не новые авторитеты, онъ думаетъ, что нервное потрясеніе беременой женщины можетъ отозваться механически на младенцѣ, но при этомъ соотвѣтствіе между предметомъ, поразившимъ воображеніе матери, и наружнымъ видомъ младенца—немыслимо.

Вліяніе зрительныхъ впечатлѣній на беременность было извѣстно уже въ очень древнія времена. По крайней мѣрѣ, объ

этомъ ясно свидѣтельствуетъ библейскій разсказъ о договорѣ Іакова съ Лаваномъ. Въ награду за свою службу, Іаковъ выпросилъ у тестя весь будущій пестрый приплодъ отъ мелкаго скота—козъ и овецъ. Книга Бытія разсказываетъ далѣе: «И взялъ Іаковъ свѣжихъ прутьевъ тополевыхъ, миндальныхъ и яворовыхъ, и вырѣзалъ на нихъ бѣлыя полосы, снявъ кору до бѣлизны, которая на прутьяхъ; и положилъ прутья съ нарѣзкою передъ скотомъ въ водопойныхъ корытахъ, куда скотъ приходилъ пить и гдѣ, приходя пить, зачиналъ передъ прутьями. И зачиналъ скотъ передъ прутьями, и рождался скотъ пестрый, и съ крапинами, и съ пятнами... Каждый разъ когда зачиналъ скотъ крѣпкій, Іаковъ клалъ прутья въ корытахъ предъ глазами скота, чтобы онъ зачиналъ предъ прутьями. А когда зачиналъ скотъ слабый, тогда онъ не клалъ. И доставался слабый скотъ Лавану, а крѣпкій—Іакову». Такимъ образомъ, Іаковъ скоро чрезвычайно разбогатѣлъ. Впослѣдствіи онъ приписывалъ это особенной милости Бога, который уродилъ пеструю скотину въ награду за его, Іакова, добродѣтель. Но, какъ видно изъ библейскаго повѣствованія, независимо отъ милости Божіей, Іаковъ очень искусно воспользовался вліяніемъ пестрыхъ сучьевъ на зрѣніе беременныхъ или зачинающихъ матокъ, и, чрезъ посредство его, на образованіе пестраго приплода: приплодъ *подражалъ* цвѣту сучьевъ.

Существуетъ много анекдотовъ о женщинахъ, рождавшихъ бѣлокурыхъ дѣтей отъ черноволосаго отца, или наоборотъ, или вообще такихъ, которыя, какъ говорится, ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца; причемъ дѣло объясняется впечатлѣніемъ, произведеннымъ на беременную видомъ чужого человѣка при особенныхъ условіяхъ, видомъ висѣвшей передъ ней картины, портретомъ негра и т. д. Надъ всѣми этими анекдотами тяготѣетъ ироническая улыбка скептика, знающаго иное, повидимому, гораздо болѣе простое объясненіе. Въ томъ или другомъ частномъ случаѣ скептикъ, конечно, совершенно правъ и сходство ребенка съ прохожимъ молодцомъ зависитъ отъ прямаго физическаго родства между ними. Тѣмъ не менѣе, есть случаи этого рода, относительно которыхъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Прохожій

молодецъ былъ, разумѣется, ни причемъ въ томъ, напримѣръ, изображеніи революціоннаго символа — фригійской шапки, которое оказалось на груди дѣвочки, родившейся среди бурь первой французской республики и за которое тогдашнее французское правительство назначило матери пенсію. Тутъ дѣло не въ прохожемъ молодцѣ, а въ духовной жизни матери, въ томъ, что говорилъ ея уму и сердцу постоянно мелькавшій передъ нею фригійскій колпакъ.

Мартэнъ не отрицаетъ подобныхъ случаевъ, какъ не отрицаютъ ихъ и тѣ старые высокіе авторитеты, на которые онъ опирается. Но онъ думаетъ, что все это чисто случайныя совпаденія, капризная игра случая. Такъ именно объясняетъ онъ и факты, сообщаемые Мальбраншемъ и Лафатеромъ. Онъ посмотрѣлъ бы, однако, можетъ быть, иначе на дѣло, если бы имѣлъ въ виду рядъ фактовъ, приводиммыхъ Миттермайеромъ и г. Кистяковскимъ. Они показываютъ, что соотвѣтствіе между видомъ смертной казни и *душевнымъ настроеніемъ* зрителей существуетъ. Почему же этому соотвѣтствію не идти дальше? ибо кто знаетъ, гдѣ кончается духъ и гдѣ начинается тѣло?

Впрочемъ, Мартэнъ, въ качествѣ врача, могъ бы найти и помимо этого обильныя и полновѣсныя указанія на роль воображенія, вниманія, духовныхъ факторовъ вообще въ процесахъ физіологическихъ. Поскольку эта роль давитъ на организмъ въ направленіи подраженія, мы еще увидимъ ниже. А теперь обратимся къ группѣ явленій, не имѣющихъ, повидимому, рѣшительно ничего общаго со всѣмъ вышеизложеннымъ.

III.

Бэтсъ («Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ») первый обратилъ вниманіе на странныя явленія, получившія съ его легкой руки названіе «мимичности» или «мимикри». Затѣмъ, въ знаменитой книгѣ Уоллеса «Естественный подборъ» факты эти были разносторонне изучены и получили свое объясненіе.

Полярный медвѣдь есть единственный представитель своего вида, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ, и всегда живетъ среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ. Песецъ, горностай, заяцъ на зиму одѣваются въ бѣлую шерсть, а американскій полярный заяцъ, круглый годъ живущій среди снѣговъ, круглый годъ и бѣлъ. Снѣжный подорожникъ, полярный соколъ и бѣлая сова тоже жители сѣверныхъ странъ и также бѣлы. Бѣлая куропатка зимой бѣла, а лѣтомъ принимаетъ цвѣтъ камней, покрытыхъ ягелями, среди которыхъ преимущественно живетъ. Это соотвѣтствіе между окраской животнаго и цвѣтомъ его убѣжища или обыкновенной обстановки чрезвычайно распространено. Нѣсколько примѣровъ: «Южно-американскій козодой обыкновенно живетъ на скалистыхъ островкахъ верхняго Ріо-Негро и его необыкновенно свѣтлая окраска такъ хорошо сливается съ цвѣтомъ песка и камней, что его можно замѣтить только наступивши на него». «Лэстеръ замѣчаетъ... что вяхирь едва замѣтенъ, когда сидитъ на вѣтвяхъ своей любимой ели, между тѣмъ, еслибы онъ придерживался деревьевъ съ болѣе свѣтлою листвой, то голубая и лиловая окраска его оперенія скоро бы обнаружили его. Точно также рѣполовъ имѣетъ обыкновеніе сидѣть на сухихъ листьяхъ, имѣющихъ красноватый оттѣнокъ, такъ что его красная грудь мало отличается отъ нихъ, а коричневая спина отъ сучьевъ». Въ Сѣверной Америкѣ встрѣчается одна лягушка, обыкновенно сидящая на скалахъ и стѣнахъ, покрытыхъ мхомъ, съ которыми она до того сходна по окраскѣ, что ее можно замѣтить только при ея движеніи. Нѣкоторыя плоскія рыбы, какъ, напримѣръ, камбала и гладкій скатъ, имѣютъ совершенно такой же цвѣтъ, какъ песокъ, на которомъ они обыкновенно лежатъ. Но самые поразительные примѣры занимающаго насъ явленія встрѣчаются у насѣкомыхъ. Такъ, объ одной малайской бабочкѣ, поразительно похожей на сухой листъ, Уоллесъ разсказываетъ:—«Эти бабочки живутъ обыкновенно въ сухихъ лѣсахъ и очень быстро летаютъ. Онѣ никогда не садятся на цвѣты или на зеленые листья, но часто случалось совершенно потерять ихъ изъ виду на сухомъ деревѣ или кустарникѣ, съ котораго бабочка внезапно вспархивала послѣ того, какъ мы долго и на-

прасно ее искали. Иногда она поднималась съ того самаго мѣста, на которое мы пристально смотрѣли, не замѣчая ея, и снова затѣмъ исчезала въ двадцати или тридцати шагахъ впереди насъ. Два или три раза я находилъ это насѣкомое, когда оно спокойно сидѣло, и могу констатировать его полнѣйшее сходство съ сухими листьями. Обыкновенно эта бабочка садится на почти вертикальной вѣткѣ съ плотно сложенными крыльями, пряча между ними свою голову и усики. Маленькіе хвостики нижнихъ крыльевъ спускаются до сучка и образуютъ какъ бы черешокъ листа, который придерживается когтями средней пары ножекъ. Эти когти очень тонки и незамѣтны, а неправильное очертаніе крыльевъ очень похоже на сморщенный листъ. Такимъ образомъ, все здѣсь—размѣры, окраска, форма и привычки соединяются для произведенія самаго полнаго подражанія». «М-ръ Андрью Меррей замѣтилъ, что личинки ночного павлина (Saturnia Pavonia minor) очень сходны по цвѣту съ почками вереска, которыми онѣ питаются, и что розовыя пятна, которыми онѣ покрыты, напоминаютъ бугоны и цвѣты этого растенія». «Цѣлый отрядъ прямокрылыхъ, кобылки, кузнечики, сверчки, обыкновенно имѣютъ окраску, приспособленную къ почвѣ и растеніямъ, на которыхъ они живутъ, и это одни изъ самыхъ интересныхъ въ этомъ отношеніи группъ насѣкомыхъ. Большинство Mantidae и Locustidae, живущихъ подъ тропиками, окрашены и испещрены цвѣтами тѣхъ листьевъ, на которыхъ они держатся, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ на крыльяхъ замѣчаются даже такія же точно жилки, какъ на листьяхъ. Это спеціальное приспособленіе достигаетъ наибольшей силы въ родѣ Phyllium. Родъ этотъ обязанъ своимъ названіемъ «ходячаго листа» необыкновенной формѣ своихъ крыльевъ и ножекъ, которыя плоски и расширены, такъ что при самомъ внимательномъ наблюденіи очень трудно отличить живое насѣкомое отъ листьевъ, которыми оно питается. Все семейство Phasmidae или такъ называемыхъ «пугалъ», къ которому принадлежитъ это насѣкомое, болѣе или менѣе отличается такою же способностью подражанія. Многіе изъ этихъ видовъ извѣстны подъ названіемъ «двигаю-

щихся сучьевъ», съ которыми дѣйствительно они имѣютъ поразительное сходство. Нѣкоторые изъ нихъ бываютъ около фута длиною и толщиною въ палецъ. По своей окраскѣ, формѣ, шероховатой поверхности, устройству головы, ножекъ и усиковъ, они совершенно похожи на сухой сучекъ. Они висятъ обыкновенно на кустарникѣ въ лѣсу и имѣютъ странную привычку раскидывать свои ножки въ разныя стороны, что дѣлаетъ обманъ еще болѣе полнымъ».

Какъ ни странны эти явленія подражанія, однако, есть факты, близко къ нимъ подходящіе, еще болѣе поразительные. Это тѣ именно случаи, когда одно животное подражаетъ другому, копируетъ его цвѣтъ, форму, размѣры частей.

Въ Южной Америкѣ есть семейство бабочекъ — геликониды, которыя очень многочисленны, очень красивы и замѣтны, довольно плохо летаютъ. Несмотря на то, ихъ не трогаютъ ни насѣкомоядныя птицы, ни ящерицы, ни плотоядныя мухи. Онѣ охраняются своимъ острымъ запахомъ и, вѣроятно, соотвѣтственнымъ непріятнымъ вкусомъ, которые и отбиваютъ у многочисленныхъ враговъ насѣкомыхъ охоту нападать на геликонидъ. Вотъ эти-то счастливцы и становятся предметомъ подражанія для другихъ бабочекъ совершенно отличныхъ семействъ. Такъ, напримѣръ, семейство, къ которому принадлежитъ родъ Leptalis, такъ далеко отъ семейства геликонидъ, что «энтомологъ по строенію лапокъ различаетъ ихъ также легко, какъ по виду черепа или зуба онъ отличаетъ медвѣдя отъ буйвола». А между тѣмъ, наружнымъ своимъ видомъ лепталисы такъ искусно подражаютъ геликонидамъ («при чемъ воспроизводится каждая полоска, каждое пятнышко, каждый оттѣнокъ, точно такъ же, какъ и всѣ степени прозрачности»), что этномологу требуется иногда усиленное вниманіе для ихъ различенія. Поддѣлываясь подъ наружный видъ сильно пахнущихъ и невкусныхъ геликонидъ, лепталисамъ удается избѣгать опасностей. «Какъ бы для того, чтобы извлечь всевозможныя выгоды изъ этого подражанія, измѣнились даже самыя привычки лепталисовъ: они обыкновенно посѣщаютъ тѣ же мѣста, какъ ихъ образцы, и имѣютъ одинаковый съ послѣдними полетъ». Геликo-

*

нидамъ подражаютъ не одни лепталисы. Замѣчательно, что нѣкоторыя группы геликонидъ копируютъ другія группы того же семейства. Точно также между бабочками не однѣ геликониды вызываютъ подражателей. Наконецъ, есть бабочки, подражающія насѣкомымъ совсѣмъ другого порядка, главнымъ образомъ, пчеламъ и осамъ. Подражаніемъ занимаются и другія насѣкомыя. Такъ, одно прямокрылое съ такимъ искусствомъ копируетъ одного жука изъ семейства скакуновъ, что «такой опытный энтомологъ, какъ профессоръ Уэствудъ, помѣстилъ обоихъ насѣкомыхъ между скакунами и такимъ образомъ держалъ ихъ долгое время въ коллекціи, не замѣчая своей ошибки». Позвоночныя несравненно рѣже прибѣгаютъ къ подражанію другимъ животнымъ. Однако, и имъ это явленіе знакомо. Такъ, нѣкоторыя безвредныя змѣи копируютъ ядовитыхъ и т. п.

Резюмируя всѣ эти явленія, Уоллесъ говоритъ: «Можно сказать, что это—актеры, ловкіе комедіанты, переодѣтые и загримированные ради какого-нибудь фарса, или какіе-нибудь мошенники, старающіеся пройти подъ видомъ извѣстныхъ и уважаемыхъ членовъ общества. Къ чему это странное переодѣваніе? Неужели природа унижается до обмана и замаскированія? Нѣтъ, ея принципы очень строги, всякая деталь въ ея произведеніяхъ имѣетъ свою пользу. Сходство одного животнаго съ другимъ есть явленіе въ сущности того же рода, какъ сходство того же животнаго съ листомъ, съ корой, съ пескомъ пустыни, и сходство это направлено къ той же цѣли. Въ послѣднемъ случаѣ, врагъ не нападетъ на листъ или кору, стало быть, переодѣваніе здѣсь есть мѣра къ охраненію. То же и въ другомъ случаѣ: по различнымъ причинамъ, врагъ, не преслѣдующій животное, которому подражаютъ, въ то-же время оставляетъ въ покоѣ и подражающее животное, которое, разумѣется, пользуется этими обстоятельствами для своей безопасности».

Въ послѣднихъ словахъ заключается уже часть объясненія странныхъ явленій подражанія или мимичности. Объясненіе это совершенно совпадаетъ съ общимъ направленіемъ теоріи Уоллеса-Дарвина: всякое явленіе мимичности есть не болѣе какъ

спеціальный случай приспособленія, закрѣпляемый наслѣдственною передачей въ ряду поколѣній. Что касается процесса, которымъ это приспособленіе возникаетъ, то онъ таковъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ возникновенія видовыхъ особенностей: случайно проявляется какое-нибудь легкое измѣненіе, благопріятное для вида, а затѣмъ, въ силу его полезности, оно подхватывается естественнымъ подборомъ, укрѣпляется и развивается. Такъ, напримѣръ, если появилось легкое измѣненіе цвѣта животнаго, приближающее его къ цвѣту окружающей почвы, то обладатель этой особенности, будучи лучше своихъ родичей защищенъ отъ нападеній, имѣетъ и болѣе шансовъ самъ уцѣлѣть и оставить потомство. Или если появляется въ животномъ такая особенность, которая нѣсколько приближаетъ его по формѣ и размѣрамъ къ животному совсѣмъ другой группы, обладающему, напримѣръ, непріятнымъ вкусомъ или другимъ какимъ-нибудь качествомъ, охраняющимъ его отъ нападеній, то эта охрана распространяется и на первое животное.

Мы не будемъ говорить ни о тѣхъ возраженіяхъ противъ этого объясненія, которые болѣе или менѣе удачно опровергнуты Уоллесомъ, ни о тѣхъ многочисленныхъ частныхъ случаяхъ мимичности, которые имъ болѣе или менѣе остроумно разобраны. Весьма вѣроятно, что значительная часть указанныхъ фактовъ допускаетъ до извѣстной степени то именно объясненіе, которое предложено Бэтсомъ, Уоллесомъ и Дарвиномъ. Но едва ли можно признать за этимъ объясненіемъ всестороннюю полноту и рѣшительную безукоризненность.

Прежде всего оно встрѣчаетъ на своемъ пути возраженіе, давно уже выставленное противъ самыхъ основаній такъ называемой теоріи Дарвина и до сихъ поръ, собственно говоря, никѣмъ не устраненное. Теорія предполагаетъ, что видовыя особенности представляютъ собою результатъ слабыхъ, медленныхъ измѣненій, накапливающихся въ ряду поколѣній. Но вѣдь если, напримѣръ, лепталисы такъ искусно, и, главное, такъ полно подражаютъ гелеконидамъ, что воспроизводятъ каждую полоску, каждое пятнышко, каждый оттѣнокъ, всѣ степени прозрачности, всѣ при-

вычки и проч., то въ высшей степени трудно предположить, чтобы это сходство накоплялось постепенно. Если сначала случайно проявилось нѣсколько сходныхъ пятнышекъ, то такое незначительное сходство, не будучи въ состояніи обмануть враговъ не могло служить и охраной для лепталистовъ: обладатели этихъ пятнышекъ не имѣли никакихъ шансовъ оставить потомство сравнительно со всѣми другими лепталисами. Если же этой степени сходства было достаточно, то не видно, почему бы оно должно было усиливаться. Если, наконецъ, мимическая форма появилась вдругъ, со всѣми своими тончайшими чертами подражанія, то это, съ точки зрѣнія теоріи Дарвина, почти необъяснимое чудо. Конечно, разъ подражательная форма готова, объясненіе ея переживанія и упроченія чрезвычайно просто. Но спрашивается, какъ она возникла? Положимъ, что когда-нибудь и гдѣ-нибудь, въ числѣ прочихъ случайностей, могла появиться и такая странная, исключительная случайность, какъ полнѣйшее, до обмана, сходство бабочки съ сухимъ листомъ или цвѣта жука съ цвѣтомъ его обстановки или цвѣта, формъ и размѣровъ животнаго съ цвѣтомъ, формами и размѣрами животнаго совсѣмъ другой группы. Но подобныя явленія, какъ мы видѣли, такъ часты и распространены, что странныхъ, исключительныхъ, случайностей пришлось бы допустить несравненно больше, чѣмъ это позволяется самыми понятіями странности, исключительности и случайности. Уроды бываютъ всякіе, имѣя своею причиною каждый разъ комбинацію особенныхъ, частныхъ, индивидуальныхъ условій, не подлежащихъ суммированію; но если извѣстныя уродства попадаются чуть не на каждомъ шагу, такъ ужъ это не уродства, а явленія, управляющіяся нѣкоторымъ общимъ закономъ. Какой же общій законъ управляетъ явленіями мимичности? Очевидно, что это не законъ переживанія приспособленнѣйшихъ, потому что онъ можетъ въ настоящемъ случаѣ дѣйствовать только тогда, когда подражаніе уже закончено.

Въ дополненіяхъ къ тому русскому изданію книги Уоллеса (переводъ г. Вагнера), которымъ мы пользуемся, читатель можетъ найти нѣсколько мыслей самаго Уоллеса, намекающихъ на воз-

можность совершенно иного объясненія явленій подражанія. А именно, въ статьѣ «Теорія половой окраски», онъ, среди другихъ причинъ, вліяющихъ на окраску животныхъ, отмѣчаетъ степень жизненной энергіи, нервнаго напряженія. «Во время сочетанія, говоритъ Уоллесъ:—самецъ находится въ возбужденномъ состояніи и полонъ энергіи. Даже неукрашенныя ничѣмъ птицы машутъ крыльями, расширяютъ ихъ, поднимаютъ свои гребешки или хохолки и такимъ образомъ изливаютъ то нервное возбужденіе, которымъ онѣ переполнены. Очень вѣроятно, что гребешки и хохолки и другія сросшіяся перья прежде употреблялись для отпугиванія враговъ, такъ какъ они вообще поднимаются во время гнѣва или битвы. Тѣ индивиды, которые были наиболѣе воинственны и смѣлы, и которые чаще и сильнѣе пускали въ ходъ свои гребни и вздымающіяся перья, стремились увеличить ихъ употребленіемъ и передать ихъ потомкамъ въ этомъ увеличенномъ видѣ... Значитъ, если тѣ части перьевъ, которыя прежде вздымались и выставлялись на показъ, развились и окрасились, то настоящая выставка ихъ напоказъ, подъ вліяніемъ ревности или половаго возбужденія, становится понятной. Самцы, соперничая другъ съ другомъ, видѣли, какія перья наиболѣе эффектны, и каждый старался превзойти своего врага, насколько это было въ его власти, точно такъже, какъ они стараются перещеголять другъ друга въ пѣніи причемъ иногда не щадятъ своей жизни».

Наличность этихъ чисто внутреннихъ, психическихъ факторовъ нисколько, разумѣется, не мѣшаетъ вліянію внѣшнихъ факторовъ—характера мѣстности, естественнаго подбора и проч. И если самцы птицъ, подъ вліяніемъ ревности или половаго возбужденія, сознательно (?) развиваютъ и красятъ свои гребешки и хохолки, то почему не придать подобнаго же объясненія явленію мимичности? Почему не предположить, что наряду съ внѣшними условіями, вліяющими на подражателя, нѣкоторую роль играютъ его собственныя безсознательныя усилія стать похожимъ на предметъ подражанія? Шопенгауеръ сказалъ бы прямо, что полярный медвѣдь бѣлъ потому, что *хочетъ* быть бѣлымъ, *хочетъ* быть незамѣтнымъ среди бѣлыхъ снѣговъ и льдовъ сѣвера; что лепта-

лисы *хотятъ* быть похожими на геликонидъ, имѣя въ виду ихъ привилегированное положеніе относительно враговъ и проч. Подобнаго объясненія можно было бы ждать и отъ Уоллеса, въ виду его убѣжденія, что всякая сила есть *воля*. И объясненіе это, будучи построено на болѣе чѣмъ шаткомъ основаніи, имѣетъ, однако, то не сомнѣнное преимущество передъ теперешней теоріей Уоллеса, что даетъ гораздо болѣе полное освѣщеніе соотвѣтствующей группѣ явленій. Само собою разумѣется, что полнота эта была бы куплена слишкомъ дорогою цѣною; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы вліяніе внутреннихъ, психическихъ факторовъ подлежало рѣшительному отрицанію. Во всякомъ случаѣ, уже на основаніи наиболѣе общихъ принциповъ науки, можно съ увѣренностью сказать, что теорія медленнаго, постепеннаго подбора недостаточна для объясненія мимичности и одностороннія. Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, стоитъ только ввести въ кругъ нашего разсужденія многочисленные случаи безсознательнаго подражанія, оставленные Уоллесомъ въ сторонѣ. Надо, однако, замѣтить, что въ «Философіи птичьихъ гнѣздъ» онъ самъ говоритъ о «подражательности», какъ объ особой, самостоятельной способности, «которою одарены вообще всѣ животныя». Но, намѣчая, въ качествѣ продуктовъ этой способности пѣніе птицъ, архитектуру ихъ гнѣздъ, какъ и архитектуру человѣческихъ жилищъ, Уоллесъ даже не пытается притянуть сюда и таинственныя явленія мимичности.

Наблюденія и опыты Пуше показали, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя рыбы и ракообразныя способны вдругъ измѣнять свой цвѣтъ, болѣе или менѣе приближаясь къ цвѣту почвы, дна бассейна, въ которомъ они помѣщаются: рыба, помѣщенная въ бассейнѣ съ песчанымъ дномъ, становится значительно свѣтлѣе, а перемѣщенная на темный грунтъ—темнѣетъ. Такое приспособленіе цвѣта рыбъ къ цвѣту дна бассейна указывается и Уоллесомъ. Онъ говоритъ, какъ мы видѣли, о камбалѣ и гладкомъ скатѣ, имѣющихъ совершенно такой же цвѣтъ, какъ и песокъ, на которомъ они обыкновенно лежатъ: о томъ, что между коралловыми рифами, пестрыми, какъ цвѣтникъ, рыбы бываютъ обыкновенно

самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ рѣчныя рыбы, даже въ странахъ тропическихъ, весьма рѣдко бываютъ окрашены въ яркіе или замѣтные цвѣта, и проч. Но дѣло въ томъ, что опыты Пуше свидѣтельствуютъ о возможности столь рѣзкаго и непосредственнаго вліянія окружающей среды, что о постепенномъ, медленномъ подборѣ въ теченіи поколѣній тутъ и рѣчи быть не можетъ. Какимъ образомъ отражается цвѣтъ почвы на цвѣтѣ рыбъ—это тоже въ общихъ чертахъ выяснилось опытами Пуше. Если извѣстный философскій каламбуръ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ» (der Mensch ist, was er isst), немножко слишкомъ смѣлъ, то относительно рыбъ, изслѣдованныхъ Пуше, мы имѣемъ полное право передѣлать его такъ: мы видимъ животное такимъ, какимъ само оно видитъ окружающую среду. Вырѣзывая у своихъ рыбъ глаза, Пуше вмѣстѣ съ тѣмъ лишалъ ихъ способности измѣнять цвѣта примѣнительно къ цвѣту почвы. И хотя механика этого измѣненія остается въ подробности неизвѣстною, но ясно, что именно силою зрительныхъ впечатлѣній условливается подражаніе, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ. А если въ этомъ случаѣ, то почему же и не въ другихъ, смежныхъ? Не отрицая дѣйствія естественнаго подбора, какъ фактора вторичнаго, поддерживающаго разъ возникшее сходство цвѣта животнаго съ цвѣтомъ убѣжища или обычной обстановки, можно думать, что творческая роль въ этомъ процессѣ, роль элемента, порождающаго сходство, принадлежитъ непосредственно силѣ зрительныхъ впечатлѣній.

Одинъ новѣйшій писатель, объясняя явленія мимичности, нѣсколько подвинулся именно въ этомъ направленіи.

Давно уже Гладстонъ обратилъ вниманіе на бѣдность гомерическаго языка словами для обозначенія нѣкоторыхъ красокъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, нѣмецкій филологъ Гейгеръ развилъ эту мысль въ цѣлую теорію. Онъ доказывалъ именно, что не только въ древне-греческомъ языкѣ, а и въ языкѣ индійскихъ ведъ, равно какъ и въ библіи, нѣтъ словъ для обозначенія такихъ цвѣтовъ, которые мы различаемъ очень точно. Соблазнителенъ былъ отсюда выводъ, что способность различать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые цвѣта не прирождена человѣчеству, а

развилась постепенно. Гейгеръ и сдѣлалъ этотъ выводъ, который впослѣдствіи, въ особенности благодаря Магнусу, нашелъ себѣ опору въ теоріи Дарвина. Съ теченіемъ времени, однако, взгляды Гладстона и Гейгера, завоевавшіе себѣ сначала очень видное мѣсто въ наукѣ, подверглись разносторонней критикѣ и въ настоящее время должны считаться уже отжившими свой вѣкъ. Главныхъ возраженій противъ теоріи Гейгера два. Во-первыхъ, можно доказать, что способность различать цвѣта проявилась въ животномъ мірѣ очень рано, и если, напримѣръ, уже насѣкомыя прекрасно различаютъ голубую и зеленую краски, то становится въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы ихъ не умѣлъ распознавать человѣкъ, хотя бы и во времена созданія ведъ и библіи. Во-вторыхъ, можно доказать, что нынѣ существующіе дикіе народы, дѣйствительно не имѣющіе словъ для обозначенія нѣкоторыхъ красокъ, тѣмъ не менѣе ихъ различаютъ, а слѣдовательно и филологическая бѣдность въ этомъ отношеніи ведъ, Гомера и библіи еще не даетъ никакихъ основаній для теоріи Гладстона и Гейгера. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ, хотя способность различенія цвѣтовъ и прошла извѣстныя стадіи развитія, но ихъ надо искать не у человѣка, а у очень отдаленныхъ его предковъ.

Очень подробное развитіе этихъ доказательствъ читатель найдетъ въ сочиненіи Гранта Аллена (Der Farbensinn. Sein Ursprung und seine Entwicklung. Ein Beitrag zur vergleichenden Psychologie, Deutsche Ausgabe. 1880). Мнѣ нужно было только указать непосредственную цѣль книги Аллена, дабы читатель видѣлъ, что занимающій насъ теперь предметъ затрогивается ею только косвеннымъ образомъ. Явленія мимичности важны для Аллена, какъ одно изъ подтвержденій его главной темы; въ нихъ онъ справедливо видитъ доказательство, что низшія животныя дѣйствительно владѣютъ способностью различать краски. Съ особенною настоятельностью указываетъ Алленъ на яркость окраски насѣкомыхъ, птицъ и пресмыкающихся, питающихся ярко окрашенными цвѣтами, плодами и животными, и вообще на соотвѣтствіе между окраской животнаго и цвѣтомъ его обыкновенной пи-

щи. Онъ признаетъ, однако, что соотвѣтствіе это идетъ дальше, что не только окраска пищи, а и всей обстановки вліяетъ на наружность животнаго. Что же касается причины этого соотвѣтствія, то Алленъ ищетъ ее сообразно основнымъ положеніямъ теоріи Дарвина. Онъ полагаетъ, что принциповъ естественнаго и половаго подбора совершенно достаточно для объясненія всего процесса. Онъ вводитъ, однако, въ это объясненіе одну новую комбинацію. Онъ думаетъ именно, что, благодаря половому подбору, только тѣ животныя развиваютъ въ себѣ яркую и красивую окраску, въ которыхъ предварительно выработалась нѣкоторая склонность къ созерцанію яркихъ красокъ, а вырабатывается эта склонность вліяніемъ зрительныхъ впечатлѣній. Каково бы ни было отдаленное происхожденіе способности различать краски и склонности къ яркимъ цвѣтамъ, но эту способность и эту склонность мы, во всякомъ случаѣ, застаемъ, положимъ, у насѣкомыхъ, въ весьма развитомъ состояніи. А затѣмъ происходитъ сложный процессъ взаимодѣйствія насѣкомыхъ и растеній. Во-первыхъ, ярко окрашенные цвѣты, привлекая къ себѣ насѣкомыхъ, получаютъ, сравнительно съ слабо окрашенными конкуррентами, большіе шансы въ дѣлѣ распространенія по лицу земли. Въ свою очередь, яркіе цвѣты, поддерживая и развивая склонность насѣкомыхъ къ блестящимъ краскамъ, точно также даютъ лишніе шансы въ борьбѣ за существованіе именно ярко окрашеннымъ видамъ. Въ концѣ-концовъ и получается извѣстное общее соотвѣтствіе между окраской животнаго и цвѣтомъ его пищи: масса фактовъ свидѣтельствуетъ, что гдѣ цвѣты и плоды ярко окрашены, тамъ блестятъ красотою и животныя, питающіяся цвѣтами и плодами; наоборотъ,—темной, мрачной обстановкѣ соотвѣтствуетъ столь же мрачная окраска животныхъ. Рядомъ съ этимъ процессомъ, обусловленнымъ, во-первыхъ, внутреннею склонностью животныхъ къ яркимъ краскамъ, а во вторыхъ—игрою половаго подбора, идутъ своимъ чередомъ давно описанные процессы выработки покровительственной окраски, о чемъ уже говорено выше.

Такова въ самомъ сжатомъ видѣ общая мысль Аллена, при-

чемъ мы оставляемъ въ сторонѣ множество любопытныхъ подробностей. Особенно любопытны остроумныя подробности нѣкоторыхъ сложныхъ и запутанныхъ частныхъ случаевъ соотвѣтствія окраски животныхъ и ихъ обстановки. Дѣло не обходится, однако, безъ очень и очень большихъ натяжекъ. Мы остановимся только на одномъ примѣрѣ. Въ качествѣ яраго дарвиниста, Алленъ не можетъ себѣ представить *безполезнаго* измѣненія организаціи или такого внѣшняго признака, какъ цвѣтъ покрововъ: если измѣненіе произошло, такъ, значитъ, оно было полезно виду и, только благодаря своему утилитарному характеру, могло утвердиться. «Это было бы безполезно, а *слѣдовательно* невозможно или необъяснимо»—таковъ аргументъ, къ которому Алленъ прибѣгаетъ очень часто. Наталкивается онъ, напримѣръ, на такой поразительный фактъ. На одной индѣйской ящерицѣ живутъ три клеща, изъ которыхъ каждый подражаетъ цвѣту той именно части тѣла, на которой живетъ: брюхо у ящерицы желтое, и на немъ сидитъ желтый клещъ, голова—коричневая, и клещъ на ней коричневый, а третій клещъ бываетъ разноцвѣтный, съ точностью копируя цвѣтъ чешуекъ, на которыхъ гнѣздится. Какая клещамъ польза отъ такого подражанія? Простой смертный, не обязанный ротитися и клятися принципомъ полезности, скажетъ: никакой—и постарается найти какое-нибудь иное объясненіе. Но дарвинистъ долженъ и здѣсь во что бы то ни стало разыскать пользу, и вотъ Алленъ, на минуту призадумавшись, рѣшаетъ: можетъ быть это подражаніе охраняетъ клещей противъ самой ящерицы или ея родичей... Натяжка слишкомъ очевидна, чтобы стоило ее разоблачать.

Натуральный цвѣтъ хамелеона грязно—бѣлый, но, смотря по окраскѣ окружающей мѣстности, животное принимаетъ желтый, бурый, зеленый или голубовато-зеленый цвѣтъ. Механизмъ этого измѣненія состоитъ въ слѣдующемъ. Подъ кожей хамелеона заложены два слоя пигментныхъ клѣтокъ, красящее вещество которыхъ—голубого и желтаго цвѣта; давленіе мускуловъ на одинъ изъ этихъ слоевъ окрашиваетъ животное въ соотвѣтственный цвѣтъ, то-есть въ голубой или желтый, а единовременное давле

ніе на оба слоя—въ зеленый. «Такимъ образомъ, говоритъ Грантъ Алленъ:—хамелеонъ имѣетъ возможность приспособляться къ цвѣту вѣтвей и листьевъ, на которыхъ сидитъ, какъ для укрытія отъ враговъ, такъ и для обмана собственной его добычи». Несомнѣнно, что для хамелеона проистекаютъ изъ его организаціи эти выгоды, и въ высшей степени вѣроятно, что особенности организаціи хамелеона поддерживаются и развиваются игрою естественнаго подбора. Но вопросъ въ томъ: какъ они возникли? Очевидно, надо допустить въ настоящемъ случаѣ участіе еще какого-то внутренняго фактора, который побуждаетъ хамелеона, при полученіи извѣстнаго зрительнаго впечатлѣнія, соотвѣтственнымъ образомъ, такъ сказать, играть мускулами. Этотъ внутренній факторъ признается и Алленомъ; онъ называетъ его склонностью къ созерцанію яркихъ цвѣтовъ, удовольствіемъ, какъ бы зачаточнымъ эстетическимъ наслажденіемъ. Въ объясненіе онъ напоминаетъ общеизвѣстный примѣръ мотылька, летящаго на огонь: мотылекъ все уменьшаетъ радіусы своихъ круговъ около огня и, наконецъ, когда оба глаза придутся прямо противъ пламени, падаетъ въ него, здѣсь зрительное впечатлѣніе отражается прямо на дѣятельности крыльевъ. Что испытываетъ мотылекъ, кружась около огня, мы, разумѣется, знать не можемъ, но мы видимъ, во всякомъ случаѣ, какое-то непреодолимое влеченіе, вызванное зрительнымъ впечатлѣніемъ; видимъ, что впечатлѣніе это отражается на очень, повидимому, отдаленныхъ частяхъ организма; видимъ, наконецъ, что дѣло тутъ совсѣмъ уже не въ принципѣ полезности. Все это приложимо и къ явленіямъ мимичности. Стоитъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ только представить, что рефлекторная дѣятельность, находящаяся въ связи съ органомъ зрѣнія, разрѣшается не движеніемъ крыльевъ насѣкомаго, а такимъ движеніемъ мускуловъ, которое измѣняетъ расположеніе пигментныхъ клѣтокъ,—и мы получимъ объясненіе многихъ явленій мимичности. Разумѣется, и здѣсь многое остается неяснымъ. Мы все-таки не знаемъ, почему клещъ, сидящій на желтомъ брюхѣ ящерицы, и зрительный нервъ котораго, слѣдовательно, постоянно возбуждается желтымъ цвѣтомъ,—почему онъ и самъ принимаетъ

именно желтую, а не какую другую окраску, тогда какъ его сосѣдъ, живущій на коричневой головѣ ящерицы, одѣвается именно коричневымъ покровомъ. Но ясно, что причины этого надо искать не во внѣшнихъ процессахъ подбора и постепеннаго приспособленія, по крайней мѣрѣ, не въ нихъ однихъ, а еще въ какомъ-то внутреннемъ двигателѣ. Великое значеніе этого внутренняго двигателя станетъ еще болѣе яснымъ, если вспомнить (чего Алленъ почти не имѣетъ въ виду), что подражаніе отнюдь не ограничивается измѣненіемъ цвѣта покрововъ: мы видимъ, что оно отражается часто и на расположеніи частей тѣла, и на привычкахъ, и образѣ жизни. Къ сожалѣнію, Грантъ Алленъ, признавъ наличность внутренняго фактора, утопилъ его значеніе въ принципахъ теоріи Дарвина и Уоллеса...

Я боюсь, что пропустилъ передъ читателемъ слишкомъ пеструю картину: Васька Андреевъ, Бланка Кастильская, милетскія дѣвушки, наполеоновскіе солдаты, овцы и козы Іакова, безрукія дѣти, геликониды и лепталисы, хамелеонъ... А между тѣмъ нашъ бѣглый обзоръ разнообразнаго фактическаго матеріала еще не конченъ, какъ не кончена и оцѣнка тѣхъ объясненій, которыя даются этому матеріалу въ различныхъ областяхъ знанія. Надѣюсь, что, когда мы дойдемъ до конца, читатель оправдаетъ эту фактическую пестроту, ибо именно въ этомъ пестромъ мы найдемъ цѣльное, въ этомъ многомъ — единое. И только этимъ путемъ удастся намъ разгадать великую загадку, выражающуюся словами: геронъ и толпа.

IV.

Читатель замѣтилъ, вѣроятно, что тѣ сочиненія, даже спеціально посвященныя самоубійству (Lisle, Brierre de Boismont), на которыя мы ссылались, говоря о коллективныхъ самоубійствахъ, смотрятъ на эти факты, какъ на частный только случай нравственной заразительности или безсознательнаго подражанія вообще. Читатель, впрочемъ, и безъ того, конечно, слыхалъ о

нравственныхъ эпидеміяхъ, охватывающихъ иногда громадныя массы народа.

Эпидемическій и именно подражательный характеръ нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзней близко знакомъ каждому, видавшему нашихъ кликушъ: весьма обыкновенное явленіе, что за одной кликушей слѣдуетъ ихъ нѣсколько. Всякаго рода судороги и конвульсіи вообще сильно дѣйствуютъ на зрителей и очень часто вызываютъ цѣлую вереницу подражателей. Таково, напримѣръ, происхожденіе «конвульсіонеровъ». Дѣло началось съ того, что на могилѣ одного праведника-янсениста съ однимъ изъ его почитателей случился припадокъ конвульсій. Этотъ примѣръ заразилъ и другихъ, а года черезъ два конвульсіонеровъ считалось уже до восьмисотъ. При этомъ бились въ страшныхъ судорогахъ не только янсенисты, а и совершенно посторонніе люди, случайно бывшіе свидѣтелями судорогъ. Замѣчательно также, что у нѣкоторыхъ конвульсіонеровъ, принимавшихъ позу распятаго Христа и впадавшихъ затѣмъ въ каталептическое состояніе, на извѣстныхъ мѣстахъ конечностей, именно тамъ, гдѣ у Христа были «язвы гвоздиныя», появлялась краснота и припухлость. Начиная, слѣдовательно, съ полусознательнаго подражанія распятому Христу, эти люди подвергались вслѣдъ затѣмъ такому усиленному давленію подражанія, которое до извѣстной степени воспроизводило даже крестныя раны. Объ этомъ, впрочемъ, подробнѣе рѣчь будетъ ниже. Что же касается заразительности судорогъ, то (не говоря о кликушахъ) она знакома и новѣйшему времени. Въ 1857 году, въ одной савойской деревнѣ заболѣли двѣ дѣвочки припадками, которые мѣстными жителями были приняты за признаки бѣсноватости. Бѣсноватость оказалась заразительною, и къ концу 1860 года больныхъ было уже 110. Командированный для изслѣдованія и прекращенія эпидеміи докторъ Констанъ разсказываетъ, между прочимъ, что когда однажды въ церкви съ одной дѣвочкой случился припадокъ, то церковь мгновенно обратилась въ «настоящій адъ» (Constans. Relation sur une épidémie d'hystéro-démonopathie. P. 1862). Извѣстенъ далѣе случай въ одной изъ національныхъ мастерскихъ 1848 г. въ Парижѣ, когда

больше четверти всѣхъ работницъ заболѣли судорожными припадками,—случай, который Бушю объяснилъ единственно подражаніемъ. Въ женскихъ монастыряхъ и закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ подобныя явленія встрѣчаются очень часто. Бывшія институтки знаютъ, что иногда стоитъ только одной дѣвушкѣ крикнуть, чтобы безъ всякой видимой причины закричалъ весь дортуаръ. Въ XV столѣтіи чуть не по всѣмъ женскимъ монастырямъ Германіи, а отчасти и другихъ странъ, ходила курьезная эпидемія: монахини кусались. Въ другомъ подобномъ случаѣ монахини мяукали по-кошачьи. Иногда эти эпидеміи захватываютъ громадныя массы людей, вслѣдствіе чего пользуются обширною историческою извѣстностью. Для подробнаго ознакомленія съ ними, интересующіеся могутъ обратиться къ классическимъ трудамъ Кальмеля (De la folie, considérée au point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire. P. 1844), Геккера (Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters. Berl. 1865) и др. (По-русски, см. Гезера «Исторія повальныхъ болѣзней», пер. Манассеина, Спб. 1867; Кандинскаго «Общепонятные психическіе этюды», М. 1881.) Я приведу здѣсь только слѣдующую выписку изъ Геккера: «Въ 1374 г., въ Ахенъ прибыли изъ Германіи толпы мужчинъ и женщинъ, охваченныхъ одною общею болѣзнью и дававшихъ народу на улицахъ и въ церквахъ слѣдующее представленіе: рука объ руку, составляли они хороводы и, повидимому, совершенно не владѣя собой, не видя окружающихъ, по цѣлымъ часамъ плясали въ дикомъ изступленіи, пока не падали отъ изнеможенія; тогда они жаловались на тоску и стонали... Мѣсяцъ спустя, болѣзнь появилась въ Кельнѣ, гдѣ больныхъ было слишкомъ пятьсотъ, и въ то же время въ Мецѣ, гдѣ, какъ говорятъ, на улицахъ толпилось болѣе тысячи плясуновъ. Крестьяне отрывались отъ плуговъ, рабочіе бросали мастерскія, хозяйки—хозяйство, чтобы присоединиться къ плясу, и богатый, промышленный городъ превратился въ арену ужаснаго безпорядка».

Вообще, всѣ средніе вѣка необыкновенно богаты нравственными эпидеміями. Эпидеміи самобичеванія, неистовой пляски, демономаніи, демонолатріи, затѣмъ истребленія евреевъ, освобож-

денія гроба Господня и проч., можно сказать, наполняютъ собою средніе вѣка и двигаютъ цѣлыя толпы народа по Европѣ и Азіи. Въ этихъ странныхъ движеніяхъ принимаютъ участіе люди всякаго общественнаго положенія, пола и возраста. Извѣстны, напримѣръ крестовые походы дѣтей, десятками тысячъ собиравшихся въ Германіи и во Франціи около такихъ же юныхъ вождей и погибавшихъ на пути въ Палестину. Всѣ эти эпидеміи читателю, конечно, болѣе или менѣе извѣстны, и потому я не буду объ нихъ распространяться. Но собственно для характеристики необыкновенной, какой-то фантастической дикости, которою окрашивалась иногда нравственная зараза, приведу слѣдующій курьезный фактъ изъ исторіи XVI вѣка. Мишлѣ (въ Histoire de France) разсказываетъ, со словъ португальской хроники, что король донъ-Педро, предаваясь, по случаю смерти своей жены, безпредѣльной горести, получилъ странную склонность къ музыкѣ и танцамъ. Иногда въ безсонныя ночи онъ выходилъ изъ дворца и плясалъ на улицахъ подъ звуки трубъ и при свѣтѣ факеловъ. Разбуженные шумомъ и свѣтомъ обыватели выходили на улицу и мало-по-малу, увлекаясь примѣромъ танцующаго короля, тоже пускались въ безумный плясъ, который продолжался иногда всю ночь на пролетъ.

Въ недавно вышедшей забавной книжкѣ «Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искуствъ» (Балетомана) этотъ самый эпизодъ получаетъ такое освѣщеніе: «Танцы были рѣшительною страстью въ эту эпоху, и описаніе Людовика XVI, танцующаго въ версальскихъ балетахъ, блѣднѣетъ передъ балетами, предводимыми на лиссабонскихъ улицахъ при звукахъ музыки и свѣтѣ факеловъ королемъ донъ-Педро Справедливымъ». Изъ вышеприведеннаго видно, что никакого балета тутъ не было, а было непреодолимое стремленіе (soit compassion, soit entraînement méridional, говоритъ Мишлѣ) подражать, очевидно, не совсѣмъ здоровому королю. Тѣмъ не менѣе справедливо, что танцы «были рѣшительною страстью въ эту эпоху», если разумѣть подъ этой эпохой всѣ средніе вѣка со включеніемъ начала реформаціоннаго періода. Кромѣ обыкновенныхъ танцевъ, какъ особаго вида уве-

селенія, которыми занимались тогда не меньше, чѣмъ во всякій другой исторической періодъ; кромѣ хороводовъ и плясокъ, сопровождавшихъ разныя священныя и другія торжества, мы имѣемъ еще настоящую хореоманію, чуть не по всей Европѣ, мучившую людей въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Первыя извѣстія о неистовой пляскѣ или пляскѣ св. Витта относятся къ XI вѣку, послѣднія—къ XVI. Главной ареной этой эпидеміи была прирейнская Германія. Въ XV вѣкѣ въ Италіи появился и быстро распространился тарентизмъ, также неистовая пляска. Кромѣ того въ XIII—XVI вѣкѣ случались еще такъ называемые Wundertänze, которымъ предавались исключительно дѣти. Одинъ изъ этихъ случаевъ разсказывается въ одной старинной хроникѣ такъ. Въ городѣ Гамельнѣ было много мышей. Одинъ искусникъ взялся вызвать всѣхъ мышей изъ города звуками дудочки, и дѣйствительно смастерилъ это дѣло. Но жители Гамельна не отдали ему условленной за это избавленіе платы, и крысоловъ жестоко отомстилъ. Разъ, во время богослуженія, когда жители молились въ церкви, онъ заигралъ на магической дудочкѣ, на звуки которой вышли на улицу 130 дѣтей. Онъ пошелъ впередъ, все посвистывая на флейтѣ, дѣти, танцуя, за нимъ и, такимъ образомъ, исчезли неизвѣстно куда изъ города всѣ, кромѣ одного, который и разсказалъ потомъ, какъ было дѣло (Voss. Der Tanz und seine Geschichte). Пляски играли существенную роль и въ шабашѣ вѣдьмъ. Наконецъ, въ XV вѣкѣ появляется во Франціи знаменитая пляска смерти, или макабрскій танецъ, кладбищенская обстановка и мрачный юморъ котораго свидѣтельствуютъ, что пляшущимъ было совсѣмъ не до веселья.

Подражательный характеръ всякаго рода коллективныхъ судорогъ, конвульсій, нелѣпыхъ плясокъ, въ родѣ средневѣковой неистовой пляски или радѣній квакеровъ, шэкеровъ, нашихъ сектантовъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но читатель можетъ быть усумнится ввести элементъ подражанія въ объясненіе такихъ массовыхъ движеній, какъ крестовые походы или періодическія истребленія евреевъ. Повидимому, эти движенія управляются совершенно опредѣленною идеею; повидимому, можно поды-

скать такія общія пружины, которыя дѣйствовали одинаково сильно на всѣхъ и каждаго изъ участниковъ движенія, совершенно помимо подражанія.

Это очень справедливое соображеніе. Но одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ исторіи мысли промаховъ состоитъ именно въ томъ, что изслѣдователь, сосредоточивъ свое вниманіе на одной какой-нибудь сторонѣ дѣла, не хочетъ или не можетъ если не охватить предмета съ другихъ сторонъ, то, покрайней мѣрѣ, допустить, что эти другія стороны существуютъ. Люди науки и отвлеченной мысли иногда цѣлые вѣка препираются между собою единственно потому, что одни смотрятъ на предметъ исключительно сверху, а другіе столь же исключительно снизу, или одни съ правой, а другіе съ лѣвой стороны. Повидимому, признать подражаніе единственнымъ двигателемъ массовыхъ движеній до такой степени невозможно, что всякія оговорки тутъ излишни. И, конечно, никто прямо такой нелѣпости не скажетъ. Но эта нелѣпость легко можетъ прокрасться въ изслѣдованіе, не облекаясь въ формальное выраженіе. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Иламъ («Заразительность умственныхъ заблужденій». «Знаніе», 1871, № 11). «Въ четвертомъ томѣ исторіи Англіи Маколея мы находимъ чрезвычайно рельефный очеркъ эпидеміи разбоя и воровства со взломомъ. Упомянувъ о всеобщемъ неурожаѣ и недостаткѣ хлѣба, Маколей» и т. д. Слѣдуетъ цитата изъ Маколея, свидѣтельствующая о громадномъ числѣ преступленій противъ собственности въ 1692 г. Ясно, однако, что «всеобщій неурожай и недостатокъ хлѣба» сами по себѣ представляютъ достаточную причину увеличенія числа преступленій противъ собственности, и если вліяніе примѣра играло тутъ какую-нибудь роль, то только весьма и весьма второстепенную. Тотъ же Иламъ, говоря объ успѣхахъ магометанства въ VII вѣкѣ, какъ о «замѣчательномъ примѣрѣ той быстроты, съ которою распространяются идеи», перечисляетъ причины этихъ успѣховъ такъ: страхъ, внушаемый побѣдами Магомета; удобоисполнимость требованій новой религіи; простота ея догматовъ; соотвѣтствіе между наградой, обѣщанной Магометомъ въ будущей жизни, и вкусами восточныхъ

*

народовъ; распри между христіанами. Все это справедливо, конечно; но причемъ же тутъ эпидемія или «заразительность умственныхъ заблужденій»? Послѣ этого можно, пожалуй, и распространеніе научной истины назвать эпидеміей, мотивируя дѣло тѣмъ, что эта истина была подготовлена предшествующими изслѣдованіями, что она подтверждается ясными логическими доказательствами и наглядными опытами и т. д.

Тѣмъ не менѣе, однако, было бы большою ошибкою изгонять роль подражанія изъ такихъ движеній, какъ быстрый ростъ магометанства или какъ крестовые походы. Въ средніе вѣка было много причинъ для того, чтобы люди бросали насиженное мѣсто, семью, работу и пускались въ путь, куда глаза глядятъ. Въ экономическихъ условіяхъ средневѣковой жизни, въ ея политическомъ и гражданскомъ строѣ, въ умственномъ и нравственномъ уровнѣ можно также найти общія причины другихъ многоразличныхъ средневѣковыхъ движеній—еретическихъ, крестьянскихъ, антиеврейскихъ и т. п. Но были и еще какія-то, намъ пока неизвѣстныя причины, которыя обращали людей въ автоматовъ и заставляли ихъ повторять все, что̀ продѣлывалъ передъ ними какой-нибудь «герой» въ нашемъ условномъ смыслѣ слова. А читатель знаетъ, что такимъ героемъ можетъ быть иногда дѣйствительно герой, цвѣтъ и краса человѣчества, а иногда и полоумный или шарлатанъ. Цитируемый Мишлѣ современникъ перваго крестоваго похода, говоритъ: «Осуществились слова Соломона: у саранчи нѣтъ вождя, но выступаетъ вся она стройно... У этой саранчи не было вождя; единственнымъ вождемъ, путеводителемъ и боевымъ товарищемъ каждой вѣрной души былъ Богъ... Нѣкоторые не имѣли сначала никакого желанія идти въ походъ; они смѣялись надъ тѣми, кто торопился распродать свое имущество, и предсказывали имъ печальное путешествіе и еще болѣе печальное возвращеніе. А черезъ день сами насмѣшники, движимые внезапнымъ порывомъ., отдавали свое имущество за гроши и присоединялись къ тѣмъ, кого осмѣивали». Здѣсь очень характерно передана сила подражанія, увлекавшая многихъ крестоносцевъ почти помимо воли и сознанія. Но соображенія со-

временника о саранчѣ, двигающейся безъ вождя, совсѣмъ неумѣстны. Напротивъ, никогда, можетъ быть, «герой» не былъ такъ нуженъ «толпѣ», какъ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ вообще и во время крестовыхъ походовъ въ особенности. Были, правда, въ нѣкоторыхъ странахъ времена несравнено болѣе напряженнаго ожиданія «избавителя» или вообще какого-то полубога, который долженъ стать во главѣ толпы. Но эта толпа имѣла въ такихъ случаяхъ если не ясно формулированную программу, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ опредѣленныя отрицательныя требованія, которыя и подсказывала страстно ожидаемому герою. Въ средніе же вѣка мы сплошь и рядомъ видимъ толпу въ состояніи какого-то безпредметнаго напряженія, въ состояніи готовности подражать чему бы то ни было вплоть до неистовой пляски, и повиноваться кому бы то ни было, вплоть до капрала взявшаго палку.

Tho Hameln worden uthgefort
Hundert und drittig Kinder, daselbst geboren.
Durch einen Piper daselbst verloren,—

Такими горестными словами современника засвидѣтельствована, между прочимъ, подлинность вышеупомянутаго происшествія въ Гамельнѣ, въ подробностяхъ, безъ сомнѣнія, разукрашеннаго. Но въ тѣ времена любой Piper могъ вести за собой нетолько дѣтей; громадныя массы народа находились въ постоянномъ ожиданіи вождя. Вожди, «герои», разумѣется, являлись и толпа окружала ихъ царственнымъ почетомъ. Петръ Пустынникъ былъ истинно полу-богъ для тѣхъ, кто шелъ за нимъ. Если бы онъ захотѣлъ, какъ хотѣли до и послѣ него многіе, то могъ бы объявить себя мессіей, царемъ новаго Сіона и проч., вообще усвоить себѣ самый гордый и фантастическій титулъ; надѣть корону и царскую багряницу, какъ фландрскій пророкъ XII вѣка Танхелинъ; объявить себя равнымъ Богу, какъ Эонъ де-Стелла и проч., и проч. Вожакомъ перваго дѣтскаго крестоваго похода былъ пастухъ Стефанъ, и число дѣтей, толпившихся около его пышной колесницы и желавшихъ хоть взглянуть на своего вождя, хоть

одну нитку изъ его платья достать себѣ на память, было такъ велико, что многіе были задавлены въ тѣснотѣ.

Не совсѣмъ поэтому неправы тѣ наивные историки добраго стараго времени, которые, по мѣрѣ своихъ художественныхъ силъ и умѣнья, разсказывали, какъ входновенная Іоанна д-Аркъ спасла Францію, какъ папа Урбанъ и Петръ Пустынникъ возбудили своими пламенными рѣчами крестовый походъ, какъ фанатическіе цвиккаускіе пророки взволновали массы крестьянъ, какъ непомѣрное честолюбіе Наполеона залило Европу моремъ крови и проч. и проч. Эти наивные историки понимали, правда, дѣло очень узко и плоско. Они описывали внѣшнюю исторію событій, не задаваясь изслѣдованіемъ ихъ причинъ и довольствуясь прибавкой похвальныхъ или неодобрительныхъ эпитетовъ къ именамъ вождей: необузданный честолюбецъ такой-то увлекъ, вдохновенная дѣва такая-то воодушевила, яростный фанатикъ такой-то возбудилъ и проч. Историки новѣйшаго типа поступаютъ, разумѣется, гораздо раціональнѣе, изыскивая причины историческихъ явленій въ общихъ условіяхъ культуры даннаго момента или данной страны. Но вѣдь необузданный честолюбецъ дѣйствительно увлекъ, а яростный фанатикъ дѣйствительно возбудилъ. Это факты, съ которыми надо считаться. Слѣдовательно, въ любомъ массовомъ движеніи мы должны различать такія общія условія, которыя непосредственно воздѣйствуютъ на всѣхъ и каждаго изъ участниковъ, и такія, которыя толкаютъ ихъ къ безсознательному подражанію. Первыя могутъ быть, очевидно, чрезвычайно разнообразны. Общія условія, двинувшія, напримѣръ, полчища варваровъ изъ Азіи въ Европу во времена такъ называемаго великаго переселенія народовъ, конечно, рѣзко отличаются отъ тѣхъ условій, при которыхъ полчища европейцевъ двинулись въ Азію во времена крестовыхъ походовъ. Въ свою очередь, причины экономическія, политическія, нравственныя, умственныя, словомъ,—весь комплексъ культурныхъ условій, который давилъ на каждаго изъ евреевъ, толпившихся около многочисленныхъ лже-мессій, былъ, безъ сомнѣнія, не тотъ, что охватывалъ каждаго изъ арабовъ, примкнувшихъ къ Магомету, и не тотъ, что опредѣлялъ увлеченіе личностью Наполеона.

Но въ этихъ общихъ условіяхъ есть, очевидно, какая-то единообразная струя, опредѣляющая подражательный характеръ всѣхъ массовыхъ движеній, всѣхъ, безъ различія ихъ происхожденія и причинъ. Эта струя, временами необыкновенно усиливающаяся (какъ это было въ средніе вѣка), временами ослабѣвающая въ исторіи, дѣйствительно можетъ быть схематически выражена словами наивныхъ историковъ добраго стараго времени: ненасытный честолюбецъ увлекъ, вдохновенная дѣва воодушевила. Только выраженія эти неправильно установляютъ центръ тяжести явленія, ибо ненасытный честолюбецъ и вдохновенная дѣва сплошь и рядомъ оказываются людьми крайне малаго калибра, иногда просто Ріреr'ами, посвистывающими въ дудочку; а слѣдовательно дѣло прежде всего не въ нихъ, а въ особенностяхъ настроенія или положенія тѣхъ массъ, которыя идутъ за Ріреr'омъ и пляшутъ подъ его дудочку, иногда даже въ буквальномъ смыслѣ слова.

Неопреодолимая сила безсознательнаго подражанія выдается иногда такъ рѣзко изъ общихъ условій жизни, что относительно ея наличности не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Понятное дѣло, что въ явленіяхъ патологическихъ интенсивность подражанія должна выступать рѣзче. Мы уже видѣли тому примѣры. А вотъ и еще примѣръ изъ исторіи камизаровъ и севеннскихъ пророковъ. Это народное движеніе возникло, какъ извѣстно, въ концѣ XVII вѣка подъ вліяніемъ знаменитыхъ драгоннадъ и вообще преслѣдованія кальвинистовъ. Жителями Севеннъ всякаго пола и возраста овладѣла страшная экзальтація, сопровождавшаяся экстазомъ и сильнѣйшими конвульсіями. Затѣмъ они пророчествовали и проповѣдовали. Замѣчательно при этомъ, что зараза охватила не только кальвинистовъ: ей поддавались и враги-католики, случайно бывшіе свидѣтелями припадковъ, и въ такомъ случаѣ ихъ пророчества и проповѣди точно также были проникнуты кальвинизмомъ. Это были, значитъ, кальвинисты поневолѣ. Сила примѣра комкала въ нихъ ихъ глубочайшія убѣжденія и заставляла подражать заклятымъ врагамъ, доводя это подражаніе до прямого служенія враждебнымъ началамъ. Ясно, что причины, породившія возстаніе камизаровъ, осложнялись еще спеціальными признаками

коллективнаго увлеченія, какъ таковаго, независимо отъ причинъ движенія.

Повторяю, въ патологическихъ случаяхъ струна подражанія звучитъ особенно сильно. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она молчала въ тѣхъ явленіяхъ, которыя мы не можемъ или не рѣшаемся признать завѣдомо болѣзненными. Изъ этого, напротивъ, слѣдуетъ только то, что мы должны тщательно приглядываться къ такимъ фактамъ, которые сами собой, своими выдающимися чертами, облегчаютъ намъ логическій процессъ выдѣленія изучаемаго предмета изъ той конкретной сложности и запутанности, въ какой онъ является въ жизни. И съ этой точки зрѣнія особенно любопытна форма нервной болѣзни, спеціально выражающаяся склонностью къ подражанію, безъ всякаго отношенія къ какой бы то ни было общей идеѣ или посторонней цѣли. Болѣзнь эта называется chorea imitatoria. Д-ръ Кашинъ наблюдалъ ее въ Якутской области. Болѣзнь состоитъ въ подражательныхъ и отчасти конвульсивныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя больные производятъ безъ всякаго сознанія, копируя дѣйствія и движенія другихъ. Разъ д-ру Кашину привелось быть свидѣтелемъ такого случая. Одно изъ отдѣленій роты 3-го батальона забайкальскаго казачьяго войска, составленное изъ мѣстныхъ уроженцевъ, во время ученья повторяло командныя слова. Командиръ, конечно, разсердился, сталъ браниться, кричать, грозить, и съ удивленіемъ услышалъ, что солдаты аккуратно повторяютъ его ругань и угрозы. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта странная сцена, если бы командиръ не убѣдился доводами Кашина, что солдаты не столько виноваты въ неслыханной дерзости, сколько больны. Вообще, больные «олгинджей» или «омеряченьемъ», какъ называютъ эту болѣзнь на мѣстѣ, съ совершенною точностью повторяютъ все, что кому-нибудь случится передъ ними сказать или сдѣлать. Между якутками болѣзнь принимаетъ иногда нѣсколько отличную форму: несчастныя женщины исполняютъ приказанія, отъ кого бы они ни исходили и въ чемъ бы ни состояли. Этою готовностью больныхъ женщинъ повиноваться нерѣдко пользуются негодяи изъ мѣстной молодежи (Архивъ судебной медицины 1868, № 2).

Я прошу читателя запомнить эту психопатическую форму, потому что она намъ пригодится впослѣдствіи. Она, впрочемъ, и сама по себѣ достаточно любопытна уже тѣмъ, что въ ней элементъ подражанія является въ безусловно чистомъ видѣ (а также тѣмъ, что указываетъ на близкое родство подражанія и повиновенія, покорности).

V.

До сихъ поръ мы имѣемъ лишь описаніе явленій, крайне разнообразныхъ, и слабый намекъ, что это разнообразіе можетъ быть сведено къ какому-то неизвѣстному единому объясненію. Мы видѣли, правда, объясненіе, даваемое дарвинистами для частной области покровительственной окраски и другихъ явленій мимичности. Но мы видѣли также, что это объясненіе неудовлетворительно, или, по крайней мѣрѣ, далеко неполно. Оно неудовлетворительно даже по отношенію къ той спеціальной группѣ фактовъ, которая заинтересовала Бэтса, Дарвина, Уоллэса, Аллена. А къ многочисленнымъ и многообразнымъ фактамъ безсознательнаго подражанія въ исторіи человѣчества и въ обыденной нашей жизни теорія переживанія приспособленныхъ совершенно неприложима. Если животное, подражая другому въ окраскѣ, расположеніи частей, образѣ жизни, тѣмъ самымъ спасается отъ угрожающихъ ему бѣдъ, то человѣкъ, подражающій палачу, казненному преступнику, безумному танцору, великому человѣку, капралу, взявшему палку и проч., тѣмъ самымъ, наоборотъ, сплошь и рядомъ идетъ на бѣду и даже прямо на смерть. Читатель, привычный къ общимъ пріемамъ и тезисамъ дарвинизма, быть можетъ, даже не признаетъ возможности свести къ одному знаменателю группы явленій, повидимому, столь рѣзко противоположныхъ. Но мы видѣли, что сами дарвинисты допускаютъ вліяніе нѣкоторыхъ внутреннихъ факторовъ въ дѣлѣ подражанія, называя ихъ то самостоятельною способностью «подражательности» (Уоллесъ), то зачаточнымъ эстетическимъ чувствомъ, склонностью къ созерцанію

яркихъ красокъ (Алленъ). Если бы Алленъ ввелъ въ свое объясненіе этотъ психическій факторъ не такъ двусмысленно и робко, какъ онъ это дѣлаетъ, то ему пришлось бы сказать просто: зрительное впечатлѣніе предмета или предметовъ, почему-либо обращающихъ на себя особенное вниманіе животнаго, вызываетъ такую группу рефлексовъ, которая въ большей или меньшей степени уподобляетъ животное созерцаемому предмету. Это нисколько, разумѣется, не мѣшаетъ дѣятельности приспособленія и наслѣдственности, какъ факторовъ вторичныхъ, выступающихъ уже послѣ того, какъ подражательная форма готова.

Принявъ такое объясненіе, мы уже безъ большого труда можемъ устранить пропасть (кажущуюся) между спеціальными явленіями мимичности, занимающими дарвинистовъ, и тѣми фактами подражанія, которые мы знаемъ изъ исторіи человѣчества и обыденной жизни. Мы уже видѣли случаи вліянія зрительныхъ впечатлѣній на беременность женщинъ и вообще самокъ. Если бы эти случаи были вполнѣ достовѣрны и безспорны, то они представили бы какъ разъ промежуточныя звѣнья разорванной цѣпи. Они дали бы, пожалуй, даже больше, чѣмъ нужно. Если лепталисы, подражая геликонидамъ, воспроизводятъ всѣ пятнышки и черточки ихъ покрововъ, то вѣдь и овцы и козы Іакова воспроизводили въ своемъ приплодѣ цвѣтъ пестрыхъ сучьевъ, и беременныя женщины, присутствовавшія при мучительныхъ казняхъ, рожали дѣтей съ уродствами, точно воспроизводившими подробности казни. Къ сожалѣнію, эти случаи проблематическіе и спорные. Есть, однако, факты этого же рода, вполнѣ достовѣрные.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ одной бельгійской деревнѣ объявилось чудо: стигматизированная дѣвушка, по имени Луиза Лато. Каждую пятницу съ ней дѣлались какіе-то странные припадки, причемъ у нея появлялись кровоизліянія, съ большею или меньшею точностью воспроизводившія раны распятаго Христа (стигматы), какъ они описаны въ Евангеліи и изображаются на картинахъ: «язвы гвоздиныя» на обѣихъ ступняхъ и обѣихъ рукахъ и рана на лѣвой сторонѣ груди. Это не было первое въ

своемъ родѣ явленіе. Напротивъ, если не изучено, то съ большою подробностью описано оно было уже давнымъ давно. Выше было замѣчено, что у нѣкоторыхъ конвульсіонеровъ, принимавшихъ позу распятаго Христа, на ступняхъ и рукахъ появлялись краснота и припухлость. Но стигматизированные извѣстны были гораздо раньше—они ведутъ свою родословную съ XIII вѣка (т. е. все съ тѣхъ же среднихъ вѣковъ). Первымъ стигматизированнымъ былъ св. Францискъ. Удалившись не только отъ міра, а подъ конецъ и отъ практическихъ монашескихъ обязанностей, онъ поселился въ горахъ, предавался молитвѣ и посту сверхъ всякой мѣры, отчего часто впадалъ въ экстазъ. Разъ, будучи въ такомъ состояніи, онъ услышалъ голосъ, приказывавшій ему открыть евангеліе. Три раза открывалось евангеліе, и всѣ три раза на страданіяхъ Христа. Съ тѣхъ поръ Францискъ сосредоточилъ всѣ свои помыслы на этомъ пунктѣ, постоянно, изо дня въ день переживая евангельскую драму. И вотъ онъ дождался видѣнія: съ неба спускается къ нему шестикрылый серафимъ, держа въ рукахъ человѣческую фигуру, распятую на крестѣ. Видѣніе быстро исчезло, но послѣ него святой почувствовалъ болѣзненное ощущеніе въ кистяхъ рукъ и ступняхъ ногъ, а вслѣдъ затѣмъ явились стигматы. Это было въ 1224 году. Чудо произвело, разумѣется, сильнѣйшее впечатлѣніе, и съ тѣхъ поръ не одна экзальтированная голова постоянно пребывала мыслью на Голгоѳѣ. Замѣшалось въ дѣло и соперничество монашескихъ орденовъ. Въ результатѣ получился длинный рядъ стигматизированныхъ, сначала между францисканцами, а потомъ и между доминиканцами, которые выставили свою собственную стигматизированную—Екатерину Сіенскую и рядъ уже *ея* подражателей. Стигматы росли и количественно: къ пяти ранамъ Франциска у нѣкоторыхъ прибавились раны отъ терноваго вѣнца. Иные принимали позу распятаго и испытывали при этомъ сильную боль.

Много здѣсь было, конечно, шарлатанства, но многіе случаи не подлежатъ, однако, никакому сомнѣнію, потому что записаны и описаны вполнѣ достовѣрными свидѣтелями. Благоразумные люди даже давно искали причинъ стигматизаціи тамъ, гдѣ ихъ

дѣйствительно слѣдуетъ искать—въ своеобразномъ разстройствѣ нервной системы. Но только Луиза Лато подверглась, наконецъ, серьезному и даже придирчивому изслѣдованію. Однако, люди науки стали сначала въ-тупикъ. Вирховъ публично заявилъ, что если это не обманъ, то чудо, нѣчто необъяснимое средствами науки. А между тѣмъ всѣ изслѣдованія удостовѣряли, что обмана здѣсь нѣтъ, по крайней мѣрѣ относительно кровопзліяній, воспроизводящихъ раны распятаго Христа. Наконецъ, по поводу одного изслѣдованія была наряжена цѣлая коммисія ученыхъ, которая, признавъ несомнѣнную подлинность стигматъ, объяснила ихъ безсознательнымъ подражаніемъ. Луиза Лато, дѣвушка крайне мистически настроенная, вела аскетическій образъ жизни, и мысль ея была постоянно направлена на страданія Христа. По пятницамъ, когда съ ней начинались припадки, она воображала себя присутствующею на Голгоѳѣ, и тутъ-то, при созерцаніи образа распятаго Іисуса, появлялись на мѣстѣ стигматъ сначала боль, потомъ припухлость, жаръ, маленькій пузырь и, наконецъ, кровопзліяніе: Луиза Лато подражала распятому Христу почти съ такою же скрупулезною точностью, съ какою лепталисы подражаютъ гелеконидамъ и т. п.

Хотя стигматы Луизы Лато вызвали сначала въ ученыхъ людяхъ нѣкоторое недоразумѣніе, но объясненіе, къ которому они, наконецъ, пришли, было не ново. Читатель, напримѣръ, можетъ его найти въ книгѣ Мори «La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au moyen age», изданной до чудеснаго случая съ Луизой. Тамъ имѣется весьма подробная исторія предшественниковъ чудесной бельгійской дѣвицы и прямо указывается на безсознательное подражаніе и усиленную работу воображенія, какъ на главныя пружины чуда. И это вовсе не прыжокъ въ область натяжекъ и произвола мысли. Физіологи, психологи и практическіе врачи накопили множество фактовъ, краснорѣчиво говорящихъ объ отраженіи психическихъ моментовъ на процессахъ животной и растительной жизни. Русскій читатель найдетъ ихъ въ изобиліи у Карпентера, въ книгѣ Дарвина «О выраженіи ощущеній», въ лекціяхъ г. Манассеина «О значеніи психическихъ вліяній».

Я приведу лишь нѣсколько случаевъ, наиболѣе близкихъ въ томъ или другомъ отношеніи къ стигматизаціи.

Что подъ вліяніемъ ожиданія, страха и воображенія люди чувствуютъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ боль, это до такой степени общеизвѣстно, что фактическихъ подтвержденій въ этомъ отношеніи не требуется. Высокіе авторитеты утверждаютъ, что можно вызвать боль въ любой части тѣла, усиленно сосредоточивая на ней свое вниманіе. Проявленіе такъ называемой мнительности обыкновенно въ этомъ только и состоитъ. Что касается появленія опухолей, то мы приведемъ одинъ только случай, не подлежащей никакому сомнѣнію. Мать видѣла, какъ тяжелая рама отдавила три пальца на рукѣ ея сына; у нея самой тотчасъ-же оказались воспаленными и опухшими тѣ именно три пальца, которые пострадали у ребенка. Этотъ случай любопытенъ для насъ своею, такъ сказать, топографическою опредѣленностью; случаевъ же, въ которыхъ опухоли появлялись, исключительно подъ вліяніемъ испуга и т. п., безъ такого опредѣленнаго соотношенія опухшаго мѣста къ предмету, вызвавшему испугъ, весьма много. Вліяніе психическихъ моментовъ на сосудо-двигательную систему простѣйшимъ образомъ выражается въ способности человѣка краснѣть отъ стыда, отъ негодованія, отъ оскорбленнаго самолюбія и пр. Достойно замѣчанія, что способность краснѣть сильно локализирована, что краснѣетъ преимущественно и даже почти исключительно лицо, часть тѣла, наиболѣе обращающая на себя вниманіе. Отъ краснѣнія не труденъ переходъ къ кровавому поту, часто являющемуся подъ вліяніемъ, сильныхъ душевныхъ потрясеній. Обыкновенно кровавый потъ показывается на опредѣленныхъ мѣстахъ. Напримѣръ, «у 25-ти-лѣтней женщины, подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія, появилось кровохарканіе и судороги, которыя стали затѣмъ повторяться при каждомъ психическомъ потрясеніи. Два года спустя, опять-таки подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго потрясенія, появилась рвота, боль въ почкахъ и кровавая моча. Привычка организма реагировать на всякое душевное волненіе подобными явленіями длилась два года, послѣ чего явленія эти

осложнились новымъ, а именно: во время приступа рвоты появился кровавый потъ на лицѣ, шеѣ, въ подмышковыхъ впадинахъ и на передней поверхности груди и живота». Другой больной не было еще 11 лѣтъ, «какъ подъ вліяніемъ сильнаго горя у нея показались слезы, окрашенныя кровью; съ этого же времени началъ показываться кровавый потъ на бедрахъ, на груди, на краю нижнихъ вѣкъ и на лицѣ. Потъ этотъ появлялся всегда вслѣдъ за какимъ-нибудь сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ и сопровождался полной потерей движенія и чувствительности».

Конечно, переходъ отъ всѣхъ этихъ примѣровъ къ стигматамъ Луизы Лато представляетъ еще трудности, такъ какъ интересно появленіе кровоизліяній на тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ были раны у Христа. Но мы уже видѣли, какъ у матери опухли тѣ именно пальцы, которые были отдавлены у ея ребенка. Затѣмъ надо припомнить тѣ многочисленные случаи, когда, напримѣръ, у человѣка отдѣляется сравнительно большее количество слюны только при мысли о чемъ-нибудь очень кисломъ, или когда его тошнитъ при представленіи о какомъ-нибудь отвратительномъ кушаньи или лекарствѣ, или—когда представленіе холода вызываетъ такъ называемую гусиную кожу и т. п. Вотъ какъ объясняются подобныя явленія: «Когда мы беремъ въ ротъ кислый плодъ, то впечатлѣніе посылается путемъ вкусовыхъ нервовъ къ извѣстной части головнаго мозга; послѣдняя передаетъ нервную силу сосудо-двигательному центру, который, вслѣдствіе этого, заставляетъ мышечныя оболочки мелкихъ артерій, пронизывающихъ слюнныя железы, разслабляться. Отсюда къ этимъ железамъ притекаетъ больше крови и онѣ отдѣляютъ большее количество слюны. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что когда мы думаемъ о какомъ-нибудь ощущеніи, то та самая часть чувствительныхъ нервныхъ центровъ, или близко связанная съ нею, приводится въ дѣятельное состояніе, точно такимъ же образомъ, какъ въ случаѣ дѣйствительнаго впечатлѣнія. А если такъ, то тѣ же самыя клѣтки мозга должны возбуждаться, хотя быть можетъ и въ меньшей степени, когда мы живо представляемъ себѣ кислый вкусъ и дѣйствительно чувствуемъ

его; въ томъ, какъ и въ другомъ случаѣ, клѣтки эти будутъ передавать нервную силу сосудо-двигательному центру съ одинаковыми результатами». (Дарвинъ. «О выраженіи ощущеній»). Какія глубокія измѣненія въ организмѣ можетъ производить это уподобленіе дѣйствительности, видно изъ слѣдующаго факта, сообщаемаго Лейкокомъ: 48-ми-лѣтняя женщина, у которой уже 8 лѣтъ не бывало мѣсячныхъ, присутствовала при крайне трудныхъ родахъ своей дочери; подъ вліяніемъ сильнаго волненія, у нея появились рѣзкія боли въ животѣ, вслѣдъ за которыми показалось кровянистое выдѣленіе изъ влагалища, а три дня спустя, въ грудяхъ ея оказалось молоко (приведена у Манассеина). Мнѣ лично извѣстенъ слѣдующій случай. Женщина чрезвычайно безпокойнаго и раздражительнаго нрава, но очень любившая животныхъ, ходила за коровами. Однажды, когда ея любимица должна была телиться, эта женщина провела въ величайшемъ волненіи ночь, а на утро въ грудяхъ у нея появилось молоко.

Здѣсь мы имѣемъ случаи, уже вплотную приближающіеся къ стигматизаціи и въ своемъ родѣ нисколько не менѣе поразительные. И тамъ, и тутъ мы видимъ необычайную силу безсознательнаго подражанія. Луиза Лато, вся проникнутая идеей страданій Христа, постоянно мысленно присутствующая на Голгоѳѣ, такъ внѣдряетъ въ себя образъ Христа, что до извѣстной степени повторяетъ его своею личностью, воспроизводя язвы гвоздиныя и ребро, копіемъ прободенное. Мать, трепещущая отъ страха за исходъ родовъ своей дочери, такъ проникается впечатлѣніемъ родовъ, что до извѣстной степени повторяетъ ихъ, тоже самое и съ коровницей, переполненной тревогою по случаю разрѣшенія коровы отъ бремени. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, представленіе, почему-либо обратившее на себя усиленное вниманіе субъекта, вызываетъ, помимо его воли, къ дѣятельности какъ разъ соотвѣтствующія этому представленію части его чувствительно-двигательнаго механизма. И въ результатѣ получается болѣе или менѣе точная копія предмета или душевнаго состоянія, сосредоточившаго на себѣ вниманіе субъекта.

Если читатель потрудится собрать въ одну картину совокуп-

ность приведенныхъ фактовъ (число которыхъ я намѣренно сократилъ), то онъ признаетъ, безъ сомнѣнія, что, поддерживая и пополняя другъ друга, они вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на истинныя причины мимичности. Нѣтъ, очевидно, ни надобности, ни даже возможности изолировать собранные дарвинистами факты и объяснять ихъ исключительно дѣйствіемъ медленнаго подбора и переживанія особей, одаренныхъ «покровительственной окраской». Какъ только мы вводимъ въ кругъ нашего изслѣдованія факты изъ другихъ областей опыта и наблюденія, такъ является новый лучъ свѣта, освѣщающій и мимичность съ неожиданной стороны. Уже опыты Пуше показываютъ, что не медленный подборъ, а характеръ зрительныхъ впечатлѣній опредѣляетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приспособленіе цвѣта животнаго къ цвѣту его обстановки и убѣжища. Идя далѣе, мы наталкиваемся на такіе примѣры безсознательнаго подражанія, которые уже никакимъ образомъ не могутъ быть объяснены естественнымъ подборомъ. И для насъ становится, наконецъ, яснымъ, что лепталисы, воспроизводя всѣ подробности формы, цвѣта, пятнышекъ и проч. геликонидъ, повинуются тому же закону, который воспроизводитъ раны на рукахъ, ступняхъ и на лѣвомъ боку Луизы Лато. Безъ сомнѣнія, разъ подражательная форма установилась, она можетъ быть подхвачена естественнымъ подборомъ въ качествѣ «покровительствуемой», но происхожденіе ея объяснимо только тѣми зрительными впечатлѣніями, которыя рефлективно отражаются на цвѣтѣ и формѣ подражающаго организма. Съ этой точки зрѣнія, заяцъ, песецъ, горностай, бѣлая куропатка мѣняютъ свои цвѣта на зиму не только потому, что когда-то ихъ предки получили эту особенность. Предки ихъ дѣйствительно ее получили, но не случайно получили, а благодаря вліянію необозримой снѣжной пустыни на глазъ, и, кромѣ наслѣдственной передачи, эта способность къ переодѣванію получаетъ новый импульсъ каждую зиму.

Съ этой же точки зрѣнія должны, очевидно, получить свое объясненіе и всѣ явленія коллективнаго увлеченія и нравственныхъ эпидемій.

Задача изящнаго искусства состоитъ, между прочимъ, въ томъ воздѣйствіи на воображеніе зрителя, читателя, слушателя, чтобы онъ до извѣстной степени лично пережилъ изображаемое положеніе или психическій моментъ. Великому художнику это удается, а великому оратору или проповѣднику изъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ главнымъ образомъ на чувство, а не на разумъ, удается нѣчто большее. Ему удается воочію видѣть, что сотни, тысячи слушателей заражаются его личнымъ настроеніемъ или же относятся къ его образамъ и картинамъ, какъ къ чему-то живому, здѣсь, сію минуту присутствующему съ плотью и кровью. Одинъ примѣръ изъ тысячи. Знаменитый методистскій проповѣдникъ Витфильдъ часто плакалъ среди своихъ рѣчей, и тысячи, иногда десятки тысячъ слушателей, проливали, глядя на него, слезы. Гаррикъ увѣрялъ, что Витфильдъ можетъ произнести слово «Месопотамія» съ такимъ выраженіемъ, что вся аудиторія зарыдаетъ. Однажды въ Америкѣ, проповѣдуя передъ матросами, Витфильдъ употребилъ такой ораторскій пріемъ: «Дѣти говорилъ онъ, по обыкновенію, съ одушевленіемъ и сильной жестикуляціей:—дѣти! мы вышли въ море при легкомъ вѣтрѣ, и вотъ уже потеряли берегъ изъ виду. Но что же значитъ это внезапное помраченіе неба, эти темныя облака, тамъ, на западѣ? Постойте! Слышите вы громъ вдали? видите блистающую молнію? Гроза! Всѣ на мѣста! Волны поднимаются, бьютъ о бортъ корабля! Кругомъ тьма! Буря! Наши мачты сломаны, корабль повалило на бокъ! Что дѣлать?»—«Лодку, лодку! спускайте лодку!» закричали въ отвѣтъ взволнованные слушатели (См. Lecky, Entstehungsgeschichte und Charakteristik des Methodismus. Leipz. 1880). Какъ видитъ читатель, картина бури, нарисованная Витфильдомъ, довольно скудна; но тѣмъ сильнѣе, значитъ, была имъ передана субъективная сторона драмы—ужасъ положенія, если даже матросы, видавшіе настоящія бури, такъ живо представили себѣ картину кораблекрушенія и такъ полно заразились чувствомъ опасности. Матросы непроизвольно подражали проповѣднику, который, въ свою очередь, вдохновленный нарисованной имъ самимъ картиной, подражалъ человѣку, охваченному ужасомъ ко-

раблекрушенія. Этотъ двойной процессъ мимовольнаго подражанія съ одной стороны, по необычайной напряженности работы воображенія, схожъ съ процессами образованія стигматъ и вообще отраженія воображенія на физикѣ человѣка. Какъ при одномъ представленіи о чемъ-нибудь кисломъ у насъ замѣчается иногда усиленное отдѣленіе слюны, такъ и взбудораженные Витфильдомъ матросы при одномъ представленіи кораблекрушенія почувствовали волненіе, выразившееся, разумѣется, и соотвѣтственными физическими симптомами: усиленнымъ сердцебіеніемъ и т. п. Съ другой стороны, весь приведенный случай есть лишь одинъ изъ обращиковъ нравственной заразы: разъ наиболѣе воспріимчивые или вообще наиболѣе подходящіе настроенные матросы почувствовали волненіе и выразили его на своихъ лицахъ и въ своихъ позахъ, остальные получили уже удвоенный, утроенный, удесятеренный импульсъ къ подражанію.

Очень наглядно формулируетъ этотъ процессъ заразы Эспинасъ (Des sociétés animales. Etude de psychologie comparée. P. 1880, 2-e êd.). Говоря объ осахъ, онъ задается вопросомъ, какимъ образомъ сторожевыя осы сообщаютъ своимъ товарищамъ объ угрожающей опасности. А этотъ вопросъ ведетъ его къ вопросу, болѣе общему: какимъ образомъ напримѣръ, гнѣвъ передается отъ одного индивида къ другому? Единственно путемъ зрительнаго впечатлѣнія, отвѣчаетъ Эспинасъ, путемъ созерцанія разгнѣваннаго субъекта. Взволнованная оса особеннымъ образомъ жужжитъ и вообще чрезвычайно энергически выражаетъ состояніе своего сознанія. Другія осы слышатъ этотъ характерный шумъ, при представленіи котораго въ нихъ начинаютъ возбуждаться тѣ именно части нервной системы, которыя въ нихъ обыкновенно возбуждаются, когда онѣ сами точно также жужжатъ. Мы уже видѣли выше, что представленіе извѣстнаго акта вызываетъ начало его исполненія. Такъ, собака, передъ которой держатъ кусокъ мяса, облизываетъ себѣ губы и отдѣляетъ слюну, какъ будто мясо у нея уже во рту. Такъ, ребенокъ или дикарь, разсказывая какое-нибудь происшествіе, непремѣнно представляютъ его въ лицахъ или, что то же, непроизвольно подражаютъ

дѣйствующимъ лицамъ своего разсказа. Извѣстный образъ непремѣнно вызываетъ въ насъ соотвѣтственныя движенія, задержать которыя можетъ только велѣніе центральнаго органа. Чѣмъ слабѣе централизація мысли, тѣмъ легче совершаются подобныя движенія. Наши осы видятъ, что ихъ товарка влетаетъ въ гнѣздо, вылетаетъ, жужжитъ, словомъ—выражаетъ гнѣвъ и безпокойство, и сами начинаютъ вылетать и безпокоиться. И это не поддѣлка, а настоящій гнѣвъ. Энергическое внѣшнее выраженіе какого-нибудь чувства до извѣстной степени вызываетъ это самое чувство. Такъ, актеръ, увлекаясь своими словами и жестами, переживаетъ и соотвѣтственное состояніе сознанія. Такъ, человѣкъ, фехтующій для забавы, испытываетъ, однако, нѣчто подобное настоящему ощущенію борьбы. Такъ обезьяны, кошки, собаки, начиная играть и подражая при этомъ дракѣ, кончаютъ настоящей дракой. Такъ и осы. Механика, слѣдовательно, всего процесса слѣдующая: впечатлѣніе особеннымъ образомъ жужжащей и безпокойно движущейся осы возбуждаетъ къ дѣятельности тѣ нервные центры въ осахъ-зрительницахъ, которые въ нихъ возбуждаются, когда онѣ сами точно такъ же безпокоятся; а внѣшнее выраженіе гнѣва вызываетъ въ концѣ концовъ настоящій гнѣвъ, который и овладѣваетъ моментально всѣмъ сборищемъ.

Гнѣвъ этотъ будетъ; кромѣ того, расти пропорціонально числу осъ. Представимъ себѣ собраніе, положимъ въ 300 человѣкъ, передъ которымъ говоритъ ораторъ. Допустимъ далѣе, что волненіе, ощущаемое ораторомъ, можетъ быть выражено цифрою 10, и что при первыхъ взрывахъ своего краснорѣчія онъ сообщаетъ каждому изъ трехсотъ слушателей, по крайней мѣрѣ, половину этого своего волненія. Каждый изъ слушателей выразитъ это рукоплесканіями или усиленнымъ вниманіемъ: въ позѣ, въ выраженіи лица каждаго будетъ нѣчто напряженное. И каждый будетъ, слѣдовательно, видѣть не только взволнованнаго оратора, а и еще множество напряженно внимательныхъ или взволнованныхъ своихъ товарищей по аудиторіи. Это зрѣлище будетъ въ свою очередь усиливать, что называется въ парламентахъ «движеніемъ» (sensation). Положимъ, что каждый изъ слушателей

получаетъ только половину этого всеобщаго возбужденія. Тогда его волненіе выразится не цифрою 5, а цифрою 750 ($2^1/_2$ помноженное на 300). Что же касается самого оратора, этого центра, къ которому со всѣхъ сторонъ возвращается потокъ возбужденнаго имъ волненія съ преувеличенною силою, то онъ можетъ быть даже совершенно подавленъ этимъ потокомъ, какъ оно часто и бываетъ съ неопытными, неприспособившимися ораторами. Понятно, что въ дѣйствительности лавинообразный ростъ волненія не можетъ быть такъ быстръ, потому что не каждый же изъ трехсотъ слушатей видитъ съ своего мѣста 299 взволнованныхъ товарищей. Но общій законъ процесса все-таки именно таковъ.

Такимъ образомъ, въ явленіяхъ стигматизаціи и въ другихъ поразительныхъ случаяхъ вліянія воображенія на растительную и животную жизнь, мы нашли переходную ступень между мимичностью съ одной стороны и проявленіями подражательности въ мелкихъ житейскихъ дѣлахъ и въ записанныхъ исторіей и психіатріей нравственныхъ эпидеміяхъ—съ другой. Примѣръ же оратора, увлекающаго слушателей даже до совершеннаго забвенія дѣйствительности, представляетъ переходъ отъ случаевъ одиночнаго подражанія Христу, казненному, палачу, роженицѣ и т. д. къ массовымъ движеніямъ и до извѣстной степени уясняетъ самый процессъ заразы. Если читатель посѣтуетъ на меня за нѣкоторую безпорядочность изложенія, то я укажу въ свое извиненіе на чрезвычайное разнообразіе матеріала, относящагося къ предмету предлагаемой статьи. Передъ нами точно калейдоскопъ, который, какъ его ни поворачивай, даетъ очень разнообразныя, но всегда правильныя и одноцентренныя звѣздообразныя фигуры. Какъ ни разнообразны вышеприведенные факты, набранные и изъ житейскаго опыта и изъ разныхъ областей научнаго знанія, а каждая ихъ группа имѣетъ все-таки одинъ и тотъ же центръ—безсознательное или мимовольное подражаніе. И если читатель, какъ я надѣюсь, убѣдился въ чрезвычайной силѣ и распространенности этого психическаго двигателя, то намъ остается только разрѣшить вопросъ объ условіяхъ, при кото-

рыхъ склонность къ подражанію присутствуетъ и отсутствуетъ, появляется и исчезаетъ, выражается съ большею и меньшею силою; при какихъ, слѣдовательно, условіяхъ складывается то, что мы условились называть «толпой»— податливая масса, готовая идти за «героемъ» куда бы то ни было и томительно и напряженно переминающаяся съ ноги на ногу въ ожиданіи его появленія.

VI.

Изъ какихъ людей составляется «толпа»? Въ чемъ заключается секретъ ихъ непреодолимаго стремленія къ подражанію? Нравственныя ли ихъ качества опредѣляютъ это стремленіе, или умственныя, или какія другія особенности?

Если мы обратимся съ этими вопросами къ людямъ, спеціально трактовавшимъ о предметѣ, то получимъ въ отвѣтъ необычайную разноголосицу и цѣлый рядъ противорѣчій.

Адамъ Смитъ, если не ошибаюсь, первый обратилъ достаточное вниманіе на явленія подражанія и положилъ ихъ даже во главу угла своей «Теоріи нравственныхъ чувствъ». Онъ начинаетъ съ самыхъ элементарныхъ фактовъ, а впрочемъ, ими же и оканчиваетъ. «Источникъ нашей чувствительности къ страданіямъ постороннихъ людей, говоритъ онъ: — лежитъ въ нашей способности переноситься воображеніемъ на ихъ мѣсто, въ способности, которая доставляетъ намъ возможность представлять себѣ то, что они чувствуютъ, и испытывать тѣ же ощущенія. Когда мы видимъ направленный противъ кого-нибудь ударъ, готовый поразить его руку или ногу, мы естественно отдергиваемъ руку или ногу; а когда ударъ нанесенъ, то мы въ нѣкоторомъ родѣ ощущаемъ его и получаемъ это ощущеніе одновременно съ тѣмъ, кто дѣйствительно получилъ его. Когда простой народъ смотритъ на канатнаго плясуна, то поворачиваетъ и наклоняетъ свое тѣло изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ плясуномъ, какъ бы чувствуя, что онъ долженъ бы

былъ поступать такимъ образомъ, если бы былъ вмѣсто него на канатѣ. Люди слабаго сложенія и съ впечатлительными нервами, при взглядѣ на раны, выставляемыя нѣкоторыми нищими на улицѣ, жалуются, что испытываютъ болѣзненное ощущеніе въ части своего тѣла, соотвѣтствующей пораженной части этихъ несчастныхъ. Самые крѣпкіе люди замѣтили, что они ощущаютъ весьма чувствительную боль въ глазахъ при взглядѣ на глаза, пораженныя страданіемъ... Въ душѣ нашей возбуждается сочувствіе не одними только обстоятельствами, вызывающими страданіе или тягостное ощущеніе. Какое бы впечатлѣніе ни испытывалъ человѣкъ въ извѣстномъ положеніи, внимательный свидѣтель, при взглядѣ на него, будетъ возбужденъ сходнымъ съ нимъ образомъ... Симпатія пробуждается иногда непосредственно при одномъ только взглядѣ на ощущенія другихъ людей. Нерѣдко страсти передаются, повидимому, мгновенно отъ одного человѣка къ другому, безъ всякаго предварительнаго сознанія о томъ, что вызвало ихъ въ взволнованномъ человѣкѣ. Напримѣръ, достаточно бываетъ выразительнаго проявленія во взглядѣ и во внѣшнемъ видѣ человѣка печали или радости, чтобы возбудить въ насъ тягостное или пріятное ощущеніе. Смѣющееся лицо вызываетъ въ насъ веселое душевное состояніе; напротивъ того, угрюмое и грустное лицо рождаетъ въ насъ печальное и задумчивое настроеніе» («Теорія нравственныхъ чувствъ», Спб. 1868, стр. 17 и слѣд.).

Понятны выводы, которые могъ сдѣлать Смитъ изъ такой постановки вопроса, въ виду его основной мысли о симпатіи или сочувствіи, какъ источникѣ нашей нравственности. Очевидно, что съ этой точки зрѣнія люди, наиболѣе склонные къ подражанію, наиболѣе «чувствительные», суть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе нравственные. Не менѣе очевидна, однако, невѣрность такого положенія. Смитъ очень старается показать, что, напримѣръ, месть (*если она не исходитъ отъ человѣка, дѣйствительно обиженнаго*) не можетъ вызвать сочувствія и что ея внѣшнее проявленіе имѣетъ для насъ непремѣнно отталкивающій характеръ. «Природа, говоритъ онъ:—какъ будто научаетъ насъ бѣжать отъ этой опас-

ной страсти и возбуждаетъ насъ противъ нея». Увы! Природа насъ въ этомъ отношеніи ничѣму не научаетъ. Мы уже знаемъ, что крайне жестокіе и безчеловѣчные поступки обладаютъ иногда высокою степенью заразительности; что, напримѣръ, видъ смертной казни вызываетъ столь же непреодолимое стремленіе подражать палачу, какъ непреодолимо стремленіе слѣдить тѣлодвиженіями за канатнымъ плясуномъ, продѣлывающимъ опасныя штуки. Кромѣ того, почти всякое преступленіе, обратившее на себя усиленное вниманіе общества чудовищностью своихъ подробностей или самою своею сущностью, вызываетъ нерѣдко цѣлый рядъ подражателей. Такъ, напримѣръ, цитируемый Иламомъ Макэ говоритъ о процессѣ знаменитой Бренвилье: «Бренвилье служила темою всѣхъ разговоровъ. Всѣ подробности ея преступленія были опубликованы и читались съ жадностью; такимъ образомъ идея тайного отравленія впервые запала въ головы тѣхъ сотенъ людей, которые впослѣдствіи сдѣлались виновными въ этомъ преступленіи. Съ этого времени и до 1682 года тюрьмы Франціи были переполнены заключенными, обвинявшимися въ отравленіи. Преступники были окончательно открыты и многіе изъ нихъ сожжены или повѣшены въ 1679 году; но послѣ этого эпидемія продолжала существовать еще два года и прекратилась не прежде, какъ уже болѣе сотни людей погибло на кострахъ и на висѣлицахъ». Да и въ новѣйшее время, напримѣръ, Тропманъ имѣлъ нѣсколькихъ подражателей, причемъ подробности ихъ преступленій свидѣтельствовали, что это дѣйствительно копіи, а не оригиналы. Французскіе психіатры давно уже обратили вниманіе на эту заразительность преступленій, надѣлавшихъ много шуму, и настоятельно требовали обузданія той части ежедневной прессы, которая безстыдно эксплуатируетъ подобные случаи и играетъ на звѣрскихъ инстинктахъ.

И такъ Смитъ, желая опредѣлить склонность къ подражанію и нравственную заразительность исключительно, такъ сказать, благожелательнымъ направленіемъ, впалъ въ ошибку. Отчасти онъ даже намѣренно закрылъ глаза на множество общеизвѣстныхъ фактовъ, въ которыхъ зараза толкаетъ людей или къ поступкамъ

нравственно безразличнымъ, или же подлежащимъ осужденію съ точки зрѣнія какой бы то ни было системы морали. Всѣ эти безразличные или же прямо безнравственные поступки просто даже необъяснимы съ точки зрѣнія Смита, если разумѣть подъ симпатіей или сочувствіемъ самостоятельное нравственное начало, противоположное эгоизму. При чемъ въ самомъ дѣлѣ симпатія, сочувствіе, способность переживать чужую жизнь въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда цѣлый женскій монастырь начинаетъ кусаться или мяукать по кошачьи? При чемъ этотъ нравственный элементъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ или нѣсколько человѣкъ одолѣваются слѣпымъ тяготѣніемъ, единственно подъ вліяніемъ примѣра, къ поступкамъ жестокимъ или подлымъ? Можетъ даже показаться, что передъ нами находится дилемма: или подражательность не имѣетъ ничего общаго съ симпатіей, или симпатія не можетъ служить основаніемъ для теоріи нравственныхъ чувствъ. Намъ, впрочемъ, здѣсь нѣтъ дѣла до системъ морали, а потому мы можемъ ограничиться простымъ замѣчаніемъ, что различіе между симпатіей и подражательностью не такъ ужъ рѣзко. Справедливо говоритъ Бэнъ: «По своимъ тенденціямъ и результатамъ, симпатія и подражаніе различны, но въ своихъ основаніяхъ они имѣютъ много общаго». («Психологія», Спб. 1881, стр. 277). Ошибка Адама Смита состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ не усмотрѣлъ или недостаточно подчеркнулъ существенный рубежъ между подражательностью и симпатіей: элементы *воли* и *сознанія*, которые необходимо должны быть на лицо въ основаніи системы морали и столь же необходимо болѣе или менѣе подавлены въ явленіяхъ подражательности и нравственной заразы. Быть можетъ, даже вся задача изслѣдованія явленій подражательности состоитъ въ опредѣленіи условій, способствующихъ или противодѣйствующихъ тому спеціальному виду подавленія сознанія и воли, который въ нихъ выражается.

Бѣглую ошибку Адама Смита, сдѣланную имъ, такъ сказать, мимоходомъ, отчасти повторилъ Гербертъ Спенсеръ въ четвертомъ томѣ «Основаній психологіи» (глава «Общественность и симпатія»). Но повторилъ пространно и обстоятельно.

Поговоривъ о томъ, какъ вырабатывается въ стадномъ животномъ удовольствіе отъ *присутствія* другихъ, ему подобныхъ животныхъ, Спенсеръ переходитъ къ душевнымъ состояніямъ, производимымъ въ немъ *дѣйствіями* другихъ, подобныхъ ему животныхъ. Члены стада, испуганные отдаленнымъ движущимся предметомъ или какими-нибудь звуками, производятъ также движенія и звуки, сопровождающіе испугъ. Каждый видитъ и слышитъ, что эти движенія и звуки производятся остальными товарищами въ то самое время, какъ и онъ производитъ ихъ, и въ то самое время, какъ въ немъ присутствуетъ чувство, побуждающее его къ этимъ движеніямъ и звукамъ. Частое повтореніе неизбѣжно установляетъ прочную ассоціацію между сознаніемъ страха и сознаніемъ наружныхъ знаковъ этого страха у другихъ. Испуганные члены стада, будучи видимы и слышимы остальными, возбуждаютъ въ этихъ остальныхъ то чувство, которое они сами обнаруживаютъ, послѣ чего остальные, побуждаемые чувствомъ, возбужденнымъ въ нихъ этимъ симпатическимъ путемъ, начинаютъ производить такія же движенія и звуки. Затѣмъ эта привычка унаслѣдуется въ ряду поколѣній и поддерживается, кромѣ того, процессомъ выживанія приспособленнѣйшихъ, потому что индивиды, наиболѣе усвоившіе себѣ эту привычку, наичаще избѣгаютъ различныхъ опасностей.

Подъ конецъ, одинъ крикъ тревоги, свойственный данному виду, будетъ вызывать во всемъ стадѣ чувство страха. Въ этомъ лежитъ происхожденіе той паники, которая такъ часто и въ такихъ рѣзкихъ чертахъ наблюдается у стадныхъ животныхъ. Напримѣръ, стадо овецъ долго стоитъ неподвижно и глупо глазѣетъ на приближающуюся фигуру; но едва одна овца побѣжала, какъ и всѣ остальныя пускаются въ бѣгство. При этомъ каждая изъ нихъ продѣлываетъ тоже самое движеніе и на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ предъидущая, хотя бы въ этомъ не было ни малѣйшей надобности; такъ напримѣръ, подражая первой овцѣ, прыгнувшей на извѣстномъ мѣстѣ, каждая слѣдующая овца прыгаетъ на этомъ мѣстѣ, хотя бы тутъ не было ничего, черезъ что нужно перепрыгивать.

Кромѣ симпатическаго страха, продолжаетъ Спенсеръ, существуютъ и другіе роды симпатическихъ чувствованій, устанавливающихся подобнымъ же образомъ. Радостное возбужденіе точно также быстро передается отъ одного индивида къ другому въ табунѣ лошадей, стаѣ охотничьихъ собакъ и проч. Собаки, вслѣдствіе старинной дружбы и постояннаго общенія съ человѣкомъ, способны возбуждаться симпатическими обнаруженіями и человѣческаго чувства. Такъ, слыша пѣніе, собаки иногда подвываютъ, а иной разъ даже слѣдуютъ за голосомъ по ступенямъ выполняемой гаммы. Нѣкоторыя собаки симпатически возбуждаются даже молчаливыми проявленіями страданія или удовольствія своего хозяина: улыбка хозяина отражается въ нихъ радостью, унынie—унынiемъ. «Этотъ фактъ приводитъ насъ самымъ естественнымъ образомъ къ той истинѣ, что степень и ширина сочувствія или симпатіи зависятъ отъ ясности и обширности воспроизводительности мысли. Симпатическое чувствованіе есть такое чувствованіе, которое не возбуждается непосредственно естественною причиною такого чувствованія, но возбуждается посредственно, вслѣдствіе представленія внѣшнимъ чувствамъ нѣкоторыхъ знаковъ или обнаруженій, которые обыкновенно ассоціированы съ такимъ чувствованіемъ. Слѣдовательно, симпатическое чувствованіе предполагаетъ способность воспринимать и комбинировать эти знаки, также какъ и способность воспроизводить въ умѣ подразумѣваемыя ими вещи, внѣшнія или внутреннія, или и тѣ и другія заразъ. Такъ что сочувствіе или симпатія можетъ существовать только въ степени, пропорціональной силѣ умственнаго воспроизведенія... Расширеніе умственныхъ способностей есть одно изъ условій, хотя далеко не единственное условіе, расширенія области сочувствія».

Этимъ своимъ выводомъ Спенсеръ очень дорожитъ и неоднократно къ нему возвращается, перифразируя его и иллюстрируя примѣрами. Жестокость представляется ему результатомъ недостатка умственныхъ способностей, которыя не могутъ представить жестокому человѣку съ достаточною ясностью тѣ страданія, которыя онъ наноситъ. Наоборотъ, заразительность зѣвоты есть

для Спенсера наглядный образчикъ проявленія значительныхъ умственныхъ силъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда мы зѣваемъ не только при видѣ зѣвающаго, а при одной мысли о зѣвотѣ.

И такъ, если по Адаму Смиту выходитъ, что люди, склонные къ нравственной заразѣ, суть наиболѣе «чувствительные» и наиболѣе нравственные люди, то, по Спенсеру, это люди съ сравнительно высокими умственными способностями. Между тѣмъ, вотъ нѣсколько почти на удачу взятыхъ мнѣній спеціалистовъ объ томъ же предметѣ:

«Наблюденіе показываетъ, что сила подражанія бываетъ сильнѣе выражена тамъ, гдѣ сѣрое корковое вещество мозга менѣе развито, или въ томъ случаѣ, когда человѣкъ такъ воспитанъ, что его систематически пріучили смотрѣть съ одинаковымъ вниманіемъ на измышленныя и дѣйствительныя явленія и придавать имъ равносильное значеніе. Понятно, что такіе умственные процессы возможны лишь при отсутствіи всесторонней критики, немыслимой безъ дѣятельнаго участія коркового мозгового вещества, Если оно пріучено не вовлекаться въ раздраженія, поступающія извнѣ, то очевидно, что послѣдними должны обусловливаться рефлексы изъ центровъ ощущенія, а не изъ центровъ представленія. Этимъ объясняется множество общественныхъ явленій, какъ напримѣръ мода, эпидемическое распространеніе тѣхъ или другихъ странныхъ воззрѣній, дѣйствій, религіозно-фанатическихъ движеній, сопряженныхъ съ разнаго рода странными тѣлодвиженіями, оргіями, неистовствами, лишеніями, самобичеваніями, самоизувѣченіями и даже самоуничтоженіемъ» (Пеликанъ. «Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества», стр. 82).

Цитируемый тутъ же Пеликаномъ профессоръ Балинскій говоритъ: «Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, какъ легко въ заведеніяхъ воспринимаются слабоумными отрывочныя, нелѣпыя идеи, высказываемыя другими больными, какъ легко и съ какою механическою необходимостью повторяются ими чужія дѣйствія, безъ всякаго пониманія цѣли и значенія этихъ дѣйствій».

Г. Кандинскій пишетъ:

«Инстинктивною подражательностью отличаются нѣкоторыя животныя, напримѣръ, обезьяны; въ весьма высокой степени мы иногда видимъ ее у дѣтей, а также у идіотовъ и у нѣкоторыхъ слабоумныхъ... Вообще можно сказать, что наклонность къ инстинктивной имитаціи уменьшается съ развитіемъ ума... Чувственное впечатлѣніе, воспринимаясь *высшими* мозговыми центрами, пробуждаетъ въ послѣднихъ дѣятельность представленія, мысли. Такимъ образомъ, отвѣтомъ на чувственное впечатлѣніе можетъ быть нетолько двигательная, но и мыслительная реакція. У взрослаго человѣка, при видѣ извѣстнаго жеста другого лица, кромѣ безсознательнаго побужденія воспроизвести этотъ жестъ, рождается въ мозгу извѣстное представленіе, вызывающее въ свою очередь другое представленіе и т. д., то есть результатомъ будетъ не воспроизведеніе видѣннаго жеста, а мысль или чувство (напримѣръ, чувство смѣшного). У обезьяны же тоже самое зрительное впечатлѣніе, вмѣсто мыслительной реакціи, обусловитъ реакцію двигательную и видѣнный жестъ будетъ автоматически повторенъ. Точно тоже бываетъ и у человѣка, если онъ въ умственномъ отношеніи немного отличается отъ обезьяны, то есть когда онъ рожденъ идіотомъ или когда онъ сдѣлался слабоумнымъ. Напримѣръ, Паршапинъ сообщаетъ весьма любопытное наблюденіе относительно двухъ слабоумныхъ больныхъ, сосѣдей по кроватямъ: одинъ изъ нихъ служилъ какъ бы зеркаломъ другому и съ неизмѣнною правильностью и поразительною полнотою повторялъ каждый жестъ, каждое движеніе и дѣйствіе послѣдняго. («Общепонятные психологическіе этюды», страница 179).

Мы можемъ, пожалуй, удовольствоваться этими выписками, достаточно, кажется, выразительными въ смыслѣ рѣшительной противоположности ихъ содержанія вышеприведенному выводу Спенсера. Мы можемъ, впрочемъ, сослаться и на самого Спенсера, утверждающаго въ другомъ мѣстѣ (вполнѣ согласно съ самыми основаніями своего міроразумѣнія), что «мѣриломъ, какъ интеллектуальнаго развитія, такъ и развитія чувствъ, можетъ служить разстояніе, которое отдѣляетъ ихъ проявленіе отъ первичнаго отраженнаго движенія». Въ приложеніи къ нашему вопросу это, между прочимъ, именно и значитъ, что быстрая отзывчивость на внѣшнія впечатлѣнія отнюдь еще не свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ умственныхъ силъ. Если обезглавленная лягушка тщательно стираетъ правой лапкой кислоту, которою вы намазали ея лѣвую лапку, то вѣдь изъ этого не слѣдуетъ,

что обезглавленная лягушка владѣетъ умственными способностями. И вообще двигательная реакція на внѣшнія впечатлѣнія, въ чемъ бы она ни состояла, сама по себѣ ровно ничего не говоритъ объ умственныхъ силахъ. Она можетъ выражать усиленную дѣятельность вершинъ душевной жизни, сознанія и воли, но можетъ быть и простымъ рефлексомъ, то есть прямымъ переходомъ ощущенія во внѣшнее движеніе, минуя высшія инстанціи психическаго аппарата. Въ первомъ случаѣ, движеніе степенью своей цѣлесообразности, умѣстности дѣйствительно выразитъ уровень умственныхъ силъ; во второмъ случаѣ, движеніе, какъ бы оно ни было отчетливо, ровно ничего не значитъ въ смыслѣ опредѣленія обширности или глубины умственныхъ способностей. Къ какому же изъ этихъ двухъ типовъ двигательной реакціи на внѣшнія впечатлѣнія должны быть причислены движенія подражательныя; тѣ многочисленныя и многоразличныя движенія, которыя насъ выше занимали и которыя самъ Спенсеръ имѣетъ въ виду, говоря о симпатической зѣвотѣ, о томъ «сочувствіи, вслѣдствіе котораго у нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ является нервный припадокъ отъ зрѣлища такого же припадка у другого» и т. п.?

Отвѣтить на этотъ вопросъ было бы, разумѣется, нетрудно, если бы Спенсеръ не ставилъ рядомъ съ симпатической зѣвотой и т. п. такихъ видовъ сочувствія или симпатіи, какъ, напримѣръ, проникновеніе страданіями ближняго до невозможности совершить жестокій поступокъ. Почти на любомъ случаѣ массоваго увлеченія и одиночной подражательности можно убѣдиться, до какой степени это смѣшеніе или сопоставленіе неосновательно, что, впрочемъ, мы уже видѣли, говоря о теоріи Адама Смита. Если бы толпа, убившая Верещагина, руководилась проникновеніемъ страданіями ближняго, то она спасла бы жертву, но она ее покончила, потому что была охвачена волной подражанія, столь же неудержимаго, какъ неудержима зѣвота при видѣ зѣвающаго. Мы знаемъ, правда, что проникновеніе страданіями Христа не разъ вызывало подражаніе, доходившее до воспроизведенія крестныхъ ранъ; знаемъ, что сочувствіе къ стра-

даніямъ роженицы можетъ вызвать появленіе молока въ грудяхъ посторонней зрительницы и тому подобные симптомы подражательности. Но мы знаемъ также безчисленные случаи, въ которыхъ сочувствіе, какъ самостоятельное нравственное начало стоитъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ наклонностью къ подражанію. И не трудно видѣть, что Спенсеръ просто повторилъ ошибку Адама Смита, недостаточно подчеркнувъ роль воли и сознанія, отсутствующихъ или, по крайней мѣрѣ, значительно подавленныхъ въ нравственной заразѣ.

Но подавленность сознанія и воли вовсе не необходимо выражается нравственной заразой и склонностью къ подражанію. Есть различныя психическія разстройства, въ которыхъ эта подавленность выражается совсѣмъ иначе. Психически больной можетъ быть совершенно оригиналенъ и, какъ говорится, ни на что не похожъ. Подражательность, даже въ наивысшихъ своихъ болѣзненныхъ формахъ, есть лишь спеціальный случай омраченія сознанія и слабости воли, обусловленный какими-то спеціальными обстоятельствами. Очевидно, что въ этихъ спеціальныхъ обстоятельствахъ долженъ находиться ключъ къ уразумѣнію всѣхъ разнообразныхъ явленій, бѣглый обзоръ которыхъ сдѣланъ выше. Найдя этотъ ключъ, мы откроемъ себѣ далекія перспективы въ глубь исторіи и въ область практической жизни, ибо узнаемъ какъ, когда и почему толпа шла и идетъ за героями.

Но какъ же найти этотъ драгоцѣнный ключъ? Весьма мало надежды розыскать его при помощи прямаго анализа условій, среди которыхъ совершилось то или другое массовое движеніе съ рѣшительно подражательнымъ характеромъ или случай столь же рѣзко выраженнаго одиночнаго подражанія. Можно, правда, найти этимъ путемъ нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія, что̀ отчасти и сдѣлано историками, психологами и психіатрами. Но всѣ подобныя указанія имѣютъ отрывочный характеръ, прилагаются только къ одной какой-нибудь группѣ фактовъ и не даютъ формулы на столько общей и многообъемлющей, чтобы подъ нее могла быть подведена вся громадная совокупность явленій безсознательнаго подражанія. Оно и понятно: всякій случай одиночной

подражательности, а тѣмъ паче массоваго увлеченія обставленъ такими сложными и запутанными условіями, изъ которыхъ необыкновенно трудно выдѣлить спеціальныя причины подражательности, ибо онѣ самымъ тѣснымъ и сложнымъ образомъ переплетаются съ разными другими жизненными теченіями. Возьмемъ случай, относительно простой и вмѣстѣ съ тѣмъ яркій—подражательную хорею, которую д-ръ Кашинъ наблюдалъ въ восточной Сибири. Физіологъ или психіатръ, безъ сомнѣнія, можетъ разсказать это явленіе на языкѣ своей науки, то есть описать, какимъ образомъ зрительное или слуховое впечатлѣніе, не доходя до центральной сферы сознанія и воли, разрѣшается въ рефлекторное движеніе, болѣе или менѣе точно копирующее тотъ предметъ, которымъ дано впечатлѣніе. Но рѣчь его станетъ далеко уже не столь опредѣленною и увѣренною, когда дѣло дойдетъ до причинъ явленія и самъ собою возникнетъ вопросъ: что же общаго между условіями жизни современной якутки или забайкальскаго казака и, напримѣръ, итальянца XIV вѣка, неистово и вмѣстѣ послушно отплясывающаго тарантеллу, или крестоносца, почти автоматически примыкающаго къ походу? Почему во всѣхъ этихъ случаяхъ рефлексъ получаетъ именно подражательный характеръ, а не какой нибудь другой? Въ отвѣтъ мы получимъ или простой итогъ: «имитативность, стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми, есть существенное свойство человѣка, существенная черта его психо-физической природы, данная въ самомъ устройствѣ нервно-мозговаго механизма» (Кандинскій, «Общепонятные психологическіе этюды»). Или же намъ предложатъ отдѣльныя отрывочныя объясненія того, какъ крупное общественное несчастіе, въ родѣ труса, глада или нашествія иноплеменниковъ, парализировало сознаніе и волю современниковъ; какъ въ томъ или другомъ случаѣ вниманіе человѣка или цѣлой группы людей до такой степени поглощено однимъ какимъ-нибудь предметомъ или идеей, что внѣ этого предмета или идеи для нихъ въ данную минуту ничего не существуетъ. Все это очень справедливо, но не удовлетворяетъ нашего ума, не даетъ, такъ сказать, физіономіи,

рѣзкихъ опредѣленныхъ чертъ явленію, представляющему въ дѣйствительности нѣчто очень рѣзкое.

Понятное дѣло, что при этомъ остается еще очень много недоразумѣній. Мы видѣли, напримѣръ, что г. Кандинскій, въ противуположность мнѣнію Герберта Спенсера, прямо говоритъ: «наклонность къ инстинктивной имитаціи уменьшается съ развитіемъ ума». Между тѣмъ, говоря о быстромъ распространеніи спиритизма, г. Кандинскій вынужденъ признать, что «и при высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія человѣкъ никогда *вполнѣ* не избѣжитъ дѣйствія нервно-психическаго контагія». Положимъ, что г. Кандинскій подчеркиваетъ слово *вполнѣ* и тѣмъ ослабляетъ впечатлѣніе своего горькаго вывода. Но нѣкоторая неопредѣленность все-таки остается. А затѣмъ она даже усиливается мотивировкой: «главнѣйшіе источники душевныхъ эпидемій—религіозное чувство, мистическія стремленія, страсть къ таинственному и необычайному—во всякомъ случаѣ не скоро изсякнутъ». А вѣдь намъ только-что сказали, что «имитативность, стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми есть существенное свойство человѣка, существенная черта его психо-физической природы, данная въ самомъ устройствѣ нервно-мозговаго механизма»...

VII.

Мимоходомъ сказать, часто упоминаемая книжка г. Кандинскаго представляетъ любопытный примѣръ того, какъ часто люди науки сами себя обворовываютъ, если позволительно такъ выразиться при полномъ уваженіи къ автору. Вторая часть этой книжки, озаглавленна «Нервно-психическій контагій и душевныя эпидеміи», цѣликомъ посвѣщена занимающему насъ здѣсь предмету, какъ показываетъ и самое заглавіе. Это очень интересный этюдъ. Но любопытно, что, г. Кандинскія ни единымъ словомъ не касается мимичности и происхожденія покровительственно-подражательныхъ органическихъ формъ, это для него въ нѣко-

торомъ родѣ «чиновникъ совершенно посторонняго вѣдомства». О явленіяхъ стигматизаціи упомянуто вскользь, въ двухъ словахъ. Но самое любопытное—это отношеніе автора къ гипнотизму. Гипнотическіе опыты, повидимому, особенно дороги г. Кандинскому въ качествѣ полемическаго орудія противъ «чудесъ спиритизма». Г. Кандинскій, совершенно справедливо негодуя противъ податливости и легковѣрія не только «публики», а и ученыхъ людей, насколько они увлечены «эпидеміей спиритизма», стремится главнымъ образомъ опровергнуть чудесность спиритизма при помощи разъясненія гипнотическихъ опытовъ. Похвальная цѣль, конечно. Но удивительно все-таки, что въ трактатѣ, спеціально посвященномъ подражательности, едва-едва упоминается о той громадной роли, которую подражаніе играетъ въ самомъ составѣ гипнотическихъ сеансовъ. Между тѣмъ, здѣсь-то можетъ быть и лежитъ ключъ къ уразумѣнію всей тайны «героевъ и толпы».

Явленія гипнотизма всѣмъ извѣстны, благодаря представленіямъ Ганзена, надѣлавшимъ столько шуму. Для насъ самое интересное въ этихъ явленіяхъ есть наклонность гипнотиковъ къ подражанію: они повторяютъ съ большою точностью всѣ продѣлываемыя передъ ними движенія. Гипнотизированный субъектъ покорно идетъ за «магнетизеромъ», сжимаетъ кулакъ, когда тотъ сжимаетъ свой передъ его глазами, открываетъ и закрываетъ, по примѣру магнетизера, ротъ и т. п. При извѣстныхъ условіяхъ, онъ столь же автоматически повторяетъ слышимые имъ звуки, будетъ ли то звукъ камертона или человѣческая членораздѣльная рѣчь. Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ фокусовъ Ганзена называется «нянька съ ребенкомъ» и состоитъ въ слѣдующемъ: Ганзенъ придаетъ тѣлу гипнотизированнаго положеніе няньки, держащей ребенка на рукахъ горизонтально, и кладетъ ему на руки куклу. Затѣмъ самъ магнетизеръ становится передъ этимъ живымъ автоматомъ и покачивается изъ стороны въ сторону, подражая нянькѣ, укачивающей ребенка: гипнотизированный съ большою точностью повторяетъ эти движенія, какъ бы укачивая куклу. Вообще гипнотизированный можетъ быть поставленъ въ самыя

нелѣпыя положенія и затѣмъ повторять съ правильностью зеркала все, что передъ нимъ будетъ продѣлываться. Для объясненія этихъ явленій мы возьмемъ въ руководство Гейденгайна, который спеціально занялся фокусами Ганзена, самъ ихъ повторилъ и дополнилъ, и на авторитетъ котораго положиться можно («Такъ называемый животный магнитизмъ». Спб. 1880).

Гипнотическое состояніе достигается постоянными, однообразными, слабыми раздраженіями кожныхъ нервовъ лица или слуховыхъ или зрительныхъ нервовъ. Пристально прислушиваясь къ однообразному тиканію часовъ, къ простому напѣву колыбельной пѣсни; пристально смотря на блестящій, неподвижный предметъ вродѣ гранатнаго стекляннаго шарика или, пожалуй, глазъ магнетизера; подвергаясь медленнымъ, однообразнымъ поглаживаніямъ по лицу непосредственно или на извѣстномъ разстояніи; словомъ—подвергаясь всякаго рода однообразнымъ, слабымъ и разномѣрно повторяющимся раздраженіямъ, человѣкъ впадаетъ въ то безсознательное состояніе, которое называется гипнозомъ. Въ этомъ состояніи, говоритъ Гейденгайнъ, движеніе, безсознательно воспринятое, но не развившееся въ сознательное представленіе, не перешедшее за порогъ сознанія, вызываетъ подражаніе. Гипнотизированный субъектъ является, такимъ образомъ, подражательнымъ автоматомъ, повторяющимъ тѣ изъ движеній, которыя связаны для него съ зрительнымъ или слуховымъ безсознательнымъ впечатлѣніемъ. Матеріальное измѣненіе, вызываемое въ центральныхъ органахъ чувственнымъ раздраженіемъ, обусловливаетъ движенія съ характеромъ произвольности, но которыя тѣмъ не менѣе непроизвольны. «Подобныя подражательныя движенія происходятъ и въ обыденной жизни», замѣчаетъ Гейденгайнъ, и ссылается на автоматическую зѣвоту при видѣ зѣвающаго и на «страсть» дѣтей къ подражанію. Дѣло въ томъ, что у гипнотиковъ, вмѣстѣ съ омраченіемъ сознанія, сильно повышается рефлекторная раздражительность, именно потому, что подавляется дѣятельность извѣстныхъ отдѣловъ головнаго мозга—коркового слоя полушарій. Подробное выясненіе этого обстоятельства не входитъ въ нашу задачу, и мы можемъ огра-

ничится окончательнымъ выводомъ, къ которому пришелъ Гейденгайнъ относительно причинъ гипнотизма вообще и автоматической подражательности гипнотиковъ въ частности. Причина эта заключается въ «подавленіи гангліозныхъ ячеекъ коркового вещества, вызванномъ слабымъ, постояннымъ раздраженіемъ кожныхъ нервовъ лица или слуховыхъ, или зрительныхъ нервовъ».

Что въ данномъ случаѣ дѣло заключается именно въ этой скудости раздраженій, доказывается отчасти и встрѣчнымъ опытомъ: все очарованіе гипноза исчезнетъ, какъ только гипнотикъ подвергается сильнымъ или измѣненнымъ вліяніямъ на органы чувствъ. Если, въ противоположность тѣмъ слабымъ и однообразнымъ вліяніямъ, которыми обусловливается гипнотическое состояніе, ударить загипнотизированнаго по рукѣ, крикнуть надъ ухомъ, обдать холодомъ, то онъ просыпается. Тотъ же самый результатъ часто получается, если, вмѣсто экспериментатора, усыпившаго гипнотика своимъ упорнымъ «магнетическимъ» взглядомъ, встанетъ другое лицо. До этого момента «просіянія своего ума» гипнотизированный находится въ полной власти магнетизера, который можетъ играть имъ до послѣднихъ предѣловъ униженія человѣческаго достоинства. Это достигается тѣмъ удобнѣе, что характеристическими признаками гипнотическаго состоянія являются, между прочимъ, анэстезія и аналгезія, то есть потеря чувствительности и потеря чувства боли: гипнотика можно колоть, рѣзать, жечь—онъ не чувствуетъ боли. Интересны, между прочимъ, гипнотическіе опыты надъ лошадьми. Еще въ 1828 г. венгерецъ Баласса представилъ «способъ ковки лошадей безъ употребленія насилія»: «Посредствомъ неподвижнаго взгляда лошадь заставляютъ пятиться, поднять голову и неподвижно держать шею, и ею можно завладѣть до такой степени, что многія лошади не двинутся, если даже вблизи ихъ выстрѣлить. Крестообразное поглаживаніе по лбу и по глазамъ также представляетъ отличное вспомогательное средство, съ помощью котораго можно успокоить и усмирить самую боязливую, а также самую горячую и злую лошадь до такой степени, что она опуститъ голову и какъ бы заснетъ... Это гипнотизированіе (балассированіе) лошадей въ

Австріи предписано даже военнымъ закономъ. Цѣлая система поглаживанія отъ головы по всему тѣлу еще раньше указана однимъ американскимъ укротителемъ лошадей» (Бенедиктъ. «Каталепсія и месмеризмъ». Спб. 1880, стр. 33).

Итакъ, гипнотикъ находится совершенно во власти экспериментатора. Однако, это состояніе безвольной и безсознательной игрушки въ рукахъ другаго человѣка имѣетъ свои степени. Есть, напримѣръ, гипнотики, способные и неспособные отвѣчать на заданный имъ вопросъ. Очевидно, что у первыхъ еще работаютъ нѣкоторыя части мозга, не функціонирующія у вторыхъ. Далѣе, одни безсознательно подражаютъ всѣмъ производимымъ передъ ними движеніямъ, но не исполняютъ обращенныхъ къ нимъ приказаній, если приказанія эти не сопровождаются движеніями, такъ сказать, подсказывающаго свойства. Такой гипнотикъ пойдетъ, пожалуй, за вами, если вы ему прикажете, но онъ пойдетъ именно за вами, подражая вамъ, а отнюдь не потому, что ваше приказаніе дошло по адресу. Есть, наоборотъ, и такіе, которые дѣйствительно повинуются самымъ нелѣпымъ приказаніямъ, напримѣръ, пьютъ чернила, суютъ руки въ огонь и т. п., не нуждаясь въ томъ, чтобы передъ нами продѣлывалось то же самое. Ясно, что повинующіеся погружены въ менѣе глубокій сонъ (если можно въ данномъ случаѣ употребить это слово), чѣмъ подражающіе, ибо первые все-таки способны воспринять приказаніе.

Все это достигается однообразными, равномѣрными и слабыми вліяніями на органы чувствъ. Таково физіологическое объясненіе. Что касается объясненія психологическаго, то читатель можетъ его найти въ статьѣ Шпейдера «О психическихъ причинахъ гипнотическихъ явленій» («Новое Обозрѣніе» 1881, № 2). Я приведу только окончательный выводъ Шпейдера: «Гипнотизмъ есть ни что иное, какъ искусственно произведенная ненормальная односторонность сознанія, то есть ненормально односторонняя концентрація сознанія... Вслѣдствіе продолжительной фиксаціи блестящаго предмета, вслѣдствіе прислушиванія къ извѣстному равномѣрному звуку, процессъ сознанія постепенно концентрируется въ ненормальной степени на одномъ данномъ явленіи, такъ что другія вліянія очень трудно или вовсе не доходятъ до сознанія».

Читатель видитъ, что объясненія Гейденгайна и Шнейдера говорятъ собственно одно и то-же, только на разныхъ языкахъ. Вульгарно выражаясь, можно сказать, что гипнотикъ, поставленный экспериментаторомъ въ условія крайне скудныхъ и однообразныхъ впечатлѣній, начинаетъ жить однообразною жизнью и, очень быстро исчерпавъ самого себя, превращается въ выѣденное яйцо, которое собственнаго содержанія не имѣетъ, а наполняется тѣмъ, что случайно вольется въ него со стороны.

Спрашивается, въ какой мѣрѣ можемъ мы обобщить этотъ выводъ? Въ какой мѣрѣ можно допустить, что и въ другихъ случаяхъ подражанія самостоятельная жизнь индивида поѣдается скудостью и однообразіемъ впечатлѣній?

Прежде всего сюда сами собой входятъ многіе факты, хорошо изученные и прочно поставленные въ наукѣ. Таковы состоянія экзальтаціи и экстаза, какъ мы видѣли, весьма часто сопровождающія нѣкоторыя поразительныя формы подражательности. Экстатикъ весь поглощенъ однимъ какимъ-нибудь предметомъ, образомъ, идеей, почему-нибудь сосредоточившимъ на себѣ его вниманіе. Все остальное онъ видитъ и не видитъ, слышитъ и не слышитъ, то есть впечатлѣнія отъ постороннихъ предметовъ, хотя можетъ быть и доходятъ до него, но не сознаются имъ. Вслѣдствіе чего на высшихъ ступеняхъ экстаза замѣчаются та же потеря чувствительности и та же потеря чувства боли, которое характеризуютъ гипнотическое состояніе. Экстатикъ не чувствуетъ, что его жжетъ огонь костра, на который его ввела святая инквизиція, не чувствуетъ пытокъ и ранъ, ибо вся его психическая жизнь, вся безъ остатка, сосредоточена на той идеѣ, за которую онъ подвергается наказанію. Онъ могъ бы, по-истинѣ, смѣяться надъ своими палачами, всѣ усилія которыхъ причинить ему боль пропадаютъ даромъ. Съ этимъ состояніемъ не слѣдуетъ, однако, смѣшивать состояніе, внѣшнимъ образомъ выражающееся точно также, но совершенно противоположное по внутренней психической механикѣ. Исторія знаетъ много примѣровъ людей, по наружности спокойно терпѣвшихъ величайшія мученія, но не потому, чтобы они не чувствовали боли, а

потому, что не хотѣли показать, что имъ больно, причемъ естественной потребности выразить боль крикомъ, стономъ, жестомъ противопоставляли страшное напряженіе сознанія и воли. Эти люди, такъ полно владѣющіе собой, такъ сильно задерживающіе самые, повидимому, неизбѣжныя двигательныя реакціи на внѣшнія впечатлѣнія, очевидно, не могутъ быть склонны къ подражанію. Наоборотъ, экстатики и люди въ состояніи болѣе или менѣе близкомъ къ состоянію экстаза, совершенно не могутъ управлять собой и потому пунктъ ихъ односторонне направленнаго вниманія имѣетъ надъ ними всеподавляющую власть. Наиболѣе выразительнымъ примѣромъ можетъ служить въ этомъ отношеніи стигматикъ. Св. Францискъ, напримѣръ, уединеніемъ, постомъ, всякими лишеніями сокративъ свой жизненный бюджетъ до minimum'а, затворилъ, такъ сказать, свою душу на-глухо для всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній и оставилъ просвѣтъ для одного только луча: для образа страданій Христа. И этотъ образъ заставилъ Франциска подражать себѣ, пригнавъ кровь къ ладонямъ, ступнямъ и лѣвому боку экстатика. Правда, Францискъ можетъ быть и желалъ уподобиться Христу, но *такое* уподобленіе совершилось, конечно, помимо его воли. То же самое происходитъ въ случаяхъ мгновеннаго сильнаго впечатлѣнія, если оно почему-нибудь всецѣло овладѣваетъ человѣкомъ. И здѣсь, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ появленія молока въ грудяхъ неродившей женщины и т. п., подражательный характеръ явленія зависитъ отъ необычайной односторонности состоянія сознанія въ данную минуту.

Такимъ образомъ для вызова и обнаруженія склонности къ подражанію, а слѣдовательно и для образованія того, что мы называемъ толпой, нужно, повидимому, одно изъ двухъ: или впечатлѣніе, столь сильное, чтобы оно временно задавило всѣ другія впечатлѣнія, или постоянная, хроническая скудость впечатлѣній. Соединеніе этихъ двухъ условій должно, понятное дѣло, еще усиливать эффектъ подражательности. Къ провѣркѣ этого принципа и дальнѣйшему его приложенію мы теперь и обратимся.

VIII.

Читатель благоволитъ припомнить подражательную хорею, о которой у насъ шла рѣчь въ прошлый разъ.

Не нужно обладать чрезмѣрною страстью къ обобщеніямъ, чтобы усмотрѣть ближайшее родство между состояніемъ гипноза и состояніемъ «омеряченныхъ» которыхъ наблюдалъ д-ръ Кашинъ. Самъ Ганзенъ не съумѣлъ бы дать болѣе разительное представленіе, чѣмъ это хоровое повтореніе солдатами словъ команды и ругательствъ командира. Затѣмъ омеряченіе, совершенно такъ же, какъ и гипнозъ, выражается въ двухъ формахъ: человѣкъ либо подражаетъ, повторяетъ все, сообщаемое ему зрительными и слуховыми впечатлѣніями, либо повинуется всякому приказанію, какъ бы оно ни было нелѣпо или возмутительно. Спрашивается, въ какой мѣрѣ приложимо къ омеряченью то объясненіе, которое найдено для гипнотизма? Точнѣе говоря, есть ли какое-нибудь сходство между условіями жизни омеряченныхъ и тѣми, въ которыя искусственно ставятся гипнотизируемые?

Что условія жизни въ Якутской области крайне однообразны, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія: скудная флора и фауна, однообразная снѣжная пелена, въ теченіи слишкомъ полугода дающая глазу исключительно впечатлѣніе бѣлаго цвѣта, скудость звуковъ, красокъ, формъ, скудость промысловъ, занятій, интересовъ, скудость жизни вообще. Совокупность этой скудости, очевидно, весьма немногимъ превосходитъ ту, которая дается неустаннымъ созерцаніемъ стекляннаго шарика, постояннымъ прислушиваніемъ къ тиканію часовъ и т. п. Надо замѣтить, что на сѣверѣ европейской Россіи и Сибири нѣкоторыя формы нервныхъ страданій чрезвычайно распространены, и именно тѣ, которыя особенно способны передаваться путемъ подражанія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе путешественники и врачи, которыхъ судьба забрасывала въ глухіе закоулки сѣвера. Такъ, напримѣръ, въ работѣ г. Дружевецкаго «Медико-топографія Усть-сысольскаго уѣзда» (Спб. 1872) приведена таблица о числѣ боль-

ныхъ въ устьсысольской больницѣ за семнадцать лѣтъ, съ 1853 по 1869. Въ этой таблицѣ нервныя болѣзни занимаютъ пятое мѣсто (по количеству больныхъ) изъ 20 рубрикъ, на которыя дѣлится таблица. И именно нервныя и мозговыя болѣзни составляютъ 7,1% общей цифры. Въ томъ числѣ 2,1% приходится на болѣзни головнаго и спиннаго мозга (кровоизліяніе, воспаленіе), 2,2% на умопомѣшательство и 3,8% на истерику, невральгіи и судороги. «Всѣ эти процентныя числа, говоритъ г. Држевецкій:— гораздо больше цифръ таковыхъ же болѣзней во всѣхъ русскихъ больницахъ въ сложности. При всемъ томъ нервныя болѣзни въ дѣйствительности гораздо больше распространены въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, чѣмъ сколько показываютъ цифры, потому что въ больницу поступаютъ бо́льшею частью солдаты, уроженцы другихъ мѣстъ Россіи, и мало поступаетъ женщинъ, между которыми эти болѣзни имѣютъ самое большое распространеніе. Въ частной практикѣ я встрѣчалъ очень много случаевъ различныхъ нервныхъ болѣзней, такъ что это были самыя частыя болѣзни, противъ которыхъ просили у меня пособія. Чаще прочихъ нервныхъ болѣзней встрѣчаются тамъ истерика (народное названіе «порча») и chorea magna (народное названіе больныхъ—«кликуша»)». Говоря объ одной нервной болѣзни на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи, г. Максимовъ замѣчаетъ: «Икотою страдаетъ вѣрная четверть всего женскаго населенія по правую сторону отъ рѣки Сѣверной Двины. Дальше къ западу отъ Двины болѣзнь эта пропадаетъ и въ Кемскомъ поморьи является подъ новою формою (нѣсколько слабѣе) и подъ новымъ названіемъ (стрѣлье, щипота)» («Годъ на сѣверѣ»).

Любопытно слѣдующее общее замѣчаніе доктора Штейнберга. Перечисляя причины, обусловливающія обширное распространеніе кликушества, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Обособленное положеніе отдѣльно взятаго человѣка и даже цѣлой группы людей, общества, служитъ, въ свою очередь, не маловажною причиной, почему извѣстныя понятія, міросозерцанія, изъ которыхъ развивается болѣзнь, какъ бы они ни были нелѣпы, крѣпко и неизмѣнно держатся, сохраняются и свято передаются, безъ вся-

кой критики, изъ устъ въ уста, отъ предковъ потомкамъ. Обособленное положеніе дѣствуетъ еще сильнѣе, если человѣкъ или цѣлое населеніе живетъ среди дикой, пустынной, гористой природы, производящей неблагопріятное вліяніе на нервную систему и психическую сторону человѣка своимъ однообразіемъ или бурными атмосферными явленіями; происхожденіе болѣзни изъ этого источника въ особенности замѣчается у насъ на крайнемъ сѣверѣ» («Кликушество и его судебно-медицинское значеніе». Архивъ судебн. медицины, 1870. № 2).

Г. Штейнбергъ выражается очень неточно, говоря о «понятіяхъ, міросозерцаніяхъ, изъ которыхъ развивается болѣзнь». «Понятія, міросозерцанія» даютъ и могутъ давать только извѣстную окраску болѣзни. Мудрено, разумѣется, представить себѣ человѣка, не вѣрящаго въ чорта и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣсоодержимаго (то есть по его собственному мнѣнію бѣсоодержимаго). Но изъ этого не слѣдуетъ, что человѣкъ, не вѣрящій въ чорта, тѣмъ самымъ гарантированъ отъ той формы нервнаго разстройства, которую люди невѣжественные и суевѣрные называютъ бѣсноватостью. Справедливо, однако, что параллельно съ разсѣяніемъ мрака невѣжества и суевѣрія должно идти устраненіе, въ большей или меньшей степени, той «обособленности» и того «однообразія» жизни, которыя составляютъ, по нашему предположенію, коренныя условія эпидемическаго распространенія нѣкоторыхъ нервныхъ страданій. Самая даже вѣра въ чорта, напримѣръ, ослабѣваетъ, благодаря прямому вліянію увеличивающагося разнообразія *личной* жизни. По мѣрѣ того, какъ опытъ и наблюденіе расширяютъ и разнообразятъ сферу представленій и понятій человѣка, слабѣетъ суевѣріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ (если справедливо наше основное предположеніе) должна ослабѣвать склонность къ подражанію вообще и рѣзко патологическія ея формы въ особенности.

Но я не даромъ подчеркнулъ выше слово: разнообразіе *личной* жизни. И читатель, удостоившій своимъ вниманіемъ мои прежнія писанія, конечно, этому не удивится. Разнообразіе общественной жизни, взятой въ цѣломъ, можетъ, какъ я много разъ

это доказывалъ, находиться въ прямомъ противорѣчіи съ богатствомъ личной жизни и даже обусловливать собою ея однообразіе, скудость, односторонность. И въ такомъ случаѣ мы найдемъ, можетъ быть, чрезвычайную наклонность къ подражанію. Ниже мы увидимъ блистательные тому примѣры, а теперь оставимъ пока это обстоятельство въ сторонѣ, равно какъ и отмѣченное г. Штейнбергомъ вліяніе «бурныхъ атмосферныхъ явленій». Во всякомъ случаѣ, однообразіе и обособленность жизни въ Якутской области не подлежатъ никакому сомнѣнію. Тамъ есть мѣстности, куда почта приходитъ и которыя, слѣдовательно, сообщаются съ остальнымъ міромъ разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ и даже разъ въ годъ. Тамъ зима тянется шесть мѣсяцевъ. Тамъ можно проѣхать 500 верстъ, не втрѣтивъ того образа и подобія Божія, который называется человѣкомъ. Тамъ ѣдятъ рыбу, рыбу и опять рыбу, и рѣдька и капуста составляютъ мѣстами едва ли не лакомство. Тамъ человѣкъ можетъ въ теченіи цѣлаго дня не услышать, кромѣ воя вѣтра, почти никакого другого звука и не видѣть, кромѣ бѣлаго, никакого другого цвѣта. Сгустите еще немножко краски скудости и однообразія—и вы получите настоящій, только чудовищно-огромный залъ, приспособленный для гипнотическихъ опытовъ.

Распространяться объ этомъ, кажется, не стоитъ, но очень стоитъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что жертвами олгинджи являются въ замѣткѣ доктора Кашина солдаты и женщины. Это, конечно, не есть своего рода монополія солдатъ и женщинъ. Безъ сомнѣнія, и всякіе другіе мужчины подвергаются омеряченью. Но любопытно все-таки, что наиболѣе характерные случаи, невольно выдвинутые наблюдателемъ на первый планъ, относятся именно къ женщинамъ и солдатамъ. Возьмемъ же роту солдатъ, автоматически повторяющихъ слова команды и ругательства командира, и якутку, автоматически исполняющую постыдное приказаніе мѣстнаго Донъ-Жуана.

Мнѣ сообщали наблюденіе доктора Лихонина, такъ успѣшно повторившаго въ Петербургѣ опыты Ганзена, что гвардейскіе солдаты оказались чрезвычайно склонными къ гипнозу. Будто бы

именно 60% изъ нихъ впадаютъ въ гипнотическое состояніе очень быстро. Результатъ на первый взглядъ совершенно парадоксальный или, по крайней мѣрѣ, совершенно противорѣчащій обыкновеннымъ, ходячимъ представленіямъ о гипнотическихъ явленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, гвардейскіе солдаты въ физическомъ отношеніи представляютъ цвѣтъ и красу русскаго народа, избранныхъ изъ избранныхъ по росту и здоровью, съ сильными мускулами и несокрушимыми нервами. А между тѣмъ, мы привыкли думать, что къ гипнотическому состоянію наиболѣе склонны, то есть преимущественно быстро и легко въ него впадаютъ люди слабые вообще и слабонервные въ особенности. Это ходячее мнѣніе, до извѣстной степени, вѣроятно, дѣйствительно соотвѣтствующее истинѣ, подтверждается и научными авторитетами. Такъ, Гейденгайнъ говоритъ, что гипнотизму подвергаются преимущественно блѣдные, анемичные субъекты. Далѣе, онъ полемизируетъ съ Ганзеномъ по слѣдующему поводу. Ганзенъ сообщаетъ, какъ собственное наблюденіе, что для опытовъ особенно годятся люди, дѣлающіе сильныя мышечныя движенія; «поэтому онъ предпочитаетъ англійскихъ студентовъ, которые много гребутъ, плаваютъ, ѣздятъ верхомъ, нѣмецкимъ студентамъ съ ихъ напряженною комнатною умственною работой». Гейденгайнъ замѣчаетъ, что, говоря это, Ганзенъ имѣетъ, вѣроятно, преимущественно въ виду одну сторону гипнотическихъ явленій, именно интенсивность мышечнаго оцѣпенѣнія, «которое несомнѣнно у его любимцевъ будетъ выражено сильнѣе, если ихъ загипнотизировать, чѣмъ у людей слабыхъ. Но чтобы процентъ лицъ, способныхъ къ гипнозу, былъ тамъ больше, чѣмъ здѣсь, въ этомъ я рѣшительно сомнѣваюсь». Можетъ быть, способность къ гипнозу русскихъ гвардейскихъ солдатъ поколебала бы скептицизмъ Гейденгайна, хотя весьма вѣроятно также, что его замѣчаніе вполнѣ справедливо; то есть, что процентъ способныхъ къ гипнозу у англійскихъ и нѣмецкихъ студентовъ приблизительно одинаковъ, или даже у послѣднихъ больше, чѣмъ у первыхъ, но у англійскихъ, вслѣдствіе усиленнаго развитія мускулатуры, рѣзче бываютъ выражены явленія тетаническаго сокращенія,

окоченѣнія или оцѣпенѣнія мышцъ. Извѣстно, что на этомъ окоченѣніи основываются многіе поразительные опыты Ганзена. Напримѣръ, онъ кладетъ загипнотизированнаго субъекта горизонтально, такъ что затылкомъ тотъ упирается на одинъ стулъ, а ступнями ногъ на другой, затѣмъ становится ему на грудь или животъ, и гипнотизированный не гнется. Понятно, что сильно развитая мускулатура должна много способствовать успѣху подобныхъ опытовъ. Но весь производимый имъ эффектъ еще ровно ничего не говоритъ о процентномъ отношеніи способныхъ къ гипнозу между людьми физически сильными и физически слабыми. Такъ что и ходячее мнѣніе и мнѣніе Гейденгайна о преимущественной склонности къ гипнозу «блѣдныхъ, анемичныхъ субъектовъ» нисколько не колеблется заявленіемъ Ганзена насчетъ англійскихъ и нѣмецкихъ студентовъ.

Однако, вотъ русскіе гвардейцы, люди въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силы, изъ стамилліоннаго населенія имперіи избранные, оказываются конкуррентами блѣдныхъ, анемичныхъ субъектовъ. Это фактъ въ высшей степени интересный, и желательно бы, конечно, было получить вполнѣ точныя на этотъ счетъ свѣдѣнія. Но, какъ ни поразителенъ этотъ фактъ на первый взглядъ, какъ ни противорѣчитъ онъ установившимся понятіямъ, а его можно бы было предвидѣть, даже на основаніи тѣхъ только фактическихъ данныхъ и соображеній, какія до сихъ поръ приведены въ предлагаемой статьѣ.

Не въ томъ, надо думать, дѣло, что къ гипнозу оказываютъ склонность *гвардейскіе* солдаты, которыхъ только и могъ д-ръ Лихонинъ имѣть подъ рукой въ Петербургѣ, а въ томъ, что они *солдаты*. И въ любомъ армейскомъ полку, и въ той заброшенной на край свѣта ротѣ, которую д-ръ Кашинъ видѣлъ въ омеряченномъ состояніи, процентъ способныхъ легко и быстро впадать въ гипнотическій сонъ, то есть легко и быстро отдавать свою волю въ чужія руки, оказался бы, конечно, приблизительно таковъ же, какъ и между гвардейцами. Онъ былъ бы даже, вѣроятно, скорѣе больше, чѣмъ меньше. Дѣло въ условіяхъ жизни солдата. Становясь на свое мѣсто въ строю, сол-

датъ видитъ около себя людей одинаковаго съ нимъ роста, въ одинаковой съ нимъ позѣ, съ однообразно опущенными руками, однообразно уставленными ногами, съ одними и тѣми же «выпушками, погончиками, петличками». Куда бы онъ ни посмотрѣлъ, онъ видитъ одни и тѣ же красные или синіе канты или воротники, однѣ и тѣ же золотыя или серебряныя пуговицы. Вся эта масса должна, какъ одинъ человѣкъ, выдѣлывать одни и тѣ же артикулы ружьемъ, дѣлать одни и тѣ же движенія и «въ ногу» ходить подъ однообразно ритмическіе звуки марша, безъ конца повторяя про себя: «разъ, два, разъ два, лѣвой, правой, лѣвой, правой». Словомъ, солдатъ въ строю, какъ бѣлка въ колесѣ, вертится въ кругу крайне однообразной и несложной комбинаціи зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ впечатлѣній, и насильственно, иногда прямо физическою болью возвращается въ этотъ заколдованный кругъ, если его вниманіе отвлечется на минуту чѣмъ - нибудь постороннимъ. И такъ изо дня въ день. Солдатская жизнь внѣ строя, не будучи столь выразительно скудна и однообразна, тѣмъ не менѣе вся составляетъ подготовленіе къ жизни строевой и подготовленіе въ извѣстномъ смыслѣ чрезвычайно цѣлесообразное: казарма, вся размѣренная и замкнутая, разнообразія впечатлѣній, конечно, не даетъ, а внѣ казармы солдатъ тоже не ахти какую богатую жизнь ведетъ. Изо всего этого слагается нѣчто, очень подходящее къ Гейденгайновской физіологической формулѣ условій гипнотическаго состоянія (подавленіе дѣятельности клѣточекъ коркового вещества, вызванное слабымъ, постояннымъ, однообразно-повторяющимся раздраженіемъ тѣхъ или другихъ нервовъ), и къ психологической формулѣ Шнейдера (ненормально односторонняя концентрація сознанія). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что солдаты, хотя бы и сильные, здоровые гвардейцы, гипнотизируемые самою жизнью, быстро впадаютъ въ настоящее гипнотическое состояніе и подражаютъ «магнетизеру» и повинуются ему. А если такъ, то не столь уже удивительнымъ представляется и эпизодъ съ омеряченными солдатами, разсказанный д-ромъ Кашинымъ, тѣмъ болѣе что тутъ къ спеціально-солдатской скудо-

сти примѣшивается еще скудость спеціально - якутская. Конечно, многое въ этомъ эпизодѣ остается все-таки не только непривычнымъ для нашей мысли, не вникавшей до сихъ поръ въ подобныя вещи, а и совершенно темнымъ. Почему, напримѣръ, солдаты, всегда аккуратно исполнявшіе команду «на плечо», въ такой-то день и часъ, именно въ такой, а не въ другой, не исполнили этой команды, а сами закричали «на плечо»? Почему они, обыкновенно внимательно выслушивавшіе командирское «такъ и такъ», на этотъ разъ сами отвѣтили «такъ-и-такомъ»? Кто былъ «героемъ» этой омеряченной толпы и какъ, слѣдовательно, зачался процессъ подражанія: всѣ ли солдаты мгновенно были охвачены волной подражанія или между ними выискался одинъ какой-нибудь особенно болѣзненно воспріимчивый солдатикъ, который увлекъ своимъ примѣромъ остальныхъ? Чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы, надо знать дѣло со всѣми мельчайшими подробностями, каково, напримѣръ, времяпровожденіе солдатъ въ роковой и предшествовавшіе ему дни. А такого подробнаго описанія г. Кашинъ не только не даетъ, а конечно и не могъ бы дать. Однако, въ общихъ чертахъ физіономія эпизода съ омеряченными солдатами для насъ выясняется, благодаря сопоставленію съ явленіями, хотя и недостаточно еще изученными, но все-таки извѣстными и притомъ доступными не только наблюденію, а и опыту.

Здѣсь можетъ быть умѣстно будетъ покончить съ одной областью явленій подражанія, которыя, не смотря на свою повторяемость, по всей вѣроятности, невсегда останутся для насъ въ подробностяхъ неизвѣстными. Я говорю о явленіяхъ покровительственной окраски и мимичности въ тѣсномъ смыслѣ слова. Я надѣюсь, что переодѣваніе песца, горностая, зайца, бѣлой куропатки на зиму въ бѣлые покровы, что и всѣ другіе случаи приспособленія цвѣта животнаго къ цвѣту его обстановки сами собой выяснились читателю, какъ результаты однообразія и постоянства зрительныхъ впечатлѣній (въ связи, разумѣется, со наслѣдственностью и переживаніемъ приспособленнѣйшихъ индивидовъ). Но когда, напримѣръ, лепталисы подражаютъ геликo-

нидамъ или когда бабочка подражаетъ пчелѣ или осѣ, то дѣло становится гораздо сложнѣе, и эта-то сложность, надо думать, всегда останется для насъ нераспутанною. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, дознаться, почему вниманіе такой-то бабочки сосредоточилось на обликѣ такой-то пчелы, избравъ ее своимъ «героемъ», предметомъ подражанія?

Дѣлаю это замѣчаніе мимоходомъ, чтобы болѣе уже не возвращаться къ покровительственной окраскѣ и мимичности, которыя и введены-то нами въ изслѣдованіе только для полноты фактическаго матеріала, для показанія всей обширности района подражанія.

Возвратимся къ солдатамъ.

Мы видили, что какъ гипнотическое состояніе, такъ и омерячень выражаются въ двухъ формахъ: автоматическомъ подражаніи и автоматическомъ повиновеніи, разница между которыми сводится къ различію въ степени подавленности сознанія. Повинующійся автоматъ способенъ воспринимать приказаніе, которое до сознанія автомата подражающаго не доходитъ. Такъ какъ разница здѣсь только въ степени, то одна форма можетъ переходить въ другую, при благопріятныхъ для этого условіяхъ. Такъ, напримѣръ, якутка, которая сегодня безпрекословно исполняетъ позорное приказаніе, завтра, при усиленіи болѣзненнаго состоянія, можетъ оказаться глуха къ приказанію и только автоматически повторять слова и дѣйствія, доходящія до ея слуховыхъ и зрительныхъ нервовъ, но уже не переступающія за порогъ ея сознанія. Весьма можетъ быть, что солдаты, наблюдавшіеся г. Кашинымъ, страдали олгинджей и наканунѣ рокового дня. Въ этотъ день болѣзнь приняла высшую, подражательную форму: люди, вмѣсто того, чтобы *сдѣлать* «на плечо», то есть исполнить команду, *закричали* «на плечо». Но и прежде, когда они безпрекословно повиновались командѣ, они можетъ быть уже находились въ омерлченномъ состояніи, которое выразилось именно этимъ автоматическимъ повиновеніемъ. Объ этомъ трудно судить, конечно, потому, что солдатъ и долженъ повиноваться, «слушать команду». Но читатель глубоко ошибается,

если думаетъ, что солдатское повиновеніе, особливо въ строю, вполнѣ сознательно. Не только въ якутской снѣжной пустынѣ, а и гдѣ-нибудь въ центрѣ цивилизаціи, на майскомъ парадѣ, напримѣръ, огромная доля солдатскихъ движеній, криковъ и т. п. совершается помимо участія сознанія. Такъ бываетъ со всѣми людьми, занятыми дѣломъ очень привычнымъ и, слѣдовательно, не нуждающимся въ постоянномъ контролѣ высшей психической инстанціи. Но на стройное и вполнѣ автоматическое исполненіе команды несомнѣнно вліяютъ, кромѣ того, и вышеупомянутые элементы однообразія впечатлѣній, получаемыхъ солдатами изо дня въ день, а подобные элементы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимыя условія обѣихъ формъ гипнотическаго состоянія. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ слышанный мною разсказъ одного молодого человѣка, отбывавшаго воинскую повинность по окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи. Онъ говорилъ, что, вопреки рѣшительному нежеланію, ему почти никогда не удавалось воздержаться отъ возгласовъ, которые полагаются солдатамъ послѣ извѣстныхъ обращеній къ нимъ начальства. Какъ разъ въ надлежащую минуту изъ груди молодого человѣка неудержимо рвалось: «здравія желаемъ вашество»! «ради стараться вашество»! Нѣчто подобное каждый можетъ испытать на себѣ, если, идя по улицѣ, встрѣтитъ отрядъ солдатъ, марширующихъ подъ музыку: не идти въ тактъ этого однообразнаго ритма, подъ который ровно, стройно маршируютъ сотни людей, почти невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень неловко и требуетъ постояннаго напряженія воли.

Такимъ образомъ, дисциплинѣ и субординаціи въ войскахъ, независимо отъ прямыхъ внушеній, одобреній, наказаній, чрезвычайно способствуетъ то однообразіе солдатской жизни, которое подавляетъ сознаніе и волю въ направленія подражанія и повиновенія. Этотъ результатъ, конечно, совпадаетъ съ самою цѣлью учрежденія войска; но не надо забывать, что наклонность къ подражанію и повиновенію есть оружіе обоюдоострое. На ней покоятся не только порядокъ въ войскахъ, а и тѣ чудеса храбрости, которыя совершаются иногда даже незначительною гор-

стью солдатъ подъ вліяніемъ рѣшительнаго приказанія или энергическаго примѣра. Однако, изъ нея же выростаютъ и поразительные случаи военной паники, когда нѣсколькихъ одиночныхъ примѣровъ трусости достаточно, чтобы увлечь въ бѣгство цѣлый отрядъ; случаи солдатскихъ возмущеній и бунтовъ, когда, какъ мы видѣли на одномъ эпизодѣ изъ бунта военныхъ поселянъ 1831 года, даже глубокая личная преданность тому или другому начальнику не можетъ удержать солдата отъ увлеченія примѣромъ товарищей и отъ побіенія этого самаго любимаго начальника; случаи повальнаго грабежа и насилій въ непріятельской, а иногда въ своей собственной странѣ, когда никакія угрозы и наказанія не въ состояніи удержать расходившуюся солдатчину.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ еще разъ оговориться, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на человѣческую душу вліяютъ очень разнообразные мотивы, но въ числѣ ихъ, притомъ заглушая иногда всѣ остальные, дѣйствуетъ и наклонность къ подражанію и повиновенію. А эта наклонность воспитывается тѣми же условіями, которыя опредѣляютъ автоматическое подражаніе и повиновеніе гипнотизированнаго субъекта: скудостью, постоянствомъ и однообразіемъ впечатлѣній. Это, значитъ, и суть необходимыя условія для образованія того, что мы согласились называть «толпой».

Но прежде, чѣмъ идти дальше въ развитіи этого положенія мы должны еще вернуться опять въ Якутскую область, гдѣ насъ ждетъ женщина, автоматически исполняющая безстыдное приказаніе якутскаго ловеласа. Приложивъ сюда вышеизложенныя соображенія о гнетущемъ характерѣ однообразія естественныхъ и общественныхъ условій якутской жизни, перенесемся въ Англію XV вѣка, точнѣе говоря—въ художественное ея изображеніе въ одной изъ драматическихъ хроникъ Шекспира. Читатель потрудится припомнить въ драматической хроникѣ «Король Ричардъ Третій» разговоръ Ричарда (тогда еще герцога Глостера) съ лэди Анной у гроба короля Генриха VI. Генрихъ, тесть Анны, убитъ Ричардомъ, также какъ и мужъ ея, Эдвардъ.

Анна провожаетъ гробъ Генриха, одѣтая въ глубокій трауръ и посылая страшныя проклятія убійцѣ. Вдругъ появляется самъ убійца, безобразный нравственно и физически Ричардъ. Анна осыпаетъ его бранью, проклятіями, плюетъ на него, бѣснуется, а онъ рипостируетъ все въ одномъ и томъ же родѣ: «О, праведница милая, за что же браниться такъ»?—«Позволь, моя божественная прелесть»... — «Красавица, которой красоту не въ силахъ я изобразить словами...»—«Проклятъ домъ мой одинокій, покуда въ немъ я сплю, и безъ тебя». — «Красота твоя всему виной, та красота, которой грезилъ я, та красота, изъ-за которой смѣло рѣшусь я на всѣ убійства въ мірѣ, чтобъ хоть на мигъ къ груди твоей припасть». — «Изъ милыхъ устъ идти не можетъ ядъ».—«Твой взглядъ прелестный мнѣ давно зараза».—«Я жажду прелестей твоихъ». — «Я Генриха убилъ, но вызванъ былъ на то твоей красою... Я Эдва́рда закололъ, но вызванъ былъ твоимъ лицомъ небеснымъ». И т. д. Въ концѣ-концовъ, происходитъ нѣчто, приводящее въ изумленіе самого Ричарда, который вполнѣ сознаетъ свою бездонную низость, свое физическое уродство и, повидимому, безуміе дерзости обращаться съ такими предложеніями къ женщинѣ, у которой онъ убилъ отца и мужа. Анна постепенно утихаетъ подъ давленіемъ, если можно такъ выразиться, словесныхъ «пассовъ» Ричарда, разрѣшаетъ ему «надѣяться», принимаетъ отъ него подарокъ и даже соглашается поручить ему похороны Генриха, а сама удаляется отъ гроба, возлѣ котораго только что плакала, проклинала, бѣсновалась.

Лэди Анна—не жалкая якутка, омеряченная однообразнымъ воемъ вѣтра, видомъ безконечной снѣжной пелены и всею вообще страшною скудостью своей жизни. Ей нельзя просто приказать исполнить то, что требуется Ричарду. По отношенію къ ней приказаніе должно растянуться въ просьбу, мольбу, выраженную какими-нибудь дѣйствіями или словами, въ концѣ-концовъ, столь же осязательно парализующими волю, какъ при другихъ, менѣе сложныхъ условіяхъ, покоряется она простымъ, короткимъ приказаніямъ. Такъ, въ Австріи, мы знаемъ, «балласси-

руютъ» горячихъ и злыхъ лошадей: укротитель устремляетъ упорный, неподвижный взглядъ въ глаза лошади или однообразно поглаживаетъ ее по лбу и по глазамъ — и лошадь укрощена. (Болѣе простой и менѣе опасный опытъ каждый читатель можетъ сдѣлать надъ рѣчнымъ ракомъ: легкими, однообразными движеніями руки надъ ракомъ по направленію длины тѣла, самый пугливый и топорящійся ракъ успокоивается въ нѣсколько секундъ). Если якутка омерячена, то лэди Анна балассирована упорнымъ однообразіемъ отвѣтовъ Ричарда англійскаго, а якутскому Ричарду нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ вспомогательнымъ средствамъ, потому что предметъ его вожделѣній уже препарированъ надлежащимъ образомъ всею своею предыдущею жизнью и обстановкой. Читатель замѣтитъ, можетъ быть, что поведеніе лэди Анны гораздо проще объясняется женскимъ тщеславіемъ, женскою склонностью къ лести и похваламъ. Я вовсе не отрицаю наличности этого мотива, но думаю, что его слишкомъ мало для объясненія укрощенія Анны. Поэты такъ давно и много занимаются перипетіями «торжествующей любви», что было бы нетрудно набрать цѣлый ворохъ художественныхъ иллюстрацій къ процессу обольщенія, покоренія женщины. Но я довольствуюсь Шекспиромъ, потому что онъ Шекспиръ, и исторіей лэди Анны, потому что въ ней роль спеціально женскихъ слабостей крайне ничтожна. Не смотря на нѣкоторую грубость красокъ и какъ бы схематичность изображенія процесса, всякій, наблюдавшій болѣе или менѣе пристально жизнь, чуетъ художественную правду въ сценѣ у гроба Генриха VI. Нельзя только приступить къ этой правдѣ съ запасомъ тѣхъ вульгарныхъ слишкомъ уже простыхъ наблюденій, которыми довольствуются обыкновенно заурядные художники. Не красота и не какой-нибудь внѣшній блескъ Ричарда покорилъ лэди Анну: онъ безобразенъ; не лесть—она на своемъ вѣку слышала ея довольно: не какія-нибудь нѣжныя струны сочувствія—Ричардъ прямо говоритъ о «спальнѣ»; не мотивы благодарности или состраданія, столь часто переходящіе въ женскомъ сердцѣ въ любовь,—Ричардъ убилъ ея тестя и мужа, и она его ненавидитъ. Лэди Анна просто балассирована. И тщеславіе

представляетъ при этомъ развѣ только маленькую щелку, сквозь которую, между прочимъ, вторглась упорная воля Ричарда и покорила ея волю. Наконецъ, что касается этого тщеславія, то оно само есть результатъ и показатель спеціально усвоенной женщинамъ функціи «нравиться», той функціи, благодаря которой жизнь женщины «однообразна и пестра, и завтра та же, что вчера». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина, обладающая болѣе разностороннимъ запасомъ представленій и понятій, чѣмъ какой допускается исключительною функціей «нравиться», не будетъ балансирована столь легко. Словесные «пассы», въ чемъ бы они ни состояли, встрѣтятъ въ этомъ случаѣ гораздо больше препятствій въ достиженіи своей цѣли—ненормально односторонней концентраціи сознанія и соотвѣтственнаго омраченія воли. Понятно, что этотъ результатъ можетъ облегчиться или, напротивъ, еще затрудниться какими-нибудь обстоятельствами, стоящими внѣ всякой связи съ непосредственнымъ предметомъ нашего изученія. Мы ихъ касаться не будемъ и, что касается любовныхъ отношеній, отмѣтимъ еще одно только соображеніе.

Ричардъ побѣдилъ Анну не какими-нибудь своими достоинствами, а единственно упорствомъ своей воли. Воля же эта не представляетъ ничего мистическаго или таинственнаго. Она выразилась въ томъ, что, на всѣ взрывы негодованія и скорби Анны Ричардъ съ равномѣрностью и однообразіемъ маятника отвѣчаетъ легкими варіяціями на одну и ту же крайне скудную тему. Если бы въ его рѣчахъ отразились какія нибудь сомнѣнія, колебанія, уклоненія въ другія, хотя бы и гораздо высшія сферы мысли и чувства; если бы онъ затрогивалъ въ душѣ Анны какія нибудь другія струны,—его успѣхъ не былъ бы столь рѣшителенъ. И вотъ почему происходитъ иногда такія странныя на первый взглядъ дѣла, что мозглякъ Монсъ оказывается счастливымъ соперникомъ Петра, ничтожный Раковицъ—предпочитается Лассалю, Пушкинъ — умираетъ на дуэли и т. п. Совсѣмъ не въ томъ тутъ дѣло, что Петръ уже не молодъ и суровъ, а Монсъ красивъ, какъ фарфоровая кукла. Петръ *въ этомъ случаѣ* просто не годился въ «герои». Онъ былъ слишкомъ широкъ, его воля,

направляясь въ разныя стороны, не могла неустанно и равномѣрно ложиться на женщину. Деспотическій и жестокій, онъ въ сущности гораздо менѣе гнулъ волю женщины, чѣмъ мягкій и податливый Монсъ, который могъ добиваться своей цѣли съ постоянствомъ всегда себѣ равнаго блеска стеклянной пуговицы, созерцаніе которой доводитъ человѣка до полной утраты собственной воли.

IX.

Мы видѣли, что средніе вѣка особенно богаты нравственными эпидеміями и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. То есть и много ихъ было и были онѣ необыкновенно разнообразны. Всегда были и есть отдѣльныя личности, которымъ приходятъ въ голову странныя мысли и которыя совершаютъ странные поступки. Всегда были и есть авантюристы, люди психически больные, люди, желающіе такъ или иначе высунуться впередъ и т. п. Такіе люди иногда вызываютъ подражателей и поклонниковъ, иногда нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ они немедленно погружаются въ море забвенія. Но въ средніе вѣка ни одна странность, какъ бы она ни была нелѣпа, ни одинъ починъ, какъ бы онъ ни былъ фантастиченъ, не оставались безъ болѣе или менѣе значительнаго числа подражателей, такъ что исторія вынуждена была занести соотвѣтственныя событія на свои страницы. Авантюристъ, чудакъ, больной, выскочка тотчасъ становился героемъ. Около него тотчасъ же группировалась толпа и, глядя на него, плясала или молилась, убивала людей или самобичевалась, предавалась посту и всяческому воздержанію или, напротивъ, крайней разнузданности страстей. Мы видѣли образчики этихъ странныхъ движеній въ формахъ завѣдомо патологическихъ, а равно и въ такихъ, которыя трактуются историками, какъ явленія нормальныя. Нѣкоторые изъ нашихъ образчиковъ легко подводятся подъ то объясненіе, которое мы пытаемся дать явленіямъ автоматическаго подражанія вообще. Такъ, напримѣръ, эпидеміи

кусающихся или мяукающихъ монахинь естественно вытекаютъ изъ скудости и однообразія монастырской жизни. Доведенныя этою скудностью, равномѣрностью, однообразіемъ впечатлѣній до состоянія приблизительно сходнаго съ якутской олгинджей, монахини безсознательно подражали своей случайно замяукавшей или закусавшейся больной подругѣ. Но въ этомъ явленіи нѣтъ ничего спеціально средневѣковаго: то же самое мы можемъ и теперь наблюдать въ строго замкнутыхъ монастыряхъ или въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Остается, слѣдовательно, во всей силѣ вопросъ, естественно каждому приходящій въ голову: почему именно на долю среднихъ вѣковъ выпало такое необыкновенное количество нравственныхъ эпидемій, какого ни до, ни послѣ этого времени исторія не представляетъ?

Историки, можно сказать, совершенно не обращали вниманія на эту неустойчивость, податливость средневѣковой толпы. Но за то нѣкоторые изъ нихъ много разсуждали о другой выдающейся чертѣ средневѣковой жизни, на первый взглядъ какъ бы противорѣчащей той неустойчивости, о которой мы говоримъ.

Нѣкоторыя изъ средневѣковыхъ массовыхъ движеній, какъ напримѣръ крестовые походы, совпадая съ характеромъ общаго строя тогдашней жизни, всячески покровительствовались власть имущими, тѣми, въ рукахъ у которыхъ были ключи всего зданія. Другія, какъ напримѣръ еретическія движенія или эпидемія демонолатріи, подвергались жесточайшему преслѣдованію, истреблялись огнемъ и мечемъ; хотя при этомъ сплошь и рядомъ огонь и мечъ, создавая мучениковъ и героевъ, только вызывали новые приливы подражателей. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но у средневѣковаго строя было въ распоряженіи нѣчто болѣе дѣйствительное, чѣмъ мечъ и огонь, и это-то нѣчто составляетъ предметъ удивленія многихъ историковъ и дѣйствительно вполнѣ достойно удивленія. Никогда ничего подобнаго исторія не представляла. Пусть читатель припомнитъ, напримѣръ, такія картины. Въ самомъ началѣ XIII вѣка, папа Иннокентій III, раздраженный Филиппомъ II французскимъ за то, что тотъ упорно хотѣлъ устроить свою семейную жизнь такъ, какъ угодно ему, королю, а не

такъ, какъ угодно папѣ, объявилъ всю Францію отлученною отъ церкви. Вслѣдъ затѣмъ, раздраженный королемъ англійскимъ по церковнымъ дѣламъ, папа наложилъ такой же интердиктъ на всю Англію. У Иннокентія были, повидимому, только слова отлученія и анаѳемы; а что такое слово?—звукъ пустой. У королей были въ распоряженіи солдаты и оружіе, огонь и мечъ, и все это они пустили въ ходъ для борьбы съ безсильнымъ и дерзкимъ человѣкомъ, метавшимъ словесные громы изъ Рима. Но эти словесные громы оказались въ концѣ-концовъ сильнѣе солдатъ и оружія. Общественное мнѣніе обоихъ королевствъ, вся масса вѣрующихъ въ единую спасающую католическую церковь примкнула къ римскимъ громамъ. И вотъ, могущественные англійскій и французскій короли, злобно пометавшись среди негодующаго общества, смирились. Іоаннъ англійскій принесъ торжественное покаяніе и объявилъ себя данникомъ и ленникомъ папы. Филиппъ французскій переустроилъ свои семейныя дѣла такъ, какъ было угодно папѣ. Около того же времени король Аррагонскій, по собственному почину, самъ явился въ Римъ и вручилъ свое королевство папѣ, чтобы получить его обратно въ качествѣ вассала.

Есть величіе въ подобныхъ картинахъ торжества духа надъ мечемъ, и немудрено, что ими увлекались не только правовѣрные католики, а и, напримѣръ, позитивисты съ самимъ Контомъ во главѣ. Они любовались этою, въ наше время почти непонятною, силою авторитета, настоящаго авторитета, себѣ довлѣющаго, поддерживаемаго не штыками или пушками, а сердцами тысячъ и сотенъ тысячъ людей. Этотъ авторитетъ обнялъ собою всю Европу и окружилъ каждую отдѣльную личность своею атмосферою. Онъ породилъ рыцарство, эту прирученную военную силу, вызвалъ множество подвиговъ самоотверженія, преданности нѣкоторому идеальному началу. Такъ говорятъ благорасположенные къ среднимъ вѣкамъ историки и говорятъ, разумѣется, совершенно справедливо. Но правы и историки неблагорасположенные, которые рисуютъ средніе вѣка мрачными красками насилія, притѣсненія, жестокости, постоянной драки. Все это дѣйствительно было, и никакія соображенія о стройности и

гуманизирующемъ вліяніи феодально-католической организаціи, никакіе примѣры самоотверженія и преданности тому или другому идеальному началу не могутъ стереть со страницъ средневѣковой исторіи потоковъ невинной крови, инквизиціонныхъ костровъ, безправія и позора слабыхъ, дикаго разгула сильныхъ. И все это были не случайные историческіе прожилки, теряющіеся въ компактной массѣ совершенно другого вида и свойства матеріи. Нѣтъ, все это столь же неизбѣжно проистекало изъ самыхъ нѣдръ средневѣковаго строя, какъ и тѣ явленія, которыми любуются историки благорасположенные. Полная истина, какъ это часто бываетъ, находится не на той или другой сторонѣ, а въ нихъ обѣихъ, приведенныхъ къ нѣкоторому высшему единству.

Да не поскучаетъ читатель пробѣжать страницу изъ исторіи одного любопытнаго средневѣковаго учрежденія.

Уже очень рано застаемъ мы во многихъ странахъ Европы вольные союзы торговцевъ, мелкихъ собственниковъ, промышленниковъ, владѣльцевъ недвижимой собственности въ городахъ, крестьянъ, подъ именемъ гильдій. Члены гильдій обязывались взаимною помощью въ случаяхъ болѣзней, несчастій, оскорбленій кого-либо изъ нихъ посторонними лицами и т. п. Для поступленія въ гильдію требовались, кромѣ, разумѣется, жительства въ извѣстномъ мѣстѣ, только незапятнанная репутація и поручительство одного изъ членовъ. Отношенія между членами были вполнѣ братскія, да и къ постороннимъ людямъ гильдіи относились весьма гуманно. По крайней мѣрѣ, въ статутахъ говорится о помощи бѣднымъ, пилигримамъ и т. п. изъ гильдейской кассы. Во главѣ гильдіи стоялъ выборный старшина съ помощниками. Смотря по комбинаціи другихъ общественныхъ единицъ, стоявшихъ рядомъ съ гильдіями и выше ихъ, гильдіи покровительствовались одними, преслѣдовались другими. Такъ, въ Англіи онѣ едва ли не съ самаго своего основанія пользовались охраною закона, а капитуляріи Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ грозятъ, напротивъ, членамъ гильдій плетьми, вырываніемъ ноздрей, изгнаніемъ и проч. Впослѣдствіи, однако,

враждебные гильдіямъ короли, ища въ нихъ опоры для борьбы съ феодалами, измѣнили свою политику. Что же касается феодаловъ, то они естественно очень часто приходили во враждебныя столкновенія съ гильдіями, и мирные гильдейцы не разъ съ успѣхомъ мѣрялись силами съ гордыми баронами. Члены гильдіи необыкновенно высоко чтили честь своего союза (который часто ставился подъ покровительство какого-нибудь святого) и достигали часто всеобщаго уваженія. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суды довольствовались половиннымъ и даже меньшимъ числомъ присяжныхъ свидѣтелей, если они были членами гильдій. Отношенія гильдіи къ городу были разнообразны. Во многихъ мѣстахъ именно изъ гильдій выросло городское муниципальное устройство, но вообще опредѣленной связи между гильдіей и городомъ не было. Хотя первоначально личный составъ гильдіи и города часто бывалъ одинъ и тотъ же, но все-таки требовался особый актъ для вступленія въ гильдію. Иногда въ одномъ и томъ же городѣ было нѣсколько гильдій, которыя сливались впослѣдствіи въ одну или же оставались самостоятельными единицами. Въ послѣднемъ случаѣ старѣйшая, раньше другихъ основанная гильдія пользовалась нѣкоторыми преимуществами, которыя оберегала чрезвычайно ревниво. И этотъ-то моментъ ревности составляетъ главнѣйшій факторъ дальнѣйшей внутренней исторіи гильдейскихъ союзовъ. Гильдіи стали замыкаться, затрудняя доступъ въ себя постороннимъ лицамъ и обращаясь въ наслѣдственные, родовые союзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутри ихъ историческій ходъ вещей проводилъ рѣзкія грани. Первоначально торговцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками: они торговали сырьемъ, которое обработывали. Съ теченіемъ времени эти двѣ функціи отдѣлились и, напримѣръ, суконные торговцы перестали быть портными, торговцы кожами оставили кожевенное, дубильное, сапожное мастерства и т. д. Какъ только это общественное раздѣленіе труда достигло достаточной полноты и яркости, такъ двери гильдій заперлись для ремесленниковъ, и подъ сѣнію союза оказались только торговцы и владѣльцы недвижимой собственности. Въ позднѣйшихъ нѣ-

мецкихъ, датскихъ, бельгійскихъ статутахъ постоянно встрѣчаются запрещенія принимать въ гильдію людей «съ грязными руками», «съ траурными ногтями», людей, «выкрикивающихъ свой товаръ на улицахъ». Ремесленники постепенно стали въ глазахъ патриціевъ «безчестными, бездомными людьми, живущими работой». Городской патриціатъ сталъ, въ концѣ-концовъ, къ ремесленникамъ въ отношенія чисто феодальныя, усвоивъ себѣ ко времени своего собственнаго освобожденія отъ феодальнаго гнета многія существеннѣйшія права бывшихъ сюзереновъ.

Въ этотъ-то періодъ городской жизни окрѣпли и развились союзы ремесленниковъ, цехи, миссія которыхъ была совершенно параллельна миссіи гильдій. Во многихъ отношеніяхъ они были даже прямымъ сколкомъ съ гильдій. Но потребности были уже не тѣ, что во времена образованія гильдій. Товарищества взаимнаго страхованія отъ опасностей для личности и имущества перестали составлять настоятельную потребность: на то существовало городское начальство, выдвинутое старыми гильдіями. Не тотъ былъ и персоналъ нуждающихся во взаимной помощи гильдіи: сложились изъ владѣльцевъ недвижимаго имущества и купцовъ, цехи изъ ремесленниковъ. Сообразно этому основнымъ принципомъ цеховъ было огражденіе интересовъ людей мелкаго капитала и ручного труда. При этомъ и внутренняя, и внѣшняя исторія цеховъ представляетъ поразительную аналогію съ исторіей гильдій. Прежде всего и цехамъ приходилось сталкиваться съ разными рядомъ и выше ихъ стоящими единицами, причемъ происходили разнообразныя комбинаціи. Самою важною струею является здѣсь борьба съ городскими патриціями, которая тянулась почти два вѣка и кончилась побѣдою цеховъ. Затѣмъ мы видимъ внутри цеха чисто братскія отношенія, гордость честью союза, образцовый судъ и самоуправленіе.

Цехъ не замыкался, принималъ въ свою среду всякаго, удовлетворявшаго извѣстнымъ требованіямъ, и требовалъ только, чтобы всѣ, занимающіеся такимъ-то ремесломъ, подчинялись правиламъ, выработаннымъ сознаніемъ общихъ нуждъ. Что же касается до самыхъ условій пріема новыхъ членовъ, то, не будучи

особенно отяготительными, они были наложены, такъ сказать, самою силою вещей. Цехъ блюлъ интересы извѣстной отрасли ремесленной промышленности. Это достигалось непосредственно—заботами о благосостояніи производителей, и посредственно—гарантіей интересовъ потребителей, то есть заботами о дешевизнѣ и доброкачественности продуктовъ. Полицейскими мѣрами въ этомъ послѣднемъ направленіи цехъ оберегалъ свою репутацію. Если сюда прибавить еще политическія условія цеха, именно его борьбу съ патриціями, то мы увидимъ, что почти всѣ требованія отъ вновь поступающихъ членовъ были необходимы. Вотъ эти требованія. Право заниматься извѣстнымъ ремесломъ и продавать продукты своего труда связывалось съ правомъ гражданства въ городѣ. Вновь поступающій членъ долженъ былъ имѣть незапятнанную нравственную репутацію. Онъ долженъ былъ пробыть извѣстное время (отъ двухъ до семи лѣтъ) ученикомъ, чѣмъ гарантировалось качество работы. Пріемъ учениковъ совершался весьма торжественно или въ полномъ собраніи цеха, или—такъ какъ ученикъ былъ будущій гражданинъ города—въ ратушѣ, въ присутствіи городскихъ властей. Такъ же торжественно праздновалось и окончаніе курса. При зачисленіи, какъ въ ученики, такъ и въ мастера, взималась небольшая сумма въ цеховую кассу. Кромѣ личнаго искусства работника, цехъ требовалъ извѣстныхъ гарантій въ самомъ производствѣ. Именно, никто не могъ употреблять матеріалы и инструменты, неодобренные цехомъ, и въ статутахъ встрѣчаются мельчайшія подробности въ этомъ отношеніи. Особенно строго преслѣдовались подмѣси и продажа подновленныхъ товаровъ за новые. Статуты обязывали членовъ помогать другъ другу въ работѣ. Впослѣдствіи издавались тарифы цѣнъ на продукты. Въ интересѣ какъ производителей, такъ потребителей, статуты запрещали работать ночью, при свѣчкѣ. Цѣлый рядъ мѣръ принимался для парализированія невыгодныхъ сторонъ конкурренціи. Такъ, назначались извѣстныя вакаціи, въ продолженіи которыхъ воспрещалось работать всѣмъ безъ исключенія. Всякій членъ цеха, закупая сырой матеріалъ, зналъ, что долженъ будетъ уступить опредѣлен-

ную часть его товарищамъ по своей цѣнѣ. Запрещалось работать на заказчика, который еще не расплатился съ другимъ членомъ цеха. И проч., и проч.

Цехи сослужили свою службу: не только дали опериться ремесленникамъ и ремеслу, но обезпечили первымъ политическую равноправность съ патриціями. Жестокая борьба цеховъ, болѣе свѣжихъ, болѣе проникнутыхъ принципомъ взаимности, съ одряхлѣвшими и разрозненными гильдіями, кончилась въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ побѣдой ремесленниковъ. Но ко времени этой побѣды начался уже процессъ внутренняго разложенія цеховъ—процессъ, весьма сходный съ тѣмъ путемъ, которымъ шли къ своей погибели гильдіи. Цехи не были союзами рабочихъ въ теперешнемъ смыслѣ слова. Это были общества людей, самостоятельно занимавшихся ремесломъ при помощи небольшого капитала. Такими они были при самомъ своемъ возникновеніи, такими заявили себя и во время борьбы за свою независимость: тутъ шла рѣчь о равноправности принциповъ недвижимаго имущества, землевладѣнія и капитала. Однако, этотъ характеръ цеховъ вполнѣ обособился и выяснился только съ теченіемъ времени. Первоначально же ремесленники были вмѣстѣ съ тѣмъ и работниками, и хотя извѣстный капиталъ былъ необходимъ для самостоятельнаго веденія ремесла, но, по условіямъ тогдашняго производства, онъ не могъ быть великъ. Правда, ремесленники имѣли при себѣ батраковъ, рабочихъ, но имъ не возбранялось вступать въ цехъ, если они отбыли срокъ ученія и удовлетворяли другимъ требованіямъ цеховой конституціи. Вообще, до средины XIV вѣка о батракахъ почти не упоминается въ статутахъ. Повидимому, до этого времени батраковъ было весьма мало, такъ что не могло быть и рѣчи о существованіи въ средѣ цеховъ особаго, чисто рабочаго сословія, имѣющаго спеціальные интересы. Исключеніе составляли только цехи фландрскихъ и брабантскихъ ткачей. И тамъ, собственно говоря, каждый ткачъ имѣлъ очень мало батраковъ, но самихъ-то ткачей было очень много, а потому въ цѣломъ число батраковъ было до такой степени значительно, что потребовались для нихъ особыя

организаціи. Но при этомъ не было явной вражды между двумя фракціями ремесленниковъ. Все улаживалось пока мирно. Въ XIII вѣкѣ батраки посылали своихъ депутатовъ въ цеховыя собранія; они имѣли голосъ въ рѣшеніяхъ. Что же касается до заработной платы, то она стояла въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ доходу мастера, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Брюгге, батраки были формально участниками дохода.

Съ половины XIV вѣка эти мирныя отношенія исчезаютъ. Чѣмъ болѣе процвѣтала извѣстная отрасль ремесленной промышленности, чѣмъ большій кругъ сбыта она пріобрѣтала, тѣмъ яснѣе становилось, что члены цеховъ не работники, а капиталисты. Цехи съ недовѣріемъ смотрѣли на массы бывшихъ или настоящихъ рабовъ, приливавшія въ города по мѣрѣ развитія промышленности. Съ одной стороны, приливъ рабочихъ рукъ былъ для нихъ выгоденъ, но съ другой—это были все-таки конкурренты, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Отсюда-то и возникли истинныя цеховыя монополіи. Была возвышена сумма, уплачиваемая при вступленіи въ цехъ. Явился обычай требовать дорогого Meisterstück'a, то-есть образчика работы, удостовѣряющаго, что испытуемый достоинъ, по своему искусству, быть принятымъ въ цехъ. Удлинился въ нѣкоторыхъ ремеслахъ до совершеннаго безсмыслія срокъ обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родственники старыхъ членовъ получали всяческія облегченія при зачисленіи въ цехъ. Наконецъ, принципъ наслѣдственности завоевалъ себѣ мѣсто въ цеховой системѣ или съ занесеніемъ его въ статуты или, по крайней мѣрѣ, фактически. Цеховая система, постепенно развертывая заключенные въ ней и дотолѣ скрытые элементы, дошла до того, что во многихъ мѣстахъ для вступленія въ цехъ требовался извѣстный цензъ въ видѣ движимаго или даже недвижимаго имущества. Весьма своеобразно измѣнился и цензъ, такъ сказать, нравственный. Прежде для вступленія въ цехъ требовалась безукоризненная репутація, чѣмъ устранялось сообщество порочныхъ людей. Въ XIV же вѣкѣ цехи преградили доступъ къ себѣ цѣлымъ категоріямъ лицъ, вродѣ незаконныхъ дѣтей, сыновей крестьянъ, дѣтей золотарей, живодеровъ, акте-

ровъ; въ германскихъ цехахъ не принимались славяне и т. п. Старый духъ братства исчезъ совершенно и въ средѣ самыхъ цеховъ появились различныя дифференцированія, цехи распадались на болѣе бѣдныхъ и богатыхъ. Такъ, напримѣръ, изъ одного и того же цеха обособились цехи кожевниковъ, сапожниковъ и чеботарей. Появились неслыханные дотолѣ споры и судебные процессы о предѣлахъ компетенціи разныхъ цеховъ. Тяжбы эти тянулись иногда цѣлыми столѣтіями. Сапожники тягались съ починяльщиками поношеной обуви, ременьщики съ кожевниками, продавцы стараго платья съ портными, а тѣ, въ свою очередь, съ суконторговцами и т. д., и т. д. Женщины устранялись отъ занятій, наиболѣе имъ свойственныхъ, но за то и женщины, если имъ удавалось овладѣть правомъ на какое-нибудь производство, не допускали къ себѣ мужчинъ. Вся жизнь подѣлилась на маленькія клѣточки, ревниво оберегавшія свои узенькія рамки и усиленно враждовавшія со всѣмъ, что лежало внѣ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сама промышленность замерла для какихъ бы то ни было усовершенствованій въ качественномъ или количественномъ отношеніи: мастеръ большею частью обязывался приготовить опредѣленное число извѣстнаго продукта въ годъ, именно этого продукта, а не другого, не больше и не меньше, не хуже и не лучше.

Не менѣе важнымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе важнымъ явленіемъ было распаденіе однороднаго или почти однороднаго цеха на мастеровъ, учениковъ, имѣвшихъ право и возможность вписаться по окончаніи курса въ цехъ, и, такъ сказать, вѣчныхъ подмастерьевъ, батраковъ, рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ Англіи противоположность интересовъ мастеровъ и подмастерьевъ обнаружилась съ совершенною ясностью послѣ чумы 1349 г. Это было страшное время. Вымирали цѣлые села и города, страна обезлюдѣла. Цѣны поднялись на все. Священники подняли цѣну на молебны, обѣдни и т. п. Купцы, пользуясь слабымъ предложеніемъ товаровъ, подняли цѣны на товары. Вздорожали и рабочія руки. Хлѣбъ гнилъ на неубранныхъ поляхъ, цѣлыя стада пропадали потому, что жнецы и па-

стухи требовали огромной платы. Аналогичныя явленія имѣли мѣсто и въ городахъ: батраки, подмастерья не соглашались работать на цеховыхъ ремесленниковъ за прежнюю плату. Въ дѣло это вмѣшалось правительство, издавъ цѣлый рядъ указовъ, имѣвшихъ цѣлью установить какую-нибудь норму для расшатанныхъ отношеній, и такою нормою естественно представлялись отношенія, существовавшія до чумы. Между прочимъ, и батракамъ правительство предписало работать за ту плату, которую они получали до чумы, а цеховыхъ ремесленниковъ обязало не платить больше, чѣмъ они платили прежде. Однако, съ этихъ поръ, борьба между мастерами и батраками стала открытой, и въ борьбѣ этой обыкновеннымъ пріемомъ подмастерьевъ былъ гуртовой отказъ отъ работы. Но самый этотъ пріемъ требовалъ извѣстнаго единенія между батраками. И дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ появляются «братства» подмастерьевъ, совершенно аналогичныя цехамъ ремесленниковъ и древнимъ гильдіямъ въ первую пору ихъ существованія. Въ статутахъ братствъ говорится о богослуженіи сообща, объ общественныхъ обѣдахъ, о похоронахъ на общій счетъ, о взаимной помощи и т. п. Всякій подмастерье извѣстной отрасли промышленности долженъ былъ входить въ составъ братства. Всякій, имѣющій претензію на другого члена братства, долженъ былъ, прежде чѣмъ идти въ какой-нибудь судъ, сдѣлать попытку примиренія сначала передъ старшинами братства, а потомъ передъ старшинами цеха. Съ этой стороны «братство» являлось какъ бы дополненіемъ цеха, какъ бы продолженіемъ его принциповъ въ средѣ подмастерьевъ. Поэтому они вообще признавались цеховыми мастерами и учреждались съ ихъ согласія, однако, не вездѣ. Здѣсь мы опять-таки встрѣчаемъ разнообразныя столкновенія съ общественными единицами, стоящими рядомъ съ братствами и выше ихъ. Не входя въ дальнѣйшую исторію этихъ союзовъ подмастерьевъ и рабочихъ, конецъ которой выходитъ за предѣлы среднихъ вѣковъ, отмѣтимъ только слѣдующее обстоятельство. Рабочія товарищества, долго, упорно, хотя и съ перемѣннымъ счастіемъ, боролись съ союзами мастеровъ. Но при этомъ, примыкая все-таки къ цеховой системѣ въ смыслѣ дробленія производства и

враждебной замкнутости отдѣльныхъ его отраслей, они не упускали случая подраться и между собой. Такъ какъ подмастерья обязаны были извѣстный срокъ странствовать, чтобы приглядѣться къ своему мастерству, то естественно у нихъ образовались общія пристанища и новыя связи въ чужихъ мѣстахъ. Всѣ эти связи и отношенія были проникнуты наилучшими чувствами; но если подмастерье встрѣчалъ представителя другой, враждебной профессіи, то немедленно возникала ссора, драка, достигавшая иногда размѣровъ обширнаго, массоваго и кроваваго побоища.

Такова очень, конечно, бѣглая картина возникновенія, развитія и паденія средневѣковыхъ промышленныхъ союзовъ. Она поучительна. Вы видите прежде всего чрезвычайно пеструю, сложную, общественную жизнь. Не говоря о феодальномъ баронѣ и его крѣпостныхъ, не говоря далѣе о церковныхъ отношеніяхъ, вотъ торговецъ, далекій отъ всякаго труда и презирающій его; вотъ ремесленникъ-мастеръ сапожнаго, положимъ, цеха, производящій только новые сапоги; вотъ мастеръ близкаго, но другого все-таки цеха, только починяющій обувь; дальше идутъ мастера по другимъ отраслямъ, чрезвычайно дробнымъ и обособленнымъ; дальше — подмастерья, сами по себѣ отличные отъ мастеровъ и кромѣ того, распредѣляющіеся по всему множеству раздробленныхъ профессій. Всѣ они отдѣлены другъ отъ друга рѣзкими политическими, юридическими, нравственными гранями. Всѣ крѣпко держатся за ту маленькую клѣточку жизни, которая образуется пересѣченіемъ этихъ граней. Каждая функція дробится, обособляется, выдѣляется. Ясно, однако, что, параллельно съ проистекающей отсюда сложностью общественной жизни, взятой въ цѣломъ, личная жизнь средневѣкового человѣка должна была оскудѣвать, становиться все болѣе однообразною и одностороннею. Намъ, охваченнымъ совершенно другими формами раздѣленія труда, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи улучшенные пути сообщенія, почту, телеграфъ, газеты,—намъ трудно даже представить себѣ чрезвычайное однообразіе впечатлѣній средневѣкового человѣка, со всѣхъ сторонъ окруженнаго заставами и стѣнами.

И такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ просвѣта, безъ мысли о возможности какого-нибудь значительнаго измѣненія положенія.

Не слѣдуетъ думать, что эта узкость, односторонность, духовная скудость была спутницей именно только цеховой системы. Безъ сомнѣнія, бѣдность и однообразіе впечатлѣній должны выступать здѣсь съ особенною ясностью, благодаря строгой регламентаціи размѣровъ и способовъ производства и крайней раздробленности ея отраслей. Но та же духовная скудость была, въ формахъ, менѣе яркихъ, но не менѣе дѣйствительныхъ, достояніемъ всѣхъ классовъ средневѣкового общества. Справедливо говоритъ Гизо: «Ошибочно было бы для обозначенія сельскаго населенія этой эпохи употреблять такое выраженіе, съ которымъ соединялось бы понятіе о чемъ-то цѣломъ, объ обществѣ, напримѣръ, слово «народъ». Населеніе это не составляло общества; дѣятельность его была исключительно мѣстная. Внѣ занимаемой ими территоріи колонны не имѣли дѣла ни до кого, не были связаны ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ» («Исторія цивилизаціи въ Европѣ»).

Еще ближе къ истинѣ стоитъ Мишле въ главѣ «Отчего средніе вѣка пришли въ отчаяніе», въ извѣстной книгѣ «La sorcière» «Въ теченіи цѣлыхъ десяти столѣтій, тоска, неизвѣстная прежнимъ временамъ, держала средніе вѣка въ состояніи не то бодрствованія, не то сна, и надъ людьми господствовала конвульсія скуки, называемая зѣвотой. Пусть неустанный колоколъ звонитъ въ привычные часы—люди зѣваютъ; пусть тянется старое латинское пѣніе въ носъ—люди зѣваютъ. Все предвидѣно, надѣяться не на что, дѣла будутъ идти все такъ-же. Несомнѣнная скука завтрашняго дня заставляетъ зѣвать уже сегодня и перспектива будущихъ дней, годовъ скуки ложится тяжелымъ гнетомъ на жизнь. Автоматическая и фатальная конвульсія безъ конца и надежды раздвигаетъ челюсти. Настоящая болѣзнь, которую благочестивая Бретань приписываетъ дьяволу: онъ, говорятъ бретанскіе крестьяне, прячется въ лѣсу и поетъ прохожимъ обѣдни и другія церковныя службы до того, что они, наконецъ, умираютъ отъ зѣвоты». Конечно, средневѣковые люди не болѣли зѣвотой въ буквальномъ смыслѣ слова; они жили, любили, чув-

ствовали, мыслили, но все это было вогнано въ непомѣрно узкія стойла, гдѣ царило томительное и дѣйствительно почти усыпляющее, почти гипнотизирующее однообразіе впечатлѣній. Сами гордые бароны, гнѣздившіеся въ замкахъ съ высокими стѣнами и глубокими рвами, выѣзжавшіе оттуда только для грабежа и турниров и опять прятавшіеся за свои стѣны, были обречены на ту же истому однообразія, а ихъ жены и подавно. Вообще, всякая личная жизнь, отлившись въ однообразныя, узкія формы, замерла.

Но Мишле находитъ еще другую причину, «отчего средніе вѣка пришли въ отчаяніе»: необезпеченность личности. Не смотря на неподвижность формъ, въ которыя отлилась средневѣковая личная жизнь, всякій свободный человѣкъ могъ оказаться вассаломъ, вассалъ—слугой, слуга—рабомъ, сервомъ. Фактически это, конечно, вѣрно, но едва ли справедливо переносить теперешнюю европейскую жажду личной свободы на средневѣковые нравы. Безъ сомнѣнія, и тогда были люди, считавшіе личную свободу благомъ и гнушавшіеся всякаго рода зависимостью. Но отнюдь не таково было общее правило. Вообще говоря, средневѣковой человѣкъ не только не тяготился зависимостью, а даже, напротивъ, искалъ ея. Одною изъ наиболѣе выдающихся психологическихъ чертъ типическаго тогдашняго человѣка была какая-то странная потребность повиноваться, отдавать свою волю въ чужія руки, чему вполнѣ соотвѣтствовала средневѣковая лѣстница зависимости, необходимыя ступени которой составляли сюзеренъ, вассалъ и рабы, колонны, крѣпостные. Каждый феодалъ, имѣя своихъ вассаловъ, самъ былъ или могъ быть вассаломъ другого сюзерена, и вся эта лѣстница упиралась въ безконечность, ибо дотягивалась до престола Всевышняго, непосредственно подъ которымъ находился намѣстникъ Божій на землѣ—папа, по мнѣнію однихъ, императоръ—по мнѣнію другихъ. Обыкновенно происхожденіе этой лѣстницы объясняется насиліемъ или голымъ разсчетомъ: дескать, слабый человѣкъ либо насильственно ставился въ вассальныя или рабскія отношенія къ сильному, либо добровольно отдавался подъ его за-

щиту и покровительство, дабы охранить себя отъ вящшаго гнета. Не отрицая того и другого источника, надо, однако, замѣтить, что средніе вѣка представляютъ множество образчиковъ добровольнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно безкорыстнаго самоподчиненія. Вышеприведенный случай съ королемъ Аррагонскимъ, добровольно и безъ всякаго давленія извнѣ объявившимъ себя лепникомъ папскаго престола, не составляетъ чего-нибудь рѣдкаго или исключительнаго. Напротивъ, множество всякаго званія людей самозакрѣпощали себя такимъ образомъ Богу, тому или другому святому, а въ сущности, конечно, папѣ или тому, или другому духовному лицу, духовной коллегіи. Затѣмъ рыцарское «служеніе дамѣ», и по внутреннему характеру, и даже по нѣкоторымъ внѣшнимъ формамъ весьма близкое къ вассальнымъ отношеніямъ, представляетъ другой любопытный примѣръ добровольнаго средневѣковаго самоподчиненія. Рыцарь весь отдавался своей дамѣ, совершалъ, по ея приказанію, въ угоду ей или въ честь ея, блистательные подвиги, возмутительныя злодѣйства и невѣроятныя глупости. Надо при этомъ имѣть въ виду, что, налагая на себя это, иногда вовсе не легкое бремя, рыцарь въ то же время оставался подъ игомъ своего сюзерена и своей корпораціи. Наконецъ, средневѣковые люди готовы были служить и дьяволу, и цѣлыми массами принимали страданіе и смерть ради этого фантастическаго объекта поклоненія. Если, такимъ образомъ, средневѣковой человѣкъ добровольно и безкорыстно служилъ, подчинялся, повиновался папѣ и женщинѣ, чорту и Богу, то можно думать, что и въ другія свои отношенія онъ вкладывалъ не малую долю дѣйствительной, безкорыстной преданности и покорности. Конечно, въ нѣкоторомъ очень общемъ смыслѣ можно, пожалуй, говорить, что, и поклоняясь папѣ и женщинѣ, Богу и дьяволу, человѣкъ руководился простымъ разсчетомъ—на награду въ загробной жизни, на помощь чистой или нечистой силы въ текущихъ земныхъ дѣлахъ, на любовь дамы и т. д. Но какова бы ни была доля справедливости въ этихъ общихъ соображеніяхъ, а нельзя же все-таки отрицать, что есть на свѣтѣ покорность, настолько отдѣлившаяся

отъ своего корня—разсчета, что представляетъ уже нѣчто самостоятельное; есть же на свѣтѣ люди, искренно и даже пламенно цѣлующіе руку, которая ихъ бьетъ, и ярмо, которое ихъ давитъ. Вотъ эта-то самодовлѣющая покорность и выдавалась въ средніе вѣка, выражаясь въ разнообразнѣйшихъ формахъ, отъ высокаго самоотверженія до пассивнаго, почти животнаго терпѣнія, отъ восторженной и торжественной передачи своей воли въ чужія руки до молчаливаго признанія за этими чужими руками права бить, обирать, казнить и миловать. Я не думаю, разумѣется, утверждать, чтобы жизнь средневѣкового человѣка исчерпывалась этимъ мотивомъ и чтобы онъ не руководился разсчетами выгоды и невыгоды. Это была бы безсмыслица, тѣмъ болѣе что гдѣ есть битые, тамъ есть, значитъ, и бьющіе; гдѣ есть покорные—тамъ есть и покоряющіе. Я утверждаю только, что средніе вѣка были несравненно богаче всякой другой исторической эпохи готовностью людей повиноваться, служить, подчиняться. Благородными формами этой готовности и восхищаются историки благорасположенные, видя въ нихъ черты чисто нравственной дисциплины. Но, не говоря о томъ, что рядомъ съ этими благородными формами существовали формы холопскія и даже почти не человѣческія, а собачьи,—эта болѣзненная потребность отдавать свою волю въ чужія руки, вытекая сама собой изъ средневѣковаго строя общественной жизни, въ немъ же встрѣчала препятствія для мирнаго и спокойнаго своего удовлетворенія. Ибо возникалъ вопросъ: кому, чему повиноваться? На первый взглядъ средневѣковыя общественныя отношенія представляютъ нѣчто стройное, правильное и именно напоминаютъ игрушку изъ коробочекъ, одна въ другую вложенныхъ: каждая коробочка заключаетъ въ себѣ другую и въ свою очередь заключается въ третьей. Такъ, подмастерье или рабочій входилъ въ составъ братства, которое заключалось въ цехѣ, а цехъ входилъ въ составъ городскаго самоуправленія. Такъ сервъ входилъ въ составъ феода, который персонифицировался въ феодалѣ, тотъ въ свою очередь имѣлъ своего сюзерена, этотъ былъ вассаломъ другого сюзерена и т. д. Если бы дѣло и стояло такъ просто и правильно, такъ и то коллизіи между

различными ступенями общественной лѣстницы были бы неизбѣжны. Но въ дѣйствительности отношенія были безконечно сложнѣе и дробнѣе. Рабочій могъ состоять въ цехѣ только, такъ сказать, одной ногой. Въ качествѣ ткача, сапожника, онъ примыкалъ къ цеху, но въ качествѣ работника онъ туда не допускался. Городъ могъ, дробясь на предмѣстья, участки, улицы, находиться во власти нѣсколькихъ сеньёровъ, между которыми могли быть сеньёры свѣтскіе и духовные; тѣ и другіе входили въ составъ двухъ іерархій, свѣтской и церковной, постоянно между собой сталкивавшихся. Не было физической возможности повиноваться всѣмъ за разъ, ибо это значило бы разорваться въ буквальномъ смыслѣ слова, и средневѣковой человѣкъ, именно въ силу своей необычайной покорности, долженъ былъ сплошь и рядомъ оказываться непокорнымъ. Мы видѣли, что въ началѣ XIII вѣка французскіе и англійскіе люди оказались, правда, довольно пассивно, непокорными своимъ королямъ, но именно потому, что они были глубоко и сердечно подчинены духовной власти. Мы видѣли, что въ половинѣ того же XIII столѣтія французскіе люди отказались повиноваться королевѣ Бланкѣ, когда она приказывала имъ рубить двери тюрьмы, въ которую духовные владыки засадили своихъ крестьянъ: они боялись. Но стоило только Бланкѣ показать примѣръ собственноручнымъ ударомъ въ дверь,—и плѣнники были моментально освобождены.

Русскій историкъ французскихъ крестьянъ замѣчаетъ: «Установленіе феодальнаго порядка не встрѣтило сопротивленія со стороны массы народа... Почему же не возставали низшіе классы противъ этой споліаціи, когда на ихъ сторонѣ было численное превосходство, когда дѣло происходило въ бурную, военную эпоху, въ которую люди, имѣя вѣчно дѣло съ мечемъ, могли не дорожить своею жизнью? Но въ томъ-то и дѣло, что тогдашніе люди представляли болѣе примѣровъ безсилія, нежели храбрости... Сознаніе собственнаго достоинства было развито въ самой незначительной степени, и слабый безпрестанно унижался, раболѣпствовалъ передъ сильнымъ, говорилъ тономъ раба: «это были: какъ выразился одинъ писатель, рабскія души, развитыя не-

благопріятной судьбой» (Карѣевъ, «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 года». Варшава, 1881).

X.

Однако, «низшіе классы» не разъ возставали въ средніе вѣка, какъ грозная буря, когда предѣлъ упругости человѣческой души бывалъ, наконецъ, превзойденъ, когда гнетъ и насиліе поднимались свыше всякой мѣры терпѣнія. И съ теченіемъ времени вся вавилонская башня средневѣковой іерархіи была подкопана и, наконецъ, рухнула со страшнымъ громомъ. Но на это потребовались цѣлые вѣка. Что же касается формъ и результатовъ борьбы, то и они носили на себѣ неизгладимую печать средневѣковья въ его наиболѣе типическихъ чертахъ—повиновенія и подражанія. Мы можемъ, кажется, теперь съ увѣренностью сказать, что такъ и должно было быть въ виду однообразія, скудости и постоянства впечатлѣній средневѣковаго человѣка.

Вглядываясь въ вышеприведенную исторію развитія и разложенія цеховой системы, мы видимъ постоянную, вѣковую борьбу сначала гильдій съ феодалами, потомъ мастеровъ съ городскимъ патриціатомъ, наконецъ рабочихъ съ мастерами. Торговые и промышленные люди, ремесленники, рабочіе послѣдовательно выступаютъ на арену борьбы, но, выступая, каждая изъ этихъ группъ повторяетъ пріемы предыдущей и приходитъ къ тѣмъ же результатамъ. И мало того, что каждое вновь обнаруживающееся общественное наслоеніе копируютъ своихъ предшественниковъ,—оно, кромѣ того, регламентируетъ подражаніе, дѣлаетъ его обязательнымъ и въ самой организаціи своей, и въ производствѣ, и во всемъ складѣ жизни. Ни ремесленникъ, ни рабочій не должны проявлять какую-нибудь оригинальность, какое нибудь творчество въ своей дѣятельности: они должны слѣдовать разъ установленнымъ образцамъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Безъ конца повторяя другъ другу, они повторяютъ себя и въ дѣтяхъ

своихъ, что́ достигается все болѣе и болѣе прочнымъ установленіемъ принципа наслѣдственности занятій, правъ и обязанностей Члены добровольныхъ союзовъ, они, слѣпо повинуясь выраженнымъ или невыраженнымъ повелѣніямъ этихъ союзовъ, враждуютъ не только съ дѣйствительными врагами, а и съ своимъ же братомъ, мастеровымъ или рабочимъ, если только онъ занимается другимъ мастерствомъ. Строгая регламентація размѣровъ и способовъ производства, равно какъ и обязательная наслѣдственность занятій сами собой вытекали изъ раздробленности, обособленности и замкнутости всѣхъ общественныхъ функцій и группъ. Если гнетущее однообразіе жизни на крайнемъ сѣверѣ вызываетъ распространеніе нервныхъ болѣзней эпидемическимъ, подражательнымъ путемъ; если, какъ рѣшительно утверждаетъ Вайцъ, въ замкнутыхъ племенахъ и обществахъ съ однообразною жизнью даже сходство чертъ лица достигается путемъ непроизвольнаго подражанія (Anthropologie der Naturvölker, I, 77—78); то можно думать, что средневѣковая регламентація отнюдь не была чѣмъ-то тяжелымъ или нестерпимо принудительнымъ. Она только, такъ сказать, кодифицировала велѣнія самой жизни, ибо и безъ нея дѣла шли бы, за малыми исключеніями, такъ же, какъ и при ней: одинъ подражалъ бы другому, другой третьему.

Но вотъ поднимается настоящее народное возстаніе, грозящее, кажется, перевернуть вверхъ дномъ все общество. Вотъ, напримѣръ, возстаютъ во Франціи XIV вѣка десятки тысячъ крестьянъ. Измученные, голодные, избитые, мужья, отцы и братья опозоренныхъ женъ, дочерей, сестеръ, они додумались, наконецъ, что они такіе же люди, какъ и бароны: nous sommes comme ils sont, tels membres avons, comme ilsont, et aussi grand corps avons, et autant souffrir pouvons. Эти «жаки» грабили и разоряли замки феодаловъ, избивали ихъ самихъ, ихъ семьи. Разгромъ былъ страшный. Но, какъ разсказываетъ лѣтописецъ (Фруассаръ), «когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они такъ поступаютъ, они отвѣчали, что *не знаютъ*, *а дѣлаютъ такъ*, *какъ другіе* (ils répondoient quils ne savoient, mais quils faisoyent ainsi quils veoyent les autres faire), и думаютъ, что надо такимъ образомъ истребить всѣхъ

дворянъ на свѣтѣ». Грозная жакерія была потушена въ нѣсколько недѣль кровью жаковъ. И затѣмъ еще горсть крестьянъ, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ жаковъ, *просила позволенія* у начальства сразиться на свой собственный страхъ съ вторгнувшимися во Францію англичанами, передъ которыми пасовали побѣдители жаковъ—пышные дворяне... Впослѣдствіи, однако, подобныя возстанія стали обходиться побѣдителямъ много дороже. Но это было уже въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда весь феодально-католическій строй былъ расшатанъ. Но собственно для средневѣковыхъ массовыхъ движеній чрезвычайно характерно то отсутствіе выдержки, плана, цѣли, направленія и то преобладаніе повиновенія и подражанія, которыя такъ ясно выразились въ жакеріи XIV столѣтія. Средневѣковая масса представляла, можно сказать, идеальную толпу. Лишенная всякой оригинальности и всякой устойчивости, до послѣдней возможной степени подавленная однообразіемъ впечатлѣній и скудностью личной жизни, она находилась какъ бы въ хроническомъ состояніи ожиданія героя. Чуть только мелькнетъ какой-нибудь особенный, выдающійся образъ на постоянно сѣромъ, томительно ровномъ фонѣ ея жизни—и это уже герой, и толпа идетъ за нимъ, готовая, однако, свернуть съ половины дороги, чтобы идти за новымъ, бросившимся въ глаза, образомъ. Но именно вслѣдствіе этой необыкновенной податливости толпы, средневѣковые герои весьма мало интересны, говоря вообще. Чтобы сдѣлаться въ ту пору героемъ, не нужно было обладать какими-нибудь специфическими чертами вожака. Не нужно было, напримѣръ, быть носителемъ той или другой идеи, которая концентрировала бы бродящіе въ толпѣ инстинкты или позывы; не нужно было обладать планомъ дѣйствія, надменною дерзостью повелителя или мягкостью искуснаго ловца умовъ и сердецъ. Сталъ человѣкъ ни съ того, ни съ сего плясать на улицѣ—и онъ герой; пошелъ освобождать гробъ Господень — герой; сталъ хлестать себя публично плетью по обнаженному тѣлу — герой; пошелъ бить жидовъ — герой и т. д., и т. д. Словомъ, отношенія между толпой и героями были самыя элементарныя, а потому

мало поучительныя. Поучительно здѣсь именно только то, что героемъ могъ оказаться первый встрѣчный. А изъ этого слѣдуетъ, что хотя секретъ держанія массъ въ повиновеніи очень простъ, но представляетъ собою нѣчто очень скользкое и обоюдоострое. Мы уже видѣли это на примѣрѣ солдатъ, которые, будучи, такъ сказать, гипнотизированы самою своею жизнью, даютъ образчики безусловнаго повиновенія, но, при извѣстныхъ условіяхъ, вся сила этого автоматизма направляется совсѣмъ не туда, куда было бы желательно ее направить власть имѣющимъ. Кто хочетъ властвовать надъ людьми, заставить ихъ подражать или повиноваться, тотъ долженъ поступать, какъ поступаетъ магнитизеръ, дѣлающій гипнотическій опытъ. Онъ долженъ произвести моментально столь сильное впечатлѣніе на людей, чтобы оно ими овладѣло всецѣло и, слѣдовательно, на время задавило всѣ остальныя ощущенія и впечатлѣнія, чѣмъ и достигается односторонняя концентрація сознанія; или же онъ долженъ поставить этихъ людей въ условія постоянныхъ однообразныхъ впечатлѣній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ можетъ дѣлать чуть не чудеса, заставляя плясать подъ свою дудку массу народа и вовсе не прибѣгая для этого къ помощи грубой физической силы. Но бываютъ обстоятельства, когда этотъ эффектъ достигается въ извѣстной степени личными усиліями героя, и бываютъ другія обстоятельства, когда нѣтъ никакой надобности въ такихъ личныхъ усиліяхъ и соотвѣтственныхъ имъ умственныхъ, нравственныхъ или физическихъ качествахъ. Тогда героемъ можетъ быть всякій, что мы и видимъ въ средніе вѣка.

Возвращаясь къ исторіи средневѣковыхъ вольныхъ ремесленныхъ союзовъ, рекомендую читателю посмотрѣть на нее, какъ на фактическую иллюстрацію къ оцѣнкѣ теорій Адама Смита и Герберта Спенсера, сдѣланной нами въ одной изъ предыдущихъ главъ. Мы видѣли, что эти мыслители отождествляютъ или, по крайней мѣрѣ, смѣшиваютъ симпатію, сочувствіе съ автоматическимъ подражаніемъ. Мы видѣли также, что мнѣніямъ ихъ рѣшительно противорѣчатъ факты подражанія поступкамъ подлымъ или жестокимъ, хотя нельзя не признать, что между симпатіей и по-

дражаніемъ есть нѣчто общее. Это общее можно пожалуй выразить словами г. Кандинскаго или цитируемаго имъ Льюиса: «стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми». Но придти на помощь человѣку, котораго бьютъ, и принять участіе въ его побіеніи—это двѣ вещи разныя. Въ первомъ случаѣ человѣкъ приходитъ въ унисонъ съ жертвой, во второмъ — съ палачами. Исторія развитія цеховой системы даетъ намекъ на полное объясненіе дѣла.

Вначалѣ гильдіи, какъ и цехи, относятся чрезвычайно гуманно къ людямъ, даже стоящимъ внѣ этихъ союзовъ. Ихъ члены способны сочувствовать слабымъ, нуждающимся, и «приходить съ ними въ унисонъ», переживая ихъ жизнь. Но, по мѣрѣ того, какъ раздѣленіе труда проводитъ все болѣе и болѣе глубокія демаркаціонныя черты въ обществѣ, стремленіе къ унисону, оставаясь на лицо, существенно измѣняетъ свой характеръ и направленіе: вмѣсто сочувствія получается подражаніе. Сочувствіе убываетъ, а подражаніе прибываетъ до такой степени, что становятся возможны кровавыя драки и глубокая взаимная ненависть между представителями различныхъ отраслей раздѣленнаго общественнаго труда; становятся возможными такая замкнутость и отчужденность, что ремесленникъ для купца, рабочій для мастера, кузнецъ для сапожника и т. д.,—есть какъ бы совсѣмъ другой породы существо, относительно котораго позволительна всякая жестокость и неправда. Такимъ образомъ, хотя симпатія и подражаніе имѣютъ въ основаніи своемъ нѣчто общее, но совершенно разнятся по своему направленію. При этомъ подражаніе, будучи результатомъ однообразія впечатлѣній, наилучше питается общественнымъ строемъ съ рѣзко раздѣленнымъ трудомъ. Въ средніе вѣка этотъ эффектъ былъ особенно силенъ, благодаря полному отсутствію въ обществѣ элементовъ, такъ или иначе уравновѣшивающихъ невыгоды раздѣленія труда.

НАУЧНЫЯ ПИСЬМА *).

(Къ вопросу о герояхъ и толпѣ).

I.

Происхожденіе стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ, по Гальтону.—Неудовлетворительность объясненія Гальтона.—Невозможность рѣшить задачу съ точки зрѣнія теоріи Дарвина.—Теорія Рамбоссона.—Передача и превращенія мимическаго движенія.—Объ одномъ научномъ предразсудкѣ.—Психіатро-зоологическая теорія народныхъ волненій Ломброзо.

Въ статьѣ «Геронъ и толпа» была сдѣлана попытка объединить всѣ явленія автоматическаго подраженія, чрезвычайно многочисленныя и разнообразныя и имѣющія мѣсто чуть не во всѣхъ областяхъ жизни, какъ органической, такъ и общественной. При этомъ оказалось, между прочимъ, что явленія автоматическаго

*) Соображая составъ VI-го тома своихъ сочиненій, я остановился, между прочимъ, на двухъ статьяхъ: одной, сравнительно недавней—«Герои и толпа» и другой, старой—«Органъ, недѣлимое, общество». Я давно разстался съ мечтой привести свои соціологическія статьи въ порядокъ и свести ихъ въ одно цѣлое (см. предисловіе къ IV тому сочиненій). Но перепечатывать въ отдѣльномъ изданіи упомянутыя двѣ статьи безъ всякой переработки и безъ попытки хоть ихъ-то внутреннее единство обнаружить передъ читателемъ, было бы ужъ слишкомъ обидно. Статья «Органъ, недѣлимое, общество», очень сухая и, конечно, давно забытая даже наиболѣе благосклонными изъ моихъ читателей, содержитъ въ себѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ самыя основанія моей соціологической теоріи, но требуетъ значительныхъ дополненій, такъ какъ предметъ ея въ послѣдніе три-четыре года очень занималъ европейскую литературу. Статья

подражанія и нравственный или психической заразы находятся по всѣмъ видимостямъ въ самой тѣсной связи съ явленіями повиновенія, покорности. Эта попытка (очень бѣглая и уже потому неудовлетворительная, да вдобавокъ и неконченная) привести къ одному знаменателю явленія, столь разнообразныя, и во многихъ отношеніяхъ столь важныя, остается до сихъ поръ, къ сожалѣнію, вполнѣ одинокою. Не только въ русской литературѣ не было сказано за эти два года ни одного разъяснительнаго и вообще сколько-нибудь цѣннаго слова по этому поводу, но и въ Европѣ этотъ вопросъ чрезвычайной важности въ сущности очень мало подвинулся впередъ къ своему разрѣшенію. Едва ли даже хоть сколько-нибудь подвинулся, потому что подвинуться онъ можетъ только въ томъ случаѣ, если будетъ взятъ во всей своей многосложной обширности, а этого-то и нѣтъ. Но европейская мысль все-таки неустанно работаетъ, побуждаемая отчасти явленіями текущей практической жизни, отчасти той жаждой научныхъ завоеваній, которая ищетъ все новыхъ и новыхъ невѣдомыхъ или мало изслѣдованныхъ странъ, для водруженія на нихъ знамени той или другой доктрины. Англичанинъ Гальтонъ, французъ Рамбоссонъ и итальянецъ Ломброзо почти единовременно и совсѣмъ другъ отъ друга независимо остановили свое вниманіе на нѣкоторыхъ сторонахъ той обширной группы явленій, которую я не умѣю лучше формулировать, какъ словами «герои и толпа».

«Герои и толпа» осталась недописанною, оборванною, по обстоятельствамъ, для читателя неинтереснымъ. Докончить ее, и именно въ смыслѣ приведенія ея фактическаго содержанія и теоретическихъ положеній въ связь съ основаніями теоріи, было для меня очень соблазнительно. Разсчитывать, однако, при этомъ на полную стройность и архитектурную соразмѣрность изложенія я, понятное дѣло, не могъ. Результатомъ этихъ соображеній и оказываются предлагаемыя «Научныя письма» съ ихъ намѣренно неопредѣленнымъ и общимъ заглавіемъ. Если обстоятельства опять помѣшаютъ мнѣ довести ихъ до того пункта, который удовлетворилъ бы меня самого, то я надѣюсь во всякомъ случаѣ придать имъ нѣкоторый интересъ въ глазахъ читателя, независимо отъ моей главной цѣли.

Гальтонъ, хорошо извѣстный нашей читающей публикѣ по «Наслѣдственности таланта», посвятилъ «стадным и рабскимъ инстинктамъ» одну главу своей послѣдней книги (Inquiries into human faculty and its development by Francis Galton, London 1883). Онъ стоитъ на почвѣ общихъ принциповъ теоріи Дарвина. Другая современная широкая научная теорія, теорія единства и превращенія физическихъ силъ, дала толчокъ сначала нѣсколькимъ мемуарамъ, а потомъ книгѣ Рамбоссона о психической заразѣ и автоматическомъ подраженіи (Phénomènes nerveux, intellectuels et moraux, leur transmission par contagion, J. Rambosson, Paris 1883). Наконецъ, извѣстный психіатръ Ломброзо, по поводу одного великаго случая изъ внутренней политической жизни Италіи, обнародовалъ теорію массовыхъ народныхъ волненій (Due Tribuni studiati da un alienista. C. Lombroso. Roma, 1883).

Съ изложенія и критики этихъ научныхъ новостей мы и начнемъ.

Въ книгѣ Гальтона, какъ уже сказано, для насъ интересна собственно одна только глава. Въ главѣ этой *) «рѣчь идетъ о рабскихъ склонностяхъ, несвойственныхъ вождямъ людей, но составляющихъ характеристическій элементъ жизни заурядныхъ личностей,—говоритъ Гальтонъ. Значительное большинство представителей нашей расы обладаетъ естественнымъ стремленіемъ уклоняться отъ отвѣтственности, сопряженной съ самостоятельною дѣятельностью: они возводятъ vox populi въ vox Dei даже и тогда, когда имъ извѣстно, что этотъ vox populi исходитъ отъ ничтожной толпы: они всегда являются податливыми рабами традиціи, авторитета и обычая. Умственный недостатокъ, соотвѣтствующій этому нравственному пороку, обнаруживается рѣдкостью свободныхъ и оригинальныхъ идей, сравнительно съ часто встрѣчающеюся готовностью принимать мнѣнія людей авторитетныхъ и подчинять имъ свои собственныя сужденія. Я по-

*) Приношу глубокую благодарность В. В. Лесевичу, обратившему мое вниманіе на книгу Гальтона и сдѣлавшему для меня переводъ главы «Стадные и рабскіе инстинкты».

пытаюсь доказать, что рабскія наклонности человѣка являются прямымъ послѣдствіемъ стадности его природы, которая, въ свою очередь, есть результатъ его первобытнаго варварства и формъ послѣдующей цивилизаціи. Мой аргументъ состоитъ въ томъ, что стадныя животныя въ значительной степени лишены самостоятельности, что условія жизни этихъ животныхъ сдѣлали для нихъ этотъ недостатокъ необходимостью и что, въ силу закона естественнаго подбора, стадные инстинкты эти и сопутствующія имъ рабскія наклонности постепенно достигли высокаго развитія. Затѣмъ я имѣю въ виду доказать, что наши отдаленнѣйшіе предки жили при подобныхъ же условіяхъ; что и другія причины, исключительно присущія человѣческому обществу, вліяли въ томъ же направленіи вплоть до настоящаго времени, и что мы унаслѣдовали стадные инстинкты и рабскія наклонности, необходимыя при минувшихъ условіяхъ, но при настоящемъ уровнѣ цивилизаціи приносящія нашей расѣ болѣе вреда, нежели пользы».

Затѣмъ Гальтонъ переходитъ къ своимъ наблюденіямъ надъ «психическою жизнью дикаго быка западной части Южной Африки». Исходнымъ пунктомъ для своихъ разсужденій онъ выбираетъ нравы этого животнаго, какъ потому, что имѣлъ случай близко съ ними познакомиться, такъ и по другимъ соображеніямъ. «Необходимо, говоритъ онъ, остановиться на эпитетѣ «дикій», потому что быки, происходящіе отъ одомашненныхъ родичей, обладаютъ иными естественными наклонностями; напримѣръ, англійскій быкъ гораздо менѣе стаденъ, нежели тотъ, котораго я желаю описать, и представляетъ менѣе цѣнные доводы въ пользу положенія, которое я имѣю въ виду доказать. Быки, о которыхъ я говорю, водятся въ Дамарѣ; предки ихъ никогда не были употребляемы для упряжки. Днемъ, пока они бродятъ по открытому полю, за ними присматриваютъ лишь издали, при наступленіи же ночи—ихъ криками загоняютъ въ загородки, въ которыя они бѣгутъ, какъ стадо испуганныхъ дикихъ звѣрей, загоняемыхъ охотникомъ въ западню. Ихъ пугливый нравъ не даетъ возможности захватить котораго-нибудь изъ нихъ иначе,

какъ накинувъ ему, среди стада, арканъ на ноги, послѣ чего, при силѣ и ловкости, удается повалить животное на землю. У меня было около сотни этихъ животныхъ, приспособленныхъ къ упряжи, вьюкамъ и подъ сѣдло. Во время моего путешествія мнѣ приходилось проводить цѣлые дни на спинѣ одного изъ нихъ, причемъ другіе шли по сторонамъ, или исполняя свою работу, или на свободѣ; тутъ же, рядомъ, двигались экземпляры вполнѣ неодомашненные, имѣвшіе назначеніемъ служить запасомъ провизіи для путешественниковъ. Ночью, когда не было времени для устройства загородки, я ложился среди нихъ и съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ охотно они пользовались сосѣдствомъ огня костровъ и близостью человѣка, сознавая, что они находятъ такимъ образомъ защиту отъ бродящихъ кругомъ и высматривающихъ добычу хищныхъ звѣрей». Въ особенности замѣчателенъ стадный инстинктъ дамарскихъ быковъ, необыкновенно у нихъ развитый и явно отличающійся отъ обыкновенныхъ общественныхъ чувствъ. Эти послѣднія у нихъ даже очень слабо развиты и во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ досада и отвращеніе обнаруживаются гораздо явственнѣе, чѣмъ дружелюбіе и ласковость. Повидимому, дамарскому быку общество совсѣмъ не нужно: при обыкновенныхъ условіяхъ онъ не почерпаетъ изъ него никакого удовольствія, и, однако, онъ не можетъ ни минуты провести безъ своего стада спокойно. Будучи хитростью или силою выдѣленъ изъ стада, онъ обнаруживаетъ явные признаки психическаго страданія, онъ всѣми силами старается вернуться, и если ему это удается, «онъ погружается въ среду сотоварищей всѣмъ своимъ тѣломъ, какъ бы наслаждаясь непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ животными, окружающими его». Этотъ страстный ужасъ разлуки со стадомъ съ одной стороны очень удобенъ, потому что пока пастухъ ночью или въ туманѣ различаетъ одного быка, онъ можетъ быть увѣренъ, что и все стадо тутъ. Но отсюда же проистекаетъ и огромное неудобство для путешественниковъ, потому что быки, по образному сравненію Гальтона, ведутъ себя, какъ тѣ церемонные гости, которые толкутся въ дверяхъ столовой, уступая

другъ другу мѣсто, и никто не хочетъ идти первымъ. Передовой быкъ есть - исключительная въ нѣкоторомъ родѣ натура. Воспитатели, приручители этихъ быковъ, наблюдаютъ, который изъ нихъ обнаруживаетъ настолько самостоятельности, чтобы отойти отъ стада въ сторону или идти впереди. Такого ужъ не пріучаютъ ходить въ упряжкѣ и не бьютъ на мясо, а возлагаютъ на него только ту функцію вожака («героя»), къ которой онъ можетъ быть одинъ въ цѣломъ стадѣ способенъ.

«Заключеніе, къ которому мы приходимъ, говоритъ Гальтонъ:— состоитъ въ томъ, что скотъ дамарской породы представляетъ мало индивидовъ, достаточно самостоятельныхъ и независимыхъ для того, чтобы идти на встрѣчу ко вседневнымъ опасностямъ безъ разсчета на постороннюю помощь. Онъ представляетъ собою настоящій рабскій типъ, и каждое отдѣльное животное видитъ лучшую участь свою въ подчиненіи тѣмъ изъ наиболѣе самостоятельныхъ, которые берутъ на себя роль вожака. Ни одинъ быкъ не дерзаетъ дѣйствовать вопреки стаду, всякій принимаетъ общее рѣшеніе за обязательное».

Такимъ инстинктамъ естественно было выработаться въ странѣ, опустошаемой многочисленными хищными животными. Нельзя сказать, чтобы дамарскій быкъ былъ самъ по себѣ въ одинокомъ состояніи беззащитенъ. Напротивъ, его рога могутъ сослужить ему хорошую службу даже противъ самыхъ сильныхъ и большихъ хищниковъ. Корова, отелившаяся въ сторонѣ отъ пути стада и временно имъ оставленная, никогда не дѣлается добычей львовъ; она всегда благополучно возвращается вмѣстѣ съ теленкомъ къ стаду, хотя по слѣдамъ на землѣ видно, что ей пришлось выдержать правильную осаду со стороны дикихъ звѣрей. Но это дѣло исключительное, дѣло особенно возбужденнаго состоянія коровы, благодаря которому хищникъ не можетъ ее застать врасплохъ. При обыкновенныхъ условіяхъ скоту приходится бо́льшую часть дня пастись, то есть держать голову погруженною въ траву и, слѣдовательно, не видѣть и не обонять того, что находится кругомъ. Такимъ образомъ, опасность состоитъ преимущественно въ неожиданности нападенія, каковая

и парализуется самымъ фактомъ стадной жизни. «Жить стадомъ—значитъ сдѣлаться нитью огромной чувствующей ткани, покрывающей собою нѣсколько акровъ; значитъ—стать обладателемъ способностей, постоянно бодрствующихъ, глазъ, видящихъ во всѣхъ направленіяхъ, ушей и ноздрей, изслѣдующихъ широкую полосу воздуха; значитъ—сдѣлаться обладателемъ всѣхъ преимуществъ, дающихъ возможность слѣдить за приближеніемъ дикихъ звѣрей. Охранительныя чувства индивида, избирающаго жизнь общественную, возростаютъ въ значительной степени, въ силу чего онъ пріобрѣтаетъ maximum безопасности цѣною минимальной бдительности. Изолируя животное, успѣвшее привыкнуть къ стадной жизни, мы сокращаемъ его охранительные рессурсы, и само оно начинаетъ сознавать, что оно ограждено отъ опасности только съ одной стороны, съ той именно, куда въ данный моментъ устремлено его вниманіе; оно знаетъ, что бѣда легко можетъ надъ нимъ стрястись оттуда, откуда оно не ожидаетъ... Не подлежитъ сомнѣнію поэтому, что въ странѣ, подверженной опустошеніямъ хищныхъ звѣрей, стадное сожительство есть явленіе, соотвѣтственное даннымъ условіямъ; а если такъ, то, въ силу закона естественнаго подбора, необходимо слѣдуетъ, что у такихъ животныхъ развитіе стадныхъ, а затѣмъ и рабскихъ инстинктовъ находитъ благопріятную почву. Изъ этого слѣдуетъ также, что степень, до которой развились эти инстинкты, есть, вообще говоря, степень наибольшаго ихъ соотвѣтствія съ доставляемою ими безопасностью. Если бы животныя эти были стадны въ большей степени, то имъ и на обширныхъ дамарскихъ пастбищахъ пришлось бы ходить въ такой тѣснотѣ, что они служили бы другъ другу помѣхой; если же бы они были стадны въ меньшей степени, то паслись бы слишкомъ въ разбродъ и лишались бы такимъ образомъ достаточной охраны отъ дикихъ звѣрей».

Спрашивается теперь: почему быки-вожаки, быки-герои попадаются именно въ такомъ числѣ, а не въ иномъ? Приблизительно на пятьдесятъ быковъ обыкновенныхъ приходится одинъ вожакъ. Почему же не одинъ на пять и не одинъ на пятьсотъ? «Причина указаннаго отношенія заключается несомнѣнно въ

стремленіи закона естественнаго подбора дать одного вожака на каждое соразмѣрное пастбищу стадо и ограничить такимъ образомъ чрезмѣрное количество выдающихся особей. Существуетъ извѣстный размѣръ стада, наиболѣе сообразный съ географическими и другими условіями страны. Оно не должно быть слишкомъ обширно, потому что въ такомъ случаѣ разбросанныя по пастбищу лужи — единственный водопой въ теченіи большей части года — окажутся недостаточными; такая же соразмѣрность существуетъ и по отношенію къ пастбищу. Стадо не должно быть и слишкокъ мало, иначе оно станетъ сравнительно небезопасно... Мы видѣли, что быки, пасущіеся особнякомъ, равно какъ и выступающіе впереди стада, признаются обладающими достаточною независимостью характера, чтобы сдѣлаться вожаками. Ихъ даже предпочитаютъ настоящимъ предводителямъ, такъ какъ обособленностью своею они свидѣтельствуютъ объ исключительной независимости. Вожаки достаточно охранены отъ львовъ тѣмъ, что по сторонамъ и въ тылу ихъ бодрствуютъ ихъ сотоварищи. Быкъ же, пасущійся особнякомъ, представляетъ собою индивида, чрезмѣрно одареннаго самостоятельностью, его тылъ и бока не защищены, а потому на такихъ-то быковъ и нападаютъ львы. Разсматривая вопросъ шире, мы можемъ утверждать, что именно дикіе звѣри и приспособляютъ всякое стадо къ компактности и доводятъ его до тѣсно связаннаго единства, предводимаго однимъ, хорошо защищеннымъ вожакомъ. Что же касается независимости характера рогатаго скота, живущаго при такихъ условіяхъ, то пониженіе ея, подъ вліяніемъ хищниковъ, сравнительно съ тою степенью, которая была бы достигнута при иныхъ условіяхъ, видно изъ того, что у скота, предки котораго не подвергались этой опасности въ цѣломъ ряду поколѣній, самостоятельности оказывается гораздо больше».

Таково же, по мнѣнію Гальтона, и вліяніе дикарей или варваровъ на своихъ сосѣдей. Онъ настаиваетъ на сходствѣ даже въ подробностяхъ. «Дикари, говоритъ онъ, большею частью такъ угрюмы и недружелюбны, что, кромѣ взаимной поддержки, у нихъ едва ли можетъ найтись другой поводъ для установленія

общественной связи. Если мы обратимъ вниманіе на обитателей той же страны, въ которой живутъ описанные выше быки, то замѣтимъ, что дикари эти живутъ небольшими племенами, всегда почти ведущими между собою войну». Между этими племенами лишь немногія очень велики и столь же немногія очень малы; большинство же племенъ нѣкоторой средней величины, уклоненія отъ которой въ ту и другую стороны одинаково невыгодны: слишкомъ малому племени трудно выдержать напоръ сосѣдей; слишкомъ большое окажется чрезмѣрно разбросаннымъ и обречено страдать или отъ недостатка централизаціи, или отъ недостатка пищи. Регуляторомъ въ этомъ отношеніи является законъ подбора, надѣляющій каждую расу дикарей такимъ количествомъ самостоятельныхъ личностей, которое предотвращаетъ какъ опасности слѣпаго стремленія къ слитію нѣсколькихъ племенъ въ одно цѣлое, такъ и опасности чрезмѣрнаго раздробленія. «Не слѣдуетъ, конечно, предполагать—продолжаетъ Гальтонъ:—что стадные инстинкты имѣютъ одинаковое значеніе для всѣхъ формъ жизни дикарей». Но онъ утверждаетъ, что строй жизни отдаленныхъ предковъ европейцевъ (и именно жизнь кланами) имѣлъ въ свое время тѣ-же результаты, какіе можно теперь наблюдать въ средѣ значительной части населенія Африки.

Къ сожалѣнію, это важное положеніе остается у нашего автора безъ всякаго развитія и доказательства. Онъ его просто ставитъ, какъ аксіому, переходя затѣмъ къ другому важному обстоятельству. Если какое-нибудь животное въ стадѣ возбудитъ гнѣвъ вожака, этотъ послѣдній нападаетъ на него одинъ на одинъ, и между ними происходитъ борьба, въ которую остальныя животныя не вмѣшиваются. Въ человѣческомъ обществѣ, уже на очень ранней ступени его развитія, дѣло происходитъ иначе, потому что за вожакомъ стоятъ разнообразные пристѣшники и слуги, которые всею своею массою и всѣмъ разнообразіемъ своихъ функцій, такъ сказать, облегаютъ непокорнаго и подавляютъ его. Въ связи съ этимъ имѣютъ мѣсто различныя религіозныя и политическія гоненія, истребляющія или, по крайней мѣрѣ, устраняющія отъ дѣятельности людей наиболѣе энергическихъ и само-

стоятельныхъ и тѣмъ понижающія въ этомъ отношеніи уровень расы. Такимъ-то образомъ, стадные и рабскіе инстинкты, когда-то выработанные необходимостью, становятся нынѣ поперегъ дороги человѣчеству. «Я утверждаю, говоритъ Гальтонъ: — что слѣпой инстинктъ, развившійся подъ продолжительнымъ вліяніемъ этихъ условій, проникъ въ насъ до мозга костей и служитъ въ настоящее время помѣхой пользованію той свободой, которую способны бы были дать намъ формы современной цивилизаціи».

Мы не послѣдуемъ за Гальтономъ въ дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ на эту тему, какъ потому, что въ цѣломъ они не совсѣмъ удобны по нашимъ цензурнымъ условіямъ, такъ и потому, что они собственно не касаются занимающаго насъ здѣсь вопроса—«о происхожденіи стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ». Что же касается этого вопроса, поставленнаго самимъ Гальтономъ, то едва ли я ошибусь, если скажу, что, прочитавъ все вышеизложенное, никто не почувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, хотя мы и получили рядъ болѣе или менѣе остроумныхъ и правдоподобныхъ соображеній. Въ неудовлетворительности этой лично Гальтона можно винить только отчасти. Какова бы ни была цѣнность его выводовъ относительно психологіи дамарскихъ быковъ, но къ человѣческому обществу выводы эти приложены во всякомъ случаѣ крайне неудовлетворительно. Оба конечные пункта его изслѣдованія (если только тутъ умѣстно слово «изслѣдованіе»), то-есть и моментъ возникновенія стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ, и моментъ ихъ превращенія изъ необходимыхъ и полезныхъ въ ненужные и вредные — совершенно неясны.

Гальтонъ оговариваетъ: «не слѣдуетъ предполагать, что стадные инстинкты имѣютъ одинаковое значеніе для всѣхъ формъ жизни дикарей». Но этой оговорки немножко мало, потому что на самомъ дѣлѣ степени развитія стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ у дикарей въ высшей степени разнообразны.

Гальтонъ ссылается для примѣра на бытъ жителей той самой страны Дамара, на поляхъ которой пасутся столь «типично-раб-

ская» порода быковъ. По странной случайности, дикари эти, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, могутъ служить образчикомъ тоже типично-рабской породы людей. По словамъ Спенсера, «у дамаровъ существуетъ мало стремленія сопротивляться чужой волѣ, но, вмѣсто того, какое-то почтительное восхищеніе каждымъ, кто рѣшится взять власть надъ ними» («Основанія науки о нравственности», Спб. 1880, 227). Въ другомъ сочиненіи Спенсеръ цитируетъ именно Гальтона: «въ Дамарѣ чувство мести очень скоропреходяще и быстро уступаетъ мѣсто чувству благоговѣйнаго почтенія къ притѣснителю... Дамары лишены всякой независимости, они ищутъ рабства,—раболѣпное почтеніе и страхъ суть единственныя сильныя чувства у нихъ» («Основанія соціологіи», Спб. 1776, I, 64, 70). Вмѣстѣ съ тѣмъ Спенсеръ, со словъ того же Гальтона, называетъ дамаровъ «неисправимыми ворами и мошенниками». Позднѣйшій путешественникъ, Бюттнеръ, цитируемый г. Зиберемъ («Очерки первобытной экономической культуры», М. 1883), сообщаетъ чрезвычайно любопытныя подробности объ этихъ воровскихъ наклонностяхъ одного изъ дамарскихъ племенъ, гереро. Могущественнѣйшій изъ вождей этого племени, Камагареро, позволилъ снять съ себя фотографію, для чего явился въ слѣдующемъ костюмѣ: пара башмаковъ, три пары панталонъ изъ толстой матеріи; сколько было на немъ рубашекъ,—авторъ не можетъ сказать, но, сверхъ того, на немъ былъ жилетъ, вокругъ тѣла была обвита большая шаль, потомъ слѣдовалъ толстый пиджакъ, шаль вокругъ шеи и, поверхъ всего этого, шлафорокъ, а на головѣ шарфъ, надъ которымъ былъ калабрійская шапка, а сверхъ нея шелковый колпакъ, вышитый жемчугомъ; «и все это при температурѣ, когда всякій другой охотно сбросилъ бы съ себя все, что не было необходимо!» Не слѣдуетъ думать, чтобы могущественный дамарскій вождь напялилъ на себя всѣ эти случайно доставшіяся отъ европейцевъ вещи единственно изъ франтовства. Можетъ быть, конечно, и этотъ мотивъ игралъ нѣкоторую роль, но главною побудительною причиною такого полнаго примѣненія словъ «omnia mea mecum porto» была боязнь, что «ищущіе рабства», благо-

говѣйно почитающіе «своего притѣснителя» подданные воспользуются случаемъ и раскрадутъ весь гардеробъ. Раскрадутъ и не отдадутъ, и будутъ носить на глазахъ вождя. Бюттнеръ разсказываетъ, что тотъ же «притѣснитель» Камагареро выпросилъ у одного изъ его друзей кусокъ мыла, объясняя при этомъ, что онъ долженъ самъ, своими собственными державными руками, мыть свое платье: отдать вымыть никому нельзя, возьмутъ и потомъ скажутъ: «мнѣ самому нужно». «Среди гереро, говоритъ Бюттнеръ:—никто не побоится въ отсутствіи кого-либо изъ своихъ родственниковъ или друзей воспользоваться принадлежащими имъ вещами». Любопытно, однако, что взломать европейскій сундукъ съ замкомъ ни одинъ гереро не осмѣлится, вслѣдствіе чего «многіе здѣсь желали бы, по образцу европейцевъ, обзавестись сундуками съ замкомъ, чтобы сберегать въ нихъ тѣ вещи, которыя не нужны ежеминутно».

Изъ совокупности этихъ странныхъ, мало понятныхъ для насъ, чудныхъ фактовъ слѣдуетъ, кажется, заключить, что если дамары и въ самомъ дѣлѣ «неисправимые воры и мошенники», то совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой мы, цивилизованные европейцы, соединяемъ съ этими словами. Точно также, рабскіе инстинкты ихъ нельзя называть высокою степенью того, что мы считаемъ рабствомъ. Повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особеннымъ настроеніемъ ума, неспособнаго критически отнестись къ совершившемуся факту вообще, въ чемъ бы онъ ни состоялъ. Какой-нибудь Камагареро «взялъ власть» надъ соплеменниками, по выраженію Спенсера. Какъ это случилось — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ фактъ признается и принимается до такой степени, что наблюдатель-европеецъ говоритъ о раболѣпномъ почтеніи, о благоговѣніи и проч. Но гдѣ же тутъ, спрашивается, благоговѣніе, когда могущественнѣйшій изъ вождей такъ легко можетъ остаться безъ штановъ? Правда, ихъ съ него не снимутъ (какъ не снимутъ и съ любого другого гереро), равнымъ образомъ изъ запертаго сундука не вытащатъ: штаны надѣты, штаны заперты— это непререкаемые факты, не подлежащіе критикѣ. Но если эта принадлежность туалета лежитъ праздно и открыто или просто

отдана въ стирку, то ее надѣваетъ тотъ, кому она нужна, и такъ-таки прямо и говоритъ могущественнѣйшему вождю: «мнѣ *самому* нужно», и это немедленно становится тоже непререкаемымъ фактомъ, противъ котораго могущественнѣйшій вождь совершенно безсиленъ. Очевидно, для уразумѣнія этихъ странныхъ отношеній, мы должны совсѣмъ отрѣшиться отъ той мысли, что явленія первобытной жизни (то есть жизни дикарей и нашихъ отдаленныхъ предковъ), внѣшнимъ образомъ сходныя съ нѣкоторыми современными явленіями, непремѣнно суть явленія дѣйствительно одного съ ними порядка. Присвоить чужую вещь означаетъ въ Дамарѣ совсѣмъ не то, что у насъ, и подчиненность дамарская не есть европейская подчиненность, только, дескать, въ иной и притомъ высшей степени развитія. Нѣтъ, это—совсѣмъ другой типъ отношеній. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о происхожденіи стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ у дикарей и нашихъ отдаленныхъ предковъ, надлежало бы доказать, что инстинкты эти дѣйствительно тамъ существуютъ. Допуская даже, что относительно дамаровъ это вполнѣ доказано, мы твердо знаемъ, что есть много дикарей, отличающихся, напротивъ, необыкновеннымъ свободолюбіемъ и личною самостоятельностью. А потому и по отношенію къ предкамъ европейцевъ нельзя просто «утверждать», какъ это дѣлаетъ Гальтонъ, что они были носителями стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ. «Утверждать», съ такимъ же или даже еще большимъ вѣроятіемъ, можно и совершенно обратное положеніе. Во всякомъ же случаѣ, исходная точка всего разсужденія Гальтона, моментъ возникновенія стадныхъ и рабскихъ инстиктовъ, не обставленъ никакими сколько-нибудь солидными доказательствами, и все его зданіе построено нѣкоторымъ образомъ на пескѣ.

За проистекающую отсюда неудовлетворенность читателя отвѣтственъ самъ Гальтонъ, а не его точка зрѣнія, которая можетъ быть и правильна; можетъ быть, оставаясь въ тѣхъ же рамкахъ и при той же задачѣ, нашъ авторъ пришелъ бы къ тѣмъ же результатамъ и при большей тщательности фактическаго изслѣдованія. Это неизвѣстно, но не несомнѣнно, что и при чтеніи первой половины главы «Стадные и рабскіе инстинкты», гдѣ ведется

болѣе обстоятельная рѣчь о болѣе простыхъ явленіяхъ, не удовлетворенность все-таки чувствуется. И дѣло на этотъ разъ уже именно въ точкѣ зрѣнія автора и въ общихъ пріемахъ его изслѣдованія.

Вышеупомянутый Бюттнеръ свидѣтельствуетъ, что «небезопасность всякихъ отношеній въ анархической странѣ побуждаетъ народъ гереро раздѣлять свой скотъ на возможно бо̀льшее число партій, для того, чтобы какая-нибудь эпидемія или внезапный грабительскій набѣгъ злыхъ сосѣдей не лишили его сразу всего имущества» (Зиберъ, l. c., 400). Изъ этого видно, что остроумное предположеніе Гальтона насчетъ дикихъ звѣрей, какъ регуляторовъ количества быковъ съ самостоятельнымъ характеромъ и численности самыхъ стадъ, не совсѣмъ вѣрно или, по крайней мѣрѣ, не полно. Дамары отнюдь не полагаются на благодѣтельный законъ подбора, не думаютъ, что онъ самъ по себѣ можетъ привести все къ наилучшему концу и такъ раздробить стада, чтобы они численностью своею, какъ на-заказъ, соотвѣтствовали мѣстнымъ условіямъ пастбища, водопоя и опасностей. Трудъ разсчета всѣхъ этихъ условій дамары берутъ на себя и, вѣроятно, вовсе не благодарны хищнымъ звѣрямъ, которые, истребляя излишнее количество слишкомъ самостоятельныхъ быковъ, играютъ, съ точки зрѣнія Гальтона, такую благодѣтельную роль.

Дѣло, однако, не въ подобныхъ частностяхъ. Какъ бы ни были онѣ Гальтономъ предусмотрѣны, сколько бы тонкости мысли и остроумія онъ ни затратилъ на ихъ объясненіе, законъ подбора неизбѣжно будетъ насъ водить только вокругъ да около интересующаго насъ явленія, не давая объясненія именно тому, что подлежитъ объясненію. Въ статьѣ «Герои и толпа» мы разсмотрѣли эту черту дарвинизма съ нѣкоторою подробностью въ примѣненіи къ покровительственной окраскѣ и къ явленіямъ мимичности вообще. Траву косить можно только тамъ, гдѣ она ростетъ: «подбирать» можно только тамъ, гдѣ есть что подбирать. Законъ подбора выступаетъ на сцену лишь тогда, когда извѣстная психическая или физическая особенность, подлежащая подбору, уже существуетъ; иначе ему не надъ чѣмъ проявить свое дѣйствіе. Вы спрашиваете дарвиниста: отчего это нашъ

сѣрый русакъ на зиму бѣлѣетъ?—«Ахъ, это очень просто: среди сѣрыхъ зайцевъ случайно родился одинъ бѣлый, и такъ какъ онъ, благодаря этому своему бѣлому цвѣту, былъ сравнительно мало замѣтенъ на снѣгу для враговъ, то избѣгъ многихъ опасностей, которымъ подверглись его сѣрые родичи, и оставилъ потомство, а въ потомствѣ бѣлый цвѣтъ постепенно и утвердился». — Позвольте, однако, да вѣдь заяцъ-то на лѣто опять сѣрѣетъ: это почему же?—«Да все потому же: одинъ изъ потомковъ побѣлѣвшаго зайца лѣтомъ случайно посѣрѣлъ, и такъ какъ это было для него выгодно, то онъ избѣгъ многихъ опасностей и передалъ своему потомству способность мѣнять лѣтомъ и зимой цвѣта сообразно обстановкѣ». Дарвинистъ, какъ мы въ свое время видѣли, не останавливается и передъ еще болѣе сложными и трудно постигаемыми явленіями покровительственной окраски и автоматическаго подражанія. Онъ не замѣчаетъ при этомъ, что вовсе не отвѣчаетъ на ваши вопросы, а только ходитъ около отвѣта. Дарвинисты очень злоупотребляютъ словомъ «случайность». Случайность лежитъ у нихъ въ основаніи чуть не каждой новой особенности, каждаго уклоненія отъ установившейся формы. Но что такое случайность, если не комбинація обстоятельствъ, связанныхъ неизвѣстными намъ причинами? Какъ бы тщательно мы ни изслѣдовали дальнѣйшую судьбу новой особенности, изслѣдованіе это не можетъ пролить ни одного луча свѣта на тотъ *иксъ*, который былъ названъ случайностью. Онъ остается иксомъ, то есть задача остается нерѣшенною. Для рѣшенія ея надо обратиться къ какимъ-нибудь другимъ пріемамъ изслѣдованія. Это ясно изъ чисто логическаго анализа самаго понятія подбора. Дарвинисту надлежало бы сказать: *я не знаю* непосредственной причины такой или другой особенности, но знаю, что разъ она появилась, то естественный подборъ, смотря по тому—выгодною она оказывается или нѣтъ, стремится либо закрѣпить ее въ ряду поколѣній, либо, напротивъ, устранить. Въ такомъ же родѣ Гальтонъ, стоя на почвѣ теоріи Дарвина, долженъ бы былъ отвѣчать на вопросъ о происхожденіи стадныхъ и рабскихъ инстинктовъ.

Правда, что касается дамарскихъ быковъ, дѣло такъ просто, что не требуетъ, пожалуй, и принциповъ дарвинизма для своего разъясненія: плохо вооруженныя животныя, угрожаемыя сильными хищниками, собираются въ стадо, въ которомъ находятъ себѣ защиту и поддержку. Вотъ и все. Вводя сюда дарвиновскій принципъ подбора приспособленныхъ и вымиранія неприспособленныхъ, Гальтонъ, пожалуй, бросаетъ нѣкоторое дополнительное освѣщеніе на фактъ и обобщаетъ его. Однако отнюдь не настолько обобщаетъ, чтобы мы могли сказать: теперь ужь мы знаемъ, отчего происходятъ стадные и рабскіе инстинкты вообще, въ томъ числѣ и въ человѣческомъ обществѣ. Совсѣмъ мы этого не знаемъ и, при помощи однихъ только принциповъ дарвинизма, никогда не узнаемъ, потому что естественный подборъ, по самой сущности своей, можетъ разъяснять только укрѣпленіе и распространеніе какого бы то ни было явленія, а никогда—его происхожденіе.

Возьмемъ для примѣра паническій ужасъ, внезапно охватывающій толпу, или чисто рабское преклоненіе огромнаго количества людей передъ авторитетомъ Наполеона I. Неужели читатель будетъ удовлетворенъ, если явленія эти будутъ ему объяснять тѣмъ, что когда-то, много вѣковъ тому назадъ, предки европейцевъ жили на манеръ дамарскихъ быковъ, и что какъ тогда, такъ и впослѣдствіи обстоятельства способствовали подбору несамостоятельныхъ личностей, пропитанныхъ стадными и рабскими инстинктами? Спора нѣтъ, дарвинистъ можетъ сообщить въ этихъ рамкахъ много важнаго и интереснаго. Но, исчерпавъ даже всѣ обстоятельства, способствовавшія въ теченіи всего историческаго процесса истребленію самостоятельныхъ характеровъ и выживанію прирожденныхъ рабовъ, онъ не укажетъ намъ все-таки непосредственныхъ причинъ паникѣ или обожествленію Наполеона. Дѣло идетъ объ извѣстномъ психическомъ настроеніи, а намъ разсказываютъ о томъ, какъ люди противоположнаго настроенія истреблялись, не оставляли потомства и проч. Мы хотимъ знать, почему видъ бѣгущей толпы увлекаетъ и насъ, не имѣющихъ ни надобности, ни желанія принимать

участіе въ этомъ бѣгствѣ, или почему человѣкъ падаетъ ницъ передъ представленіемъ гигантскаго образа Наполеона, а намъ отвѣчаютъ: это—наслѣдіе прошлаго; когда-то людямъ было полезно бѣгать стадомъ и преклоняться передъ тѣмъ, кто взялъ въ руки палку и энергически ею дерется; поэтому тѣ экземпляры человѣческой породы, которые не имѣли этихъ склонностей, погибали. Ясно, что это—не отвѣтъ, и что получить этимъ путемъ отвѣтъ безусловно невозможно. Дѣло здѣсь не въ личныхъ талантахъ и знаніяхъ изслѣдователя, а въ его точкѣ зрѣнія. Конечно, и убѣжденнѣйшій, послѣдовательнѣйшій дарвинистъ можетъ дать намъ искомый отвѣтъ, но въ такомъ случаѣ онъ почерпнетъ его не въ принципахъ дарвинизма, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. La plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle a, и самыя могучія орудія изслѣдованія безсильны за предѣлами своей компетенціи.

На этомъ мы и покончимъ съ Гальтономъ. Стоило бы можетъ быть поговорить еще о той неопредѣленности, съ которою дарвинисты употребляютъ слова «польза», «полезныя приспособленія», разумѣя то пользу индивида, то пользу вида, то пользу общества, то, наконецъ, пользу данной формы общественныхъ отношеній. Но съ этою неопредѣленностью и съ проистекающими отсюда послѣдствіями мы еще, вѣроятно, встрѣтимся и притомъ въ болѣе яркомъ выраженіи, чѣмъ у Гальтона, а теперь это отвлекло бы насъ въ сторону.

Если, такимъ образомъ, теорія Дарвина, какъ мы убѣдились на покровительственной окраскѣ и на стадныхъ и рабскихъ инстинктахъ, не даетъ и не можетъ дать отвѣта на великую загадку о герояхъ и толпѣ, то не окажемся ли мы счастливѣе, обратившись къ другому, еще болѣе широкому научному обобщенію нашихъ дней, къ теоріи единства и превращенія физическихъ силъ? Въ такомъ счастливомъ исходѣ совершенно увѣренъ авторъ вышеупомянутой книги «Phénomènes nerveux, intellectuels et moraux, leur transmission par contagion», Рамбоссонъ.

Какъ читатель уже по заглавію можетъ видѣть, книга Рамбоссона посвящена именно тому предмету, который занималъ насъ въ «Герояхъ и толпѣ». Но рамки этой книги нѣсколько иныя. Кромѣ той, не совсѣмъ опредѣленной группы явленій, которую французскіе психіатры еще со временъ Эскироля называютъ нравственной заразой, contagion morale, мы имѣли въ виду явленія покровительственной окраски и мимичности вообще. Объ этихъ послѣднихъ Рамбоссонъ не говоритъ ни слова, равно какъ и о стигматизаціи и другихъ подобныхъ явленіяхъ, представляющихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы переходъ отъ нравственной заразы къ удивительнымъ фактамъ подражанія въ расположеніи формъ и красокъ въ животномъ мірѣ. Далѣе, явленія гипноза и нѣкоторыхъ психопатій убѣдили насъ, что автоматическое подражаніе находится въ близкомъ родствѣ съ слѣпымъ повиновеніемъ. Эта сторона дѣла также совсѣмъ не занимаетъ Рамбоссона. За то, съ другой стороны, онъ вводитъ въ кругъ своего изслѣдованія всю обширную область вліяній музыки, мимики и пластическихъ искусствъ. Вліянія эти, равно какъ и вліяніе примѣра въ случаяхъ нравственной заразы объясняются для него «закономъ передачи и превращенія мимическаго движенія» (du mouvement expressif). Законъ этотъ формулируется далѣе такъ: «Мозговое или психическое движеніе можетъ, проходя различныя среды, превращаться въ чисто физіологическое, затѣмъ въ физическое, затѣмъ опять въ физіологическое, и наконецъ, опять въ мозговое или психическое, ни мало при этомъ не извращаясь, то есть сохраняя способность воспроизводить всѣ свойственныя ему явленія».

Прежде чѣмъ издавать свою книгу, Рамбоссонъ представилъ во французскія академіи рядъ мемуаровъ, относящихся къ этому закону. Мнѣ неизвѣстно, однако, чтобы мемуары эти обратили на себя вниманіе въ ученомъ мірѣ, и самъ авторъ, очень ревниво относясь къ своему закону и до комизма радуясь всякому похвальному отзыву, указываетъ только двухъ или трехъ итальянскихъ психіатровъ, печатно признавшихъ важное научное и практическое значеніе за его мемуарами.

Съ фактической стороны книга Рамбоссона очень скудна для спеціальнаго изслѣдованія нравственной заразы (значительная ея часть занята популярнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ физики и физіологіи). Не говоря объ игнорированіи сопредѣльныхъ явленій, онъ и въ области собственно нравственной заразы довольствуется немногими и общеизвѣстными фактами. Мы возьмемъ, однако, у него что-нибудь, дабы съ большимъ удобствомъ, на какомъ-нибудь собственномъ его образчикѣ, прослѣдить дѣйствіе закона передачи и превращенія мимическаго движенія.

Нѣкто, аббатъ Вазилье разсказалъ нашему автору слѣдующій случай. Однажды въ школу, находившуюся подъ управленіемъ аббата въ Верденѣ, явился человѣкъ съ страннымъ предложеніемъ. Онъ брался, за небольшое вознагражденіе, заставить зѣвать весь персоналъ школы, учениковъ и учителей. Условіе было заключено. Персоналъ школы былъ, конечно, предупрежденъ и готовился выдержать испытаніе; два учителя и десять учениковъ въ особенности рѣшились не поддаваться искушенію, и въ этомъ смыслѣ составилось нѣсколько пари. Въ назначенный день всѣ собрались въ большой залъ. Странный человѣкъ сталъ слегка позѣвывать, возбуждая сначала насмѣшки, но, по мѣрѣ того какъ онъ постепенно и съ большою натуральностью усиливалъ свои зѣвки, нѣкоторые изъ школьниковъ начали заражаться, къ нимъ приставали понемногу другіе, и, наконецъ, всѣ присутствующіе зазѣвали во весь ротъ; слабѣйшіе зѣвали просто до боли.

Мы имѣемъ здѣсь обыкновеннѣйшее изъ явленій психической заразы, только слегка осложненное многочисленностью зараженныхъ и преднамѣренностью опыта: заразительность зѣвоты слишкомъ извѣстна. Не смотря, однако, на эту извѣстность, а вѣрнѣе сказать—именно вслѣдствіе этой извѣстности и обыденности явленія, намъ рѣдко приходитъ въ голову вопросъ: въ чемъ же тутъ дѣло? почему видъ зѣвающаго человѣка съ такою непреоборимостью раздвигаетъ челюсти зрителя, что, какъ всякій знаетъ по опыту, нужно иногда значительное усиліе, чтобы изъ

приличія удержать ихъ сомкнутыми? Отвѣтъ Рамбоссона будетъ слѣдующій.

Назовемъ мимическимъ движеніемъ всю сумму явленій, по которымъ мы узнаемъ о такомъ или иномъ душевномъ настроеніи человѣка. Когда ему скучно, когда онъ утомленъ, когда ему весело или онъ, напротивъ того, огорченъ, когда онъ труситъ или преисполненъ бодрой отваги и проч., и проч., то всѣ эти состоянія духа свидѣтельствуются для присутствующихъ извѣстными, для каждаго даннаго случая, вообще говоря, постоянными сокращеніями личныхъ мускуловъ, игрою сосудо-двигательной системы, вызывающею на лицѣ краску или блѣдность, жестами, выразительными звуками и т. д. Если, однако, мы все это сложное мимическое движеніе воспринимаемъ, то единственно потому, что оно передалось свѣтовымъ и звуковымъ волнамъ, сообщивъ имъ колебаніе, координированное опредѣленнымъ образомъ и именно соотвѣтственно всѣмъ подробностямъ мимическаго движенія. Но свѣтовое и звуковое движеніе, достигнувъ органовъ зрѣнія и слуха, не можетъ исчезнуть, какъ не исчезаетъ, напримѣръ, механическое движеніе колокольнаго языка, ударившагося о стѣну колокола. Современная физика учитъ, что хотя видимое движеніе языка и прекратилось, но оно не исчезло, а превратилось въ количественно соотвѣтственное движеніе молекулъ колокола, а затѣмъ передалось частицамъ воздуха, колебанія которыхъ даютъ намъ ощущеніе звука. Эта самая современная физика не говоритъ пока ничего опредѣленнаго о томъ, куда дѣвается и во что обращаетси звуковое или свѣтовое движеніе, достигнувъ нашего уха или глаза. Но всѣ аналогіи и, такъ сказать, общая физіономія науки заставляютъ насъ признать, что и здѣсь идетъ дальнѣйшее превращеніе движенія, дальнѣйшій круговоротъ силъ. Организмъ, въ своей наиболѣе общей функціи, можетъ быть разсматриваемъ, какъ передатчикъ и преобразователь движеній, для чего онъ и снабженъ различными спеціальными аппаратами. Зрительный аппаратъ есть пунктъ примычки свѣтоваго движенія, которое затѣмъ передается нервамъ и превращается въ движеніе физіологическое, сообщая ему всякій разъ особенный характеръ,

соотвѣтствующій данной координаціи свѣтовыхъ волнъ. Въ чемъ собственно состоитъ нервная дѣятельность, мы ближайшимъ образомъ не знаемъ, но несомнѣнно, что она представляетъ нѣкоторое движеніе. Убѣжденіе это мы почерпаемъ не только изъ общихъ принциповъ науки, а и изъ прямыхъ наблюденій и опытовъ. Такъ, процессъ ощущенія сопровождается произвольными и непроизвольными движеніями; такъ, впечатлѣніе идетъ отъ периферіи къ мозгу, а переходъ отъ одной точки къ другой и есть движеніе; для этого перехода, какъ и для всякаго другого движенія, требуется извѣстное, измѣримое и отчасти уже измѣренное время и т. д. Затѣмъ въ нервномъ движеніи мы различаемъ два момента или двѣ формы: физіологическую, доводящую внѣшнее движеніе до мозга и тамъ превращающуюся въ новую, спеціально мозговую или психическую форму движенія. Возможенъ и обратный порядокъ превращеній, то есть представленіе, мысль, чувство, вообще психическое или мозговое движеніе разрѣшается въ движеніе физіологическое, которое, въ свою очередь, превращается въ движеніе физическое. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полный круговоротъ силъ. Ни на одной изъ точекъ этого круга движеніе не прекращается, не исчезаетъ; оно лишь видоизмѣняется сообразно встрѣчаемымъ имъ средамъ, въ то-же время, однако, сохраняя полностью характеръ первоначальнаго толчка. Съ этой точки зрѣнія весь феноменъ заразительности зѣвоты представляется такъ. Видъ и звукъ зѣвоты не есть что-нибудь условное, въ родѣ буквъ азбуки, цифръ, словъ и т. п. Она выражаетъ извѣстное состояніе; но узнаемъ мы объ этомъ потому, что мимическое движеніе, превратившись въ звуковое и свѣтовое и войдя затѣмъ въ организмъ присутствующаго черезъ посредство спеціальныхъ аппаратовъ, здѣсь вновь превращается въ то-же самое физіологическое, а затѣмъ и психическое движеніе; волны свѣта и звука пронесли его полностью, отъ одной человѣческой души до другой. Зараза есть, слѣдовательно, точное и полное воспроизведеніе даннаго движенія въ зрителѣ или слушателѣ. Намъ нечему учиться, не въ чемъ условливаться, чтобы понять состояніе зѣвающаго человѣка, потому что, грубо выражаясь,

можно сказать, что состояніе это прямо вливается въ насъ волнами звуковъ и свѣта. Любопытны, между прочимъ, наблюденія Рамбоссона надъ заразительностью зѣвоты въ заведеніяхъ глухонѣмыхъ и слѣпорожденныхъ. Оказывается, что тѣ и другіе очень склонны къ этой заразѣ, а слѣдовательно одного свѣтового или одного звукового движенія въ этомъ случаѣ совершенно достаточно для передачи мимики. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что у слѣпорожденныхъ и глухонѣмыхъ здоровыя чувства изощряются насчетъ и какъ бы въ замѣну искалѣченныхъ. Но Рамбоссонъ особенно подчеркиваетъ это обстоятельство, видя въ немъ подтвержденіе своей мысли о фатальной необходимости, съ которою мимическое движеніе, такъ или иначе, войдя въ организмъ присутствующаго человѣка, продолжается или, вѣрнѣе, вновь возрождается тамъ изъ движенія физическаго со всею первоначальною полнотою.

То-же самое наблюдается у нѣкоторыхъ нервныхъ больныхъ и гипнотиковъ, которые автоматически повторяютъ движенія экспериментатора, какъ видимыя, но неслышимыя, такъ и слышимыя, но невидимыя. Если, напримѣръ, экспериментаторъ, стоя позади такого больного, ударитъ въ ладоши или топнетъ ногой, то и больной дѣлаетъ то-же самое. По Рамбоссону, это свидѣтельствуетъ, что звукъ, какъ составная часть извѣстнаго мимическаго движенія, такъ полно соотвѣтствуетъ колебаніями своихъ волнъ всѣмъ его характеристическимъ особенностямъ, что одного его, звука, достаточно для воспроизведенія того же мимическаго движенія въ больномъ.

Не трудно видѣть, какія обширныя приложенія можетъ имѣть «законъ» Рамбоссона, если признать его достовѣрность. Самъ онъ, какъ уже сказано, не касается не только явленій покровительственной окраски и зоологической мимичности, но и гораздо болѣе близкихъ непосредственно къ его предмету фактовъ стигматизаціи и т. п. Подо все это онъ могъ бы подвести подкладку превращенія силъ съ такою же легкостью, какъ онъ это дѣлаетъ относительно заразительности зѣвоты. Но, съ другой стороны, онъ пытается приложить тотъ же законъ къ «естественному языку»

вообще и къ вліянію музыки въ особенности. Эти пункты насъ не интересуютъ, и мы только для полности скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Когда человѣкъ говоритъ «мнѣ больно» и когда онъ кричитъ отъ боли, онъ выражается двумя очень различными способами, говоритъ на двухъ разныхъ языкахъ: слова «мнѣ больно» входятъ въ составъ искусственнаго, условнаго языка, доступнаго лишь тѣмъ, кто знакомъ съ условіями его формъ. Этотъ условный языкъ не вызываетъ въ васъ непосредственно и фатально тѣхъ чувствъ, представленій, мыслей, которыя онъ выражаетъ. Тутъ все дѣло въ привычкѣ къ условіямъ языка и въ происходящей отсюда ассоціаціи идей. Надо знать этотъ языкъ, чтобы понимать его и говорить на немъ. Не то съ языкомъ естественнымъ. Когда человѣкъ кричитъ отъ боли, то это всѣмъ понятно, и именно потому, что крикъ боли есть настоящее мимическое движеніе, то есть само психическое движеніе, само чувство боли, превращенное въ движеніе физіологическое, затѣмъ въ физическое, звуковое и въ насъ, присутствующихъ, вновь поднявшееся по этой лѣстницѣ превращеній до движенія психическаго. То же самое и съ музыкой. Она непосредственно, безъ всякихъ толкованій и условностей, вызываетъ или, вѣрнѣе, вливаетъ въ насъ, путемъ превращенія силъ, тѣ самыя ощущенія, которыя композиторъ превратилъ въ звуковыя волны.

На этомъ мы и покончимъ, потому что, не смотря на краткость предыдущаго изложенія, оно содержитъ все существенное, что́ есть въ книгѣ Рамбоссона, довольно объемистой, но переполненной отступленіями, повтореніями, предварительными и побочными соображеніями. За исключеніемъ одного пункта, о которомъ будетъ сейчасъ сказано, читатель имѣетъ передъ собой въ сжатомъ видѣ полную теорію Рамбоссона, съ тою именно степенью доказательности, какая предъявлена имъ самимъ. Эта степень доказательности, какъ видите, не высока, но теорія все-таки обладаетъ большою привлекательностью, ибо рано или поздно, а таинственная психическая сила будетъ, конечно, включена въ общій круговоротъ превращенія движеній. (Напомню, что у насъ

г. Зеленскій еще въ 1876 году предложилъ психологическую теорію, одна изъ существенныхъ сторонъ которой состоитъ въ томъ, что «мысленное движеніе», какъ выражается авторъ, есть одно изъ превращеній внѣшнихъ, физическихъ движеній, «поглощенныхъ» организмомъ посредствомъ органовъ чувствъ. См. его «Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувствъ». Какова бы ни была однако роль закона Рамбоссона въ будущемъ, и хотя бы онъ даже съ гораздо большею доказательностью расширилъ предѣлы великой теоріи единства силъ, но, въ приложеніи къ занимающему насъ предмету, объясненіе его, очевидно, слишкомъ грубо и недостаточно.

Сила заразительности хотя бы той же зѣвоты, какъ всякій по личному опыту знаетъ, не неопреодолима; видъ бѣгущей со страху толпы увлекаетъ зрителей не всегда и не непремѣнно, и даже наиболѣе поразительныя нравственныя эпидеміи встрѣчаютъ на пути своего распространенія организаціи слишкомъ стойкія для того, чтобы поддаться общему теченію;—наконецъ, для нѣкоторыхъ особенно рѣзкихъ формъ автоматическаго подражанія нужно совершенно особое состояніе, завѣдомо патологическое. Очевидно, все явленіе останется для насъ темнымъ, пока не будетъ объяснена эта его, если можно такъ выразиться, разностепенность. Почему вліяніе заразы такъ сильно отражается на Петрахъ и отскакиваетъ отъ Ивановъ? Почему и на Петрѣ оно оказалось вчера и не оказывается сегодня? Чѣмъ отличается то состояніе организма или духа, которое способствуетъ воспринятію заразы, и чѣмъ отличается то, которое ей противостоитъ? Отвѣтъ на эти вопросы дастъ анализъ условій, при которыхъ явленіе обязательно возникаетъ, и тѣхъ, при которыхъ оно возникнуть не можетъ. Больше этого наука для объясненія явленія дать не въ состояніи, но никакъ не должна довольствоваться меньшимъ. Отъ Рамбоссона мы не узнаемъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго. Онъ говоритъ о силѣ воли, помощью которой человѣкъ можетъ задержать превращеніе психическаго движенія въ мимическое; о томъ, что «воля не есть автоматическій феноменъ, а имѣетъ инціативу своихъ дѣйствій»; говоритъ, что между произвольными и

автоматическими движеніями происходитъ борьба, рѣшающаяся то въ одну, то въ другую сторону; говоритъ, наконецъ, что какъ есть люди съ болѣе благоустроенными и менѣе благоустроенными органами чувствъ, такъ и нервныя системы разныхъ людей могутъ быть хорошими «и дурными проводниками мимическаго движенія». Все это онъ повторяетъ много разъ (см. напримѣръ, страницы 77, 80, 191, 192, 194, 334), но конечно очень мало удовлетворяетъ читателя. Подобныя общія и непровѣренныя выраженія, образно описывающія фактъ ощущаемой нами внутренней борьбы, слишкомъ поверхностны для теоріи, имѣющей претензіи ввести душевную жизнь въ цѣпь единства и превращенія силъ. По своему, они, можетъ быть, даже, очень хороши, но въ данномъ случаѣ неумѣстны. Это все равно, какъ если бы живописецъ нарисовалъ одну часть портрета масляными красками, а другую — карандашемъ. Даже при превосходномъ исполненіи обѣихъ частей, эстетическое чувство зрителя было бы оскорблено такимъ нарушеніемъ гармоніи. Портретъ карандашомъ можетъ быть въ своемъ родѣ прекраснымъ произведеніемъ; но если художникъ задался мыслью дать зрителю не только линіи, формы, тѣни, а также и краски, то не можетъ ужъ для одной какой-нибудь, произвольно выбранной части лица, удовольствоваться линіями. Притомъ же поверхностныя выраженія Рамбоссона о борьбѣ между произвольными и автоматическими движеніями даже и по своему-то не касаются именно того, что̀ подлежитъ объясненію, ибо мы все-таки ничего не узнаемъ объ условіяхъ, способствующихъ и противодѣйствующихъ распространенію психической заразы. Дѣло, однако, не только въ томъ, что Рамбоссонъ не съумѣлъ провести свой принципъ до конца.

Существуетъ предразсудокъ, по которому свести какое-нибудь сложное явленіе къ его простѣйшимъ основамъ—значитъ понять его. Это, дѣйствительно, не больше какъ предразсудокъ, хотя и имѣющій за себя оправданія и смягчающія обстоятельства. Сводя, напримѣръ, явленія органической формы къ ея механическимъ основамъ, наука дѣлаетъ огромный шагъ впередъ въ смыслѣ

установленія трезваго міроразумѣнія. Масса поверженныхъ идоловъ, разбитыхъ идоложертвенныхъ столовъ, курильницъ и прочихъ орудій обмана и суевѣрія свидѣтельствуетъ о плодотворности работы въ этомъ направленіи. Но одно дѣло расширеніе и утвержденіе здравыхъ общихъ научныхъ принциповъ и другое дѣло—цѣлостное пониманіе какого-нибудь отдѣльнаго явленія или группы явленій. Лапласъ говорилъ, что разумъ, достаточно обширный, чтобы знать положеніе всѣхъ атомовъ вселенной въ данный моментъ, силу и направленіе ихъ скоростей, зналъ бы нетолько настоящее, но проникалъ бы и въ отдаленное прошедшее и могъ бы предсказывать столь-же отдаленное будущее. Боюсь ошибиться, но мнѣ помнится, что Лапласъ иллюстрировалъ это свое положеніе такимъ примѣромъ: упомянутый обширный разумъ могъ бы съ точностью опредѣлить время, когда на Софійской мечети въ Константинополѣ заблеститъ греческій крестъ. Безъ сомнѣнія, если событію этому дѣйствительно предстоитъ совершиться, то въ основѣ его, какъ и всего прошедшаго, настоящаго и будущаго вселенной, будетъ лежать механика атомовъ. Это послѣдній счетъ, предъявляемый современною наукою міру, какъ предмету изученія. Есть величіе въ этой поразительной картинѣ безчисленныхъ міріадъ малѣйшихъ частицъ или даже просто центровъ силъ, движеніями своими созидающихъ и водруженіе креста на константинопольской мечети, и событія несравненно большей важности, и «неба содроганье, и горній ангеловъ полетъ, и дольней лозы прозябанье, и гадъ морскихъ подводный ходъ», словомъ, весь міръ дѣйствительности и творчества человѣческаго духа. Величіе, почти подавляющее бѣдный умъ человѣческій своею необъятностью, но въ то же время удовлетворяющее его коренной потребности объединить все сущее, породнить все пестрое разнообразіе, его окружающее, примирить все, кажущееся противорѣчивымъ и враждебнымъ. Но гипотетическій разумъ Лапласа ужь, конечно, не можетъ быть разумомъ человѣческимъ. Человѣкъ не только не знаетъ и не можетъ знать расположеніе, размѣръ, скорость движенія всѣхъ атомовъ вселенной въ данный моментъ, но не можетъ и понять хоть то же водруженіе креста на Софій-

ской мечети, какъ игру атомовъ. Теоретически и отвлеченно онъ знаетъ, что въ концѣ концовъ все это событіе, столь шумное и яркое, столь желанное для однихъ и нежеланное для другихъ, столь важное съ одной точки зрѣнія и столь пустяшное съ другой, опредѣляется во всѣхъ своихъ подробностяхъ механикою атомовъ. Но воспринимаетъ онъ его все-таки, какъ историческое событіе, то есть какъ возможный результатъ сложной политической и религіозной борьбы и вообще человѣческой дѣятельности, со всѣми ея атрибутами, причемъ о механикѣ атомовъ даже и рѣчи быть не можетъ, ибо, введя ее въ объясненіе сложнаго историческаго явленія, мы тѣмъ самымъ совершенно откажемся отъ пониманія его, какъ живого, цѣльнаго явленія.

Я взялъ очень рѣзкій примѣръ, сопоставивъ два крайніе полюса науки: міръ понятій наиболѣе простыхъ и общихъ, и область явленій наиболѣе сложныхъ и частыхъ. Но рѣзкость этого примѣра удобна тѣмъ, что наглядно рисуетъ несообразность вышеупомянутаго предразсудка, къ которому бываютъ склонны даже настоящіе люди науки. Попытка объяснить возможность паденія Оттоманской имперіи механикою атомовъ, попытка разложить на атомы всѣхъ дѣйствующихъ лицъ исторической драмы, со всѣми ихъ помыслами, побужденіями, подвигами, ошибками, слишкомъ фантастична, чтобы быть предпринятою даже завѣдомо сумасшедшимъ человѣкомъ. Но въ случаяхъ менѣе рѣзкихъ, представляющихъ, однако, тотъ же самый типъ, мы постоянно видимъ, какъ не только профаны, но и люди науки получаютъ совершенно незаконное удовлетвореніе въ сведеніи сложнаго явленія къ его простѣйшимъ основамъ. Для простоты и краткости я оставляю совсѣмъ въ сторонѣ тѣ случаи, когда ошибка заключается не только въ пріемѣ, а и въ самомъ результатѣ изслѣдованія. Допустимъ, что результатъ безошибоченъ. И все-таки здѣсь возможно незаконное удовлетвореніе въ томъ смыслѣ, что оно будетъ исключительно только словесное. Если, напримѣръ, ученый такой крупной величины, какъ Геккель, утверждаетъ, что всѣ перипетіи любви сводятся въ концѣ-концовъ къ «избирательному сродству» двухъ

различныхъ клѣточекъ, зародышевой и сѣмянной, то въ извѣстномъ смыслѣ онъ, конечно, совершенно правъ. Но по малой мѣрѣ наивно думать, что въ словахъ этихъ заключается «объясненіе» сложнаго феномена любви. Все это quasi-объясненіе сводится къ тому, что, вмѣсто мужчины и женщины, въ немъ подставлены сѣмянная и зародышевая клѣточки, а вмѣсто любви — «избирательное сродство»; знакомые образы замѣнены незнакомыми, знакомое чувство — незнакомымъ. Я слыхалъ хорошую поговорку: «была яма глубока, а теперь и дна не видно». И поговорка эта поневолѣ припоминается всякій разъ, когда слышишь подобныя объясненія, въ которыхъ, въ противность коренному смыслу слова «объясненіе», извѣстное замѣняется неизвѣстнымъ. Мужчину и женщину въ моментъ любви мы можемъ, по крайней мѣрѣ, наблюдать и, слѣдовательно, изучать, а подставляемыя вмѣсто нихъ мужскія и женскія клѣточки въ моментъ избирательнаго сродства никакому прямому изслѣдованію не подлежатъ. Притомъ же это избирательное сродство двухъ клѣточекъ, только отодвигая рѣшеніе задачи, не представляетъ собою и послѣдняго предѣла анализа: ниже и глубже его лежитъ опять-таки механика атомовъ.

Читатель безъ труда припомнитъ многія подобныя, якобы, объясненія, дающія ему только кажущееся, словесное удовлетвореніе и вытекающія изъ того предразсудка, будто свести явленіе къ его простѣйшимъ элементамъ значитъ — непремѣнно понять его. Совсѣмъ это не вѣрно, и, въ такихъ случаяхъ, мы очень часто получаемъ вящшее затемнѣніе вмѣсто объясненія. О теоріи Рамбоссона этого сказать нельзя: она ничего не затемняетъ, но едва ли многое и объясняетъ. Можно съ большою вѣроятностью думать, что его законъ передачи и превращенія мимическаго движенія заключаетъ въ себѣ нѣчто плодотворное и, будучи обставленъ болѣе солидно, впишетъ любопытную страницу въ философію естествознанія. Но специфическая тайна «героевъ и толпы» остается все-таки тайной и останется таковою вплоть до тѣхъ поръ, пока не будутъ выяснены условія, при которыхъ создаются герои и создается толпа, или, говоря терминологіей Рамбоссона,

условія, при которыхъ процессъ передачи и превращенія мимическаго движенія происходитъ съ различною степенью интенсивности, то поднимаясь до совершеннаго помраченія разума въ «толпѣ», то опускаясь до нуля, до полнаго бездѣйствія.

Совсѣмъ съ другой стороны подошелъ къ занимающему насъ предмету итальянскій психіатръ Ломброзо. Явленія автоматической подражательности и повиновенія, то есть стадные и рабочіе инстинкты по Гальтону, или факты передачи мимическаго движенія по Рамбоссону, занимаютъ Ломброзо исключительно въ формѣ массовыхъ народныхъ волненій, причемъ, однако, центръ тяжести его изслѣдованія, въ связи съ его прежними работами, лежитъ не въ «толпѣ», а въ «герояхъ». Теорія Ломброзо, которую онъ не совсѣмъ удачно называетъ «психіатро-зоологическою», состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ природѣ царитъ законъ инерціи. Подчинено ему и человѣчество. Оно въ высшей степени консервативно и отчасти безсознательно, а иногда и сознательно противится всякимъ нововведеніямъ, приспособляясь къ которымъ нервные центры испытываютъ утомленіе, доходящее иногда до настоящаго страданія. Правда, разныя мелочныя новинки пріятно ласкаютъ чувства обыкновеннаго, средняго человѣка, но крупныя нововведенія завоевываютъ себѣ мѣсто лишь съ величайшимъ трудомъ. Консерватизмъ есть общій законъ исторіи, революціонныя же массовыя движенія составляютъ исключенія, нѣчто не соотвѣтственное нормальной природѣ человѣка, а потому и для возникновенія ихъ нужны особыя ненормальныя условія. Нужно, во-первыхъ, чтобы лишенія и страданія, доставляемыя даннымъ порядкомъ вещей, достигли высокой степени. Но за всѣмъ тѣмъ, масса, задерживаемая силою консерватизма, лишь безсознательно стремится къ перемѣнѣ и для вызова ея на поле дѣйствія нуженъ примѣръ энергическихъ, но опять-таки ненормальныхъ людей. Такой особенный, ненормальный человѣкъ открыто борется съ нормальною силою консерватизма, увлекая за собой толпу, и либо падаетъ въ этой борьбѣ съ титуломъ безумца, либо, въ случаѣ удачи, завоевываетъ себѣ въ исторіи имя великаго человѣка.

Надо замѣтить, что Ломброзо изложилъ свою «психіатро-зоологическую» теорію очень бѣгло въ маленькой брошюрѣ, по поводу скандала съ нѣкіимъ Кокапьеллеромъ, мелкимъ итальянскимъ политическимъ дѣятелемъ и писателемъ. Сама теорія изложена въ приведенныхъ немногихъ строкахъ почти полностью и въ такомъ видѣ представляетъ нѣчто очень произвольное и бездоказательное, содержащее лишь намекъ на что-то цѣльное и законченное. Она получаетъ, однако, большой интересъ въ связи съ другой, спеціальной работой Ломброзо: «Геній и помѣшательство».

II.

Еще нѣсколько словъ о теоріи Ломброзо. — «Психологія великихъ людей» Жоли.—«Естественная исторія претендентовъ» г. Брикнера. — Самозванецъ Ахія и лже-Неронъ.—Религіозные самозванцы и претенденты.—Еврейскіе и другіе лже-мессіи.—Исторія Товянскаго.—Заключеніе.

Изъ статьи г-жи Лѣтковой, напечатанной въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1885 годъ, и книги «Геній и помѣшательство» читатели могутъ получить достаточно полное и ясное понятіе о «психіатро-зоологической» теоріи Ломброзо. Я думаю однако, что теорія эта, возбудивъ въ читателѣ большой интересъ, натолкнувъ на рядъ, можетъ быть, совсѣмъ новыхъ мыслей, не удовлетворила его именно, какъ теорія массовыхъ движеній. Не смотря на большое количество фактическаго матеріала, принятаго въ соображеніе итальянскимъ психіатромъ, самые устои его теоріи довольно произвольны, недостаточно обоснованы или, по крайней мѣрѣ, выражены слишкомъ афористически. Не видно, напримѣръ, почему въ природѣ царитъ законъ инерціи въ смыслѣ неподвижности, когда съ гораздо большимъ правомъ можно сказать, что въ природѣ царитъ законъ неустаннаго движенія. Переводъ слова инерція словомъ консерватизмъ, противопоставленіе непремѣнно *ненормальнаго* человѣка *нормальности* консерватизма, подведеніе разстроеннаго ума и альтруи-

стическихъ чувствъ, доведенныхъ до извѣстнаго градуса, за одну скобку ненормальности,— все это болѣе остроумно, чѣмъ доказательно. Можно опять-таки съ неменьшимъ правомъ говорить, что совершенно ненормально инертное претерпѣваніе голода и лишеній; что въ огромномъ большинствѣ массовыхъ движеній принимаютъ участіе люди ненормальные или же стремящіеся выйдти изъ ненормальнаго положенія, и т. д. Вообще, тутъ возможна довольно разнообразная игра словами, болѣе или менѣе остроумная и занимательная, но очень мало уясняющая дѣло. Самое понятіе массоваго движенія оказывается очень неопредѣленнымъ, потому что оно, очевидно, не можетъ быть отождествлено непремѣнно съ революціей, по крайней мѣрѣ, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ были революціонны движенія, вызванныя ди-Ріензи и Мазаньелло.

Затѣмъ остается, конечно, проблематичнымъ основной тезисъ Ломброзо—о близости сумасшествія и геніальности, тезисъ, имѣющій, впрочемъ, только косвенное отношеніе къ психіатро-зоологической теоріи. Это вопросъ не новый и, какъ читателю извѣстно, Ломброзо въ этомъ отношеніи гораздо умѣреннѣе своихъ предшественниковъ. Онъ приводитъ, между прочимъ, и рядъ именъ, принадлежащихъ людямъ геніальнымъ, которые, однако, не имѣли никакой склонности къ разстройству умственныхъ способностей. Тѣмъ не менѣе онъ настаиваетъ на томъ, что «genio e follia»—близкіе родственники. Какъ бы, однако, самъ по себѣ ни былъ обставленъ этотъ тезисъ у Ломброзо, надо сказать, что онъ обставленъ все-таки несравненно лучше, чѣмъ его отрицаніе въ недавно вышедшей книжкѣ Жоли (Joly) «La psychologie des grands hommes». Мнѣ еще придется вернуться къ этой книжкѣ, о которой уже заявлено въ газетахъ, что она переводится на русскій языкъ. Теперь я скажу лишь нѣсколько словъ о тѣхъ главахъ «Психологіи великихъ людей», которыми опровергается тезисъ Ломброзо. Жоли не знаетъ итальянскаго психіатра, и возраженія его относятся главнымъ образомъ къ старому сочиненію Моро («La psychologie morbide dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire»). Было бы поэтому несправедливо прямо сопоставлять отдѣльные аргументы Жоли и Ломброзо. Нельзя, однако, все-таки не

сказать, что, въ противоположность Ломброзо, Жоли довольствуется въ вопросѣ о геніи и сумасшествіи ничтожнымъ фактическимъ матеріаломъ и преимущественно аргументами «отъ разума», иногда любопытными, а иногда очень скудными. Мысль о возможности совмѣщенія геніальности и сумасшествія въ одномъ лицѣ Жоли даже до такой степени презираетъ, что отдѣлывается отъ нея нѣсколькими строками. Онъ говоритъ: «утвержденіе, что сила и слабость, болѣзнь и здоровье, порядокъ и безпорядокъ суть одно и то-же или зависитъ отъ одинаковыхъ условій,—утвержденіе это это есть чисто игра ума». И затѣмъ ссылается для дальнѣйшаго опроверженія этой игры ума на Поля Жане — авторитетъ слишкомъ двусмысленный! Замѣтьте, что эти якобы, очень убѣдительныя строки направлены противъ извѣстной формулы Моро: «геніальность есть неврозъ», то есть именно болѣзнь, а не здоровье. Какъ бы ни была преувеличенно парадоксальна формула Моро, но мы знаемъ, что Магометъ, Лютеръ, Кардано, Контъ, Шопенгауеръ и проч., и проч., люди обширнаго ума, энергической воли и широкихъ замысловъ, страдали тѣмъ или другимъ видомъ душевнаго разстройства. Это факты, подлежащіе объясненію, а уже никакъ не отрицанію, единственно въ силу того, что сила и слабость, болѣзнь и здоровье, порядокъ и безпорядокъ не одно и то же. Мы очень хорошо знаемъ, что все это логически противоположныя категоріи, но не можемъ все-таки ради нихъ выкинуть изъ своей памяти и стереть со страницъ исторіи рядъ несомнѣнныхъ фактовъ.

Другой примѣръ. Альфредъ де-Мюссе, человѣкъ не великій, но все-таки далеко превышающій средній уровень, былъ пьяница. Этотъ фактъ, въ цѣломъ ряду другихъ подобныхъ, естественно останавливаетъ на себѣ вниманіе. И вотъ какъ относится къ этому факту Жоли. Онъ приводитъ сначала одно изъ изрѣченій Ларошфуко и затѣмъ дополняетъ его по своему. «Вѣрное толкованіе изрѣченія Ларошфуко состоитъ въ слѣдующемъ, говоритъ онъ:—только великіе люди могутъ проявлять великіе недостатки... *безнаказанно*. Пусть у геніальнаго человѣка есть слабости, пороки, недостатки, это его дѣло! Человѣчество, вѣнчающее его сла-

вой за его заслуги, хочетъ только, чтобы эти недостатки вознаграждались избыткомъ преданности своему дѣлу, любви къ прекрасному, ясности ума, силы вниманія, словомъ, чтобы они не мѣшали ему дѣлать великія дѣла... Иначе говоря, надо, чтобы недостатки не вторгались въ священную область его прямаго собственнаго дѣла. Такъ оно и есть, если мы захотимъ поближе приглядѣться къ исторіи литературы и искусства, равно какъ и къ исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Много было говорено объ увлеченіяхъ Альфреда де-Мюссе. Но, на ряду съ ними, критика всегда видѣла твердый и ясный здравый смыслъ, поддерживающій даже его самыя легкомысленныя фантазіи, и Низаръ имѣлъ полное право сказать, что этотъ наиболѣе безпорядочный (le plus troublé) сынъ девятнадцатаго вѣка остался, въ главныхъ основаніяхъ поэзіи, вѣрнымъ школѣ Буало». Прочитавъ все это, невольно спрашиваешь: ну, такъ что-жъ? Во-первыхъ, при чемъ тутъ школа Буало, а во-вторыхъ, развѣ у насъ о томъ рѣчь, чтобы прощать или не прощать великому человѣку его слабости, пороки, недостатки? Дѣло просто въ томъ, чтобы констатировать эти тѣни, эти пятна на солнцѣ, если угодно, и затѣмъ объяснить. Можно, конечно, оставить совсѣмъ въ сторонѣ слѣды разстроеннаго духа въ Магометѣ, Лютерѣ, Контѣ, Шопенгауерѣ и проч. («это ихъ дѣло!») и довольствоваться оцѣнкою ихъ работы, поскольку ее можно уединить въ «священной области», что, впрочемъ, не всегда удобно и даже не всегда возможно. Но если поставленъ вопросъ именно о близости геніальности и сумасшествія, такъ ужъ это не *ихъ* дѣло, а дѣло науки. Науки, а не «максимъ» Ларошфуко или удачныхъ фразъ Низара или Сентъ-Бёва, къ которымъ Жоли слишкомъ часто прибѣгаетъ для разрубанія узловъ (наподобіе Александра Македонскаго), когда ихъ нужно развязать.

Возвратимся къ Ломброзо. Если его психіатро-зоологическая теорія недостаточно обоснована, если его взгляды на родственность геніальности и сумасшествія проблематичны, то связующее звено этихъ двухъ половинъ теоріи, ученіе о маттоидахъ, какъ о «герояхъ» или вожакахъ массовыхъ движеній, заслуживаетъ полнаго вниманія. Безъ сомнѣнія, отнюдь не всегда, но

очень часто все-таки во главѣ толпы становятся эти безкорыстные, хотя и самолюбивые, и властолюбивые, и честолюбивые, увлекательные, хотя и полубезумные люди, которыхъ я, впрочемъ, предпочелъ бы характеризовать не двусмысленнымъ и вмѣстѣ слишкомъ одностороннимъ словомъ «маттоидъ», а цѣлымъ выраженіемъ, именно тѣмъ удивительнымъ выраженіемъ, которое лѣтописецъ Выговской старообрядческой пустыни употребляетъ, говоря объ Андреѣ Денисовѣ: «И тако Богомъ поставляемъ, приходитъ самозванъ, паче же рещи богозванъ, къ подвигу». Какъ ни дерзко это выраженіе, но оно едва покрываетъ дерзость и безуміе самихъ лже-пророковъ. Остановимся на какой-нибудь опредѣленной группѣ, напримѣръ, на приводимыхъ Ломброзо итальянскихъ маттоидахъ. Эти люди очень различнаго умственнаго роста, но всѣ они, начиная съ Ріензи, «память котораго священна всѣмъ итальянцамъ», и кончая Лацаретти, котораго, конечно, всѣ забыли, или Коккапьеллеромъ, если только Ломброзо не преувеличиваетъ его фигуру; всѣ они самозваны для здравомыслящаго посторонняго наблюдателя и богозваны съ своей точки зрѣнія или, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія ихъ послѣдователей. Дѣлаю эту оговорку—«по крайней мѣрѣ», потому что самъ вожакъ, болѣе или менѣе уклоняясь отъ чистаго типа маттоида, можетъ быть обманщикомъ не только въ объективномъ, а и въ субъективномъ смыслѣ. Онъ можетъ и совсѣмъ не вѣрить въ свое провиденціальное назначеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ искренно вѣрить въ надобность или справедливость того дѣла, ради котораго онъ носитъ личину. Можетъ вѣрить тою странною, но нерѣдко встрѣчающеюся полу-вѣрою, которая какъ бы говоритъ человѣку: есть въ тебѣ высшая сила, говоритъ въ тебѣ не земной голосъ, но слабъ онъ, а все-таки говоритъ, и потому не грѣхъ будетъ, если ты, для убѣжденія толпы, прибѣгнешь къ какому-нибудь фокусу и ложному чуду или, по выраженію пророка Іереміи, «мечты сердца своего» выдашь за дѣйствительность (я думаю, мимоходомъ сказать, что этого рода полу-вѣра довольно обыкновенна у спиритовъ). Можетъ, наконецъ, вожакъ ни вѣрить, ни полу-вѣрить, а прямо лгать въ видахъ своихъ личныхъ цѣлей. Но тогда онъ

уже совсѣмъ уклонился отъ типа маттонда, все-равно какъ уклонится въ другую сторону, если не будетъ прикрываться никакимъ самозванствомъ въ обширномъ смыслѣ слова.

Далѣе, какъ ни оскорбительны для великихъ людей могутъ показаться нѣкоторыя мысли Ломброзо, но надо все-таки сказать, что и въ этомъ отношеніи онъ въ значительной степени правъ. Я теперь говорю не о родственности геніальности и сумасшествія — пусть этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ въ общемъ смыслѣ, а въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ подлежитъ фактической провѣркѣ. Правъ итальянскій психіатръ въ своей постановкѣ вопроса о великихъ людяхъ, какъ герояхъ, увлекающихъ толпу. Когда говорятъ о великихъ людяхъ, то имѣютъ обыкновенно въ виду либо размѣры ихъ силъ, превышающіе средній уровень человѣческихъ способностей, либо размѣры вклада, сдѣланнаго, по мнѣнію изслѣдователя или апологета, великимъ человѣкомъ въ сокровищницу человѣчества. Но, независимо отъ этихъ двухъ совершенно законныхъ точекъ зрѣнія, стоитъ еще вопросъ объ отношеніяхъ, существующихъ между великимъ человѣкомъ и его послѣдователями, количество и степень увлеченія которыхъ, какъ волны, выносятъ великаго человѣка изъ житейскаго моря на берегъ, въ исторію. Не разъ и не два, не тысячу и не милліонъ разъ въ этомъ житейскомъ морѣ тонули великія дарованія, способныя можетъ быть затмить собою всѣхъ исторически извѣстныхъ намъ звѣздъ первой величины. И, наоборотъ, на историческомъ берегу мы часто видимъ то самое, что̀ бываетъ и на настоящемъ морскомъ берегу послѣ отлива: копошатся разные слизняки.

Такое неравновѣсіе судебъ зависитъ отъ трехъ категорій причинъ. Во-первыхъ, тутъ могутъ вліять разныя мелкія, иногда поразительно мелкія случайности. Для примѣра приведу одно соображеніе Гальтона (въ «Наслѣдственности таланта»). Говоря о знаменитыхъ полководцахъ, онъ замѣчаетъ, что прежде, чѣмъ стать «великимъ» на этомъ поприщѣ, человѣкъ долженъ пережить многія опасности: если онъ будетъ убитъ въ первомъ же сраженіи, то, понятное дѣло, его даже совершенно исключи-

тельныя военныя дарованія, останутся неизвѣстны міру. А въ числѣ шансовъ быть убитымъ или не убитымъ въ сраженіи, между прочимъ, находится и большой или малый ростъ и дородство. Шансы эти Гальтонъ старается съ точностью вычислить математически. Выходитъ, напримѣръ, что Нельсонъ, часто бывавшій въ огнѣ и убитый при Трафальгарѣ на 47-мъ году своей жизни, въ значительной степени обязанъ своей славой малорослости и тщедушности. Будь онъ выше ростомъ и толще, онъ имѣлъ бы извѣстный шансъ быть убитымъ раньше, задолго до своихъ послѣднихъ, блестящихъ побѣдъ, установившихъ его славу. Величіе полководца—дѣло довольно двусмысленное (о чемъ у насъ, вѣроятно, впослѣдствіи и особый разговоръ будетъ), и я привелъ соображеніе Гальтона только какъ образчикъ вліянія разныхъ мелочныхъ обстоятельствъ на судьбу великихъ людей; подобныя мелочи могутъ встѣтиться на каждомъ поприщѣ. Второй рядъ причинъ, сплошь и рядомъ заставляющихъ сильныхъ людей безслѣдно исчезать въ темныхъ глубинахъ житейскаго моря, заключается въ характерѣ общественнаго строя данной страны. Когда говорятъ (и въ извѣстномъ смыслѣ справедливо говорятъ), что чудеса древне-греческаго искусства и философіи обязаны своимъ существованіемъ рабству, предоставлявшему свободнымъ людямъ досугъ, или что блескъ нашей литературы сороковыхъ годовъ стоялъ въ такомъ же отношеніи къ крѣпостному праву,—когда говорятъ это, то забываютъ обыкновенно, что на одного Езопа, на одного Эпиктета, на одного Шевченку приходится можетъ быть тысячи затертыхъ дарованій, передъ которыми померкли бы, можетъ быть, таланты Фидіевъ и Тургеневыхъ. Наконецъ, третье условіе успѣха или неуспѣха лежитъ въ степени своевременности и умѣстности предпринимаемаго дѣла. Совершенно равныя силы, пущенныя въ ходъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, могутъ дать совершенно различные результаты вообще и въ частности для самихъ носителей этихъ силъ. Если не самъ Ермакъ, то ближайшій его помощникъ Иванъ Кольцо былъ приговоренъ къ смертной казни за волжскіе разбои,

а перенеся свою дѣятельность съ Волги за Уралъ, Ермакъ сталъ историческимъ лицомъ, которому ставятъ монументы.

Ставъ на эту послѣднюю точку зрѣнія, Ломброзо натурально долженъ былъ придти къ заключенію объ условности понятія «великихъ людей», а вмѣстѣ съ тѣмъ для него изъ-за «великаго человѣка» выдвинулся впередъ просто вожакъ, «герой», увлекающій толпу на большое или малое, глупое или умное, доброе или злое дѣло. При этомъ, однако, Ломброзо, въ качествѣ психіатра, ограничился только одною стороною отношеній героя и толпы или, точнѣе говоря, однимъ изъ способовъ вліянія героя на толпу тѣмъ именно способомъ, который находится въ распоряженіи маттоида. Но, какъ уже было сказано выше, характернѣйшая черта маттоида состоитъ въ самозванствѣ, въ придаваніи себѣ особеннаго, сверхъ естественнаго, провиденціальнаго значенія; а затѣмъ отъ чистаго типа маттоида возможны уклоненія въ двѣ противоположныя стороны, именно по направленію къ завѣдомому, злостному обману и по направленію къ полному отсутствію самозванства. Уже изъ этого, чисто логическаго разсужденія слѣдуетъ заключить, что Ломброзо слишкомъ поторопился обобщеніемъ, говоря, что во главѣ *всякаго* массоваго движенія стоитъ непремѣнно маттоидъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и исторія. Но исторія свидѣтельствуетъ еще объ одной вещи, а именно, что самозванство бываетъ не только религіозное, а и политическое; что толпа увлекается не только вѣрою въ облыжно-божественныя черты вожака, а и вѣрою въ облыжно-царственное его происхожденіе.

Изъ нижеслѣдующаго читатель увидитъ, какъ богатъ относящійся сюда историческій матеріалъ и какъ неудачно справляются съ нимъ спеціалисты.

Г. Брикнеръ, извѣстный дерптскій профессоръ, помѣстилъ въ журналѣ Поля Линдау «Nord und Süd» (Band 15) статью подъ заманчивымъ заглавіемъ: «Zur Naturgeschichte der Prätendenten». Оставимъ въ сторонѣ краткія вступительныя соображенія г. Брикнера о возможности обработать исторію по типу наукъ естественныхъ. Соображенія эти малоцѣнны и теперь къ нашему дѣлу не идутъ.

Г. Брикнеръ полагаетъ, что «естественная исторія претендентовъ» очень подвинется впередъ, если намъ удастся ихъ классифицировать. Задача его статьи главнымъ образомъ именно и состоитъ въ классификаціи, хотя онъ не отказывается отъ попутныхъ замѣчаній о причинахъ и вообще условіяхъ появленія претендентовъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на два отдѣла: подлинныхъ претендентовъ и ложныхъ, самозванцевъ. Подлинные опять подраздѣляются на классы, но намъ до нихъ дѣла нѣтъ. Что же касается самозванцевъ, то никакой дальнѣйшей классификаціи г. Брикнеръ ихъ не подвергаетъ, а даетъ только бѣглый очеркъ исторически извѣстныхъ самозванцевъ, съ маленькемъ заключеніемъ объ условіяхъ ихъ появленія и успѣха.

Изъ древнихъ г. Брикнеръ поминаетъ только лже-Смердиса персидскаго, и лже-Филиппа и лже-Александра македонскихъ. Въ средневѣковую эпоху онъ насчитываетъ лже-Генриха императора, лже-Вальдемара бранденбургскаго, лже-Ричарда англійскаго, лже-Стуре шведскаго и рядъ лже-Себастіановъ португальскихъ. Къ новѣйшему времени относятся лже-Людовики XVII, якобы дѣти казненнаго короля Людовика XVI, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ часовщикъ Наундорфъ: дѣти его здравствуютъ и претендуютъ по-сейчасъ.

Оканчивая этотъ списокъ, г. Брикнеръ замѣчаетъ, что онъ, можетъ быть, и пропустилъ что-нибудь замѣчательное, но что, во всякомъ случаѣ, въ исторіи западной Европы самозванцы являются только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Совсѣмъ другое дѣло въ Россіи. Начиная съ лже-Димитрія I, мы имѣемъ: «Тушинскаго вора», лже-Петра (сына Ѳедора); потомъ въ Астрахани объявился царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ (сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской); тамъ же явился царевичъ Лаврентій, якобы внукъ Грознаго отъ царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились: царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Клементій, царевичъ Савелій, царевичъ Семенъ, царевичъ Василій, наконецъ царевичи: Ерошка, Гаврилка, Мартынка—все, якобы, сыновья царя Ѳедора Иваныча. Съ воцареніемъ Михаила Ѳедорыча самозванцы не прекращаются, но если они и доставляли

правительству безпокойство, то только какъ угроза, а не настоящимъ какимъ-нибудь вредомъ. Замѣчательнѣе другихъ, но и то своей несчастной судьбой, польскій шляхтичъ Луба, котораго увѣрили, что онъ сынъ Марины Мнишекъ отъ перваго самозванца. (Г. Брикнеръ ошибочно утверждаетъ, что Луба выдавалъ себя за сына царя Василія Шуйскаго.) При Алексѣѣ Михайловичѣ опять встрѣчаемъ трехъ-четырехъ самозванцевъ. Стенька Разинъ гнушался самозванствомъ самъ, но въ его шайкѣ были нѣкоторое время лже-Никонъ патріархъ и лже-Алексѣй, сынъ царя. При Петрѣ и его преемникахъ тоже не обошлось безъ самозванцевъ. Былъ лже-Иванъ (братъ Петра), нѣсколько лже-Алексѣевъ (сыновей Петра). Лже-Петры III были и до, и послѣ Пугачева (появлялись они и въ Черногоріи, и въ Албаніи). Былъ лже-Иванъ Антоновичъ. Въ новѣйшее время были лже-Константины, лже-графиня Ловичъ.

Свой бѣглый и, какъ сейчасъ увидимъ, далеко не полный очеркъ г. Брикнеръ заканчиваетъ отчасти справедливыми, но довольно скудными замѣчаніями о томъ, что самозванцы встрѣчаютъ благопріятную почву тамъ, гдѣ масса народа подавлена, гдѣ народъ невѣжественъ и дикъ, гдѣ порядокъ престолонаслѣдія еще не установился, гдѣ таинственность смерти какого-нибудь виднаго лица даетъ пищу слухамъ, что оно живо. Но тутъ же мы встрѣчаемъ мысль, что во многихъ волненіяхъ, вызванныхъ самозванцами, самое самозванство играло второстепенную, побочную роль. Такъ, напримѣръ, между пугачевскимъ бунтомъ и похожденіями разбойничьихъ атамановъ той же эпохи, Кулаги, Брагина и т. п., по существу нѣтъ никакой разницы, хотя ни Кулага, ни Брагинъ не были самозванцами. Дѣйствительно, если читатель смутится въ этомъ отношеніи размѣрами пугачевскаго бунта и его громкою историческою извѣстностью, то стоитъ только припомнить рядъ мелкихъ лже-Петровъ III—Кремнева, Богомолова, Ханина, которые уже рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ Брагиныхъ и Кулагъ. Г. Брикнеръ не замѣчаетъ, какое важное значеніе имѣетъ это обстоятельство для всей «естественной исторіи претендентовъ» и въ особенности для ихъ классификаціи.

Возьмемъ два случая самозванства изъ тѣхъ, которые совсѣмъ пропущены г. Брикнеромъ.

Въ 1625 г. въ Москву явилось нѣсколько запорожцевъ и одинъ грекъ, въ видѣ посольства отъ нѣкоего Александра Ахіи, назвавшагося турецкимъ царевичемъ, сыномъ султана Магомета, и проживавшаго въ то время въ Запорожьи. Ахія разсказывалъ, что мать его была гречанка и самъ онъ христіанинъ, что онъ много путешествовалъ по Европѣ и теперь находится въ Запорожьи, чтобы поднять казаковъ противъ Турціи; весною слѣдующаго года онъ разсчитываетъ идти въ походъ, такъ какъ Волошская земля, Болгарія и иныя страны уже признали его государемъ и онъ встрѣтитъ готовое войско изъ православныхъ сербовъ, болгаръ и грековъ. Ахія просилъ у московскаго царя помощи. Не смотря на то, что Москва сама довольно натерпѣлась отъ самозванцевъ и при случаѣ очень настоятельно требовала ихъ выдачи у турокъ, казаковъ, поляковъ, къ Ахіи она отнеслась любезно: въ помощи ему отказала, но одарила соболями, лисицами, бархатами. Затѣмъ Ахіи дѣйствительно удалось было всполошить запорожцевъ, но за другими дѣлами предпріятіе это не выгорѣло, и Ахія уѣхалъ, въ сопровожденіи всего четырехъ человѣкъ, въ Кіевъ. Полякамъ почему-то интересовавшимся Ахіей, казаки могли съ чистою совѣстью отвѣчать: «Царикъ Ахія какъ пришелъ невѣдомо откуда, такъ и ушелъ невѣдомо куда». Въ Кіевѣ Ахію пріютилъ митрополитъ Іовъ и потомъ переправилъ въ Московское государство, гдѣ самозванца встрѣтили съ прежнею двусмысленною любезностью: прямой помощи не оказали, но, продержавъ нѣкоторое время не безъ почета, дали уйти въ Европу, черезъ Архангельскъ. Въ 1637 году Ахія появился въ Черниговѣ, куда звалъ запорожскихъ и донскихъ казаковъ, но никто, повидимому, на этотъ зовъ не откликнулся, и никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ самозванцѣ не имѣется.

Въ концѣ 68 года Грецiя и вся, вовлеченная въ кругъ римской жизни, Азія были взволнованы удивительнымъ извѣстіемъ: Неронъ не то воскресъ, не то и не умиралъ даже, а счастливо избѣгъ угрожавшей ему опасности. Самозванецъ былъ какой-то

рабъ, чрезвычайно похожій на трагикомическаго тирана и вдобавокъ обладавшій его музыкальными талантами. Появленію самозванца предшествовали смутные слухи въ народѣ, что Неронъ живъ и скрывается гдѣ-то у парѳянъ. Неудивительно, что христіане, до послѣдней степени возбужденные гоненіями, видѣли въ возрожденномъ Неронѣ антихриста, новаго и еще болѣе страшнаго гонителя, за паденіемъ котораго долженъ слѣдовать окончательный судъ надъ неправдой. Неудивительно, что и вообще лже-Неронъ навелъ своимъ появленіемъ ужасъ на многихъ. Но у него были и ярые сторонники. Какія-то упованія связывались съ этимъ именемъ, наполнившимъ міръ своею славою. Когда лже-Неронъ былъ убитъ, тѣло его возили по Азіи, потомъ привезли въ Римъ, чтобы всѣхъ убѣдить въ его смерти; но это не помѣшало появленію еще, по крайней мѣрѣ, одного лже-Нерона, а можетъ быть и двухъ. Увѣренность же, что Неронъ живъ, продолжалась едва ли не до конца IV вѣка.

Вотъ два совершенно различныхъ типа самозванцевъ. Уже одно то кладетъ рѣзкую разницу между ними, что за лже-Нерономъ первымъ слѣдовалъ второй, а можетъ быть и третій, между тѣмъ какъ «царикъ Ахія» и въ историческомъ смыслѣ, «какъ пришелъ невѣдомо откуда, такъ и ушелъ невѣдомо куда». Въ исторіи не рѣдокъ фактъ появленія самозванцевъ цѣлыми, такъ сказать, гнѣздами. Таковы были наши лже-Димитріи и лже-Петры, таковы лже-Себастіаны португальскіе, таковы же и лже-Нероны; такова наконецъ цѣлая огромная группа самозванцевъ, какъ увидимъ, совсѣмъ оставленная въ сторонѣ г. Брикнеромъ. Въ подобныхъ случаяхъ никакая публичность казни, никакая торжественность заявленій и объясненій, никакая очевидность вообще не способны, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, искоренить связанныя съ извѣстнымъ именемъ или лицомъ упованія и страхи. Для такихъ самованцевъ почва лежитъ въ матеріальныхъ условіяхъ и духовномъ складѣ народной жизни. Ахія же есть, повидимому, просто изобрѣтеніе митрополита Іова, въ которомъ ревность къ православію питала мечту объединенія и освобожденія христіанскаго населенія Турціи. Затѣмъ польское

и московское правительства пользовались или могли пользоваться имъ для политическихъ интригъ; но массамъ онъ быть чужой и остается неизвѣстнымъ, насколько удачна теоретически можетъ быть и остроумная комбинація Ахіи: султанскій сынъ и вмѣстѣ христіанинъ. Должно быть не особенно удачна, потому что ничего изъ затѣи не вышло и больше она не повторялась; черногорскій самозванецъ прошлаго вѣка, Степанъ Малый, питавшій широкіе политическіе замыслы и пользовавшійся успѣхомъ, выдавалъ себя уже не за султанскаго сына, а за русскаго императора Петра III.

Такимъ образомъ самозванецъ, какъ орудіе политической интриги, и самозванецъ, опирающійся на убѣжденія или чувства массъ,—это двѣ совсѣмъ разныя фигуры. Безъ сомнѣнія, фактически они могутъ соединяться въ одномъ лицѣ, какъ то часто было съ самозванцами, которыми Польша снабжала Москву, но логически это два отдѣльные момента самозванства, и «естественная исторія претендентовъ» отнюдь не должна ихъ смѣшивать. Тѣмъ болѣе, если историкъ знаетъ, какъ знаетъ г. Брикнеръ, что одновременно съ самозванцами дѣйствуютъ иногда разные предводители, не прибѣгающіе къ самозванству, но опирающіеся на тотъ же самый матеріалъ и дѣйствующіе въ томъ же самомъ направленіи. Еще вопросъ, въ какомъ смыслѣ можетъ быть названъ «претендентомъ», напримѣръ, даже извѣстнѣйшій изъ лже-Петровъ, а можетъ быть и самозванцевъ вообще, Пугачовъ. По его собственнымъ словамъ, онъ «дальняго намѣренія, чтобъ завладѣть всѣмъ россійскимъ царствомъ, не имѣлъ, ибо, разсуждая о себѣ, не думалъ къ правленію быть, по неумѣнію грамотѣ, способенъ». Въ искренности этихъ словъ нѣтъ никакого резона сомнѣваться. Въ высшей степени вѣроятно, что собственно о тронѣ Пугачевъ не помышлялъ, хотя и назвался именемъ вѣнценосца. Во всякомъ же случаѣ, по характеру своей дѣятельности, своего вліянія, своихъ отношеній, какъ справедливо указываетъ самъ г. Брикнеръ, какой-нибудь лже-Петръ Богомоловъ или Кремневъ ничѣмъ не отличался отъ какого-нибудь атамана Брагина или Ку-

лаги, который, однако, не только претендентомъ, а и самозванцемъ не былъ. Подобные люди очень часто являются при массовомъ движенія рядомъ съ самозванцами. Были они у насъ, напримѣръ, и во времена первыхъ самозванцевъ. Характеризуя одного изъ нихъ, Ляпунова, Соловьевъ говоритъ: «Такіе люди обыкновенно становятся народными вождями въ смутныя времена: истомленный, гнетомый нерѣшительнымъ положеніемъ, народъ ждетъ перваго сильнаго слова, перваго движенія, и кто первый произнесетъ рококое слово, кто первый двинется, тотъ и становится вождемъ народнаго стремленія» (Исторія Россіи, VIII, 161). И далѣе: «Ляпуновъ сталъ за Димитрія противъ Шуйскаго, но былъ ли онъ увѣренъ въ личности Димитрія, сказать нельзя. Вѣроятно, онъ не имѣлъ никакихъ крѣпкихъ убѣжденій въ этомъ отношеніи и возсталъ при вѣсти о возстаніи, повинуясь своей энергической природѣ, не умѣя сносить, подобно другимъ, нерѣшительнаго положенія, не умѣя ждать». Понятно, что Ляпуновъ, не будучи самозванцемъ, въ извѣстномъ смыслѣ, какъ психологическій типъ и какъ историческая фигура, стоитъ гораздо ближе къ опирающимся на вѣрованія и упованія темныхъ массъ самозванцамъ, чѣмъ эти послѣдніе къ самозванцамъ-орудіямъ придворныхъ и политическихъ интригъ.

Далѣе, г. Брикнеръ упоминаетъ о лже-Филиппѣ македонскомъ, обыкновенно называемымъ Андрискомъ, о которомъ, однако, Нибуръ полагаетъ, что онъ былъ, можетъ быть, совсѣмъ не самозванецъ, а дѣйствительно сынъ послѣдняго македонскаго царя Персея. Такое же мнѣніе, какъ извѣстно, существуетъ и относительно лица, называемаго лже-Димитріемъ I. А изъ этого слѣдуетъ, что разница между «подлинными претендентами» и самозванцами довольно шатка, ибо лже-Филиппъ IV остается по своей исторической роли ни мало не измѣненнымъ отъ разрѣшенія сомнѣній Нибура въ положительную или отрицательную сторону.

Тѣмъ не менѣе, самозванство есть своеобразный историческій фактъ, заслуживающій полнаго вниманія науки, гораздо большаго, чѣмъ то, которое ему удѣлаетъ г. Брикнеръ въ спеціально этому предмету посвященной статьѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ от-

ношеніяхъ, и именно съ моральной точки зрѣнія, историки придаютъ самозванству иногда уже слишкомъ большое значеніе. Такъ, напримѣръ, Соловьевъ полагаетъ, что лже-Димитрій I искренно вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе, и приводитъ такой аргументъ: «Чтобы сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надо быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры послѣдующихъ самозванцевъ», а, дескать, первый лже-Димитрій завѣдомо не былъ «чудовищемъ разврата» и, слѣдовательно, не могъ быть самозванцемъ сознательнымъ. Наоборотъ, «Тушинскій воръ» было именно таковымъ, «*и потому*, говоритъ Соловьевъ, мы не имѣемъ права предполагать сильное преувеличеніе въ тѣхъ извѣстіяхъ чужеземныхъ, слѣдовательно, безпристрастныхъ, которыя называютъ его безбожнымъ, грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, составленнымъ изъ преступленій всякаго рода, и недостойнымъ носить имя и ложнаго государя» (Исторія Россіи, VIII, 78, 172). Что «Тушинскій воръ» былъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ очень низкопробнымъ, это несомнѣнно. Но выводить изъ факта сознательнаго самозванства увѣренность въ такой коллекціи пороковъ и преступленій столь же неосновательно, какъ относительными нравственными достоинствами лже-Димитрія I доказывать искренность его вѣры въ свое царственное происхожденіе. Лже-Димитрію первому приходилось такъ много лгать (хоть, напримѣръ, въ дѣлѣ о православіи или католичествѣ его самого и Марины Мнишекъ), что собственно облыжность имени ничего въ этомъ отношеніи рѣшающаго представить не можетъ. Вообще, можно, кажется, съ увѣренностью сказать, что само по себѣ сознательное самозванство еще ничего не говоритъ о моральныхъ качествахъ носителя чужого имени; оцѣнка ихъ, этихъ моральныхъ качествъ, должна быть произведена на какихъ-нибудь болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Нельзя все-таки не пожалѣть, что, классифицируя «претендентовъ», г. Брикнеръ не остановился на рубрикахъ сознательныхъ самозванцевъ и искренно вѣрующихъ въ принадлежность имъ извѣстнаго имени и связанныхъ съ этимъ именемъ правъ и обя-

занностей; хотя провести это раздѣленіе сквозь сѣть конкретныхъ историческихъ фактовъ было бы, конечно, чрезвычайно трудно и даже невозможно. Но еще гораздо страннѣе и прискорбнѣе, что г. Брикнеръ упустилъ изъ виду цѣлую самостоятельную группу самозванцевъ и претендентовъ, а именно—самозванцевъ религіозныхъ и претендентовъ на новые, ими самими создаваемые, престолы. Здѣсь мы опять приближаемся къ темѣ Ломброзо.

Въ первую сицилійскую римско-рабскую войну (во II вѣкѣ до Р. Х.) рабъ Эвнъ, по происхожденію сиріецъ, провозгласилъ себя царемъ, подъ именемъ Антіоха. Еще задолго до возстанія, онъ пользовался большою популярностью среди своихъ разноплеменныхъ товарищей по несчастію — рабовъ. Это былъ не то юродивый, не то пророкъ. Онъ увѣрялъ, что имѣетъ непосредственныя сношенія съ богами, помощью очень простого фокуса извергалъ изо рта пламя, занимался предсказаніями и, между прочимъ, предсказывалъ, что будетъ царемъ. Богатый римлянинъ, которому принадлежалъ Эвнъ, кажется, снисходительно смотрѣлъ на его дурачества. По крайней мѣрѣ, онъ дѣлалъ себѣ и своимъ гостямъ потѣху изъ этого страннаго и смѣшного человѣка. Его приглашали на пиршества для разспросовъ, какъ онъ будетъ царствовать; ему давали со стола лакомые куски, прося попомнить эту подачку и быть милостивѣе, когда онъ достигнетъ трона. Между тѣмъ среди рабовъ популярность его достигла такой степени, что одного его слова стало достаточно, чтобы вызвать страшное возстаніе. Рабы одного особенно жестокаго римлянина, нѣкоего Дамофила, обратились за совѣтомъ къ Эвну, какъ къ человѣку, устами котораго говоритъ божество. Эвнъ посовѣтовалъ,—и въ непродолжительномъ времени вся Сицилія была въ огнѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, въ Македоніи, въ самомъ Римѣ, зашевелились рабы. Предсказаніе Эвна сбылось, онъ сталъ царемъ, подъ именемъ Антіоха; но римляне больше уже не смѣялись надъ нимъ. Напротивъ, лишь съ величайшими усиліями, да и то подъ конецъ лишь подкупомъ и измѣной, удалось имъ покончить съ царемъ Антіохомъ и со всѣмъ возстаніемъ. — Во

второмъ сицилійскомъ возстаніи рабовъ мы видимъ флейтиста Сальвія, провозглашеннаго царемъ подъ именемъ Трифона. Онъ, подобно Эвну, слылъ за человѣка богодухновеннаго и пророка. Онъ окружилъ себя царственнымъ величіемъ, являлся народу окруженный свитою, предшествуемый ликторами, въ вышитой пурпурной одеждѣ и проч. Преемникомъ его на фантастическомъ тронѣ былъ рабъ Атеніонъ, также обладавшій какими-то тайными знаніями и божественными дарами.

Если имѣть въ виду этого рода самозванцевъ и претендентовъ, то замѣчаніе г. Брикнера относительно количественнаго распредѣленія самозванцевъ между Россіей и западной Европой окажется не совсѣмъ вѣрнымъ. И западная Европа, и близкій и дальній Востокъ знаютъ огромное количество самозванцевъ, и трудно отдать въ этомъ отношеніи пальму первенства какому-нибудь вѣку или какой-нибудь національности. Правда, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ самозванство осложняется разными обстоятельствами формальнаго свойства. Такъ, у насъ въ Смутное время и въ прошломъ вѣкѣ оно находило себѣ такой поводъ въ непорядкахъ престолонаслѣдія, какого, пожалуй, дѣйствительно не было въ другихъ мѣстахъ; но это именно только поводъ, одна изъ случайностей занимающаго насъ съ г. Брикнеромъ историческаго явленія. Въ 1578 году, португальскій король Себастіанъ погибъ почти со всѣмъ своимъ войскомъ въ сраженіи, въ Африкѣ, и трупъ его не былъ найденъ. Это обстоятельство послужило поводомъ для появленія нѣсколькихъ лже-Себастіановъ. Понятное дѣло, что такой поводъ немыслимъ тамъ, гдѣ короли не предводительствуетъ самолично войсками въ сраженіяхъ и не принимаютъ участія въ дальнихъ военныхъ экспедиціяхъ. Но понятно также, что, при изученіи широко распространеннаго историческаго явленія, обстоятельству этому должна быть отведена чисто формальная роль. Поводы для появленія самозванцевъ постоянно измѣняются, но подъ этой измѣнчивой исторической пленкой дѣйствуютъ одни и тѣ же психологическіе и соціологическіе законы. Гдѣ въ чувствахъ, понятіяхъ, нравахъ и матеріальной обстановкѣ людей заложены усло-

вія, благопріятныя для самозванства,—тамъ за поводомъ дѣло не станетъ. Онъ всегда найдется въ непорядкахъ ли престолонаслѣдія, въ таинственной-ли смерти авторитетнаго лица, въ старомъ пророчествѣ, въ какомъ-нибудь случайномъ совпаденіи. Отмѣтить эти поводы, конечно, не безполезно. Но надо главнымъ образомъ найти общія и коренныя причины явленія, а для этого необходимо отодвинуть на задній планъ всѣ формальные признаки: иначе мы рискуемъ съузить свою задачу и пропустить сквозь пальцы очень цѣнный матеріалъ. Напримѣръ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ яркихъ особенностей еврейской исторіи, она не знала самозванцевъ въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ разумѣетъ дѣло г. Брикнеръ, но въ ней были свои, особаго покроя самозванцы.

Извѣстно, что около нашей эры, то есть немного раньше и немного позже рождества истиннаго Христа, въ Іудеѣ появилась масса лже-мессій. Было бы долго, да и не нужно разсказывать исторіи всѣхъ этихъ самозванныхъ узурпаторовъ священнаго имени. Тутъ были и люди необычайной энергіи и вѣры въ свое дѣло, и совершенно ничтожные проходимцы; настоящіе «маттоиды», которые, какъ Θевда, увлекали тысячи людей обѣщаніями, въ родѣ того, что воды Іордана разступятся передъ ними, и своего рода «царевичи Ерошки, Гаврилки и Мартынки»; были люди политическаго темперамента, мечтавшіе о низверженіи римскаго владычества, объ образованіи могучаго государства, о соціальномъ переворотѣ, были и люди, искавшіе царства не отъ міра сего; были добивавшіеся и, какъ Баръ-Кохба, добившіеся царскаго величія; были и такіе, какъ Іуда Галилейскій, которые утверждали, что надъ «избраннымъ народомъ» не можетъ быть иного царя, кромѣ Бога. Все это чрезвычайно поучительно и заслуживало бы подробнаго сравнительнаго изученія, параллельно съ изобилующими самозванцами смутными временами у другихъ народовъ. Но теперь, по крайней мѣрѣ, мы должны ограничиться самымъ бѣглымъ очеркомъ. Позволю себѣ, курьеза ради, только одно сближеніе, отнюдь, конечно, не существенное, тѣмъ болѣе что оно не имѣетъ отношенія собственно къ смутному времени еврейской исторіи.

Извѣстно, что многіе наши раскольники считали 1666 годъ годъ памятнаго имъ московскаго собора, началомъ царства антихриста, получившаго затѣмъ и окончательное, личное выраженіе въ Петрѣ Великомъ; извѣстно также, что гигантская личность великаго преобразователя представлялась раскольникамъ не только антихристомъ, но и самозванцемъ, «подмѣненнымъ» царемъ, и «жидовиномъ»; цифра же 1666 связывалась, повидимому, таинственно пророческимъ образомъ съ апокалипсическимъ «числомъ звѣринымъ»—666. Любопытно, что въ еврейскомъ мірѣ около 1666 года, отчасти на основаніи пророчествъ, указавшихъ именно на этотъ годъ, какъ на годъ появленія мессіи, происходило большое волненіе. На лицо былъ и мессія. Это былъ нѣкто Саббатаи-Цеви, красавецъ, умница, аскетъ и чудотворецъ. Послѣ многихъ неудачъ, онъ достигъ, наконецъ, признанія со стороны извѣстной части еврейства, причемъ происходило, между прочимъ, слѣдующее чудо: въ разныхъ мѣстахъ женщины и юноши, никогда не видавшіе Саббатаи-Цеви, подвергались сильнымъ эпилептическимъ припадкамъ и, среди конвульсій, кричали, иногда на древнееврейскомъ языкѣ, котораго они не знали: «Саббатаи-Цеви есть истинный мессія изъ дома Давида, ему же вѣнецъ и царство!» Самозванецъ кончилъ тѣмъ, что обратился въ магометанство, но съумѣлъ и изъ этого своего ренегатства (впрочемъ, внѣшняго) сдѣлать предметъ подражанія; послѣдователи его существовали до самаго недавняго времени, существуютъ, можетъ быть, и теперь, вѣруя, что Саббатаи-Цеви не умеръ, а подобно Еноху и Иліи, взятъ живой на небо. Если бы наши раскольники знали, что въ 1666 году долженъ былъ явиться и дѣйствительно явился еврейскій мессія и чудотворецъ, то, конечно, еще болѣе убѣдились бы въ наступленіи съ этого рокового года царства антихриста.

Повторяю, я привожу это отрицательное совпаденіе только какъ историческій курьезъ, интересный развѣ какъ наглядное свидѣтельство того, что народы иногда мятутся одинаковыми смятеніями, одинаковымъ алканіемъ свѣта и правды, но по темнотѣ своей ничего не знаютъ другъ о другѣ и въ разнофор-

менности этого одинаковаго алканія готовы видѣть новый поводъ къ враждѣ и ненависти.

Переходя въ Европу, къ среднимъ вѣкамъ, мы найдемъ цѣлую нескончаемую вереницу лже-пророковъ, лже-мессій и самозванныхъ претендентовъ на новые троны. Въ большинствѣ случаевъ, эти люди стояли на мистической почвѣ, причемъ, среди ихъ поклонниковъ и послѣдователей, весьма часто повторялись тѣ же странныя явленія, которыя мы только-что отмѣтили въ исторіи Саббатан-Цеви: конвульсіи и пророчества на неизвѣстныхъ языкахъ. Достаточно припомнить театральную фигуру «Царя новаго Сіона», Яна Бокельсона, или Іоанна Лейденскаго, извѣстнаго даже тѣмъ, кому ничего, кромѣ итальянской оперы, неизвѣстно.

Для Россіи слѣдуетъ помянуть хлыстовскихъ и скопческихъ лже-христовъ и лже-боговъ, пропускъ которыхъ у г. Брикнера тѣмъ достопримѣчательнѣе, что здѣсь религіозное самозванство осложнялось политическимъ, ибо и здѣсь всуе поминалось имя императора Петра III. «Естественная исторія претендентовъ» не потеряла бы хотя бы отъ простого констатированія факта, что это имя единовременно эксплуатировалось такими двумя рѣзко противоположными личностями, какъ разбойникъ Емельянъ Пугачевъ и проповѣдникъ «голубиной чистоты» Кондратій Селивановъ.

Будда и Магометъ пусть напомнятъ читателямъ опять же очень длинный рядъ религіозныхъ самозванцевъ, стоящихъ внѣ всякаго отношенія къ христіанскимъ преданіямъ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы религіозное самозванство было способно увлекать людей только при условіи невѣжества и грубости толпы, то есть или въ болѣе или менѣе отдаленныя отъ нашей нынѣшней цивилизаціи времена, или въ средѣ невѣжественныхъ слоевъ общества. Невѣжество и связанныя съ нимъ легковѣріе и суевѣріе, безъ сомнѣнія, очень удобряютъ въ этомъ отношеніи почву. Но отнюдь все-таки не застрахованы отъ подобныхъ слѣпыхъ увлеченій и люди образованные. Ясное тому

доказательство можетъ представить исторія польскаго лже-мессіи Андрея Товянскаго.

Товянскій былъ не первый польскій мистикъ, выдававшій себя за нѣчто, свыше особыми силами одаренное. Еще въ прошломъ столѣтіи существовалъ «царь новаго Израиля», графъ Грабянка, основавшій свое царство въ Берлинѣ, потомъ перенесшій его въ Авиньонъ, наконецъ, въ Петербургъ, и, кажется, мѣтившій на польскій престолъ. Онъ творилъ чудеса и окружалъ себя своеобразной царственной обстановкой. Иначе выступилъ Товянскій. Онъ явился въ 1841 году къ знаменитому поэту Мицкевичу, бывшему тогда однимъ изъ центровъ польской эмиграціи въ Парижѣ, съ увѣдомленіемъ, что близокъ часъ воскресенія Польши; что дѣло это предназначено совершить ему, Товянскому, въ тѣло котораго воплотился духъ великаго Наполеона, очистившійся покаяніемъ въ надзвѣздныхъ мірахъ; что, наконецъ, помощникомъ ему въ этомъ дѣлѣ долженъ быть Мицкевичъ. Мицкевичъ, читавшій въ это время курсъ исторіи славянскихъ литературъ въ Collège de France, сталъ горячимъ проповѣдникомъ идеи Товянскаго, и скоро образовалось нѣчто въ родѣ школы или секты. Приведемъ нѣсколько поразительныхъ эпизодовъ изъ этой грустной исторіи. Самъ ли Товянскій, или одинъ изъ его пророковъ предсказалъ, что въ 1844 году произойдетъ революція во всей Европѣ; начнется она въ Парижѣ, и именно тогда, когда портретъ Наполеона, выставленный на одной художественной выставкѣ, зашевелится. Кружокъ ослѣпленныхъ напряженно ждалъ открытія выставки; но хотя изображеніе великаго маленькаго капрала осталось неподвижнымъ,—этотъ наглядный урокъ не разбилъ надеждъ и иллюзій. Въ другой разъ, на лекціи Мицкевича, соотвѣтственнаго содержанія, съ прямыми указаніями на Товянскаго, какъ на мессію, раздавались публикѣ литографическіе портреты Наполеона, сдѣланные такъ, что онъ былъ похожъ или казался для вѣрующихъ похожимъ на Товянскаго; мистическая лекція и мистическій портретъ были встрѣчены съ безумнымъ восторгомъ. Для окончательной характеристики духа, обуявшаго этихъ, во всякомъ уже случаѣ не невѣжественныхъ и грубыхъ людей, я при-

веду изъ памфлета Эрдана «La France mystique» (Amsterdam, 1858) слѣдующій, оффиціально засвидѣтельствованный документъ.

Одинъ польскій эмигрантъ, графъ Северинъ Виберштейнъ-Пильховскій, призналъ себя въ этомъ документѣ «слугою и подданнымъ» (serviteur et sujet) Товянскаго, а его—своимъ «господиномъ и владыкой» (seigneur et maître). «Андрей Товянскій—говорится въ документѣ — мой господинъ и владыка, имѣетъ надо мною и надъ моими землями въ Польшѣ всѣ права, предоставленныя въ этой странѣ обычаемъ и закономъ господину надъ его подданными». Мотивируется это рѣшеніе такъ: «Убѣжденный, что я не могу лучше исполнить свои обязанности христіанина, какъ повинуясь тому, въ комъ мнѣ дано было познать Жизнь, Слово и Истину; убѣжденный, что, какъ полякъ, я не могу послужить лучше своему народу и всей славянской расѣ, какъ юридически и фактически ставъ подданнымъ того, кого я признаю всемірнымъ правителемъ (magistrat universel); убѣжденный, что я долженъ предоставить польскимъ эмигрантамъ, своимъ соотечественникамъ, внѣшнее доказательство своихъ чувствъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ выражало бы преданность національной и религіозной Истинѣ, а слѣдовательно и тому,—кто есть ея органъ,—я вступилъ въ подданство къ моему господину и владыкѣ и объявляю по совѣсти, что это—единственное средство быть вполнѣ свободнымъ и счастливымъ». Документъ этотъ, какъ слѣдуетъ, занумерованный, занесенный въ соотвѣтственныя оффиціальныя книги, подписанъ свидѣтелями: полковникомъ Росцскимъ, княземъ Ромуальдомъ Гедройцемъ, Михаиломъ Ходзько и Адамомъ Мицкевичемъ.

Эта жажда подчиненія, даже юридически оформленнаго, это наслажденіе отдачи себя и своей воли въ чужія руки, спокойно свѣтящееся подъ сухостью дѣловой бумаги, есть въ высшей степени характерная черта. Она насъ точно въ средніе вѣка переноситъ, когда люди отдавались въ подданство или становились въ вассальныя отношенія не только потому, что искали защиты сильнаго, а и просто ради удовлетворенія душевной потребности, ради того, чтобы подчиниться, и въ этомъ торжественномъ, пу-

бличномъ подчиненіи найти ту своеобразную «полноту свободы и счастія», о которой говоритъ Пильховскій. Тѣмъ поразительнѣе встрѣтить эту черту во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка въ средѣ людей просвѣщенныхъ, наканунѣ февральской революціи. Надо думать, что чувства, формально заявленныя Пильховскимъ, чувства, столь распространенныя въ средніе вѣка, стоятъ внѣ прямой зависимости отъ степени просвѣщенія. Они опредѣляются исключительно двумя факторами: особеннымъ настроеніемъ толпы, подготовляющимъ жажду подчиненія, и особенными чертами характера героя, придающими ему подавляющую обаятельность. Мы не знаемъ, въ чемъ состояла обаятельность личности Товянскаго; мы знаемъ только внѣшнюю сторону дѣла — самозванные титулы. Что касается кружка почитателей, то почву, благопріятную для увлеченія проповѣдью Товянскаго, составляла скорбь о судьбахъ Польши послѣ неудачнаго финала революціи 1830—32 года, въ связи съ тою смутною тревожностью умовъ, которая господствовала въ Парижѣ передъ февральской революціей. Соединеніе этихъ двухъ факторовъ — личности Товянскаго и настроенія польской эмиграціи — опредѣлило собою все явленіе. Степень образованности участниковъ этого эпизода была во всякомъ случаѣ достаточно высока для того, чтобы не допустить вѣры въ движущіеся портреты и тому подобныя наглядныя несообразности. Но эта образованность оказалась очень слабой плотиной, сравнительно съ силой напора означенныхъ факторовъ.

Ломброзо, разумѣется, объяснилъ бы исторію Товянскаго тѣмъ, что несчастный былъ маттоидъ, именно тотъ «ненормальный» человѣкъ, который своею безумною вѣрою и нераздвоенною рѣшительностью удовлетворялъ смутнымъ и неопредѣленнымъ позывамъ кучки польскихъ эмигрантовъ. Придавленная скорбью, постоянно занятая мыслью о судьбѣ родины, она съ восторгомъ встрѣтила безумца, который взялъ на себя новый починъ; за этотъ обманчивый лучъ свѣта, такъ просто разрѣшавшій сомнѣнія и колебанія, она, безконечно благодарная, отдавала себя, въ лицѣ Пильховскаго, въ полное распоряженіе маттоида: пусть онъ все возьметъ, имущество, жизнь, волю, лишь бы выйти изъ на-

пряженнаго состоянія. Все это такъ. Но необходимо при этомъ отмѣтить самозванство Товянскаго: въ томъ фантастическомъ переплетѣ, въ которомъ онъ предсталъ Мицкевичу и его товарищамъ, онъ значился и мессіей и возрожденнымъ Наполеономъ. А разъ мы наталкиваемся на самозванство, передъ нами встаетъ длинный рядъ вожаковъ, которыхъ отнюдь нельзя признать маттоидами. Къ тому же результату подходимъ и съ другой стороны. Имя Наполеона много говорило полякамъ, какъ по той благосклонности, какую имъ оказывалъ императоръ на словахъ, если не на дѣлѣ, такъ и по своей собственной необычайной судьбѣ. То былъ homme du destin, роковой человѣкъ, ворочавшій царствами, создававшій ихъ и низвергавшій однимъ мановеніемъ руки, чудно явившійся на аренѣ исторіи, чудно сошедшій съ нея. Но за то и не одни польскіе энтузіасты молитвенно любовались этимъ гигантскимъ образомъ, всегда дѣятельно и властно вторгавшимся въ жизнь и въ то же время увлекаемымъ какимъ-то таинственнымъ рокомъ, помимо собственной воли и власти. Разумѣется, въ полубожескомъ почитаніи, окружавшемъ Наполеона при жизни, надо выкинуть изъ счета подлую лесть тѣхъ, къ кому нашъ поэтъ обратился съ упрекомъ:

Какъ женщины, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!

Но не льстили солдаты, замиравшіе отъ восторга и съ восторгомъ умиравшіе на глазахъ императора; не льстили наши темные сектанты, «наполеоновцы», поклонявшіеся бюсту этого вождя иноземныхъ полчищъ, изъ-за котораго бѣлокаменная Москва сгорѣла; не льстили вообще люди разныхъ «племенъ, нарѣчій, состояній», или очень далекіе отъ Наполеона во времени и пространствѣ, или не видавшіе отъ него и черезъ него ничего, кромѣ горя и боли, и однако находившіе наслажденіе въ поклоненіи ему или слѣдованіи за нимъ. А между тѣмъ Наполеонъ не былъ маттондомъ. Ломброзо ставитъ его даже въ число завѣдомо «нормальныхъ» «великихъ людей».

Едва ли нужно искать въ исторіи болѣе осязательное фактическое опроверженіе теоріи, полагающей, что во главѣ всякаго

массоваго движенія стоитъ непремѣнно маттоидъ, и мы еще вернемся къ Наполеону, когда окончательно подойдемъ къ вопросу о секретѣ вліянія героя на толпу. Крупный, яркій и даже напыщенный, какъ бы подчеркнутый образъ Наполеона, конечно, разъяснитъ намъ многое. А теперь подведемъ итоги сказанному.

Мы видимъ ученаго психіатра съ большой эрудиціей, съ оригинальною и смѣлою мыслью, задавшагося благодарною задачею перекинуть мостъ отъ психіатріи къ исторіи. Въ принципѣ, подобное сотрудничество различныхъ областей знанія въ высшей степени плодотворно. И, дѣйствительно, Ломброзо далъ теорію массовыхъ движеній, во всякомъ случаѣ замѣчательную. Но, не говоря о неполнотѣ и бездоказательности самыхъ ея основаній, въ ней все-таки сказался спеціалистъ психіатръ, слишкомъ склонный выдвигать впередъ значеніе своей спеціальности. Кажется, ясно, что признавать вожаковъ, героевъ непремѣнно психіатрическими субъектами—неосновательно. Исторія представляетъ, разумѣется, множество фактовъ, способныхъ расшатать категоричность убѣжденія Ломброзо. Но особенно любопытно видѣть, какъ онъ обходитъ подобные факты въ тѣхъ случаяхъ, когда его наталкиваетъ на нихъ самый ходъ его изслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, изложенія. Такъ, заимствуя свои примѣры изъ старой и новой исторіи Италіи, онъ ни разу не поминаетъ Гарибальди, память котораго священна итальянцамъ не меньше, чѣмъ память Ріензи, и который, не будучи маттоидомъ, отличался совершенно изъ ряда вонъ выходящею способностью увлекать массы. Установляя въ книгѣ «Геній и сумасшествіе» ограниченія для положенія о родственности этихъ двухъ явленій, онъ приводитъ, между прочимъ, Наполеона, какъ образчикъ «нормальнаго» великаго человѣка; а въ книжкѣ «Два трибуна», утверждая, что только «ненормальный» человѣкъ можетъ вызывать энтузіазмъ въ толпѣ, совсѣмъ забываетъ о Наполеонѣ. Наконецъ, анализируя характеръ маттоида, Ломброзо, такъ сказать, трогаетъ локтемъ идею самозванства и, однако, оставляетъ совсѣмъ безъ вниманія обширную группу самозванцевъ, дѣятельность которыхъ не носитъ никакого отпечатка разстроеннаго духа и которые по одному этому не подходятъ

подъ понятіе маттонда. Такъ ведетъ свое дѣло спеціалистъ-психіатръ.

За то относительно политическихъ самозванцевъ насъ выручаетъ другой ученый, г. Брикнеръ. Г. Брикнеръ есть историкъ въ вульгарномъ смыслѣ слова. Но на этотъ разъ онъ пожелалъ расширить рамки своей спеціальности, онъ пишетъ «естественную исторію претендентовъ», какъ опытъ обработки чисто историческаго матеріала по типу естественныхъ наукъ. Я думаю, что историкъ можетъ и долженъ въ широкихъ размѣрахъ пользоваться данными и выводами естественныхъ наукъ, но что разныя области знанія требуютъ разныхъ пріемовъ изслѣдованія. Не вижу, однако, надобности входить теперь въ подробныя доказательства этого положенія, потому что г. Брикнеръ, собственно говоря, никакой обработки своего матеріала не даетъ и даже самый-то матеріалъ свой совершенно произвольно урѣзываетъ. Если Ломброзо, въ качествѣ психіатра, упускаетъ изъ виду всѣхъ *не-больныхъ* вожаковъ массовыхъ движеній, въ томъ числѣ и всѣхъ самозванцевъ, какъ понимаетъ это слово вульгарная исторія, то г. Брикнеръ, въ качествѣ вульгарнаго историка, цѣликомъ умалчиваетъ какъ разъ о тѣхъ «претендентахъ», которые занимаютъ Ломброзо. Для него лже-мессіи уже не самозванцы, точно такъ же, какъ претенденты на новые, дотолѣ не существовавшіе престолы — не претенденты. Сверхъ того, задавшись главнымъ образомъ классификаціей претендентовъ, г. Брикнеръ не усмотрѣлъ или не отмѣтилъ разницы между самозванцами, выдвигаемыми игрою политическихъ и придворныхъ партій, и самозванцами, опирающимися исключительно на настроеніе массъ.

Насъ занимаютъ геров и толпа, ихъ взаимныя отношенія и условія ихъ появленія на исторической сценѣ. Въ первомъ письмѣ мы видѣли, что задача эта неразрѣшима съ помощью двухъ наиболѣе широкообъемлющихъ современныхъ научныхъ доктринъ — теоріи Дарвина и теоріи единства силъ. Мы видѣли, что попытки рѣшить задачу, при помощи этихъ двухъ теорій, составляющихъ гордость современной науки, обходятъ вопросъ, под-

лежащій разрѣшенію, и, въ концѣ-концовъ, успокоиваются на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Мы не искали попытокъ слабыхъ и, слѣдовательно, удобныхъ для опроверженія; да и зачѣмъ бы намъ это было? мы взяли новѣйшее изъ того, что выставила европейская наука, и убѣдились, что дѣло здѣсь не въ личныхъ промахахъ и недостаткахъ изслѣдователей, а въ коренныхъ чертахъ самыхъ теорій, пущенныхъ ими въ ходъ. Въ этомъ второмъ письмѣ мы опять-таки взяли то, что могли взять, и хотя должны были остановиться на промахахъ и пропускахъ изслѣдователей, но при этомъ отмѣтили и общую черту современной науки. Это — бѣда отъ излишней спеціализаціи разныхъ областей знанія; бѣда, прорывающаяся даже въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователь хорошо вооруженъ и имѣетъ благое намѣреніе выглянуть за заборъ, отдѣляющій его спеціальность отъ сосѣдей. Во всякомъ же случаѣ мы, по крайней мѣрѣ, у Ломброзо кое-чему научились. И вы позволите мнѣ закончить настоящее письмо такъ.

Представимъ себѣ, что г. Брикнеръ, Ломброзо и мы съ вами, читатель, приглашены высказаться въ примѣненіи къ одному какому-нибудь конкретному историческому примѣру, гдѣ фигурируютъ претенденты и самозванцы, гдѣ есть массовое движеніе, гдѣ, наконецъ, есть герои и есть толпа. Положимъ, что намъ для этого указанъ рядъ возстаній римскихъ рабовъ.

Предоставивъ слово г. Брикнеру, мы услышимъ... мы ничего не услышимъ, ибо вышеупомянутые Эвнъ или царь Антіохъ, Сальвій или царь Трифонъ для г. Брикнера не претенденты и не самозванцы. И дѣйствительно, онъ о нихъ не упоминаетъ въ своей «естественной исторіи претендентовъ».

Отъ Ломброзо мы услышимъ, напротивъ, очень много, потому что всю свою психіатро-зоологическую теорію онъ могъ бы до мельчайшихъ подробностей приложить къ возстаніямъ римскихъ рабовъ. Вся масса рабовъ представляла бы группу людей «нормальныхъ» въ силу консерватизма, съ которымъ они переносятъ свою тяжелую участь. Эвнъ, Сальвій, Атеніонъ съ ихъ репутаціей людей, устами которыхъ говоритъ божество, съ ихъ стран-

ностями, чудачествами, напыщенной царственной обстановкой, но въ то же время съ ихъ героическимъ самоотверженіемъ и обнаруженными ими административными и военными талантами, не разъ посрамлявшими римлянъ, представляютъ великолѣпные образчики маттоидовъ. И, такимъ образомъ, психіатро-зоологическая теорія будетъ блистательно оправдана, но при этомъ будетъ какъ-то забытъ Спартакъ.

Что же касается насъ съ вами, читатель, то мы, конечно, подивимся молчанію историка и поблагодаримъ психіатра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы скажемъ психіатру слѣдующее:

Вашъ общій тезисъ о нормальныхъ свойствахъ человѣчества мы имѣемъ право и даже должны пропустить мимо ушей, потому что вы его не доказали, а только сказали. Затѣмъ Эвнъ, Сальвій, Атеніонъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ маттоиды, но, за отдаленностью времени и скудостью историческихъ свидѣтельствъ насчетъ подробностей, мы этого съ увѣренностью сказать не можемъ. Ихъ самоотверженіе и ихъ таланты засвидѣтельствованы фактами, но главная характеристическая черта маттоида — разстройство умственныхъ способностей, «тронутость» не доказана. Весьма вѣроятно, что они просто лгали, притворялись юродивыми и прорицателями, дабы поддержать свой престижъ. Но престижъ этимъ сознательнымъ или искреннимъ самозванствомъ во всякомъ случаѣ поддерживался, и это очень характерно для героевъ и толпы. Толпѣ, повидимому, дѣйствительно нужно, чтобы вожакъ дѣйствовалъ во имя чего-то высшаго и далекаго, чтобы онъ предъявилъ или въ себѣ воплотилъ нѣкоторую санкцію предпринятаго движенія, на чемъ и держится всякое самозванство, какъ религіозное, мистическое, такъ и политическое, житейское. Это — черта, но не необходимая черта, потому что въ той же серіи возстаній римскихъ рабовъ мы знаемъ гладіаторскую войну, въ которой предводитель рабовъ Спартакъ не выдавалъ себя за пророка, не прибѣгалъ къ фокусамъ и чудотворству и вообще велъ свое дѣло отъ своего собственнаго лица. И вотъ почему вы, психіатръ, подчеркивая «тронутость» Эвна, Сальвія и Атеніона, со-

всѣмъ умолчали о ничуть нетронутомъ Спартакѣ. Поэтому, далѣе, мы примемъ вашу психіатрс-зоологическую теорію къ свѣдѣнію, но не можемъ признать ее достаточною для объясненія всѣхъ массовыхъ движеній.

За дальнѣйшими поисками разгадки нашей задачи намъ пришлось бы сдѣлать довольно большое отступленіе въ совсѣмъ другія научныя сферы.

